

Светлана Семенова

ГЛАГОЛЫ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Светлана Семенова

**ГЛАГОЛЫ
ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ**

Литературно-издательское агентство «Академический Проект» в год 2000-летия христианства предлагает вниманию читателя книгу Светланы Семенович «Глаголы вечной жизни: Евангельская история и метафизика в последовательности Четвероевангелия». Вбирая в себя достижения многовековой христианской экзегетической литературы, эта книга представляет в живом рассказе, полном глубокомысленных сюжетов, образов, деталей и их толкований, жизнь, учение и дела Иисуса Христа. Евангельская история в ее символической, метафизической, психологической глубине прослежена в хронологической и логической последовательности четырех Евангелий. Тонкое, исследовательское знание автором русской религиозной, христианской философии, творческое вникание в ее суть вносят новые, современные акценты в трактовку основных евангельских событий, Христовых чудес и притч, Его крестного подвига. Книга «Глаголы вечной жизни» может быть полезна многим: тем, кто читает и изучает вечную книгу, кто вдумывается в суть новозаветного благовестия, открытого для все более глубокого освоения и уяснения на пороге третьего тысячелетия христианства.

«Академический Проект»

4644

**К 2000-лѢТНЮ
Рождества Христова**

Светлана Семенова

ГЛАГОЛЫ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Евангельская
история и метафизика
в последовательности
Четвероевангелия

МОСКВА
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
2000

УДК 23
ББК 86.37
С 30

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Вячеслава и Виктора Разиновых*

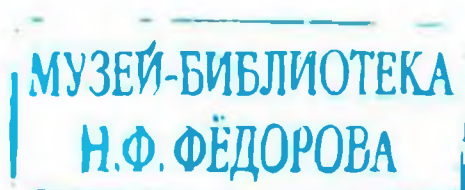
Семенова С.Г.

С 30 Глаголы вечной жизни: Евангельская история и метафизика в последовательности Четвероевангелия. М.: Академический Проект, 2000. — 479 с.

ISBN 5-8291-0005-3

В год двухтысячелетнего юбилея христианства эта книга вновь обращается к самой главной, неисчерпаемой в своей мудрости Книге, четырем каноническим Евангелиям, Благой Вести величайшей мировой религии, лежащей в основе цивилизации и культуры огромного мирового региона. Жизнь Иисуса Христа, евангельское повествование выстраиваются в ней в событийной и логической последовательности Четвероевангелия, как она была установлена экзегетикой и исторической наукой. Для более объемного, живописного представления евангельской истории во всем многообразии ее лиц, событий, реалий привлекается церковное предание, литургическое, иконописное творчество, апокрифы, исторические сочинения... В толковании Евангелия автор опирается на широко представленную экзегетическую традицию учителей и отцов Церкви, русскую религиозно-философскую мысль.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 23
ББК 86.37

ISBN 5-8291-0005-3

© Семенова С.Г., 2000
© Академический Проект, оригинал-макет,
оформление, 2000

Рэму и Виктору Вяхиревым
в знак признательности за вклад в дело
духовного возрождения России
посвящается

*Вячеслав и Виктор
Разиновы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Величайшая книга всех времен и народов, Евангелие от свв. Матфея, Марка, Луки, Иоанна — книга *открытая*, открытая на вникание, понимание, толкование, прозрение, исполнение... Сколько веков уже ее читают, переживают, изъясняют, расписывают узорами духовного красноречия, вдохновляются на подвиг служения и на творчество — утешаются и озадачиваются ею! Нечто непостижимое, взрывающее эвклидов ум и вместе бесконечно обнадеживающее для смертного человека явлено нам здесь: Бог Сын, вторая предвечная ипостась Святой Троицы, сходит в наш земной мир, Бесконечное и Невместимое вмещается в ограниченную плоть, в конкретное историческое время, соединив в Себе нераздельно и неслиянно Божественную и человеческую природы. Придя на Землю с *Благой Вестью* (так и переводится слово «Евангелие») о Царствии Небесном, новом, бессмертном, обоженном порядке бытия, куда приглашается род людской, усыновленный Богу, Иисус Христос доказывал истину Своего Слова как проповедью и учением, так и главное, *делами*, чудесами покорения стихий, исцеления и воскрешения, и наконец, собственного Воскресения, ознаменовавшего победу над смертью, искупление добровольной жертвой людей от первородного греха. И неслыханным обетованием, призывом к активности самих сынов человеческих в осуществлении Божьего дела исцеления бытия от его хаотических, смертоносных начал прозвучали при этом слова Спасителя: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня,

дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12).

Господствующим в толковании смысла Священного Писания св. отцами является принцип прообразованности: Ветхий Завет рассматривается как пророческое предъизображение Нового Завета, а Новый Завет проецируется на будущее самого рода человеческого, вставшего на пути Божии, пути к Царствию Небесному. Собственно этот же принцип проводил прежде всего Сам Иисус Христос, а из апостолов наиболее последовательно — ап. Павел. «Вся история, от сотворения мира до Второго Пришествия, — размышляет уже современный нам духовный пастырь, — есть час человека, когда человек должен принести плоды творения, должен довести творение до его полноты, воссоединить тварь с ее Творцом».¹

Такой положительный вариант разрешения мировой драмы через историю как работу спасения, когда человечество опознает себя орудием осуществления воли Божией в творении, становясь соратником Богу, обдумывала русская религиозная философия конца XIX — первой трети XX века. Изъяснение Евангелия, которое дается в предлагаемой книге, основывается прежде всего на экзегетической традиции учителей и отцов Церкви, учитывая то активное понимание христианской Благой Вести, что следует из русской религиозной философии.

Только четыре Евангелия Церковь признала богодухновенными, созданными под прямым наитием Св. Духа. Первые три Евангелия, от Матфея, от Марка и от Луки, во многом совпадая в плане и содержании изложения (отчего и называются «синоптическими», от греч. «синоптикос» — обзримый, сводный), вносят в Четвероевангелие — каждое — уникальные детали, свой смысловой акцент, а Иоанн, создавший, по определению Климента Александрийского, «Евангелие духовное», дополнил других священнописателей «учением о Божестве Христа», которому иначе, как выразился свт. Иоанн Златоуст, «угрожала опасность остаться нераскрытым»². Тем не менее, читая их, вы найдете какие-то не-

¹ Антоний, митрополит Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Проповеди. Париж. 1982. С. 127.

² Свт. Иоанн Златоуст. Избранные творения. Толкование на св. Матфея евангелиста в двух книгах. Кн. 1. М. 1993. С. 9.

совпадения подробностей, некоторые противоречия в изложении последовательности евангельской истории — все это было попущено Господом в уважение человеческой свободы восприятия и переживания вещей, в том числе и вещей божественных. Авторские индивидуальности, особая наводка взгляда, свой оборот речи, духовные пристрастия и частные цели (скажем, тот или иной тогдашний адресат) не были стерты, и тем богаче, стереоскопичнее выступило единство метафизического смысла Предприятия.

До сих пор важной проблемой при изучении Евангелий является их согласование, с тем чтобы получить связную картину событий земной жизни Христа, Его трехлетнего служения. Уже во второй половине II века ученик одного из первых христианских апологетов Иустина Философа (Мученика) Татиан, по прозвищу Сириец, создал так называемый «Диатессарон» («Евангелие от четырех»), симфонически согласовав в нем все канонические Евангелия в единое повествование. Это утраченное произведение в свое время заслужило значительный авторитет, два с лишним века его использовала Антиохийская церковь, а св. Ефрем Сирийский написал на него толкование, которое не раз будет цитироваться далее. Условно говоря, наша работа является современной исследовательской «Диатессарон», когда евангельские лица и факты представляются и толкуются не по отдельным Евангелиям, а в той событийной и логической последовательности Четвероевангелия в целом, которая была выстроена усилиями экзегетики и исторической критики.

Главными для нас были сами евангельские тексты, бездонные в своей умной и строгой глубине. Но привлекается и устное предание, легенды, апокрифические евангелия, толковательная мудрость святых отцов, молитвенное, богослужбное творчество, иконописное «умозрение в красках», все то, что иногда слегка наивно и фантастически, но чаще всего духовно озаренно, открыв внутреннее зрение вещам божественным, идет навстречу потребности не только изъяснить богословские тонкости, но и детально, красочно вообразить течение и связь священных событий, раскрыть характеры, душевные движения и реакции евангельских персонажей, и самое существенное — увидеть суть евангельского задания человечеству.

ΠΡΟΛΟΓ

Андрей Рублев. Спас в силах. Икона. 1410–1415 гг.

Мы начинаем с Пролога к Евангелию от Иоанна: недаром почитается он в христианской Церкви фактическим введением во все Четвероевангелие, раскрывшим в поразительном, богооткровенном сокращении и премирнонадмирное бытие Божественной Троицы, и самую суть явления на Землю второй Ее ипостаси, Бога Слова, Сына Божия.

Кто был автором последнего из четырех канонических Евангелий, с древнейших времен в Церкви не сомневались: им был признан св. Иоанн, младший сын рыбака Зеведея и Саломии, скорее всего сестры Девы Марии (так что Иоанн приходился Иисусу двоюродным братом по земной Матери), какое-то время последователь Иоанна Крестителя, затем любимый ученик Христа, удостоенный быть свидетелем — с тремя ближайшими апостолами — самых великих, мистериальных моментов Его жизни, возлежавший на Его груди во время Тайной Вечери, кому Иисус с креста завещал попечение о Своей Матери. После вознесения Спасителя проповедовал в Иерусалиме, совершил несколько миссионерских путешествий в Самарию и Рим, был заключен во время гонений на острове Патмос, где ему явилось откровение последних судеб мира, переданное им в Апокалипсисе, наконец, поселился в Эфесе, где вел борьбу против появившихся лжеучений гностического толка, написал три соборных послания, входящих в новозаветный канон, и уже незадолго до смерти, последовавшей в начале II в. н. э., когда ему было сто лет, по многочисленным просьбам учеников (среди которых были св. Поликарп, св. Папий, св. Игнатий), малоазийских епископов и верующих написал свое Евангелие. По преданию, совершил он этот духовный подвиг, ознакомившись с уже имевши-

мися тремя Евангелиями и подтвердив их истинность, в состоянии особого благодатного вдохновения.

«Возлежа во время Тайной Вечери на персях у самой Мудрости, — писал о св. Иоанне византийский монах XII в. Евфимий Зигабен, — он почерпнул такое знание, какого не получил никто другой. И поистине он гремел с неба¹ и возглашал из сокровищниц Духа Святого, но не потому, что он громко говорил, а потому что говорил о возвышенном и что языком его управлял Дух Святой»². Бросающееся в глаза отличие Евангелия от Иоанна, недаром получившего имя Богослова, — пространные беседы Господа о тайнах Божественного бытия, о Боге Отце, о Святом Духе, о Себе Самом, о Своем искупительном Деле, о главном обетовании восстания из мертвых... Но хотя у Иоанна нет такого обилия конкретных эпизодов, бытовых реалий и деталей, притч, как у синоптиков, его Евангелие, центрирующее повествование на трех путешествиях Иисуса в Иерусалим, дает четкие хронологические рамки земного пути Спасителя. Читая лишь синоптиков, можно было бы прийти к неверному заключению, что этот путь длился лишь год, увенчиваясь Пасхой в Иерусалиме. Именно Иоаннова хронологическая схема дает возможность расположить на ней события других священнописателей, одновременно наполнив эту схему конкретной плотью служения в Галилее, Иудее и Заиордании. Однако главное в другом — Евангелие от Иоанна, раскрыв миру богосознание Иисуса Христа, стало завершением здания евангельской веры, скрепив его неразрушимым духовным цементом.

С первых слов Пролога к Евангелию великий старец, воистину, взорлил (не случайно ему и был придан символ орла), как писал блаж. Августин, «не только выше земли и воздушных пространств и видимого неба, но даже выше ангелов и всех невидимых сил, и вознесся к Тому, Кем сотворены все вещи»³. Итак, звучат

¹ Толкователь имеет в виду прозвище братьев Зеведеевых, Иоанна и старшего Иакова (будущего апостола), — «Воанергес», «сыновья громы», данное им за порывистую пылкость их юных характеров, перешедшую в ревностное служение Иисусу.

² Евфимий Зигабен. Толковое Евангелие от Иоанна, составленное по древним святоотеческим толкованиям византийским. Пер. с греч. Киев. 1887. С. 1.

³ Цит. по: М. Барсов. Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия. Симбирск. Т. 1-2. 1890. С. 78.

величественные, таинственные и таинственно-бездонные слова, какие-то первослова, будто огласившие первозданную безбрежную пустоту универсума: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Это «в начале», «ин архе», *в начале начал* не значит какого-то начала временного ряда, как мы обычно понимаем такое выражение. Интуиция учителей и отцов Церкви, ее духовных светильников, проникая в этот стих, выводила это «начало», напротив, в *безначальный* эон вечности, находящийся еще до творения мира, и только по отношению к этому будущему творению в его уже временном развертывании этот эон и определен как «в начале».

В вечности Божественного, до-временного бытия началом начал было Слово, Логос (по-гречески), и оно «было у Бога», находясь с Ним в самом непосредственном личном касании, в теснейшем единении и внутреннем общении, *раздельно-нераздельно* совмещенным с Ним, являясь при этом Само Богом¹. Это «было» («бе») — в настоящем времени *есть* (есмы) — в своем онтологическом первозначении всегда соответствовало в Библии понятию Бога. Он, как причина всякого существования, Единственный в бытии, действительно, *есть*, в абсолютном, самоопорном, вечном смысле. Недаром на вопрос Моисея: «Как ему имя?», Господь отвечает при явлении в неопалимой купине: «Я есмь Сущий (Ягве)» (Исх. 3:14). «Я есмь», — дважды повторяет и Христос иудеям Свое божественное самоопределение.

В древнегреческом умозрении понятие Логоса прошло сложную интеллектуальную эволюцию от первоначального значения пустых, обманчивых словес до божественного разума мира, проникающего в каждое существо и вещь творения и одушевляющего их. *Логос*² же стал в центре философско-богословской системы иудея Филона Александрийского (I в.), где он значил и разум Бога, средоточие Его сил и энергий, и совокупность первообразов творе-

¹ Кстати, русский перевод «И слово было Бог» недвусмысленно передает суть этого стиха в оригинале, тогда как церковно-славянский вариант: «Бог бе Слово» — адекватно прочитывается только при смысловом ударении на слове «Бог».

² См. подробнее в двух капитальных трудах: М. Д. Муретов. Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о Логосе. М. 1885; С. Н. Трубецкой. Учение о Логосе в его истории // С. Н. Трубецкой. Собрание сочинений. Т. IV. М. 1906.

ния, содержащих в идеальном предсуществовании весь мир в многообразии его существ, но вместе — существо сотворенное, посредника между Богом и творением, подчиненное орудие Бога, Его верховного ангела.

Прийти же к такому видению Логоса, как у св. Иоанна Богослова, невозможно путем лишь философско-логического развития этой идеи или ее богословско-умозрительной обработки, как то происходило в истории сначала греческой мысли, затем в филолизме и далее в неоплатонизме. Да, учение Филона было достаточно известно в образованной христианской среде, и более того, первые зерна христианской веры в Эфес принес Аполлос, ученый из Александрии, где творил Филон и была его школа. Однако тот скачок, который осуществила мысль евангелиста к узрению в Логосе, Слове живого Личного Бога, Творца и Спасителя мира, возможен лишь в сверхлогическом чудесном прозрении, которое дает откровение свыше.

Это откровение Слова начнет раскрываться далее в Прологе, а затем в речах Иисуса о Самом Себе, — как Сыновняя ипостась Единого Бога, а еще позднее, прежде всего усилиями великих каппадокийцев IV в, святых отцов Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, завершится формированием догмата о Святой Троице, утвержденного на втором вселенском соборе 381 г. как Никео-Цареградский символ веры (одна природа, единственность, но три ипостаси, три лица). Надо отметить, что в Прологе речь идет пока о первых двух ипостасях Троицы, Боге Отце и Боге Сыне, тогда как третья ипостась, Дух Святой, будет явлена Иисусом уже на Тайной Вечере, в прощальной беседе с учениками. Впрочем, некоторые святые толкователи усматривали уже в Иоанновом Прологе откровение всех трех Божественных Лиц, что увидим далее.

Слово, Логос для обозначения Сына Божия впервые (и единственно) во всем Новом Завете встречается только у св. Иоанна Богослова в его Прологе, а до того в хронологически более ранних текстах того же апостола: в Откровении, где рисуется будущее явление в славе Мессии, Христа Судии: «Имя Ему: СЛОВО БОЖИЕ», «ЦАРЬ ЦАРЕЙ И ГОСПОДЬ ГОСПОДСТВУЮЩИХ» (Откр. 19:13,16), и в самом начале его Первого соборного послания, где Тот, Кого еще совсем недавно ученики слышали, видели и

осязали, назван «Словом жизни» (1 Ин. 1:1). И тот же св. Иоанн заложил твердые, ясные основы учения о троичности Бога: «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Эти три суть едино» (1 Ин. 5:7).

Сыновство Логоса, Его рожденность от Отца — при единственности и равночестности Отцу — были одним из первых камней преткновения для христианского догматического сознания. Вокруг этого фундаментального утверждения веры, как известно, и роились всевозможные ереси и уклоны. Надо было вместить парадоксальную идею совершенно не природного, не земного рождения, а сверхприродного, более того *до* и *над*временного («выше времен и веков» — свт. Иоанн Златоуст), не содержащего в себе нашей, столь хорошо известной последовательности: сначала отец, потом сын, — иначе говоря, идею *рождения* Сына и бытия Отца и Сына *превечно и совечно*. Сын рождается превечно и всегда был в отношении к Отцу в ипостаси Сына.

Святые отцы сразу же вывели умозрение о Божественном бытии за логику природно-естественных вещей. Ведь и само время творится Богом, и к Нему Самому в Его превечном бытии не применимы никакие *прежде* и *после*. Свт. Иоанн Златоуст, пытаясь приоткрыть человеческому разумению такие чудные, вышеестественные и неместимые вещи, прибегает к природной аналогии одновременного и нераздельного существования солнца и солнечного света: «Мы никогда не можем сказать, что оно (солнечное сияние. — С.С.) существует после солнечного естества, потому что и солнце никогда не является без сияния»¹.

Богооткровенные глаголы своего Пролога св. Иоанн направлял и против еретиков своего времени, в частности некоего Керинфа, проповедника раннего гностицизма² с его представлением о

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Избранные творения. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова в двух книгах. Кн. 1. М. 1993. С. 35.

² Св. Иринея, ученик св. Поликарпа, в свою очередь ученика св. Иоанна Богослова, т. е., так сказать, духовный внук автора четвертого Евангелия, так определял воззрения этого еретика: «В Азии некто Керинф учил, что мир создан не первым Богом, но некоторою силою, совершенно отдельною и далеко отстоящею от того начала, которое выше всего, и не знающего Всевышнего Бога» (цит. по: М. Барсов. Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия. С. 81).

посредствующем между Богом и творением вспомогательном, ограниченном демиурге. Древние экзегеты Евангелия в своих толкованиях Пролога делали упор на полемику с арианами, доказывая, говоря словами свт. Иоанна Златоуста, что «Сын не есть Бог меньший»¹.

Сильнейшим аргументом в этой полемике святых толкователей с еретиками служил следующий стих Пролога, относящийся к Богу Слово. «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:3). В отличие от книги «Бытия» здесь нет конкретной картины творения, речь идет не о произведениях Творца, а о Нем Самом, Его мощной, всеохватывающей креативной способности, что из небытия творит буквально все, все многообразие космического бытия, в том числе, как подчеркивал ап. Павел, отцы Церкви, не только видимое, но и невидимое, лишь «умом созерцаемое»: все небесные чины, включая тех, что отпали в воинство сатаны, во главе с ним самим. Недаром св. Иоанн использует такую развернутую, гениально «тавтологическую» конструкцию, упорно вбивающую мысль о творящем начале как главном атрибуте Бога, «как признаке божественности»².

Нераздельность Отца и Сына в творении мира глубокомысленно выразил митр. Филарет Московский в своем 170 Слове, произнесенном в день Святой Пасхи (когда как раз читается Пролог к Евангелию от Иоанна): с одной стороны, самое Слово «изрек единственно и вечно изрекает или рождает Един вечный Отец Слова», с другой — Оно «Само изрекло все прочие существа, не именовательно к слышанию и познанию, но существенно к бытию и благобытию...»³ Слово, Логос, по самому своему определению, содержит в себе в предвечном плане всю духовную, формообразующую, как бы *генетическую* информацию о Бытии в его целом и всех мельчайших деталях и извивах. И рождается это Слово Богом, существует «у Бога», надвременной, вечной, зиждительной Личной Причины бытия. И творится мир этим Словом, Богом

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. С. 38.

² Там же. С. 39.

³ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 4 (1836-1848). М. 1882. С. 244.

Словом¹, Его «да будет», что разворачивает эту *информацию* в конкретное многообразие тварей, сил, вещей...

Через Слово, второе Лицо Святой Троицы, Бог действует в творении мира, проявляет Себя в отношении к твари. Интересно, что перед каждым из шести дней творения звучит: «И сказал Бог»² («И рече Бог»), прямой библейский аналог творящему все Слово Пролога. (Ср.: «Словом Господа сотворены небеса...» — Пс. 32:6.) Так, по глубокомысленному богословскому различению, Бог Слово становится прямой *причиной* всякого бытия, в то время как Бог Отец является его *источником*. Два предлога выражают это тонкое различие ипостасей Божества в Его отношении к творению: *из* и *через*. *Из* указывает на источник бытия, Бога Отца («но у нас один Бог Отец, из Которого всё» — 1 Кор. 8:6); *через* — на Бога Сына, Личный Логос, непосредственную, активно действующую демиургическую причину. Когда ап. Павел, говоря об Иисусе Христе, возлюбленном Сыне Божиим как об образе «Бога невидимого, рожденном прежде всякой твари», утверждает: «Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано» (Кол. 1:15,16), то он вместе со св. Иоанном Богословом закладывает фундамент будущей зрелой догматической мысли о том, что Бог Слово, Бог Сын никак не соподчинен Отцу, не является лишь орудием осуществления Его мирозидительных замыслов (а ведь еще Ориген мог назвать Сына слугой Отца), а выступает таким же самостоятельным Лицом в творении мира, как и Отец.

¹ Прообраз учения о Боге Слове, Творце мира находится в Ветхом Завете в учении о Предвечной Премудрости Божией, которую Господь имел «прежде созданий Своих, искони», родившейся «от начала», прежде всех век, соработнице Богу в творении мира в красоте и веселии («Когда Он уготовлял небеса, я была там... когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день»), особо причастной к венцу Его творения («и радость моя была с сынами человеческими») — См.: Притч. 8:22-31. «София, как Премудрость, есть самооткровение Логоса, чрез самоопределение Второй Ипостаси, почему и воплотившийся Логос, Христос, именуется (1 Кор. 1:24) «Божия сила и Божия Премудрость»» (Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. Париж. 1933. С. 131).

² В некоторых латинских переводах Библии греческое слово подлинника Пролога *Логос* передается словом *Речь* (*sermo*), прямо соотносящимся с ветхозаветным представлением о творении мира через изречение Божьего повеления быть тому-то и тому-то: свету, небу, суше и растительности, светилам небесным, рыбам и птицам, животным и человеку.

«В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1:4). Именно это место Пролога позволило некоторым толкователям уже здесь усмотреть не только учение об ипостасях Отца и Сына, но и намек на Духа Святого — начатки целостного видения Святой Троицы. «Говоря так, — полагал преп. Симеон Новый Богослов, византийский подвижник начала XI в., — Иоанн Богослов открывает таинство нераздельной Троицы и Богом называет Отца, Словом — Сына, жизнью — Духа Святого, Который есть и свет; и опять все три лица: Отец, Сын и Дух суть единый свет, который светит во тьме, т. е. в мире сем»¹.

Обычно же это неизымаемое от Бога свойство жизни трактуется не только как качество вечного бытия, онтологического «Я есмь», не только как способность творить жизнь, но и как промыслительное охранение, поддержание уже сотворенной жизни. Вместе с тем, утверждением, что «жизнь была свет человеков», св. Иоанн открывает венцу творения высшую надежду на искупление, воскресение, обретение сыновнего, обоженного достоинства, которую принес вочеловечившийся Бог Слово. *Жизнь*, что была в Боге Слове, как и во всей Троице, — это самобытное, абсолютное, без всякого ущерба бытие, оно качественно разнится от той жизни, что стала принадлежностью тварных существ после грехопадения, жизни *заимствованной*, смертной, греховной. По-настоящему называться жизнью может только божественный тип бессмертного, совершенного бытия. Так и происходит в Евангелии, где Жизнью называется Сам вочеловечившийся Бог, Он — *Начальник Жизни*, с Ним и в Нем «жизнь явилась». «Свидетельство это состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и эта жизнь в Сыне Его. Имеющий Сына Божия имеет жизнь; не имеющий Сына Божия, не имеет жизни» (1 Ин. 5:11-12), — жизнь, возвещенная в Благой Вести Христовой, равнозначна жизни воскресенной, преображенной, бессмертной.

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). В первом послании того же евангелиста чуть более пространно, с указанием на прямое божественное свидетельство повторяется это же откровение: «И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1:5).

¹ Слова преподобного и богоносного Симеона Нового Богослова // Душеполезное чтение. 1879. № 7-8. С. 371.

Никакой другой образ не выражает столь ярко и емко Божественное бытие, как образ света, — так всегда было в религиозном сознании человечества. И в Библии этот же образ вмещает то, что может хотя бы приблизительно, в некоем уподоблении, представить себе человеческое сознание о Существе, с которым его разделяет бытийственная пропасть: «Единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6:16). В поразительном по лаконизму и силе слова прозрении: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» евангелист как будто на миг приоткрывает нам первокартину таинственного до-времени, где Бог и какие-то темные сферы прабытия (первотьма, нечто вроде того, что значительно позднее великий христианский мистик Якоб Бёме усматривал как темное, хаотическое «ничто», «бездну», Ungrund), которые отступают перед Божественным Сиянием, той духовной, всепобеждающей силой Света благого Творца, которая вычленяется и стоит против тьмы и выше ее.

Четвертый и пятый стихи Пролога динамически сопрягают вселенские зоны, разделенные бездной времени: божественного до-времени («В Нем была жизнь...», «Свет во тьме светит...») и спасительного явления Бога Слова в сотворенный, уже падший и прошедший свою долгую мучительную историю мир («свет человеков»). И тогда свет уже прямо получает не только онтологическое божественное (в себе) значение, но и просвещающее человеков в их греховной тьме.

«Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете» (Ин. 1:6-8). И вот Пролог помещает нас уже в евангельские времена, когда начал свою приуготовительную проповедь покаяния Иоанн Креститель. Здесь даны те основные о нем указания, что развернуты во всех четырех Евангелиях и о чем еще речь впереди. Отметим лишь, что св. Иоанн утверждает как его посланничество свыше, так и его природу не ангела, но человека, человека с земным именем Иоанн, хотя недаром значащим «Благодать Божия» (позднее мы узнаем, что само это имя было заранее, до рождения сына возвещено его отцу Захарии). Сама новизна его служения по сравнению с ветхозаветными пророками

заключена в глаголе *свидетельствовать* — нечто иное, чем пророчествовать. Пророки предвещали события грядущие, часто далекие, точно хронологически не приуроченные, предсказываемые нередко в ключе образной, прикровенной символики. Иоанн же носит особое определение — Предтеча, т. е. идущий непосредственно перед Тем, Прибытие Которого он упреждает в своем слове. Предвещаемое событие не теряется в дали веков, как в пророческом прозрении, а уже наступает и наступило, — отсюда в страстной и грозной проповеди Иоанна такой настойчивый, можно сказать, срочный призыв к немедленному покаянию.

Евангелист особо подчеркивает, что Иоанн не был свет, чтобы его никак не путали с Тем первоисточным Божественным Светом, о котором только что говорилось. Иоанн Предтеча, как и все пророки, светил заимствованным светом, отражая в себе лишь отблеск Света истинного, вечного, более того, остался на границе между Ветхим и Новым Заветом, так и не удостоившись воспринять в полноте, как Христовы апостолы и ученики, содержание Благой Вести. Оттого и говорил о нем Иисус: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его» (Мф. 11:11).

«Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир¹. В мире был, и мир чрез него начал быть, и мир Его не познал» (Ин. 1:9-10). Итак, каждый человек, пришедший в мир рождением, начиная с самих первых людей, просвещается светом Бога, пронизывающего Своим присутствием и промыслением все творение («везде сый и вся исполняяй»). Еще ап. Павел четко указал, *как и куда* проникали лучи Божественного просвещения в мире, что «Его не познал», в мире языческом, который еще духовно не дорос до веры в Единого Бога и поклонялся многочисленным идолам: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то не имея закона, они сами себе

¹ В греческом оригинале слова «приходящего в мир» грамматически могут относиться и к «Свету», и к «человеку». Некоторые толковники (среди них свт. Кирилл Иерусалимский и блаж. Августин) относили это выражение к «Свету», другие (свт. Иоанн Златоуст, свт. Кирилл Александрийский) — к «человеку». Переводы Евангелия на церковно-славянский, русский, основные европейские языки следуют преимущественно второму толкованию, хотя есть исключения, — так, современный французский перевод отвечает чтению этого места блаж. Августином: «Этот свет был свет истинный, который, приходя в мир, просвещает всякого человека».

закон. Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:14-15). Бог всегда проявлял Себя в творении через откровение, так сказать, *естественное*, записанное как в сердце и совести человека, так и в удивительной целесообразности и красоте явленного мира природы и космоса. Он проявлял Себя и действовал даже до самого факта религиозного опознания Его в бытии — а произошло это уже в избранном народе иудейском в откровении *сверхъестественном*, когда через Моисея и пророков был дан и закон, и преуведомление о новозаветном этапе домостроительства Божия.

«Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11). Сначала, как мы видели, мысль евангелиста обобщенно объемлет весь мир, а затем переходит к конкретному месту и времени, к историко-метафизическому событию вочеловечения Бога Слова. Кто же эти «свои», к кому Он пришел? Конечно же, тот народный удел («будете Моим уделом» — Исх. 19:5), что Господь «ограждал... хранил... как зеницу ока Своего (Втор. 32:10) и хотел соделать «Своим народом и Своею славою, хвалою и украшением» (Иер. 13:11), т. е. овцы дома Израилева, среди которых Он воплотился и кому принадлежали высшие Божьи обетования. И что же? Если язычники *не познали* Его (не хватило духовных, интеллектуально-сердечных сил!), то иудеи *не приняли* Его — глагол, обличающий всю меру их добровольного волевого склонения *против*. И это при всех пророчествах и откровениях, что им уже были даны в Ветхом Завете, не говоря уже об исключительном факте буквального Божьего присутствия среди них, отмеченного Божественной проповедью, оглушительными знамениями Его Божественной мощи, чудесными делами исцеления, воскрешения и собственного Воскресения.

«А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, Он дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин. 1:12-13). В этом стихе евангелист указывает на одно из центральных требований и одновременно обетований Благой Вести, что позднее будут им раскрыты в разговоре Спасителя с Никодимом. Речь идет о призыве к *усыновлению* людей Богу, Его Царствию, новому порядку бытия, истинного, вечного и блаженного. На пути к этому высшему, *небесному* строю жизни Богу не нужны рабы, слепые орудия пусть и верховной воли, а именно сыны, проникшие в эту волю и

сознательно ее исполняющие. Такое божественное сыноположение человека, такое духовное рождение свыше не имеет ничего общего с плотским рождением — оно требует покаяния человека в его страстной вверженности в мир сей с его похотью и смертью, взаимным вытеснением и борьбой, требует пересмотра всех его ценностей, радикального переворота душевного и духовного. Главным становится сыновство не по крови и семени, не по роду и племени, а сыновство небесное, основывающееся на новой идее *личности*, уникальной и бесценной в бытии, укорененной в Боге, которой дается обетование жизни обоженной и вечной.

Оттого св. отец так глубоко онтологически восчувствует идею «просвещения» человеков Светом Божественного Логоса, развитую в Прологе, выводя ее от только нравственного поучения добродетели к горизонтам радикального преображения естества: «Просвещение есть пособие в нашей немощи, отложение плоти, последование Духу, общение со Словом, исправление создания, потопление греха, причастие света, рассеяние тьмы. Просвещение есть колесница, возносящая к Богу, сопутствование Христу, подкрепление веры, совершение ума, ключ Царствия Небесного, перемена жизни, снятие рабства, разрешение от уз, претворение состава»¹. В этом Слове свт. Григорий Богослов разделяет три типа рождения: *плотское, чрез крещение и чрез воскресение*, понимая второе, которое Церковь отождествляет с духовным рождением от Бога, как приуготовление к третьему, открывающему полноту даров сынам Божиим.

«И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. 1:14). Евангелист наконец прямо возвещает великое, парадоксально-невмещающееся в сознание событие, свершившееся в бытии: преодолевается настоящая онтологическая пропасть, нетварное соединяется с тварным, Бог Слово, Превечный, Бессмертный, Всемогуший, сходит с трансцендентных небес и в акте совлечения с Себя Божественного образа (но не природы), в акте самоистощания и самоумаления (кенозиса), совмещается с существом земным и смертным. Начатки кенотического богословия мы находим уже у

¹ Свт. Григорий Богослов. Слово 40, на святое крещение // Свт. Григорий Богослов. Собрание творений в 2-х томах. Т. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1994. С. 545.

ап. Павла: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2:6-8).

Итак, «И Слово стало плотию и обитало с нами...» («И Слово плоть бысть, и вселися в ны...») — Бог Слово воплотился, воспринял естество целостного человека, не только его тело, но и душу¹, всего человека, только без греха, иначе говоря, высшего Человека, оставаясь при этом Богом, т. е. непостижимым образом соединил в Себе, нераздельно и неслиянно (как позднее определит христианское догматическое сознание), две природы — человеческую и Божественную. Последствия такого соединения двух природ для рода людского, которому тем самым подается высший «прецедент» принципиальной возможности совмещения человеческой природы с Божественной (как позднее определил свт. Василий Великий: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом»), будут еще раскрываться для христианского сознания постепенно и в активном для самого человечества смысле.

В этом стихе Пролога св. Иоанн являет полную истину о Том, Кого представил он прежде как изреченное от вечности Слово Божие, как самостоятельное Божественное Лицо, как посредствующую инстанцию в творении и промыслении Вселенной, как источник жизни и света для всей твари, и прежде всего для человека: Слово, Логос, Свет есть Единородный Сын Божий. Вместе с тем само Иоанново «И Слово стало плотию» впервые человеческим языком выразило непостижимую премирную тайну соединения второй ипостаси Троицы с судьбами плоти, человеческого естества. Как писал о Боге Сыне прот. Сергей Булгаков: «О Нем может быть сказано, что Он предвечный Человек, человеческий Первообраз до сотворения мира, и по Его образу сотворен человек... И, как Первочеловек, Он также есть Агнец, закланный прежде сотворения мира, т. е. предопределенный стать и земным человеком. Эта мысль является основоположной для христологии, сотериологии и антропологии в их единстве... Богочеловечество и Богоче-

¹ «Плоть», «всякая плоть» в библейском словоупотреблении нередко обозначает как раз целостного человека в единстве его тела и души. См., к примеру: Ис. 40:5, Ин. 17:2, Рим. 3:20.

ловек, т. е. человечность Божества, как и божественность человечества, даны предвечно в Боге»¹.

Да, Слово в образе конкретного лица Иисуса *обитало*² на земле недолго, всего тридцать три года, но полнота ведения истины и благодати любви Его Богочеловеческой природы выплеснулась в божественную мудрость Его учения, в дела исцеления больных и калек, воскрешения мертвых, обуздания стихий, наконец, собственного восстания из мертвых — вот оно доселе невиданное землей сияние Славы Сына Божьего!

Слава Божия — одно из самых распространенных в Писании определений Божественного бытия, причем первичное Его значение вовсе не связано со славословием, прославлением Господа Его тварью, будь то ангельские чины или земные существа. Слава Бога существует в Нем Самом как имманентное качество Его бытия, как преизбыточествующая, сияющая неземной радостью полнота Его безмерных сил и возможностей: «Это есть радость Божия о Себе Самом, любование, утешение, видение Себя Самого в красоте... Бог имеет Славу о том, что достойно славы, что славно в себе самом... Это есть всеблаженство Божие, радость Божественной жизни как самопознания и самооткровения»³. В кенотически самоумалившемся до человека Сыне Божьем отблеск этой горней Славы явился в красоте Его благовестия Словом и Делом, Делом борьбы с безобразием болезнетворных и смертоносных начал падшего греховного бытия.

«Иоанн свидетельствует о Нем и восклицая говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня. И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать; ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1:15-17). Речи Иоанна Предтечи, пророка, высоко почитавшегося среди иудеев, о высшем Божественном достоинстве Бывшего «прежде» него мы еще подробнее рассмотрим далее. Особо же примечательным из излагаемого именно в Прологе было то фундаментальное для по-

¹ Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. С. 136, 137.

² Греческий оригинал этого глагола происходил от слова «скиния», что значит шатер из ветвей для временного, на срок праздника Кущей, проживания иудеев.

³ Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. С. 132.

следующей христианской мысли разделение *закона* и *благодати*, которое впервые отчетливо явилось в посланиях ап. Павла. Вообще, «благодать» — слово по-преимуществу Павлово, у евангелиста Иоанна оно употребляется только в Прологе, семенной сокровищнице всего Нового Завета. Именно по ап. Павлу, «Христос искупил нас от клятвы закона... чтобы благословение Авраамово чрез Христа Иисуса распространилось на язычников» (Гал. 3:13-14), оправдал нас перед Богом «Кровию Его» (Рим. 5:9), простил грехи силою Своего крестного подвига, подал бесчисленные духовные дары (см. 1 Кор. 12:1-11). *Благодать* — высшее искупительное и спасительное милосердие Божие, даруемое беспредельной Божесной любовью¹. И если закон, свод четких императивных предписаний, необходимый на этапе религиозно-нравственного детоводительства народа, был именно *дан*, для беспрекословного, детского послушания, то *благодать* и истина *произошли* от Самого Сына Божьего как указание на наступающий совершеннолетний период веры, веры не рабов, а сынов и друзей Божиих.

При этом *истина* — еще одна важнейшая грань нового откровения благодати. Новозаветное обетование — уже сама *истина*, полнота истинного ведения, познания Бога в Его явлении, проповеди и делах, осуществление того, что в Ветхом Завете было дано лишь как *прообраз*, «тьнь будущих благ» (Евр. 10:1). «Тени преходят, их место заступает истина», — по энергичному выражению свт. Григория Богослова. Или, как образно определил митр. Филарет Московский, тень — в Законе Моисеевом, заря — в Пророках, полное солнце истины, воссиявшее «с животворящею и чудодейственной силою»² благодати, — в земной жизни и служении Иисуса Христа.

Оттого и ждет нас от полноты истины и благодати вочеловечившегося Сына Божия «благодать на благодать». Дословно по-гречески это звучит как «благодать вместо благодати», т. е. высшая Хри-

¹ Сам св. Иоанн, кроме имени Богослова, недаром получил еще прозвание апостола любви. Св. Иероним рассказывал ученикам, что уже в глубочайшей старости, не имея возможности активно проповедовать, св. евангелист повторял одно поучение: «Дети, любите друг друга», объясняя, что это главное повеление Спасителя и, исполнив его, исполним все.

² Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. IV. С. 245.

стова благодать вместо той умаленной, что присутствовала и в законе. «И подзаконное домостроительство было делом благодати, да и самое происхождение наше из небытия», но теперь с явлением Иисуса Христа благодать, воистину, преизбыточествует: «Нам даровано не только оставление грехов... но и оправдание, и освящение, и усыновление, и благодать Духа, несравненно более светоносная и изобильная»¹, и — добавим — обетование воскресения и обожения.

«Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18). При том что Бог в Ветхом Завете мог являться в образах и подобиях (в ночном борении с Иаковом — как некто, а также в голосе, в облачном столпе, в неопалимой купине, в видении, во сне...), Сам по Себе, в трансцендентной, непреступной Своей природе, Он принципиально незрим. «Итак, никакая тварь, не только телесная, но и бестелесная не видела Бога, так как Он по существу своему невидим даже бесплотным силам, хотя они и видят Его, насколько им возможно»². На этом основан и запрет в иудаизме на какое бы то ни было изображение Бога. Сын же Божий, Единственный интимно причастный бытию Бога Отца в силу их тождественной природы (единосущие) — что и выражено св. Иоанном словами «Сущий в недре Отчем («сый в лоне³ Отчем»), — явил («исповеда»), т. е. обнаружил, раскрыл, дал такое откровение о Боге, какого еще не знало человечество, в том числе и в Ветхом Завете. К тому же, вочеловечившись, войдя в зримый, осязаемый человеческий образ, став посредником двух столь бесконечно далеко отстоящих инстанций бытия, Божественного и человеческого, Иисус Христос дал возможность через Себя (и связанный с Ним сонм святых лиц) изображать Себя и эти лица в росписи и иконе.

До того все ветхозаветные явления Господа в образах и подобиях были окружены особо грозными, устрашающими природными явлениями: землетрясениями, огнем, сильным ветром, а тут, когда оно осуществилось в человеческой плоти, — какая невиданная теофания: кроткая, милостивая, любящая!

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. С. 93.

² Евфимий Зигабен. Толковое Евангелие от Иоанна, составленное по древним святоотеческим толкованиям византийским. С. 15.

³ Считается, что само это выражение взято из восточного обычая возлежать во время трапезы головою на груди, на лоне человека, особо избранного приятелью и любовью.

**«ИБО НЫНЕ РОДИЛСЯ
СПАСИТЕЛЬ...»**

Школа Рублева. Рождество Христово. Икона. Начало XV в.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТВИЦЕ РОЖДЕНИЙ. БЛАГОВЕСТИЕ ЗАХАРИИ

Мф. 1:1-17. Лк. 1:5-25

Две первые главы «Евангелия от Матфея» и «Евангелия от Луки»¹ лежат перед нами. Эти главы стягивают в себе и тысячелетия, подготовившие явление Спасителя (Его родословие), и три десятка лет Его земного существования от Рождества до выхода на служение... Итак, Рождение, то, с чего все начинается и держится в мире, тот единственный путь, каким всякая тварь входит в жизнь, обеспечивая ее преемство и дление, — и тут же в сакральном пространстве этих двух глав мы как будто восходим по некоей качественной лестнице рождений. Первые стихи «Евангелия от Матфея» проводят нас по последовательному ряду из сорока двух родов, колен естественного природного рождения —

¹ Несколько слов об их авторах. *Евангелист Матфей* («дар Божий»), из числа двенадцати апостолов, носил имя Левий (Левий Алфеев), до призвания его Христом — сборщик податей, мытарь, создал свое Евангелие преимущественно для христиан из иудеев между 40-50 гг. По преданию, оно — единственное из четырех — было написано на арамейском диалекте древнееврейского языка, но не сохранилось, и его греческий текст (перевод), возникший между 70-80 гг., считается его подлинником. *Евангелист Лука*, родом из сирийской Антиохии, врач, один из близких учеников ап. Павла, при написании Евангелия (конец 60-х гг.) использовал уже появившиеся повествования и свидетельства «очевидцев и свидетелей Слова» (Лк. 1:2). Обращался к христианам из язычников, утверждал вселенскость Благой Вести. Недаром его родословие Иисуса начинается не от Авраама, как у св. Матфея, а от Адама, праотца всего рода человеческого. Продолжением его Евангелия стали «Деяния апостолов», написанные его же рукой.

от мужеского семени, павшего в женское лоно, — начиная с Авраама, что родил Исаака, до Иакова, родившего Иосифа.

В первой же главе «Евангелия от Луки» повествуется о рождении другого уровня и порядка: происходит зачатие и вынашивание плода, и разрешение от бремени на такой жизненной стадии родителей, когда они по естеству к этому уже неспособны, когда женская утроба, лишенная соков плодородной силы, высохшая и сморщенная, глядящая в близкий уже конец, в разложение и рассеяние, — вдруг чудесно дает побег новой жизни. Тут же — как, впрочем, и в Ветхом Завете в случае с Авраамом и Саррою, — чтобы усугубить природную невозможность рождения, женское лоно запечатывается как бы вдвойне, поистине фатально: речь идет не только о престарелой женщине, но о такой, что была бесплодной и в молодости своей. Но есть нечто выше всякого рока — воля Божия, предназначающая избранных Ею чад для исполнения Своих начертаний. Предтеча Господень Иоанн Креститель рождается от земных отца и матери, праведных и беспорочных, от священника Захария и Елисаветы, но само его зачатие отмечено сверхъестественным качеством, осуществляется через ангельское благовествование. Так из природно-профанического порядка рождений выделяется особое дитя, дитя небесного благословения, Провидения Господня, одно из избранных орудий осуществления Божьей воли в ключевых моментах Ее домостроительства. Я бы назвала такое рождение хотя и сверхъестественным, но, так сказать, первой ступени, ибо происходит оно все же от мужчины и женщины, живших в брачном сопряжении. Под определенным углом зрения это случай чудесной регенерации детородной способности; да, такое обычно невозможно в полярном векторе природной жизни, необоримо стремящей свои существа к умалению, упадку, концу, но как редчайшее или уникальное омоложение и возрождение все же представимо для земного разума, знающего подобные эффекты в неких малых, конечно, не столь радикальных дозах.

Прежде всего у Луки нам предстает редкостно подробно для канонических Евангелий описанная сцена явления Захарии архангела Гавриила. Это обилие многозначительных символических деталей здесь необходимо как прообраз будущего благовещения Деве Марии. Захарии достается кадить в Храме «по жребию, как обыкновенно было у священников» (Лк. 1:9), — то, что по человеческо-

му разумению может казаться случайным, то по Божественному — действие Провидения. Множество народа молится вне Храма, Захария внутри один, никто и ничто его не отвлекает, он весь сосредоточен на торжественном, возвышенном моменте каждения, и вот внутренность Храма обволакивается благовонным фимиамом, предназначенным возвещать Божественное присутствие. Причем через священные ароматы божественное проникает в человека на уровне особенно чувственно-телесном, пронзая его существо, можно сказать, наиболее *физиологично*. Вспомним гегелевскую классификацию органов чувств, по которой «теоретическими», дистанционными считаются два: зрение и слух, в то время как обоняние, наряду со вкусом и осязанием, осуществляет свою работу только через непосредственный, сенсуальный контакт с раздражителем.

«Одесную жертвенника кадильного возвещен был Иоанн вестником Господа, одесную сидящим», — так в своем «Толковании на Четвероевангелие» св. Ефрем Сирийский выделил этот значащий параллелизм *правой стороны*: и здесь на земле, в Храме, доме Божием, и на небе, в высшем Божественном Совете, чем подчеркнул и особое достоинство Вестника тайн горних Гавриила, который хоть и обозначается традиционно как архангел, а значит — член третьей ангельской иерархии (начала, архангелы, ангелы-хранители), но по церковному представлению принадлежит к первому ангельскому ярусу серафимов¹, непосредственно предстоящих Пресвятой Троице. Объявляя Захарии весть о рождении сына, архангел Гавриил первым делом называет его имя (так же будет сразу названо имя Иисус и Деве Марии, а позднее уже и Иосифу), т. е. тут же обозначая сущность и смысл его явления, раскрывая его миссию: преуведомительную — «предъидет» пред Господом для обращения к Нему «многих из сынов Израилевых» (Лк. 1:16,17) на радость и веселие и отцу, и народам, настоящим и будущим.

¹ Гавриил считается вторым из семи серафимов. Само название этих ангелов (по др.-евр. — «пламенеющие», «воспламеняющие») запечатлело их основную добродетель: пламенеть высочайшим градусом любви к Богу, воспаляя тем же чувством восторга, благоговения и поклонения по отношению к Творцу все духи и твари. Подробное описание горнего мира, роспись всех ангельских чинов дается в сочинении «О небесной иерархии» (V-VI вв.), автор которого традиционно скрылся под знаменитым христианским именем Дионисия Ареопагита, святого отца I в., рукоположенного в первые епископы Афин еще ап. Павлом.

Онтологическое понимание сущности имени восходит к началу начал истории творения: недаром Адам нарек именами всякую «душу живую» еще в Эдеме, и эта первая его, воистину, духовная операция, возложенная на него Богом, стала определением бытийственной предназначенности всякой твари, ее особого места и призвания в поднебесной.

Малейшая деталь евангельского текста никогда не случайна или орнаментально-описательна, она нагружена смыслами, уходящими вглубь за букву, за первые слои значений. Само возвешение о рождении Предтечи именно в тот час, когда служение в Храме уже оканчивалось (момент каждения), толкуется св. Ефремом Сириным как указание на «предел прежнего священства и служения». Захария, не поверивший сразу в реченное Ангелом, наказывается, как известно, немотой. Тот же св. Ефрем Сирин в тончайшем изъяснении этого места так смягчает вину праведного священника: само его сомнение в возможности рождения сына в столь преклонных годах (ведь знал же он подобные случаи из Ветхого Завета) не исходило из глубин сердца, а сорвалось с уст Захарии, устрешенного и смущенного блеском горнего Посетителя, оттого-то «посредством уст наказал его Ангел. Ибо если бы сердцем усумнился, в сердце его и наказал бы»¹. Богоизбранная же жена Елисавета, обнаружив случившееся с ней, радостно отдалась внезапной милости Господней, в тиши и сокрытости лелея возраставшее в ней чудесное дитя.

«РАДУЙСЯ, БЛАГОДАТНАЯ!»

Лк. 1:26-79

В «Евангелии от Луки» следующее великое благовещение — Деве Марии — прямо связывается с первым — Захарии: само явление Архангела Гавриила Деве отсчитывается от срока зачатия и вынашивания Елисаветы: «В шестой же месяц...», т. е. когда будущий Иоанн Предтеча уже оформился в основных младенческих предродовых чертах в чреве своей матери. Но в случае

¹ Св. Ефрем Сирин. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. Сергиев Посад. 1914. С. 25.

с Марией мы вступаем на третью, еще невиданную миром ступень в означенной выше лестнице рождений. Прежде всего это чудесное рождение впервые благовестуется не старцу и старице или зрелой, искусомужней жене (Рахили — Быт.30:22-24, Анне — 1 Царств. 1:17-20), как это было до того, а юной Деве (по преданию — шестнадцатилетней), чистейшей и непорочной. Бог предназначен был войти в мир, вочеловечиться через прекраснейшее и достойнейшее создание Земли, выпестованное из долгого ряда поколений, ее лучший, благоуханнейший цветок.

По преданию, отразившемуся в «Книге о Рождестве Блаженной Марии и Спасителя» (так называемому «Первоевангелию Иакова»¹, приписываемому св. Иакову, сыну Иосифа от первого брака), сама Дева Мария была ребенком чуда, произошла от благочестивых, но также престарелых и неплодных Иоакима и Анны, с раннего детства была приуготована Богу, с трех лет воспитывалась в Храме, где пищу получала из рук ангелов, так что и сама Ее плоть питалась и возрастала из очищенной субстанции, не на нашей греховной, *трупной* пище, несущей в себе токсины убиенной для того жизни. На Благовещение Церковь поет об утробе девичей, «предочищенной Духом Святым»². Дева Мария дает обет девства на всю жизнь³. Какой это было неслыханной новостью, вызовом обычаям, основным ценностям израильтян, сейчас представить трудно, в христианскую эру мы привыкли к сонму девственниц,

¹ Это древнейшее сочинение II в. относят к «благочестивым апокрифам». Ценя в них следы древнего церковного предания, плоды искреннего религиозного чувства, Церковь разрешала их к домашнему чтению. Богатый материал для себя из таких апокрифов черпали церковные писатели, авторы богослужебных песнопений, иконописцы и художники. «Первоевангелие Иакова» послужило основанием для таких Богородичных праздников, как Рождество Богородицы, Введение Ее во храм.

² Зачатие девы Марии описывается в «Первоевангелии Иакова» в чертах, близких к зачатию Иоанна Предтечи. Православная Церковь, воспевая его как «преславное и святое», «сокровенное таинство», все же ни в коем случае не считает его «непорочным» (как то постановила католическая церковь в 1854 году, придя к радикальному отрицанию семенного зачатия, брачного сожителства отца и матери девы Марии). Одного только Христа православие признает вошедшим в мир совершенно новым, невиданным еще образом непорочного зачатия и рождения.

³ Сознательных девственниц Ветхий Завет вообще не знает. Лишь нескольких мужей: Авеля, в юности погибшего от руки брата, и четырех пророков (Илию, Елисея, Иеремию и Даниила) — св. отцы считают непознавшими жены.

невест Христовых. А тогда? В сокровенной религиозной глубине своего бытия народ живет напряженным ожиданием Мессии, который должен когда-то родиться в его среде, ничто так не благословенно, свято, близко к Богу, как чадородие, пестование потомства, никто так не презрен, как женщина с неплодной утробой, и сколько стенаний таких несчастных, раздавленных самым тяжким и позорным Божьим наказанием, несетя со страниц Ветхого Завета! И вдруг — такой резкий сбой, такой поворот вектора от земного «плодитесь и размножайтесь» к небесному «образу ангельскому», «указанию будущего века» (чем и является девство, по рассуждению свт. Афанасия Великого). Священники иудейского Храма — в замешательстве: раз дан обет Богу — это свято, но какой странный, в известном смысле «кощунственный» обет; в Храме Ее уже держать нельзя — выросла! — и замуж тоже нельзя — обет! И только ангельское вмешательство открывает тупик: четырнадцатилетняя дева отдается в дом благочестивого вдовца, древодела Иосифа восьмидесяти лет, избранного особым испытанием, для окружающих — как жена, а на деле — на хранение Ее девственности. Это тайное обручение оправдывается св. отцами двумя провиденциальными причинами: во-первых, укрыть до времени от сатанинских сил, от «князя века сего» осуществление события, уже прореченного Исаией о рождении Спасителя от Девы, и во-вторых, избавить Ее от неизбежного смущения иудеев, а то и предписанного законом побивания Ее камнями, если бы Она родила без богоприличного покровы брака, пусть и мнимого.

Два года прожила Мария в доме Иосифа, проводя время в уединении, молитве, чтении священных книг и рукоделии, пестуя внутреннее пространство Своей души нежной кротостью, сосредоточенно-молитвенной обращенностью к Богу, особой покорностью Его воле. Сама того не зная, Она готовила из себя Сосуд, достойный единственного в веках и зонах Божественного вселения. И вот этот величайший момент земной и вселенской истории-мистерии настал. К Деве входит Ангел со словами: «Радуйся, Благодатная!...» и благовествует Ей зачатие и рождение через Нее Иисуса, Сына Всевышнего, Царствию Которого «не будет конца» (Лк. 1:33). Евангелист Лука считает необходимым привести первую реакцию Девы на столь ошеломляюще-необычайное, превосходящее всякую земную меру и даже святой прецедент, дарование Ей свыше. «Как будет это, когда

Я мужа не знаю?» (Лк. 1:34). Дева не просто тут же простирается ниц пред реченной Ей Ангелом волей Божией, Она хочет знать, *как, каким образом* такое бессеменное зачатие с Ней, девственницей, может случиться. Это не неверие, а, если хотите, высшая вера, вера зрячая, желающая знать и понимать. Ее недоуменно-дерзостный глагол «Как будет это?» обличает Ее как существо не только чистейшее, но и ответственное, умеющее поставить Себя свободно, лицом к лицу к Богу, к Его воле. И Ангел на это не гневается, не наказывает Ее как Захарию, а тут же объясняет: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое¹ наречется Сыном Божиим» (Лк. 1:35). Можно ли проникнуть в прикровенную глубину этого божественного, таинственного процесса? Дух Святой сходит на Деву, и в этот момент «сила Всевышнего» осеняет Ее. Св. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» понимает сошествие Духа как своего рода приготовительное очищающее действие, направленное на естество Марии², «дарующее Ей силу для принятия божества Слова, а вместе и для рождения Его»³.

Надо сказать, что в центральном глаголе, избранном для обозначения таинственного зачатия: «осенять» — на нынешнее ухо несколько стерлось основное его значение — «покрывать тенью»; в своем торжественном употреблении это слово несколько метафоризировалось, означая прежде всего подачу некоей милости и благодати. Если же мы возьмем греческий оригинал, а также перевод на основные европейские языки («wird dich überschatten» (нем.),

¹ Славянский и русский перевод Евангелия опускают здесь следующие слова: «от Тебя» («рождаемое от Тебя»), которые есть во многих греческих списках, а также в переводах на европейские языки.

² Как мы уже знаем, по церковному учению, Дева Мария была «предочищена Духом Святым» со времени Своего пребывания в Храме, но только в Благовещении Она получила такое полное благодатное освящение всего Своего Существа от Святого Духа, которое уничтожило всякий след греха в Ее зачатии, чревоношении и разрешении от бремени. Так снимается тот вопрос, который неизбежно встал перед церковным сознанием: как Богородица могла быть изъята из первородного греха еще до Христова жертвенного искупления мира.

³ Некоторые отцы церкви (свт. Афанасий Великий, свт. Григорий Нисский) в «сиде Всевышнего» усматривали второе Лицо Пресвятой Троицы, в то время как другие (в частности Тертуллиан) под «Всевышним» понимали здесь Самого Бога Отца и Сына Божия, — так что вся Пресвятая Троица участвовала в акте зачатия Богочеловека.

«shall overshadow thee» (англ.), «te couvrira de son ombre» (франц.), то всюду столкнемся с одним: «Сила (мощь) Божия покрывает Тебя тенью». Казалось бы, что это за «тьень», когда Бог для нас всегда связан со Светом и Сиянием. Но дело в том, что «тьень» — «сень» в своей глубинной этимологии связана с «сиять», иначе говоря, со светом, сень — отражение света. Здесь «сила Всевышнего», творческая, зачинающая сила Бога, потому «покрывает тенью», что она предстает не в Своей трансцендентной сущности, а в своей энергии, *отраженной* в мир, в направленном нисхождении в него. (Кстати, возможно, точнее всего для понимания сюда приложимо учение свт. Григория Паламы о Божественных энергиях.)

После этих слов, полных непостижимой тайны, к которой еще приближаться и приближаться на тысячелетия и века вперед самым просветленным и изощренным богословским умам, Ангел обращается к чуду, уже случившемуся рядом, с другой женщиной, родственницей Марии Елисаветой («и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц. Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово» — Лк. 1:36-37). И это становится для Девы последним убедительным доводом — какой-то умильный след женской психологии: дайте земной сестре Марии, если не пощупать, то нечто конкретное, деталь, «шестой месяц». «Тогда Мария сказала: се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1:38). Это «да» со стороны Девы, Ее добровольный выбор, Ее свободное согласие быть избранным орудием и сосудом Божьего замысла о мире и человеке — важнейший, необходимый момент Благовещения, без него вочеловечивание Христа было бы невозможно.

Православная иконопись Благовещения — одна из самых удивительных по глубине наглядного раскрытия этого События. Именно тогда, в момент вольного склонения Девы перед волей Божьей, и происходит самый момент сверхъестественного непорочного зачатия; буквально об этом Евангелие умалчивает, а икона проявляет: в этот миг на Нее и сходит Луч с голубем или, как в «Устюжском Благовещении» Новгородской школы (конца XII — начала XIII в.), в Ее груди высвечивается образ ребенка Иисуса, который проецируется лучом силы Божией с небес, от Вседержителя, окруженного ангельскими силами. Именно этот редкий извод иконы Благовещения как бы иллюстрирует то узрение некоторых св. отцов, которое выразил и св. Иоанн Дамаскин: в процессе воп-

лощения «внешний вид» Божественного младенца создавался не понемногу, «через прибавления, но так, что он был окончен в один момент»¹, хотя этому Божественному зародышевому образу и предстояло в «утробе божественного воплощения», как поет Акафист Пресвятой Богородице, через Ее ткани и кровь *выткаться* окончательно в должный девятимесячный срок. И веретено и пряжа в руке Девы Марии, чаще всего представляемые на иконе Благовещения², и являются прообразовательным символом сокровенного *тканья* Божественного тела в Ее пречистом лоне.

Так на этой третьей ступени лестницы рождений происходит невиданное доселе зачатие не «через семя, но творческим образом, чрез Св. Духа» (св. Иоанн Дамаскин), по мысли св. отцов — прообраз и «начаток» и для человека, призванного к обожению. Как потрясает и заставляет ликовать христианское гимническое сознание, устремленное к Царствию Небесному, иному, не-природному, бессмертному, преображенному порядку бытия, нечто прямо противоположное ветхозаветному культу семени, чадородия, земной потомственной чреды: «Невеста Невестная», «Браконеискусная», «Чертог бессеменного уневещения», «бессеменная утроба» — в этих преестественных чертах «ангельское житие являющая» миру!

Что же первым делом совершает Дева Мария, уже заключив в Своем лоне семя Божественного логоса? Она тут же «с поспешностью» направляется «в нагорную страну, в город Иудин» (Лк. 1:39)

¹ Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб. 1894. С. 122.

² По «Первоевангелию Иакова», Деве Марии досталось по жребию ткань самую драгоценную ткань, настоящую багряницу (пурпур) для новой завесы перед Святым святых (ковчегом завета) иерусалимского Храма. В этом апокрифе Благовещение растянуто как бы на две стадии: вначале у колодца лишь голос Ангела возвещает Ей благословение пред Господом, а затем, чуть погодя, уже в доме благовествует Ей рождение Сына от Бога. По преданию, Мария перед явлением Ангела читала стих из пророка Исаии (7:14), пророчествующий о Ней Самой: «Се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (по др.-евр. значит: *с нами Бог*, что позднее изъяснялось св. отцами как первое указание на соединение в Спасителе Божественной и человеческой природ). Если сравнить эти две различные детали на иконах или картинах, посвященных Благовещению: книга Священного писания или пряжа, то первая имеет более учительно-дидактический оттенок, более *риторична*, в то время как образ пряжи вносит глубокий, таинственный символизм. Сам красный цвет пурпура предвизображает будущее *прядение* плоти Иисуса из крови Девы.

к Елисавете, своей старшей сестре по небесному благоволению. Но то, что ранг этого благоволения несоизмерим по своей высоте тут же обнаружил тот, кто в утробе Елисаветы уже готовился родиться будущим «другом Жениха», Предтечей Его земных путей: при виде Марии «взыграл младенец во чреве» Елисаветы, и она тут же «исполнилась Святого Духа» (Лк. 1:41), пронзенная пониманием того, *Кто* перед ней и *Кем* тяжело Ее благословенное лоно. И от своего утробного младенца, и от себя, и первая в роде людском она вдохновенно приветствует «Матерь Господа» своего (Лк. 1:42). Торжественность иконного момента кульминирует в том пророческом возвещении Девы Марии миру о Себе («ибо отныне будут ублажать Меня все роды» — Лк. 1:48), которое пока слышат только двое, но через век-другой как первая Песнь христианской эры оно зазвучит ежедневно для всех разноязыких и разновременных поколений, объединенных сводом одной Вселенской Церкви: «Величит душа Моя Господа...» (Лк. 1:46). Здесь Мария ведет речь как бы не о Себе лично и не от Себя, кроткой и богобоязненной Девы из Назарета; вознесенная на духовидческую высоту, в одном сжатом мгновении Она прозирает времена и пространства, события и судьбы прошлого и будущего, смысл борений богоизбранного народа, величие совершающегося с Ней сейчас... И завершается первая глава «Евангелия от Луки», глава великих благовестий, рождением Иоанна, разрешением от немоты его отца Захарии и вторым, после девы Марии, его исполненным Святого Духа благодарением за то, что день посещения Господня настает и мир входит в новую эру человеческой и вселенской истории, в которой его сыну уготована уникальная роль приуготовительного служения Тому, Кто грядет во спасение и прощение грехов Его народа.

ИОСИФ И МАРИЯ

Мф. 1: 18–24

В том психологическом раскрытии скупых евангельских глаголов, которое мы находим в апокрифах, у отцов Церкви, христианских писателей, особое место занял благочестивый старец, обручник Иосиф, внезапно обнаруживший, что отданная ему на сохранение Дева оказалась непраздной. Этот еван-

гельский момент особенно зацепил сочувствие и воображение (кому из земных мужей не понять состояние Иосифа!), вызвал целые сюжетные разработки и многие размышления. «Книга о Рождестве Блаженной Марии и Спасителя» («Первоевангелие Иакова») и ее вариант, получивший название «Псевдоевангелие Матфея», описывает, как Иосиф вернулся домой из Капернаума после долгого отсутствия на плотничьих работах и обнаружил юную Марию, пред чистотой которой он так благоговел... на шестом (по другому варианту — на девятом) месяце беременности. Испытание для добродетельного и богобоязненного старца было сокрушительным: в первом приступе «великого отчаяния» он бьет себя по лицу, падает на землю, горько плачет в ощущении нестерпимого стыда и позора — «лучше умереть», исторгает горькие стенания: *Как?.. Кто?..* Не похоже ли это на историю с Адамом, когда змий в его отсутствие соблазнил жену?... И страх перед Богом, что не соблюл Девы, и сомнения в Ее целомудрии, и упреки Ей и даже подозрение (во втором апокрифе), не представился ли какой мерзавец «ангелом Господним с целью обмануть Ее»¹. Мария же только уверяет несчастного Иосифа, что Она непорочна и откуда плод в Ее чреве, Она не знает. Это Ее умолчание о действительно случившемся с Ней вызвало немало толкований у св. отцов. Главное объяснение: даже под страхом наказания (а оно было у иудеев суровым, вплоть до суда и смерти виновной в прелюбодеянии) Дева не считала возможным открыть и глубоко почитаемому стражу Ее чистоты тайны Благовещения, тайны

¹ Если уж даже благочестивый Иосиф мог усомниться в Деве Марии, имея, по тому же апокрифу, столько проявлений исключительности Ее Богопреданного пути: «Зачем осквернила свою душу, ты, которая выросла в Святой святых и пищу принимала от ангела?» — то что говорить о будущих ярых врагах христиан, особенно ортодоксальных иудеях, пытавшихся злобно опорочить Деву Марию, подсесть, так сказать, в самом корне новую религию Божественного воплощения.

Известный античный противник христианства, выразитель духа эллинского хитроумия Цельс высмеивал христианство как полную нелепость и как нелепость из нелепостей — ее краеугольные догматы: непорочное зачатие и воскресение из мертвых (отрывки из его сочинений сохранились в обширных цитатах из полемического труда Оригена «Против Цельса»). В своем «Правдивом слове» Цельс со злорадством приводит измышления иудеев о своей соплеменнице: она была прямой (малоуважаемое женское занятие на тогдашний античный взгляд), согрешила с римским солдатом Пантерой (в Талмуде — Пандирой), от него и родила незаконного сына, который стал выдавать себя за сына Божьего.

Божией без Господнего на то соизволения и в глубине души надеялась на благой Божественный исход. И он не замедлил явиться. Но до того сам Иосиф нашел для себя решение. По закону Моисееву существовало точное правило: обличить неверную! Тем не менее Иосиф обличать не стал, но и покрывать грех тоже, а выбрал — «тайно отпустить» Марию (Мф. 1:19). В нескольких словах евангелист Матфей дает сильнейшее свидетельство характера Иосифа, начатка в нем нравственности, перерастающей ветхозаветную: *не суди!* Явись ему Ангел немедленно, не оставив ему пусть небольшой и недолгой, но кромки свободы, какой тогда выбор, как узнать цену человеку, если над ним довлеет только Божественная необходимость? Именно тут, в поле сомнения и незнания, в поле свободы выбора, испытывается характер и нрав Иосифа. Ангел же возвестил ему во сне тайну Божественного Провидения, действующего через Его жену по обручению, и значит и через него самого, лишь после того как он с честью выдержал испытание, нашел лучший, можно сказать, уже христианский выход для такого положения (своего рода прообраз будущего отказа Иисуса бросить камень в заблудшую женщину).

В отличие от канонического Евангелия апокриф не останавливается на разъяснении Ангела: да, сам Иосиф уже уверился, он кается перед Марией: «Я согрешил, ибо у меня было подозрение против Тебя», но мир окружающий — еще нет, и, по доносу книжника Анны, первосвященник проводит в Храме над Иосифом и Марией еще одно особое испытание «горькой водой, наводящей проклятие» (Числ. 5:19, где и был описан этот обряд обличения неверной жены), из которого оба выходят полностью оправданными. А вот какими сильными глаголами Акафист Пресвятой Богородице в один стих вмещает всю амплитуду испытания чувств Иосифа: «Бурю внутри имея помышлений сумнительных, целомудренный Иосиф смятется, к Тебе зря небрачней, и бракоокрадованную помышляя, Непорочная; уведев же Твое зачатие от Духа Свята, рече: Аллилуиа». И на иконах Рождества, где удивительно собраны рядом в едином священном пространстве различные версии и лица этого великого события — из обоих Евангелий, от Матфея и Луки, из предания и апокрифов, — всегда в уголку есть место глубоко задумавшемуся Иосифу, которого, как полагают, смущает дух богопротивного сомнения (враг рода человеческого)

в виде некоего пронырливо-въедливого старца в звериной шкуре. Этот момент сомнения предшествует, как мы знаем, рождению Божественного младенца и благополучно проходит Иосифом, но иконописное сознание считает необходимым зафиксировать этот психологический, «слишком человеческий» мотив и навечно ввести его в сакральный комплекс Рождества Христова.

РОЖДЕСТВО

Мф. 1: 24-25; 2: 1-12.

Лк. 2: 1-20

Рождение Иисуса в канонических Евангелиях обозначено целомудренно кратко: «Родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода» (Мф. 2:1), «родила Сына Своего первенца» (Лк. 2:7). У Матфея место рождения обозначено «в доме», у Луки — «в яслях», «потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2:7) Вифлеема, месте рождения царя Давида, куда из Назарета для объявленной кесарем Августом переписи населения прибыл Иосиф, как принадлежащий к роду Давидову, вместе с Марией, бывшей уже на сносях.

Но самое широкое хождение получила версия предания, апокрифов, некоторых христианских писателей о рождении Иисуса в пещере, то ли на полпути в Вифлеем, то ли на его окраине. Неканонический образ пещеры, наполнившейся при рождении Младенца необыкновенным светом, явил такой убедительный материальный символ Христа — Света, воссиявшего в мире тьмы, греха, незнания (пещера), оказался одновременно столь зримо-впечатляющим и вместе богословски-нагруженным, что именно «умозрение в красках» — иконопись и церковная живопись — восприняли его особенно охотно. Впрочем, иконы Рождества, как уже отмечалось, мудро совмещают в себе все богатство вариантов: и пещеру, и ясли, и пастухов, явившихся на поклонение Богородице по ангельскому извещению, и волхвов, пришедших с Востока по явлению звезды и принесших свои дары: золото (символ власти, как Царю), ладан (знак священства, как Первосвященнику) и смирну (знаменующую жизнь и смерть, как жертве искупления, как

Пророку); тут же и повивальная бабка, и Саломея, по апокрифу, дерзнувшая проверить сохраненное Марией и после родов девство (за что была наказана иссохшей рукой, исцеленной по прикосновению к Младенцу), тут и звери, предреченные еще пр. Исаией («Вол знает владетеля своего и осел ясли господина своего» — Ис. 1:3), присоединившиеся к общему поклонению Иисусу.

Общим для всех Евангелий, канонических и неканонических, является та грандиозная космическая рамка, в которой происходит это Единственное, Величайшее событие. У Матфея восточные волхвы возвестили рождение Царя Иудейского, Спасителя мира через явление небесное, космическое — необыкновенную звезду, которая как будто сама управляла своим движением: сначала показала себя на небе как знамение Рождества¹, затем скрылась и вновь явилась, указывая волхвам путь в Вифлеем, «шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец» (Мф. 2:9). Картина шествия звезды-поводыря поражает своей удивительной поэтичностью, какой-то интимно-одушевленной причастностью такого вроде бы далекого и холодного небесного тела, как звезда, к происходящему в малом, забвенном всеми месте небольшой планеты. Поистине, небеса склоняются над убогими земными яслями, в которые уткнули свои теплые морды ласковые бессловесные твари — вол и осел. Такой гигантский диапазон горних и сугубо земных вещей явлен тут, такие полюса сошлись в точке, где родился Тот, Кто станет лестницей между ними, чтобы указать путь к их соединению!

Об этой звезде и о волхвах много было толков у св. отцов: свт. Иоанн Златоуст считал ее особым явлением ангельской силы, принявшей облик звезды, другие отцы Церкви признавали ее за настоящую звезду-провозвестницу, ведь соотносительность явлений космических, природных и земных, человеческих известна была издавна. Что касается волхвов, то большинство толкователей Евангелия сходилось на том, что они пришли из Персии²,

¹ Свт. Иоанн Златоуст полагал, что звезда появилась за несколько месяцев до рождения Спасителя, а свт. Димитрий Ростовский в Четьях-Минях (от 26 дек.) высказывал предположение, что она засияла в то самое мгновение, когда Гавриил благовествовал Марии и Богочеловек зачался в Ее лоне.

² Существует предание, что ап. Фома, просвещавший светом Христовым Персию, крестил и этих волхвов. Их святые мощи хранились вначале в Константинополе, а сейчас обретаются в немецком Кельне.

родины зороастризма, религии, в чем-то близкой христианству (единобожие, вера в конечную победу сил добра и воскресительное преобразование мира), где, по преданию, долго пребывал пророк Даниил, внесший туда дух ожидания Мессии. Расширяя идею всемирности Благой Вести, церковное предание дало конкретные имена волхвам, сделав их представителями трех ветвей рода человеческого: Мельхиор, даритель злата, халдей из Аравии, считался потомком Сима, Гаспар, эфиоп, с даром ладана, был из хамитов (это его на одной из своих ватиканских росписей Рафаэль изобразил чернокожим), а перс Вальтазар, принесший Младенцу смирну, представлял потомство Иафета.

Но пока у Матфея волхвы идут за звездой, ища жилище родившегося царя Иудейского, в «Евангелии от Луки» первое небесное извещение миру о том же событии дается пастухам, державшим «ночную стражу у стада своего» (Лк. 2:8) в долине Вифлеемской, недалеко от города¹. От этих пастухов начинается ряд особых евангельских персонажей: рыбаки, сборщики налогов, блудницы, сотники, простые жены... люди низовые, рядовые, те, кто не остается на скрижалях исторической памяти. Там фигурируют великие мира сего: цари, полководцы, первосвященники, «умные и разумные» «совопросники»... — Спаситель рождается и растет в скромном, смиренном, потаенном. И выйдя на проповедь, Он сразу же радикально смещает сам фокус внимания и интереса к людям Земли. Даже в Ветхом завете речь большей частью идет о людях знатных — положением, богатством, умом, престолом, священнической властью, в Новом — главным образом о тех, кто всегда обрекался служить безгласным, анонимным фоном, на котором остановлены для вечности исторического, культурного бессмертия избранные события и имена.

Но никто из великих сих не шелохнулся в рождественскую ночь, мир спал, отключившись на время от страстной ввязанности

¹ Характерна разница акцентов у Матфея и Луки, сам отбор того, что они заносят в свои Евангелия: Матфей приводит эпизод с волхвами (их называют еще магами, царями, впрочем, как полагают церковные комментаторы, уже владельцы одного городка или небольшого княжества назывались царями), великими мудрецами, причастными к тайнам небесных явлений и знамений; Лука (а его историческая критика признала выразителем более демократической тенденции) предпочитает остановиться на истории с пастухами.

в эту жизнь. Один лишь царь Ирод, встревоженный вестями от волхвов о рождении Царя Иудейского, нетерпеливо ждал от них знака, тая злодейские планы. И вот не в храмах и святилищах, не в дворцах и роскошных палатах, а среди открытого поля, под звездным небом, среди ночи внезапно предстает сияющий славой Божией Ангел, повергающий наивные души пастухов в «страх великий». Но Ангелу прозрачна вся внутренняя человек, и он, тут же успокоив их: «Не бойтесь!» — возвещает «великую радость, которая будет всем людям» (Лк. 2:10). Но это еще не все. Казалось бы, для самого объявления о рождении «Спасителя, Который есть Христос Господь» (Лк. 2:11), достаточно слов одного Ангела, как и было до того в случае с Захарией или Марией, или явлений во сне Иосифу. Нет, раскрываются небеса и является оттуда «многочисленное воинство небесное», поющее ангельскую песнь умиротворения земли и человека в том новом сыновнем их союзе с Богом, Весть о котором принесет Родившийся в эту звездную ночь: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2:14). Рождество славится всей горней иерархией, ликование раздвигается до вселенских, космических размеров.

Но, может быть, еще более удивительная и впечатляющая картина передана в «Первоевангелии Иакова»; в самый момент рождения Иисуса все вдруг торжественно застыло в природе: Иосиф шел за повивальной бабкой и не двигался, небесный свод, воздух остановились, птицы замерли в полете, козлы, уже поднесшие морды к водопою, не прикасались к воде, рука пастуха с посохом, готовым гнать овец, так и повисла над ними, а сами овцы оставались недвижимыми, работники, опустившие руки в котел с мясом, не подносили его ко рту... — «ибо все в эту минуту уклонились от пути своего»; вочеловечиванием Бога предначертывались новые пути всей поднебесной, всей твари, предлагался иной порядок и закон бытия, касающийся не только человека, но и самого статуса вещей этого мира. Еще нет слов самого Иисуса, нет Его Благой Вести о Царствии Небесном — новом, преображенном эоне бытия, нет видения Нового Иерусалима, но уже сами события первых двух глав Евангелия, сюжетно и пластично, таинственно предъизображают высокие истины о Боге, человеке, мире, его настоящих и будущих путях.

Соединение в Иисусе Христе божественно сверхъестественного и человечески натурального проходит через всю Его земную

жизнь: зачатие Его было чудесным, *не от семени мужеска, ни от хотения жены*, а таинственным актом Божественной силы, осуществлявшей себя через Святого Духа, но родился Он «по обыкновенному закону естественного чревоношения» (св. Иоанн Дамаскин), в младенчестве питался материнской грудью и возрастал, как все дети, при том что особая Благодать Божия была на Нем... так и дальше питался Он земной пищей, и алкал, и страдал от побоев, и был распят, и умер, и в то же время мог утишать бури, ходить по водам, исцелять больных, воскрешать умерших и Сам воскреснуть, поправ закон тления и смерти... Но и в Деве Марии освящение плоти, одна из целей вочеловечивания Христа, началось впервые в человечестве, далеко оторвавшись от возможностей рода людского. Хотя в канонических Евангелиях нет специальных указаний на то, как рожала Богородица, в муках, как все женщины, или нет¹, но предание и размышление св. отцов твердо указывает, что Ее разрешение от бремени было совершенно безболезненным, оставив Ее столь же девственной и чистой, как до того. Замечательный образ сохранившейся нетронутости Ее недр употребил свт. Димитрий Ростовский: младенец Иисус прошел сквозь Нее, как «луч света проходит сквозь стекло или кристалл, никак не сокрушая и не оскверняя» их, но только «паче усугубил чистоту Ея, освятив Ю простеством своим» (Четьи-Минеи, 2 февр.). Еще одно сравнение, найденное св. отцами, вошло в богослужебную поэзию: как из невозделанной еще ничьими руками, не знавшей посева, девственной, райской земли Бог Своим творческим Словом создал первого Адама, так и новый Адам — Христос — родился чрез Деву, не воспринявшую в Себя мужского семенного возделания, и чрез осенение Силой Божьей при творческом наитии Св. Духа. О Богородице, «одушевленном Рае», Церковь поет: «Таин еси, Богородице, рай невозделанно взрастивший Христа».

Вспомним, что первое проклятие роду людскому после грехопадения было обращено Богом к Еве: «Жене сказал: Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать

¹ В Евангелии от Луки лишь сказано, что Она «родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли...» (Лк. 2:7); это может быть понято как косвенный признак того, что была она «Мать без труда и без мук; Она и бабка Сама Себе, никем не наученная» (свт. Афанасий Александрийский).

детей...» (Быт. 3:16); и только потом уже Адаму — проклятие земле за него, питание «со скорбью», труд «в поте лица» и возвращение в смертный прах (Быт. 3:17-19). Св. отцы потому так настаивают на безболезненности родов Девы Марии, что в этом конкретно воплотилась идея искупления Богородицей проклятия прародительнице рода людского. Потому и ликует Церковь в стихах Акафиста Пресвятой Богородице: «Радуйся, слез Евиных избавление», глядя в корень Евиной кары — рождение в муках и болезни.

Вся сила и красота прославляющего Богородицу Церковного ликования направлялась более всего на Ее чудесное зачатие и рождение Иисуса, когда Она, став первой посредницей между землей и небом, дала миру через Себя увидеть Неприступного, Трансцендентного как *всем приступного Человека*: и видели Его, и трогали, и возлежали рядом, и перста в Его раны опускали... Дева Мария вся здесь — в дальнейшем евангельском повествовании упоминается, что Она бежит в Египет с Иосифом, возвращается (даже в апокрифе о детстве Иисуса действует только приемный земной отец, благочестивый Иосиф, о Его матери почти ничего не говорится), иногда мелькает в отдалении с братьями Христа (сыновьями Иосифа от первого брака), да предстоит при кресте... А уж после Успения — тоже особо отмечаемый Церковью и запечатленный иконописью момент — Она почитается в особом божественном качестве заступницы за несчастный и грешный род людской. И вечный, прекрасный, неисчерпаемый архетип земной Матери, Богородицы с Божественным младенцем на руках в иконописи и живописи...

ДО ВЫХОДА НА СЛУЖЕНИЕ

Мф. 2:13-23. Лк. 2:21-52

Время земной жизни Спасителя от Его рождения до крещения и выхода к людям с проповедью стянуто в одну, 2 главу (23 стиха) «Евангелия от Матфея» и 46 стихов (начиная с 7-го) 2 главы «Евангелия от Луки». В сверхумной «лобачевской» богословской геометрии, располагающей священное пространство тридцати лет жизни Иисуса, эти два ряда изложения событий

сходятся в единое, но все же остающееся несколько *параллельным* повествование.

У Матфея волхвы, поклонившиеся Младенцу, отошли в свою страну незаметно, «иным путем», получив во сне ангельское предупреждение не давать никаких сведений Ироду о родившемся Мессии, а Иосиф, таким же образом уведомленный о грозящей расправе Ирода, вместе с Богородицей и Младенцем бежит в Египет, откуда — опять же по ангельскому повелению во сне — возвращается назад после смерти Ирода и поселяется в Назарете, а не в Вифлееме, боясь мести воссевшего на иудейский престол сына Ирода — Архелая. О пути Святого Семейства в Египет, жизни его там и возвращении существует много легендарных, дышащих благочестивой поэзией рассказов: вот дерево низко опустило ветви и склонилось, чтобы дать тень уставшим путникам и осталось навсегда в таком благоговейном положении (его листья тут же получили дар врачевания), пробился родник утолить жажду Богоматери, и он тут же приобрел целительную силу... и, наконец, по явлении в Египет Святого Семейства, там сокрушительно пали языческие идолы. Из многочисленных преданий это последнее, на которое ссылаются древние писатели, отцы Церкви (Созомен, Евсевий, свт. Афанасий Великий и др.), пользовалось понятным *идейным* почтением, закрепившись в акафистах и Христу, и Богородице: «Возсиявый во Египте просвещение истины, отгнал еси лжи тьму: идоли бо его, Спасе, не терпяще Твоя крепости, падоша...». В символическом свете этого падения трактуется о приуготовительном освящении Самим Божественным присутствием той страны, которая неожиданно для ее «идольского» прошлого призвана будет стать избранной землей для подвигов христианских подвижников, исповедников и мучеников, для «сонмов дев», «хоров ангелоподобных человеков» (свт. Иоанн Златоуст), осветивших светом Христовым пустыни египетские.

Сколько лет продолжалась жизнь Святого Семейства в Египте, у Матфея указаний нет, оправдывается лишь имя Спасителя, «сказанное чрез пророков»: *Назорей* (Мф. 2:23). В эту же вторую главу «Евангелия от Матфея» вклинивается и картина избияния вифлеемских младенцев от двух лет и ниже, совершенного по повелению разъяренного Ирода, надеявшегося среди них погубить и родившегося Царя Иудейского. Немногие евангельские события

так разбудили потрясенное воображение отцов Церкви: в пронзительных тонах и красках рисовались душераздирающие сцены убийства младенцев на глазах отчаянно защищавших их матерей и часто гибнувших вместе с ними, вопли и стенания, плач и проклятия, кровь детей и матерей, потоками обагрившая улицы фамильного града Давидова. Остановить злобно извращенную волю Ирода, сконденсировавшую силы, пытавшиеся уничтожить Спасение миру в самом Его начале, каким-либо сверхъестественным вмешательством противоречило бы свободной воле человека. Богочеловек пришел в мир на страдание, и оно подстерегло Его сразу же по рождении, страдание за невинных, ради Него убиенных младенцев. Это были первые, еще невольно-пассивные, жертвы за Христа, они не дожили до того времени, когда могли бы свободно принять христианское крещение водой, их насильственно окунули в кровавую купель, и соделались они своего рода предтечами будущих сознательных мучеников за веру Христову, страданиями которых очищается и искупляется Земля.

Евангелист Лука, рассказывая о младенчестве и отрочестве Иисуса, не упоминает об эпизоде с бегством в Египет. Мы узнаем, что через восемь дней после рождения Младенец был, по иудейскому обычаю, обрезан, получил предреченное Ему имя Иисус (Спаситель): так уже с самого начала Господь удостоверял — здесь еще через Своих земных родителей — позднейшие слова о том, что Он пришел не нарушить Закон, но лишь восполнить его. Обрезание, как известно, было знаком принадлежности евреев к избранному народу Божьему и одновременно — залогом сохранения ими физической и нравственной чистоты, приличествующей такому народу. По окончании дней очищения для родительницы (а таковых насчитывалось сорок: семь дней после родов женщина считалась нечистой и еще 33 дня ей не разрешалось приближаться к Храму для очистительной жертвы) Иосиф и Мария принесли младенца Иисуса в иерусалимский Храм — исполнить Закон: посвятить первенца мужеского пола Богу. Богатые люди приносили обычно для жертвы однолетнего ягненка, а бедные — двух горлиц или двух птенцов голубиных. И хотя Богоматерь, как указывали св. отцы, оставалась нетронутой в своей девственности и по разрешении от бремени и не подлежала, по сути, обряду очищения, Она, желая смиренно исполнить закон своих отцов, принесла Младенца к

воротам Храма, встала на особое место, предназначенное для родивших женщин, взяв с собою жертву людей бедных.

И когда вступили Иосиф и Мария в Храм для совершения искупительного обряда, вышел им навстречу «праведный и благочестивый муж», старец Симеон (его имя означает «услышание»), пришедший сюда именно в этот час «по вдохновению» Духом Святым, который ранее предсказал ему: не узнает он смерти, пока не удостоится лицезреть Христа Спасителя, с такой верой и нетерпением ожидаемого поколениями ветхозаветных праведников. И вот этот чаемый миг Встречи (Сретения) настал: в лице Симеона Ветхий Завет приветствовал живого Носителя и Основателя Завета Нового. Торжественным заявлением великого облегчения «Ныне отпускаеши...» (Свершилось!), указанием вселенской миссии Иисуса Христа, уготовавшего спасение «пред лицом всех народов», «свет к просвещению язычников, и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2:29,30,31,32), перекидывался мост преемственности между двумя мирами: ветхозаветным пророческим предъизображением и Благой Вестью всеобщего преобразования падшего природного мира в Царствие Небесное. Симеон же первым предрек будущий крестный путь Спасителя, разделение народа на тех, кто пойдет за Христом и кто отторгнется от Него, и самые муки Его матери, обреченной видеть Его страдания и казнь: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих... и Тебе Самой оружие пройдет душу...» (Лк. 2:34-35). К Симеону присоединяется еще и женщина, праведная старица, жившая при Храме долгие годы, ибо замужем она была всего семь лет, а после того как овдовела, посвятила себя служению Богу в непрерывной молитве и посте. Отличалась она и даром пророчества, недаром евангелист так и представляет ее: «Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова» (Лк. 2:36). Вторая после Симеона — и вместе с ним — она довела до полноты (женская сторона) передачу ветхозаветного наследия Самому Спасителю и первая «говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме» (Лк. 2:38). Так что Анну пророчицу можно считать первой публичной провозвестницей явления Господа в мир.

Но Сам Он должен был жить и ждать тридцать земных лет, пока не объявил Себя прямо людям. Только у евангелиста Луки мы найдем два многозначительных свидетельства этого потаенного

времени. Во-первых, самое общее, но чрезвычайно важное указание, повторенное у Луки дважды. Приводим первый вариант: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нем» (Лк. 2:40). Как известно, решающим для ближних и дальних следствий явления Христа в мир, для осознания сути этого Сверхсобытия в развертывании замысла Божия о мире, было правильное понимание характера обретенной Им Богочеловеческой природы. Догмат о нераздельном и неслиянном соединении в Нем двух природ, воли и действий — Божественной и человеческой — выработался соборным христианским сознанием в длительной борьбе с еретическими уклонами то в Божественную, то в человеческую в Нем сторону, в колоссальном усилии святоотеческого супрарационального проникновения, озаренного узрения, работы вникания в букву и дух богооткровенных текстов. Приведенный выше стих о «возрастании» Младенца стал одним из свидетельств (здесь тем более ценным, что оно было более фактическим, чем спекулятивным) против упорнейшей ереси монофизитства, признававшей в Христе только Божественное естество. В Своем Божестве Христос оставался «прежде всех век» безначальным, совершенным, неподверженным переменам — возрастанию или умалению, но в Своем человечестве Иисус существует в течении и процессе, что особенно ощутимо является в детстве и отрочестве, когда Он, по слову евангелиста, *растет*, укрепляется и физически, и духовно. И этого достаточно для канонического Евангелия: запечатлен капитальный факт — словом предельно кратким, точным, эмоционально не форсированным.

И сколь отличны от него и подход, и тон «Сказания Фомы, израильского философа, о детстве Христа», иначе называемого «Евангелием детства». Этот риторически-взволнованный апокриф буквально кишит чудесами, совершенными Иисусом от 4 до 12 лет; здесь предполагаемый сын Марии и Иосифа обладает сразу всей глубиной премудрости, громогласно и унизительно посрамляя и приводя в трепет и ужас учителей, моментально умерщвляет своих сверстников, злобно мешающих его играм (правда позже, внемля упрекам Иосифа и скорби родителей, воскрешает их). Иисус выступает здесь, по существу, исключительно как Божество, могущественное и карающее, внушающее страх прежде всего. Не случайно исследователи находят в этом апокрифе II века влияние

гностики, отрицавших человеческую природу в Христе; впрочем, о том же свидетельствовал еще св. Ириней Лионский. Кстати, свт. Иоанн Златоуст совсем просто и мудро отверг рассказы о чудесах, творимых Иисусом в детстве: если бы это было так, то столь необыкновенные дела, да еще в таком раннем возрасте, вызвали бы всеобщее удивление, большие толки, усиленное к Нему внимание и никак не могли бы позволить Ему так долго пребывать в потаенной неизвестности.

Евангелист Лука приводит лишь один эпизод из детства Иисуса, когда Его, двенадцатилетнего отрока, родители взяли с собой на праздник Пасхи в Иерусалим. Там Он, очевидно, бывал не раз, поскольку благочестивые иудеи Иосиф и Мария обязаны были по Закону трижды в год — на праздник пасхи, пятидесятницы и кущей — посещать Храм и приносить жертвы Богу. На этот раз, как всегда, возвращались оттуда толпой с соседями и земляками, родственниками и знакомыми; вдруг Иосиф и Мария спохватились, что Сына с ними рядом нет, подумали было, что Он идет где-то с другими, потом забеспокоились, стали искать в толпе, нигде не нашли, вернулись в Иерусалим, три дня в худших страхах и отчаянии бегали по городу, не теряя надежды обрести свое драгоценное Дитя. И когда они нашли Его, наконец, в Храме, сидящего среди учителей, то первыми словами Матери Его были слова горького упрека, в которых единственный раз во всех Евангелиях прямо прозвучала материнская боль и тревога: «Чадо! что Ты сделал с нами? вот, отец Твой и Я с великой скорбью искали Тебя» (Лк. 2:48). Спокойный ответ Иисуса: где же Ему еще быть, как не «в том, что принадлежит Отцу Моему» (Лк. 2:49), даже и не дошел тогда, по свидетельству евангелиста, до их измученного бессонной тревогой сознания. Правда, в следующем уже стихе говорится: «И Мать Его сохраняла все слова эти в сердце Своем» (Лк. 2:51). Это несколько раз встречающееся только в отношении к Богородице выражение (Она «складывает в сердце», «сохраняет в сердце» все чудесные знамения и пророческие слова, касающиеся Ее Сына) чуточку приоткрывают нам непрерывную духовную работу, текущую в тихих и бездонных душевных Ее недрах, незримую для окружающих, для которых Мария — скромная и благочестивая иудейская мать и жена, погруженная, как и все, в труды и маленькие радости будничной жизни.

Но что же делал отрок Иисус в доме Отца Своего, в Храме? Лука рассказывает об этом, как всегда, лаконично-выразительно, соблюдая некую замечательно реалистическую меру. В апокрифе юный Иисус сразу же задирает и оскорбляет учителей, повергает их в оцепенение, а временами в мучительные сомнения: «Не знаю, Чародей это или Бог». Здесь же Он сидит среди учителей, заметьте — *слушает и спрашивает* их. Но сами эти вопросы явили такую премудрость в столь юном отроке, что «все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лк. 2:47), поскольку, очевидно, Он давал и Свои ответы на поставленные Им вопросы.

Однако по приходе родителей Он тут же покинул Храм и возвратился с ними домой в Назарет, «и был в повиновении у них» (Лк. 2:51). Какие многозначительные слова! — ведь так мало деталей запечатлено в канонических текстах, каждая на вес золота и недаром потом бесконечно взвешивается и обдумывается в бесчисленных комментариях. Итак, вот безусловная черта характера и поведения юного Иисуса, утвержденная евангельским авторитетом: «Был в повиновении у них», — значит был Сыном послушным и покорным, благочестиво чтящим фундаментальную пятую заповедь. И финальные слова рассказа: «Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк. 2:52) — вновь возвращают нас к главной *теологической* идее жизни Иисуса до выхода на служение: потаенного роста, созревания, возрастания до той меры зрелости второй природы Христа — человеческой, которая и позволила Ему выйти уже как «власть имеющему», власть внутреннюю, духовную, навстречу людям и миру.

**ХРИСТОС ЯВЛЯЕТСЯ
НАРОДУ**

Мануил Панселин. Крещение Господне. Фреска (фрагмент). Около 1290 г.

ГЛАС В ПУСТЫНЕ ИУДЕЙСКОЙ

26 г.

Мф. 3:1-12. Мк. 1:1-8.

Лк. 3:1-18. Ин. 1:6-8,15,19-28

Тридцать лет протекло после чудесного рождения Иисуса (Лк. 3:23) — именно с этого времени включается повествование св. Марка¹, и тогда же, после Пролога о предвечном Слове, начинает и св. Иоанн. Итак, мы вступаем в полосу земной жизни и служения Христа, которая освещается уже всеми каноническими евангелистами.

«Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн» (Ин. 1:6). Он пришел свидетельствовать о Свете, нисшедшем в мир, а сам мир об этом пока еще не подозревает. Когда он был послан? — Иоанновы глаголы евангельского рассказа звучат под куполом вечности, мало заботясь о какой-либо условно-земной шкале времени. Впрочем, за редкими исключениями, это свойственно всем Еван-

¹ Евангелист Марк (первое имя Иоанн), иудей, уроженец Иерусалима, где в доме его матери Марии часто бывали ап. Петр и другие ученики Христа, спутник ап. Павла и Варнавы, а затем ап. Петра в их миссионерских странствиях и трудах. Основным материалом его динамичного, лаконично-выразительного Евангелия послужили рассказы первоверховного Христова апостола («Петр рассказывал, Марк писал» — блаж. Иероним). Созданное в середине 60-х годов (впрочем, церковный историк Евсевий говорит о точном годе — 43 г. н. э.), это Евангелие предназначалось главным образом для новообращенных христиан из Рима, чем и объясняют отсутствие обращений к Ветхому Завету и закону Моисееву, употребление латинских слов.

гелиям, ведь история в них, если и предстает, то, по меткому определению С. Н. Булгакова, в крепкой «догматической оправе». И все же стремительное явление Иоанна Крестителя с проповедью «в пустыне Иудейской» св. Матфей означает неопределенно-легендарной метой: «в те дни», а обстоятельный Лука, единственный из евангелистов вынесший миру тайну зачатия и рождения Иоанна, оказывает огромную услугу будущим исследователям (недаром они его и признали точным историком), дав по древнему обычаю ориентир в реке времени по царским правлениям: «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее... при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне» (Лк. 3:1-2). И высчитывается уже по исчислению лет от Того, Кого возвещал миру Иоанн, — идет 26 год новой эры.

По церковному преданию, обычно доводящему *идею* человека, явления или вещи до кристальной догматической и поэтической чистоты, Иоанн обрелся в пустыне с младенчества («из самых пелен в пустыню вселился еси») и вот в свои тридцать лет¹ (как помним, он был на полгода старше Иисуса) неожиданно громко и властно заявил о себе, повергнув иудеев в изумление своим обликом и образом жизни, взбудоражив проповедью покаяния и приближения Царствия Небесного. Всем известен его живописно-аскетический вид, многократно запечатленный кистью и пером: спадающее с плеч одеяние из грубого верблюжьего волоса, по древнему обычаю — кожаный пояс, загорелое под солнцем пустыни, изможденное лицо, дышащее пылким и суровым пророческим темпераментом. Его пища не зря точно обозначена в Евангелиях. Она, хотя кажется на первый взгляд весьма романтической: акриды и дикий мед, — не из той, что хоть как-то может усладить человеческое нёбо, ибо и акриды, вид саранчи, которую обычно пекут на скалах, весьма неприятны на вкус, а дикий мед, находимый в расщелинах скал, вообще горек.

На народ, столь много внимания уделявший крепости и чистоте тела, всякого рода пищевым предписаниям, возведенным в ранг религиозного закона, — такое плотоумерщвление производило впечатление огромное. «В самом деле, странно и удивительно было

¹ Именно с тридцати лет был дан Господом Моисею и Аарону закон допускать до священного служения (Числ. 4:3).

видеть в человеческом теле такое терпение; это-то особенно и привлекало иудеев»¹. К тому же было известно, что этот необыкновенный аскет был из славного священнического рода, правда его пророческий глас раздался не в стенах Храма, а в дикой каменистой пустыне², тянущейся узкой полосой к западу от Мертвого моря.

«Пустыня» — капитальный факт и образ, относящийся к Предтече. И собственно географическая точность тут значения не имеет, это, скорее, духовное указание на особый *тип* его воспитания и возрастания и отсюда — склада характера, мысли и самого стиля его проповеди. Нигде, как в церковной богослужебной поэзии, так умильно не приняли сердцем, не прочувствовали, не провели сквозь высокое умозрение эту физическую и метафизическую данность земной жизни и служения Иоанна: «Пустыня тебе гражданина непроходная имяше, блаженне Предтече», «пустынное прозябение». И к этой-то «пустыннолюбивой горлице» обращается верующая душа с молитвой сотворить ее из «пустой всякого Божественного деяния» в «плодоносну». *Пустыня и плодоносный сад* — такая умная антитеза свивается тут: да, пустыня — это образ крайнего лишения, скудости, суровости, но когда человек прошел испытание ее стихий, вылепился в цельный, закаленный, богообращенный характер, то в душе и духе его, отвращенных от суеты, мишуры и неги греховной природы, расцветают «плодоносные» залогов нового преображенного естества. «Он обитал в пустыне как на небе», «нося плоть, вел какую-то ангельскую жизнь»³. Как Мария — первая девственница на грани Ветхого и Нового Заветов, так Предтеча — первый евангельский пустынножитель, предтеча и христианского подвижничества, монашеского, «равноангельского» жития.

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 105.

² В сознании иудеев пустыня была «землей тени смертной» — Иер. 2:6 (ведь вопрос о воде или ее нехватке — вопрос жизни и смерти на Ближнем Востоке), землей, населенной нечистыми духами, ищущими покоя «по безводным местам» (Мф. 12:43). По закону, данному Господом Моисею, в Великий День Очищения и умилоствления («Йом Киппур») в пустыню относили так называемого «козла отпущения», на голову которого первосвященник предварительно возлагал все грехи и «беззакония сынов Израилевых» (Лев. 16:21). Этот козел носил название «Азazel», ибо предназначался пустынному демону того же имени. Но пустыня же была связана с фундаментальным религиозным архетипом сорокалетнего *испытания* на пути в Землю обетованную.

³ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 105.

В книге «Друг жениха. О православном почитании Предтечи» (Париж, 1927) С. Н. Булгаков заострил внимание на сугубой связи Богородицы и Предтечи в церковном сознании; это особенно ярко выявляет литургическое богословие: богослужбное их почитание как высших из рожденных Землей, помещение в центральную алтарную часть иконы «Деисуса» (точнее, «Деисиса», «Прошения»), где Христу в небесной славе предстоят Богоматерь и Предтеча¹. Мы помним, что на земле они встретились только однажды, и то буквально не видя друг друга: еще младенцем во чреве матери Иоанн (и тут он «предтек» всех) радостно выиграл при приближении уже Понесшей Спасителя. В лице Девы и целомудренного Мужа, воплотивших, каждый в своем поле, «полноту ветхозаветной и всей человеческой святости» (С. Булгаков), человечество вышло навстречу Христу. Оба отмечены одной общей и главной чертой: предельным смирением пред Богом, отдачей себя в Его руки послушным и действенным орудием исполнения Его воли, личностным самоумалением в Другом, в Сыне — для Марии, в Божественном Женихе, чей он «друг» (Ин. 3:29), — для Иоанна. И в них мы находим предварение жертвенного уничтожения Самого Христа, положившего жизнь за «други своя», каковыми для Него были все люди, бывшие, настоящие и будущие.

Предтеча выходит на служение с полным сознанием своей миссии. Она ему раскрывается свыше, от Бога, как точно — в видении, в голосе, во сне, — Евангелия не уточняют. Его послали — и он проповедовал, сначала в пустыне, потом переместился к берегам Иордана, где крестил народ, толпами стекавшийся к нему с разных мест Палестины. «Покайтесь, — призывал он, — ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 3:2). Все здесь было вновь и загадочно: иудеи ждали земного царства Мессии, а тут — Небесное... Позднее проповедь Царствия Небесного и станет собственно Благой Вестью Христа; нам еще над ней думать придется немало, пока же отметим, что сама *тема* прозвучала впервые опять же у Предтечи, но, как все

¹ Церковь выделяет и таинственно объединяет Богоматерь и Предтечу и тем, что только у них она празднует не один день кончины (как у всех святых), но и Зачатие и Рождество, так же как и Собор Богоматери (26 дек.) и следующий за ним Собор Предтечи (7 янв.). Такая же честь отдается Крестителю и на Божественной литургии: на проскомидии его частица вынимается сразу после части Богородицы, перед всеми остальными.

у него, она только заявлена, только названа, только *огласована*, но смыслово, *логосно* не раскрыта. И суть покаяния развернется и углубится затем в Новом Завете. Оно предстанет радикальным сокрушением человека о себе как существе греховном, родово и лично вовлеченном во зло, вольное и невольное, станет отречением от себя такового для обращения сердцем и умом к новому порядку бытия, Царствию Небесному, призванному упразднить этот природно-смертный, послегрехопадный тип существования.

Но уже у Предтечи, рядом с традиционными нравственными наставлениями (народу на вопрос: «Что же нам делать?» — советует делиться добром с неимущими, мытарям и воинам — быть элементарно честными и добропорядочными — Лк. 3:10-14) грозно звучит требование фарисеям и саддукеям (Мф. 3:7-8) и всему народу (Лк. 3:7-8) «сотворить достойный плод покаяния» в значительно более радикальном и принципиально новом смысле. Не достаточно принадлежать к избранному народу Божьему, самодовольно покоясь в сознании законничества и обещанной награды, кичась: «Отец у нас Авраам», ибо «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3:9; Лк. 3:8).¹ Это место стало одним из камней экзегетического преткновения для многих отцов и учителей Церкви. Конечно, *камни* — это, может быть, просто так образ, использовавший первый попавшийся под глаза предмет для обозначения творческого всемогущества Божия. Но скорее всего, под «каменьями» надо разумеать аллегория для язычников, к которым в случае упорной глухоты иудеев к Вести «Идущего вослед» Предтече и перейдут все божественные залогов и обещания. Большинство толкователей на этом и сошлось — речь идет об Иоанновом пророчестве о возможной потере иудеями своего ветхозаветного избранничества.

И далее сильными образами, взятыми из обыденной жизни, предвосхищая тем стилистику Христовых притч, Иоанн раскрывает мысль о том, что речь идет не просто и не только о моральном исправлении (о том, что Иисус потом назовет новой заплатой к ветхой одежде), а о грядущем апокалиптическом обновлении мира, об изъяз-

¹ Эффектная игра арамейских слов «банайя» (сыновья, дети) и «абнайя» (камни) первоначального текста Евангелия от Матфея передавала особую колоритность подлинной речи пророка, стершующая в греческом и прочих переводах этого места.

тии из него греховных начал: тут и секира, уже лежащая при корне деревьев, не приносящих доброго плода, и очищение гумна Лопатой Господней: «И соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3:12; Лк. 3:17). О том, *кого и что* будет сжигать Суд Господний: пороки ли человеческие, дурные ли качества или самих их носителей (но кто не без греха из детей Адама?), насколько спасительно покаяние даже для последнего злодея — станет яснее лишь позже, из проповеди Самого Христа, евангельской истории в ее целом сюжете. Пока же слова Иоанна Предтечи хлещут предупредительным бичом божественных кар для отступников на пороге приблизившегося Царствия Небесного.

Уже несколько столетий не раздавался в иудейской среде голос живого пророка, который умел пробудить свой народ из духовной спячки, перемежая обличения, живописно устрашающие картины казней Господних на врагов Израиля со всем потрясающим натурализмом деталей: «У каждого исчахнет тело его, когда он еще стоит на своих ногах, и глаза у него истают в яминах своих, и язык его иссохнет во рту у него» (Зах. 14:12), с блаженной олеографией «новой земли» для избранного народа, где «волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому», а награжденные здоровым и веселым долголетием люди «будут строить дома и жить в них, и насаждать виноградники и есть плоды их», благословляя Господа и приходя пред лице Его на поклонение «из субботы в субботу» (Ис. 65:25,21; 66:23). Пророческие книги стали лишь предметом изучения и толкования. И «глас вопиющего в пустыне» о приуготовлении «пути Господу» (Ис. 40:3), что возвещал пророк Исаия, «ветхозаветный евангелист», привели и Матфей, и Марк, и Лука, и Иоанн, вводя явление Предтечи. Но и сами иудеи не могли не вспомнить этого места из Писания, слыша об Иоанне, а затем видя и слушая его и примеривая к нему пророчество. Его пустынножительный подвиг, цельность характера вызывали на ум пророка Илию, а суровая пламенность проповеди напоминала великого Исаию. А вдруг это действительно Сам Мессия и Спаситель — вздрогнуло в страхе и надежде и сильнее забилося сердце иудейское.

Характерный эпизод в связи с этим приводит евангелист Иоанн (Ин. 1:19-27): из самого Иерусалима к заинтриговавшему всех новому пророку явилась целая делегация священников и левитов с единственным вопросом: кто он? И первым было главное и заветное: не

Христос ли он? И когда Иоанн объявил, что «нет», испробовали остающиеся два варианта: не возродившийся ли он Илия или, на худой конец, новый провозвестник? На все предположения был получен твердый ответ: *нет* и *нет*. Можно говорить об этом эпизоде как о своего рода «искушении» Иоанна (разве что без прямого участия сатаны): сами священники готовы поверить ему и как Илие, и как пророку, и как Самому Христу, почти подсказывают согласиться на такой высочайший ранг и значит всеобщее поклонение, но нет, ни на йоту не дает Иоанн проникнуть в себя тончайшему соблазну честолюбия, властолюбия, духовного самозванства.

Это в некоторой степени похоже на третье искушение Христа в пустыне (троекратно варьируемое) властью земных царств (в конце концов именно так представляли себе иудеи роль Мессии). Себя Иоанн аттестует спрашивающим его все теми же словами Исаии : «Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу...» (Ин. 1:23). И тут же, как во всех Евангелиях, где Иоанн выявляет свое предельно ясное самосознание, он свидетельствует о Сильнейшем, о Том, Кто идет за ним, но «стал впереди» него (Ин. 1:27), у Кого он «недостоин наклонившись развязать ремень обуви Его» (Мк. 1:7), о Том, Кто в отличие от него будет крестить не водой в приуготовительное покаяние, а Духом Святым и огнем. Такой ответ не мог не разочаровать иерусалимских посланников, ибо, судя по всем Евангелиям, какой-то могучий порыв веры в пустынного пророка и иорданского крестителя прошел по всей земле палестинской. В определенном смысле иудеям было поначалу легче принять Иоанна за Христа, чем чуть позднее опознать Самого Христа. В ряде отношений Иоанн Креститель больше отвечал национальным представлениям о такой фигуре: хоть и не царское, но священническое происхождение, исключительность аскезы, дерзновенная власть осуждать и направлять и народ, и власть предрежащих — как строгий отец заблудших детей, торжественно-суровая учительность... Впрочем, собственную ветхозаветную суровость, образ карающего Бога в своих проповедях он обращает именно к приходящим к нему иудеям, а по отношению к Христу как раз обернут уже *новозаветной* гранью своего существа: кротко-послушной, самопожертвованной. Воистину, его пограничное между двумя Заветами положение точнее выражено в посвященном ему церковном каноне: «посреде закона и благодати стал еси» (песнь 4). Но эту его грань знал лишь один Христос.

А как встретили Иисуса его земляки уже после многих чудес, и мудрых поучений, и многих уверовавших? «Не Иосифов ли это сын?» (Лк. 4:22), «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? не здесь ли между нами Его сестры? И соблазнялись о Нем» (Мк. 6:3). Ничего необычного, на внешний взгляд, в отличие от Иоанна, жизнь Иисуса до тридцати лет не представляла: незнатная семья, простые будничные занятия, тайна Его рождения от Девы была сокрыта (а Иоанн родился от неплодной и немолодой уже женщины — явное чудо!), никаким подвижничеством не отмечен, правда, постился в пустыне однажды, сорок дней, победил искушения сатаны (но и это в неизвестности), затем тоже аскетическими подвигами не прославлен, напротив, создавал вокруг себя какую-то празднично-пиршественную атмосферу, да что там — пил и ел с мытарями, общался с бывшими блудницами — и никакой тебе грозной строгости, напротив, невиданная любовная *лучистость*, поистине божественная отрада, мгновенное узрение души другого — чему тут же открываются сердца и пронзаются навывлет. Сама *температура* проповеди Иисуса была иная, чем у Иоанна: не такая сурово-воспаленная, а тепло-сердечная, мягкая. Иоанн пробивает *крепкие лбы* и *жестокое сердца* иудеев страхом Божиим, стремясь привести их к покаянию. Христос размягчает души возвещением *радости* будущего Царствия Небесного.

Характерно, что Д. Штраус в своей «Жизни Иисуса» так и не смог поверить в психологическую достоверность полного самоотречения Иоанна перед лицом Христа, безусловного и радостного Его приятя: такой «строгий и мрачный аскет», как Иоанн, полная противоположность «либеральному Иисусу», должен был, по мнению немецкого ученого мужа, скорее солидаризироваться со своими учениками, роптавшими против Христа (Ин. 3:25-26), и уж никак не мог признать в нем Мессию. Другая, противоположная реакция была бы, на его взгляд, «единственным примером в истории». Как тут ярко проступает гуманистическое филистерство Штрауса, глухота к явлениям, превосходящим обычную человеческую меру, к вещам божественным и священным, к которым не приложима «психология» и «научное» ведение человека!

В евангельской истории как раз все «единственное», все впервые: *единственное* непорочное зачатие, *единственное* распятие и *единственное* воскресение... Также как и *единственный* Предте-

ча. Зачинается первая клеточка нового порядка мира, нового закона бытия — все невиданно и все пока — в единственном экземпляре. Пророков, провозвестников было немало, такого как Иоанн — никогда: не было «большого» «из рожденных женами», по удостоверению Христа (Мф. 11:11; Лк. 7:21). «Друг жениха»¹, объявивший — «Ему должно расти, а мне умяться» (Ин. 3:30), чудес сам не творил, не стал и учеником Христа, только встретил Его от имени рода людского, удостоверил Его, проповеди своей не раскрывал, лишь призывал к покаянию, сугубому вниманию — готовьтесь к величайшей, единственной Встрече...

Иоанн — *глас, голос*, Христос — Слово, *Логос*, приносит с Собой новую Идею, новое учение, Весть о Царствии, не-природном², бессмертно-преображенном порядке бытия. Голос — только будит, будоражит, зовет, волнует душевно-духовную атмосферу, зовет к открытию ушей, и глаз, и сердец: вот Он идет, вот-вот, скоро увидите и узнаете, Он — уже среди нас.

КРЕЩЕНИЕ ИИСУСА

27 г.

Мф. 3:13-17. Мк. 1:9-11₄

Лк. 3:21-22. Ин. 1:29-3

В своем свидетельстве уже после крещения Иисуса Предтеча объявляет этот акт, призванный явить Христа Израилю, высшей целью всей своей крестительной деятельности (см. Ин. 1:31). Попробуем собрать все сообщения о нем, что даны

¹ Это очень точный образ Иоанна, в котором, как всегда в Евангелии, через бытовые вещи и ситуации просвечивает другой, высший мистериальный смысл. Друг жениха — важнейшее лицо в иудейской свадебной церемонии: он ведет переговоры между женихом и невестой на стадии сватовства, являясь посредником между ними, стремясь привести их к бракосочетанию, и если это удастся, то его роль на этом и заканчивается (правда, он еще распоряжается на самой свадьбе). «Невестоводителем» часто называют Предтечу; а Невеста — это и есть народ, который Предтеча приуготовлял к принятию Небесного Жениха.

² В смысле: преодолевающим природный, установившийся после грехопадения строй существования, который стоит на половом рождении, вытеснении, борьбе и смерти.

нам в Евангелиях; во всех есть своя *singularia*, неповторяющаяся черта и деталь, и вместе они создают объемную, движущуюся картину этого события, хотя каждый священнописатель посвятил ему всего по несколько стихов. У Матфея мы узнаем, что Иисус пришел креститься на Иордан из Галилеи, Марк уточняет — из Назарета, т. е. прямо из своих родных мест. А Иоанн называет и само место на Иордане — Вифавар.

Иоанново крещение признается крещением покаяния во исповедание грехов, но только приуготовительным: оно не имело силы снять радикально с человека эти грехи, и в особенности первородный грех (ибо искупительная жертва Христова была еще впереди). Оно и могло тогда восприниматься многими иудеями, приходившими к Крестителю, как некая реформа традиционного очистительного омовения. Но зачем было вообще креститься Иисусу, ведь на Нем не было никакого греха? — первый вопрос, каким задавались все толкователи.

Отцы Церкви находили для этого несколько причин: «Засвидетельствовать истинность Своего человечества» (св. Ефрем Сирин); Он причастился с другими иудеями Иоаннова очищения, так же как был исполнен закон и до того в Его обрезании, принесении во Храм: «Он вошел в воду как исполняющий нужды, а не как нуждающийся»¹; свт. Иоанн Златоуст подтверждает объяснение Иоанна Предтечи: при большом стечении народа к Иордану Иоанн мог явить Христа сразу многим (не водить же было Его за руку по всем домам и призывать к вере в Него); наконец, Своим крещением Он отменил крещение Иоанново, ведь все будущие христиане станут таковыми, лишь пройдя сквозь новое Его крещение в смерть и воскресение. Но сам факт этой отмены не свидетельствует ли о том, что крещение Христа, хотя и произведенное Иоанном так, как он это делал всегда, внесло принципиально новое мистериальное качество в это действие? И достаточны ли становятся тогда эти толкования? — к этому мы вернемся чуть позже.

Св. Матфей — единственный из евангелистов — приводит небольшой диалог приблизившегося Иисуса с Иоанном. *Увидеть и узнать* Богочеловека сразу (ведь раньше их пути не сходились, кроме известного эпизода со взыгранием во чреве) — без предва-

¹ Св. Ефрем Сирин. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 59.

рения чудесами, пророчествами, божественной мудростью проповеди со стороны Христа — первым смог только Предтеча. Его отверстое зрение явило ему во внешнем облике Подошедшего¹ все невыразимое величие духа Иисуса и глубину Его сердца.

В первую минуту, потрясенный этой встречей лицом к Лицу, Иоанн дрогнул: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» (Мф. 3:14). Спокойный ответ Иисуса: «Оставь теперь; ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3:15) — обычно толкуется как желание следовать закону. Но не забудем, что Христос (только что объявленный самим Иоанном «Агнцем Божиим, Который берет на Себя грех мира» — Ин. 1:29) должен облечься покаянием (да хотя бы за весь род людской), *снизойти до покаяния* в своем самоумалении и бесконечном смирении перед волей Отца, пославшего Его в мир. Твердая реакция Иисуса снимает всякие сомнения Иоанна, и он «допускает Его» (Мф. 3:15) до крещения. Литургическая поэзия, чувствительная к образным антитезам, особо отметила: «Иисуса, Его же рукою твоею крестил еси». Тот, кто признавал себя недостойным «развязать ремень обуви» (Мк. 1:7) Спасителя, удостоивается коснуться в таинстве

¹ Вопрос о внешнем виде Христа вовсе не сразу устоялся в христианском сознании. Многие из ранних учителей Церкви (св. Иустин Мученик, Тертуллиан, Климент Александрийский, Ориген), основываясь на пророчестве Исаии об уничтожении Мессии («Как многие изумлялись, смотря на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его... Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия...» — Ис. 52:14; 53:2), перенося божественный кенозис Спасителя на физический Его облик (не забудем и господствовавшее умаление плоти перед душой), рисовали себе Иисуса неказистым, неблагообразным, малого роста. Иногда такие воззрения принимали вовсе шокирующий оборот: Исцелитель больных и прокаженных, Сам якобы страдал проказой. Однако, основываясь на данных Евангелия, на богословском вникании в совершенную человечность Христа, просветленную Св. Духом, наконец, на сердечной интуиции восприятия Спасителя, такой взгляд на внешность Его был отброшен как глубоко неверный, дурно-теоретический. И воссиял единственный, невыразимый в Своей богочеловеческой красоте лик, светлый и спокойный, побеждающе кроткий, с тихой и «глубокой мыслью» на «дивном челе», с невиданными дотоле «благими и ясными» очами, запечатленный бесчисленно в святых изображениях, в живописи и поэзии, в сердцах верующих и неверующих, всех — пусть по разному — покоренных этой гармонически стройной, легкой фигурой, когда-то прошедшей по Земле. Закавыченные определения, кстати, взяты мною из поэмы А. К. Толстого «Грешница», особенно тонко передавшей черты внешнего облика и впечатление от Спасителя.

крещения Его главы, погрузив Ее в воду, — символический прообраз Его смерти и погребения (кстати, в христианском крещении три погружения в водяную купель означают соумирание со Христом, три дня Его гроба). При этом у Матфея мы находим важное словечко: «И крестившись Иисус *тотчас* вышел из воды...» (Мф. 3:16), — как бы указание Его скорого воскресения из мертвых¹. А у Луки — другое слово: «И Иисус крестившись молился...» (Лк. 3:21).

Вот первое евангельское свидетельство молитвы Самого Иисуса, далее мы это встретим неоднократно — по существу, Христос все творил с предварительной молитвой. Кому же Он молился? Не Самому же Себе как Богу, одной из Ипостасей Троицы. Кстати, Он никогда ни учеников, ни кого бы то ни было не призывал молиться Себе как Сыну Божьему, Себе Божеских почестей не требовал и не хотел. Христианские экзегеты обычно отвечают, что молился Спаситель в Своем человеческом естестве, нам всем для примера. Эта постоянная потребность в молитве у Христа не могла быть только педагогического свойства. А если предположить, что не только как Бог, но и как Совершенный Человек он не нуждался в молитве, то тогда по меньшей мере Его человечность оборачивается каким-то обманным призраком, и рушится весь великий замысел Божьего Предприятия, и, используя слово апостола Павла, тогда «тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15:14). Напротив, буквально-серьезное отношение к молитвенным состояниям Христа как к сугубой для Него необходимости приоткрывает сокровенные глубины Его Богочеловечества.

В богословии есть такое ученое греческое понятие: «перихорисис» — оно толкует об особом, можно сказать *динамическом*, соотношении двух природ во Христе, об их взаимодействии и взаимовлиянии, или, как выражался св. Иоанн Дамаскин, «образе взаимного общения» их. В этом общении двух природ человеческое естество Христа, пронизанное лучом Божественной благодати, стало совершенным человечеством, а Божественное естество, находясь в особых условиях вочеловечения, т. е. самоумаления, кенозиса, неслиянно, но и нераздельно соединенное с человеческим, действует в определенном смысле в его рамках, как бы *зависит* и от степени духовной крепости человеческой природы Спасителя. И в молитве Иисус, надо полагать, просил подачи свыше духовных

¹ Есть толкование, что это «тотчас» свидетельствует об отсутствии греха в Иисусе.

сил и благодати не только в Своей человеческой природе, но и в Своей Божественной (самоуничиженной, кенотической), нуждался в постоянном осенении Себя помощью Отца и Духа Святого.

Итак, по молитве Христовой настает великий миг: «Когда же крестился весь народ, и Иисус крестившись молился, — отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» (Лк. 3:21-22). Этот выход Иисуса из крещальных вод передан всеми синоптиками¹ почти в одних выражениях, только у Матфея небесный Глас удостоверяет несколько более обобщенно, как бы больше для других: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный...» (Мф. 3:17). Но и «Ты Сын Мой» двух других евангелистов указывает, что это свидетельство было необходимо не только для окружающих, для народа, но и для Самого Иисуса. Поскольку в воплощении Бог совлек с Себя Свое Небесное Божество в Его Славе и Сиянии (Его самоопустошение), то Богочеловеческий организм Христа, Его Богочеловеческое самосознание развиваются по человеческому типу: через рост, созревание, просветление, обретение совершенного возраста, «меры возраста Христова», — т. е. через некий процесс. И осознание Своей Божественной природы, Христово Богосознание, укреплялось постепенно и вышло в зенит в Крещении, осенившись безусловно-абсолютным: «Ты Сын Мой...». Иисус усыновляется здесь Отцу именно как Богочеловек, в обеих Своих природах, и только поэтому Он смог позднее призвать всех людей, Своих братьев по человечеству, сынов природных отцов, к усыновлению Отцу Небесному.

Крещение становится Богоявлением, явлением Троицы в полноте Ее ипостасей: Бога Отца, Бога Духа Святого и Бога Сына в Его вочеловечении. Вспомним об участии всех Божественных Троических Лиц, правда более мистериально-сокрытом, невидимом и не-

¹ В Евангелии от Иоанна эта сцена дана не прямо, а в пересказе-свидетельстве Предтечи, что да, он видел «Духа, сходящего с неба, как голубь, и пребывающего на Нем» (Ин. 1:32), а ему было дано ранее в откровении, что на ком при крещении почиет голубь, Тот и есть «крестящийся Духом Святым», следовательно, заключает Предтеча: «Этот есть Сын Божий» (Ин. 1:34). У евангелиста Иоанна Богоявление как бы неполное: нет гласа Отца; этот голос еще до того явлен был Предтече в пустыне как раз с описанием этой главной приметы Сына (схождение Духа в виде голубя), поэтому можно говорить в связи с этим Евангелием о как бы растянутом во времени Богоявлении.

слышимом, а только объявленном и *объясненном* архангелом Гавриилом, при зачатии Иисуса. В древней христианской Церкви Крещение Господне праздновалось в один день с Рождеством под общим названием Эпифании, т. е. Богоявления, — Крещение Спасителя переживалось и осознавалось как Его второе рождение, помазание Иисуса как Христа, как восполнение Его вочеловечения до той предельно сознательной полноты, с которой могло начаться служение Богочеловека в мире. До сих пор это сближение Крещения (Богоявления) и Рождества сохранилось в церковной службе, а в предпраздничных песнопениях Богоявления звучат и мотивы Страстной седмицы, утверждая верующих в мысли о том, что крещение Христово было также и прообразом заклания Агнца на Голгофе, Его пребывания во гробе и победного воскресения¹.

Мы знаем из Нового Завета, что Иоанн, а затем и его ученики, даже после его смерти, продолжали крестить в Иордане². Однако повторим вопрос: не добавило ли крещение Спасителя нечто таинственно новое в этот очистительно-покаянный обряд? Во-первых, погружение Богочеловека в иорданские воды, сошествие на Него Духа Святого³ было восчувствовано церковным сознанием как освящение этих вод, и шире — воды вообще, и еще шире — как символическое освящение материи (вода всегда служила ее первообразом: вспомним Духа Божия, носившегося над водой в начале начал творения или древние представления о ней как о первой стихии), как приуготовительное искупление падшей материи, призванной стать тем, чем она была первоначально: средой Божьего пребывания. Сама

¹ Как убедительно показал протопресв. Александр Шмеман в книге «Водой и Духом. О таинстве крещения» (М. 1986), в ранней христианской Церкви таинство крещения входило в празднование Пасхи, более того — само пасхальное богослужение во многом произошло из крещального обряда, в котором доминирует символизм смерти и воскресения.

² Так, даже в «Деяниях св. апостолов» в месте, повествующем о начале 60-х гг., выводится некий иудей из Александрии именем Аполлос, «муж красноречивый и сведущий в Писаниях»: «Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново» (Деян. 18:24,25).

³ Недаром существовало легендарное предание, в которое верил, в частности, св. Иустин Мученик, о том, что воды Иордана, когда в них вошел Иисус, озарились светом. По другой версии — вообще возгорелись пламенем. Вспомним такое же предание об осиянии необыкновенным светом вифлеемской пещеры в момент рождения Иисуса. Вот еще одна образно-смысловая рифма, связующая в христианском сознании эти два события.

внехрамовость, природность Иоаннова крещения, встающая в ряд с космическими образами и явлениями рождественского цикла, выводит его на мир, материю, на своего рода космическое тайнодействие, которое получило более точный смысл после Христова крещения и еще далее углубится в таких делах Спасителя, как хождение по водам, утишение бури... И второе — хотя новозаветное крещение в смерть и воскресение, и следовательно в Царствие Небесное, еще не существовало за неосуществленностью самой жертвенной мистерии Христа, но самый сокровенный, *эсхатологический* аспект крещения Христа не мог подспудно и как бы огласительно и прообразовательно не войти в Иоанново крещение. Интересно, что после Своего крещения Христос и Его первые ученики сами какое-то время крестили (см.: Ин. 3:22). Причем именно тут евангелист приводит знаменательную деталь: «А Иоанн также крестил в Еноне близ Салима, потому что там было много воды...» (Ин. 3:23): много воды, т. е. достаточной глубины, необходимой для погружения крещаемого в воду с головой, что и несло — как уже отмечалось — приуготовительный погребально-воскресительный смысл.

И еще, заметьте, как идет в Новом Завете расширение Крещения: от предваряющего Иоаннова, Крещения Самого Христа до последней заповеди, данной Христом Своим ученикам уже после Его воскресения: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19), распахивающей это таинство, за которым — не забудьте — стоят Пасхальная надежда и Дело, в широкий мир всей разноплеменной Земли. А до того в Ветхом Завете дважды возникает прообраз крещальных вод, вод смерти и воскресения, еще строго избирательного: в водах потопа гибнет всякая плоть, извратившая «путь свой на земле», и спасается, возрождается один род Ноев (Быт. 6-8); по велению Господню, воды Чермного моря расступаются стеной с двух сторон, образуя проход сынам Израилевым, уходящим от плена египетского, и обрушивают свои губительные волны на войско фараона (Исх. 14:21-29).

Вообще, чем больше вы имеете дело с Ветхим и Новым Заветом, тем более убеждаетесь в том, что все в них устремляется к центральному событию мистериальной истории Творения — смерти и воскресению Христа, все прообразует, предъизображает, аллегорически и символически разыгрывает его. Причем, происходит это через определенную последовательность ступеней, ведущих к по-

следнему, пасхальному переходу. Как на каком-то вселенском символическом экране при проекции на него запечатленных в Писании событий, людей, явлений, фактов, имевших свою собственную жизнь и значение, высвечивается единый священный сюжет, содержащий в себе смысловой код всей истории мира и человечества в благом предвечном замысле Господнем.

ИСКУШЕНИЯ ХРИСТА

27 г.

Мф. 4:1-11. Мк. 1:12-13. Лк. 4:1-13

Часы, отсчитывающие время земного спасительного подвига Христа, заведенные в момент Троического зачатия Богомладенца, подошли к полудню, к явному, ослепительному обнаружению Света миру. После Крещения Иисус уже помазан во Христа, принял Богосыновство в полноте Своей Богочеловеческой природы — всё, должно, наконец, обнаружиться и Слово, и Дело. Но оказывается, до этого необходимо еще одно, последнее и «немедленно»... На иконах Богоявления довольно часто по бокам изображают три искушения Христа в пустыне, связывая крещение и искушения в одно циклическое событие, один ключевой, канунный момент Его жизни. И Матфей, и Марк, и Лука отмечают, что сразу же после крещения Христос был отведен Духом в пустыню «для искушения от дьявола» (Мф. 4:1). То, что Христос водительствоется Самим Св. Духом, говорит и о внутренней необходимости этого испытания для Богочеловека, и о важности его в горне-бытийственном плане, хотя св. отцы в жару еще неостывшей полемики с еретиками, отрицавшими личную природу Св. Духа, усматривают здесь прежде всего священный аргумент за Божественное могущество и самостоятельное достоинство ипостасного Лица Св. Духа: «Если бы был Он ниже, не мог бы возводить Его в пустыню» (св. Ефрем Сирий). У Матфея и Луки рассказы об искушениях очень близки друг другу, только у Луки — несколько иная последовательность их. Впрочем, предпочтение отдается порядку искушений у Матфея, поскольку он был непосредственным учеником Христа и мог слышать об этом рассказ самого Учителя. Иоанн вообще умалчивает об этом эпизоде, а Марк

сжимает его в два стиха: «Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню. И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему» (Мк. 1:12-13). Марк, разумеется, предполагает и пост, и победу над искушениями, подробно описанные другими евангелистами, но один упоминает зверей: как бы восстановив бывшее царственное положение человека в мире тварей, Иисус приводит хищных зверей к покорности — это же умели позднее и христианские подвижники. В этот ответственный момент сходятся вместе все основные иерархии бытия: *Богочеловек* — представитель и Божественной, и человеческой природ, *Ангелы* — посредники между горним миром и людьми, *звери* — низшая тварь, увлеченная человеком за собой в грехопадении, за судьбы которой он ответственен, и наконец, сам *Начальник преисподней*. Речь идет о выборе, касающемся всех этих уровней бытия, точнее о твердости стояния Главного Водителя на новом Божеском пути, еще только открывающемся для Земли и всего творения.

Вопрос о самой возможности реального искушения Богочеловека, о Его, так сказать, потенциальной искушаемости, может показаться нелепым и чуть ли не кощунственным и в этом смысле близок к сомнению в правомерности крещения во оставление грехов Того, Кто безгрешен по Самой Своей природе¹. И решается он близким образом — через осознание кенотического самоумаления Бога Сына, нераздельно (хоть и неслиянно) связанного с человеческим Его естеством. А его, как известно, Господь наделил великим и тяжким даром свободы. К тому же в своем возрастании в совершенную человечность в Самом Христе это естество требует немалых телесных и духовных подвигов. И один из них — аскеза плоти в пустыне, сорокадневный полный пост: «И ничего не ел в эти дни» (Лк. 4:2).

Такое длительное добровольное воздержание от пищи есть и в Ветхом Завете, причем в самый судьбоносный или, вернее, богоносный для иудеев момент, когда Моисей на горе Синай в три захода по сорок дней и ночей голодал, чтобы получить от Бога «скрижали каменные и закон, и заповеди», а также прощение Своему

¹ Посему многие экзегеты понимали искушения Христа как своего рода учебно-педагогическое для нас предприятие: «Делал и терпел для нашего научения», так чтобы всякий принявший крещение не смущался потом искушениями и мог их преодолеть, ибо Враг нападает особенно на «украшенного высокими достоинствами» (свт. Иоанн Златоуст).

жестоковому народу (см. Исх. 24:18 и Втор. 9:9,18,25). И еще Илия сорок дней и ночей шел без пищи до горы Хорива, где к нему было слово Божие (3 Цар. 19:8). Не говоря уже о том, что число «сорок» было числом испытания у древних евреев (сорок лет блуждали по пустыне до выхода в землю обетованную), исключительное голодание знаменовало всегда победу духа над плотью, такую интенсификацию духа, что человек оказывался способным убедить и переубедить Самого Бога (как в случае с Моисеем).

Сатана прямо подступает к Христу, сразу же когда по прошествии сорокадневного поста Он «взалкал». Архаичное «взалкал» русского перевода несколько затеняет выражение греческого оригинала, которое передается на европейские языки глаголами, означающими «захотел есть» (il eut faim — франц., he hungered — англ., hungerte ihn — нем.) С точки зрения современного знания, перед нами точная схема такого длительного лечебного голодания, которое дает поразительный эффект освобождения от всех шлаков, мощного оздоровления, возвышения интеллекта и духа. Сигналом к его прекращению — наступило полное очищение организма — является неожиданное чувство голода, до того полностью исчезающее. Часто объясняли, что дьявол начал свои искусительные речи как бы в минуту «слабости» Христа, когда Его человеческая природа ощутила потребность в пище, и потому-то лукавый и предложил Ему первым делом превратить камни в хлебы, да хоть бы для собственного насыщения. Как раз наоборот, после такого поста человеческий дух Иисуса никак не мог ослабнуть, он был как никогда тверд и ясновидящ.

Все свои искушения сатана начинает с «Если Ты — Сын Божий» — в первых толкованиях наибольшее внимание обращали именно на этот мотив искушений со стороны князя тьмы: таинство воплощения было настолько сокровенным и знаемым небольшим кругом лиц (да, были небесные знаки при Крещении, но явленные с полной очевидностью только Предтече), что сам сатана еще сомневался в том, *Кто* перед ним и горел желанием это выяснить. А Иисус, стойко выдерживая все его домогания, не позволяет Себе приличествующих Богу (по ветхозаветным представлениям) грозных проявлений: никаких тебе громов и молний гнева и презрения, Он спокоен и тверд, кротко и даже поучительно отводит соблазны сатаны.

Церковная традиция истолкования искушений чаще всего рассматривала их как своего рода дидактические притчи, иллюстра-

ции к научению, имея в виду преодоление сильнейших страстей человеческих, к которым взывал нечистый дух. Блаж. Феофилакт, архиеп. Болгарский (XI в.), использовавший в своем «Толковании на святое Евангелие» все наиболее ценное из экзегетического наследия отцов церкви, отмечал, что «основания всех искушений суть три: пресыщение, любостяжание и тщеславие»¹. «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни эти² сделались хлебами (Мф. 4:3) — первое искушение обращалось к самой сильной и настоящей нужде материальной человеческой природы, к тому же было обернуто в тонкую форму сатанинского вызова: «Если Ты Сын Божий» — то почему бы тебе не повторить то, что умел делать Бог Саваоф, напитав израильтян в пустыне манной небесной, что — слабó Тебе... Но Христос вообще не обращает внимания на этот вызов, и ответ Его сдвигается в другую ценностную плоскость, опираясь при этом на ветхозаветный авторитет: «Не одним хлебом живет человек, но всяким (словом), исходящим из уст Господа» (Втор. 8:3).

Второе искушение обставляется дьяволом сценически довольно эффектно: он, «князь, господствующий в воздухе» (по выражению ап. Павла — Еф. 2:2), переносит Христа из пустыни в Иерусалим, ставит рядом с собой на головокружительной высоте храмового крыла «и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: “Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею” (Пс. 90:11-12)» (Мф. 4:6). Взгляните в оригинал этого места из «Псалтири», где детям Божиим, положившим все свои упования на Бога, обещается от Него охранение и защита, — и что же? — вы тут же наткнетесь на купюру, сделанную лживым духом: после «заповедает о тебе» он выпускает «охранять тебя на всех путях твоих». Сатана искушает Христа чудотворением, но чудотворением ложным, дьявольским: он, «ангел бездны», сын падения, совращает почему-то именно «броситься вниз» (а не, скажем, взлететь вверх, к небу), воззвать к помощи Божией в каком-то горделиво-самоутверждающемся капризе (спаси Меня от самоубийства понарошке!), что уж никак

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник, или Толкование на святое Евангелие в двух частях. Ч. 1. Евангелие от Луки. Ч. 2. Евангелие от Иоанна. М. 1993. С. 37.

² Скорее всего, это были так называемые «камни иудейские», находимые в пустыне и по форме похожие на большие хлеба.

не есть «охранение» на путях истинных. Вспомним же и мы, когда в минуту слабости наша рука будет готова многоточиями — а то и без них — причесать некий авторитет нам в угоду, о том, кто был отцом и родоначальником лукавого цитирования! И лучше, чем Христовой цитатой из Второзакония, на такую ловушку искусителя не ответишь: «Не искушай Господа Бога твоего» (по Мф. 4:7).

И наконец, третье искушение, наиболее зримо-впечатляющее и онтологически-серьезное, когда князь мира сего с высокой горы в некоей волшебной панораме¹ «показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если падши² поклонись мне» (Мф. 4:8-9). И от этой власти над миром, полученной из рук дьявола, Христос отказывается словами Господних предписаний: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Втор. 6:13 — Мф. 4:10).

Известный анализ искушений Христа в «Братьях Карамазовых» («Легенда о Великом Инквизиторе») сделал себе блестящую мыслительную карьеру в русской религиозной философии: кто только не раскрывал видение Достоевского, не варьировал его, не конкретизировал, не пытался углублять (тут и В. В. Розанов, и С. Н. Булгаков, и Н. А. Бердяев, и С. Л. Франк и другие). Представало нечеловечески-гениальное, символическое предвосхищение ложных путей человечества, фактически сходящихся в один: искушение хлебами — образ материалистически-сытого «рая на земле», отвергнувшего «хлеб небесный», свободу «сынов Божиих», христианскую задачу преодоления падшего и трагического порядка бытия (подставлялись в расшифровке и «социализм», и «экономический материализм»); второе искушение — порабощение свободы человека внешним чу-

¹ Взгляд на буквальность искушения Христа сатаной не был единым среди толкователей. Еще Ориген высказывался в пользу того, что это могло быть событие внутреннего созерцания Самого Христа, символическое представление Его духовных борений; однако большинство, даже принимая это «могло быть», все же склонялось к евангельски-буквальному пониманию. Вот что писал блаж. Феофилакт Болгарский по поводу царств, явленных в последнем искушении: «Некоторые говорят, что представил Ему оныя в мысли. Но я думаю, что не в мысли, а чувственно показал Ему оныя; представив предочи в призраке, а не в воображении Господа» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Луки. С. 36).

² Такая разоблачительная оговорочка лживого духа не могла пройти мимо чуткого уха христианских толкователей: прежде чем поклониться дьяволу, необходимо *пасть*.

дом и авторитетом; и третье, кульминация первых двух, — соблазн власти над земным человекобожеским царством, нити от которой на деле не уйдут из рук «князя века сего», одним словом, соблазн построения новой тоталитарной Вавилонской башни. Здесь не место углубляться в этот анализ, наполненный идеями и реалиями разного времени: инквизиция, католицизм, папоцезаризм и цезаропапизм, социализм, масонство... Еще через сто и тысячу лет могут появиться подходящие под символизм Христовых искушений другие идеи и реалии, которым пока еще нет имени.

Важно и безусловно одно: искушения были бытийственной необходимостью для Христа, воспринявшего человеческую природу с ее свободой воли. Отсюда появление испытаний и искушений, борьбы и одоления. Преодоление искушений было реальной победой Богочеловека над тремя явно вне-божественными возможностями *быть* и *действовать*, тремя отрицательными и губительными идеалами. Главное, что пытался сделать сатана, — это вызвать в Христе богопротивную самость, сам будучи ее главным виновником и представителем в мире духов. Самая глубокая суть искусительного выбора очень тонка: заставить Бога, Божественную силу служить этой самости, потакать человеческой воле и желанию. В то время как человек должен отдать себя Богу, стать орудием исполнения Его воли — что Христос и завещает людям как путь к высшей свободе. Заметьте — Иисус ни разу не ответил сатане от Себя, Своими словами, Он лишь напоминает волю Небесного Отца, выраженную в Его повелениях и заповедях (не случайны все Его ссылки только на Второзаконие). Одно-единственное, спокойное и твердое слово, сказанное после последнего искушения, принадлежит Самому Христу: «Отойди от Меня, Сатана» (Мф. 4:10). И тогда тут же оставляет Его тот, кого апостол Павел, может быть, точнее всех определил как «мироправителя тьмы века сего» (Еф. 6:12), правда, как значится у Луки, отходит «до времени» (Лк. 4:13) — и немедленно являются небесные посланники, знаменуют состоявшееся торжество Света, несут награду Победителю: «И се, Ангелы приступили и служили Ему» (Мф. 4:11).

Отринув плен низшей свободы, в которой погрязает и раздирается тварный удобопревратный человек, Христос утверждает в высшей свободе Богосыновьяго служения. Всё добровольно и свободно принимается Им: и проповедь, и власть исцелять и воскрешать, и позорное судилище, и поношения, и мучения, и крестная казнь...

ПРИЗВАНИЕ ПЕРВЫХ УЧЕНИКОВ

27 г.

Ин. 1:35-51

Еиноптики начинают рассказ о служении Иисуса с того времени, когда Он, узнав о взятии Иоанна Крестителя под стражу, «удалился в Галилею», опуская целый период Его деятельности, о котором мы узнаем благодаря Евангелию от Иоанна. Этот священнописатель, в свою очередь ничего не сообщая об искушениях Христа, рассказывает о встрече Его с Предтечей и двумя его учениками, которую комментаторы и «согласователи» относят к моменту, когда Иисус, сразу же после испытания в пустыне, т. е. буквально спустившись с горы третьего искушения¹, вышел вновь к Иордану, скорее всего к местечку Вифавар, где был крещен. Расстояние между предполагаемой горой и этим местом было не больше десяти километров. Увидев приближающегося Иисуса, Креститель возглашает собравшимся вокруг него три истины. Во-первых, самую главную — Кто идет: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1:29), идет Искупитель, о Котором в близких словах пророчествовал Исаия². Во-вторых, Иоанн еще раз удостоверяет в Нем того Идущего за ним, о Котором он уже возвещал как о Стоящем «впереди» него, «потому что Он был прежде» него (Ин. 1:15,30). Вряд ли смысл этого загадочного «прежде», глядящего в непостижимое «прежде всех век», мог дойти тогда до присутствующих на реке; это первосвидетельство необхо-

¹ По средневековому преданию, она отождествлялась с довольно зловещей по виду, скалистой, голой горой, высящейся среди небольшой пустыни у сернистого Содомитского озера, к востоку от Иерихона, древнего города в плодородной котловине Иордана в нескольких километрах от Мертвого моря.

² Каждому образованному иудею было известно это место из Исаии об «отроке Господнем»: «Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен...» (Ис. 53:7). Поразительно точные предвосхищения крестного подвига Спасителя в 53 главе этой пророческой книги (возьмем хотя бы финал: «Предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» — Ис. 53:12) и позволили удостоить Исаию уже в христианской традиции именем «ветхозаветного евангелиста».

димо станет потом христианскому сознанию, уясняющему представление о Своем Боге. И наконец, хотя Иоанн и говорит: «я не знал Его», он признается, что вообще «пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю» (Ин. 1:31). На следующий день Креститель стоял у реки с двумя учениками, и вновь при виде Иисуса он повторяет им: «Вот Агнец Божий» (Ин. 1:36).

Развернувшаяся далее сцена передана, как всегда, предельно сжато, но живо, с удивительно точными подробностями; они дополнительно укрепляют во мнении, что один из учеников и был совсем тогда юный Иоанн, будущий евангелист. Реакции — немедленные, и события развиваются стремительно: оба Иоанновых ученика бросаются за удаляющимся Иисусом, догоняют Его и на вопрос, что им надобно, обратившись к Нему «Равви» (Учитель), спрашивают, где Он живет, явно давая понять, что жаждут спокойного и обстоятельного с Ним общения. На это Христос отвечает простым, но многозначительным: «Пойдите и увидите» (Ин. 1:39). Они и пошли и пробыли с Иисусом «день тот». Самый миг встречи настолько врезался в существо Иоанна, что он запомнил точно: «Было около десятого часа» (Ин. 1:39), т. е. около четырех часов пополудни по иудейскому исчислению времени с шести часов утра, так что «день тот» нужно скорее всего расшифровать как оставшееся время вечера и, возможно, ночь. *Увидели и услышали они столько и такого*, что первый из них, Андрей¹, выйдя от Иисуса, тут же пошел за своим братом Симоном, чтобы сообщить ему невероятную весть: они нашли Мессию-Христа, и тут же привести его к Нему. «Иисус же, взглянув на него» тем взглядом, который пронизал все «сердца и утробы», прошлое и будущее, «сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты назовешься Кифа, что значит: “камень” (Петр)» (Ин. 1:42). Символизм имени много значит в Писании, обозначая глубинные сущностные характеристики именуемого: это может быть и черта характера, но и знак судьбы и призвания. Симона («послушание») и Иону («голубь») Христос переплавляет в

¹ Как первый из двенадцати призванных Христом учеников, апостолов, получил имя «первозванный». По преданию, проповедовал Христово учение не только в Греции, но и в русской земле. В память об этом был воздвигнут крест на Киевских горах и заложена в XI в. церковь его имени. Почитается также в Турции и Сербии как их христианский просветитель. Принял мученическую кончину (распятие на кресте) в Патрах (Пелопоннес) ок. 67 г.

нечто противоположное по качеству — в «камень», приуготовляя Петру особое место твердыни веры среди своих учеников, того *камня*, на котором позднее созиждется Его Церковь.

Из рассказа Иоанна ясно лишь то, что непосредственно перед встречей с Иисусом Андрей (скорее всего и его брат Симон) были учениками Крестителя, находясь с ним на Иордане, а родным их городом была Вифсаида, расположенная на севере в Галилее, на берегу Генисаретского озера — там, где вскоре развернется главная деятельность Христа. То, что они были простыми неграмотными рыбаками, мы узнаем, разбирая синоптический вариант их призвания, который изъясняется большинством толкователей как второе их призвание. Иоанн Златоуст объясняет это так: сначала оба брата последовали за Иисусом, потом по какой-то причине Его оставили, а чуть позднее, видя, что Крестителя посадили в темницу, они вернулись к своему привычному занятию: закидывать невод в воды Генисаретского озера — тогда-то Иисус их снова встретил, и они, не колеблясь ни минуты, уже окончательно присоединились к Нему.

Пошли ли оба брата тут же за Иисусом в Галилею, куда Он «восхотел идти» (Ин. 1:43) на другой же день, евангелист не сообщает. Зато рассказывает еще о двух обретенных учениках. Об одном мы узнаем, что он был тоже из Вифсаиды, как Андрей и Петр, и что имя его было Филипп; имя было греческим и дало возможность предположить, что мог он происходить из эллинов, коих было немало среди населения Галилеи. Возможно поэтому именно к нему обратились позднее эллины, прибывшие в Иерусалим на Пасху (перед казнью Христа), с просьбой устроить им встречу с Учителем (см. Ин. 12:21). Одного божественно-властного Христа «иди за Мною» (Ин. 1:43) оказалось достаточным, чтобы он уже никогда не расставался с Ним и стал благовестником Спасителя после Его смерти, воскресения и вознесения.

А пока на крыльях первого мощного порыва веры он немедленно устремляется к своему другу Нафанаилу и сообщает ему: «Мы нашли (явное указание на связь его с Андреем и Симоном. — С.С.) Того, о Котором писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета» (Ин. 1:45). Само это представление драгоценной «Находки» и последующая реакция Нафанаила выделяют их как людей образованных, хорошо знающих Писание. Нафанаил про себя тут же не мог не отметить неточности в приведенных

ему «приметах» Мессии. Тот, кого возвещали пророки, из «отрасли праведной» Давида, должен был прийти из родного города прославленного царя. Нафанаил, конечно, помнил стих из Книги пророка Михея: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих. 5:2). Но вслух он выразил свое сомнение почти ходячим выражением, запечатлевшим презрение жителей горделиво благоверной Иудеи к какому-то «полудикому», деревенскому краю «языческой Галилеи»: «Из Назарета может ли быть что доброе?» На это Филипп ответил ему словами Иисуса, обращенными два дня назад к Андрею и Иоанну: «Пойди и посмотри» (Ин. 1:46). Когда же Иисус видит приближающегося к Нему Нафанаила, Он прозревает в нем не того скептика, носителя расхожих мнений, как можно было бы о нем подумать, а совершенно другого внутренне человека: «Вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства» (Ин. 1:47). Откуда Ты можешь знать меня и оценивать? — удивляется Нафанаил, и тогда Христос являет Свои сверхчеловеческие возможности ясновидения: «Прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя» (Ин. 1:48). Эта смоковница не могла не остановить внимания толкователей Евангелия. В ней видели намек на нечто важное или очень личное, произошедшее с Нафанаилом под смоковницей, о чем знал он один. Другие объясняли более символически: именно под смоковницей благочестивые евреи имели обыкновение предаваться дневной молитве, и то, что Нафанаил пришел к Христу из-под этого дерева, понималось как призыв к освобождению народа из-под ига формальных законнических предписаний, ибо время их прошло с явлением Спасителя. Такой провидческий дар Иисуса производит сильнейшее воздействие на Нафанаила, молниеносно высекая из него исповедание веры в Него как «Сына Божия» и «Царя Израилева».

Позднее при перечислении двенадцати апостолов мы не найдем имени Нафанаила («Дар Божий»), его упоминает только Иоанн всего два раза: здесь, при призвании его Иисусом, и еще при явлении воскресшего Христа ученикам у моря Тивериадского (Генисаретское Озеро), где он назван Нафанаилом из Каны Галилейской. Его обычно отождествляют с апостолом Варфоломеем («сын Толмая»), что могло быть другим, просто по отцу, именем Нафанаила,

тем более что призвание Варфоломея в апостолы нигде в Евангелиях не отмечено.

Привлекая к Себе первых учеников, Иисус еще не творит чудес — то, что обратит к Нему позднее множество народу. Он убеждает прежде всего словом (беседа Его с Андреем и Иоанном), поражающим ведением вещей скрытых: имен (как в случае с Симоном, которого Он до того не знал), прошлого (Нафанаил), пророчеством необыкновенного будущего для верных учеников: «Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин. 1:51).

Христовы ученики, будь они поначалу неграмотными рыбаками или, как Филипп и Нафанаил, сведущими в чтении и духовной грамоте, — все они точнейшим глазом Иисуса избраны из типа людей, противоположного тому, что позднее будет назван «умными и разумными», «совопросниками века сего», со всей их «мудростью мудрецов», погрязшими в логике и ценностях природного, смертно-культурного мира. Его точнее всего определит апостол Петр (в прошлом рыбак Симон): «Сокровенный сердца человек» (1 Петр. 3:4), земной начаток нового творения; в нем — как бы ни различались индивидуальные характеры и темпераменты — нет «лукавства» и двоедушия, в нем живет то *дитя*, не знающее избирательных перегородок в любви и желании добра, умеющее наивно поверить в *невозможное* и беззаветно служить ему, не став которым, по слову Христа, невозможно войти в Царствие Небесное.

БРАК В КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

27 г.

Ин. 2:1-11

Расстояние между Вифаварой и Каной Галилейской, где уже «на третий день» после призвания Филиппа и Нафанаила оказывается Иисус со Своими учениками, составляло около 80 км и спокойно преодолевалось за такое время пешего путешествия. Кана расположена чуть северо-восточнее Назарета, и Иисус мог сначала зайти в Свой родной город, узнать, что Его Мать

с братьями и сестрами находится на свадьбе¹ в этом соседнем селении, куда званы все родные, и отправиться туда. Дорога заняла не больше полутора-двух часов ходу, и Иисус с учениками прибыли в Кану, вероятно, к вечеру, когда и разворачивалась свадебная церемония². Мы видим Его глазами евангелиста Иоанна уже на брачном пиру, рядом с Матерью. И вдруг обнаруживается крайне неприятная и даже постыдная для свадьбы, тем более восточной, вещь, о которой Мария, узнав об этом, как приближенная к хозяевам, раньше других гостей, тихо оповещает Сына: «Вина нет у них» (Ин. 2:3). На что надеялась Та, что лучше всех знала, с каких Высот восприяла Она это Чадо, на какую, Ей еще неясную, чудесную помощь? Ответ Иисуса: «Что Мне и Тебе, женщина? еще не пришел час Мой» (Ин. 2:4) — как будто выражает (довольно распространённым иудейским оборотом, встречающимся и в Ветхом завете: «*Что мне и тебе*») свою непричастность к случившемуся, ничего не обещает немедленного, относя какие-то исключительные проявления и дела на будущее. Он может показаться даже резковатым, особенно в обращении «женщина», от которого, на современное ухо, веет чуть презрительным отчуждением. Но в те времена на Востоке и в Палестине это было самое обычное, вполне почтительное, могущее быть и нежным, обращение к особям женского пола, будь они хоть царицы; применялось оно и к матери, особенно в присутствии посторонних. Но этот ответ не обескураживает Богоматерь, и словно Сама понукая Его пересилить желание устраниваться на сей раз от обнаружения Себя, воистину в чаянии надежды на Божественный отклик, в порыве беззаветной веры в Сына (той, о которой позднее будет сказано, что она сможет двигать горами), Она приказывает слугам: «Что скажет Он вам, то и сделайте» (Ин. 2:5).

¹ По предположению отцов церкви, свадьба происходила в доме родственников Марии, а женихом был, скорее всего, Зилот, сын Клеопы, брата уже умершего к этому времени Иосифа. Следовательно, он приходился племянником Богоматери и двоюродным братом Иисусу. Родня Их со стороны Иосифа была многочисленной, к ней относятся и все «братья и сестры» Иисуса.

² Эта церемония, проходившая по довольно строгому ритуалу, обычно продолжалась семь дней, если невеста была девицей, и три — если вдовицей. Когда опускались сумерки, целая процессия во главе с ярко убранной невестой в сопровождении родственников и друзей, освещая дорогу светильниками, под музыку барабанов и флейт отправлялась в дом жениха, где их встречали еще на улице.

И тут вступает в дело Иисус: он просит наполнить «шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения иудейского»¹ (Ин. 2:6), доверху водой, потом почерпнуть оттуда и отнести к распорядителю праздника, архитриклину. Им был обычно друг жениха: он и осенял трапезу молитвой в начале и в конце, он же и благословлял и отведывал блюда перед общей едой. Попробовав принесенную ему жидкость, оказавшуюся прекрасным вином, он в удивлении призывает к себе жениха «и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе» (Ин. 2:10).

Вот и весь сюжет произошедшего, но что стоит за ним? Евангелист в своем обобщении: «Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» (Ин. 2:11) — настаивает на важности для Иисуса усиления веры в Него учеников. Первое чудо происходит в замкнутой среде небольшого селения, среди родственников, нескольких гостей и учеников. Это только начало: чудотворение Христа будет следовать избранному Им правилу постепенного и все большего охвата людей, их сердец и умов. Да, но какое это Начало и какими великими смыслами светит оно!

Сначала то, что лежит на поверхности, — удивительно светлый, радостный колорит первого чуда: и сама обстановка и атмосфера брачного пира, этого увенчания молодой любви, вступающей в свою плодоносную фазу продолжения и прироста жизни (это тебе не толпа больных, бесноватых и прокаженных или одр уже засмердевшего мертвеца); и трогательное сострадание Христа к простым людям, оказавшимся в неловком положении, и еще большее усиление невинного, простого веселья тем чудесным вином, которое неожиданно появилось на столах пирующих. Причем вмешательство Иисуса прошло, по крайней мере, пока шел ужин, незаметно: о нем знали только Богоматерь, служители и ученики.

Но стоит чуть копнуть, и выяснится, что Иоанн Предтеча назовет чуть позже Самого Христа «Женихом», а себя — «другом Жениха»: человеческий род в лице верных (позже это будет Цер-

¹ «Ибо иудеи почти каждый день обмывались и потом уже принимались за пищу. Прикасались ли они к прокаженным, к мертвецу, общались ли с женщиною, они обмывались, как уже нечистые» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 299).

ковь), как Невеста, готовится к обручению с новой высшей природой, воплощенной в Небесном Женихе, Иисусе. Выяснится, что брачные образы — одни из самых излюбленных («жених», «невеста», «брачная вечеря», «брачный пир», «брачная одежда») и символически-содержательных в Евангелиях. И относятся они прежде всего к центральной теме Царствия Небесного. Тут же всплывет символизм воды и вина: *вода* — низшая материальность мира, *вино* — высший, преображенный, духовный ее уровень (ср. «новое вино» Христовой Вести).

Так до Своей галилейской проповеди о Царствии Божиим Христос как бы *поставил* в жизни, художественно разыграл в живой сценке первую и самую мистериальную притчу о Царствии Небесном. Ведь могла же быть в россыпи позднейших рассказанных притч Христа о Царствии Небесном и такая: «Царствие Небесное подобно брачному пиру...», где был бы представлен сюжет Каны Галилейской, а затем дано, как всегда, и разъяснение, что имеется здесь в виду будущее блаженство Царствия Небесного, пир рода человеческого, земных невесты и жениха, и всех приглашенных, и всех слуг, ставших сынами и друзьями Жениха Небесного и Его Отца, волей и силой Которых преображаются низшие элементы и стихии, и телесность, и души в высшие, духовные, божественные, и не иссякает вино радости новой, веселия духовного. А как знаменательно, что именно из уст Богоматери (Богоматерии) звучит это *воздыхание*: «Вина нет!», воздыхание глубинного неудовольствия самой Земли порядком бытия, в который она вступила с грехопадения и погрязла в нем, воздыхание о недостаточности и как бы исчерпанности животно-смертных путей для человеческой природы. На Ее невысказанную, но подразумеваемую просьбу, нудящую к изменению такого порядка вещей, Христос отвечает, что не пришел еще час для окончательного обнаружения содержания проповеди о Царствии Небесном, призыва к стяжанию его «силою», самой работой преображения. Но Богоматерь, безмолвно принимая слова Сына и, очевидно, складывая их, как всегда, в сердце Своем, все же упорствует в вере: Сын уже сейчас должен явить чудо, явить наглядную притчу пресуществления и преображения. И Он внимает Ей и приказывает слугителям, и притча осуществляется.

В толкованиях на чудо в Кане было немало увлечения скрупулезным аллегоризмом, не всегда идущим вглубь этого эпизода. Так,

Феофилакт Болгарский под «водою» предлагал разуметь нашу теперешнюю «водянистость, влажность и расслабление в жизни и мнениях»; пять водоносов у него — пять органов чувств, что постоянно нас подводят, а шестой — земной «разум, которым мы колеблемся в мнениях». Или еще, скажем, так: пять водоносов — пять законов, дававшихся Богом своему народу: в раю, Ною, Аврааму, Моисею, пророкам. И все они, по сравнению с Евангелиями, «водянисты», если их понимать и принимать буквально, и только если «кто углубится в дух их и уразумеет сокровитное в них, тот найдет воду претворившеюся в вино». Но и у Феофилакта среди такого несколько формалистически-благочестивого начетничества встречаются блестящие глубокой христианской мысли: водоносы потому «каменные», считает он, что сами мы созданы из земли, «или потому, что преднамереваемые вместилища такого вина должны быть тверды и неразрушимы»¹. А это уже точный образ той непревратной и неветшающей, бессмертной плоти, обетование которой дается «вином Завета» Нового.

Именно в такой последней, эсхатологически-преображающей перспективе почувствовали это Христово чудо некоторые отцы церкви. Так, вдумывание в то, что произошло в Кане Галилейской, родило в св. Ефреме Сирине большую, самую большую христианскую надежду на полное обновление мира и полное спасение. Ход его мысли таков: из малого Христос создал многое, из недостатка — изобилие, но главное — Он не просто взял и сотворил новую вещь, а изменил имеющуюся, не презрев и не отвергнув ее, «точно так же и в конце времен те же самые твари будут обновлены, поелику та воля, которая одним повелением тотчас же изменила простую воду в приятное вино, в конце времен может всему творению восставить вид, доброта коего неизреченна» (буквально: «восставить вкус, сладость коего неизреченна»). Благость и премудрость Творца в том, что вещи созданы Им не только на «испытание», но и на «исправление», «то есть чтобы праведники искушались и достигали награды, преступники же исправлялись и таким образом получали награду». Восчувствие метаморфозы, явленной в чуде в Кане Галилейской, дало далеко идущие последствия в сердечной мысли свя-

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 299, 301, 300.

того: веру в превращаемость дурных качеств и свойств в добрые при сохранении личностных их носителей — касающуюся всего и всех в мире. Повелел же Господь — и «всеистребляющий огонь» стал для трех отроков в печи (Дан. 3:19-94) «сладостным утешителем», так Он и «в конце времен повелит вредоносным вещам и станут полезными, и злым вещам даст повеление и произведут веселие»¹.

Наконец, воистину свышеврожденное, гениальное (*по-человечески*) замечание обронил свт. Иоанн Златоуст, касаясь самой природы чуда. Давайте подумаем вместе с ним: можно ли вообще естественным образом превратить воду в вино? Ну конечно — природа постоянно это делает в органической «лаборатории» виноградной лозы, когда через виноградный корень она «предлагает воду в винограде и обращает в вино дождь», как выражается св. отец. Правда, в растении это требует определенного времени, а в чуде — происходит как бы моментальное стяжение процесса, природного или человеческого, как при исцелении, которое может быть результатом длительного лечения и ухода. Это замечание святого поможет нам пробить низкий потолок рутинного понимания, когда пойдет массовая манифестация Христовых чудес, объемлющих весь круг власти над стихийными, смертоносными силами мира, и более того, мы услышим плохо пока вмещаемое обещание и чуть не повеление Спасителя: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12).

ПЕРВАЯ ПАСХА В ИЕРУСАЛИМЕ

апрель 27 г.

Ин. 2:12-25

Евангелист Иоанн рассказывает, что сразу же из Каны Иисус с Матерью, братьями и учениками отправился к северо-западной оконечности Генисаретского озера (оно же Галилейское или Тивериадское море) в город Капернаум, где пробыл недолго. Свт. Иоанн Златоуст и блаж. Феофилакт считают, что

¹ Св. Ефрем Сирийский. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 76.

главной Его заботой здесь было устроить Деву Марию на время Своего предпасхального путешествия в Иерусалим и возможных проповеднических странствий. Полагают, что Он мог присмотреть и Себе жилище, собираясь вернуться сюда на большой срок. Немало живописались эти края, ставшие Его второй родиной, избранные Им для основательного обнаружения учения о Царствии Небесном: то была не мрачная пустыня Иоанна Предтечи, не засиженный книжниками и фарисеями Иерусалим, не скудная и суровая Иудея, а чудесный уголок земли, отраднейший во всей Палестине, — это и прозрачное озеро, полное рыбы, окаймленное цветочными лугами и изумительной южной растительностью, которое несло прохладу жаркой долине, плодородной и изобильной плодами; это и густое, смешанное из иудеев и язычников население, трудолюбивое, приветливое, открытое новым идеям, оживленный пестрый облик страны, лежащей на торговых путях...

Однако служение на берегах Генисаретского озера было еще впереди, а пока Иисус с учениками пошел в дальнюю (по палестинским, разумеется, меркам) дорогу в Иерусалим, требовавшую двух-трех ночевок в пути. Приближался праздник Пасхи¹, на который обычно стекалось огромное множество паломников — до двух миллионов человек. Всех влекла главная иудейская святыня — Храм. Это было величественное сооружение, одно из чудес света, так называемый второй Храм, построенный после возвращения иудеев из Вавилонского пленения; современный Иисусу вид его

¹ Празднование Пасхи (евр. «Песах» — прохождение) во всех деталях своего ритуала было установлено Господом через Моисея народу израильскому в знак его исхода из плена египетского (см. Исх. 12). Пасха должна была начинаться вечером 14 дня месяца авива («месяца колосьев»; после плена, по вавилонскому исчислению, месяца нисана, наш март-апрель) закланием однолетнего, «без порока» агнца, кровью которого сыны Израилевы, по приказу Господа, обмазали перекладины и косяки своих дверей, дабы Он прошел мимо их домов, совершая последнюю, десятую казнь над египтянами: умерщвление всех их первенцев, и человеческих, и животных. Испеченный агнец вкушался в эту же ночь с горькими травами, пресным хлебом, в одеянии путников с посохами в руках, символами горечи плена и поспешности исхода. Священное собрание должно было открывать и закрывать семь дней праздника, и все это время запрещались работа и вкушение квасного («наблюдайте опресноки»). Положен был этот праздник «во все роды», как «установление вечное». А месяц авив объявлен Господом «началом месяцев», первым в году.

определялся пышной перестройкой, затеянной царем Иродом за 19 лет до Его рождения и пока еще не оконченной. Раскинувшийся на огромной территории Храм был окружен портиками, под их сводами книжники и учителя поучали присутствующих, а на особых местах торговцы продавали чуть ли не целые стада быков, овец, телят, ягнят, а отдельно и мелкую птицу — голубей и воробьев, предназначенных для жертвоприношений, а множество менял под процент обменивало иностранные деньги на еврейскую серебряную монету для уплаты священного налога. Однако чаще всего вся эта шумная толпа торговцев вместе с мычащим и блеющим скотом, менялы со своими столиками завладевали так называемым двором язычников, частью самого Храма¹, и тогда грязь и нечистоты, дурные запахи, гам, крики, споры торгующихся проникали туда, где было место только молитвенному сосредоточению, оскверняли Дом Господа.

Придя в Храм и увидя такое позорище, Иисус в порыве возмущения действует стремительно и неукротимо: выхватывает несколько веревок, которыми связывали скот, делает из них бич и, хлеща им, изгоняет и торговцев, и скот их, опрокидывает столы менял, рассыпая по полу груды монет, и только с продавцами голубей, птицы кроткой, покупаемой бедняками, Он более мягок, удостоивая их объяснением: «Возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не делайте домом торговли» (Ин. 2:16). Это объяснение, конечно, не зачерпывает всей значащей глубины Его жеста: Иисус пришел с верой, в которой станут невозможны кровавые животные жертвоприношения как уже низшая, превзойденная ступень Богопочитания. Изгоняет Он жертвенных животных с их хозяевами на Пасху, Его праздник, ибо жертвенный пасхальный агнец Господу, спас-

¹ Иерусалимский Храм делился на три части, поднимавшиеся одна над другой террасами, соединенными лестницей: внизу находился Двор язычников, куда мог войти всякий, даже не иудей; выше — Двор Израиля, состоявший из двух частей: для жен и мужей отдельно; и на самом веру — Двор священников, а в глубине его заключалось наиболее сакральное место Храма — Святое, или Святилище, где священники совершали богослужение, и наконец, отделенное особой завесой Святое Святых, абсолютно темное и пустое после исчезновения Ковчега завета (что произошло после взятия Иерусалима Навуходоносором в 586 г. до н. э.). Сюда не мог входить никто, кроме первосвященника раз в год в день Очищения для окропления его жертвенной кровью.

шему сынов израилевых от гибели и плена, был основным прообразом Его искупительного подвига (Христос, Агнец Божий претерпевает заклание на кресте за весь род людской, и Он же на Тайной вечере дает под видом хлеба и вина Свою плоть и кровь в снедь верным, что станет позже литургической сердцевиной христианского богослужения). Казненный и воскресший на иудейскую Пасху, Христос осуществил этот прообраз в его истинном смысле и отменил тем самым Пасху в ее чисто иудейской ипостаси.

Самое поразительное и просто чудесное в сцене очищения Храма то, что все повинуются Иисусу; какая-то неодолимая, божественная сила, *власть приказывать* в этом Доме исходят от Него; не будь их, да вся эта разъяренная груда торговцев и менял в мгновение ока смяла бы подобного нахала и выбросила вон. Удивление, некоторая оторопь и ревность к такому благочестивому дерзновению со стороны не облеченного ни мирской, ни священнической властью приводят к Иисусу «иудеев», левитов, священников и книжников. Видя свершившийся необыкновенный результат, они хотят знать: «Каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?» Ответ Иисуса: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2:18-19) — повергает их буквально в шок и крайнее возмущение: как возможно в три дня воздвигнуть Храм, который строился сорок шесть лет?! Ожог от такого «знамения» Христовой сверхъестественной мощи был столь памятен для иудеев, что его в злобно извращенном виде (мол, призывал разрушить Храм!) припомнили Ему на суде. Но на их возмущение Иисус никак не реагирует, а св. Иоанн, уже с высоты веры, получившей первоудостоверение в смерти и воскресении Спасителя, объясняет: «А Он говорил о храме Тела Своего» (Ин. 2:21). То же поняли и ученики после Его восстания, восценив пророческую глубину Его давнего, странного ответа. Иисус и говорил такие многозначительно-загадочные вещи для этих будущих пониманий и восценений. Пока же сама мысль о воскресении была настолько неудобопонятной, что с трудом и дальше вмещалась даже в Его учеников, оттолкнув от Него некоторых из них (см. Ин. 6:60). Новую религиозную логику Христос возвращает в Своих учениках постепенно, разрыхляя почву их восприятия чудесами, бросая в нее семена таких ошарашивающих пророчеств и притчевых поучений. Ослепительное ее раскрытие явится по-

зднее — при пустом гробе, на дороге в Эммаус, в страстных глаголах ап. Павла.

В ответе Иисуса о трехдневном восстановлении Своего Пречистого Тела-Храма звучит и еще одно пророчество: истинная религия стоит перед вами в живом вочеловечившемся Боге, она скрывается в Его Тело-Храм, а затем в тела-храмы верных Ему христиан, навсегда уходя из монументальной каменной громады, справляющей отживающий иудейский культ. Именно с этого эпизода начинается Его открытое противостояние религиозной иудейской власти, а с ее стороны — неустанное преследование Христа, борьба с Ним до финального злодейства.

Как мы узнаем от Иоанна, Христос в первую Свою Пасху в Иерусалиме уже творил чудеса (правда, евангелист не раскрывает какие именно), от которых многие в Него уверовали. Скорее всего, это были чудеса сострадания к страждущим, дела исцеления. Но Иоанн не случайно именно здесь отмечает, насколько Иисус не обольщался этими успехами: «Но сам Иисус не вверял Себя им, потому что знал всех, и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке; ибо Сам знал, что в человеке» (Ин. 2:24-25). Он знал все о человеке, сколь слаб он и превратен, сколь ненадежна его мгновенно *очарованная* вера, как легко забывает он высшие свои порывы и прозрения, склоняясь под приговором утвержденных авторитетов, как легко его обмануть и превратить в участника озлобленной толпы, кричащей: «Распни, распни Его!» А ведь это будет именно иерусалимская толпа. Но еще больше Он знал и все предвидел о ее вождях, о фарисеях и книжниках, о тех, кому Он только что отвечал в Храме, знал их гордынную самость и упорство в ней, их зло извращенную волю, готовую закрыть глаза на очевидное, лишь бы сохранить свое избранничество. Знал и то, что своими изощренно-толковательными мозгами, хранящими каждую букву Писания, не смогут они не понять — пусть не сразу, но по некоторому анализу и размышлению — именно то, что Он и хотел им сказать, и поймут это значительно раньше самих Его учеников. Действительно, сразу же после смерти Иисуса на кресте (точнее, в субботу утром) первосвященники — тогда ими были саддукеи — и фарисеи являются к Пилату с настоятельной просьбой стеречь лучше Его гроб, поскольку «обманщик» обещал воскреснуть после трех дней (см. Мф. 27:63). Но откуда было им знать об этом: ни Христос никогда не раскрывал Своих слов о

восстановленном Храме, ни ученики тем более, они никак не могли взять в толк до воскресения Спасителя, что Он им время от времени внушал на сей счет. А расшифровали эти умные головы прекрасно сами, но *не захотели* принять очевидных свидетельств собственных ветхозаветных пророков, не говоря уже об Иоанне Предтече, точнее, *не захотели опознать* именно в Этом, в Его проповеди и делах прореченного Спасителя. Упорство было сознательным и *волевым* (тут видно, сколько в любой вере волевого избрания!), за ним стояла тонкая непобедимая корысть — невозможность отказаться от своей исключительности, народной и личностной.

БЕСЕДА С НИКОДИМОМ

27 г.

Ин. 3:1-21

Но не все фарисеи¹ оказались врагами Иисуса. Был среди них, рассказывает Иоанн, «некто, именем Никодим, один из начальников иудейских» («князь жидовский», как это звучит в старославянском переводе). Это был человек состоятельный и важный, член Синагогии (Великого Совета), верховного религиозного Суда у иудеев, где среди семидесяти одного его члена он принадлежал к категории старейшин, набиравшихся из самых богатых и влиятельных священников и мирян — выше были первосвященники, а ниже — книжники, учителя Закона. Очевидно, в один из пасхальных дней (а Пасха праздновалась у иудеев

¹ Интересно, что среди тайных — по страху иудейскому — учеников Христа, кроме Никодима, был еще один фарисей: Иосиф Аримафейский, возможно, были и другие. И в первохристианской иерусалимской Церкви многие принадлежали прежде к этой секте, как, впрочем, и ап. Павел. При всем своем формальном законничестве, внешнем обрядовом благочестии, колоссальной гордости собой, зависти и злобе по отношению к Христу, фарисеи, догматически признававшие бессмертие души, воскресение (пусть и строго выборочное), были в определенном отношении ближе к христианству, чем саддукеи, отрицавшие эти верования и больше всего стремившиеся к осязаемым знакам земного благополучия и господства. Не случайно ни один из саддукеев, хотя бы сверхтайно, не пришел к Христу. Да и само предание Его казни было в основном делом их рук, они же были и самыми яростными гонителями первых христиан.

неделю), пока Иисус оставался в Иерусалиме, Никодим, не удержав желания ближе узнать поразившего его нового проповедника и чудотворца и вместе боясь огласки, под покровом ночи приходит к Иисусу. И обращается к Нему как к «Учителю, пришедшему от Бога» (Ин. 3:2), — в этом его уверили те необыкновенные чудеса, которые Он творил. Как мы видим, Никодим не исповедует в Иисусе Христа, Мессию и Спасителя, как первые Его ученики, а лишь выдающегося боговдохновенного Учителя. Но Иисус и не пытается сразу же повысить Свой ранг в глазах Никодима. Его, как всегда, неожиданный ответ: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:3) — тут же резко сбивает все привычки мышления почтенного фари́сея. Он в полной растерянности: «Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Ин. 3:4). При самой глубокой серьезности высказывания Христа, оно оказывается для Никодима замечательной духовной *провокацией*: тут же обнаруживается, на какой еще низкой ступени — по евангельскому счету — стоит понимание этого лучшего из «совопросников века сего», насколько его логика погрязла в путях природно-земного разумения вещей.

Пытаясь новым фокусом заострить видение Никодима, Иисус продолжает настаивать, что для человека именно в этом ключ в Царствие Небесное: заново «родиться от воды и Духа», т. е. от крещения Христова (напомним, что оно являет собой символическое соумирание со Христом и воскресение в преображенное естество, что в крещении Дух «сынополагает» человека Богу), одним словом, «должно вам родиться свыше» (Ин. 3:5,7). То, что чуть позднее Иисус выскажет в Нагорной проповеди: «Да будете сынами Отца вашего Небесного» (Мф. 5:45), приглашение к духовному усыновлению Божественному Отцу, св. Иоанн буквально с первых стихов своего Евангелия, с самого момента пришествия Света в мир, сразу же заявит как главное: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (Ин. 1:12-13). Отец Небесный — духовный образец новой, не-природной, бессмертной сущности, по которому родится «сын Божий», житель «нового неба и новой земли», Царствия Небесного. Рождение в нового человека, в новый порядок бытия —

свыше, от Слова, благовествования воплощенного Логоса, Христа, и от Духа Святого, Который «дышит, где хочет». Эта высшая свобода Духа передается и «рожденным от Духа».

«Дух дышит» переводится и как «ветер веет» (Ин. 3:8) — греческое слово «пневма» означает и «ветер», и «дух». Если принять здесь игру слов, то в «ветре» Христос выделяет его незримость и неуловимость: «Голос его слышишь, а не знаешь откуда приходит и куда уходит»; «так бывает, — уподобляет Он, — со всяким рожденным от Духа» (Ин. 3:8). Посему свт. Иоанн Златоуст толкует так: «Потому как не видим ветра, хотя он и издает шум, так незримо для телесных очей и духовное рождение»¹. Но люди издавна полюбили и поняли это «дух дышит, где хочет» как нередкую подачу духовных даров и благодати тому, кто вовсе не старается так профессионально-выделанно и нарочито наглядно, как те же фарисеи, готовиться к гарантированной награде.

Сам же Никодим никак понять этого не может: вообще о каком новом рождении может идти речь, когда он уже *готов* и спасен самой принадлежностью к лучшей части богоизбранного народа, исповедующего истинную религию... Тут пока глухой предел, который не смогли пробить большинство его собратьев и соплеменников. Пробить его может только буквальная вера в то, что Христос — действительный Сын Божий и послан от Бога, и Весть Его — новая религиозная ступень человечества, новое раскрытие задачи сынов человеческих в мире и высшей цели их обетований. И далее в разговоре с Никодимом Иисус обнаруживает истинную Свою природу, смысл Своего земного служения. Надо полагать, что именно после этого произошел решительный сдвиг в религиозном сознании Никодима, который через три года привел его к погребению Тела Иисуса, а позднее, по преданию, и к христианскому крещению.

Итак, от проповеди о «земном», о том, что касается самого человека, его духовного рождения «свыше», посетовав: «Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном?» (Ин. 3:12), — Иисус все же переходит к раскрытию тайн небесных: о Своем Лице, о Божием замысле искупления мира через вочеловечение Божественного Сына. Это

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. С. 169.

откровение самых таинственных тайн Божиих — единственное в Евангелиях полное и *прямое* свидетельство: «Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели» (Ин. 3:11). Вместе с Никодимом мы получаем откровение о Боге в мире, перед которым все прежние неполны, и в лучшем случае — прообразовательны. «Сшедший с небес Сын Человеческий» есть и «сущий на небесах» едиnorodный Сын Божий. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал» Его земле, «дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:13,16). Тайну Своей искупительной смерти и воскресения Иисус изображает под прикровением ветховетного образа: «И как Моисей вознес змею в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:14-15). Иисус имеет в виду такой эпизод из книги «Чисел»: народ, выведенный Моисеем из Египта, от лишений и невзгод в пустыне на долгом пути к земле обетованной стал «малодушествовать» и роптать против Бога. И тогда в наказание насылает на них Господь ядовитых змей, от укуса которых умирает множество сынов израилевых. По просьбе раскаявшегося народа и молитве Моисея, Господь смилостивился и сказал вождю: «Сделай себе медного змея и выставь его на знамя, и если ужалит змей какого-либо человека, ужаленный, взглянув на него, останется жив» (Числ. 21:8). Так и стало: после смертельного укуса взглядывал несчастный на змея, выставленного на шесте, и исцелялся силой веры. Заметьте, насколько удачно Иисус выбрал этот образ. Да, отныне Христос, Его распятие, воскресение и вознесение будут на знамени веры христианской: пусть каждый из нас должен пока умереть, ужаленный смертью, но взгляни на Победителя ее и знай — и ты так же воскреснешь и преобразишься. И как там в пустыне змей жалил, но и змей исцелял, так и тут смертью будет поправа смерть.

Дважды в этом первом записанном откровении Благой Вести звучат слова о «жизни вечной». Никто из евангелистов не выразил с такой силой, как св. Иоанн, главную надежду, принесенную Христом, — победу над смертью и тлением. Одно слово «жизнь» и «жизнь вечная» становится у него аналогом столь важного в синоптических Евангелиях понятия «Царствия Небесного» (кстати, только в разговоре с Никодимом единственный раз в своем Евангелии Иоанн употребляет выражение «Царствие Божие») и опре-

делением Самого Христа: Он — «хлеб жизни», «свет жизни», «воскресение и жизнь», «путь, истина и жизнь», с Ним «жизнь явилась», у Него «глаголы вечной жизни», Он пришел, чтоб «имели жизнь и имели с избытком»...

И еще одну поразительную черту нового религиозного откровения возвещает Иисус фарисею, ждущему со всеми грозного Мессию: Он послан Богом не судить мир, но спасти его, и разделение никак не проходит между праведными иудеями и остальным миром, обреченным карам Господним, а между верующими в Него, которые «не судятся», и неверующими, носящими суд в себе: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир, но люди больше возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин. 3:19). Неверующий осуждает себя сам — на свою тьму, злобу, «рабство тлению», отчаяние в спасении. И завершает Иисус почти человеческой *психологией*, объясняющей упорство людей на путях тьмы и неверия в «воскресение и жизнь»: бегут от Света, малодушно боясь обличения в его лучах своих злых дел. И сам этот психологический, «слишком человеческий», а не онтологически-фатальный корень *спасения и проклятия*, несет в себе надежду на превозможение самого этого разделения.

**НАЧАЛО ГАЛИЛЕЙСКОГО
СЛУЖЕНИЯ**

Христос и самарянка. Фреска. Конец XII в.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ ОБ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

27 г.

Ин. 3:22-36

Вскоре после Пасхи Иисус покинул Иерусалим и «пришел... с учениками Своими в землю Иудейскую¹ и там жил с ними и крестил» (Ин. 3:22). Чуть позднее евангелист уточнит: «Сам Иисус не крестил, а ученики Его» (Ин. 4:2)². Поскольку речь идет об обряде крещения как главном занятии небольшой пока общины Иисуса, то, казалось бы, она и должна была обретаться на берегах Иордана. Но надо реально представить себе иорданскую долину, эту большую расщелину, с двух сторон замкнутую отвесными скалами, в глубине которой на тысячу метров ниже вершины этих скал и

¹ Протекавший с севера на юг через всю Палестину Иордан, впадавший в Соленое (Мертвое) море, делил ее на две части: восточную (Зайорданье) и западную, которая в свою очередь расчленилась на три области — Иудею, Самарию и Галилею. В основном возвышенная, с каменистой безводной почвой Иудея отличалась более суровыми и скудными природными условиями, чем ее северные соседи. Только на самом западе прибрежная к Средиземному морю равнинная ее часть славилась плодородием. Иудея была заселена однородным еврейским населением. Воздвигнутая на горах ее столица Иерусалим, с Храмом и тысячами синагог, многочисленными священниками, левитами и книжниками, была священной религиозной цитаделью всей Палестины.

² На вопрос, почему Христос не мог крестить Сам, блаж. Феофилакт отвечает вслед за отцами Церкви так: «Иоанн прежде сказал, что Он будет крестить вас Духом Святым (Мф. 3:11). А Духа Святого Он еще не давал, потому что было еще не время» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 314). Это время наступило после воскресения Христа, когда Он дал апостолам повеление крещения народов (Мф. 28:19).

течет библейски знаменитая, но несудоходная, сильно мелеющая летом река. Значительную часть года в этих местах царит нестерпимая, до 50 градусов в тени жара, тяжелая духота, а посему ни дорог здесь никогда не проводили, ни городов не строили. В летнее время ученики Иисуса могли пользоваться для крещения несколькими источниками: у Биры, в трех часах ходу к северу от Иерусалима, или на юге, в часу пути от столицы у Бет-Джалы, или, наконец, Соломоновыми прудами у Вифлеема, места, где Иисус родился. А к ноябрю они, скорее всего, возвратились к Иордану, где в Еноне близ Салима продолжал крестить Иоанн. (Это место, обильное подземными водами, стекавшими в Иордан, расположено было относительно недалеко от Сихема. Само название Енон и означает «источники».) Хотя на то нет прямого свидетельства у св. Иоанна, надо полагать, что ученики Иисуса крестили, а Сам Он проповедовал.

Итак, до широкого благовествования Христа о Царствии Небесном в Галилее, до поучений и притч, раскрывающих смысл этого центрального понятия Его проповеди, до многих чудотворений община Иисуса занимается тем, что *крестит*. Причем происходит это довольно долго: Иисус остается в Иудее почти десять месяцев, с апреля по декабрь 27 г., и значит придает этому очистительно-покаянному обряду, своего рода мистериальному посвящению, достаточно большое значение, но значение именно предварительное, *переходное* к восприятию собственно Благой Вести. Интересно, что пока крестит Иоанн, тем же занимаются и Христовы ученики — знак определенной связи двух общин, нарождающейся Христовой и устоявшейся Иоанновой, и похоже — нежелания Иисуса до поры слишком явно заявлять о Себе. Зато сразу же после взятия Иоанна под стражу Он начинает Свое абсолютно автономное галилейское служение. И Матфей, и Марк отмечают эту как бы причинно-следственную зависимость: «После же того, как предан был Иоанн, пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия» (Мк. 1:14).

Крещение, производимое учениками Иисуса (а в нем проповедью участвовал и Сам Учитель), вмещало в себя и начаток нового качества, которое утвердится уже в более позднем христианском крещении — и недаром к ним стекается множество народа, большее чем к Иоанну. И вот между иудеями, очевидно крестившимися у Христовых учеников, и учениками Иоанна происходит «спор... об

очищении» (Ин. 3:25), надо думать, как раз о преимуществах одного перед другим. Не исключено, что в этом споре приняли участие также враги и Предтечи, и Иисуса — фарисеи, сознательно разжигая ревность иоаннитов, желая посеять раздор между двумя общинами и тем унижить и ослабить их в глазах народа. Так или иначе, задетые и раздосадованные ученики Крестителя отправились к своему Наставнику с таким известием: «Тот, Который был с тобою при Иордане, и о Котором ты свидетельствовал, вот, Он крестит, и все идут к Нему» (Ин. 3:26). Конечно, чувства малодостойные таятся и сквозят в этих словах: ущемленность и зависть. И какая тут тонкая психологическая деталь, изобличающая степень внутреннего раздражения учеников: их язык, старающийся быть спокойным, передать только факт, не поворачивается даже назвать Иисуса по имени! Каждый бывший во власти подобных чувств их хорошо поймет. Еще бы: у их же учителя крестился, заимствовал его обряд, а теперь встал впереди, перехватил народную любовь! Для них Иисус — один из иудейских равви, и к такому, из чреды земных учителей, возможна ревность, хотя она и предосудительна и изобличает, как пишет свт. Иоанн Златоуст, их «любочестие» и «славолюбие», «это терние, с трудом исторгаемое, зверь неукротимый, многоглавый, встающий на тех самых, которые питают его»¹. И тут Иоанн Креститель сразу же твердо переключает их видение и понимание в совсем другой регистр, который напрочь снимает такого рода эмоцию: как вообще можно сравнивать и тягаться, завидовать и роптать, когда речь идет о «Приходящем свыше», «с небес», о Явлении совсем другого бытийственного уровня, несоизмеримого с тварным и земнородным. Здесь уместны только любовь, благоговение, смирение и радость, радость, что тебе выпало невероятное счастье быть с Ним в эти уникальные дни Его земного воплощения, получать из Его уст не гадательные предположения и смутно-взволнованные прозрения пусть самых мудрых и вдохновенных учителей и пророков «сущих от земли», а свидетельства того, что Он, не только «Приходящий с небес», но и Происходящий оттуда, «видел и слышал» там — «слова Божии», с которыми Его послал Небесный Отец.

Иоанн еще раз напоминает своим ученикам и подтверждает свою миссию Предтечи: «Не я Христос, но я послан пред Ним»; здесь же он и облакает собственную роль образом «друга жениха», радуя-

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. С. 190.

щегося устроенному им браку¹ и неизбежно уходящего в тень («Ему должно расти, а мне умяляться»² — Ин. 3:30). Ибо этот брак, воистину, переживает пока свои первые мгновения и часы, несколько смущенные и неясные: сама Невеста еще толком не знает, какой Жених ей достался, какие испытания верности суждены ей впереди, каких усилий и подвигов Он потребует... Самый смысл этого союза во всей его глубине, ответственности и обетованной радости вряд ли откроется сыновьям и дочерям «чертога брачного», даже пока с ними на Земле будет Жених; этому смыслу еще обнаруживать себя и далее на тысячелетия вперед в сознании Церкви и мира. Иоанн Предтеча был из тех, кто первым пытался помочь такому осознанию.

В своем последнем свидетельстве о Христе, этом его духовном завещании ученикам и потомкам, Креститель вдохновенно передал то знание об Иисусе, которое он, как мы уже знаем, получил в откровении свыше: а именно о Его Божественной, Богосыновьей природе. Это было как раз то, что еще мало кому — до самого воскресения Христа — было внятно в полной мере. «Приходящий с небес есть выше всех», выше всех не только по высоте служения, но по своему существу, выше всех праотцев и пророков, всех ангельских чинов. Мера богодухновенности земных учений и пророчеств зависит от Божественного произволения, от способности их носителей

¹ Образ брачного союза как символа особо тесных, проникновенных отношений между Богом и Его народом, звучащий в Песне Песней, разовьется в пророческих книгах — у Исаии, Иеремии, Иезекииля, Осии, где этот союз часто предстает обманутым, оскверненным изменой и блудом (народа-жены с другими языческими богами и идолами). В книге пророка Осии, первого из двенадцати так называемых малых пророков, где с удивительной живописной яростью явлена картина гнусных блудодеяний Израиля, в виде беспутной жены Гомери, дано обетование восстановления чистоты брачных уз между Господом и верной Ему общиной: «И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благодати и милосердии. И обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа» (Ос. 2:19-20). Именно такой поворот этой темы был подхвачен новозаветной традицией, использовавшей его к отношениям между Христом и Церковью, Христом и каждой верной Ему человеческой душой. Брачная любовь, брачное сопряжение и союз — натурально существующие в низшей сфере природной жизни — для религиозного сознания таят огромное сущностное, *энергийное* достоинство, раз они пресуществляются в такие высочайше-горние образы.

² Свт. Амвросий Медиоланский (IV в.), внесший в западную экзегетику аллегорический метод толкования Писания, так богословски прочитывал это почти пословичное выражение Иоанна: под самим собой он пророчествует умаление «закона и пророков», в то время как новому закону и Благой Вести, принесенной Христом, расти в своем значении до скончания века.

вместить данные им искры Духа истины и донести их людям. Мессии-Христу «не мерою дает Бог Духа» (Ин. 3:34), Он всецело Им проникнут, абсолютно *самобытен* в Своем бытии и знании. «Отец любит Сына и все дал в руку Его» (Ин. 3:35) — Христос не только посредник между Богом и родом человеческим, но Само беспредельное могущество Бога Отца действует в мире через Бога Сына.

«Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин. 3:36) — это слово, завершающее евангельскую проповедь Иоанна Крестителя, нуждается в некотором комментарии. Начнем с центрального здесь слова: «верующий» и «неверующий». В греческом подлиннике слово «верующий» буквально означает «повинующийся», «исполняющий», — а это существенно уточняет мысль. Как безоговорочно обречь на «гнев Божий» просто неверующего, когда такое его состояние может быть результатом незнания? А вот неповиновение, когда тебе уже открыта истина, будучи сознательным, волевым избранием, вполне логично и законно подпадает под осуждение. Правда, употребленное здесь сильное выражение «гнев Божий» вы больше не найдете ни в одном из Евангелий, но на то это и Иоанн Креститель, гортань которого дышит суровым пафосом Ветхого Завета. Недаром и Иисус, удостоверяя: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя», неожиданно завершал так: «Но меньший в Царствии Небесном больше его» (Мф. 11:11), проводя резкое разграничение двух логик, ценностей и обетований. Да, Христос приходит на Землю с предложением самого фундаментального из всех фундаментальных выборов — и в этом Иоанн более чем прав: или жизнь вечная, или ее отсутствие, смерть вечная — какое третье может быть дано по этому главному, последнему счету?

РАЗГОВОР С САМАРЯНКОЙ

середина декабря 27 г.

Ин. 4:1-42

Между тем молва о необыкновенных успехах нового проповедника («более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн» — Ин. 4:1) расходится все шире и начинает серьезно беспокоить столпы иудейского законничества —

фарисеев. Но Иисус не желает ни преждевременного внимания к себе врагов, ни прямого с ними столкновения: еще не проповедана Благая Весть всей Палестине, еще не воспитаны земные Его преемники — апостолы, впереди еще много и откровений, и дел — и Он покидает Иудею, направляясь с учениками на север, в Галилею¹. Многие толкователи, опираясь на Евангелия от Матфея и от Марка, полагают, что к этому времени Иоанн Креститель был уже заключен в тюрьму крепости Махерон.

Путь Иисус держит прямой — через Самарию. По причине давней распри с жителями этой области² правоверные иудеи им обычно не пользовались, принуждая себя делать крюк через заиорданскую Перею. Такое путешествие начиналось обычно ранним утром: надо было побольше выгадать прохладного времени. И вот к полудню (к шестому часу, по иудейскому исчислению суточного времени), когда солнце уже сильно припекло головы путников, Иисус с учениками достигли самарянского города, «называемого

¹ «Не по боязни, — считает свт. Иоанн Златоуст, — а для того, чтобы пресечь клевету и утишить ненависть», покинул Иисус Иудею. И блаж. Феофилакт извлекает для нас нравственный урок из такого уклончивого поведения Иисуса: Он показывает пример «щадить врагов и всячески стараться не давать им повода к соблазну или зависти... неразумно и без пользы не подвергаться искушениям, но удаляться на время, пока ярость укротится» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 319). Здесь перед нами образец назидательного толкования Евангелий и вообще Священного Писания, ярко представленного экзегетами антиохийской школы (свт. Кирилл Иерусалимский, свт. Иоанн Златоуст, блаж. Феодорит Кирский и др.).

² Самаряне произошли из смешения язычников, переселенных в область древнего Израильского царства в VIII в. до н. э. ассирийским царем Саргоном, с теми израильтянами, что остались здесь после угона в плен тем же царем десяти колен их соплеменников. Самаряне приняли Пятикнижие Моисея, однако довольно долго продолжали поклоняться и своим богам. К тому же они не признавали иудейских пророков и священного предания. После возвращения из вавилонского пленения иудеи не допустили самарян к строительству иерусалимского Храма, и те вынуждены были воздвигнуть себе свой на горе Гаризим. Ко времени земной жизни Спасителя от этого храма осталась только часть (он был разрушен иудейским царем Иоанном Гирканом в 129 г. до н. э.), но и она продолжала служить религиозной святыней для самарян. Эта сохранная часть гаризимского храма была превращена в руины в 67 г. н. э. В глазах иудеев самаряне были чуть ли не язычниками, и они гнушались всякого с ними общения.

Вплоть до недавнего времени потомки самарян, насчитывавшие не более двух сотен человек, жили на самой горе Гаризим (Джебел-эл-Тур), почитали древнейший список Пятикнижия, сохраняли своего первосвященника и свой богослужебный культ.

Сихарь¹, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу» (Ин. 4:5). Как раз сюда, за две тысячи лет до того, вывел Господь из халдейского Ура будущего родоначальника еврейского народа Авраама и здесь у Сихема явился ему и дал обетование: «Потомству твоему отдам Я землю сию» (Быт. 12:7). И воздвиг тут Авраам свой первый жертвенник Богу. И здесь же его внук Иаков, возвратившись из Месопотамии, «купил часть поля, на котором раскинул шатер свой... И поставил там жертвенник и призвал имя Господа Бога Израилева» (Быт. 33:19-20). И в этой земле погребли кости его сына Иосифа, того, кто был продан в рабство братьями, но позднее, достигнув высокого положения в Египте, спас и своего отца Иакова, и раскаявшихся братьев от голода и смерти и завещал себя похоронить именно здесь (Нав. 24:32). Расположен Сихем в узкой долине между двумя круглыми горами — Гевал и Гаризим: со времени преемника Моисея Иисуса Навина служили они святилищем иудеям, а позднее, с IV в. до н. э., только Гаризим — самарянам. Итак, к этому месту, насыщенному древней иудейской святиней, к самому колодезю Иаковлеву² подходит «утрудившись с пути» Иисус и садится на каменные ступени, вырубленные в скале, намереваясь отдохнуть, утолить жажду и дождаться учеников, отправившихся в город за провизией. Между тем к колодцу приближается с водоносом местная женщина, и Иисус просит у нее напиться. И по одежде, и по речи сразу признав в усталом путнике иудея, самарянка удивлена и недоумевает: «Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются» (Ин. 4:9).

Остановимся на мгновение. Что прежде всего впечатляет в этой начальной сцене? Пожалуй, то, насколько евангелист, только что устами Иоанна Крестителя так настойчиво свидетельствовавший о Божественном достоинстве Иисуса, на этот раз явно стремится подчеркнуть вторую, человеческую Его природу: Он и устает,

¹ Сихарь (точнее Сукар — «Могильный холм») был пригородом Сихема, ныне носящего имя Наблус (искаженное от Неаполис, как прозвали его завоевавшие Палестину римляне).

² Этот вырубленный в скале колодезь глубиной более 22 метров, который под именем Бир-Якуб существует, правда без воды, до настоящего времени, находился на расстоянии получаса ходьбы от Сихема, и им не могли часто пользоваться жители города для своих обыкновенных бытовых нужд. Пришедшая же к нему самарянка по каким-то причинам именно в этот день и час пожелала для себя воды, считавшейся особенно чистой и святой.

и жаждет, и несет на Себе конкретные, легко узнаваемые приметы человека определенной нации и эпохи.

Тем временем Иисус в ответ на вопрос самарянки произносит неожиданные для нее, многозначительные и властные слова: «Если бы ты знала дар Божий, и Кто говорит тебе: “дай Мне пить”, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую» (Ин. 4:10). Что такое «живая вода» — всегда было открыто самому простому человеку в расхожем, впитавшемся чуть ли не с молоком матери и ее первыми сказками знания: живая вода, воскрешающая мертвых, дарующая бессмертие, — древнейший мифологический и фольклорный образ. Если взять ближе к нашей самарянке, то в Ветхом Завете, правда в одной из пророческих книг, которые как раз и не признавались ее соплеменниками, и то лишь однажды, мы встретим прямое указание на Бога (кстати, из Его собственных уст) как на «источник воды живой» (Иер. 2:13). Самарянка и не удивляется, что бы это могла быть за живая вода, которую ей обещают, более того, она тут же преисполняется благоговения перед человеком явно каких-то редких даров. И обращается к Нему после этого почтительно: «Господин!», но обнаруживает при этом характер прямой, не боящийся высказать своих сомнений. Сначала самых элементарно-бытовых: вот у Тебя и ведра нет, а колодезь у нас глубокий, откуда дать Тебе мне воды живой, даже если бы Ты и был способен к каким-то чудесным превращениям вещества, — последнее уже не высказывается, но предполагается. Потом и более общих сомнений, касающихся, так сказать, ранга достоинства Стоящего перед нею: «Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь» (Ин. 4:12), Иакова, великого родоначальника двенадцати колен израилевых, будущее которых он пророчески возвестил в предсмертном благословении своих двенадцати сыновей.

На это Иисус говорит ей в ответ: «Всякий, пьющий воду эту, возжаждет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:13-14). Эти удивительные по поэтическому и смысловому сгущению слова Иисуса имеют в виду «живую воду» Его учения — с этим согласны все толкователи. И это бесспорно. Но вся глубина откровенного знания, скрытого тут, прозревается лишь в целом контексте Нового Завета, включая и финальное видение Небесного Иерусалима,

образно являющего «новое небо и новую землю» божественно-бессмертного порядка бытия. Всякий пьющий природную воду, даже такую чистую, как вода колодезя древнего патриарха, как и всякий питающийся природной пищей, добываемой после грехопадения в убийстве другой жизни, замкнут в закон дурной бесконечности танталова алкания (возжаждет и «возжаждет опять»). В Царствии Небесном неприродного, божественного бытия, куда приглашается род людской, упраздняется именно эта природная, смертная ненасытимость, страстно зависящая от окружающего вещества жизни. Новое небесное «питание» исходит из источников воды живой, бьющей в самом преображенном теле («сделается в нем источником» бесконечного восстановления и поддержания обоженного, бессмертного организма). В следующей главе Евангелия от Иоанна Христос скажет: «Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе» (Ин. 5:26), а Сын призывает и сынов человеческих встать — через Него — на путь усыновления Богу, на путь обожения, обретения в Царствии Небесном такой же причины жизни в самих себе, дающей истинное бессмертие. Недаром в Небесном Иерусалиме «от престола Бога и Агнца» течет «чистая река воды жизни», а по ту и другую ее сторону стоит «древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов»¹ (Откр. 22:1,2). И здесь в пророческом ясновидении апостола возникает тот же мифологический образ небесного бессмертия через получение способов вечного обновления.

¹ Уже у пророков вода святого источника употребляется как символ новой бессмертной жизни, получаемой от Бога, когда настанут времена Мессии. Прообраз этого места из Откровения Иоанна Богослова мы найдем у Иезекииля в главе о новой святой земле, где из-под порога храма течет поток воды на восток, оздоравливая по ходу своего течения до впадения в море все твари и стихии. По берегам его стоят деревья, доставляющие пищу: «Листья их не будут увядать, и плоды с них не будут истощаться; каждый месяц будут созревать новые, потому что вода для них течет из святилища; плоды их будут употребляемы в пищу, а листья на врачевание» (Иез. 47:12). Традиционное толкование Христовой «воды живой» как Его учения в своей внутренней логике опирается на то понимание образа воды как символа Премудрости и Закона («вода мудрости»), которое встречается в Притчах Соломоновых и в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Но тут же мы наткнемся на характерное противоречие с духом и буквой слов Иисуса, ибо Премудрость, напротив, говорит о себе: «Ядущие меня еще будут алкать, а пьющие меня еще будут жаждать» (Сир. 24:23).

Конечно, простая самарянка не могла осознанно вместить всего «богословского» богатства, заключенного в этих волнующих словах Спасителя, но поразителен ее немедленный порыв от естественной необходимости к чуду сверхприродного преображения: «Господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходиться сюда черпать» (Ин. 4:15), который, при всей кажущейся наивности ее понимания, обнаруживает в ней одну из первых истинно христианских душ в Евангелиях.

Окончательно же она убеждается в том, что перед ней великий пророк, когда Иисус (как в случае с призыванием Симона и Нафанаила) демонстрирует свою способность ясновидения. На провоцирующую просьбу привести сюда своего мужа самарянка отвечает, что у нее нет такового, и Иисус, удостоверив ее искренность, как по раскрытой книге прочел обстоятельства ее женской жизни: было у нее пять мужей, а нынешний ее сожитель ей не муж¹. Но интересно, что самарянка реагирует на такое откровение о себе и обнаружившиеся необыкновенные возможности ее собеседника как-то совсем не поженски, спросив Иисуса не о своей личной судьбе, а по вопросу религиозному, коим пристало заниматься только мужчинам. Вот на этой горе, — сказала она, указав на возвышавшийся перед ними Гаризим, — поклонялись Богу наши отцы, «а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме» (Ин. 4:20).

¹ Следующее изъяснение этого места, о котором писал блаж. Феофилакт, может показаться ярким образцом крайностей аллегорического метода толкования Священного Писания, наиболее развитого александрийской школой богословия (Климент Александрийский, Ориген, свт. Афанасий Великий, свт. Кирилл Александрийский): «Некоторые под «пятью» мужами самарянки разумели пять книг, которые только принимала самарянка. Тот, говорит, которого ныне имеешь, то есть учение Мое, которое ныне принимаешь от Меня, не муж тебе; ибо ты, говорит, не сопряглась еще с Моим учением — Иисусовым» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 329). Однако вспомним, что все встречи у колодезей в Ветхом Завете были связаны с провиденциальным брачным избранием (раба, свата от Авраама, с будущей женой его сына Исаака Ревеккой (Быт. 24:10-21); сына Исаака Иакова с Рахилью (Быт. 29:1-13); Моисея с семьей сестрами, из которых одна, Сепфора, станет его женой — Исх. 2:15-21). И в апокрифическом сказании Дева Мария слышит голос архангела Гавриила о грядущем Ей Божественном даре тоже у колодца. Так что и тут, у колодца Иаковлева, можно усмотреть своего рода символическое прообразование будущего брака Христова учения с языческим миром. Тогда и разговор Иисуса с самарянкой у колодца можно в определенном смысле поставить в ряд евангельских «брачных» образов, таких как «брак в Кане», «друг жениха», «сыновья чертога брачного» и др.

Надо отметить, что иудейские учителя избегали разговаривать с женщинами, тем более по предметам веры; вообще считалось, что и посвящать их в Закон особенно не следует. А Иисус не только обстоятельно и серьезно беседует со случайной встречной, но именно ее, простую женщину, далеко не безгрешную, к тому же не-иудейку, удостоивает самого сокровенного и возвышенного знания. Да, отвечает Он ей, иудеи правее вас, они больше знают, «чему кланяются»; и это понятно: не признав пророков, самаряне отторгли себя от продолжавшегося процесса Богооткровения и откровения будущих путей мира, прежде всего связанных с лицом Спасителя.

Но вот и главное, что прорекает ей Иисус: «Поверь мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4:21,23-24). Так Иисус распахивает горизонты новой веры, духовно универсальной, свободной от ограничений догматического и обрядового фанатизма. Этой вере проходить еще много этапов впереди: и первоначальную чистоту раннего христианства, и интенсивное догматическое и литургическое творчество, и уклонения, и борьбу, и крайности, но светит ей высший идеал, выраженный в словах Спасителя: *в духе*, в высшем напряжении духовных стремлений и *в истине*, а не в подобиях и символах, в истине, выходящей к реализации. Веяние этой грядущей религиозной эпохи, пронесшееся в речи Иисуса, захватывает Его собеседницу: «Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все» (Ин. 4:25). И тут происходит самое удивительное: впервые на земле Иисус говорит о Себе как о Христе «это Я» — и *где* и *кому*: опять же не в Храме, не в царском дворце или пышных палатах, не в среде ученых книжников, а незаметной самарянке у колодца. Растет круг особых низовых персонажей евангельской истории, тех, что по новозаветному счету призваны стать из последних первыми: к пастухам и рыбакам добавилась женщина, и она становится первой благовестницей явления Христа среди не иудеев, самарян — если хотите, прото-апостол Павел в юбке. Вот как св. Ефрем Сирийский отметил умело выстроенные Иисусом ступени ее обращения: «Начавши ступенью обыкновенной, возвел ее на сту-

пень высочайшую. Видела Его сперва как человека жаждущего, потом как иудея, затем как пророка и наконец как Бога»¹.

Когда же из города вернулись ученики Иисуса, удивившись про себя такому странно-шокирующему для иудеев зрелищу: их Учитель, их великий Равви так серьезно что-то внушает... женщине, — она, оставив тут же у колодца свой водонос (что ей теперь будничные заботы?!), «пошла в город и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?» (Ин. 4:28-29). И пока самаряне поспешали за вестницей к Иисусу, ученики предложили Ему подкрепить силы принесенной ими едой. Но видя уже приближавшуюся издалека толпу горожан, Иисус отвечает им: «У Меня есть пища, которой вы не знаете» (Ин. 4:32). И тут же объясняет Своим простодушным ученикам, понявшим было, что кто-то Ему уже принес в их отсутствие поесть: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4:34). Идут за словом Нового Завета самаряне, открывая собой будущее обращение к Христовой вере не столько иудеев, сколько других народов Земли.

И видение предстоящей огромной работы христианского научения и просвещения исторгает из уст Иисуса такое образное поучение ученикам: вот вы думаете, глядя на засеваемые сейчас в этой долине поля, еще четыре месяца — и они будут готовы к уборке², но «возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве» (Ин. 4:35). «Возведите очи», т. е. поднимитесь на другой духовный уровень понимания того, что Я вам сейчас скажу. Речь идет об особой жатве, о сборании «плода в жизнь вечную», когда «и сеющий и жнущий вместе радоваться будут» (Ин. 4:36). И такая жатва с явлением Христа уже готова, и будущим апостолам среди первых собирать ее плоды. Но сама идея возможности презойти этот смертно-греховный тип бытия, получить искупление, выйти в другой преображенный порядок существования, Царствие Небесное, возникла и созревала долго и медленно в лоне иудейского богопознания, достигнув своей вершины в мессианских видениях пророков. Праотцы и пророки, законодатели и мудрецы — вот она

¹ Св. Ефрем Сирин. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 182-183.

² В Самарии жатва приходится на середину апреля — так оказалось возможным высчитать приблизительное время действия этой сцены: середина декабря.

длинная череда ветхозаветных сеятелей, замыкаемая с отрывом в несколько столетий Иоанном Крестителем, прямо возвестившим уже ту Весть, с которой пришел Христос, — о Царствии Небесном. Потому-то Иисус и говорит ученикам: «Ибо в этом случае справедливо изречение: «один сеет, а другой жнет». Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их» (Ин. 4:37-38). Жатва готова, делателей на нее надо много и много (всех надо — выражаясь по-детски), апостолы начинают, но далее это Труд соборный, и каждый христианин (а в идеале — землянин) призван в нем участвовать и проповедью, и делом.

И пришли к Иисусу жители Сихаря, уверовавшие «по слову женщины», и упросили Его пробить у них еще. И сколь укрепилась вера их и умножилось число обращенных после Его двухдневного пребывания и проповеди в их среде! «А женщине той говорили: уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос» (Ин. 4:42). Так первый, можно сказать, массовый успех Христовой проповеди произошел не среди правоверных иудеев, а среди тех, кого они считали за язычников и хуже язычников¹, — своего рода предварение будущих судеб христианства, отвергнутого сынами Израилевыми (спасать которых, казалось бы, прежде всего пришел Христос) и нашедшего отклик в сердцах других и многих народов. К тому же не в пример уверовавшим иудеям, да и Его ученикам поначалу, воспринимавшим Иисуса как Мессию, посланного к избранному народу, самаряне поняли и приняли Благую Весть Христа в ее универсальной обращенности на весь мир. Св. отцы особенно отметили и тот факт, что уверовали самаряне только от слова Иисуса², без всяких чудес с Его стороны, что будет невозможно для галилеян. И это вменилось самарянам в особую заслугу, ведь именно таких Спаситель особо похвально выделяет: «Блаженны не видевшие (чудес. — С.С.) и уверовавшие» (Ин. 20:29).

¹ Желая унижить Иисуса, книжники и фарисеи и Его называли этим именем: «Не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе?» (Ин. 8:48).

² Свт. Иоанн Златоуст так объясняет, почему само содержание проповеди Иисуса среди самарян никак не дано: «Знай, что евангелисты многие из великих изречений Его опускают, но все объясняют самим исходом дел: и здесь Христос Своим словом обратил к Себе весь народ и целый город. А где люди не убеждались Его словами, там (евангелисты) вынуждены были излагать Его учение, чтобы из-за нерадения слушающих не подверг кто-нибудь осуждению Проповедующего» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. С. 226).

ПЕРВЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ конец 27 — начало 28 г.

*Ин. 4:43-54. Мф. 4:12-25; 8:1-4,14-17; 9:1-8.
Мк. 1:14-45; 2:1-12. Лк. 4:14-15,31-44; 5:1-26*

 ставив самарянские пределы, Иисус с учениками вступил в Галилею, где находился и Его родной Назарет. И хотя Сам Он позднее сказал, что «пророк не имеет чести в своем отечестве» (что вскоре и сбылось), жители этой области, «Галилеяне приняли Его, видев все, что Он сделал в Иерусалиме в праздник, ибо и они ходили на праздник» (Ин. 4:45). Но тем не менее на этот раз Он обошел стороной свое «малое отечество», городок, где прожил тридцать лет, и остановился в Кане, где несколько месяцев назад явил свое первое чудо. Здесь Его поджидал «некоторый царедворец, у которого сын был болен» (Ин. 4:46). Царедворец проживал с семьей в Капернауме и очевидно был уже в отставке, поскольку двор тетрарха Ирода Антипы находился не здесь, а в Тивериаде, недавно выстроенной им столице на западном берегу Генисаретского озера (которую Иисус, кстати, за время Своих многочисленных хождений по галилейским городам и весям так ни разу и не удостоил Своим посещением). Сын его страдал сильной горячкой, скорее всего перемежающейся болотной лихорадкой, весьма распространенной у низменных капернаумских лагун. С каждым ее приступом силы больного таяли, обычные лечебные средства облегчения не приносили, и отчаявшиеся близкие стали опасаться наихудшего исхода. И тогда отец, прослышав о появлении в их краях Иисуса (о Котором уже шла молва как о пророке и чудотворце), сам пошел Ему навстречу, нашел в Кане и бросился к Нему с просьбой исцелить сына. Иисус прекрасно чувствует душу галилеян, более открытую и детски восприимчивую, чем у жителей Иудеи, но духовно еще незрелую, требующую для обращения ошеломляющих, зримых впечатлений. «Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Ин. 4:48), — спокойным упреком звучит понимание-предведение Иисуса.

«Господи! приди, пока не умер сын мой» (Ин. 4:49), — несчастный отец упорен в своей мольбе и последней надежде. Такая прямая встреча человеческого горя и страдания, веры, даже еще

смутно-предварительной, и милосердного сердца Спасителя здесь, как и дальше, рождает один результат: «Пойди, сын твой здоров» (Ин. 4:50). Царедворец настолько «*поверил слову*» Иисуса (важный момент, обычно фиксируемый в исцелениях), что достаточно неспешно, очевидно, переночевав где-то по пути, двинулся домой и только на следующий день его встретили на дороге вышедшие навстречу слуги. (Обычно от Каны до Капернаума достаточно было не более пяти часов пешего хода.) Отца ждала радостная весть: «Вчера в седьмом часу горячка оставила» (Ин. 4:52) больного. Это было точно то время, сразу же после полудня, когда прозвучали краткие и властные слова Иисуса. Это второе, по св. Иоанну, чудо в Кане, чудо дистанционного, так сказать, исцеления, привело к вере и самого царского чиновника («за один раз исцелил сына от горячки, а отца от неверия» — блаж. Феофилакт), и «весь дом его»¹.

Так Свое явление в Галилее еще по пути в Капернаум, где начнется тщательно зафиксированная синоптиками полоса Его служения, Иисус обнаружил тем, что Он собственно и называл Своими «*делами*»: чудесным исцелением душ и тел. Христовы чудеса обычно выставляются как знамения Его сверхъестественно-божественной власти, призванные впечатляюще предварить Его нравственную проповедь, стать своего рода залогом *истинности* Его Благой Вести о Царствии Небесном, которая не случайно раскрывается позже². Необходимо, «чтобы величие обетований, — считает один из выдающихся учителей западной церкви IV–V вв., — было подтверждено величием знамений»³. Исчерпывается ли этим пророческий смысл Иисусова чудотворения — рассмотрим далее. Пока же очевидно: Христос вначале являет Себя людям как Целитель греховного мира, Уврачеватель его явных и тайных болезней,

¹ Полагают, что упоминающаяся у св. Луки «Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова», которая среди других «служила» Иисусу «имением своим» (Лк. 8:3) и сопровождала Его в более поздних путешествиях по Галилее, могла быть матерью исцеленного ребенка и супругой (возможно уже и вдовой) этого царедворца.

² «Всякий раз, когда происходит что-нибудь особенное и необыкновенное, или когда вводится какой-либо новый образ жизни, Бог обыкновенно дает знамения, как бы в залог Своего могущества для тех, кто должен принять Его законы» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 144).

³ Блаж. Иероним Стридонский. Творения. Ч. 16. Четыре книги толкований на Евангелие от Матвея. Киев. 1909. С. 73.

пороков физических и душевных, повреждений духовных. На такие дела грядет Он в Капернаум, призывая по пути к городу четырех рыбаков в свои ученики.

Это были уже известные нам братья: Симон, «называемый Петром» (Мф. 4:18), и Андрей, с которыми Иисус, по Евангелию от Иоанна, уже встречался на Иордане¹. И эту выразительно лаконичную сцену, одинаково переданную Матфеем и Марком: двое рыбаков закидывают сети в озеро, к ним по берегу приближается Иисус и говорит только одно: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф. 4:19), и те немедленно присоединяются к Нему, — можно и нужно понимать как их окончательное призвание. Чуть поодаль еще двое братьев, Иаков и Иоанн Зеведеевы, вместе с отцом и работниками, сидя в лодке, чинят сети — и к ним Иисус обратил такой же призыв, и их реакция и действия были те же. Перст высшего избрания, остановившийся на этих простых галилейских рыбаках, чтобы возвести их на высочайшую ступень «учителей вселенной» (свт. Иоанн Златоуст) — о чем они пока не могут и помышлять, — был для них столь духовно властен и неудержимо магнетичен, что все *тотчас*, молниеносно, оставив все и всех — сети, лодки, близких, не оглядываясь, следуют за Иисусом.

Лука, в отличие от Матфея и Марка, помещает этот эпизод² хронологически несколько позднее, уже после первых исцелений в Капернауме, и мизансценирует его, я бы сказала, более эффектно и наглядно-поучительно. Священнописатель как бы разворачивает выражение о «ловцах человеков» (вместившее в себя, как всегда у Иисуса, образ бытовой, всякий раз близкий Его собеседникам) в целое символическое действие. Однажды Иисус стоял у озера Генисаретского, со всех сторон теснился все прибывающий народ, масса больных и увечных пробивалась поближе — коснуться Его в на-

¹ Кстати, как мы помним, именно тогда Иисус и дал Симону второе имя Петр, которое здесь за ним закрепилось уже окончательно.

² Некоторые толкователи рассматривают это место у Луки как самостоятельное, не относящееся собственно к призванию учеников. Так, в частности, полагал еп. Феофан, предложивший в своей книге «Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами св. евангелистов» (М. 1899) одну из наиболее серьезно обоснованных версий течения евангельских событий.

дежде на исцеление. Иисус пришел сюда *учить* людей, и Он находит остроумный способ сделать это свободнее в такой наседающей на Него толпе. Рядом на берегу усталые Симон Петр и братья Зеведеевы вымывали пустые сети: за целую ночь им не удалось поймать ничего. Иисус входит в лодку Симона, просит отогнать ее несколько от берега и, сидя в ней, учит собравшихся. А после предлагает рыбаку закинуть еще раз сеть в воду. На эту попытку ловится такое невиданное множество рыбы, что и сеть прорывается, и обе лодки (зеведеева тоже приходит на помощь) чуть не тонут под грузом. Трепет ужаса перед такой сверхъестественной властью пронзает всех участников лова; Симон так сражен, а то и подавлен явленным величием Господа и поистине страшной дистанцией между Ним и собой, недостойным, жалким смертным, что восклицает: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк. 5:8)¹. «Не бойся; отныне будешь ловить человеков», — Иисус тут же освещает смысл произошедшего. Да, такую живую *притчу* огромными грудями еще трепетавших и блестевших на утреннем солнце рыб и рыбешек сложил Иисус к ногам будущих апостолов: не меньше предстоит им уловить душ человеческих в другие, уже духовные, христианские сети!

И вот Иисус с учениками приходит, наконец, в Капернаум («селение Наума»), лежавший в благодатнейшей Генисаретской долине, на скрещении торговых караванных дорог, поселяется здесь, делая его центром, в котором и вокруг которого — на более-менее большом расстоянии — идет Его служение. Так, по св. Матфею, исполняется пророчество Исаии о «свете великом», в лице Божественного Мессии грядущем воссиять «Галилее языческой»², народу, «сидящему во тьме... и тени смертной» (Мф. 4:15-16). Первый ослепительный сноп этого света вырывается в настоящем каскаде чудесных исцелений, которые взбудоражили всю округу и бросили к Иисусу толпы страждущих. Рассказывая о них, лучше всего принять последовательность собы-

¹ Этот же удивительный страх от присутствия рядом святого лица, могущего даже невольно привлечь Божью кару на тебя, грешного, звучит у сарептской вдовы, у которой заболел сын как раз тогда, когда она приняла у себя пророка Илию: «И сказала она Илию: что мне и тебе, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего» (3 Цар. 17:18).

² Так называлась верхняя (северная) ее часть (в отличии от нижней), по границам которой жило немало язычников.

тий¹, представленную св. Марком. Как известно, он писал свое Евангелие со слов ап. Петра, прямого свидетеля и участника всего здесь свершившегося, не говоря уж о том, что в доме его тещи в это время часто бывал Иисус. В стремительно-динамичных стихах Марка является нам весь ряд Христовых дел Его первой капернаумской субботы (пожалуй, только последние страстные дни Иисуса так же четко и полно изложены евангелистами).

Среди одноэтажных, сложенных из темных базальтовых плит рыбацких домиков, что лепились впритык друг к другу на тенистых и тесных, пропахших рыбой улочках города, на небольшой возвышенности выделялось прямоугольное здание с двумя колоннадами, сверкавшее белизной известковых стен, главный вход которого смотрел, как полагалось, в сторону Иерусалима, в данном случае — на озеро. Его было видно отовсюду, и сюда, особенно по субботам, устремлялось иудейское население Капернаума. Сюда же приходит и Иисус. Внутренность этой синагоги не отличалась от других галилейских «домов собрания», в которых Он неоднократно до того проповедовал: просторная зала с пустыми белыми стенами, деревянные скамьи для верующих, в глубине — каменный помост и на нем небольшой двухстворчатый шкаф, завешанный покрывалом, где хранились свитки Закона и остальных книг Писания. Сразу после общей молитвы начальник синагоги по своему усмотрению просил кого-нибудь из присутствующих прочесть отрывок из Священной книги и истолковать его. На этот раз выбор пал на уже знаменитого Учителя, приход Которого в город интриговал всех. Пройдя на середину помещения к специальной кафедре с сидением и аналоем для свитков, Иисус начал читать, а затем и проповедовать. Учит Он, повергая всех в изумление,

¹ Блаж. Августин так объяснял немалый разнобой синоптиков в этой последовательности: «Довольно вероятно, что каждый из евангелистов полагал должным повествовать о событиях в том порядке, в каком Богу было угодно возбуждать их в памяти; это именно в тех обстоятельствах, такой или иной порядок которых не уменьшал ни важности, ни истинности евангелистов» (Блаж. Августин. Творения. Ч. 10. О согласии евангелистов. Киев. 1906. С. 109). Конечно, это весьма почтенное, но все же не исчерпывающее объяснение. Дело бывает не только «в памяти», а и в определенном замысле того или иного священнописателя. Так св. Матфей явно выбрал особое логическое построение своего Евангелия в части галилейского служения Иисуса: он вначале концентрированно представляет Христа через Его слово как великого Учителя (Нагорная проповедь), а затем так же сгущенно — как Чудотворца, через *Его дело* (в 8 и 9 гл. дает подряд целых десять чудес, в том числе и те, что были Им совершены ранее Нагорной проповеди).

«как власть имеющий, а не как книжники»¹ (Мк. 1:22): те оставались в кругу традиционного буквального толкования, любили демонстрировать свою ученость, оснащая речь ссылками на предание и другие авторитеты, а Этот раскрывал священный текст *с небес*, от Бога, «со властью» (Лк. 4:32), освобождая его глубинный духовный смысл.

Неожиданно всеобщее внимание к речи Иисуса было прервано диким воплем некоего человека, «одержимого духом нечистым». Из самых недр его расстроенной психики голос одержавшего его беса, пришедшего в необычайное волнение при виде Иисуса, вскричал: «Оставь, что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий» (Мк. 1:24). Любопытная деталь: первым в синагоге исповедует Иисуса как Бога мелкий служитель Князя бесовского, чувствуя себе и своим собратям смертельную угрозу в явлении Господа на земле, где они до того так свободно хозяйничали². В подобных случаях, здесь и далее, Христос действует только словом, приказывая нечистому духу замолчать и выйти вон. Картина явилась впечатляющая: сильные конвульсии сотрясли тело одержимого, раздался крик той силы, что вдруг оставила его, и он сразу же очнулся в полном душевном здравии. «Что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?» (Мк. 1:27) — по всей синагоге прошла волна ужаса и взаимного вопрошания. Все знаменательно в этом первом капернаумском исцелении: и место, и время события, и самый тип побежденной болезни. В священном иудейском месте Иисус не только учит, но и *действует*, причем нарушая принцип субботаства, бездействия и покоя в день Господень (что, правда, пока еще не успевают поставить Ему в вину), и являет Свою власть прежде всего над воинством темных мировых стихий, столь серьезно захватившим мир людей.

¹ Книжники — образованные знатоки и толкователи Закона, по большей части фарисеи; руководили религиозными школами, в Синагории исполняли роль своего рода юристов-экспертов, оперировавших в каждом случае соответствующими требованиями Закона и предания.

² Весьма живописно описал эту ситуацию блаж. Иероним Стридонский: «Это исповедание (Иисуса Сыном Божиим. — С.С.) не есть исповедание добровольное со стороны демонов, за которым следует награда исповедующему, но есть вынужденное необходимостью признание, которое побуждает их, как бы беглых рабов, которые спустя продолжительное время снова видят господина своего, не просить ни о чем, кроме избавления от ударов. Так и демоны, внезапно видя Господа, ходящего по земле, думали, что Он пришел для суда над ними. Присутствие Спасителя есть мучение для демонов» (Блаж. Иероним Стридонский. Творения. Ч. 16. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея. С. 59).

Выйдя из синагоги, Иисус заходит в дом Симона и Андрея¹, с ним и два других ученика — Иаков и Иоанн. Теща Симона лежит в горячке (одержима «огнем велием»), Иисуса просят ей помочь. Здесь евангелисты передают иной способ исцеления, чем до того, не словом, а через прямой телесный контакт с больной: Иисус поднимает ее, восстанавливает в вертикаль, мобилизуя ее силы, и затем берет за руку, словно вливая в нее жизненную энергию. Самое замечательное здесь (и это было отмечено многими толкователями) следующее: если при обычном выздоровлении человеку необходим некоторый срок для полного восстановления сил, то Иисус мгновенно *вытаскивает* из больного и *выбрасывает* его недуг без всякого следа, буквально рукой его снимает. Вот и наша теща тут же встала и стала прислуживать за субботней трапезой.

Когда же наступил вечер и кончилось время субботнего покоя, к дому Симона началось непрерывное людское движение: несли «больных и бесноватых», «весь город собрался к дверям» (Мк. 1:33). И многих страждущих Иисус исцелял, как уточняет св. Лука, «возлагая на каждого из них руки» (Лк. 4:40). Из одержимых же изгонял бесов, и выходили они с криком: «Ты Христос, Сын Божий. А Он запрещал им сказывать, что они знают, что Он Христос» (Лк. 4:41). Исповедания о Себе устами нечистой силы Иисус естественно не желал². Мы узнаем и о том, что после этих массовых исцелений рано утром, незаметно, пока все еще спали, Иисус «удалился в пустынное место и там молился» (Мк. 1:35). В одном из более поздних эпизодов с исцелением кровоточивой, незаметно подошедшей к Иисусу в толпе и дотронувшейся до Него, получив от этого выздоровление, Иисус сразу же почувствовал это, заявив, что «вышла из Него сила» (Мк. 5:30). Он действительно, а не метафорически, по пророческому слову Исаии, повторенному Матфеем, «взял на Себя наши немощи и понес болезни» (Мф. 8:17). Каж-

¹ Призвание братьев произошло, скорее всего, в их родном городе Вифсаиде, расположенном рядом с Капернаумом. Семья Симона могла переселиться туда вслед за ним или же оттуда была родом его жена и там постоянно жила его теща.

² Иисус налагает молчание на беса, считает свт. Афанасий Великий, «чтобы и бес вместе с истиною не посеял злобы своей, и мы приобучились не внимать бесам, хотя по-видимому говорят они и истину. Ибо нам, имея у себя божественные Писания и свободу, дарованные Спасителем, неприлично учиться у диавола...» (Свт. Афанасий Великий. Из толкования на Евангелие от Луки // Свт. Афанасий Великий. Творения. Ч. 4. Сергиев-Посад. 1903. С. 451).

дое исцеление требовало от Христа отдачи энергии, было актом со-страдания и со-болезни, и только так, как бы приняв эти немощи и болезни на Себя, Он мог победить их силой Своего Духа. И отсюда — эта столь частая у Него потребность (особенно после многочисленных исцелений) уединяться и молиться, чтобы в таком сосредоточенном общении с Небесным Отцом получать все новую духоносную силу и благодать для продолжения чудотворения.

В этом «пустынном месте» находят Его «Симон и бывшие с ним» с вестью: все *ищут и ждут Его*, но Иисус увлекает их с Собой дальше, «в ближние селения и города» — поле проповеди должно все расти и расширяться! На это Он только что получил новый импульс и духовно энергетический заряд в Своей молитве. Начинается первое Его путешествие из Капернаума «по всей Галилее», когда Он «проповедывал в синагогах... и изгонял бесов» (Мк. 1:39), когда «приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их» (Мф. 4:24). Под властным словом и могущественной рукой Христа «бес» уходит из одержимого, болезнь оставляет страждущего, человек исцеляется, очищается от вопиющих извращений падшей, греховной природы и получает тем самым надежду на будущее всецелое возрождение и преображение. И движимые этой надеждой идут и идут к Иисусу люди со всех сторон Палестины, «из Галилеи и Десятиградия¹, и Иерусалима, и Иудеи и из-за Иордана» (Мф. 4:25), присоединяются и сопровождают Его в пути, чтобы «слушать и врачеваться у Него от болезней своих» (Лк. 5:15).

Из этой массы анонимных исцелений глаз евангелистов выхватывает и укрупняет несколько индивидуальных; в каждом из них — драгоценно дополнительные черты и детали Христова чудотворения. Так, в рассказе о первом путешествии по Галилее таким привилегированным случаем стало очищение прокаженного в одном из городков этой области. На востоке проказа была такой болезнью, которая более других ужасала и действовала на воображение. В ней был явлен какой-то оскорбительный предел поношения болезнетворной природой гордого венца творения: представьте себе тело, все покрытое лишаями, разъедающими плоть язвами, струпьями, распухшее

¹ Десятиградие, по греч. — Декаполис, союз десяти греческих городов на юго-востоке от Генисаретского озера, за Иорданом, населенных в основном язычниками.

лицо с гнойными, слезоточивыми глазами, выпавшие волосы, отвисшую челюсть, из которой течет нестерпимо зловонная слюна, сгнившие и отпавшие ногти, а то и пальцы рук и ног... К тому же и конец мучениям был не так уж скор: жить в таком распадающемся организме можно было и двадцать, и тридцать и более лет. Отделенные от общества людей, прокаженные селились подалее от городов, в местах пустынных и безлюдных, в жалких хижинах, ходили в лохмотьях, целыми днями слоняясь без дела. И вот такое отталкивающее и несчастнейшее создание подходит к Богочеловеку, падает ниц, отдавая себя целиком в Его власть: «Если хочешь, можешь меня очистить» (Мк. 1:40). Не зря именно тут св. Марк схватывает движение чувства Иисуса: «умилосердившись над ним». И только затем «протер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишься» (Мк. 1:41). Здесь прямо отмечено совокупное действие всех агентов, сопутствующих акту исцеления: и сострадание Христа, и Его желание помочь, и наложение рук (на язвы и струпья!), и словесный приказ, и конечно стремление самого страждущего быть исцеленным, и вера его.

Очистившегося от проказы Иисус отправляет к священнику принести положенную Законом жертву за свое исцеление и велит, как всегда, никому не говорить о происшедшем. Но почему? Казалось бы, об этих знамениях Божественного могущества Христа надо было возвещать на всех кровлях, но Он творил чудеса не для того, чтобы сокрушительно покорять Себе волю людей, стяжать слепую власть над ними (как хотел от Него в искушениях сатана). Видя природу людей до днышка, Иисус знал, что все равно не вытерпят, обязательно расскажут хоть на ушко, что тут же обернется трубой иерихонской, и хоть как-то пытался их удерживать. И так народ валит за Ним валом, буквально осаждает, вызывая ожесточение врагов. Христос прекрасно понимал двойственное, разделительное воздействие Его чудотворения: одни очищались от скверны, физической и душевной, другие — соблазнялись, накапливали зависть и ненависть. Вот подтверждающая деталь у Марка: когда очищенный все же разгласил о случившемся, Иисус «не мог уже явно войти в город, но находился вне, в местах пустынных» (Мк. 1:45). Но и здесь находили Его люди и «приходили к Нему отовсюду». Поведение Иисуса в первые месяцы Его галилейского служения обнаруживает вполне четкую, значащую *типологию*: ходил по городам и весям, учил и исцелял, запрещал о Себе трезвонить, часто укрывался в безлюдных местах, там молился, но и сюда приходили к Нему, и Он снова шел к народу.

Так и на этот раз через несколько дней после исцеления прокаженного возвращается Иисус в Капернаум. И еще один крупный план выделяется из чреды необычных, но для Христа уже будничных дел. Слух о Его возвращении пробежал мгновенно, и к дому Симона, где находился Иисус, «собрались многие, так что уже и у дверей не было места; и Он говорил им слово» (Мк. 2:2). Тут четверо человек принесли на носилках паралика, но не сумев пробиться сквозь толпу, раскрыли крышу¹ дома и, «прокопавши ее», на веревках «спустили постель» (Мк. 2:4) с расслабленным прямо к ногам Иисуса. (Кстати, заметьте, какие всегда сильные, конкретные глаголы действия у св. Марка, мастера удивительно зримых, энергично сменяющихся картин!) Такая вера, поистине сметающая все преграды на своем пути, производит впечатление и на Иисуса, и Он сначала громко вслух отпускает грехи расслабленному. Тут впервые отчетливо звучит важнейший момент Христовых исцелений: предварительное снятие с больного его грехов. *Грех*, нарушение Божественной нормы, и онтологической, и нравственной (это и первородный грех, внесший в мир стихию болезненности и смертности, и наследственно-родовой, когда несправедная жизнь отцов и предков радикально портит *физику*, а то и психику потомству, и наконец, личный, всем понятный), — поистине, основная причина любой болезни. По-видимому в данном случае для Иисуса была особенно очевидной, возможно даже вопиющей, причинная связь между телесной немощью расслабленного и тяжкими его грехами.

Тут же в доме, в то время как народ толпится у порога, сидят с Иисусом «некоторые из книжников» (и их влечет поразительная, властная мудрость нового Учителя!) и безмолвно «в сердцах своих» (Мк. 2:6) ропщут на Него как на богохульца, присваивающего Себе божественную привилегию отпускать грехи. Св. Марк первый дает нам понять, каким образом Иисус мог видеть все тайное в людях, точно считывать их внутренние речи и невысказанные реакции: «Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе...» (Мк. 2:8). Иисус видит и слышит Духом Своим, Он воистину *Духовидец*. Его духовное зрение-проникание рентгеновским лучом проходит сквозь непроницаемую обычным глазом телесную оболочку человека, мгно-

¹ Крыша одноэтажного капернаумского дома была устроена несложно и вскрыть ее не представляло особого труда. Попасть на нее можно было или по наружной лестнице, или даже с крыш соседних домов, обычно плотно сдвинутых друг к другу.

венно высвечивая то, что шевелится внутри него. И как же Он, узрев и услышав их утробное шипение, не рискующее в атмосфере народной восторженности, экзальтации чаяния и веры, выйти наружу в членораздельные слова, им ответствует? Не возмущается, возвышенной морали не читает, декларативно Себя Богом не утверждает, что стал бы делать любой узурпатор божественного ранга, а свидетельствует Делом, разяще просто и сверхъочевидно. «Прощаются тебе грехи твои» — сказать легко как раз любому самозванцу: что́ стоит напустить на себя важный, таинственный, многозначительный вид и торжественно изречь! А вот приказать паралитику: «Встань, возьми постель твою и иди в дом твой» (Мк. 2:11), и так, чтобы этот лежащий кулем на носилках, не могущий пошевелить ни единым членом несчастный вдруг встал и пошел «перед всеми», — это уже знамение высшей, Божественной силы. Именно так педагогически внятно Иисус сначала ставит вопрос «Что легче?», а потом под объявление Своих намерений («Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи...» — Мк. 2:10) и осуществляет чудесное исцеление.

Иоанн Предтеча свидетельствует о Божественной природе Иисуса, и Он Сам провозглашает это в разговоре с Никодимом и самарянкой, Его дела призваны знаменовывать то же; и вместе с тем Его вынашивает и рождает дочь человеческая Мария, Он растет и мужает, устает и алчет, как человек, и называет Себя впервые здесь и далее везде упорно только Сыном Человеческим¹ — так уже при после-

¹ Сын человеческий, в значении земного рожденного человека, встречается в Псалмах у пророков Иезекииля и Даниила, правда всегда в контексте великого предназначения этого «венца творения» Господня: «Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред ангелами; славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его» (Пс. 8:5-7). А у Иезекииля и Даниила так, т. е. «сын человеческий», обращаются к самим пророкам Высшие силы: к первому — Сам Бог (Иез. 2:1), ко второму — архангел Гавриил (Дан. 8:17). Только однажды у Даниила название «Сын человеческий» приобретает смысл эсхатологический и мессианский: «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями, и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится» (Дан. 7:13-14). Называя Себя Сыном Человеческим, Иисус, скорее всего, опирался именно на это пророчество. Вместе с тем в таком исключительном самоназвании Иисуса можно усмотреть в буквальном первоисточнике, т. е. в устах Самого Христа, и кенотическое указание (умаление и уничтожение Божественного Его достоинства в смиренном лике Сына Человеческого), указание на две природы Богочеловека.

довательном чтении Евангелий (даже если бы мы не знали выработанного позднее церковного догмата о Богочеловеческой природе Христа) свивается представление о Нем как о совершенно невиданном, уникальном существе, который одновременно и Бог, и человек.

И перед нами встает вопрос: в какой из двух Своих нераздельных и неслиянных природ Богочеловек творил исцеления и шире — чудеса? Кстати, они только начинаются и идут по возрастающей: вначале это исцеления больных перемежающейся лихорадкой, болезнью рядовой для этих приозерных мест, затем бесноватых, одержимых (что и самой скептической критикой признается возможным как действие на психику больного через сильнейшее внушение), потом идут случаи поистине безнадежные для моментального исцеления даже самым искусным магам и «экстрасенсам» — проказа и паралич, а впереди и вовсе чудеса из чудес: прозрение слепорожденного, утишение бурь, «размножение» хлебов, воскрешение умерших¹.

Спасительное дело Христа складывается, как известно, из трех Его служений: *пророческого, первосвященнического и царского* (о двух последних мы поговорим позднее). Он начинает как пророк, пророк Самого Себя — Божественного Сыновьего Лица, как пророк Благой вести о Царствии Небесном (раскрывать которую нам предстоит далее). Чудотворения Христа обычно относят к Его царскому служению, где Он выступает как настоящий Царь природы, и человеческой, и внешне-стихийной, знаменуя Свое божественное достоинство. Но вспомним, что сила исцелять, повелевать стихиями (вызывать дождь) и даже воскрешать была дана и ветхозаветным пророкам Илие и его ученику Елисею, что позднее Иисус даст такой же дар апостолам, — а ведь все они обладали только человеческой природой, правда, облагодатствованной. Если мы встанем на соборно утвержденную точку зрения о двух природах, волях и энергиях во Христе, нераздельно и неслиянно существующих и действующих в Нем, то необходимо утверждать, что Он все совершал именно как Богочеловек. Христологически неверно представлять, что чудеса творились лишь Его Божеством.

¹ Блаж. Феофилакт по своему различал уровни чудотворения: «Знай и то, что иное дело — чудо, а иное — знамение. Чудо — то, что сверх природы, например, отверсть очи слепорожденному, воскресить мертвого, а знамение — то, что не вне природы, например, исцелить больного» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 335-336).

В Иисусе до конца выявились возможности совершенной Человечности в ее благой, направляемой Божественной благодатью власти над стихийными, злотворными, смертоносными силами и началами мира. Да, Его чудеса — божественны по почившей на них Отчей благодати, по вдохновению Духом Святым, но они и совершенно *человеческие дела*¹ — и могут рассматриваться как своего рода практические откровения, пророчества о человеке, о будущем царском положении обоженного человека, усыновленного Богу. Потому-то и стали возможны такие слова Христа: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12). Именно это поразительное высказывание и дает ключ к пророческому смыслу Христова чудотворения как своего рода *задания* человеку. Как Христос действовал в чудесах с постепенным умножением духовной власти над плотью, над физическими законами (от исцеления до воскрешения и Собственного Воскресения), так и перед сынами человеческими открываются все возрастающие возможности («и больше сих сотворит»), если они станут орудиями осуществления Божественной воли в универсуме. В грехопадении человек утратил потенцию духовного управления силами мира, через Богочеловека ему дается обетование ее восстановления в новой, избыточной славе.

Христовы чудеса приводят к вере, но и вера обещает чудеса, доступные всем: «Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: “поднимись и ввергнись в море”, и не усумнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет» (Мк. 11:23). Что же такое чудо? Некоторая приостановка законов естества, утверждение (пусть пока на время) особой *причинности*, в которой повелевающим, *физическим* агентом становится дух. Чудеса Иисуса объемлют весь круг власти над природой; пока мы рассмотрели самый их начаток: исцеление немощей физических и психических. Причем исцеление требует соучастия самого страждущего (или кого-то из его близких) — желанием и верой. Отсутствие этого условия приводит к невозможности чудотворения (см. далее эпизод в Назарете). И это тоже указание, которое можно толковать расширительно: исправление повреждений в человеческой

¹ Недаром каждый раз мы сталкиваемся с человеческими, слышимыми и зримыми действиями Иисуса, сопровождающими Его чудесные исцеления: это и слово, и контакт рукой, и другие манипуляции, которые еще появятся далее.

природе, изъятие из мира болезнетворных и смертоносных его начал, претворение его в другой, преображенный строй бытия возможно лишь при желании самих сознательных творений Божиих избавиться от извращения послегрехопадной природы. При этом чудеса в их самом широком спектре, явленном Христом, как образец такой власти духа над материей, которая открыта и сынам человеческим, вовсе не узурпируют прерогатив Бога Творца, т. е. не посягают на новое творение, а только на восстановление Божественной нормы. Да, Бог создал этот мир, существующий и поныне: небо и землю, и звезды, и животных, и растения, и человека — природу как совокупность всех вещей и тварей мира, но *порядок, принцип, закон* бытия первоначально был иной, чем тот, стоящий на половом рождении, вытеснении, пожирании и смерти, что установился после грехопадения. Претворение мира в чудесах Христа — от исцелений до воскресения — направлено на *порядок и закон*, а не на перетворение его в вещи и существа. Тем самым тварная соразмерность и устойчивость бытия не нарушаются, а только укрепляются.

Христовы чудеса — своего рода пророческое, показательное предвосхищение будущего; это явствует и из того, что действуют они на время, радикально *не исцеляя* мира, не отменяя хода стихийно-смертной природы: бури не перестают бушевать, бесы — вновь «одерживать» грешников, люди — болеть, страдать и умирать. Христос оставляет такое исцеление и такую отмену на будущее: и Своему новому пришествию, и всем верующим в Него, когда человек, по Божьему замыслу тварный Бог, осознает себя активным орудием осуществления Божьего Дела, и, встав на путь обожения, в потоках Божественной благодати «и больше сих сотворит».

ОТВЕРЖЕНИЕ В НАЗАРЕТЕ

Лк. 4:16-30

днако вернемся несколько назад в течении евангельских событий. Во время Своего первого хождения по Галилее, перед исцелением прокаженного, Иисус решил зайти в Свой родной город. (Так видит хронологическую последовательность сводного Четвероевангелия еп. Феофан, и она в данном случае кажется наиболее убедительной.) Был день субботний, и «по обыкновению

Своему», как отмечает Лука, единственный из священнописателей представивший этот эпизод, Иисус пришел в синагогу, и здесь, как и в Капернауме (о чем уже рассказывалось выше), Он вызвался читать. Причем за службой обычно читались два отрывка: один из Закона, другой из пророческих книг, и к ним надо было дать толкование и поучение («мидраш»). Иисус взялся за вторую часть; в поданном Ему из ковчега рукописном свитке книги пророка Исаии Он Сам нашел одно из знаменитых предсказаний о пришествии Мессии и стоя с кафедры прочел его: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное» (Ис. 61:1-2 по Лк. 4:18-19). Во время чтения священного текста всем полагалось стоять, когда же Иисус закончил, присутствующие (и Сам проповедник) уселись на свои места и с жадным вниманием («глаза всех в синагоге были устремлены на Него» — Лк. 4:20) приготовились внимать Тому, Кто столько лет, никак не выделяясь, жил среди них в скромной семье всем известного плотника, а сейчас, как они уже прослышали, вдруг заделался каким-то знаменитым Учителем и чудотворцем. Что же Он прорек Своим землякам? А то, что «ныне исполнилось писание это, слышанное вами» (Лк. 4:21). Это дерзновенное свидетельство свершившегося явления Спасителя, подразумевавшее: раскройте глаза и уши ваши, Он уже здесь и теперь, вот Он среди вас, — было полно такой побеждающей благодати, что все «дивились» этому. Так еще раз в Своем пророческом служении Иисус обнаруживает, что главным предметом, сокровенным содержанием Его пророчества является Он Сам¹.

¹ Эта определяющая черта пророческого служения Христа была прообразовательно явлена уже в Ветхом Завете. Там пророки, «наби» (от глагола, означающего «говорить», «вещать»), призванные возвещать волю Божию, сами в своей личности являются ее своеобразными знаменами. Не только их страстные провидческие речи, но само их поведение и жизнь становятся пророчеством. Исаия, по слову Господа, «ходил нагой и босой три года в указание и предзнаменование о Египте и Ефиопии» (Ис. 20:3), об их скорой судьбе обездоленных пленников ассирийского царя. Так опозоренный брак Осии с блудной его женой Гомерью становится символом отношений между Богом и неверным Ему народом. Так и целый ряд шокирующих, юродивых действий, которые Господь приписывает Иезекиилю проделывать перед жителями Иерусалима, являет собою зримое пророчество грядущего разрушения столицы и горькой участи народа (Иез. 4; 5:1-4; 12:1-7), становятся «знамением дому Израилеву» (Иез. 12:6)

В конце Христос скажет Пилату: «Я НА ТО РОДИЛСЯ И НА ТО ПРИШЕЛ В МИР, ЧТОБЫ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ОБ ИСТИНЕ» (Ин. 18:37), а «путем, истиной и жизнью» был прежде всего Сам Богочеловек.

Однако вскоре Иисус не мог не заметить начавшегося борения в сердцах назаретян, поднявшегося скептического ропота («не Иосифов ли это сын?») и вызова, зазвучавшего внутри них и готового вот-вот сорваться с уст: вот Ты все вещаешь, а давай-ка доказательства, каких-нибудь чудесных знамений! Все что Иисус прочел в глазах присутствующих, Он тут же высказал вслух: «Конечно, вы скажете Мне присловие: врач! исцели Самого Себя; сделай и здесь, в Твоем отечестве, то, что мы слышали, было в Капернауме... истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве»¹ (Лк. 4:23-24). И далее Иисус привел два ярких ветхозаветных примера Господня благоволения как раз к *чужим* и *дальним*, к иноверцам, а не к Своему избранному народу. Он напомнил, как во время трехлетней голодной кары, наложенной на иудеев Богом, Тот послал Своего пророка Илию к финикиянке, вдове из Сарепта, и сделалось так, что у нее чудесным образом «мука в кадке не истощалась и масло в кувшине не убывало», на прокорм его и ее собственной семьи (кстати, Илия вскоре воскресил и ее умершего сына) — см. 3 Цар. 17:8-24. И еще как ученик Илии Елисей очистил от проказы язычника Неемана, «военачальника царя Сирийского» (4 Цар. 5:1-19). Именно эта тонкая речь Иисуса резко переломила настроение назаретян. Достаточно оказалось опосредованно, библейскими образами намекнуть, что язычники могут опередить сынов Израиля в дарах веры и благодати, чтобы гнев и злоба ударили в их головы. Возмущение вылилось в настоящее коллективное насилие над Иисусом. Его схватили, провели через город к окраинным высоким холмам, возвели на одну из отвесных круч, «чтобы свергнуть Его; но Он, прошед среди них, удалился» (Лк. 4:29-30).

Интересно, что оригинально греческий оборот, звучащий в буквальном переводе «отвели... на низвержение» может означать и

¹ В одной из аграф Иисуса (изречений, не вошедших в канон, часто передававшихся в устном предании), приведенных в книге А. П. Лопухина «Незаписанные в Евангелиях изречения Христа Спасителя и новооткрытые изречения Его» (СПб. 1898), находим такой вариант этой мысли: «Иисус говорит: не приемлется пророк в отечестве своем, и врач не совершает исцелений для знающих его» (С. 20).

неосуществленное намерение, как это и переводится на все языки и толкуется большинством экзегетов (в частности св. Амвросием Медиоланским, св. Кириллом Александрийским и др.), и цель, буквально реализуемую. Именно так прочитывал и изъяснял это место великий светильник вселенской Церкви св. Ефрем Сирин: «По произволению своему низвергли Его, по Божеству Своему Он не упал. Когда воля (их) хотела свергнуть Его, воздух покорно поддержал Его крыльями своими»¹. Такое радикальное толкование особенно поразительно высвечивает этот эпизод как своего рода предварение крестной казни Спасителя. В самом начале Его галилейского служения было совершено покушение на Его жизнь и *где?* и *кем?* — на родине, своими же земляками, знавшими Его с детства; и позднее Его распнут в центре родной Палестины руками Его же народа, кому Он столетиями возвещался устами великих сынов Израиля.

Только новое чудо (по версии св. Ефрема Сирина, «воздух поддержал»²), чудо преодоления на время закона тяготения для тела Богочеловека, пока спасло Его, как позднее после Его смерти будет в воскресении побежден закон тления. Но и «прошед посреди них...» (Лк. 4:30) — тоже ведь своего рода чудо: то ли все вдруг расступились, неожиданно пронзенные Его духовно победоносной Личностью, как это будет случаться и далее, то ли (скорее всего) Он на какое-то время стал для всех невидим (застил им глаза), прошел сквозь разъяренную толпу и исчез с места предполагаемого (или таки свершившегося) злодейства.

¹ Св. Ефрем Сирин. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 168. М. Д. Муретов в статье «Господь Иисус Христос был ли свержен со скалы назаретянами?» («Богословский вестник», 1897, № 4) в результате тщательного филологического анализа этого места Евангелия от Луки по принятому греческому тексту («textus receptus») счел прочтение св. Ефрема Сирина вполне обоснованным.

² Здесь буквально исполнилось обетование 90 псалма: «Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих; на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею» (Пс. 90:11-12). Вспомним, как в пустыне искушал сатана Спасителя «броситься вниз», ссылаясь именно на эти слова Писания, и как достойно ответил ему Христос, отказавшись мальчишески испытывать благость Творца. А теперь, когда разъяренная толпа свергает Сына Божия со скалы на камни, воздух «своими крыльями» — точнее, крыльями Ангелов — держит Его, не давая свершиться злодеянию.

ПРИЗВАНИЕ МАТФЕЯ И ТРАПЕЗА У НЕГО

Мф. 9:9-17. Мк. 2:13-22.

Лк. 5:27-39

Исцелив расслабленного в Капернауме, Иисус сразу же отправился туда, где Он особенно любил проповедовать: к светлым водам Галилейского озера, на простор, под открытое небо, и все люди, набежавшие к дому Симона, пошли за Ним, и по дороге Он «учил их» (Мк. 2:13). У таможни¹, расположенной чуть не доходя озера, Он остановился, взглянул на сидевшего там сборщика пошлин Левия Матфея Алфеева и сказал то единственное слово, которое Он обращал к Своим избранникам: «Следуй за Мною» (Мк. 2:14). До того Иисус призывал в ученики людей простых, необразованных, однако занимавшихся честным ремеслом, сейчас же возник первый из среды более грамотной, но бывшей у иудеев в глубоком презрении и поношении: из мытарей, т. е. сборщиков разного рода налогов, подоходных, подушных, поземельных, таможенных, наложенных римской властью. Занятие это, сопряженное с обманом и злоупотреблением, с собственной наживой, считалось грязным и бесчестным. Не говоря уже о том, что мытари, подрядившись на службу к завоевателям, оскорбляли религиозно-теократические идеалы и упования правоверных иудеев, считаясь предателями своего народа (по иудейским представлениям, платить *подать* можно было единственному Господину — Богу). Мытари стали синонимом самых отвратительных грешников, и вокруг них, почти как вокруг прокаженных, был обведен своего рода морально-санитарный общественный кордон: входить с ними в сношения, а тем более приближать к себе считалось недостойным и предосудительным. Иисус решительно прорывает этот запретительный круг, и это было на-

¹ В Капернауме, оживленном перекрестке торговых путей, и прежде всего из Дамаска в Иерусалим, мытница (таможня) была учреждением самым естественным и необходимым. (Кстати, в городе размещался и римский гарнизон, чего не было в других, менее важных селениях.) Таможенные мытари назывались «мокес» и были особенно ненавидимы. Левий Матфей, скорее всего, взимал пошлины с товаров, доставлявшихся в город на лодках.

стоящим вызовом иудеям¹. Его пронизательный и милосердный *счет человекам* был совсем иной, чуждый высокомерию «чистеньких», законническим предрассудкам и, главное, разделяющий — и выделяющий — *личность* от суммарно оцениваемой массы, будь то группа, сословие, народ. В капернаумском таможеннике Иисус мгновенно узрел такого человека, в глубине которого таились залоговый выйти в избранный духовный цвет земли, стать на все времена первым из четырех (всего-то!) главных письменных свидетелей и вестников явления миру Спасителя. И это пронизание создает такое поле непреодолимой духовно-физической тяги, что и Левий Матфей тут же, как он сам и засвидетельствует в своем Евангелии, «встал и последовал за Ним» (Мф. 9:9)². А св. Лука еще и добавит разумеющееся: «оставив все» (Лк. 5:28).

«И сделал для Него Левий в доме своем большое угощение» (Лк. 5:29), и возлежал³ на трапезе Иисус, Его ученики с «мытарями и грешниками». Марк и Лука прямо называют место действия — дом бывшего таможенника, а сам Матфей целомудренно не уточняет, что именно у него это происходило. Дело было вскоре после его призвания, некоторые полагают — к вечеру того же дня, и за этой трапезой Матфей прощался со своей прежней жизнью, знакомыми и друзьями, оттого и присутствовало на ней много мыта-

¹ Свт. Иоанн Златоуст считал, что Иисус мог пойти на это лишь после Своих чудес, и особенно исцеления расслабленного: «Коли Он имеет власть отпускать все грехи, то чему удивляться, если Он и мытаря делает апостолом?» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 329).

² Отцы-толковники полагают, что «совершенное повиновение» (Златоуст) Матфея было подготовлено необыкновенными чудесами Иисуса, о которых таможенник не мог не слышать, по меньшей мере. «По поводу этого места Порфирий и император Юлиан представляют критические замечания в том смысле, что здесь мы имеем дело или с неискусною ложью рассказа, или с неразумием тех, кто немедленно следовали за Спасителем; они как будто неразумно увлекались и следовали за каким угодно человеком; однако несомненно, что Апостолы, прежде чем верить, видели многие великие силы и знамения, совершенные пред ними. Конечно, само сияние и величие скрытого Божества, Которое светилось даже на человеческом лице, при первом виде Его могло привлекать к себе смотрящих на Него» (Блаж. Иероним Стридонский. Творения. Ч. 16. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея. С. 62-63).

³ По восточному обычаю гости за трапезой не сидели за столом, а устроившись полу-лежа, полу-сидя на полу, устланном коврами, облокотясь на разнообразные подушки, ели и пили с невысокого стола, заставленного едой. На таком празднестве, какое устроил Матфей, могло возлежать до двадцати человек.

рей. Надо отметить, что восточная мужская трапеза со своим почти священным ритуалом еды, питья, речей была выражением дружеской общности присутствующих на ней, их взаимной приязни и уважения. И то, что Иисус разделил ее с подобной компанией, шокирующе нарушало общественное приличие. Фарисеи и книжники, узнав об этом (сами они там пировать никак не могли), возроптали и приступили к ученикам Иисуса с вопросом: «Как это Он ест и пьет с мытарями и грешниками?» (Мк. 2:16), желая столь праведным для всякого иудея гневом поколебать их веру в Учителя. Вряд ли ученики могли пока ответить так, как это сделал Иисус, пришедший им на помощь. Только Он умел повернуть взгляд на ситуацию таким неожиданным ракурсом, что она начинала играть новым, глубинным смыслом. Его чеканная, неотразимая формулировка отныне навеки войдет в человеческое сознание: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2:17). И тут же отмечается как нелепость наведение фарисеев: недостойный Наставник, падкий на пиршественные наслаждения в вольной компании... Перед нами Врач, а вы знаете такого врача, который бежит больного, боясь заразиться?

Так Иисус Сам Себя определяет как Врача всего спектра человеческих недугов: и физических, и душевных, и нравственных. И когда Он исцеляет — Он врач, и когда проповедует покаяние и обращение — тоже Врач. И ветхозаветные пророки пытались пробить сердца своих жестоковых собратьев призывом к покаянию, и Иоанн Креститель на пороге грядущей Христовой эры — тоже, но никто из них не совершал этого так, как Иисус: добрым расположением и добрым словом, за едой и питьем, возлежа с грешниками как с друзьями на пиру — по новой евангельской нравственности понимания, любви, милосердия, прощения.

И тут же, так сказать, на поле самих фарисеев-законников, Спаситель бьет их ветхозаветной цитатой, напоминая драгоценные черты пророческого учения, которым они не вняли настолько, как будто их и вовсе не было: «Пойдите, научитесь, что значит: “милости хочу, а не жертвы”» (Мф. 9:13). Иисус напоминает слова Господа, обращенные к сынам Израиля через пророка Осию, с таким, кстати, замечательным завершением того, чего особенно желает Бог от них: «И Боговедения более, нежели всесожжений»

(Ос. 6:6). По части ритуальной скрупулезности (*жертв* и *всесожжения*) фарисеи были сильны, а вот насчет *милости* и *Боговедения* слепы и глухи: Сам Бог во плоти ходил перед ними, рассыпал Свои милости, приводя грешников к покаянию, а они не узнали и не опознали Его.

Дальнейшее св. Лука рассказывает как продолжение разговора фарисеев с Иисусом. В начале они, как мы помним, обратились к ученикам, вопрошая о недостойном поведении их Учителя, но теперь, не находя, чем парировать неотразимый образ Врача, круто изменивший всю перспективу и освещение события, повернули свои претензии по другому руслу, перейдя, так сказать, уже *на личности* Его учеников: «Почему ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также и фарисейские¹, а Твои едят и пьют?» (Лк. 5:33). Св. Матфей и св. Марк передают это несколько иначе. По Матфею, к Иисусу приходят сами ученики Иоанновы и ставят такой же вопрос, но уже от своего имени. А у Марка есть и такое дополнение: «Ученики Иоанновы и фарисейские постились» (Мк. 2:18) — и в это время они приходят к Иисусу и спрашивают о посте. В сущности, эти разночтения, каждый со своими штрихами, как всегда в Евангелиях, лишь привносят больший объем в эту сцену. Трапеза у Матфея вполне могла и совпасть с каким-то очередным постом фарисеев и иоаннитов, что и добавило контрастного раздражения в их души. Главное здесь все же ответ Иисуса, и он у всех синоптиков звучит почти слово в слово: «Можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни» (Лк. 5:34-35), только у Матфея вместо «поститься» стоит «печалиться».

Опять мы сталкиваемся с брачными образами, сублимирующими в высший план самую могущественную, первичную из всех человеческих энергий, самое натуральное и интенсивное, любовно-интимное отношение. Здесь же и прикровенное пророчество Иисуса о Своей грядущей смерти и вознесении от земли после

¹ Члены Иоанновой общины, продолжавшей существовать рядом с христианской в I в. н. э., отличались, по примеру своего казненного наставника, особо суровой аскетической жизнью. Чрезвычайно чувствительные к своей народной популярности, фарисеи культивировали черты и приметы внешнего благочестия, в частности, налагая на себя еще и дополнительные к установленным посты.

воскресения и о тех испытаниях и тяготах, что налягут на верных Ему и потребуют немалой духовно-физической дисциплины, в том числе и постов... Поставим и мы вопрос: для чего вообще необходим пост? Очевидно, для обуздания своей греховно-животной природы, для очищения души и духа, получения благодати, чтобы хоть как-то приблизиться к Богу, точнее понять Его веления и исполнять их на земле. А тут была уникальная, невиданная и нечаянная ситуация, когда Бог был рядом, Лицом к лицу с учениками, прямо их учил и направлял, подавал благодать из Существа в существо. Небесный Жених с ними, длится *брачная неделя*¹ проникновенно радостного, тесного общения, таящего неиссякаемые открытия и потрясения, — и так каждый миг, шагая с Ним рядом по палестинским дорогам, сидя у ног Его на отдыхе, возлежа бок о бок за трапезой, чувствуя живое тепло Его соседства, невыразимый взгляд Богочеловека, все видящего в *сердцах* и *утробах* и все предвидящего в человеках и временах, потрясаясь Его делами и речами...

И полное невосчувствие фарисеями и учениками Иоанновыми этого исключительного момента в течении мировых судеб, той принципиальной метафизической новизны, которую принесла Христова проповедь, исторгает из Него две великие *близнецовые* притчи, брошенные Иисусом как яркий образный знак размежевания двух религиозных эпох, двух Заветов — на будущие расшифровку, вникание и осуществление. Первая: «И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани; ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже» (Мф. 9:16). Лука вносит сюда свой тонкий наводящий оттенок: у него заплатка «от новой одежды», но результат один — такая операция «и новую раздерет, и к старой не подойдет заплатка от новой» (Лк. 5:36). И вторая: «Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино мо-

¹ Все символические и притчевые образы у Иисуса прочно стоят на самой конкретной и точной, фактической, бытовой основе. Брачная неделя свято оберегалась в Иудее как праздничная полоса безмятежного чистого веселья и радости. На ее время для участников брачной церемонии снимались все посты и даже ежедневные молитвы. Сынами брачными назывались или вообще все участники этой недели, или — в более узком смысле — друзья жениха, в обязанность которых входило сопровождать невесту под пение и музыку из ее дома в дом жениха.

лодое надобно вливать в мехи новые» (Мк. 2:22). Заплата, выдранная из «новой одежды», из ризы Завета Нового (пока из ткани небеленой, роспись важнейших ее узоров еще предстоит) никак не приставляется к богато изукрашенной, но уже «ветхой» ризе религии Закона. Не для ее починки явился Христос. При всей преемственности Евангелия с ветхозаветным Писанием речь идет не о реформе или компромиссе, а о поистине Новом Слове, «новом вине» Благой вести о Царствии Небесном. Позднее ап. Павел, первый величайший экзегет Христовой Вести, в своих посланиях к Римлянам и Галатам, по существу, развернет эти притчи в первоосновное христианское богословие, разделившее Закон и благодать, обрядово-этические ветхозаветные установления, действительные на стадии «детоводительства» сынов человеческих, и новую веру в искупительное Дело Христа, онтологическое спасение от тлена и смерти через единение рода людского с Ним, вход в преображенный эон бытия, веру как акт свободной воли. «Новое вино», новое содержание веры требует себе и новых форм выражения («новых мехов»), оно не может вместиться в старый национально-иудейский обрядовый ритуал¹. Оно их и получит, когда основой христианских *форм* станут новые таинства, и центральные из них — крещение и евхаристия, и новый годовой и суточный богослужебный круг, и новая аскетика, и деятельное, любовное служение ближним... В притче о «новом вине» и «новых мехах», как в семени, спрессовалась колоссальная витальная сила, из нее вырастет шумящее обетованием бессмертной, обоженной жизни Древо новых христианских форм Богочитания и Богодействия. Существенно и то завершение последней притчи, которое приводит только Лука: «И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого; ибо говорит: старое лучше» (Лк. 5:39), — снисходительное понимание Иисусом всей силы глубоко укорененного обрядового стереотипа, всей *комфортабельности* устоявшихся, освященных тысячелетним преданием религиозных форм. Ярость их сопротивления в лице главных их носителей и держателей Иисус остро почувствует вскоре.

¹ Замечательна сама логическая последовательность этих двух притч: первая толкует, так сказать, о «несовместимости тканей» по *содержанию*, вторая — уже и по *форме*.

ВТОРАЯ ПАСХА В ИЕРУСАЛИМЕ

апрель 28 г.

Ин. 5:1-47

Читатель Евангелий вскоре заметит, что их авторы как бы поделили между собой рассказ о делах и проповеди Спасителя: синоптики подробно свидетельствуют о галилейском Его служении, а св. Иоанн взялся дополнить их иерусалимскими эпизодами. «После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим» (Ин. 5:1). Под праздником, если не давалось конкретного его обозначения, обычно подразумевалась Пасха. Итак, после четырех месяцев пребывания в Галилее Иисус вновь в религиозной столице иудеев, знаменуя Свое явление сюда очередным исцелением. Недалеко от Храма у Овечьих ворот существовала особая купальня: это был пруд, в нем перед жертвоприношением омывали животных, чаще всего овец (откуда и название места), а затем и их внутренности. Другая часть этого водоема предназначалась для очистительного омовения людей, вода его считалась целебной, посему и закрепилось за ним имя Вифезда, по-арамейски — «Дом милосердия». Верили, что в воду этого, уже освященного жертвенными животными бассейна, время от времени невидимо сходил Ангел Господень — и это узнавалось по периодическому возмущению водной глади. При этом кто первый успевал в этот момент войти в водоем, получал исцеление от любого недуга. Под крытыми каменными галереями, стоящими над купальней, «лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды» (Ин. 5:3). И к этой еще одной юдоли страдания подошел Иисус по дороге к Храму. Среди скопища недужных «был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет» и лежавший здесь «уже долгое время» (Ин. 5:5,6). Не раз уже это было и будет: порыв жалости и сострадания Богочеловека к открывающейся на каждом шагу бездне несчастий и мучений Его грешных братьев по человечеству ведет к действию. «Хочешь ли быть здоров?» — Иисус ищет встречного внутреннего движения больного и, получив его: «*Так, Господи*», только не нашлось, мол, пока человека, который опустил бы его вовремя в воду, каждый раз кто-нибудь опережал, — произносит уже

известные нам слова, в свое время обращенные к капернаумскому расслабленному, в которых чудесным образом концентрируется действие духовной причинной силы: «Встань, возьми постель твою и ходи» (Ин. 5:8). Люди, казалось бы, безнадежно забыли и забросили его, Богочеловек вспомнил и как! — оказалось достаточным мгновения: какая-то мощная жизненная энергия тут же влилась в бездейственные члены паралитика, и он встал, взял циновку, на которой лежал, «и пошел» (Ин. 5:9)¹.

И тут выходит с резкой очевидностью наружу и начинает далее нагнетаться коллизия, которая исподволь зачалась еще в начале галилейского служения Иисуса: «Было же это в день субботний» (Ин. 5:9). Мы помним, что в этот же день недели Он уже исцелил и бесноватого, и тещу Симона. А тут в Иерусалиме нарушение Иисусом субботнего неделания впервые крайне негативно фиксируется иудеями. Как реагируют они на исцеление паралитика? Поражаются, радуются, расспрашивают, как это произошло? Ничего подобного, их заботит только одно: «Сегодня суббота; не должно тебе брать постели» (Ин. 5:10), т. е. нельзя носить никакой ноши в день покоя. Ни в чем так ярко не выразился упадок и вырождение иудаизма во времена Иисуса, как в крайне формальном, часто бессмысленно-гипертрофированном подходе к соблюдению субботы, который шел главным образом от фарисеев, прибавлявших к строжайшему соблюдению предписаний Закона еще и изощренно-мелочные толкования книжников. И когда исцеленный сослался на приказ Того, Кто его избавил от болезни, то иудеи стали усиленно его расспрашивать, Кто это такой и где Он теперь, но ответа так и не добились: неопознанно и незаметно Иисус исчез с места происшествия. Но позднее исцеленный встретил Его в Храме, и Иисус сказал ему: «Не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин. 5:14), еще раз подтвердив теснейшую связь греха и болезни. И тогда исцеленный «пошел и объявил иудеям, что исцеливший его есть Иисус» (Ин. 5:15). По разному толковалось это место. Одни говорили: не зря преждедаль его Иисус, предвосхищая подлое его поведение доносчика. Другие, напротив, полагали, что встреча в Храме — свидетельство

¹ В этом эпизоде при овчей купели св. экзегеты увидели «предживописание» христианского крещения: и в способе врачевания водой при схождении Ангела (в крещении — Духа Святого), и в очищении от греха и болезни при исцелении расслабленного. Недаром это место (Ин. 5:1-4) читается в Церкви при освящении воды.

благочестия бывшего расслабленного (явился сюда принести благодарение Богу за исцеление), а сообщил он об Иисусе, желая Тому славы среди иудеев. Но как бы то ни было, не личная добродетель слабого грешного человека тут важна, а вот такая исключительная жесткость реакции: «И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу» (Ин. 5:16). Представляете себе, до какого градуса дошли гнев и ожесточение иудеев, чтобы желать и искать казни Иисуса. И вскипели они моментально, только дело коснулось священной субботы.

Это пункт капитальный, имеющий значение глубочайшее, и конкретно-историческое, и нравственное, и *метафизическое*. Почему метафизическое? Да Сам Иисус в слове перед Своими обвинителями — священниками, фарисеями, книжниками, произнесенном, скорее всего, в Храме, выдвигает аргумент высочайшего и уж куда более метафизического свойства: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5:17). Для сынов Израиля суббота была ритуальной калькой того завершительного дня, когда Бог после шести дней неустанной творческой работы на седьмой, день субботний, «почил от всех дел Своих, которые... творил и созидал» (Быт. 2:3). А тут устами Бога Сына является великое, можно сказать, космогоническое откровение о Боге, Который «доныне делает», т. е. продолжает и творить, и созидать, и поддерживать сотворенное, и о Его творении, которое в определенном смысле еще не окончено. Ведь и приглашение к Царствию Небесному, с чем пришел от Отца Богочеловек, т. е. к преодолению грехопадного статуса бытия и преображению всех тварей и стихий, — разве это не предполагаемый творческий акт Бога, требующий и человеческого сотрудничества? И человек, созданный по образу и подобию Божию, призванный к благодатному приятию божественной природы, не должен ли уподобиться Богу и в Его творческой природе, в Его постоянном делании?

Как, по высшему метафизическому счету, восчувствовалась и понималась суббота иудеями? Вся тварь в Царствии Божиим должна прийти к такому же покою созерцания, как Творец в Свой седьмой день, и суббота была конкретным, каждую неделю переживаемым прообразом этого чаемого блаженного неделания и покоя. Но коль скоро оказывается, что Бог не почил, а *делает* и *будет делать*, то и Царствие Небесное приобретает какой-то совсем другой, *не субботний*, не созерцательно-блаженно покаяющийся вид.

Более того, стоит спросить себя: представление Царствия Небесного в образе *вечной субботы* не есть ли это скрытая *иудаистическая* ересь в христианстве?

Так субботство оказывается не только обрядовым моментом иудаизма, но и глубокой его метафизической сущностью (в чем мы еще убедимся далее). И не случайно Иисус постоянно, чуть ли не с нарочитым нажимом будет наступать на эту самую болезную «идейную» мозоль иудеев: все-то Он будет творить в субботу и в субботу — и исцелять, и срывать колосья, и воскрешать, словно утверждая окружающих и потомков, и нас с вами в некоей принципиальной мысли.

После слов о непрекращающемся делании Отца иудеи, по свидетельству Иоанна, «еще более искали убить Его»: не только субботу не уважает, но и делает «Себя равным Богу» (Ин. 5:18). На это Иисус произносит большую, в полном смысле слова богословскую речь, при одной лишь оговорке, что это богословие уникальное, слово Бога о Самом Себе. Когда-то А. Гарнак назвал ап. Павла первым христианским богословом, но сколь справедливее назвать таковым уже св. Иоанна, сумевшего донести до нас эти и другие Самооткровения Христа. В речи Иисуса есть немало из того, что когда-то в ночи было поведано Никодиму, и вот сейчас, ровно через год то же и более того Он громогласно при свете дня возвещает уже многим. Во-первых, Иисус говорит о Себе, что как Сын Он «ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также» (Ин. 5:19), и продолжает: «И покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь» (Ин. 5:20). Пока видели дела исцеления, а что же еще *больше сих*? А то, что еще впереди: «Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет» (Ин. 5:21). То, что Суд миру сему Отец целиком отдал Сыну, что «слушающий слово» Его и верующий в Него и Отца «имеет жизнь вечную и на суд не приходит» и что «наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и услышавши оживут» (Ин. 5:24,25), — мы уже знаем по разговору с Никодимом. И здесь важно, что когда Христос вот так говорит о самом главном, то этим оказывается не нравственная учительная проповедь, а самая метафизическая суть новой религии: обетование перехода «от смерти к жизни», обетование воскресения и вечной жизни.

Тут же Иисус раскрывает и новые небесные тайны: «Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом

Себе» (Ин. 5:26) — т. е. Божественную *causa sui*, причину самого себя, что является основной прерогативой Божественного бытия. И вновь повторяет, что не может «творить Сам от Себя» (Ин. 5:30), а только от Отца — и это, казалось бы, приходит в противоречие с только что высказанным признанием Своей полноценной Божественности, имеющей причину в Самом Себе. Это противоречие было отмечено св. экзегетами. Выраженное здесь Сыном как бы некое подчиненное положение «Ученика» перед Богом Отцом, могущее дать повод еретической мысли внести элемент субординации в недра Троической Жизни, разъяснялось толкователями в том духе, что Иисус в данном случае несколько приравнивается к человеческой аудитории, сознательно умаляя Свою абсолютно равноценную и равномогущую с Отцом и Духом Святым Божественную роль. Но более точным представляется все же кенотический подход. Ведь говорит в этот момент Иисус не в Своей горней, чисто Божественной сущности, а в уничижении земного Богочеловеческого воплощения, добровольно сократившись всей полноты Своего Божества. Он уже не только Бог, но и Человек. И невозможность творить Самому от Себя, и исполнение воли Отца относятся в значительной степени к Его человеческой природе и далее — к земному человечеству, уподобляющемуся Христу. И это *творить не от себя, а от Бога*, стать орудием осуществления Его воли — великий завет сынам человеческим, в котором дана точная мера их активности, дабы не переступить пределы послушания Небесному Отцу и не впасть в человекобожие.

И завершает Иисус, отсылая иудеев к свидетельствам других о Себе: и Иоанна Крестителя, и того, что «больше Иоаннова», — Его собственным чудесным Дедам, и к Богу Отцу, свидетельствовавшему о Нем как о возлюбленном Сыне при крещении, и, наконец, к тому источнику, что был высшим авторитетом для них самих: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39). Но Иисус прекрасно понимает, что дело тут не в ослепительности доказательств и свидетельств о Нем, главное — в их *неверии*, т. е. в упорном склонении воли *против*, в нежелании сделать выбор *за* («Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь» — Ин. 5:40), — и это настолько, что и *своему* Моисею не поверят, хотя он и свидетельствовал о Нем, и легче смогут принять любого лже-христа и лже-пророка, что «придет во имя свое».

ХРИСТОС И СУББОТА

начало лета 28 г.

Мф. 12:1-21.

Мк. 2:23-28; 3:1-12.

Лк. 6:1-11

Из всех евангелистов один св. Лука вдруг да бросит ясное временное указание в потоки священных метасобытий, текущих у каждого из них чуть, а то и не чуть по разному порядку, и сразу высветится их когда-то реально-земная череда. «В субботу, первую по втором дне Пасхи, случилось Ему проходить засеянными полями, и ученики Его срывали колосья и ели, растирая руками (Лк. 6:1). Все синоптики приводят этот эпизод, но только Лука дает возможность поместить его достаточно точно: Иисус возвращается с учениками из Иерусалима в Капернаум. Резкая стычка с иудеями заставила их спешно покинуть столицу, похоже, что не успели они даже взять с собой съестных припасов. «Фарисеи, увидевши это» (Мф. 12:2), т. е. их срывание колосьев для еды, «сказали им: зачем вы делаете то, чего не должно делать в субботы?» (Лк. 6:2). Апрель, в Палестине начало лета, скоро жатва, пшеничные хлеба стоят в Галилее высокие, достигая чуть ли не человеческого роста. Откуда тут на дороге, среди полей вдруг взялись фарисеи со своими уличающими вопросами? Очевидно, иерусалимские фарисеи снарядили своих людей следить за речами и действиями галилейского проповедника — намерения у них, как мы помним, образовались самые зловещие. Недаром со времени второй иерусалимской Пасхи Иисуса с учениками уже постоянно, как черный рой, сопровождают книжники, фарисеи, саддукеи, иродиане¹, точнее, каждый раз откуда-то налетая: все-то они за Ним подсматривают, подслушивают, набирая, по-современному говоря, побольше *компромата*, иску-

¹ В отличие от фарисеев и саддукеев, иродиане не были религиозной сектой, а партией политического толка, поддерживавшей династию Ирода. Признавая римскую власть, подчеркивая свою к ней лояльность, они враждовали с фарисеями, иудейскими патриотами, но объединились с ними в общей ненависти к новому пророку, провозгласившему Себя Мессией. В духе своих плоских представлений они опасались с Его стороны претензий на трон Ирода.

шают, провоцируют, плетут козни, образуют заговоры... И среди них далеко не все были из местных, немало подзатесалось и засланных столичных умников, ревнителей иудейского благочестия (на что есть прямые указания в Евангелиях).

Итак, очевидно прячась до поры до времени в той же густой пшенице, фарисеи, отследив очередное «осквернение» субботы (внутренне ликуя: засекли!), приблизились к «нарушителям». Толкователи Евангелий само собой разобрали этот момент по косточкам. Первым делом все они отметили ревностный перехлест обвинителей: да, известна была заповедь о субботнем покое «во время посева и жатвы» (Исх. 34:21), но было ли срывание колосьев жатвой? К тому же существовало освященное Законом разрешение в случае нужды попользоваться чужим полем, срывая «колосья руками твоими», не применяя серпа (Втор. 23:25), что, собственно, и позволили себе Иисусовы ученики. А св. Ефрем Сирий вообще упрекнул фарисеев в недостатке «мудрости» и знания Торы: проще было бы обличить учеников в нарушении другого закона, запрещавшего вкушать от начатков «плодов земли», пока они не будут принесены «в дом Господа, Бога Твоего» (Исх. 23:19).

Сам же Иисус не стал тут тягаться с фарисеями по мелочам, а, как всегда, подсек их прямо под корень, напомнив случай, рассказанный в 1 книге Царств, о том, как сам Давид, краса и гордость иудеев, будучи в бегах от преследования Саула, получил в Храме от священника для утоления голода для себя и своих спутников не просто хлеб, а хлебы предложения, есть которые мог только священник¹. И только Иисус способен так неотразимо сфокусировать внимание на очевидном факте, осветив его неожиданным светом: «Или не читали ли вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны?» (Мф. 12:5). В день всеобщего покоя

¹ Двенадцать специально испеченных пресных хлебов предложения «в жертву Господу» полагались каждую субботу на особом столе во второй части скинии, а затем в храмовом святилище (см. Лев. 24:5-9). Давид ел хлебы предложения именно в субботу, об этом говорит тот факт, что священник как раз готовился «положить теплые хлебы» (1 Цар. 21:6). В 1 книге Царств священник носит имя Ахимелех, а у св. Марка сказано — «при первосвященнике Авиафаре». Это противоречие толковники объясняли по-разному: священник мог иметь два имени, или первый был священником, а первосвященником в это время был второй, и, наконец, что евангелист имел в виду сына Ахимелеха Авиафара, который упоминается как первосвященник во 2 книге Царств.

священники работают как никогда: совершают обрезание, закалывают жертвенных животных, готовят дрова и огонь для всесожжений, меняют на столе хлеба предложения... Так храмовое служение оправдывает нарушение субботы, «но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма» (Мф. 12:6), или, как выразился свт. Иоанн Златоуст, «Сам Господин святилища — Истина, а не образ», а ученики Его, будущие апостолы, больше священников иудейских. Иисус оперирует ветхозаветными образами и примерами, близкими Его обвинителям, отбрасывая их бессмысленно-мелочную фетишизацию субботы. «Суббота для человека, а не человек для субботы: посему Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мк. 2:27-28).

Суббота — не абсолют. Христос пришел утвердить высшую абсолютную ценность другого — человеческой личности, которой открываются невиданные задачи и дары, и обосновывает это Своим Божественным авторитетом. Сохраняя в своих ссылках на Писание впечатление остающейся пуповинной связи с Ветхим Заветом, Иисус ее уже на деле тайно обрезал. И опровержение субботства — вроде бы частный, но конкретно-неоспоримый признак рождения новой религии, излияния в мир уже готового «нового вина» Благой Вести.

И этот признак тут же всеми синоптиками подкрепляется примыкающим эпизодом с исцелением сухорукого. Правда, евангелисты слегка расходятся в его *датировке*: у Матфея Иисус сразу же «отошел оттуда (надо думать, с полей. — С.С.), вошел... в синагогу их» (Мф. 12:9), у Марка — «пришел опять в синагогу» (Мк. 3:1), а Лука полагает, что «случилось же и в другую субботу войти Ему в синагогу и учить» (Лк. 6:6). Но сцена рисуется всеми в одном духе — с некоторыми индивидуальными деталями¹. У Матфея Иисуса прямо спрашивают, «чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботы?» (Мф. 12:10), — на что Тот отвечает, по корыстолюбию вопрошающих, соответствующим бытовым примером: разве вы не вытащите тут же свою единственную овцу из ямы, если

¹ Не пренебрегать же даже мельчайшими особенными деталями каждого из священнописателей учит нас св. отец: «Как в золотых рудах опытный в этом деле не оставит без внимания ни малейшей жилы, потому что она может доставить великое богатство, так и в божественных Писаниях не безвредно опускать даже одну черту или йоту, а надобно исследовать все. Все в них сказано Духом Святым и ничего нет излишнего» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. С. 230).

она туда упадет в субботу, а «сколько же лучше человек овцы!»¹ (Мф. 12:12). У Марка и Луки этот эпизод разработан, можно сказать, поставлен более драматично и поучительно-наглядно. Внутренняя площадка Дома Божьего становится местом провокации, с одной стороны, и победы — с другой. Все элементы испытания и противостояния налицо. В синагоге присутствует «человек, у которого правая рука была сухая» (Лк. 6:6), явный объект возможного приложения целительного дара Иисуса. Книжники и фарисеи начеку, они не спускают с Него глаз, не надумает ли Он снова бросить им вызов еще одним субботним исцелением. Иисус конечно же видит насквозь все «помышления их» и действует как Божественный Педагог, умеющий последовательно и впечатляюще неотразимо развернуть свои аргументы и эффекты. Он вызывает сухорукого и ставит его посреди синагоги: смотрите на этого бедного калеку, неужели он не вызывает в вас сочувствия? А затем предлагает всем вопрос: «Должно ли в субботу добро делать или зло делать? душу спасти или погубить?» (Мк. 3:4). Но этот призыв к совести, к честности, к духу Писаний, способному пронестись над «ветхой буквой», повисает в воздухе синагоги, насыщенном злобой и спесью. «Но они молчали», — кратко и выразительно отмечают и Марк, и Лука. И тогда Иисус, «посмотрев на всех их» — Лк. 6:10 (Марк еще и оставил для нас то, что так редко приоткрывается в Евангелиях, — *чувства* Спасителя: «воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их» — Мк. 3:5), сказал сухорукому: «Протяни руку твою. И он протянул; и стала она здорова, как другая» (Мф. 12:13).

Что сделалось с книжниками и фарисеями при этом? Перед их глазами калека моментально обрел исцеление, и весьма символически значимое: до того его главная, рабочая, правая рука, висела неподвижной плетью (пребывала она у него в вечной субботе), а тут обрела силу и былую сноровку, возвратив своему хозяину счастье нормально трудиться (по преданию, он был каменщиком и ис-

¹ Кстати, священная история иудеев знает и примеры вполне героические. Так, за два века до Христа маккавейские повстанцы за Закон и Храм против ига язычников, после того как они шли на заклание тысячами, не отражая нападения в дни субботние, вынуждены были ради спасения народа отказаться от священного бездействия: «Кто бы ни пошел на войну против нас в день субботний, будем сражаться против него» (1 Мак. 2:41).

калечил руку в несчастном случае); они стали свидетелями знамения сверхъестественной власти Иисуса, когда Он, кстати, формально даже не нарушил субботы: к сухорукому не прикасался, не приказывал ему что-либо делать, а только изрек всемогущее слово. Но запрета на слова не было даже в дотошно-казуистических фарисейских правилах субботнего поведения — и что же? — только еще больше ожесточились их сердца, загорелись черной смесью зависти, гнева и ненависти, «они же пришли в бешенство» (Лк. 6:11) и «вышедши, немедленно составили с иродианами совещание против Него, как бы погубить Его» (Мк. 3:6).

Но реакция народа была совсем иной, именно сейчас можно говорить о мощном порыве к Иисусу огромной массы людей, и не только жителей Святой Земли, но и прилегающих языческих земель. Поражающие рассказы о Нем и Его делах, передававшиеся из уст в уста, уже образовали свой эффект лавины. И когда Христос с учениками удаляется из синагоги к озеру, в окрестности Капернаума, за ними следует «множество народа из Галилеи, Иудеи, Иерусалима, Идумеи¹ и из-за Иордана. И живущие в окрестностях Тира и Сидона², услышавши, что Он делал, шли к Нему в великом множестве» (Мк. 3:7-8). И вот опять замечательно-достоверная деталь — из тех, что невозможно сочинить: как и в эпизоде с чудесным ловом рыбы, Он просит себе лодку, чтобы «не теснили Его» (Мк. 3:9), и Он мог с реки спокойно обращаться ко всем. Осаждали же Иисуса, «бросались к Нему» полчища больных (Марк выделяет «имевших язвы»), тянувших руки дотронуться до Него, «потому что от Него, — уточняет Лука, — исходила сила и исцеляла всех» (Лк. 6:19). И выходили из бесноватых нечистые духи, с криком свидетельствуя: «Ты — Сын Божий» (Мк. 3:11). И этим духам, и всем исцеленным Иисус «запретил... объявлять о Нем» (Мф. 12:16). Только Матфей дает объяснение этой черте поведения Иисуса, приводя одно из мессианских пророчеств Исаии (Ис. 42:1-4), где возвещался неожиданный, не традиционно ожидаемый Помазанник, грядущий в блеске и славе Своего

¹ Идумея — греко-римское имя Едома (библейской страны потомков Исава); расположена на юг от Палестины, к юго-западу от Мертвого моря. Население Идумеи, с древних времен враждовавшее с евреями, было обращено в иудейство после ее завоевания в 126 г. до н. э. Иоанном Гирканом I.

² Тир и Сидон — древние финикийские города на восточном побережье Средиземного моря, севернее Галилеи.

Царственного могущества, а поражающий своей кротостью и смирением Отрок Божий, «муж скорбей», обезображенный и униженный, который принесет искупление и спасение народам ценой Своей жертвенной смерти. Тихо, без лишнего шума и грома, потаенно Его первоначальное явление миру: «не воспрекословит, ни возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его. Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы; и на имя Его будут уповать народы» (по Мф.12:19-21). Да, все вокруг толпились, спорили, шумели, поучались, мучились и получали облегчение, каялись, негодовали и кипели, а Он прошел среди людей по земле, оставив за Собой след этой удивительной поэтической музыки: «Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит...» Не Его это дело ломать и угашать... Разве что восстанавливать и возжигать!

ПРИЗВАНИЕ АПОСТОЛОВ

лето 28 г.

Мф. 10:2-4. Мк. 3:13-19.

Лк. 6:12-16

И опять, как после первых массовых исцелений в капернаумскую субботу, искал Иисус тишины и уединения: «взошел на гору» (Мк. 3:13), а Лука уточняет — «помолиться» и пробыть «всю ночь в молитве к Богу» (Лк. 6:12). Мы уже знаем, что после такого энергетического истощания (сколько недужных прикасалось к Нему, исцеляясь исходящей от Него и вливаемой в них силой!) Он особенно нуждался в молитвенном общении с Небом, в подаче благодати, осенении Св. Духом. Каждый раз Его влечет место возвышенное — *туда, туда*, на гору, хоть немного ближе к Отцу, хоть на время физически подняться над тем долинным миром все нагнетающейся ненависти и угрозы и той людской юдоли, что кишит, страдает, цепляется за Него, жаждет чудесного облегчения!

«Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами» (Лк. 6:13). Этот торжественный промыслительный акт, совершаемый Иисусом после ночной молитвенной беседы с Отцом, вставлен в особо величе-

ственную и вместе символическую природную рамку: представьте себе вершину горы, уже озаренную первыми лучами восходящего летнего солнца, — алтарь, с которого Он рукоположил Своих избранных, над их головами, как храмовый свод, голубое небо и на все четыре стороны света широкий обзор просыпающейся Святой Земли. Сам выбор апостолов говорит о том, что ходило за Иисусом очевидно больше чем двенадцать тех, кто в душе считали себя Его учениками. Но особой миссии и чести удостоились только эти двенадцать: апостолы (от греч.: посланники) станут посланцами Христа в мир, наделенными Им особыми дарами, первыми проповедниками Благой Вести среди народов Земли, краеугольными камнями новой вселенской Церкви. Само священное число двенадцать, соотносясь с двенадцатью ветхозаветными патриархами, давшими начало всем коленам израилевым, получает здесь смысл установления на вечные времена уже новозаветного родоначалия. Недаром имена Христовых апостолов записаны на двенадцати основаниях стены, что окружает град Божий, Небесный Иерусалим (Откр. 21:14).

Кто же были эти избранники Христовы? У Матфея и Луки они перечислены по парам, очевидно, так чуть позднее отправит их Иисус на проповедь. «Двенадцати же Апостолов имена суть эти: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его» (Мф. 10:2-4). У Марка нет членения на пары, список апостолов идет подряд в соответствии с Матфеевой чредой, лишь братья Зеведеевы и Андрей поменялись местами (братья на второе и третье, а Андрей на четвертое), и Фома стоит за Матфеем (считается, что в своем Евангелии Матфей обнаружил скромность, поставив себя на второе место в своей паре).

Марк же единственный сообщает, что братья Иаков и Иоанн Зеведеевы получили от Христа имена Воанергес (от арамейского: Бенерогес), что значит «сыны громовы». При той крайней скудости евангельских сведений об индивидуальных характерах, конкретном поведении и действиях апостолов (некоторые из них только тут и перечисляются, а затем тонут в общности «двенадцати») это значащее имя дало естественный повод к некоторым психологическим предположениям: в нем увидели указание на их порывистый, пылкий темперамент, восторженную ревность их служения

Христу. Впрочем, блаж. Феофилакт отнес смысл этого имени не столько к их характерам, сколько к плодам их апостольского труда: «Сынами громовыми называет сынов Зеведея, как особенно великих проповедников и богословов», и действительно, Иаков (вместе с Петром и Иоанном) входил в ближайший, самый доверенный к Иисусу круг, удостоясь с ними присутствия при воскресении дочери Иаира, Преображении, гефсиманском борении Спасителя; первый из апостолов принял мученический венец, а Иоанн, вначале ученик Иоанна Крестителя, а затем взысканный особой любовью Христа, возлежавший у груди Его на Тайной Вечери (Ин. 13:23), как известно, написал самое богословское из Евангелий, а также Откровение и три соборных послания.

Лука сохраняет в целом тот же, за несколькими смещениями, порядок перечисления апостолов. Правда, у него вместо Леввея, прозванного Фаддеем (у Матфея и Марка), появляется Иуда Иаковлев, которого признают одним лицом с Леввеем Фаддеем. Причем и Иаков Алфеев, и Иуда Иаковлев (Леввей Фаддей) считаются братьями Левия Матфея Алфеева, более того, по преданию, сыновьями младшей сестры Девы Марии — тоже Марии, вдовы Алфея, или Клеопы; таким образом выходит, что все трое были двоюродными братьями Иисуса. Об Андрее, Филиппе и Варфоломее (Нафанаиле) уже шла речь в связи с их призванием на Иордане, описанном Иоанном. О трех апостолах: Иакове-младшем Алфееве, его брате Иуде Иаковлеве и Симоне Кананите (называемом у Луки и в Деяниях апостолов Зилотом¹, что является простым переводом на греческий его имени Кананит, т. е. ревнитель), — Евангелия ничего, кроме их имен и одного вопроса, поставленного Иисусу Иудой, не Искаротом, у Иоанна (Ин. 14:22), не сообщают. Что касается Фомы и особенно тех двух, что открывают и закрывают апостольский список: Петра и Иуды Искариотского, единственного иудея среди одиннадцати галилеян, — о них предстоит еще говорить особо.

¹ Существует предположение, что до присоединения к общине Иисуса Симон Кананит мог быть сторонником партии зилотов, выступавших за вооруженное восстание против римского ига. Отметим, что борьба зилотов за политическую независимость богоизбранного народа, за его самобытный теократический уклад жизни по нормам Моисеева Закона и Христова эсхатологическая проповедь Царствия Небесного лежали в совершенно разных плоскостях бытия.

Сомкнутая с Христом общность двенадцати апостолов создает впечатление уникальной нравственной и духовной единицы: это замечательное *«и с Ним двенадцать»* проходит, даже когда прямо и не называется, сквозь все Евангелия. Призвание апостолов предполагало особое проникновение Господа в души Своих избранных и их ответную безоглядную отдачу себя Ему и последующее постоянное и близкое, доверительное и любовное взаимное общение. Причем избрание чаще всего происходило, как мы видим, в достаточно тесном, родственно и дружески связанном кругу, и апостольские двоицы, посылавшиеся Иисусом на служение, соединяют, как правило, или братьев, или близких друзей. Почти все ученики Иисуса вышли из мирной, сохранившей патриархальный дух среды: рыбаков (Петр, Андрей, братья Зеведеевы, Фома) и поселен-земледельцев (Иаков-младший, Иуда Иаковлев, Симон Зилот), хотя были и мытарь, и предполагаемый толмач, служивший у купцов (Филипп), и знаток Писаний Варфоломей. Христос не выбирал ни исключительных святых и подвижников благочестия, ни редких умников; его апостолы представляют самое низовое, трудовое человечество — и с тем, что есть, на Божественный взгляд, лучшего в нем: а это оказывается сила любви и веры, детскость души, легкость отторжения от мнимых богатств и ценностей, всецелая преданность глаголам «вечной жизни», и со всеми его слабостями: честолюбивым стремлением выдвинуться, ревностью, похвальбой, а то и моментами трусости и отречения, не говоря уже о случае низкого предательства (об этом далее). Именно этому простому, слабому, грешному роду людскому через его апостольских сынов подается Христом надежда на восхождение и спасение.

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
ЛЕТО 28 Г.
ВБЛИЗИ КАПЕРНАУМА

Μανυιλ Πανσελιν. Спас на престоле. Фреска. Около 1290 г.

БЛАЖЕНСТВА

Мф. 5:1-16. Лк. 6:17-26

Итак, подходим к тем страницам Евангелия, которые признавались самой сердцевинной нравственного учения Иисуса, «великой хартией» христианства. Три большие главы у св. Матфея целиком отданы проповеди Небесного Учителя: единственный раз во всем Священном Писании Он так долго и непрерывно *говорит*, наставляет род людской «образу жизни высшей» (Свт. Иоанн Златоуст). Из других евангелистов лишь св. Лука вкратце повторяет эту проповедь, уточняя время (сразу после избрания апостолов) и несколько сдвигая место действия. У него Иисус с апостолами сходит с горы «на ровное место»¹, где Его окружает «множество учеников Его и много народа из всей Иудеи и Иерусалима, и приморских мест Тирских и Сидонских» (Лк. 6:17). Как у Матфея, Иисус здесь обращается прежде всего к Своим ученикам («возвед очи Свои на учеников Своих, говорил...» — Лк. 6:20),

¹ Это разночтение (*разноместие*): да нагорная ли это проповедь, может, скорее «равнинная» или «полевая», как иронизировали отрицательные критики Евангелия, — разъяснялось, примирялось св. отцами. Так блаж. Августин писал: «Впрочем, может придти на мысль и то, что Господь был только с учениками на какой-либо более возвышенной части горы, когда избрал из них двенадцать; а потом Он сошел с ними вниз не с горы, а с самой высокой ее части на ровное место, то есть на некоторую равнину, которая была сбоку горы, и мог принять многие толпы» (Блаж. Августин. Творения. Ч. 10. О согласии евангелистов. С.104-105). Впрочем, знатоки рельефа этой местности утверждают, что она здесь вся непрерывно-холмистая и буквально сойти на равнину просто невозможно, а только с одной возвышенности на меньшую.

хотя у обоих священнописателей поучение по своему содержанию и смыслу обращено и к присутствующему народу, и шире — ко всем будущим христианам.

Вторично за священную историю Небо прямо возвещает людям свой закон, свои установления. И ветхозаветные заповеди даны были высшей Божественной инстанцией тоже на горе и тоже «при наступлении утра». Но какой огромный путь уже пройден в истории откровения Божественных и человеческих путей — отошла одна, и вошла в мир другая метафизическая эпоха. В ту начальную еще пору религиозного воспитания одного избранного народа Бог явился на горе Синай в грозе и буре, в блистании молний, в огне и дыме, при устрашающем трубном гласе. К встрече с невидимым грозным Богом допускается лишь Моисей, сыны Израилевы в страхе и трепете жмутся друг к другу вдали от подножия горы, очерченной особым оградительным кругом (никто не должен под страхом немедленной смерти приблизиться и коснуться в этот момент горы). И звучат непререкаемо-повелительные Божественные глаголы: «Да *не* будет у тебя... *не* делай себе, *не* произноси, *не* убивай... *не* прелюбодействуй, *не* кради, *не* произноси... *не* желай...» А здесь, на горе, вблизи прелестного озера, Богочеловек, сведя в самой Своей Личности Небо на Землю, произносит слова о тех встречных путях, которыми Земля может подняться до Неба, слова, дышащие любовью, миром, надеждой. И вокруг — не громы и трясения, а тихая свежесть летнего утра, не пустыня внизу, а поляны цветов и чуть вдали лазурная водная гладь. А какая нездешняя дивная музыка сходит на присутствующих уже в первых звуках, усиливаясь девятикратным повторением: «Блаженны...» Оставлена форма повеления, и повеления индивидуального на «ты», а предложены сразу же ублажения и награды тем-то и тем-то, и в числе множественном, кто будет пестовать в себе определенные, далее поименованные качества. Уже было как-то отмечено, что правильно воспринятые и познанные в их сути и глубине нагорные поучения Христа поставляют перед нами не столько законы и заповеди, сколько высшие цели и истинные задачи.

Блаженство, блаженные — слова, хотя и применимые, впрочем, относительно и условно, к некоторым редким мигам и со-

стояниям земного существования, к нему все же плохо приложимы. «Какое блаженство у осужденных на смерть», а по пути к ней «на различные скорби, напасти, болезни», какое блаженство у сосланных «за грехи в мир сей, как в темницу»?! — спрашивал и восклицал одновременно св. Иоанн Кронштадский. Немногая природная сласть неизбежно с горьким отстоем — и пьем мы эту смесь только вместе. Блаженство — качество, принадлежность совсем другого, не смертно-природного, послегрехопадного, а *райского* типа бытия, где человек полностью исцелен и прощен, то злое и темное, что совершалось им, уже изглажено милостью Божией, вынута и изъято, он чист, и новой черни негде вновь угнездиться в нем, ибо внутри нет для того повода в самой его природе. Брань с самим собой прекращена: что представляется прекрасным и должным, осуществляется *от души* и от всего естества. В такой преобразенный, блаженный строй бытия открывает здесь Христос пути и двери¹.

Вот и главная, первая дверь: «*Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное*» (Мф. 5:3). И какое сразу же явилось во мнении людском преткновение к пониманию, сколько умных копьев было сломлено в спорах о том, что за *нищие духом* тут разумеются! Это сочетание, действительно, озадачивает сразу. Ведь дух всегда почитался искрой Божией в человеческой *глине*, и, казалось бы, его богатство, его избыток более чем желательны. Вот и стала возможной такая плоско-разумная, но дикая по сути расшифровка: «блаженны нищие, но духом богатые» (Бруно Бауэр). Так называемая научная или отрицательная западная критика Евангелий (у нас Лев Толстой) вообще ухватилась за текст этой

¹ Недаром Христовы «заповеди блаженства» вошли важнейшим элементом в литургию, мистериальный прообраз нашего спасения: их читают и поют при первом открытии Царских врат, на малом входе с Евангелием как первую Весть надежды, принесенную Христом. Предваряются они молитвой сораспятого со Спасителем благоразумного разбойника: «Во Царствии Твоем помяни нас, Господи», — так все мы уподобляемся этому разбойнику, символу возможности прощения и искупления самых больших грешников в человечестве.

Заповеди блаженства составляют и неотъемлемую часть Православного катехизиса, который, кстати, различает в каждом изречении Христа, с одной стороны, *учение* (заповедь), а с другой — *ублажение* (конкретную награду).

заповеди, приведенный у св. Луки, где в оригинале значит просто «Блаженны нищие»¹, и истолковала его буквально, в социальном смысле, как «чистый евионизм»² (Ренан), как ублажение «обездоленных», «не имеющих собственности» (Толстой). В святоотеческой и катехизической традиции «нищие духом» (выражение, встречающееся и в текстах эссеев)³ были раскрыты как носители качества смирения, *смиреномудрия*, противоположного *гордыне*, коварному пагубному греху, первоисточнику отпадения от Бога. Для мира сего «богатые духом» — это те, кто с избытком нагружен знанием и культурой; но вспомним о величайшем из таких «умных и разумных», кто сказал о себе: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Вот это как раз то, что может позволить и Сократа в определенном смысле назвать по-христиански человеком смиреномудрым и, если хотите, нищим духом. И может быть, этот знаменитый античный образец самооценки позволит в какой-то мере почувствовать, что таит в себе эта загадочная евангельская «нищета духа».

Вспомним еще один, на этот раз христианский пример: св. Франциска Ассизского. Народ ласково называл его «*poverello*» (беднячок), и он сам величал важнейшую добродетель христианина так: «Царица Бедность». «*Ното evangelicus*» у св. Франциска горит «любовью к бедности» и Спасителя любит и сострадает Ему в лике «нищего Христа», Который «не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:20) и говорит о Себе «Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29). Именно с такой, радикально *бедной* и *смиреной* человеческой природой соединено Его Божество, и, следовательно, ублажает Он именно такое осознание этой природы, ибо оно наиболее *истинно*, соответствует правде факта человеческого,

¹ В славянском и русском переводах было унифицировано добавлено «духом». В переводах на других европейские языки это добавление отсутствует.

² Точнее, эбионизм (эбиониты — евр.: бедные) — этическое воззрение одной из иудео-христианских сект I в., требовавшее бедности, общности имущества.

³ Эссеи — иудейская секта, возникшая в начале II в. до н. э. Ее члены составляли своего рода монашеский, аскетический орден, живший замкнутыми общинами на северо-западе от Мертвого моря; они признавали общность собственности, практиковали безбрачие, проповедовали идеи братства. Среди первоначальных последователей Христа было немало эсеев, впоследствии образовавших гностицистические секты.

«заимствованного» (по выражению св. Максима Исповедника) бытия. По-настоящему мы не владеем нашей жизнью. Раз в любой момент она может прерваться, и пойдет наш «брат осел» (как называл наше тело тот же св. Франциск) на корм червям и на распыл стихиям, то, по большому счету, мы не владеем ничем. Смиреномудрие, нищета духа рождается из глубокого осознания именно этой фундаментальной онтологической бедности, или, как определял Филарет Московский, «всеобщей наследственной нищеты»¹. И тогда никакое тленное богатство, никакая иллюзия владения чем-то на земле не встанут между человеком и миром, человеком и Богом.

Редко кто так пронзительно и лично выражал такое понимание, как свт. Григорий Богослов в своих словах и стихотворениях: «По моему мнению, мы ничего не значащие однодневные твари и напрасно поднимаем высоко брови, ежели в нас то одно и есть, что видят люди и ничего не имеем мы, кроме гбнущей жизни... Какое преимущество между согнившими? Тот же прах, те же кости — и герой Атрид, и нищий Ир, царь Константин и мой служитель; и кто злострадал и кто блаженствовал, у всех нет ничего, кроме гроба... Что это за жизнь? — Воспрянув из гроба, иду к другому гробу, и восстав из могилы, буду погребен в нещадном огне»². Все мы на деле «нищие духом», только одни смиренно это сознают (их и убажает Христос), а другие «богатыся» (Филарет Московский), надуваются гордостью своих знаний, ума, мирской мудрости, превозносятся знатностью, почестями высокого положения. Посему и добавлено предостерегающе у Луки: «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» (Лк. 6:24), утешение в пределах этого временного мира, его ценностей, его предпочтений, его *сластей*; получили свое: преклонение, зависть, почет, но что́ они перед лицом натуральной бедности — превратностей судьбы, несчастья, болезни, смерти, — здесь испаряется

¹ Митр. Филарет (Дроздов). Беседа о нищете духовной // Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Т. 2. М. 1874. С. 160.

² Свт. Григорий Богослов. Слово 11 о малоценности внешнего человека и о суете настоящего // Свт. Григорий Богослов. Творения. Ч. 4. М. 1899. С. 217, 220, 221.

утешение и звучит горькое: «Горе вам...»¹. И стяжание добродетели смирения, нищеты духовной не обязательно связано с буквально-материальной бедностью, ибо и богатый человек, если он не служит маммоне, может быть проникнут духом смиренномудрия.

И что интересно: в знаменитой притче о мытаре и фарисее (Лк. 18:9-14) фарисей покоится в самодовольном ощущении своей праведности, своего духовного богатства и никуда уже выше не влечется; мытарь, напротив, сокрушен своим ничтожеством, своей греховностью и потому стремится к истинному свету. Так сознание духовной нищеты своей (что вовсе не означает нуль душевности и духовности²), фундаментального *недостатка* и *несамобытности* как раз высекает импульс к восхождению, *алкание* и *жажду*³ уже другого, не земного *богатства*, богатства неветшающего, небесного. И как гордыня, возношение стали причиной падения, так и смиренномудрие, сознание нищеты духа — начало искупления и восхождения к Божественной природе. Эта закономерность будет явлена и самим Христовым сюжетом, центрально-мистериальным, притчевым для рода людского и его истории: предельное уничтожение Богочеловека в Его земном пути, позорное судилище, издевательство солдат и толпы, крестная мука и казнь — и воскресение, вознесение в Божественной славе.

¹ И в Ветхом Завете звучат и Божьи благословения за послушное исполнение заповедей, и проклятия за ослушание, правда, и те, и другие объемяются кругом земного довольства, подробно касаясь всех сторон человеческой жизни: и «плода чрева твоего», и «плода земли», и «плода скота» (Втор. 28:1-68), как, впрочем, обещается и прощение при покаянии, когда «с избытком даст тебе Господь, Бог твой, успех во всяком деле рук твоих» (Втор. 30:9).

² Многие ранние противники христианства (скажем, Лукиан или Юлиан Отступник) так и «разоблачали» его: мол, идеалом здесь является умственная тупость, духовная неразвитость. В то время как нищета духовная означает лишь отказ от языческой мудрости, недаром и ее синоним *смиренномудрие* сохраняет в себе корень «мудрости», но особой, высшей.

³ И в четвертой заповеди блаженства: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» ублажается алкание и жажда Божьей правды, к которой устремляются нищие духом, нищие духом земным, смертным, превозносящимся и самонадеянным, двусмысленно-демоническим. Ведь для стяжания блаженства Божественного строя бытия необходимо обладание совокупностью всех требуемых для этого качеств, и все заповеди связаны в один пучок, нельзя достичь одного и отбросить другое или все остальные.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4). Знаменит, архетипичен плач иудеев в изгнании: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс. 137:1) — образ всего человеческого рода, изгнанного из рая и плачущего об его обретении. Ап. Павел разделял два вида печали: «печаль ради Бога», приводящая к покаянию, и «печаль мирская»¹, что «производит смерть» (2 Кор. 7:10). *Печаль мирская*, слезы мирские о потерянных иллюзиях, утрате богатства или положения — всем известные переживания, подтачивающие жизнь. Плач христианский, «внутренний плач сердца» (св. Иоанн Кронштадский) — плач самоосуждения и покаяния, плач о себе как о существе падшем, затмившем в себе образ и подобие Божие.

Первой антитезой плачу будет естественно *смех*. И о нем, и о тех, кто ему предается, говорит Иисус: «Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6:25). Что смех здесь не просто выражение мирной, простой человеческой радости (вспомним свадебное веселье в Кане), а знак определенного мироотношения, симптом того или другого последнего, бытийственного самоопределения человека, резко и четко выражено в апокрифической «Книге Фомы», где приведены такие слова Христа: «Вы смеетесь, радуясь в глупом смехе. Вы не сознаете вашей гибели и не сознаете, откуда вы, и не познали, что пребываете вы во тьме и смерти» (143 изреч.) *Смеющиеся* — те, что легкомысленно-весело порхают по жизни, не желая видеть темно-греховной подосновы бытия, сознательно опьяняя свое сознание, оглушая себя отвлекающими, развлекающими игрушками и забавами. «Я нашел вас пьяными» — дурман непрерывного природного опьянения не дает пробиться острому и личному сознанию грехопадения и *рабства тлению*.

«Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте: смех ваш да обратится в плач, и радость в печаль» (Иак. 4:9) — вот что требует дух Христов: осознать всю глубину и всепроникновение в общечеловеческую и в твою лично жизнь первородного греха, весь кошмар взаимного вытесне-

¹ О таком «мирском плаче» «бессильной злобы», «униженной гордости», «неудовлетворенной суетности», «оскорбленного самолюбия» прекрасно говорил св. Иоанн Кронштадский: «Сколько неудовлетворенных страстей, сколько малодушных, столько и пустых слез; но это слезы грешные, слезы бесполезные, слезы крайне вредные для плачущих, ибо причиняют смерть душе».

ния, пожирания, убийства, вольного и невольного, в котором существует смертный человек, — и, ужаснувшись, преисполниться скорбью, и плачем, и покаянием. Если будет плач и покаяние как внутреннее отречение от послегрехопадного порядка бытия — то это первый залог самой возможности обрести утешение и радость в другом Божественном строе, Царствии Небесном.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:5). Заметьте, до чего каждый раз точна награда, вернее, отмечаемая грань ее, ибо по сути награда одна. Нищие духом, несущие в себе основное метафизическое чувство онтологической нищеты смертного человека, без чего невозможно ни отлепиться от страстной земли, ни начать восхождение к новой природе, прямо без обвиняков удостаиваются цели целей — Царствия Небесного. Плачущие — утешатся, что обещает еще одно качество Царствия Божия: забвение прежнего мучительного раздиранья, исцеление страданий и трагедий прежнего бытия. Кротким же дается в наследие земля. Может быть, проще и точнее других качество кротости определил митрополит Филарет: «Кротость вообще есть тихое расположение духа, соединенное с осторожностью, чтобы никого не раздражать и ничем не раздражаться»¹. Воистину, божественное качество, и никто не был лучшим его носителем, чем Сам Спаситель! Кротость как бы изымает из природы человека то страстное обоюдоострое жало соперничества, раздражения, отталкивания, гнева, бунта, что отравляет отношения людей между собой, разжигает и внешнюю, и внутреннюю брань. Кротость — условие и вместе плод умиротворения. Кротость — это победа над той зловещей тенью, которую в условиях извращенного смертного бытия отбрасывает человеческая *личность*, победа над самолюбивой, честолюбивой, настаивающей на себе и на своем *самостью*. И если нынешняя самостная, страстно-противоречивая природа человека ведет и себя, и весь род людской, и землю к самоуничтожению, то побежденная и кроткая, она, воистину, наследует землю, и землю преображенную, «землю живых» (Пс. 26:13), где будет «одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10:16). И тут особен-

¹ Митр. Филарет (Дроздов). Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви в безвопросном изложении. СПб. 1914. С. 111.

но очевидно, как нераздельны небо и земля¹ в замысле Божьего домостроительства, ведь так оно и сказано: «новое небо и новая земля» (Откр. 21:1) — преобразование касается и того, и другого, что в целом и составляет Царствие Божие.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5:6). Какая настоятельность в стремлении к правде выражена здесь самим выбором слов! Что может сравниться по силе желания с тем, как алчет земной человек, лишенный пищи, или как его воспаленное небо, иссохшее горло и горящее чрево жаждут (особенно на Востоке, где прозвучали эти слова) прохладной водной струи! И блаженны те, кто с той же степенью стремления, но другого, духовного порядка, *жаждут* правды!

Что же это за правда? Неужели это лишь ревностное исполнение библейского закона или общечеловеческих норм добра и справедливости, как утверждали новейшие «гуманистические» критики христианства, в том числе и Толстой? А Сам Христос при этом встает лишь в ряд великих мировых учителей нравственности? Нет, евангельская правда светит в своей таинственной глубине совсем не этими почтенными, здравыми смыслами. Уже у пророков звучит «Господь — оправдание наше!» (Иер. 23:6) и «правда вечная» (Дан. 9:24), связанная с мессианскими чаяниями, а ап. Павел уже прямо совмещает «правду» с «оправданием» человека его верой в божественно-мистериальный, искупительный подвиг Христа: Его воплощение, Его дела, крестное страдание, смерть и воскресение. «Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки, — правда Божия чрез веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих» (Рим. 3:21-22). У христиан появилась своя, «безумная» пред миром сим правда, *правда* веры во Христа распятого и воскресшего, *правда* новой логики, утвердившей этот священный факт как пример, образец будущего всеобщего воскресения («Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?» — 1 Кор. 15:12), иными словами,

¹ И свт. Иоанн Златоуст не соглашался с теми, кто полагал, что речь в этой заповеди идет о «земле духовной». Впрочем, существует и другое, более историческое толкование этого места: Иисус предрекает здесь, что кроткие христиане вытеснят буйных, яростных язычников, что, в известной мере, — в смысле распространения христианства по всему миру — и свершилось.

правда веры в искупление своей греховной, смертной и смертоносной природы, в возможность избавления «от сего тела смерти» (Рим. 7:24) и входа в Царствие Небесное, божественно-бессмертный порядок бытия.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7). Нищие духом, кроткие, алчущие правды не могут не быть милостивыми — казалось бы, идет дальнейшая разработка необходимых христианских душевных качеств. Но особая глубина этой, вроде бы само собой разумеющейся, заповеди приоткрывается в ее конкретном утешении: «они помилованы будут». Где и кем? Очевидно не только на земле, в страстных сюжетах людских отношений. Ведь заповеди блаженства все глядят в Царствие Небесное, туда открывают двери и ведут. И помилование в настоящем своем смысле и объеме относится к последним временам и срокам, к устрашающему часу судного испытания человека пред оком Божиим: хорош — не хорош, овен ты или козлищ... И в этом духе сколь много указаний в Евангелиях, и далее в Нагорной проповеди, и в притчах: ты простишь ближнему, вы простите, простите всех — и вам будет, и всем будет Божье прощение, даже самым страшным злодеям, которых вы сумели простить.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Чистые сердцем¹ — такая редкость в человечестве! Кто обладает понастоящему чистым, не лукавым, не двоящимся хоть на йоту нутром? Больше всего, конечно, дети, и Христово «будьте как дети» тут дополнение и раскрытие. Взрослеет человек, предается стихиям своей грехопадной природы и окружного мира, и наследственная первородная нечистота въедается во все поры его существа, и физического, и нравственного. И замутняется нечистотой больше и прежде всего сердце, там где рождаются и гнездятся помыслы и желания, начало всякого растления, всякого делания, и сомнительного, и злого. Иудеи больше настаивали на внешней чистоте (рук, посуды, еды), что извне оскверняет: грязь, не та пища, не то ее сочетание и т. д., а Христос указал самую страшную грязь внутри — в самой природе человека, в развращенном его сердце, ту нравственную скверну, что

¹ Катехизис Филарета учит отличать это драгоценное качество от чистосердечия, искренности и открытости человека, лишь предварительной ступени к чистоте сердца.

исходит вовне, заражая окружающих¹. О, какая необходима упорная работа очищения и просветления, дабы изъять из себя эту грязь, обрести качества обратные, *противные* живущему, жрущему, лгущему человеку! Опытное христианство создало целую аскетическую науку, разработало свою психо-физическую технологию очищения сердца: это и постоянный нравственный самоэкзамен, и посты, и молитвы, и покаяние, и причащение, и милосердие к ближним...

«Блаженны миротворцы, ибо они будут названы сынами Божиими» (Мф. 5:9). Высока награда миротворцев, именно их особо родственно-сыновьи приближает к Богу Христос. Закон мира сего, где свет и тень всегда вместе, точно выразила еще древняя натурфилософия: правит вещами и явлениями Эрос, неотделимый от Вражды, ибо «все происходит через борьбу» (Гераклит). Христос приходит с Вестью о другом, не природно-смертном, враждующем и борющемся бытии, а о таком, где принципом связи всего со всем, универсальной зиждительной энергией будет не дуальный Эрос-Вражда, а Любовь и умиротворение всех антагонизмов, всякой брани и раздора. Родившись под ангельскую песнь о «свышнем мире», Христос по преимуществу *Умиротворитель*, соединитель всего разрозненного, и прежде всего двух, столь далеко отстоящих друг от друга инстанций бытия: Неба и Земли, Бога и людей и, наконец, людей между собой. Одним апостольским словом — «Бог любви и мира» (2 Кор.13:11). Недаром в прощальной беседе Своей перед крестом Иисус завещает ученикам, первым претендентам на звание сынов Божиих: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14:27). Но истинное, всецелое умиротворение этого мира, перевод его на иные принципы существования станут возможны при условии встречного миротворящего движения людей, потому так и ублажаются те, кто уже в лоне этой растерзанной жизни творят своими словами, реакциями и действиями островки согласия и любви.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5:10-12). Две последние запове-

¹ «Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека; ибо изнутри, из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Мк. 7:20-22).

ди касаются по преимуществу избранных, малой горсти апостолов, мучеников¹, подвижников Христовой веры. Участь их, по земным меркам счастья и беды, особенно горька: их ждут поношение, злословие², изгнание, но Христос заранее предупреждает о ней, поднимая дух Своих учеников сравнением с ветхозаветными пророками, и призывает их в самые тяжкие моменты будущих испытаний (а мы-то знаем, что будут их и побивать камнями, и распинать, и бросать в пасть диких зверей) к той невероятной, неместимой реакции («радуйтесь и веселитесь...»), которая будет приводить в остолбенение мучителей и гонителей.

И это необходимое сознание особой высоты и избранничества пестует Иисус в Своих учениках: «*Вы соль земли*» (Мф. 5:13), уподобляя их одному из самых поразительных естественных продуктов Земли. Издревле соль, самый мощный натуральный консервант, играла важнейшую роль в людских ритуалах: кочевники за трапезой мира скрепляли ею союз с враждебными племенами, ассирийцы использовали в своем религиозном культе, наконец, иудеи употребляли ее при жертвоприношениях. «*Всякое приношение твое хлебное соли солью...*» (Лев. 2:13), причем запрещался как раз квасной хлеб, особо подверженный порче. Образ соли, останавливающей разложение и распад, прочно обосновался в символическом ряду, знаменующем нечто постоянное и неразрушимое. Даже союз Господа с сыновьями Израилевыми был назван «заветом соли вечным» (Числ. 18:19). Но что же должны сохранять на Земле ученики Христовы? Род людской ныне поврежден и испорчен и надо ли *консервировать* это его состояние? И тем более, разве может соль сама по себе обратить вспять процесс порчи, вернуть нечто к первоначальной целостности и чистоте? «Освободить от зловония греховного — было дело Христа. Апостолы же должны были трудиться и заботиться о

¹ Последняя девятая заповедь ублажает как раз тот подвиг, который в Церкви назван подвигом мученическим.

² Свт. Иоанн Златоуст особо отмечал, что ничто так нестерпимо не уязвляет человека, «более, чем самые опасности» и преследования, и даже смерть, как злословие: «Многие налагают на себя руки, не в силах будучи перенести худой о себе молвы» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 157). Даже многострадальный и многотерпеливый Иов не вынес одного: «Поколебался и пришел в смятение» (свт. Иоанн Златоуст), когда друзья несправедливо стали его хулить и порицать.

том, чтобы исправленное опять не пришло в первое свое состояние»¹. Они остаются на Земле жгучим обличением призывать к покаянию, сохранять и передавать дух Христов, суть Его Вести, пестовать «безумное» для мира сего стремление выйти из него вон, из его порядка и ценностей в новое Царствие.

«Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на пофрание людям» (Мф. 5:13). Это уподобление Христа признавалось критиками Его, начиная с иудейских книжников, совершенно неудачным: разве может соль испортиться? Казалось бы, при чем тут такие буквоедские придирки, разве могут они поколебать мощь образной мысли Иисуса о недостойных пророках? Но, оказывается, Иисус и на этот раз был прав, вовсе не допустив какой-либо неряшливости в Своем сравнении. Соль, которой в основном пользовались в Палестине, добывалась из Мертвого моря, но при тогдашних методах ее производства была с большой долей примесей и часто через какое-то время из-за разложения этих добавок становилась горькой на вкус, негодной для пищи.

Еще и еще раз все более возвышенными образами Иисус утверждает великое апостольское предназначение: «Вы — свет мира»; и этот свет не может и не должен укрываться от людей, его дело — просвещать и высветлять их насквозь.

«А Я ГОВОРЮ ВАМ...»

Мф. 5:17-48. Лк. 6:27-36

Уже во Второзаконии, книге завещания Моисея перед вступлением народа в землю Ханаанскую, где были повторены и десять заповедей, и основные постановления, уголовные законы и бытовые правила, вплоть до самых мельчайших, есть пророчество о будущем великом законодателе,

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея Евангелиста. Кн. 1. С. 158. А блаж. Иероним Стридонский так объясняет это знаменитое уподобление: «Апостолы называются солью, потому что чрез них (навсегда) сохраняется весь род человеческий» (Блаж. Иероним Стридонский. Творения. Ч. 16. Четыре книги толкования на Евангелие от Матфея. С. 27).

переданное из уст Господа: «Я воздвигну им Пророка из среды братьев их... и вложу слова Мои в уста Его» (Втор. 18:18). Далее пророк Исаия передает Божье обетование грядущего «завета вечного», у Иеремии Господь уже прямо обещает сынам Израилевым «новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской», а такой, который «вложу... во внутренности их, и на сердцах их напишу его» (Иер. 31:31-33), а Иезекииль раскрывает некоторые его принципиально новые черты, и среди них главное — обещание искупления и обновления внутренней природы человека: «И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших... И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам» (Иез. 36:25,26).

Вот это «сердце новое и дух новый», способные научить человека новому отношению к Богу, к себе, к людям, новому типу поведения, новой *реактивности*, и пришел возвестить Иисус на горе Блаженств. И начинает Он с признания преемственности двух заветов и законов: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков¹; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17). Не прийти к высшей евангельской нравственности, перепрыгнув через суровую школу воспитания необузданной, страстной природы человека, через стадию «детоводительства» (ап. Павел). Оттого «ни одна йота или ни одна черта² не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5:18). И ученики Христовы, и будущие христиане должны не презирать «праведность книжников и фарисеев», а превзойти ее. И возникает такая градация христианской нравственной работы: не нарушить, но исполнить, осуществить ветхозаветный закон в его общечеловеческой, религиозно-нравственной осно-

¹ Закон и пророки — выражение, объемлющее в своем значении весь Ветхий Завет. Под Законом понимается Пятикнижие Моисеево (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие). Под Пророками — не только собственно пророческие книги, а и все остальные, кроме Пятикнижия, части Ветхого Завета, ибо все боговдохновенные их авторы были исполнены пророческим духом.

² Говоря о священном писанном Законе Иисус употребляет образ, относящийся к буквам древнееврейского алфавита, каждая из которых, как известно, нагружалась символическим, а то и мистическим смыслом. Йотой называлась самая маленькая буква этого алфавита, а чертой — знак, которым две похожие по начертанию буквы отличались одна от другой.

ве¹, и далее — не только достичь, но и превзойти, не просто исполнить, но восполнить, и притом, как выясняется вскоре, так восполнить, а то и перевернуть, что кристаллизуется уже принципиально новое качество.

«Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду» (Исх. 20:13). А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака́», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5:21-22). Но кто из нас, живших и живущих, самых мирных, с ужасом отвращающихся от самой идеи убийства, не впадает в гнев, не говорит в пылу раздражения обидных слов ближнему своему? И *такое* приравнивается Христом к убийству. Какой радикализм, какие сверхчеловеческие требования к несчастному, страстному смертному! Да, «не убий» — великая ветхозаветная заповедь, поставившая перед человечеством на века тот идеал, который при буквальном его исполнении, т. е. переориентации всего общественного уклада на воспитание *человека не убивающего*, воистину, обозначит мощный эволюционный рывок человека, новую ступень в преодолении им первородного греха вытеснения и убийства. Каким же образом Христос восполняет эту заповедь? Тем, что идет в самый корень греха, к тому зародышу, где он зреет, к тому чувству, страсти, внутреннему и внешнему движению, жесту, слову, которые могут неумолимо (и часто против настоящего желания и воли) привести к самому преступному акту, каким бы еще незначительным и малогреховным ни казалось это эмоциональное или словесное *начало*. Свт. Василий Великий особо въедливо-психологически и вместе живописно представил природу гнева, его динамику, его *губительное*

¹ Закон касался всех внутренних и внешних сторон жизни израильтян, дотошно регламентируя их. Для иудея рядом стояло и «не убий», и «чти день субботний», и законы о жертвоприношениях, и предписания о чистоте тела, о еде, о женитьбе и разводе. Все было в единстве и нераздельно. Закон Моисея вмещал в себя самые разные постановления: религиозные и нравственные, судебные и обрядовые. Речь шла о воспитании определенного народа со своими слабостями, пороками, достоинствами. Но не так это для других народов: вечное значение осталось за религиозно-нравственным ядром Закона, а многое остальное в нем разделило участь вещей преходящих, имеющих конкретное историческое и этническое значение.

крещендо, способное смести последние барьеры разума и нравственного чувства: «Что в ядовитых животных яд, то в сердитых раздражение. Они бесятся как псы, бросаются как скорпионы, угрызают как змеи... От раздражительности — необузданный язык, неукротимые уста, невоздержные руки, обиды, упреки, злоречие, удары и многое другое, что едва ли кто перечтет... От раздражительности и меч изощряется; рука человеческая отваживается на убийство человека. От нее и братья не узнают друг друга, родители и дети забывают узы природы... Ибо раздражение возбуждает ссору, ссора родит ругательства, ругательства родят драки, драка — раны, а от ран нередко бывает и смерть»¹. Удастся вам успокоить «свое лающее и рассвирепевшее сердце» (свт. Василий Великий) — и пресечется тот ряд реакций и поступков, который упирается — пусть не у вас, в данном конкретном случае, а у другого при других более тяжелых обстоятельствах, — в самое страшное: посягновение на жизнь ближнего. Но не есть ли и наш гнев, наши оскорбления другому² (и без явного трупа) какая-то дробь *убийства*, умаление физическое и нравственное и себя, и того, на кого направлена наша *брань*.

Сколь драгоценны вековой христианский, подвижнический труд доброделания, созидания в себе благой *реактивности* на поднимающийся гнев в себе и других, на зло в разных его формах, более того, стремление впрячь энергию наших страстей, «раздражительную силу души» (свт. Василий Великий), нетерпение ко греху в жажду добра. А посмотрите, какой дурно-непосредственный, идущий на поводу у низменных страстей тип поведения внедряет нынешняя публичность: массовая культура, литература, телевидение... Напрочь забыта выделяющаяся, *аскетическая* педагоги-

¹ Свт. Василий Великий. На гневливых // Свт. Василий Великий. Творения. Ч. 4. Беседы. Сергиев Посад. 1892. С. 152, 155.

² Воспрещая обзывать ближнего «рака» (церковно-славянский язык выразительно переводит это сирийское слово как «урод», а Иероним Стридонский — как «безмозглый») и тем более «безумным» (когда отнимается у человека то, чем он отличается по преимуществу от других тварей), Христос обнаруживает тонкий психологический такт. Как указывал свт. Иоанн Златоуст: «Подлинно ничто, ничто не бывает так несносно, как оскорбление, ничто так не угрызает душу человеческую; а чем язвительней слова обидные, тем сильнейший возгорается огонь» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 182).

ка, психология самообуздания, утишения раздражительных, грубых, яростных, язвительных, поносящих движений сердца, ума, языка, и чего удивляться, что мир лежит в раздирании, ненависти, убийстве...

А в Нагорной проповеди даже жертвоприношение Богу, служащее *зримым* выражением любви к Богу, поклонения Ему, отступает перед требованием умиротворения, любви между сынами человеческими: вот ты в храме, но вспомнил, что ты в раздоре с братом, «оставь там дар твой пред жертвенником и пойдя прежде примиришься с братом твоим» (Мф. 5:24). Это уже коррекция ветхозаветного закона существенная: ничто так не важно, как сердце, расположенное к ближнему, как единение и согласие с ним — так пробивается принцип нерасторжимости любви человека к Богу и любви человека к человеку, на чем позднее Иисус установит наибольшую заповедь в законе (Мф. 22:36-40).

Следующее повеление Христа: мириться с соперником еще «на пути», пока ты с ним в ссоре и тяжбе, не получившей окончательной развязки, ибо когда она таки настанет, то можешь оказаться в темнице и оставить там все «до последнего кодранта» — казалось бы, просто позиция мудрой уступчивости, здравого смысла¹, чуть ли не разумного эгоизма. Но на фоне сквозной во всех Евангелиях темы связи нашего прощения ближнему и прощения уже нас самих Господом на Его суде, здесь, за бытовой и вместе притчевой ситуацией, просвечивает сюжет метафизический, касающийся конечного разрешения человеческой судьбы, и образ вполне земной темницы отсвечивает и геенскими огнями.

В знаменитой замене ветхозаветного «не прелюбодействуй» на «не гляди с вожделением» Христос вновь направляет наше внимание и усилие туда, где рождается всякий помысел, добрый и злой, в том числе и блудный, — к сердцу, к душе, а они, как известно, прямо соотносятся с оком, зеркалом души, «светиль-

¹ Так понимает это место свт. Иоанн Златоуст: «Наряду с побуждениями, взятыми от высшего и будущего, Христос устрашает нас и тем, что бывает в настоящей жизни... На людей грубых, как я уже сказал, обыкновенно больше действует то, что находится пред их глазами и под ногами» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 187).

ником для тела», («не глаз твой смотрит, а ум и сердце» — свт. Иоанн Златоуст). Вожделение в сердце, любострастный взгляд — *провода под током* одного блудного напряжения, — и долго ли ждать, пока оно разрядится в огонь прелюбодеяния? С очищения этого центрального органа, его *обращения* и происходит христианское новое рождение. Во всех Христовых заповедях очевидно стремление не просто по-ветхозаветному дисциплинировать наличную природу человека, надеть на нее воспитующую узду Закона, а претворить ее в новую, радикально обновить и пресуществить.

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну»¹ (Мф. 5:29-30). Многие толкователи сходятся на том, что не стоит понимать это энергичное повеление Иисуса буквально-курьезно, как призыв бросаться своими грешными членами: вырывать вожделеющее око, отрывать тянущуюся взять чужое руку или ногу, ударившую ближнего, и разбрасывать их подальше от себя, оставшегося обрубка. И для объяснения его обычно берут ключом слова ап. Павла о том, что все мы «члены друг другу» (Еф. 4:25): тогда отсечь от себя недостойный член будет значить отстранить от общения с собой такого ближнего, которого ты бессилен исправить, а только рискуешь сам первый пасть жертвой исходящей от него греховной порчи. Впрочем, возможно понять эту фразу Христа и по-другому: как беспощадное отбрасывание от себя низких, недостойных помыслов. Формально представляется, что иногда Иисус лишь ужесточает требования Закона. Так в случае

¹ Геенна огненная (Генном, долина сыновей Еннома) — когда-то цветущая долина рядом с Иерусалимом, где древние иудейские цари-вероотступники служили культу Молоха. Он был представлен в виде полого внутри медного истукана с телячьей головой и протянутыми руками, на которые бросали детей, приносимых в жертву. Этих детей тут же сжигали внутри истукана, а для заглушения их криков разводили громкую, пронзительную музыку. Позднее это место сделалось для иудеев проклятым и страшным; его превратили в огромную свалку городских нечистот, здесь же казнили преступников и для санации постоянно поддерживали огонь. Так это место вошло в народное сознание зримым образом ада и мучений грешников в нем.

развода: если Моисей допускал развод со стороны мужа по причине, как бы мы сейчас сказали, *не сошлись характерами* («Если кто возьмет жену и сделается ей мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо...»¹ — Втор. 24:1), то Иисус оставляет только одну безусловно действующую причину: «вину любодеяния» и запрещает жениться на разведенной², тем самым резко усиливая узы брака и пресекая прелюбодеяние (ведь и впавшая в блуд жена, отпущенная мужем, теряет для себя шанс нового брачного союза). На деле Иисус каждым своим повелением, вплоть до такого, вроде бы частного, выстраивает строгую шкалу заповедей, нацеленных на максимальную работу над человеческой природой, с тем чтобы оцеломудрить ее, развить начала кротости, терпимости, любви, в том числе и к такому приданному тебе Богом ближнему, как жена или муж, стать «одною плотью» (Мф. 19:5).

Новая природа, к которой Христос желает вывести сынов и дочерей человеческих, бежит всякого обмана и лукавства, раздвоения и двоедушия. Потому и повелено христианам на всякое вопрошание, просьбу, предлагаемый выбор, взвесь все *за* и *против*, отметя всякое фанфаронство и человекоугодничество, отвечать четко и недвусмысленно «да, да» «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5:37). Такая установка работает в обе стороны: питает в тебе искренность и отвращение от лжи и укрепляет в другом веру в твое слово и исходящее из него поведение. И тогда зачем, чтобы поверили тебе, патетически колебать такие высокие предметы, никак тебе не принадлежащие, как *небо, земля, Иерусалим* (чем обычно клялись иудеи), или, скажем, в залог правды твоих слов клясться своей головой, — ведь она тоже Божья и не

¹ Мудрость этого установления для своего времени и данного народа прекрасно выявил свт. Иоанн Златоуст, вспомнив слова Иисуса о том, что «Моисей, по жестокосердию вашему, позволил вам разводиться с женами вашими» (Мф. 19:8). Откуда это неожиданное объяснение — «по жестокосердию»? А оттуда, объясняет св. отец, что иудей, ненавидящий жену, мог по своему характеру просто убить ее, впав тем самым в крайнее зло: «А народ иудейский на это был способен. Если иудеи не щадили своих детей, умерщвляли пророков и кровь проливали как воду, тем более они не пощадили бы жен» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 196).

² Это же повеление Он повторит позже (Мф. 19:8-9).

можешь ты на ней «ни одного волоса сделать белым или черным» (Мф. 5: 36).

И вот, наконец, заповедная речь Христа идет к своему пику, и звучит нечто неместимо-великое, сметающее естественную эмоциональность и реактивность человека, что на тысячелетия повергло умы в шок, изумление, восхищение, протест: «Вы слышали, что сказано: “око за око, и зуб за зуб” (Исх. 21:24). А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38-39). Как абсолютно совпадает с натуральным импульсом человека ветхозаветный закон возмездия: «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:23-25)! Так и ходят с начала веков и до сей поры сыны человеческие все в обоюдно нанесенных *обождениях* и *ушибах* и распалются все более от каждой раны и каждой падающей на землю бездыханной жертвы ярости ближнего. И конца не видно, летят зубы, руки, ноги, ожесточаются души, загораются гневом сердца и — о, ужас! око, выдранное за око, не утишает покаранного, а рождает в нем жажду новой мести, а она — новой и так до умножающейся бесконечности счетов и отместки самой злой и жестокой. Иисус указывает людям, как одним легким шагом можно вот так и сойти с этого бешено крутящегося *огненного колеса* взаимного озлобленного сцепления. Творят против тебя зло, а ты не противишься ему, напротив, как бы идешь навстречу обидчику: подставляешь ему вторую щеку для удара, отдаешь добровольно тому, кто судится с тобой за рубашку, кроме нее, еще и верхнюю одежду...

«Вы слышали, что сказано: “люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”» (о, да, конечно слышали, и не только слышали, но только так и чувствуем и делаем!). «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:43-44). Пожалуй, мы согласны, сами наблюдали, как неожиданная уступка обидчику, кроткий взор и извиняющееся, доброе слово творили чудесное превращение: смыкались изрыгающие проклятие уста, застывала рука, готовая нанести удар, и враг мог мгновенно стать смущенным доброжелателем, готовым открыть вам лучшее в своем доме и душе. Эту психологическую па-

радоксальную тонкость человеческой реакции знают многие, и потому-то и дивится мир мудрости Божественного Учителя, нашего точный рычаг, каким можно остановить зло и перевернуть душу человека. Но все же любить врагов, благословлять проклинающих — как устойчивая установка, как постоянное поведение, а только так можно достичь решающего результата, — это требование *не вмещается* в природу человека, превосходит ее. Мудро, прекрасно, но невыполнимо, увы и увы, нам несовершенным смертным!

Да что говорить о нас, о массе, вспомним такую редчайшую духовную Единицу в человечестве, как ап. Павел. Вот что писал он о всяком человеке, в том числе и о себе: «Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Рим. 7:15,19,22-23). Такой, казалось бы, глухой тупик в отношениях между человеком и нравственным законом увидел величайший апостольский ум. Человек как бы распялен на дыбе, с одной стороны, закона и заповеди, с другой — своей вытесняющей, пожирающей, отравленной смертными токсинами природы. Само сознание греха возникает в человеке тогда, когда ему дается закон, когда натурально текущая жизнь начинает оцениваться с точки зрения должного и недолжного: «Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил» (Рим. 7:9). Или, иначе говоря, «грех становится крайне грешен посредством заповеди» (Рим. 7:13). И само исполнение закона не спасает от смерти и тления: «А я умер; и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти» (Рим. 7:10). Только нравственного сознания, наложенного на послегрехопадную природную жизнь для ее регулирования и одухотворения, оказывается недостаточно. Не говоря уже о том, что человек в силу самой своей природы оказывается неспособным в полном объеме осуществить высокие христианские заповеди, тем более в массе своей, — и это часто оборачивается то ли большим-меньшим лицемерием, то ли большей-меньшей девальвацией заповедей.

Преодолеть дуализм тела и духа, нравственного закона и человеческой природы, их трагическую разведенность, распяленность человека можно только через упразднение «сего тела смерти», освобождение во Христе Иисусе «от закона греха и смерти» (Рим. 8:2), т. е. через активное обожение человека, обретение им новой природы. Потому никак нельзя отделять, как это делал тот же Лев Толстой, нравственного учения Христа от Его метафизики, от Его чудес, обещающих власть над болезнетворными и смертоносными силами естества, от чуда из чудес — воскресительных дел Христа и Его собственного воскресения, от Благой Вести о Царствии Небесном. Итак, в Евангелиях уже четко выделяются два основных направления в домостроительстве Царствия Божия: первое — нравственная работа над собой, внутреннее отречение от закона плоти, соблазнов мира сего, новый любовный тип межчеловеческих отношений (тут в центре Нагорная проповедь); и второе — Дела Христа, победа над природным миром в самом его жале — болезни и смерти. Разве можно разделить их и признать что-то одно (скажем, нравственную проповедь), не уничтожив самую суть, целостность и действенность христианства?

И зная наперед о стоне безнадежности и отчаяния, что вырвет такое сверхчеловеческое требование любить врагов своих, Христос и не пытается утверждать, что это легко получится, а только укрепляет нашу колеблющуюся решимость Высочайшим образцом: к Нему нам тянуться в том Предприятии усыновления себя Божественной сущности, в которое мы вступили с Бого-человеком. «Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:45). А у св. Луки то же выражено совсем прямо, без всякого образного элемента: «Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:35-36). Каким светом надежды на всеобщее спасение озаряет нас попутно это утверждение Христа! Если все — и добрые, и злые — Его твари и над ними всходит и светит природное солнце, то неужели не взойдет над всеми и солнце пре-

ображения и спасения? И тех, к кому Господь был так снисходителен и благ в их земной жизни, Он обречет вдруг на вечность мучений, отъятие от братьев, от преобразования, станет жестким и неумолимым?

А тогда как же поминаемая и в Нагорной проповеди *геенна* и нередкие угрозы «печи огненной»? Слова Христа дают основание полагать, что, грозя истреблением «соломе», «плевелам человеческим», Он имеет в виду не людей, которым всем открыта возможность стать участниками божественного порядка бытия, Царствия Небесного, а скорее природные, греховные их качества, подлежащие гибели, полному уничтожению. «Ибо всякий огнем осолится» (Мк. 9:49) — операция просеивания этих качеств или выжигания их разной интенсивности и объема не может не предстоять всем. «Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царствии Христа и Бога» (Еф. 5:5). Да, такие качества там совершенно не представимы. Впрочем, конкретный человек и не может быть воплощением какого-то одного отрицательного качества — такое случается только с аллегориями. Ведь даже к святым разные соблазны подкрадывались и одерживали временную победу. В качествах можно раскаяться, от них можно освободиться — для этого не надо всего человека губить.

Нравственное учение Христа призвано вести человека к божественной бессмертной природе, и в Царствии Небесном оно воистину станет естественной нормой отношений. Пока же это учение недаром может выражаться только в императивной форме заповеди, небесного приказа, указуя на должный тип поведения¹. И как бы эти заповеди ни шли против нынешней природы

¹ Может быть, нам поможет в понимании та онтологическая триада, которую выстраивал вслед за Климентом Александрийским преп. Максим Исповедник: *бытие — благобытие — вечно- или приснобытие*. В Своих заповедях Христос научает людей *благожизни*, которая ведет их к будущей *вечножизни*, хотя в полной мере благожизнь доступна лишь преобразенным существам, достигшим вечножизни. Очень точно преп. Максим соотносит благобытие (благожизнь) с образом Божиим в человеке, со все большим вселением этого образа в душу человека, а вечнобытие с подобием, т. е. уже с благодатным уподоблением человека Божественной сущности.

человека, они заставляют его стараться ну хоть немножко, хоть на вершок подниматься над своей природой к Божественному идеалу. Что это именно так — Христос не оставляет никаких сомнений, подвигая нас к неуместимо-великому дерзновению: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48). Эта первоформула цели обожения являет ясную как день истину: заповеди Нагорной проповеди неразделимо сочетают этическое и метафизическое содержание, т. е. не просто пытаются *морализировать*, гармонизировать наличную природу человека, но влекут ее в новое онтологическое качество, к настоящей субстанциальной метаморфозе.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Мф. 6:1-18

Начав с повеления творить и милостыню, и молитву не так, как делают лицемеры, трубя на всех углах о своем благотворении или нарочито молясь в людных местах, а *втайне*, помогать ближнему так, чтобы «левая рука твоя» не знала, «что делает правая» (Мф. 6:3), и вставать на молитву в уединенной комнате («и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» — Мф. 6:4), Иисус призывает отойти от языческого «многословия» в молитвенном прошении к Господу и наконец переходит к самой Молитве.

«Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое» (Мф. 6:9) — вот первое прошение этого, быть может, самого известного всем, верующим и неверующим, священного текста, к сожалению, нередко почти механически пролетающего в уме и слетающего с уст. А ведь это одно из самых драгоценных ядрышек евангельского послания, в нем спрессовано огромное метафизическое и этическое содержание Христовой веры. Преп. Максим Исповедник в своем «Толковании на молитву Господню» сразу же вывел ее в священный вектор высшей цели христианского жития: «Если же дело совета Божия состоит в обожении нашей природы, а намерение помышлений Божиих состоит в полном осуществле-

нии искомой цели нашей жизни, то, конечно, полезно понять смысл Молитвы Господней и исполнять... Ибо эта Молитва заключает в себе все указанное намерение (Божие), тайно сокрытое в кратком изложении»¹.

Обращение к Богу как к Отцу Небесному — высоко родственно: родившись *вновь, свыше*, христианин уже принял дар благодатного усыновления Богу². «Да святится имя Твое!» — в это возгласание вложена огромная энергия желанья (*да будет так!*), и обращено оно, конечно же, прежде всего к сердцам и умам самих людей. Ясно, что Имя Божие Само по Себе *святится*, прославляет Себя в славе, прославляется в вечности во всем творении (и особо ангельскими иерархиями, «свят, свят, свят» поют Господу серафимы), а чтобы оно святилось для детей Земли, почиталось ими как наивысшая святыня³, чтобы Бог был поставлен для человека как главная вертикаль его бытия, его стержень, необходимо волевое избрание, усилие и работа самих сынов и дочерей человеческих. Причем и обращение «Отче наш», а не «мой» подразумевает необходимость соборных усилий к спасению не только индивидуальному, но и всего рода людского.

¹ Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты. М. 1993. С. 186. Молитва обычно сочетает в себе две стороны: просительное обращение к Богу за помощью и тот обет исполнять Божьи заповеди, который молящийся приносит Всевышнему. «Делайте и воздавайте обеты Господу, Богу вашему» (Пс. 75:12).

² Идея усыновления рода людского Богу была среди драгоценных *новостей* Благой Вести. Недаром арамейское слово «Авва» (Отец) по отношению к Богу не встречается в Ветхом Завете.

³ Почитание Имени Божьего как энергии и силы Творца идет из Ветхого Завета, особо ярко и выразительно кульминируя в Псалмах. Новый Завет прежде всего утверждает веру и спасение *во имя* Сына Божьего Иисуса Христа; Сам Спаситель в Евангелии от Иоанна не раз объясняет Свое явление миру как откровение Имени Бога: «Я открыл имя Твое человекам» (Ин. 17:6). «Отче! прославь имя Твое» (Ин. 12:28). Позднее в исихазме развивалось и богословское учение о возможности благодатного, преображающего соединения человека с Именем Божиим, соответствующая мистическая практика (умная Иисусова молитва). Движение имяславия 1910–1920-х гг., вызвавшее споры и неоднозначную оценку Православной Церкви, пыталось по-своему возродить эту традицию, утверждая, что Имя Божие, будучи энергией Бога, неотделимо от Его сущности и уже есть Сам Бог.

«Да придет Царствие Твое¹; да будет воля твоя и на земле, как на небе» (Мф. 6:10). Как понимать эти призывы, эти волевые возгласы (*Да придет! Да будет!*)? Неужели Господь нуждается в нашем понукании к действию, к установлению Своего Царствия, к распространению Его воли и на Землю? Кто же должен стать исполнителем этой воли на Земле, тем орудием, через которое и будет действовать в мире сем воля Божия? Разве не высшая Его земная тварь, созданная по Его образу и подобию и поставленная с самого начала на обладание Землей и владычество над ее обитателями? И не звучит ли здесь ясный намек на необходимость встречного Богу человеческого усилия? О, правильно осознать этот капитальный пункт — от этого многое будет зависеть, собственно понимание самой сущности христианской веры: что́ нам пристало — пассивно претерпевать разворачивание Божьего замысла о мире (но зачем тогда все усилия Христа ввести нас в него?) или стать соработниками Богу в воцарении Его Царствия, Его воли «и на земле, как на небе»? Иисус учит нас молиться о том, чтобы воля Божья так же любовно и всеотдадно осуществлялась через нас *на земли*, как это происходит *на небеси* через ангелов².

Преп. Максим Исповедник не просто восчувствует необходимость человеческой активности в стяжании «ожидаемого обожения по благодати», «Божественного сожития» (что и станет для нас Царствием Небесным), но видит один из конкретных путей к этому в трансформации энергии низменных и дурных страстей в духовные и умные. Человеческий ум, устремленный к Богу, энергетичес-

¹ Преп. Максим Исповедник видит в начале Молитвы Господней своего рода троическое богословие Творческой Причины бытия: Бога Отца («Отче наш»), Бога Сына (отождествление Имени Божьего с Сыном существовало в святоотеческой традиции еще с Оригена), Бога Духа Святого («Царство Бога Отца... пребывающее сущностным образом, есть Дух Святой»). Это последнее уподобление опирается, в частности, на разночтение этого места молитвы, существовавшее в некоторых рукописях Евангелия: «Да придет Дух Твой Святой и да очистит нас». Такой вариант был известен еще Тертуллиану и встречается у свт. Григория Нисского.

² И свт. Иоанн Златоуст полагал, что Иисус «вместе заповедал каждому из нас во время молитвы принимать на себя попечение и о всей вселенной... чтобы, таким образом, ничем не различалось небо от земли» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 223).

ки *питается* и *окрыляется* пресуществленным «напряжением страстности... предельным порывом силы желания»¹. В мысли преподобного о том, что «оразумленное» и «одухотворенное» тело становится чутким «вестником» души, а та, в свою очередь, «глашатаем» Бога, так и усматривается, *как* человек может стать орудием исполнения Божьей воли: через возрожденную душу к послушно действующему новому телу.

«*Хлеб наш насущный дай нам на сей день*» (Мф. 6:11) — от высших обетований и задач Христос, казалось бы, переносит наше прошение в *сейчас* и *пока*, в насущно будничную жизнь, не умеющую даже просто продлиться без элементарного питания. Но и тут Иисус понуждает нас ограничиваться только самым необходимым, «на сей день». Как красиво выражается свт. Иоанн Златоуст: «Он хочет, чтобы мы всегда были препоясаны и окрылены верою и не более уступали природе, чем сколько требует от нас необходимая нужда»². А для преп. Максима Исповедника, хотя он и признает здесь заботу о «повседневном хлебе», все же самый заповедный смысл светит в другом хлебе, «хлебе жизни и познания», победившем «греховную смерть», — его-то мы и должны прежде всего просить для обретения «бессмертного естества».

«*И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим*» (Мф. 6:12) — почему-то глубина мысли, подразумеваемой в этом прошении, как-то вскользь коснулась христианского сознания, так часто парализованного угрозой страшного суда, наказания, неизбежного разделения братьев на чистых и нечистых. А вот свт. Иоанн Златоуст увидел здесь «бездну милосердия Божия», Его «неизреченное человеколюбие»: «Таким образом, это отпущение первоначально зависит от нас, и в нашей власти состоит суд, произносимый о нас... Спаситель тебя, самого виновного, делает судьейю над самим собою и как бы так говорит: какой ты сам произнесешь суд о себе, такой же суд и Я произнесу о тебе, если простишь своему брату, то и от Меня получишь то же благодеяние»³. Имен-

¹ Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты. С. 196.

² Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея Евангелиста. Кн. 1. С. 224.

³ Там же. С. 225.

но здесь лежит зерно той наивысшей христианской надежды на спасение всех, которая была выражена в идее апокатастасиса¹, т. е. тотального — без всякого изъятия — спасения и преображения всего мира.

Сразу же после молитвы Господней Иисус вновь повторяет эту мысль как важнейшую, имеющую не только этическое, но, если хотите, и эсхатологическое значение: «Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6:14-15). Итак, оказывается от самих людей — при предпосылке их активности в стяжании Царствия Небесного — зависит самый объем спасения: будет ли оно полным или с разделением, сумеет ли человечество найти в себе милосердное чувство к самым страшным злодеям и грешникам, понять корни их извращенного поведения, узреть в них ту первоначальную, чистую, пусть потом и смрадно зачадившую искру, которая возгорится в их будущей преображенной личности².

«И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» (Мф. 6:13) — сама возможность такого прошения свидетельствует о вере Бога в человеческую природу (в то, что преп. Максим Исповедник называет «логосом» ее), в то, что она может избавиться от искажений и извращений, внесенных грехопадением, усугубленных человеческой историей и индивидуальными падениями каждого, или, как выражается тот же святой, от «греховного тропоса деятельности» (где греческое слово «тропос» означает «излом», «поворот»). «Закон естества», естества, из-

¹ В пакете ряда других идей Оригена (предсуществование душ, спиритуализм в вопросе о «теле воскресения») идея апокатастасиса была отвергнута в 543 г. на местном Константинопольском соборе. Однако ее придерживался и такой выдающийся отец Церкви, как свт. Григорий Нисский, который никогда и ни за что не подвергался церковному осуждению.

² Глубоко сформулировал принцип соотносительной связи Божественного и нашего милосердия, а также Божественной благодати с состоянием наших душ преп. Максим Исповедник: «Божественная справедливость должным образом приходит в созвучие с состоянием наших душ; она становится такой, какими мы делаемся друг для друга, и представляет нам Бога таковым, каковыми мы стали в отношении к подобным нам» (Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты. С. 316).

начально проникнутого Божественным «логосом», борется с плотской «тиранией страстей», первым виновником которой был «родитель греха, лукавый змий, об избавлении от которого молимся»¹. В таком неподъемном для нашей природы Деле, как полный уход от искушений и избавление от лукавого, т. е. от самых начал грехопадения и всего случившегося греховного излома нашей природы, — без прямой благодатной Божественной помощи роду людскому не сдвинуться с мертвой точки своей нынешней страстно-природно-смертной заклиненности. Претерпев «нисхождение» («катабазис») Своей Божественной природы в Богочеловеческую, принеся Весть о новой природе, о радикальном избавлении от лукавого, Иисус Христос, как наш Водитель, наставляет нас Своими заповедями на истинный путь «восхождения» («анабазиса») к этому обоженному естеству. Потому-то для преп. Максима Исповедника самая сокровенная цель этой молитвы — «лицезрение таинства обожения».

«Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь» (Мф. 6:13). Этим славословием, замыкающим обращение к Господу и семь прошений, утверждается наша вера в Царство Божие, всемогущество и вечную славу Творца всего и всех и нашего Небесного Отца по благодати, скрепляя финальным «аминь» («да будет так») нашу всецелую причастность к торжеству такого Царства.

Дав главную Молитву для каждого христианина (многие учителя Церкви видят в ней сокращение, конденсат всего Евангелия), завещав ему те священные слова, через которые он будет вступать в духовный контакт с Отцом Своим Небесным, упражняя решимость исполнять Его волю в стяжании обетований Царствия, Иисус переходит ко второй важнейшей стороне жиз-

¹ Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. Богословские и аскетические трактаты. С. 200. Под «искушениями» Максим Исповедник понимает вольную раскрытость души плотским страстям, а под «лукавым» — «способ деятельного исполнения страстного настроения души» (С. 200). Свт. Иоанн Златоуст в согласии с общим направлением его поучительной экзегезы отмечает, что Христос, говоря: *избави нас от лукавого*, «тем самым поучает нас никогда не гневаться на ближнего за те оскорбления, какие мы иногда терпим от них, но всю вражду свою обращать против дьявола, как виновника всех зол» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 226).

ни всякого верующего: к наставлениям по посту. И никак-то они не касаются конкретных или мелочных правил по его проведению, лишь осуждают напускаемые на себя уныние и мрачность, «чтобы показаться людям постящимися» (Мф. 6:16), настаивая на том, чтобы явиться в это время пред Богом, не пред людьми, в виде прибранном, чуть ли не праздничном («помажь голову твою и умой лицо твое»¹ — Мф. 6:17). Ведь, действительно, идет время, когда человек добровольно хотя бы несколько умеряет для себя царящий в мире сем закон пожирания, насыщения и ублажения чрева, как бы приуговляясь вовсе с ним расстаться в Царствии Небесном.

НЕБЕСНЫЕ СОКРОВИЩА

Мф. 6:19-34

Сколькоросло и нарастает на евангельских текстах комментирующей рефлексии: богословской, философской, поучительной! А сами речи Иисуса впечатались навеки в божественно простые и прекрасные в своей бездонной глубине образы, притчи, символы, наглядные картинки. Обыденность, облистая светом неожиданных высших значений, разящий здравый смысл, приоткрывающий Божественную мудрость, сквозят в каждом повороте Нагорной проповеди Спасителя. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19-21). Убедительная *пластика* Христовых мысли и слова входит в сердце и ум мягко и неотразимо, отвращая от пригвождения к тленным

¹ «Помазываться елеем после умовения у древних было знаком радости: так и ты показывай себя радующимся» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник, или Толкование на св. Евангелие в двух частях. Ч. 1. Евангелие от Матфея. Ч. 2. Евангелие от Марка. М. 1993. С. 78). Именно в праздничные дни в Палестине помазывают голову. «Итак, Он учит, чтобы мы во время поста показывали себя радостными и торжествующими» (Блаж. Иероним Стридонский. Творения. Ч. 16. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея. С. 42).

земным благам, упорно обращая рождающуюся христианскую душу в новый вектор, к небесным сокровищам, в вертикаль претворенной небесной природы.

«Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6:22-23). Что значит чистое око, при учете того, что за оком всегда встает душа (глаза — зеркало души)? Это можно понять как чистую, благую установку на окружающий мир и ближнего, то, что уже в наше время психолог и богослов А. А. Ухтомский назвал *доминантой на добро*. Идет такая установка, конечно, из души, человеческого сердца и ума и, настроив и очистив глаз человека, созидает воистину новое зрение: видит прежде всего свои грехи, свое «бревно», не замечая в чужих «сучка», усматривает в ближнем лучшее (тем самым пестуя его в нем), милосердно жалеет каждого. *Худое же око* — окошко в мир такой души, где воцарилась, напротив, доминанта на злое и темное. Иначе говоря, сама душа, сердце и разум человека радикально извратились, ведь они по своей первоначальной и предназначенной им природе — седалище Бога в человеке, носители Божественной искры, призванные поднимать до себя и тело, а тут они пали («свет, который в тебе, тьма») и ввергли во тьму всего человека.

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Потенциальной христианской душе предстоит сделать фундаментальный выбор: или привязанность только к земному, к отпущенному жизненному сроку с его заботами, горестями, радостями, трагедиями, т. е. утверждение самооценности только этой страстной, смертной жизни («всего этого ищут язычники», ведь не светит им идеал превозможения природно-смертного бытия и выхода в преображенный, бессмертный его статус), или отвержение послегрехопадного порядка существования, покаяние в нем и всецелая устремленность к Царствию Небесному. Маммона, богатство материальное — главный идол мира сего, и потому служит оно образом его ценностей вообще. Но даже если кто-то и не поклоняется богатству и не рвется в фаво-

риты мирского успеха, все же он, как и все, не может вырваться из природной необходимости поддерживать свою жизнь, обеспечивая свое тело питанием, одеждой, жилищем и т. д. Иисус так настраивает душу христианина, чтобы уже сейчас, пока мы остаемся в *этом* теле, *этой* природе, *этих* потребностях, не полагать их за первое содержание и цель жизни. Христовы правила стремятся выбить из наших, еще грубо-плотных существ прежде всего гложащую заботу о материальном: что съесть, во что одеться завтра, послезавтра, через год, на старости лет... «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело одежды?» (Мф. 6:25).

Беззаботные *птицы небесные*, прекрасные *лилии полевые* — образы, привлеченные Иисусом, были в самом натуральном, живом виде буквально рядом: над головами Его слушателей летали и щебетали крылатые обитатели воздуха, находящие корм свой, *не сея и не собирая* в житницы зерна, а внизу простиралась цветущая долина с целыми островками этих цветов, наряженных без всякого их трудового, *ткаческого* усилия в яркие природные одежды, что затмевали, по слову Иисуса, блеск нарядов самого изысканного царя Соломона. Вот как Господь щедрой рукой кормит и одевает меньшую тварь Земли, то ли Он подаст Своему венцу творения, избравшему Божьи пути! Но можно ли тут буквально услышать Христа и поэтические уподобления, склоняющие в нужную сторону тонкие балансы эмоции и душевного настроения, принять за руководство к действию: перестать сеять, собирать урожай, производить хлеба, выделять одежды и строить дома? Свт. Иоанн Златоуст еще раз подтверждает очевидный ответ: «Он не сказал, что не должно сеять, но что не должно заботиться; и не сказал, что не должно работать, но что не должно быть малодушным и изнурять себя заботами»¹. (Лишь платоновские герои «Чевенгура» попытались наивно-точно последовать примеру евангельских *птиц* и *лилий*, гротескно и нелепо травестировав христианские идеалы в «коммунистические».)

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 246.

«Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» (Мф. 6:27). Человек может прибавить себе росту, только встав на *искусственные* подставки — на каблуки. Как не может он и полететь как птица, сам по себе, без специального аппарата и пропитаться, не трудясь в поте лица и не используя многие искусственные орудия для этого. Не обладает человек той способностью *естественного тканетворения*, как лилия полевая, что из земного праха и солнечной энергии создает свои ткани, свою эфемерную красу. Человеку необходимы — в отличие от тех же лилий полевых и травы — искусственные покровы, защищающие от жары и холода или украшающие его тело. «Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, тем более вас, маловеры!» (Мф. 6:30). Как всегда у Христа, сквозь пласт значений, относящийся к регламентации еще этой природно-смертной жизни, решившейся встать на путь к Богу, к своему новому бессмертному статусу, сквозят и смыслы, что имеют касательство уже к будущей небесной природе. И провидится — пусть еще совсем смутно — возможность обрести обоженному человеческому организму совсем иной тип самоосуществления, иной способ жизни и действия, через высшую духовно-сознательную форму *естественного тканетворения*, через созидание себе органов¹ и покровов, уже не орудийно-внешних, но принадлежащих самому организму, как принадлежат крылья птицам, а разноцветные одежды — самим цветам.

И завершается шестая глава заповедью, в которую стягиваются все предыдущие поучения и обетования. «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это всё приложится вам» (Мф. 6:33). Встанешь на путь к будущим несказанным и великим благам — и приложится и то, что пока необходимо для жизни, только оставь излишнее «мучительное попечение» (свт. Иоанн Златоуст), «довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34).

¹ Кстати, эту интуицию мы встречаем у христианских эсхатологов. Так, Ориген полагал, что повоскресное «эфирное тело» («тело духовное» у ап. Павла) сможет изменяться в зависимости от места своего пребывания.

ДОМ НА КАМЕННОМ ОСНОВАНИИ

Мф. 7:1-29. Лк. 6:37-49

Не судите, да не судимы будете (Мф. 7:1). Известно, что наш знаменитый классик, автор трактата «В чем моя вера?», вывел из этой заповеди не просто порицание всякой осуждающей оценки ближнего (как это всегда понималось в христианском сознании), а отказ от всякого государственного суда над любым преступником, от какого бы то ни было карательного приговора. Меру беспорядка и беззакония в случае исполнения этой Христовой заповеди в подобной трактовке пусть себе представит каждый, кто не поддается иллюзиям в отношении наличной человеческой природы¹. Как будто предвидя такого будущего Толстого, свт. Иоанн Златоуст призывал к внимательному рассмотрению этого Христова повеления, «чтобы врачевство спасения и законы мира не почел кто-нибудь законами ниспровержения и смятения»². Нравственный характер этой заповеди, обращенный прежде всего на межличностные отношения, подтверждается образным ее развитием со знаменитым «бревном» в своем глазу и «сучком» — в чужом³. И когда св. Лука добавляет: «Не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо какую мерою мерите, такую же отмерит-

¹ Русская мысль дала две крайние позиции в вопросе о трактовке Христовых заповедей «не противься злему» и «не судите». Одна — толстовская в его учении о непротивлении, носившем непримиримо антигосударственный характер. Другая — И. А. Ильина в его книге «О сопротивлении злу силою», где он признал необходимость не только «психического», но и «физического принуждения» и «пресечения» тех, кто упорствует во зле, опасен для окружающих, творит насилие против невинных и не берется увещаниями, не обращается от незлобивой христианской реакции.

² Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 259.

³ Потому так прав свт. Иоанн Златоуст, когда именно этим образом раскрывает суть заповеди «не судите»: «Именно здесь, как мне кажется, Спаситель не вообще грехи повелевает не судить и не всем без исключения запрещает это делать, но тем только, которые, сами будучи исполнены бесчисленных грехов, порицают других за маловажные какие-нибудь поступки» (Там же. С. 260).

ся и вам» (Лк. 6:37-38), — то и в этом притчевом образе выражена та же общечеловеческая мудрость (какую можно встретить и у других древних учителей), и вместе сквозит собственно Христово: эсхатологическая проекция на последний Суд (тем более что у Луки эта заповедь прямо примыкает к уже рассмотренной выше о связи нашего милосердия к ближнему с Божественным к нам).

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7:6). Это знаменитейшее поучение Христа, вошедшее в обыденный, пословичный ум, обращалось первоначально к Его ученикам и имело в виду мудрую осторожность в провозвестии учения. *Псы* здесь — образ людей, упорно утвержденных в нечестии и злобе и готовых растерзать и учение, и носителей его, а *свиньи* — аллегория еще более распространенного рода людей, что погрязли в низменной, плотской жизни; им не просто пока бессмысленно давать святыню («жемчуг»), но и особо опасно: изда- лека они могут быть или равнодушно-безвредны, или даже, как выражается свт. Иоанн Златоуст, и почтить «по причине неведе- ния», а вот представь такому это святое учение — и он, ничего в нем по-настоящему не поняв (как свинья не смыслит в ценности жемчуга), тем не менее будет самодовольно считать себя уже «зна- ющим», способным судить и брезгливо отвергать: мол, что за не- лепость мне подсунули!

«Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стуча- щему отворят» (Мф. 7:7-8). Толкователи сходятся на том, что речь идет о молитвенном прощении у Отца Небесного, которое в слу- чае благочестивого упорства не может не быть услышано. Хри- стос, обращаясь к чувству Своих слушателей: разве они, земные родители, не дадут просящему у них сыну самого необходимого и вместо *хлеба и рыбы* протянут *камень и змею*, — выражает эту же мысль: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7:11). Сколь важно это обращение к простому чув- ству и пониманию: хоть через него не перескакивайте, неблаго- честиво представляя Отца Небесного в Его карающем лице чуть ли не ниже по Своему милосердию несовершенных земных созда- ний, готовящего столь многим вместо *хлеба небесного* — *камни*,

змей и огонь вечный! В этих Христовых императивах: *просите, ищите, стучите!* — побуждение к деятельности, к активности самих людей в стяжании своего высшего желаемого.

Христос берет в Свои наставления и ту простую и великую нравственную максиму (истину), которая высказывалась и до Него, и на Востоке, и на Западе: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними», присоединяя к этому общечеловеческому правилу и нравственное учение Ветхого Завета: «Ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12).

«Входите тесными вратами; потому что широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13-14). Это повеление уже превосходит и «закон и пророки», и все, что было до Христа, здесь блещит благородное метафизическое золото именно Его Вести. Эти образы широких и узких врат и пути касаются и нравственного, и метафизического учения, глядят в чаемый предел земного развития — Царствие Небесное. Входить *широкими вратами* и следовать таким же путем — значит жить, не усиливаясь, согласно требованиям своей страстной природы, идти, куда она ведет, не ставя себе никаких стеснительных барьеров, границ и запретов; вроде идти-то хорошо, вольготно-привольно, ничто не обременяет, не ужимает, не принуждает, но конец этой просторной трассы один — неизбежность страданий, болезней, смерти... Не выводит такой путь из послегрехопадной природы, не оставляет и надежды на это. *Тесные врата* и *узкий путь* — путь восхождения человека к новой небесной природе, возможный только через отказ¹ от безбрежности своего противоречивого, несовершенного естества, через отторжение языческого, а позднее — ренессансного, титанического идеала развития во все стороны человеческой природы, как хорошие, духовные, созидательные, так и дурные, животное-страстные, сомнительно-демонические, признающиеся равно правомочными («ничто человеческое не чуждо»). И ведет такой узкий путь *в жизнь*, в том евангельском смысле жизни новой, бессмертной и преображенной, в каком это слово особенно настойчиво и убедительно звучит у св. Иоанна.

¹ Все развитие человека и человечества шло и может идти только путем отказа: когда-то от антропофагии, а в будущем от пожирания и убийства.

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7:15). Через такой фольклорный образ Христос дает мудрый критерий, как распознать настоящее от ложного, принявшего личину и говорящего слова будто бы от истины: смотрите на результаты их деятельности! «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» (Мф. 7:16-17). Маска, как бы хороша и натуральна она ни была, не может прирасти и изменить сущность того, кто натянул ее на себя для обмана. А порождает ведь только сущность, а не внешняя личина, ее можно надеть любую и в любом количестве, а действует, оставляет реальные, осязаемые плоды лишь то, что под ней. Тут все и открывается: кто есть кто и что есть что: «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубят и бросают в огонь» (Мф. 7:18-19). Этот кусок Христовой проповеди густо насыщен басенными фигурами: и волк в овечьей шкуре, и терновник, и репейник, с которых, как ни бейся, не вырастет ни виноград, ни смоквы... Недаром и завершает Иисус своего рода моралью к сей параболе, выводя ее шире — от распознавания всякого рода лжепророков¹ и идейных оборотней к выявлению истинных последователей Его Благой Вести о Царствии: «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!” войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21). Как позднее писал в своем соборном послании один из тех, к кому преимущественно обращался здесь Учитель: «Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя» (Иак. 1:22). Вся Нагорная проповедь завершается этим величественным призывом к исполнению слова в смысле его реализации, к тому, чтобы *делать религию*, причем в полном объеме

¹ Свое третье «горе вам» св. Лука обратил к тем, о ком «люди будут говорить... хорошо», указав тем самым еще один косвенный, но верный знак, сопутствующий явлению лжепророка в мире сем. Ибо именно таковой будет говорить, используя слова истинного пророка, «лестное», предсказывать «приятное» (Ис. 30:10), уводить с узкого пути спасения на до времени более удобный широкий путь, ведущий к гибели.

ее обетований, когда не достаточно даже только пророчествовать или изгонять бесов именем Господа.

Последняя притча Иисуса касается этого в знаменательном образе построения дома, могущего символизировать новый порядок бытия, Царствие Небесное. «Итак, всякого, кто слушает слова Мои эти и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне» (Мф. 7:24-25). Кто же «слушает... и не исполняет», уподобляется «человеку безрассудному, который построил дом свой на песке» (Мф. 7:26), — и не выдержал такой дом напора стихий: дождя, разлившейся реки, ветра, и обрушилось такое строение, «и было падение его великое»¹ (Мф. 7:27). Этим угрожающим великим падением веры, которая забудет о Деле, о своем воплощении, и закончил Иисус дотоле еще неслыханное миром Слово. И «дивился» ему народ, «ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи» (Мф. 7:29), т. е. как облеченный высочайшим Божественным авторитетом.

¹ Как всегда, Иисус строит притчевый образ на самом бытовом, достоверном и потому особенно выразительно воздействующем на слушателя материале. Вопрос о построении самого обыкновенного, не символического дома в Палестине стоял именно так. В этой, по преимуществу гористой, стране после налетавших внезапных ливней с ветром все горные речки и речушки, в жару обычно пересыхавшие, превращались на короткое время в бурные, все сметающие на пути водные потоки, от которых более всего страдали как раз долинные дома, возведенные на песчаном грунте. Их часто буквально смывало и сносило. Напротив, построенные на скалах и на каменном основании с успехом противостояли мгновенному натиску стихий.

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
ГАЛИЛЕЙСКОГО СЛУЖЕНИЯ**

Утишение бури. Фреска. 1531–1532 гг.

ИИСУС И РИМСКИЙ СОТНИК

Мф. 8:5-13. Лк. 7:1-10

 тзвучали божественные глаголы Нагорной проповеди, Иисус спустился с горы вместе с пораженным, «дивящимся» народом и двинулся в свой город, в Капернаум. Там Его ждала еще одна знаменательная встреча: не успел Он вступить в селение, как навстречу Ему вышел сотник, офицер местного гарнизона, служивший Ироду Антипе¹, со словами: «Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает»² (Мф. 8:6). Иисус реагирует немедленно: «Я приду и исцелю его» (Мф. 8:7). Но ответ сотника на готовность Иисуса помочь ему в его горе оказывается достаточно неожиданным: «Господи! я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой; но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой» (Мф. 8:8). Вспомним, как царедворец просил Иисуса прийти к нему в дом и исцелить его сына. А тут такие благоговение и трепет, что

¹ Как правило, и начальники таких отрядов, и их подчиненные были или из самарян, или из язычников Кесарии.

² Св. Лука, передающий этот же эпизод, добавляет еще некоторые штрихи: «Слуга, которым он дорожил, был болен при смерти» (Лк. 7:2). У него же навстречу Иисусу выходит не сам сотник, а посланные им старейшины иудейские, т. е. высшие лица местной администрации, с просьбой об исцелении слуги сотника. Причем просят они Его об этом горячо и убеждающе: и человек он достойный, и, будучи язычником, любит иудеев и построил им синагогу. И только на подходе к дому сотника к Иисусу выходят уже друзья сотника и передают его слова о том, что недостойн он принять Господа. Впрочем, и свт. Иоанн Златоуст, и блаж. Феофилакт полагают, что в конце концов сам сотник вышел навстречу Иисусу, что зафиксировал св. Матфей.

страшно и невозможно принять столь Великого Небесного Посланника под свой грешный кров, такая вера в Его силы, в то, что одного Его слова окажется достаточным! (У св. Луки этот момент пронзительного ощущения своего недостойнства усугублен именно тем, что он и сам не предстает пред лицом Господа, высылая Ему навстречу то старейшин, то друзей¹.) Свое убеждение в божественной власти Иисуса сотник выражает близким себе, своему опыту примером: вот я, человек подвластный, но все же могу свободно распоряжаться теми, кто у меня в подчинении, будь то воины или слуги, — куда их пошлю, туда послушно и идут...

Что за пронизательная басня и параболы в этих словах? Почему они так удивили и восхитили Иисуса? «Истинно говорю вам: и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8:10-12). Да потому, что наш сотник (в отличие от многих) убежденно верит в мировую божественную роль, космическую мощь Иисуса: как он, офицер, повелевает сотней человек, так Тот владычно управляет тайными силами здоровья и болезни, жизни и смерти и умеет одним Своим словом снять и отогнать любые расстройства и недуги, водворив на их место здоровую норму. Воистину, еще никто до того из окружавшего Иисуса народа, рвущегося к Нему за исцелением и учительным словом, не обнаруживал такой глубины исповедания веры в Него. Это был тот редчайший случай, когда, как отметил св. Ефрем Сирин, «Бог удивился человеку».

Только что на горе проповедовал Иисус прежде всего избранным из избранных иудеев — Своим апостолам и ученикам, а тут вдруг такой резкий сдвиг взгляда, пронизающего века и тысячелетия: вера сотника, не-иудея, язычника является как знак, как пророчество, данные вот сейчас, еще в родной Галилее, еще в начале служения, того неожиданного и невероятного адресного поворота, который ожидал Благоую Весть Христову в душах сыновей Земли. Надо со всей остротой осознать, какая грандиозная религиоз-

¹ Надо еще учитывать, что сотник мог тут и выказать уважение иудейским представлениям, по которым посещение дома язычника считалось осквернением для сыновей Израиля.

ная драма исподволь готовилась с явлением Христа в иудейской среде, среди тех, кому от века предназначалось особое благоволение Божие, новое Царствие, и вдруг от их неверия и жесткости, и вражды (не опознали Мессию, Самого воплощенного Сына Божия!) все это от них отнимается (вот уже начинают рокотать грозные пророчества!), обещается дальним («с востока и запада»), чужим, презируемым... (первые, богоизбранные «сыны царства» оказываются последними, окажутся вообще где-то «во тьме внешней», за сферой спасительного света).

В этом эпизоде уже прямо объявляется та (пророческая пока!) точка трансцензуса (скачка) обновленного иудаизма, за что могли вначале принять учение Иисуса, в принципиально новую, охватывающую весь мир и прежде всего язычников, религию спасения. Эта тема *перехода* и расширения проходит через все Евангелия, сюжетно зачинаясь и развиваясь в эпизодах с самарянкой, с сотником и далее набирая все большую силу. Что сцена с сотником за тем прежде всего и нужна — совершенно очевидно. Главное в ней — пророчество Иисуса о будущем, высеченное из Него зримым примером веры сотника, а не исцеление его любимого слуги, о чем говорится как о само собой разумеющемся уже после изречения собственно пророчества.

ВОСКРЕШЕНИЕ В НАИНЕ

Лк. 7:11-16

Согласно св. Луке, сразу же после исцеления слуги сотника Иисус отправляется в новое путешествие по Галилее и оказывается в городке Наине. Скорее всего, Иисус провел ночь в Капернауме и на следующее утро пораньше двинулся в путь. Добраться до этого селения, расположенного на юго-западе от Галилейского озера в сорока километрах от Капернаума, вблизи библейски отмеченного Ендора (Аэндора, где когда-то проживала волшебница, вызвавшая Саулу тень Самуила, что предсказала ему и его сыновьям скорую смерть от филистимлян), лучше всего было двумя этапами: сначала переплыть озеро на лодке с севера на юг, а затем уже пешком двинуться на запад к склонам малого Ермо-

на, где на возвышенности и лепился этот живописный городок (Наин — «красивый»), как раз напротив расположенной к северу лесистой горы Фавор.

Уже после полудня толпа учеников и «множество народу», что сопровождали Иисуса в пути, приблизились к городским воротам и там столкнулись с выходявшей оттуда похоронной процессией: та направлялась на старое кладбище, расположенное в четверти часа ходьбы на восток от города. На особых носилках несли обернутое пеленами тело юноши. Людей было необычайно много, играли погребальные флейты, звякали кимвалы, слышались крики плакальщиц, среди провожающих царило особое скорбное настроение, но из всех выделялась рыдающая, сраженная отчаянием женщина, шедшая перед одром¹. Эта жительница Наина была вдовой и потеряла своего единственного сына. Такая великая утрата не могла не потрясти городок и не вызвать к ней искреннего сочувствия.

Иисусу достаточно было одного взгляда, чтобы *узнать* все и о ситуации, и о том, что творилось в сердце несчастной матери. Вновь мгновенное движение милосердного сердца Спасителя («сжалился над нею») и тут же приказ, прерывающий ее невыносимое страдание: «Не плачь!» (Лк. 7:13). Далее разворачивается само чудесное действие: Иисус подходит к открытому гробу и прикасается к мертвому юноше, как бы передавая ему мощный энергетический, восстанавливающий импульс. Носильщики одра при этом, остановленные в своем движении какой-то необычайной, беспрекословной силой, поставили носилки на землю. И в мгновенно установившейся тишине ошеломленные таким внезапным вмешательством свидетели этой сцены слышали четкие и твердые слова Иисуса, обращенные к тому, кто уже не мог воспринимать ничего и никого: «Юноша! тебе говорю, встань» (Лк. 7:14). И тут случилось нечто не вмещающееся ни в какой земной опыт: «Мертвый поднявшись сел и стал говорить», — одним божественно властным жестом и словом Иисус пресек смертное развоплощение души и духа, покинувших тело юноши, и мгновенно вернул

¹ Похоронная процессия распределялась обычно так: перед одром шли женщины, в том числе и плакальщицы (за этим обычаем стояла религиозная метафизика: через женщину, Еву, в мир вошла смерть), за ним все остальные провожающие. Одр, или открытый гроб, сплетенный обычно из прутьев, несли по очереди носильщики из родственников и соседей умершего.

их, воссоединил в его живой единственной личности. «И отдал его Иисус матери его» (Лк. 7:15) — реальный плод победы над, казалось бы, фатальным, безвозвратным разъединением, принесенным смертью: восстановлена живая связь любви сына и матери.

Таковым было это сверхисцеление, сверхчудо Христа, первое Дело дел в чреде Его воскресительных подвигов. Как выразительно обобщил св. отец: «Сын Девы вышел навстречу сыну вдовы, и для слез вдовы был как бы губкой, а для смерти сына жизнью его. Смерть удалась в место свое, обратившись вспять пред победителем»¹.

«И всех объял страх, и славилы Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой» (Лк. 7:16). Опознать Его в этом конкретном случае как «великого пророка» было возможно и естественно именно в иудейской среде, знавшей, что двум ветхозаветным пророкам была в свое время дана Господом такая же власть воскрешать, и тоже умерших отроков: Илия воскресил умершего сына вдовы из Сарепты (3 Цар. 17:17-24), а его ученик Елисей — сына сонамитянки (4 Цар. 4:18-37). Однако пророки, чтобы восставить к жизни умерших, прибегали к целому ряду упорных над ними манипуляций: Илия горячо взывал к Господу, не раз простирался над покойным, а, скажем, Елисей — тот еще и прилагал «свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням», согревая тело мальчика (4 Цар. 18:34). Иисус же действует мгновенно и эффективно, воистину как имеющий Божественную власть.

ПОСОЛЬСТВО К ИИСУСУ ОТ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ город в Галилее, 28 г.

Мф. 11:2-24. Лк. 7:17-35

После воскрешения сына наинской вдовы «такое мнение о Нем», т. е. как о «великом пророке», «распространилось по всей Иудее и по всей окрестности» (Лк. 7:17). Дошло оно и сквозь стены крепости Махерон, где у царя Ирода Антипы томился в заключении Иоанн Креститель. И оттуда отправляет он к Иису-

¹ Св. Ефрем Сирин. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 98.

су двух из навещавших его учеников с таким вопросом: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Мф. 11:3). Сама возможность такого дышащего неуверенностью вопроса со стороны того, кто признавал себя недостойным развязать ремни на обуви Иисуса, кто получил в Крещении Господнем уверение Его Богосыновнего достоинства, кто сам не раз свидетельствовал о Нем как о «сшедшем с небес», Кому он только пролагал земные пути, казалась всем комментаторам этого места более чем странной и непонятной, приводя по большей части к мнению, что не мог Иоанн посылать к Христу «по сомнению» и спрашивать «по неведению» (свт. Иоанн Златоуст), а совершил это лишь для убеждения своих завидующих и колеблющихся учеников. Или же хотел точно удостовериться, что Тот, о Ком до него дошел новый взрыв молвы, именно Тот, о Ком он свидетельствовал как об Агнце Божиим.

Но — подумайте — если Сам Христос позднее, накануне крестной муки, в ночном Гефсиманском борении мог испытать мгновенное колебание («да минует Меня чаша сия») и момент Богооставленности на самом кресте («Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»), то тем более Иоанн Креститель в темнице, в тоске предчувствия скорой позорной гибели мог исторгнуть (о, вечный Предтеча Христов!) свой вопль скорби и последнего колебания, мог возопить свое «лама савахфани», *зачем Ты покинул меня* и, творя такие чудеса, еще не прославлен как Мессия и ничего не делаешь для меня?.. Из такого, скорее всего, преходящего, кризисного, трагического мига вырвался вопрос, с каким послал он своих учеников к Иисусу.

И смотрите, как удостоверяет Себя Иисус в ответ на этот вопрос: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищим благовестуется» (Мф. 11:4-5). Вот в чем полагает Сам Христос Свои мессианские роль и дела: не в воцарении над Израилем, избавлении его от чужеземного ига, прославлении богоизбранного народа, наделении его обетованными дарами (как представляли себе Мессию иудеи и в какой-то мере, очевидно, и Иоанн Креститель, что тоже может объяснять его сомневающийся вопрос), а в победе над болезнетворными и смертоносными началами послегрехопадного мира. И последнее, что добавляет Иисус, — Свое проникновен-

ное, обещающее *внушение* веры, как бы особенно интимно, «на ушко» посланное проходящему в это время свою высшую земную муку Иоанну: «И блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф. 11:6).

И по отшествии с этим ответом учеников Иоанна Иисус высказывает Свое окончательное о нем суждение, как о том «Ангеле», которого, по пророчеству Малахии, обещал Господь послать на Землю в приуготовление путей Мессии, как о новом Илии¹ (Мф. 11:10,14).

А каким удивительно мастерским словом ведет Он слушателей к этому знанию: «Что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка» (Мф. 11:7-9). Иисус — великий художник устной проповеднической речи, умеющий таким ритмом и пластикой намагнитить свое Слово, что входит оно в души народа будоражающим, волнующим откровением истины.

И предстает такое поразительное сцепление двух оценок Иоанна: исключительное вознесение его лица и значения над всеми самыми выдающимися праотцами и пророками («из рожденных женами не восставал больший Иоанна») и вдруг — «но меньший в Царстве Небесном больше его» (Мф. 11:11). В том бессмертном, преображенном строе бытия, куда приглашается род людской, каждый и любой (и самый «меньший») по самой своей природе, своему месту и роли в новом мире будет больше всех, принадлежавших к земно-природному порядку («из рожденных женами»), в том числе и высшего из высших его.

¹ Вера в перевоплощение душ праведников, в новое явление их на Землю была свойственна и фарисеям, и простому народу. Насчет Самого Христа шло сомнение: Кто Он, какой пророк в Нем воплотился: Илия, Иеремия? Но надо ли понимать слова Иисуса о Предтече как эхо этого распространенного верования, в смысле буквального перевоплощения Илии в Иоанна Предтечу? Вряд ли, ведь известно, что христианство решительно отвергло метемпсихоз в любой его форме. Скорее, речь идет о тождестве типа обоих как проповедников сугубого покаяния (Предтеча приходит «в духе и силе» Илии), а также известной параллельности их роли в большом мессианском *сценарии*. Если Иоанн — Предтеча первого пришествия Христа, то Илия фигурирует как таковой в будущем втором пришествии, о чем пророчествовал Малахия (Мал. 4:5-6) и во что верит Церковь, трактуя двух апокалиптических свидетелей (Откр. 11:3-12) как Еноха и Илию.

«От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Этим величайшим Своим откровением Христос ясно дает понять людям, что с Иоанна наступила новая эпоха, которая — при соответствующем выборе — может стать путем к Царствию Небесному, и этот путь требует активности в его стяжании, «силы», дел, и таких прежде всего, какими Он только что свидетельствовал о Себе: «Слепые прозревают... мертвые воскресают». Да, Иоанн первым удостоверил пришествие на Землю Вестника Царствия Небесного, но сам еще не начал (не пришло время) *брать* его *силою* (а что есть в данном случае сила, как не доведенное до высокой степени действенности умение претворять в жизнь обетованную Весть о новом божественно-бессмертном порядке бытия?).

Реакция на речь Иисуса оказалась, как всегда, значащей и разделительной: народ и мытари «воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него» (Лк. 7:29-30). И тогда Иисус выразительным уподоблением явил всю странную непоследовательность, *нелогичность* восприятия «родом сим» фигур Предтечи и Его Самого, пришедших с проповедью Царствия Небесного, правда, первый — приуготовительно, лишь выдвинув Спасителя, а второй — уже в полном объеме и глубине принесенной Благой Вести: «Но кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: “мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали”. Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: “в нем бес”. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: “вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам”. И оправдана премудрость чадами ее» (Мф. 11:16-19). Ни мрачного, сурово-аскетического Иоанна не приняли, заточили в темницу как нечестивца, ни излучающего радость и любовь Иисуса — и Ему уже грозят смертью. Никак «роду сему» не угодишь: ни печальными, ни веселыми песнями, раз воля его склонена наперекор, раз сознательно отвергает «волю Божию о себе». «Славолю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил это от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11:25). Чистое детское сердце народа открывается Христовой проповеди, но не находит она отклика в нагруженных, гордых умах, нечистом сердце и злобной воле

фарисеев и законников. «И оправдана премудрость чадами ее» (вариант: «делами ее») — смысл этой несколько загадочной фразы раскрывается в обоих чтениях: делами Своими Христос свидетельствует о Своей Божественной Премудрости; и раскрывается Она лишь «чадам своим», детям Царствия Небесного.

И если св. Лука на этом завершает этот идейный эпизод Евангелия, то св. Матфей добавляет еще пророческие угрозы тем городам, в которых наиболее было *явлено* сил Его, за то, что они *не покаются*» (Мф. 11:21). «Горе тебе!» звучит и Хоразину, и Вифсаиде, и Капернауму («И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» — Мф. 11:23).

Иисус уверен, что и языческие Тир и Сидон, и даже древний Содом, само нарицание греха и богоотступничества, став они свидетелями таких Божественных мощи и света, какие явились иудейскому средоточию Христовой деятельности, тут же бы «во вретище и пепле покаются» (Мф. 11: 21). И «отраднее будет в день суда»¹ (Мф. 11:22) им, нежели этим избранным особым Божиим посещением и вниманием палестинским местам. По принципу: кому больше дается, с тех больше и спросится. Так все громче и громче раскатывается в гласе Богочеловека мотив проклятия и отъятия от Божественной любви и милосердия тех, кто более всего на них претендовал, тот мотив, что совсем недавно ярко вышел наружу в эпизоде с сотником.

КАЮЩАЯСЯ ГРЕШНИЦА город в Галилее, 28 г.

Лк. 7:36-50

Где точно произошел этот эпизод, св. Лука, единственный из евангелистов его приведший, не сообщает. Но поскольку он непосредственно примыкает к воскрешению юноши и посольству Иоанновых учеников, то, скорее всего, дело было в одном из

¹ Свт. Иоанн Златоуст видит в таких сильных обличительных приемах Иисуса (Он сравнивает — не в их пользу — иудеев не с праведниками, а с грешниками, «что гораздо тяжелее») попытку «всеми силами преклонить их к вере — и сожалением, и страхом» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 409). Иначе говоря, обращается с ними еще как с детьми неразумными и строптивыми, требующими строгих воспитательных мер.

небольших городков Галилеи, по которой путешествовал Иисус, может быть, в Магдале, что расположена на западном берегу Геннисаретского озера. Некий фарисей из этого города, именем Симон, пригласил Иисуса «вкусить с ним пищи» к себе в дом, где Он и «возлег» (Лк. 7:36). Как обычно, за столом с трапезой, куда допускались только мужчины, шла беседа. И тут произошло нечто необычное, даже скандальное. В комнату быстро вошла женщина, хорошо знакомая всем в городе, но, увы, своей распутной жизнью. В руке она держала алавастровый сосуд с миром¹, смесью дорогих благовонных веществ; подступив сзади к ногам Иисуса (лицо Его и туловище было обращено вперед к столу), она «начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром»². (Лк. 7:38).

Как молодая, красивая блудница могла оказаться в столь необычном для себя положении? Ясно, что она уже где-то в толпе народа видела и слышала Иисуса, возможно, и прикасалась к Нему, как другие ищущие исцеления. К моменту вторжения в дом фарисея с ней уже явно произошел потрясший все ее существо внутренний переворот: уму ее и совести явилось все нечестие, весь стыд ее грешной жизни, сердце разрывалось раскаянием. Сюда, в почтенный фарисейский дом, куда она ни при каких обстоятельствах не могла бы ранее вступить, — ее бы моментально по полному праву оскорбили и вытолкнули вон, — сейчас мог привести, буквально увлечь, только сильнейший, безоглядный порыв покаяния и желания выразить рвущиеся из нее чувства любви и благоговения к Иисусу. В любом случае, само ее поведение обличает в ней характер сильный и страстный, способный к решительному действию.

¹ Такой сосуд обычно представлял собой специальную бутылку с узким длинным горлышком, сделанную из алавастра, мелкозернистого камня гипсовой породы (название идет от горы у египетского города Алебастрон, состоявшей из такого камня), в которой хранили разные ароматические вещества: духи, масло, миро. Сосуд с дорогим миром обычно не раскупоривался: благовоние шло через пористые его стенки. Женщина же раскрыла его и излила на ноги Спасителя такое его количество, которого достало бы на годы.

² Не раз потом в христианских сердцах воскреснет это любовно-благоговейное чувство к стопам Спасителя, к «прекрасным ногам Твоим, запыленным и утомленным в деле спасения душ, часто носившим Тебя по горной стране и по тропинкам равнин, когда Ты обильно сеял слово жизни» (Фома Кемпийский. Размышления о жизни, страданиях и воскресении Иисуса Христа. СПб. 1898. С. 36).

Да и пришла она к Иисусу не как хромая или прокаженная, ищущая осызаемого от Него благодеяния, а желая закрепить свое душевное раскаяние, получить внутреннее прощение.

Поскольку Иисус продолжал возлежать и, казалось, никак не реагировал на происходившее, хозяин дома пришел в большое недоумение и возмущение, но не стал пока вслух выражать своих чувств; не забудем, что это был воспитанный в холодной гордости и сдержанности фарисей. Но внутри его зашевелилось сомнение другого, существенного порядка: какой же это пророк (как фарисей уже было начинал веровать), если не может провидеть, что за женщина приблизилась к Нему, и позволяет осквернять Себя ее прикосновениями? Как мы знаем, все внутренние движения человека мгновенно высвечивались Божественным ведением Иисуса, и Он тут же отвечал неслышному ропоту нетвердого в вере, закаленного в своей фарисейской логике, свежее испеченного ученика, отвечал как всегда косвенно, некоей притчей (что тот поначалу и не понял): «У одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Но как они не имели, чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его?» (Лк. 7:41-42) — спросил Иисус фарисея, взывая к его знанию человеческой психологии. «Симон отвечал: думаю тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил» (Лк. 7:43). И только тогда Иисус раскрывает мораль сей притчи, прилагая ее к развернувшейся перед ними сценке. И делает это особенно красноречиво и разяще убедительно, сравнивая отношение к Себе его, фарисея, и раскаявшейся блудницы: «Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал; а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла. Ты целования Мне не дал; а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги» (Лк. 7:44-46).

Что тут особенно поражает? Прежде всего, насколько подробно описал Иисус все сугубо конкретные проявления раскаяния и любви к Нему этой женщины. И мы не можем — по контрасту — не вспомнить только что прошедшую перед нами фигуру сотника. Тот считает себя недостойным даже принять Иисуса под свой кров, а эта, сколь грешнее благородного воина, женщина бросается к Господу, к Его ногам, прильнув к ним губами в непрерывном, смешанном со слезами целовании, обвинив их волной своих волос. Шквалом

чувств сметается та граница, та страшная дистанция между человеком и Богом, которую так остро чувствовал и уважал сотник. И является невиданная и неслыханная интимность касания к Богочеловеку (разве что Его Пречистая Мать так близко приникала к телу Божественного младенца). Очевидно, только женщина могла *так и такое*. И никто лучше, выше и чище не понял этого, как Сам Спаситель: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит» (Лк. 7:47).

Так и расположены рядом эти два эпизода, эти две разные и лучшие, *избранные* реакции на явление Богочеловека: *мужская и женская*. В обеих: и вера, и пронзительное ощущение своей греховности и ничтожества, но в первом случае — благочестивое, благоговееющее установление между собой и Господом непереходимого расстояния (*аз недостойн* и видеть, и принимать), во втором — высоко душевно претворенный контакт губ, волос, рук с пречистыми стопами Спасителя, излияние на них драгоценной влаги сокрушенного сердца, и целование, и помазание миром легкой, любящей, нежной рукой...

«Ей же сказал: прощаются тебе грехи» (Лк. 7:48), и пока в головах присутствующих на трапезе вновь, как и в случае с исцелением расслабленного, пронеслось: «Кто это, что и грехи прощает?» (Лк. 7:49), правда, больше как ошеломленное удивление, нежели злой ропот, как тогда, — Иисус отпустил от себя женщину: «Вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лк. 7:50). *С миром* в душе отошла эта, только что растерзанная раскаянием, женщина: покинули душу ее греховные стихии, разжжения плотские растворились, стыд и ужас перед своими непотребствами утишены высшим прощением.

Тут же рядом в Евангелии от Луки, в начале следующей главы, рассказывая, как Иисус «проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие» (Лк. 8:1), священнописатель наряду с двенадцатью апостолами упоминает и нескольких женщин, сопровождавших Его и отдавших Ему свое богатство («служили Ему именем своим» — Лк. 8:3), и первой из них, исцеленных «от злых духов и болезней», упоминает «Марию, называемую Магдалиною, из которой вышли семь бесов» (Лк. 8:2). (О, сколь впечатляют эти семь бесов: какая бездна черни и извращения была из нее изъята Иисусом!) Церковное предание, воспринятое в Православной Церкви, отождествляет Марию из Магдала (кто не зна-

ет эту знаменитейшую евангельскую фигуру, столь часто вдохновлявшую художников!) с женщиной, что возлила на ноги Иисуса драгоценное миро и тем самым еще в середине Его служения этим символическим жестом уже как бы приуготовила Его к будущему погребению, Его искупительной жертве, как то же совершит другая Мария, сестра Лазаря за шесть дней до распятия Спасителя.

ГЛАГОЛЫ РАЗРЫВА И ПРОКЛЯТИЯ

Капернаум, 28 г.

Мф. 12:22-50. Мк. 3:20-35.

Лк. 8:19-21; 11:14-54

Путешествуя по Галилее, Иисус с учениками неизменно возвращался в Капернаум, центр Своей целительной и проповеднической деятельности. И вот привели к Нему здесь еще одного страждущего: человека и слепого, и немого, т. е. целиком отрезанного от всякого общения с людьми и миром, к тому же еще и бесноватого. И этот страшный букет немощей физических и психических Иисус тут же снимает с несчастного, *раскупоривает* его миру: «стал и говорить, и видеть» (Мф. 12:22), в полном душевном здравии воспринимать все и реагировать на окружающее.

Народ, как всегда, на такое необыкновенное исцеление «дивился», вопрошая: «Не Этот ли Христос, Сын Давидов?» (Мф. 12:23), готовый поверить и принять Мессию. И так же как всегда, его водители, его духовные вожди, фарисеи и книжники, вносят в это могущее вот-вот состояться всеобщее народное признание: это Он! — резкую скрежещущую ноту отторжения и самого злого подозрения и навета. «Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского» (Мф. 12:24). Ответ Иисуса приведен у всех трех евангелистов. Еще бы! Этот ответ, тончайший и убедительный для любого ума, от самого изощренного до наивно-простого, — один из самых идейно-принципиальных во всем Евангелии. «Как может сатана изгонять сатану? Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот; и если сатана восстал на самого себя и разделился, не может устоять, но пришел конец его»

(Мк. 3:23-26). Вот и самое ядро притчеобразного защитительного аргумента Иисуса: «Никто, вошед в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного, — и тогда расхитит дом его» (Мк. 3:27). Иисус Христос, изгоняющий нечистую силу, служителей князя бесовского, повелевающий им, как он Сам выражается, «Духом Божиим» (Мф. 12:28), «Перстом Божиим» (Лк. 11:20), и есть Тот «Сильнейший», Кто уже связал их хозяина, Кто взял «всё оружие его» (Лк. 11:22).

И со всей очевидностью является то, что было нестерпимым оскорблением для Иисуса, что положил Он как самый страшный, неискупимый грех: «Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Мк. 3:28-29). Очень ценно для правильного понимания смысла хулы на Св. Духа и страшного проклятия Христа завершающее уточнение св. Марка: «Это сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух» (Мк. 3:30), т. е. что нечистый дух помогает Ему осуществлять Его чудеса.

Дела Христовы (исцеления и воскрешения), реализуемые пока на отдельных примерах, по своему заданию — Божественны, воистину осенены и напоены Духом Святым. И когда оздоровление бытия, исцеление человеческой природы от послегрехопадных начал болезни и смерти признается за нечистое и сатанинское, то такая операция перевертывания ценностей становится уже высшим непростительным кощунством. И снова и снова Иисус дает на все будущие времена критерий различения добра и зла, божеского и противо-божеского — *плоды действия*: «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым; ибо дерево познается по плоду» (Мф. 12:33). Немой говорит, слепой видит, расслабленный ходит, прокаженный очищен, умерший возвращен к жизни — какие это плоды, на что и на кого они работают: неужто на смерть и на имущего державу смерти, а не, напротив, на жизнь, на Начальника жизни?

«Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12:32), — даже Самого Иисуса Христа можно в силу каких-то причин не понять, не принять, охулить, и это не станет окончательным осуждением человеку, а вот оклеве-

тать то, чем Он и Его дела одушевлены, сам духоносный импульс бытия к преобразению, — такому нет прощения, прощения, так сказать, *объективного*, ибо такой хулитель сам добровольно ставит себя против движения мира к божественному строю бытия, выпадает из него.

«Некоторые из книжников и фарисеев», выслушав логически-неотразимый ответ и страстно-устрашающие пророчества Иисуса, все же продолжают колебаться и просят от Него еще знамения, т. е. какого-то абсолютно-подавляющего свидетельства Его Личности и Божественной миссии. «Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12:39-40). Таким, еще загадочным для слушающих Его, уподоблением Иисус пророчесствует о Своей будущей искупительной смерти, трехдневном погребении с последующим воскресением (как и пророк Иона был извергнут на сушу, по его молитве, всемогущей дланью Господней из глубин погибельной бездны морской, из чрева китова). И только собственное воскресение Христа станет главным и высшим знамением Его, центральным обетованием роду людскому.

Образ пророка Ионы, от проповеди которого покаялись и спаслись погрязшие в грехах язычники ниневитяне, жители ассирийской столицы, уже, казалось, обреченные «пылающему гневу» Господню, тут же ведет за собой важнейшую для проповеди Иисуса тему угрозы суда, Божьей кары, покаяния и спасения. И восставшие из мертвых на последнем суде ниневитяне — пророчесствует Христос — осудят «род этот», т. е. иудеев; ибо те обратились от своих злых дел к Богу от слов Ионы, а эти не внемлют тому, кто «больше Ионы» (Мф. 12:41). И царица Савская, пришедшая в свое время из Аравии искать мудрость Соломона и благословившая Господа за такого выдающегося иудейского царя, осудит «род этот», ибо не узнал он и не внял Тому, Кто сколь «больше Соломона» (Мф. 12:42).

И уж воистину заставляющей содрогнуться угрозой иудеям звучит следующая притча Иисуса: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И пришед находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет и

берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Мф. 12:43-45). Да, изгнали из себя иудеи нечистого, отказались — в тяжкой борьбе, с падениями и отступлениями — от поклонения идолам, лже-божкам, большим и малым, предали себя Единому истинному Богу, но позже не вместили в себя, в чистую, выметенную горницу своей души и духа, дальнейшего Богооткровения, причем важнейшего и центрального, прямо касающегося новых путей всего рода людского, и тогда вернулся туда, в эту пустоту старый бес, прихватив с собой уже целую, еще худшую компанию. Так пронизательно и сурово-беспощадно оценивает Иисус состояние Своего народа, отрекшегося от веры в Него. Под покровом притч из уст Спасителя исходит страшное слово разрыва, и сколь рано оно зазвучало!

Но еще прослеживается разделение на тех, кого Евангелие называет «народ», что «дивится» Иисусу, Его словам и делам, жаждет уверовать (а многие из него уже и уверовали), и признанным «цветом» нации: тот упорствует в непризнании Иисуса Христа, противлении Ему, разного рода злокозненностях. И звучит у св. Луки многократное «Горе вам!»: это фарисеи, любящие «председания в синагогах и приветствия в народных собраниях»; «книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того», не подозревают о вашей омертвевшей и окостеневшей душе и такой же учености; законники, налагающие на других «бремена неудобноносимые», а сами и пальцем не пробующие их поддержать; законники, строящие «гробницы пророкам, которых избили отцы ваши»; законники, что «взяли ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали» (см.: Лк. 11:43-52). Вот она последняя, но главная и роковая их вина: у них «ключ разумения» — ученость, развитый ум, знание Писания; когда же столь хорошо известные им пророчества стали исполняться и явился пред ними Богочеловек, мессианский Искупитель, они Его не захотели опознать, отторгли («сами не вошли») и народ смутили, отшатнули от Него своими наветами, реакциями, словами и злыми делами пресечения («и входящим воспрепятствовали»).

Особым добавлением к пророчествам о судьбе непринявшего Христа родного Ему народа стоит небольшой эпизод с Матерью и братьями Иисуса. Недаром они сцеплены в один значащий еван-

гельский кусок. Не успел еще Иисус завершить свое слово об опасности для иудеев стать вместилищем новых бесов, как стоящие вне дома Мать и братья Его призвали Иисуса к себе, «желая говорить с Ним» (Мф. 12:46). Ответ Иисуса может поначалу поразить своей резкостью по отношению к ближним: «Кто мать Моя и братья Мои?» (Мк. 3:33). И обзрев сидящих вокруг Себя (у св. Матфея: «Указав рукою Своею на учеников Своих» — Мф. 12:49), говорит: «Вот мать Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать» (Мк. 3:34-35). Однако св. Марк дает некоторый ключ к развернувшейся сцене. Еще в самом начале этого куска (перед обвинением Иисуса в бесовском одержании) евангелист отмечает следующее: «И услышавши, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из Себя» (Мк. 3:21). Значит существовало в какой-то молве такое злоредно-искажающее толкование дел и слов Иисуса: что за странную жизнь ведет этот бродячий проповедник, намекающий на то, что Он чуть ли не Сын Бога, окруживший себя учениками из неграмотных рыбаков, восторженными женщинами (и знаете, среди них есть и бывшие блудницы!), слух идет, что бесов изгоняет, прокаженных очищает, чуть ли не мертвых воскрешает, дерзает с властью поучать в синагогах, обличать духовных начальников, фарисеев, книжников, законников, грозит какими-то страшными проклятиями Своему народу, днем осаждаем толпами, к Нему не пробиться, а ночи проводит один в пустынных местах... — не иначе пришел в исступление, помешался... «плотников сын» и сын Марии, брат Иакова и Иосии, Симона и Иуды¹. Очевидно, что подобный слух мог идти, скорее всего, среди знавших Иисуса с детства, тех же жителей Назарета, в том самом отечестве, где «нет пророка». Так что Мать и братья явились под влиянием этих пересудов, что Иисус «вышел из себя», потерял здравый рассудок, и намерения их были «взять Его», изолировать от народа, удалить от проповеди.

¹ И если св. Иоанн отмечал: «Ибо и братья Его не веровали в Него» (Ин. 7:4), то подобного о Его Матери нет ничего в Евангелиях. Мы знаем, что с детства Иисуса «складывала» Она в сердце Своем все знамения Его Божественной природы, присутствовала и при Его казни, получив от Сына в момент Его тяжчайших мук последний знак внимания: поручение Ее заботам любимого ученика. То, что она оказалась среди родных, пришедших «взять» Иисуса, было, скорее всего, вынуждено их настоянием и упорством.

Тогда резкость Его реакции, нежелание выйти к ним, покинуть учеников и внимавший Ему народ получает дополнительное оправдание и смысл; это и реакция на момент неверия ближних, их колебания, падкость на зловерные слухи, и одновременно своего рода предупреждение, как только что фарисеям и книжникам: как недостаточно лишь принадлежать к связанному единством семени, крови и ветхозаветного закона избранному народу, так недостаточно и естественного, земного родства, чтобы быть Его Матерью или братьями, — необходим подвиг новозаветной веры, духовное родство, «лучшее и превосходнейшее» (свт. Иоанн Златоуст), связующее всех как братьев и сестер по вере во Иисуса Христа.

Нельзя сказать, что Иисус не признавал вообще Своих земных родных, не хотел с ними общаться, раз не вышел к ним в этот раз. Они сами стоят вне дома — то ли, как объясняет Лука, «не могли подойти к Нему по причине народа» (Лк. 8:19), то ли не желая входить (другие же пробились!), уже дистанцируясь от происходящего, — и потому вызывают Его к себе. Но Он своим поведением, выбрав остаться с учениками и народом, не оставив их *ради* родственников (т. е. не выделив последних), уже устанавливает четкую градацию ценностей в понимании родства. Вовсе не отвергая родства по крови, по земле, по человечеству, к которому Он причастен как Богочеловек, Иисус поставляет преимущественную вертикаль духовного, небесного родства: родителей и детей, сестер и братьев, всех близких и дальних по их общему усыновлению Богу, Отцу Небесному, по устремленности в новое отечество — Царствие Небесное.

ПРИТЧИ О ЦАРСТВИИ НЕБЕСНОМ

Капернаум, 28 г.

Мф. 13:1-53. Мк. 4:2-34.

Лк. 8:4-18; 13:18-21

Вскоре после этого эпизода со Своими родными Иисус вышел из дому и, по Своему обыкновению, отправился к озеру; вновь великое множество народа последовало за Ним и теснило Его, и вновь воспользовался Он остроумной кафедрой — сел один в лодку у берега и, обозревая всех присутствующих с воды,

начал проповедь. «И поучал их много притчами...» (Мф. 13:3), «...без притчи же не говорил им» (Мк. 4:34).

Еврейское слово «машал» (переведенное на греческий семьюдесятью толковниками как «парабола») означает и краткое поучительное изречение, близкое к пословице, и собственно притчу. Жанр машала — один из древнейших; особенно широко использовался он иудейскими хакамами (мудрыми), авторами семи библейских книг (Иова, Притчей, Екклезиаста, Иисуса сына Сирахова, Премудрости Соломоновой, Псалтыри и Песни Песней). Но в «Книге Притчей Соломоновых», где фигурирует само название этого жанра, нет притч в том значении, как они представлены в Евангелиях. Это действительно машалы в их классическом виде двустижных «мудрых речений», обучающих искусству праведной жизни, залого счастья и долголетия. Обращенные к юношеству («сын мой», «дети»), они предостерегают от соблазнов ложного выбора, направляют на стезю семейной и общественной добродетели — одним словом, наставляют в нравственно-практической мудрости (собственно религиозный оттенок появляется лишь в седьмой части всех Притч).

Вообще образцы жанра притчи как иносказательного, аллегорического рассказа, поучающего через сказочный или бытовой пример, в Ветхом Завете чрезвычайно редки, раз-два-три и обчелся (и то это скорее басни): таковы притча о деревьях, что взяли себе в цари добровольно вызвавшийся на эту роль колючий терновник, — пророчество о гибельном конце жителей Сихема, выбравших себе царем злодея Авимелеха (Суд. 9:7-20); притча о богаче, отнявшем единственную овцу у бедняка — применена к поведению царя Давида по отношению к Вирсавии, жене Урии (2 Цар. 12:1-9); и наконец, небольшая саркастическая, тоже предупреждающая притча о терне, пожелавшем не по чину жениться на дочери кедра (4 Цар. 14:9).

В массиве Священного писания притчи Иисуса, эти развернутые картинки, истории приточно-символического характера, где исходные образы черпаются из рядовой окружной жизни, но за ними просвечивается высший, религиозный смысл, — на деле совершенно оригинальны.

Если машалы древних мудрецов вели внимательного и исполняющего урок слушателя к мирскому успеху, земному благополучию, то Христовы притчи — к стяжанию Царствия Небесного. Басенное нравоучение остается в кругу практической, разумной нормы, в

Христовой притче — мудрость сверхрациональная, «безумная», небесная. Но как оказалось возможным взятое из природы и быта соделать подобием духовных истин? Сам блестящий успех такой возможности — тоже своего рода притча, притча о соотношенности *земного* и *небесного*, о том, что дальнее в своих существах, стихиях, вещах свидетельствует по-своему о горнем, что сквозь материальные образы сквозят духовные смыслы. Природа мира и человека и сохранила на себе черты воплощенной в них Божественной идеи, и несет в своем послегрехопадном искажении знаки дисгармонии и губительного хаоса, и вместе таит проблески и предчувствия, чаяния и надежды на восстановление и преобразование. Видимое и ощущаемое творение в многообразии своих проявлений — живые письма этих духовных потенций и борений. Потому Иисус так естественно и изящно, так глубоко и пронзительно черпает из растилающейся перед Ним на Земле — куда ни кинь взор — огромной притчи смыслов окружающего мира природы, человеческой деятельности, людских отношений. При этом есть излюбленные Им, особо символически-значащие фрагменты этого мира: прозябание зерна, вскисание теста, труд земледельца, отношения отца и детей, хозяина и работников, пастуха и стада...

Проповедь Иисуса — изустна, из Пречистых уст в уши народа; чтобы зацепиться там, затронуть сердце и ум, залечь в памяти, быть переданной дальше без искажения, она нашла для себя самую результативную форму: сжатую, образную, занимательную, часто загадочную, будоражащую воображение (что бы это могло значить? — и память прокручивает услышанное вновь и вновь, запоминая все глубже). Как вы пошлете по цепочке слушателей, часто не одного, а нескольких поколений (чего требует устная традиция, пока она не записана), пространные метафизические или моральные рассуждения, если они не будут расчленены на яркие, поражающие афоризмы, образные изречения, выразительные притчи, небольшие аллегорические рассказы?

В свое время о царе Соломоне в подтверждение его необыкновенной мудрости говорили, что он «изрек три тысячи притч» (3 Цар. 4:32). Евангелия передают всего три десятка притч Христовых (именно притч, а не кратких изречений, как у Соломона), но эти три десятка на весах Божественного домостроительства многократно перевесят все толстые тома мудрецов Земли.

Притча о сеятеле не только открывает чреду притч о Царствии Небесном, но и сам новый жанр научения. Мы помним, что нравственное учение Христа в Нагорной проповеди или обнаружение тайн Своего Лица у св. Иоанна даются Им в прямой учительной речи, а вот весть о Царствии Небесном чаще всего принимает форму притчевого иносказания. Причем Иисус говорит притчами народу, а затем наедине с учениками объясняет смысл большинства из них. На вопрос учеников: «Для чего притчами говоришь им?» — Иисус ответил: «Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано... потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают» (Мф. 13:10,11,13), — и привел далее слова Господа, услышанные Исаией, об огрубелости, неразумии сердец, сомкнутости очей и глухоте сынов Израилевых к слову пророка (Ис. 6:9-10). «И таковыми многими притчами проповедал им слово, сколько они могли слышать» (Мк. 4:33), — иными словами, притча была той наилучшей формой, в какой Иисус считал возможным доносить «безумные» откровения о новом преобразенно-бессмертном строе бытия той массе *внешних*, непосвященных, в которых не могло еще *вместиться* более прямое знание.

Для первого откровения о самом пришествии на Землю Вестника Благой Вести Иисус естественно и точно избирает образ сеятеля и посеянного семени. Для начала речь идет о том, как сыны человеческие сумеют воспринять это небесное семя. Итак, «вот, вышел сеятель сеять» (Мф. 13:3) — наступил великий момент, когда Бог Сын сошел с небес, вошел в плоть человеческую и вышел к народу «сеять» Свое учение о Царствии на нивы их умов и душ. «И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где не много было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит» (Мф. 13:4-9). Что интересно? Этой притчей Иисус предрекает только четверть удачи сеятелю в его деле. Зная нынешнюю природу человека, Иисус иллюзий не питает: тотального успеха сразу не будет. Качество душ человеческих (учтите и общие условия послегрехопадного типа бытия, и дарованную твари свободу) — различ-

но, а Сеятель пришел сеять всюду, во все души, вот и попадает Его семя в различные условия («иное упало...», а не то, что Он Сам специально бросает при дороге и в терние, чего бы никогда не сделал любой землепашец). Речь идет об объективном состоянии почвы (душ): ну вот такая она (затоптанная, каменистая, заросшая тернием) у того или иного сына человеческого, а почему? — причин много, ниточка тянется далеко и глубоко: предки, родители, обстоятельства воспитания, физическая обделенность, падкость на грех, разные дарования, неудачи и невзгоды или, напротив, «счастливая» избранная включенность в сплошной праздник и негу.

Свт. Иоанн Златоуст, отвечая на возможные недоумения, почему так неблагоприятно, по сравнению с нормальным земным сеятелем, поступает Сеятель Небесный, тонко отмечает, что речь-то идет не буквально о дороге, каменистой или заросшей сорняками почве, которые не могут сами изменить своей природы («камню нельзя сделаться землею, и дороге не быть дорогой, и тернию не быть тернием»), а о «существах разумных», способных к перевороту, покаянию, духовному возрастанию, а в этом случае: «И камню можно измениться и стать плодородною землею; и дорога может быть не открытой для всякого проходящего и не попирааться ногами, а может сделаться тучною нивою; и терние может быть истреблено, и семена могут расти беспрепятственно. Если бы это было невозможно, то Христос и не сеял бы»¹. (Впрочем, Иисус тут никак не погрешает неточностью образного уподобления: ведь и утоптанную, и каменистую, и полную сорняков почву может преобразовать в годную и плодородную и простой земледелец, правда, вложив в это терпение и труд.)

Какие разные и точные варианты поражения Благой Вести в сердцах людей выделяет Христос! «Посеянное при дороге» и тут же поклеванное птицами, объясняет Он ученикам, означает «слушающего слово о Царствии и не разумеющего», к нему тут же «приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его» (Мф. 13:19). Это те изменные, рутинные, утрамбованные колесами грубо матери-

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 1. С. 467. Можно добавить, что само семя земное не может изменить состава той земли, куда оно попало, а небесное воздействует на саму «ниву», т. е. природу человека, побуждая ее к сознательному преобразению.

альных, эгоистических забот души, куда Слово залетает и отскакивает без всякого отклика и понимания и тут же уносится той противобожеской, противодуховной стихией, которая и стремится их вечно держать в таком состоянии. «Посеянное на каменистых местах» — того, кто «с радостью принимает» Благою Весть, «но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется» (Мф. 13:20,21). А вот, может быть, самая распространенная категория людей, та, что символизируется «посеянным в терние»: они слышат и понимают слово, но «заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода» (Лк. 8:14). Такой человек принимает и удерживает Весть о Царствии Небесном, обоженном порядке бытия лишь в «области ума» (свт. Иоанн Златоуст), а сердце его остается отданным суете и сластям века сего — из такой стерильной головной веры, оторванной от жизни, не может ни зачатся, ни созреть плод новой преображенной природы.

И наконец, четвертая, плодоносная часть: эти и *слушают* слово, и *разумеют*, и «хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк. 8:15), кто «во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» — по силам и талантам своим. И заметьте — все их сущностные силы: и вера, и ум, и сердце, и воля задействованы в этом духовном плодоношении. Наше дело, наша активность — приуготовить свою почву (свою душу) к приятию Вести о новом строе бытия, очистить ее покаянием, взрыхлить и удобрить нравственно-духовной дисциплиной, чтобы суметь выносить семя вечной жизни и дать его плод, т. е. реальное осуществление обетованной высшей природы.

«Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел» (Мф. 13:24-25). В изъяснении этой притчи — а его Иисус дает только Своим ученикам уже в доме, отпустив народ, — *поле* расшифровывается Им как мир, *Сеющий* доброе семя — как *Сын Человеческий*, а враг — как *дьявол*. Вначале сеется доброе, сатана лишь подсеивает плевелы, его работа вторична и разрушительна: заглушать это доброе, обессиливать его буйной пустотой, жирной никчемностью сорняка. Так и творение, в первоначале своем *доброкачественно*, а сатана, сам творить не способный, только пор-

тит уже сотворенное, вносит в него искажение, извращение, порчу. «Когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы. Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою» (Мф. 13:26-30). Домовладыка (Господь) не дает ретивым своим слугам тут же приступить к расправе над нечистым полем, к немедленному уничтожению сорняков. Он волнуется о каждом пшеничном побеге, что вскоре вырастет в колос, о каждом созданном им сыне человеческом (будущем сыне Царствия) и желает исторгнуть только пришедший с дьяволом грех, дурные качества. Ибо разве есть люди, сотворенные, посеянные сатаной? Повторим: враг рода человеческого — не творец, а только искажитель творения, всеивающий в него соблазны, грехи, злые качества и намерения.

И еще один тонкий момент, внушающий надежду: это приказ Хозяина дать созреть и пшенице, и плевелам. Пусть проявят себя и добро, и зло до конца, чтобы можно было исторгнуть последнее без ошибки, с полной уверенностью, что это зло, ведь сколько существует смешений того и другого, сколько смущений: добро ли это или зло, но — как всегда учил и продолжает в этой притче учить Иисус — дождитесь плодов и по ним судите! И если на стадии всходов и роста еще законны колебания: может, этот росток пшеница, а не сорняк, а этот, кажущийся сорняком, вдруг да вырастет в полноценный колос, то плоды дают картину недвусмысленную и окончательную. А свт. Григорий Палама видел и возможность подобных трансформаций: «Многие из нечестивых и грешников, живя вместе с живущими благочестиво и праведно, иногда со временем обращаются к покаянию и научаются благочестию и добродетели, и вместо плевелов становятся пшеницей; и таким образом случается, что в выборе плевелов вместе с ними выдернут и пшеницу, если они будут исторгаться Ангелами прежде, чем успеют покаяться. И с другой стороны, многие, будучи дурными, рождали детей или внуков доброго душевного устройства; посему Знающий все

прежде события не допустил прежде времени исторгнуть плевелы»¹. И свт. Иоанн Златоуст, который, правда, строит свое толкование этой притчи более исторически-локально (пшеница — верные, плевелы — еретики), пишет об ответе Хозяина слугам так: «Что же отвечает им господин? Запрещает, говоря: *да не когда восторгнете с ними купно пшеницу*. Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства. И еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной»².

Окончательный плод собирают жнецы (по толкованию Самого Христа — Ангелы) во время жатвы (в «кончине века»). Интересна при этом выраженная в притче последовательность эсхатологических операций: сначала собираются все плевелы и сжигаются, уничтожаются, не оставляя следа, т. е. окончательно исторгаются вредные, никчемные, греховные начала из человеческой природы, и потом, уже очищенная, освобожденная от них, собирается она в окончательный плод, в итог, в свершение, в житницу Господню, в Царствие Небесное.

Правда, в Своем раскрытии этой притчи Иисус под плевелами понимает «сынов лукавого» (Мф. 13:38) и не только соблазны, но и «делающих беззаконие» (Мф. 13:41): «И ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов. Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13:42-43). Такая же угроза разделения сынов человеческих после Суда звучит в завершающей из этих первых восьми притч о Царствии Небесном; «Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и севши, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 13:47-50). К описанию этого страшного адского места, «геенны огненной» (в Нагорной проповеди), «печи огненной» (как здесь), добавлялось еще насколько черт: «огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф. 25:41), «огонь неугасимый, где червь их не умирает, и огонь не угасает» (Мк. 9:43-44), «тьма внешняя» (Мф. 8:12; 22:13).

¹ Свт. Григорий Палама. Беседы в трех томах. Т. 2. М. 1994. С. 25.

² Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 483.

Как понимать эту угрозу, ту невыносимую картину, которую не раз, следуя букве пророчества, рисовало себе уstraшенное человеческое воображение, и грешника, и святого? «Кто вынесет кромешный и на веки беспросветный оный мрак, непрестанное и безутешное, вследствие весьма сильного плача, смятение, и скрежет и щелканье зубов? непрестанное и невыносимое страдание от жжения неугасающего огня? какой же оный огонь, который касается и тел, и душ, как находящихся в телах, так и сущих без тела, терзая их и вместе с тем удерживая их в бессмертии?.. Какое же великое прибавление к страданию заключается в том, что оно не предвидит освобождения? Что сказать о том, чтоб даже не видеть той бездны зла, в которую повержены, потому что тот огонь не светит?»¹ Через это рассуждение становится очевидным, почему идея просто бессмертия так амбивалентна в уме и чувстве людей. Да потому, что в вере, где эта идея более всего разрабатывалась, оно могло быть и *небесным*: жизнь преображенная, обоженная, вечная, и *адским*, кромешным, где не вымолишь — о, сколь там желанной! — смерти вечной, небытия, а длится нескончаемая вечность мучений неизбывного тела и души, вечность стога, плача и скрежета зубового. Конечно, адское, черное бессмертие — из мира каких-то невообразимых отрицательных величин; *жизнь*, и *жизнь вечная*, мыслима только в Боге и с Богом.

Но неужто такая жесткая раскладка будущих человеческих судеб, такое дуалистическое видение устройства бытия за чертой конца времен может хоть как-то соотноситься с бесконечным милосердием Небесного Отца, не желающего гибели ни единого, со всепобеждающей силой Божественного света? Неужели отвечает глубокому евангельскому духу та схема конечного и навечного уложения всего и всех, какую рисует Эрнест Ренан, суммируя, по его мнению, эсхатологическое учение Иисуса: «На этом суде люди будут разделены на две категории, по их делам. Исполнителями приговора будут ангелы. Избранные войдут в чудное царство, уготованное им от создания мира; там они, облеченные светом, возлягут за пиршество с Авраамом, патриархами и пророками. Но их будет малое число. Прочие же пойдут в *геенну*... Неудостоенные Царства будут здесь гореть, их будут поедать черви, и одну участь с ними разделят Сатана и его мятежные ангелы. Там

¹ Свт. Григорий Палама. Беседы в трех томах. Т. 2. С. 26.

будет плач и скрежет зубов. Царство Божие будет как замкнутый чертог, внутри сияющий, посреди этого мира мрака и мучений.

Этот новый порядок вещей будет вечным. Раю и геенне не будет конца. Их отделяет друг от друга непроходимая бездна»¹. Как ограничено здесь Царствие Небесное! Всего один чертог света посреди «мрака и мучений», на какой малой площадке в мироздании празднует победу Бог и верные Ему, а там, вовне — недостойные, грешные, дефектные, большинство сотворенных когда-то «по образу и подобию Божию»! Каким разрывом полюсов Света и тьмы держится этот будущий мир! Как может вместить человеческое сознание такое ужасное разрешение *на всю оставшуюся вечность* краткой жизненной драмы большинства несовершенных смертных, не говоря уже о тех лучших, чистых и достойных, как им принять наследство Царствия, зная, что их земные братья и сестры всю вечность их блаженства извиваются в невыразимых муках? Как принять и согласиться на такое, *как и когда?* Наверное, легче в эпохи особого нравственного падения человечества, массовых злодейств, поругания лучших, попирания всего святого — и тогда в душах чистых и благородных возможно такое ожесточение, такое отталкивание от большинства, такое презрение к человеку вообще и внутреннее мстительное принятие справедливости неумолимо разделительной финальной картины.

И еще: разве предположить, что творение и было затеяно для грандиозной выбраковки человеческих существ. Задано исходное громадное испытательно-игровое поле: сотворение человека, грехопадение, смертность, свобода, явление Иисуса Христа, Его слово (дано, какими надо стать!), что же выйдет из Предприятия с такими козявками, уже заранее понятно (раз таковы пророчества!): на высоте окажутся немногие, остальные — «козлища»... Правда, непонятно, зачем их вечность мучить? Ладно уж: уничтожить, сжечь, как мусор! Потому-то так рано явилась в христианской мысли идея апокатастасиса (Климент Александрийский, Ориген, свт. Григорий Нисский), развившая полноту восстанавливающих, жизнетворческих евангельских интенций: она открыла возможность и необходимость спасения и преображения всем сознатель-

¹ Э. Ренан. Жизнь Иисуса. М. 1991. С. 196-197.

ным, чувствующим существам, раскрыв представление об аде, геенне огненной не как об особом *месте*, а как о временном мучительном *состоянии* выжигания в себе греха, греховных качеств, искупительного самоочищения, предшествующего окончательно-мощному воссоединению всех в Царствии Небесном. Христовы угрозы плача и скрежета зубов во многом педагогического свойства — для несовершеннолетних еще, неразумных, испорченных существ — хоть так заставить их вздрогнуть и опамятоваться.

Но даже на пространстве этих первых притч о Царствии Небесном даны, по сути, два понимания конца, перехода к преображенному порядку бытия: разделительно-катастрофическое, ярко выраженное в толковании на притчу о плевелах и в притче о неводе с их эсхатологическими устрашениями (кстати, приведены они только у св. Матфея, ориентировавшего свое Евангелие прежде всего на иудеев, на их сознание) и, так сказать, органически-постепенное, *эволюционное*. Три притчи: о посевах и всходах, о горчичном зерне и о закваске — развивают как раз такое видение. И к ним нет, как в первом случае, дополнительной толковательной привязки, в которую, по самому своему заданию, легко просачиваются как раз *временные, злободневные*, педагогические соображения и резоны.

«Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он; ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе; когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (Мк. 4:26-29). Царствие Небесное уподобляется здесь процессу органического созревания плода (сначала прорастание в земле посеянного семени, потом первые всходы, рост их в целое растение, завязывание на нем колоса и наконец достижение полной зрелости зерна), процессу, идущему в скрытой от глаз, естественной природной лаборатории. Раскройте это иносказание: «Человек есть Бог, соделавшийся ради нас человеком» (блаж. Феофилакт Болгарский), брошенные им семена — Его Весть о Царствии Небесном, а далее Он предоставляет уже почве, природе, т. е. самим людям, истории дать вырасти и созреть началам Царствия Небесного в лоне земного человеческого бытия.

«И сказал: чему уподобим Царствие Божие? или какую притчею изобразим его? оно — как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит

и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные» (Мк. 4:30-32). И здесь зерно горчичное (как и семя пшеницы в предыдущей притче), столь малое по виду, но конденсирующее *в возможности* целое большое растение и распускающееся при соответствующих условиях в таковое, — образ Христова учения и образ, как считал свт. Иоанн Златоуст, а за ним и многие другие толкователи, «распространения проповеди». «Хотя ученики Его были всех бессильнее, всех униженнее, но так как сила, в них сокровенная, была велика, то она распростерлась по всей вселенной. Далее к этому образу Господь присовокупил еще подобие закваски»¹.

Послушаем сразу же и эту притчу: «Царство Небесное² подобно закваске, которую женщина взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Мф. 13:33). Очевидно, что обе притчи достаточно однородны, выражая двумя образами одну мысль — но только ли об учениках, распространивших Христово учение по всему миру и преобразивших его? Разве не чувствуется здесь более глубокий пласт значения, связанный все с той же идеей сущностного, онтологического вызревания Царствия Небесного в земном существовании: в первой притче, о горчичном зерне, со стороны больше видимого, внешнего роста, во второй, о закваске, со стороны внутренней благодатной силы, одушевляющей и движущей восходящее развитие мира? Тесто здесь — и человек, и мир, нынешняя их природа, закваска — принципы и начала новой бессмертной,

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 484.

² Русская религиозная мысль, видевшая путь к Царствию Небесному как процесс богочеловеческий, как соработничество и сотворчество Божественных и человеческих энергий в деле преобразования мира, опиралась как раз на эти евангельские притчи. В реферате «О причинах упадка средневекового мирозерцания» В. С. Соловьев писал: «Сущность истинного христианства есть перерождение человечества и мира в духе Христовом, превращение мирского царства в Царство Божие (которое не от мира сего). Это перерождение есть сложный и долгий процесс, — недаром оно в самом Евангелии сравнивается с ростом дерева, созревaniem жатвы, вскисанием теста и т. п.» (В. С. Соловьев. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М. 1989. С. 344). Эта же мысль близка Г. П. Федотову: «Есть и в Евангелии иные образы пришествия Царствия Божьего не катастрофического, а органического порядка. Зерно горчичное, вырастающее в дерево, которое покрывает всю вселенную. Закваска, квасящая все тесто. Поля, побелевшие для жатвы» (Г. П. Федотов. Эсхатология и культура // Новый град. Париж. 1938. № 13. С. 53).

обоженной жизни, которые претворяют, преобразуют эту природу не моментально, не в миг, а в процессе, и заметьте — вскисает все тесто, а не некие избранные, лучшие его кусочки.

Пять притч о сеятеле, о плевелах, о посеве и всходах, о горчичном зерне и закваске Иисус произносит перед народом (правда, успев в сторонке разъяснить смысл первой из них ученикам). Затем, «отпустив народ», Он вошел с учениками в дом, где наедине, по их просьбе, раскрыл суть притчи о плевелах и рассказал еще три притчи (завершающую о неводе мы уже рассмотрели).

Две остальные — о сокровище и жемчуге — составляют такую же близкую между собой по духу пару притч, как иносказания о горчичном зерне и закваске. «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое нашед человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашед одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13:44-45). В обеих утверждается несоизмеримая и несравнимая ни с чем здешним ценность Вести о Царствии Небесном: услышал ее, внял ей (нашел, как сокровище на поле или исключительную жемчужину) и оставь все, что превозносится в мире сем, — богатство, положение, бесчисленные мудрования всех мудрецов земли и вступи на путь обретения новой небесной родины, новой преображенной природы!

ШЕСТЬ ЧУДЕС ИИСУСА

28 г.

Мф. 8:23-34; 9:18-31.

Мк. 4:35-41; 5:1-43. Лк. 8:22-56

Мы уже знаем, насколько ритмично, в каком провиденциальном порядке чередуются два главных занятия Иисуса во время Его земного служения: Его благовествование, учение народа притчами и дела исцеления. Проповедь и дела Его — в неразрывной связи, взаимоосвещении, взаимоопорности. Так и на этот раз: после обличения клеветующих на Него иудеев, после раскрытия в серии притч некоторых «тайн Царствия Небес-

ного», все синоптики рассказывают о нескольких поразительных чудесах Иисуса, причем приводят их в единой последовательности.

Первое их них вводит новый, дотоле не бывший еще тип чудотворения. Св. Марк помещает его в вечер того знаменательного дня, когда Иисус долго учит народ притчами о Царствии Небесном. Он же и предлагает ученикам переправиться на другой берег озера, и вот прямо в ту лодку, из которой Иисус проповедовал, прыгают Его спутники. Все они в одну, конечно, поместиться не могли, посему св. Марк и добавляет: «С Ним были и другие лодки» (Мк. 4:36). Утомленный целым днем непрерывного научения, Иисус, склонив голову на деревянное сидение на корме лодки, засыпает. Когда лодка отплыла уже далеко от капернаумского берега, внезапно с гор налетает сильный ветер, как это нередко случалось в этих местах, и вот уже потемнел небосвод, бушуют волны, бьются о борты суденышка, перехлестывая за них и наполняя дно водой. Ученики — в тревоге, смятении, чуть ли не в панике — вот-вот перевернутся и пойдут ко дну, — а Он, их великий Ясновидец, в такую бедственную минуту ни о чем не подозревает и мирно спит. Тогда «Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?» (Мк. 4:38). Именно в интонации, переданной св. Марком, как часто у него, наиболее достоверно живой и резкой, проступают недоуменные и растерянные чувства учеников. «И встав Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина» (Мк. 4:39). Этот глагол «запретил» у всех евангелистов один, им же обозначается и то, что Иисус совершает с большими горячкой или одержимыми (запрещает самой болезни!). И к ветру, и к морю Он обращается как к одушевленным существам, способным внимать слову, слушаться приказа, конечно, если они исходят от Того, Кто умеет встать над природной причинно-следственной связью, внести в мир другую, духовную причинность.

У св. Марка и св. Луки Иисус сначала действует, являя чудесные результаты Своего божественного вмешательства, а потом уже укоряет учеников: «Что вы так боязливы?» (Мк. 4:40), «где вера ваша?» (Лк. 8:25). У св. Матфея, наоборот, Его укор: «Что вы так боязливы, маловерные?» (Мф. 8:26) — непосредственно предшествует утишению бури. Но реакция учеников на обнаружение Их Учителем такой сверхъестественной мощи отмечается одна: *удивление* и *страх великий*, и пораженное вопрошание: «Кто этот, что и ветры

и море повинуются Ему?» (Мф. 8:27). Значит, даже самые близкие к Нему люди, Его избранники, так еще и не опознали Его до конца и все еще ставят себе вопросы, пусть и подразумевающие исключительный ответ, но все же вопросы. Вместе с тем, как тонко отметил свт. Иоанн Златоуст, ученики Христа до сих пор от Него, в отличие от многих исцеленных увечных и больных, не получили «никакого благодеяния, и были беззаботны... и потому им надлежало собственным чувством испытать Его благодеяния»¹ — пройти сквозь смертный страх и обрести спасение, мир и покой в душах своих.

Если Христовым исцелениям и даже свершившемуся первому воскрешению сына вдовы можно было найти ветхозаветный прецедент (что так важно было для мышления иудеев), то этому чуду, т. е. утишению урагана и бури, не было там точной параллели. Зато было все же типологически близкое чудо, когда по молитве пророк Илия низвел дождь на землю Самарии (во избежание голода) и одновременно огонь на жертвенник языческих идолов для их посрамления и рассеяния (3 Цар. 18:30-46), да еще ранее, повинувшись Богу, по взмаху жезла Моисея, расступилось Черное море, пропуская израильтян, бегущих из плена египетского (Исх. 14:15-19); и Иисус Навин, по молитве к Господу, остановил на день движение солнца по небосклону, «доколе народ мстил врагам своим», народам земли Ханаанской (Нав. 10:12-14).

Это чудо Христа — уже не только ставшее привычным для Него целительство, а своеобразная регуляция природных стихий, покоряющихся духовной силе Богочеловека.

Не успел Иисус с учениками причалить к восточному берегу Генисаретского озера у городка Гергесы², как навстречу им вышел человек не человек, какое-то корежащееся существо, совершенно обнаженное, всклокоченное, грязное, с пеной на губах, всё в синяках и кровоподтеках. Это был знаменитый местный сумасшедший, живший в черных известковых пещерах, где обычно хоронили умерших. Он был известен диким, исступленным нравом («всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни» — Мк. 5:5) и необыкновенной силой: «Многokrатно был

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Т. 1. С. 314.

² У св. Матфея названа страна Гергесинская. У других евангелистов — Гадаринская: имеется в виду область, захватывающая окрестности Гадары, города на юго-восточном берегу Генисаретского озера, относившегося к Десятиградию.

он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его» (Мк. 5:4). Все боялись его свирепости и, как отмечает св. Матфей, «никто не смел проходить тем путем» (Мф. 8:28), где обретался этот бесноватый.

Евангелия передают неожиданный для такого одичавшего, безумного чудовища рефлекс его на появление Иисуса: одержимый подбегает к Нему, кланяется, падает перед Ним ниц и кричит истошным голосом: «Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня»¹ (Лк. 8:28). Ясное дело, кричит из глубин своей больной психики, голосом одержавших его бесов. Опять мы сталкиваемся с тем, что пока из всех на земле именно бесы первыми исповедуют Иисуса как Сына Божия, трепеща перед Ним, боясь Его власти над ними. Больше всего не хотят они идти в «бездну», покинуть те жилища, которые обрели они в телах и душах несчастных их жертв. Похоже на то, что нет для них ничего постылее, чем вернуться, так сказать, к своему *персональному* бытию, остаться в самих себе и самими собой, в тщете и никчемности существования, отпавшего от Бога. Когда они вселяются в свои жертвы, то само занятие мучить и корежить их, безобразно искажать в них лик Божий, подчинять себе вплоть до потери их личности и имени, хоть как-то занимает бесовскую силу, развлекает от ничтожества, черной пустоты ее природы. Такие удивительные тайны бытия злых духов слегка приоткрываются в поразительном диалоге Господа с нечистыми духами, когда те объявляют, что там их целый легион², и вопят в мольбе «чтобы не высылал их вон из страны той» (Мк. 5:10), а дал войти в стадо свиней³, что паслось тут рядом на поляне («а их было около двух тысяч» — Мк. 10:13).

¹ В Евангелии от Матфея несколько другой оттенок в стенании бесов: «Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» (Мф. 8:29). «Понимай так, что демоны думали, будто Христос, не терпя чрезмерной их злобы, не станет отлагать времени казнить их, чего, впрочем, не случилось, ибо им предоставлено враждовать на нас до кончины века» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Матфея. С. 90).

² Легионом у римлян назывался войсковой отряд в две-шесть тысяч человек.

³ В стране Гадаринской жили, главным образом, греки-язычники. Возможно, этим объясняется само наличие в этой сцене пасущегося стада свиней. Иудеи, как известно, считали их животными нечистыми, мясо их было строго запрещено к употреблению в пищу (Лев. 11:7-8, Втор. 14:8). Впрочем, это стадо могло принадлежать и иудеям — для продажи окрестным язычникам или римским солдатам.

Все знают эту знаменитую историю, хотя бы по эпиграфу к «Бесам» Достоевского: Иисус *разрешает* бесам, они входят в свиней, и те сразу же устремляются с крутого обрыва в воды озера и тонут. Как понимать это столь картинно-выразительное чудо? Поучительной притчей? — Живешь по-свински, в теплой, уютной чувственной грязи, бойся, что так и вселятся в тебя демоны и сбросят «с стремнин погибели в море сей жизни» (блаж. Феофилакт Болгарский).

Скорее же, именно на примере свиней, этого отвратительного для иудеев животного, кого они часто табуированно-опасливо-брезгливо называли «этот зверь», Иисус явил в показательно-чистом виде самоубийственный импульс, который овладевает теми, кто поддается власти слугителей «имущего державу Смерти». И глядится из этой картинки страшный случай массового, эпидемического заражения бесовским началом, тем, кому имя легион, в ком тысячи сатанинских извивов, извращений и соблазнов, — и те, кто падут его жертвой, воистину, обратятся в стадо обезумевших, не принадлежащих уже себе и своей природе, одержимых тварей, неумолимо влекущихся к пропасти, к погибели.

Но сколь дорого для пастухов (те убежали в ужасе с места события и поведали о случившемся) и для жителей близлежащих селений обернулся, по их простому земному счету, этот урок, эта впечатляющая живая притча: они лишились стада в две тысячи свиней! Зато страшилище сих мест вдруг превратилось в здорового и мирного их согражданина («сидит, и одет, и в здравом уме» — Мк. 5:15). И все это потрясло и устрашило всех. И хотя часто порицают жителей страны Гадаринской за то, что они умоляли Иисуса покинуть их (Тот кротко это и совершил), вместо того чтобы принять Его как Спасителя и уверовать, все же их реакция буквально повторила первое движение Симона при чудесной ловле рыбы, когда будущий апостол также, устрешенный и подавленный величием и мощью Иисуса, просил Его оставить простого грешного рыбака. Такой крайний и по-своему благочестивый ужас тоже, в конечном счете, работал на веру в сверхъестественные силы Христа, Его Божественную, несоизмеримую с грешно-человеческой природу.

И только исцеленный просил взять его с собой, но Иисус, вразрез с обычными своими предписаниями молчать о чуде, на этот раз, напротив, посылает очищенного рассказать домашним и близким, что сотворил с ним Господь «и как помиловал» (Мк. 5:19).

И этот человек, только совсем недавно скопище дьявольского беснования и злобы, ужас и гроза этих мест, отправляется как своего рода посланник Христов по городам и весям этой области: «И пошел и начал проповедывать в Десятиградии, что сотворил с ним Иисус. И все дивились» (Мк. 5:20).

Когда Иисус с учениками вернулся в Капернаум, на берегу Его уже ждало «множество народа» (часть его, начавшая было сопровождать лодку Спасителя в плавании к Гергесе, скорее всего, вернулась назад при приближении бури). Сюда же пришел и один из начальников синагоги (евангельская история сохранила его имя — Иаир), толпа расступилась, увидев всем известного, почтенного человека. Привело его сюда и бросило к ногам Христа горе отца, отчаяние за жизнь любимой двенадцатилетней дочери¹, и вот он «усильно просит Его, говоря: дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива» (Мк. 5:23). Иисус откликается немедленно и тут же отправляется в дом начальника синагоги, теснимый двинувшейся за ним толпой.

Но по дороге происходит еще одно примечательное событие. Среди напиравшего со всех сторон народа находилась женщина, страдавшая сильными кровотечениями уже двенадцать лет (кстати, столько, сколько было умирающей дочери Иаира). Все, что имела, она потратила на лечение, но «пришла еще в худшее состояние» (Мк. 5:26). Действует она не так, как обычно страдальцы: те обращаются к Иисусу прямо с просьбой об исцелении. Ведь ее болезнь считалась особенно постыдной, делая ее постоянно нечистой — и прикосаться-то к ней, по иудейским представлениям, было нельзя. И говорит она самой себе слова, полные веры: «Если хотя к одежде Его прикоснусь, то выздоровею» (Мк. 5:28). И только она незаметно это совершила, как «тотчас течение крови у ней остановилось» (Лк. 8:44). Иисус сразу же почувствовал это особое прикосновение — отзываясь на него, Его существо отдало Свою целительную энергию, вняв безмолвному и сокрытому, но интенсивнейшему движению веры и надежды. Св. Марк и св. Лука достаточно подробно передают этот, как бы вставной, эпизод. Иисус

¹ Его дочь подошла к тому возрасту, который признавался у иудеев совершеннолетним. Для девочки это было 12 лет и один день, для мальчика — на год больше.

спрашивает, кто же Его коснулся, никто не признается, а Петр даже с некоторым недоумением отвечает, как вообще в такой толпе можно выделить какое-то отдельное прикосновение, когда все касаются друг друга. «Но Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня» (Лк. 8:46). Это редкое признание Иисуса несколько приоткрывает *органику* Его чудотворения — что уже и было отмечено ранее. И тогда исцеленная женщина, до того стыдливо таившаяся, трепеща, на виду у всех, пала ниц перед Спасителем и созналась во всем: и в своей болезни, и в своем жесте. Но все смятение и страх женщины Иисус снимает ласковой, отеческой реакцией: «Ободришь, дочь! вера твоя спасла тебя; иди с миром» (Лк. 8:48).

Пока длилось это неожиданное замешательство в толпе, остановка ее движения, приходит сюда «некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя» (Лк. 8:49). Остановить болезнь, исцелить страждущего — это еще мыслилось в границах силы такого необыкновенного Человека, наделенного особыми способностями и умениями, как знаменитый Учитель и Исцелитель, но смерть, казалось, пролагала уже такой резкий, окончательный ров, который перепрыгнуть не мог никто. Нетрудно представить себе чувства и состояние отца при этом известии, но Иисус тихо и властно ободряет его, лишь призывая к еще большей мобилизации его веры: «Не бойся, только веруй, и спасена будет» (Лк. 8:50). Это «только веруй» — важнейшая составляющая всех чудес: и исцелений, и того, уже вовсе за-предельного, чего потребует этот случай.

Подошли к дому начальника синагоги — и всем стало ясно, что самое печальное действительно свершилось: он был уже погружен в смертную печаль («все плакали и рыдали о ней» — Лк. 8:52), играли траурные свирельщики, раздавались вопли профессиональных плакальщиц. Иисус тут же решительно призвал оставить эту, и искреннюю, и ритуальную, покупную, скорбь и «сказал им: выйдите вон; ибо не умерла девица, но спит» (Мф. 9:24). Все евангелисты отмечают один ответ на такие Его слова: «И смеялись над Ним». Тогда действия Иисуса принимают непререкаемо-властный оборот: «выслав всех вон» (Лк. 8:54), Христос берет с Собой лишь отца и мать девочки и троих ближайших учеников — Петра, Иоанна и Иакова и входит в комнату, где лежала покойная.

«И взяв девицу за руку, говорит ей: “талифа́-ку́ми”», что значит: «Девица, тебе говорю, встань» (Мк. 5:41). Св. Лука заносит самую суть воскресительного действия: «И возвратился дух ее» (Лк. 8:55), а дальше уже воссоединенное духовно-душевно-телесное единство этой двенадцатилетней девочки, т. е. вся она сама, прежняя и дорогая близким ее, «тотчас встала и начала ходить» (Мк. 5:42). А Иисус «велел дать ей есть» (Лк. 8:55), удостоверить — в самом естественно необходимом — ее возвращенную *нормальность*, да и просто подкрепить ее земные, физические силы. О «великом изумлении» (Мк. 5:42) присутствующих нечего и говорить, и хотя Иисус, как всегда, «строго приказал им, чтобы никто об этом не знал» (Мк. 5:43), св. Матфей отмечает всегдашний результат: «И разнесся слух о сем по всей земле той» (Мф. 9:26).

Св. Матфей, единственный из евангелистов, сразу же за этим помещает еще два исцеления, доведя тут концентрацию Христова чудотворения до высшего градуса: сначала двух слепых, что шли за Ним, когда Он возвращался из дома воскрешенной девицы и «кричали: помилуй нас, Иисус, Сын Давидов!» (Мф. 9:27), так возвещающая свою веру в Него как в Мессию. И уже придя к Себе в дом, когда слепцы, так и не отстав от Него, подтвердили свою веру в Его целительное могущество, Он дает им то, что они так горячо просят («Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их» — Мф. 9:29-30), восполнив чувственно-телесным зрением то, что у них уже было: еще редкое среди окружающих Иисуса духовное зрение, опознание Его мессианской личности и дела. И опять — запрещение разглашать и неисполнение его исцеленными. И тут же, когда выходили прозревшие, Спаситель еще и изгнал беса из немого бесноватого, и тот исцелился от душевной болезни и «стал говорить» (Мф. 9:33). И опять дан тот же контрастный параллелизм двух реакций: народа, *изумленной, пораженной* («никогда не бывало такого явления в Израиле» — Мф. 9:33), и фарисеев, книжников, начальников, упорствующих в кощунстве, о котором уже шла речь: «Он изгоняет бесов силою князя бесовского» (Мф. 9:34).

Вслед за этим Иисус покидает Капернаум и отправляется «по всем городам и селениям» Галилеи, занимаясь двумя главными вещами, о которых не устают повторять Евангелия: проповедью Царствия Небесного и исцелением болезней и «всякой немощи в

людях» (Мф. 9:35). В этом Своем очередном путешествии Он снова зашел в «Свое отечество», и так же как в первый раз, пришел Он в субботу в синагогу и там учил. И хотя за Ним уже стояла усилившаяся за это время молва о необыкновенных Его делах, и изумление назаретян на этот раз было еще бóльшим: «Откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его?» (Мк. 6:2) — все же перебороть сомнения в Том, Кого они знали с детства, Мать, братья и сестры Которого продолжали жить среди них, они никак не могли, вновь подтвердив удивительную психологическую истину, тут же высказанную им Иисусом: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13:57). И вновь выясняется, насколько чудотворение — процесс обоюдный, требующий своего рода *сотворчества* со стороны страждущего: его горячей верой, желанием избавиться от недуга. «И не совершил там многих чудес по неверию их» (Мф. 13:58), — коротко удостоверяет св. Матфей, а св. Марк более развернуто подтверждает: «И не мог совершить там никакого чуда; только, на немногих больных возложив руки, исцелил их» (Мк. 6:5).

Но не так было во всех остальных местах Его служения. Непрерывный поток чудес, текущий из Его рук, подтверждает уже сложившееся впечатление: чудотворение — не случайный и эпизодический, а нормально присущий Христу тип действия в мире, утверждающий возможность особой сознательно-духовной причинности, способной покорять себе стихии, обезвреживать начала болезни, побеждать самую смерть. В своих единичных, избранных манифестациях Христовы чудеса тем не менее охватывают все стороны власти духа над стихийным, болезнетворным, смертоносным естеством, являя образец, своего рода предварение возможностей облагодатствованной, вставшей на путь обожения человеческой природы. О том, что по самому глубокому своему смыслу они как бы *заданы* человечеству, уже было сказано ранее. Божественный завет первоначальному человеку, первому Адаму об обладании землей в Христовой перспективе искупления рода людского и ввода его в новый порядок бытия — Царствие Небесное — расширяется до грандиозного космоургического призвания: одухотворения и преображения природы мира и самого венца творения.

ОТПРАВЛЕНИЕ АПОСТОЛОВ НА ПРОПОВЕДЬ

28 г.

Мф 9:35-38; 10:1,5-42.

Мк. 6:7-13. Лк. 9:1-6

ходя Галилею, Иисус все время окружен великим множеством народа, и оно все растет. Ищут утolenия и утишения телесных страданий и душевных недугов, ждут слова надежды и избавления. Несчастье, страдание, растерянность, отчаяние переполняют мир людей — как их вычерпать отдельными благодеяниями? Как озарить всех Благой Вестью о новом Царствии? «Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало» (Мф. 9:36-37).

И вот этих первых делателей, Своих двенадцать апостолов, Иисус решает отправить в мир и дает им на дорогу подробные наставления. Как удивительно выразился св. отец: «Далее послал их (для того), чтобы проповедывали истину, совершали чудеса и терпели бедствия и таким образом знали бы, что Он отобразился в них, как бы в (Своем) отпечатке»¹.

Апостолы призваны размножить Христову деятельность: это и возвешение нового Божественного строя бытия («ходя же проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное» — Мф. 10:7), и знамения невиданной обетованной мощи сыновей этого Царствия. Иисус благодатно наделяет апостолов теми сверхъестественными возможностями, какими владеет Сам: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте» (Мф. 10:8). И действительно, как отмечают св. Марк и св. Лука, апостолы и осуществили эти два направления Христовой деятельности: «Они пошли и проповедывали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали елеем и исцеляли» (Мк. 6:12-13). «Они пошли и проходили по селениям, благовествуя и исцеляя повсюду» (Лк. 9:6).

¹ Св. Ефрем Сирийский. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 119.

Благая Весть должна быть проповедана всей Палестине, *примут, отвергнут* — это уже касается самих иудеев, это их вопрос и судьба, но начать полагается с народа, избранного в свое время волею Божией как *Ego* народ, и заповедует Иисус апостолам не ходить ни к самарянам, ни к язычникам, а прежде и более всего «к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10:6).

Посылая на первое самостоятельное служение Своих избранных учеников, Иисус действует как мудрый и щадящий Наставник, не перегружая их неиспытанные еще плечи непосильным бременем: не посылает туда, где Сам постоянно проповедует, ни в синагоги, где неизбежно столкновение с изощренной ученой казуистикой книжников и фарисеев, ни в эмоционально взрывные, колеблющиеся стихии народных толп. Предназначает им четко очерченное, ограниченное поприще: *дом и семья*. Апостольское дело научения поначалу, можно сказать, домашне-частное: им предстоит обходить города и селения, неся к домашнему очагу, к первичному родственному объединению людей слово Благой Вести, призыв к покаянию и вере в Иисуса Христа.

И отправляет Иисус апостолов по двое — для поддержки и взаимопомощи. Да и для утешения беседой в пути по галилейским дорогам. Учит — узнать, кто человек достойный в том или ином селении и попроситься на постой в его дом и оставаться там до конца пребывания. «А входя в дом, приветствуйте его, говоря: “мир дому сему”» (Мф. 10:12). Это, казалось бы, обычное восточное приветствие Христос (через уста Своих учеников) напояет особой Божественной благодатью умиротворения: Он и Сам приходит на Землю, и посылает учеников в мир также и для утишения злых и яростных, *неродственных*, самостных страстей, явно и тайно раздирающих все человеческие сообщества, начиная с первой их ячейки — семьи. А ежели не примет какой город или дом благовестников Христовых, то рекомендует Иисус сильное, показательное, символическое действие, существовавшее в восточном обычае: отрясти прах этого места с ног своих, так чтобы ни пылинки отсюда ни прилипло к стопам — в знамение разрыва и проклятия: «Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» (Мф. 10:15).

Чем же апостолы смогут покорять себе людей, привлекать к учению? Тем чудотворением, что они «даром получили» от Бого-

человека и даром же должны отдавать страждущим. Апостолы — в постоянной подпитывающей связи с Учителем, от Него в них входит духоносная сила, которая далее изливается на людей. Это был тот исключительный момент в истории, когда Бог во плоти был рядом и Его дары ученикам были воистину безмерны: простых и неученых возвел фактически в Свои образ и подобие. Последующие христианские миссионеры-подвижники уже не будут способны в полной мере повторять то, что умели первые апостолы: творить столько чудес исцеления и даже воскрешать умерших. Но навсегда останется у них дар очищать и воздымать души, утолять страдание, отгонять духов злобы и нечистоты.

Такое служение требует и особых качеств от избранников Христовых: тщательно исполняемого обета бескорыстия и нестяжания, добровольной бедности («не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы в дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха»¹ — Мф. 10:9-10). Уж кому-кому, как не им, исполнять заветы Нагорной проповеди: отбросить всякое излишнее попечение о материальном и преходящем, держа внутренний курс на другие, нетленные, небесные сокровища. И тогда покидает душу суета и горячка, устанавливается в ней блаженная безмятежность, упование на Божью помощь, что обязательно подастся через тех же благодарных людей («Ибо трудящийся достоин пропитания» — Мф. 10:10). И главное, что надобно им пестовать в сердце своем, выходя к людям, что, пожалуй, труднее всего для «рожденных

¹ Это приказание у св. Матфея не брать с собой посоха, казалось бы, приходило в противоречие с тем, что передано у св. Марка: «И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе» (Мк. 6:8). Выйти из этой несогласованности может помочь одно языковое обстоятельство. *Посох* по-гречески передается словом «равдон», хотя оно обозначает две модификации этого предмета, различающиеся в арамейском языке: *матах*, он может использоваться для нанесения ударов, т. е. служить орудием защиты или нападения (он-то и запрещается Иисусом), и *матан*, простой дорожный посох (его, по Марку, Иисус разрешает брать ученикам). У Матфея сказано «ни обуви», у Марка — «обуваться в простую обувь»; толкователи сходятся на том, что Иисус разрешает лишь бедняцкую обувь — простые сандалии. Есть и более глубокий, символический пласт Христова повеления ученикам не брать с собой ни посоха, ни обуви, ни пояса для денег. Дело в том, что раввинам было запрещено входить в храм с этими предметами (исключение делалось как раз для сандалий). Таким образом, Иисус посылал учеников Своих в мир как в храм, обширный, не отгороженный стенами от мира, храм их деятельной религиозной проповеди.

женами», — полную открытость людям, неизбываемое и неколебимое добро и благожелательность, постоянное *благотворение*.

«Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» (Мф. 10:16). Какое почти невозможное в земном нынешнем человеке сочетание качеств желает видеть Иисус в Своих учениках: великого ума, не боящегося тягаться по силе, остроте, изощренности с самим древним змием, и великой детской простоты сердца! Впечатляющим образом («овцы среди волков») Христос выявляет уже различную, разошедшуюся природу Его учеников и большинства людей (в данном случае иудеев). Первые уже встали на путь стяжания нового небесного естества, стремящегося превозмочь земную страстно-убийственную природу, совлечь ветхую индивидуальность (они уже начинают исполнять, казалось бы, неподъемные Христовы требования: «И отвергнись себя», и возненавидь «душу свою в мире этом» — Ин. 12:25). А вторые — еще целиком погрязли в этом мире, в его законе вытеснения, пожирания и борьбы. Так и предстает довольно жуткая картина: немногие кроткие агнцы идут навстречу целой стае волков, а те лязгают зубами, привычными рвать и поглощать свою жертву. А жертва выступает с призывом отказаться от пожирания, изменить свою волчью натуру — образ, выявляющий всю сверхчеловеческую трудность радикально христианской задачи.

Христовы наставления ученикам обнимают времена и сроки, далеко выходящие за конкретный отрезок евангельской истории. Он пророчествует о будущих мученических путях христианского исповедничества: верных Ему будут и преследовать, и «отдавать в судилища», и бить, и издеваться над ними, и убивать, и главное, извращать до наоборот, кощунственно клеветать на самый Дух, который ими движет. «Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?» (Мф. 10:25) — так, вспоминая о недавнем нанесенном Ему самом страшном оскорблении, Иисус нераздельно связывает судьбу Свою и учеников, и грядущих последователей. «И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10:22). Иисус учит такому поведению, такой установке на людей и мир, какие выбрал Сам, каким наставлял в Нагорной проповеди: кротости, уклонению от прямого столкновения с недругами, от фиксации на Себе окружной ненависти, неуклонному стремлению не разжигать ее, а обезоружи-

вать милосердием и любовью. Самоотвержение, пожертвование собой (недаром, и учеников Он уподобляет овнам, Его образу закланной искупительной жертвы) — новый закон христианского бытия в той новой эре, что ведет к Царствию Небесному.

На все земные времена стремится Иисус ободрить тех, кто пойдет за Ним, влить в них внутренний покой и уверенность, утвердить в непоколебимом стоянии в вере и надежде, в дерзновении и юродстве проповеди, несмотря ни на какие испытания: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как и что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10:19-20); гонят из одного места — уходите в другое и то, что «на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Мф. 10:27). «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28). Что значит преходящая телесная мука и мгновенная смерть на весах вечной жизни, перед лицом Божьего Промысла, ведающего всякое шевеление Своей твари, от самой малой и ничтожной до великой и достойной: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; У вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Мф. 10:29-31).

И выстраивается такая восходящая лестница исповедания от Земли к Небу через посредничество веры во Христа Иисуса: «Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным» (Мф. 10:32-33). Получая в Своем человеческом воплощении духовную благодать на Свои дела от Отца, Иисус в свою очередь озаряет Духом Божиим учеников Своих, являясь сообщительным каналом между Небом и Землей. И таким образом идет восходящий ряд веры: «Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Мф. 10:40).

Но разве так легко будет миру сему идти за Христом? Многие ли окажутся на высоте призыва: следовать за Ним, не оглядываясь на покинутые ценности, на самые близкие, родственные привязанности, взяв на себя «крест свой»? «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10:39) — кто окажется способен на такую силу отторжения от самого себя,

от своего страстно-самостного существа, от своей души до ненависти к ней как самодостаточной для смертно-природной лишь жизни? Никто так трезво, как Сам Христос, не понимает, насколько такому Слову трудно будет вместиться в человека, ведь оно гнет, корежит, разрывает и взрывает самое его природу. И когда это слово будет широко брошено в мир, оно не сможет не привести к смущению, разделению людей, вплоть до самых близких, связанных кровными узами, к духовной, а то и вполне физической брани. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10:34-35). Какие неожиданно твердые и даже жесткие слова звучат в устах Того, Кто сошел умиротворить мир и вывести его в свет преображения. Но ведь это лишь объективная констатация будущего положения вещей, будущей реакции самих людей на Весть о Царствии Небесном, неприродном, божественно-бессмертном строе бытия.

ЧЕСТНАЯ КОНЧИНА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ 29 г.?

Мф. 14:1-12. Мк. 6:14-29.

Лк. 9:7-9

Расставшись с избранными учениками, Иисус с оставшимися продолжал Свое служение. Между тем слух о необыкновенных Его делах дошел и до Ирода Антипы, сына Ирода Великого, от кого он получил во владение четвертую часть Иудеи, а именно Галилею и Перею, а потому назывался четвертовластником. «Это Иоанн, которого я обезглавил; он воскрес из мертвых» (Мк. 6:16), — тут же шепнула царю его преступная совесть и тревожное воображение. «И искал увидеть Его» (Лк. 9:9).

В такой рамке евангелисты Матфей и Марк уже ретроспективно представляют рассказ об одном из самых гнусных преступлений Земли, об «убийстве, все убийства злодеянием превосходящем» (свт. Иоанн Златоуст). Мы узнаем, что Ирод Антипа «заключил... в темницу» Иоанна «за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что женился на ней. Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе

иметь жену брата твоего» (Мк. 6:17-18). Таким образом, Иоанн Креститель претерпевает свои *страсти* собственно не за проповедуемое им покаяние в виду приблизившегося Царствия Небесного, не за свою крестительную деятельность, а, как многие ветхозаветные пророки, за обличение нравов, моральное порицание сильных мира сего.

Некоторые детали этой громкой и бесславной истории оставил потомкам Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях» (см. кн. 18, гл. 5), другие даны в самих Евангелиях. Ирод Антипа вначале был женат на дочери Ареты, эмира воинственных аравийских племен; этот брак позволил заключить с ними мирный союз. Но Антипа страстно увлекся молодой и чувственно красивой Иродиадой, женой своего родного брата Филиппа, лишённого наследства и ведшего частную жизнь в Риме. Его чувства получили отклик честолюбивой и властолюбивой женщины, неудовлетворенной ничтожеством своего семейного существования со слабохарактерным законным мужем. Кстати, Иродиада была связана кровными узами с обоими братьями: она приходилась им племянницей, будучи дочерью Аристовула, сына Ирода Великого от Мариамны из дома Маккавеев, в то время как и Филипп, и Антипа были сыновьями Ирода Великого от другой его жены, тоже Мариамны, дочери первосвященника Симона.

На связи Антипы с Иродиадой лежало клеймо двойного преступления Моисеева закона: была взята жена от живого мужа, и совершилось кровосмешение — речь ведь шла о супруге живого родного брата. Тем не менее Антипа провозгласил Иродиаду своей женой и устроился с ней в пышном дворце своей недавно выстроенной столицы — Тивериады. Однако отец его законной жены, бежавшей из Галилеи, вскоре собрал войско и объявил войну своему бывшему зятю в отместку за поругание дочери. Боевые действия начались на границе в Перее — туда в свой южный форпост Махерон¹, где и был заключен Иоанн Креститель, прибыл Ирод Антипа

¹ Среди песчаного плоскогорья, неподалеку на восток от Мертвого моря высилась эта крепость, обнесенная высокими крепостными стенами, защищенная природными рвами и скалами. По своей укреплённости она считалась второй после Иерусалима и служила главным военным оплотом против кочевых арабских племен. Общий колорит места был грозен и суров, и даже несколько зловещ: недаром его называли то Черной крепостью, то Печью (вокруг дымились бьющие из черного асфальта горячие ключи).

со своим двором, разместившись в большом и красивом дворце-замке, построенном посреди крепости. Так Ирод с Иродиадой и ее дочерью от брака с Филиппом — Саломеей — оказались в непосредственной близости от своего пленника. Как отмечает св. Марк, «Иродиада же, злобясь на него, желала убить его; но не могла. Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» (Мк. 6:19-20). Заключенных тогда содержали довольно свободно¹: к Иоанну допускали учеников, да и сам Ирод не раз призывал его к себе для беседы. Сколько со стороны тетрарха было тут искреннего интереса, сколько хитрости (ведь имел же Ирод прозвище «Лисица») — возможны различные мнения. Скорее всего, было и то и другое: и невольное уважение к великому подвижнику, и вместе затаенная злоба, и желание радикально избавиться от своего обличителя («И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка» — Мф. 14:5). Свт. Иоанн Златоуст психологически проницательно заметил по его поводу: «Душа, не управляемая разумом, часто вмещает в себе смесь противоположных страстей»².

И вот «настал удобный день, когда Ирод, по случаю дня рождения своего, делал пир вельможам своим, тысяченачальникам и старейшинам Галилейским» (Мк. 6:21). Иудеи обычно не праздновали своего дня рождения, но Ирод Антипа, во всем подражавший римлянам, призвал знать со всей своей вотчины и устроил пышное празднество в лучших традициях своих политических хозяев — с музыкантами, певцами, танцовщицами. (Пиры знатных римлян, в свою очередь подражавших грекам, увенчивались, как правило, драматическими или танцевальными постановками.) Кстати, на Востоке, в Палестине, на пирах могли плясать только рабыни. И то, что дочь Иродиады «вошла³, плясала и угодила

¹ В то время, как и до того, на Востоке не существовало еще специально оборудованных мест для содержания преступников, т. е. собственно тюрем. Их держали то ли при судейских домах, то ли, как в данном случае, в крепостях, дворцах, где они охранялись стражниками.

² Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 497.

³ Дело в том, что восточный пир делился на две половины: мужскую и женскую. Женщинам не разрешалось ни возлежать вместе с мужчинами за столом, ни даже являться к ним. Так что знатные галилейские дамы должны были с Иродиадой пировать на другой половине дворца. Потому и сказано о Саломее: «вошла».

Ироду и возлежавшим с ним» (Мк. 6:22), было уже нарушением обычая и приличий. Ее танец, очевидно, не только не уступил в грации и зажигающей чувственности мимическим номерам гибких, сладострастных профессиональных танцовщиц, а даже и превзошел их, раз восхищенный Ирод Антипа поддался мгновенному желанию театрально-эффектно поиграть в щедрого древнего властелина: «Проси у меня, чего хочешь, и дам тебе. И клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства» (Мк. 6:22-23).

В своем рассказе св. Марк выстраивает серию точных, многоговорящих деталей: Саломея выходит из зала, спрашивает у матери своей, чего ей просить, и получив ответ: «Головы Иоанна Крестителя», *«тотчас»*, *«с поспешностью»* возвращается к царю и формулирует свою просьбу так: «Хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя» (Мк. 6:24,25). Откуда взялось это *блюдо*, мать ей, вроде, такого не нашептывала, что это за дьявольская фантазия юной девы? Не зря же церковное песнопение как только ни обличает ее: и «скверной плясавицей», и «ученицей вселукавого дьявола». Дочь не просто исполняет материнское повеление, являясь послушным орудием ее мести, но сливается с ней в злодейски-патологическом желании, преступном исступлении. Как выразительно сгустил характер сцены свт. Иоанн Златоуст: «В самом деле, что может быть хуже такого зверства — просить в знак благодарности убийства, просить убийства незаконного, просить убийства среди пиршества, просить убийства бесстыдно и при народе?»¹

Такая циничная ярость, исходившая от столь юного и прелестного существа, смутила даже Ирода: «И опечалился царь; но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей. И послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей» (Мф. 14:9-11). По преданию, приведенному блаж. Иеронимом, та, взяв блюдо с главой Крестителя, собственноручно проткнула и исколола иголками его язык: вот кто не давал покоя ее прелюбодейной, бесстыдной жизни! Глава великого пустычника и девственника, преподнесенная на пиршественном блюде, с истекавшей из нее кровью, как будто

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 500.

подается в какую-то сатанинскую «снедь»¹ женской злобной извращенности.

То, чем Иродиада и Саломея могли так успешно привлечь и искусить и обычные, и растленные сердца, было абсолютно бессильно перед целомудренным духом Иоанна Крестителя. Известно, с каким особым сладострастием влечется порок совратить и окунуть в грязь чистоту и добродетель. И его бессилие в этом (как в случае с Иоанном) высекает невиданную ярость и утонченность в злодейском поношении того, кто оказывается для него абсолютно неуязвимым.

Кстати, какие две полярные женские ипостаси активизировались вокруг Иисуса и в трагическом финале Предтечи! В замке Махерон сгустилась темно-сладострастная, демоническая сущность, сплетающая в своих корнях эротическую страсть с жестокостью и убийством (та, что мифологически идет от Лилит, а позднее выразилась в образах Клеопатры или царицы Тамары)². В поле же божественного милосердия Христа, той надежды на радикальное претворение земного естества, что обещает Его Благая Весть, сходит и опадает самая застарелая греховная короста, очищаются души и блудниц, пробуждаются родники вечно-женственного, преображенной, оцеломудренной женской природы. Сам Христос — неизмеримо выше всякой земной святости и аскетизма (а они, как мы видим, могут особенно злобно-извращенно распалить страстно-порочную, падшую женскую природу); Он несет с Собой такой, поистине Божественный, уровень преображенного Эроса, который сулит новая небесная природа («Блаженны...»), что он побеждает в женщине и Еву, и Лилит и рождает в ней жену-мироносицу³.

¹ В этом блюде с усекновенной честной главой Предтечи можно усмотреть и некий вывернутый (поскольку жертвенно-мученический, а не добровольно-Божественный) «евхаристический» момент. Во всяком случае знаменательно изображение Предтечи (с Христом и Богородицею) на св. потире.

² Не случайно пристрастие к образам Саломеи и Иродиады в литературе и живописи декаданса и модерна, читавших в них как раз эту эротически-смертоубийственную, сладострастно-демоническую стихию.

³ Поразительное воздействие одного взгляда Иисуса, до глубины озаряющего грешную женскую душу, ее моментальное сокрушение и как бы пресуществление самой ее природы удивительно явлено в поэме А. К. Толстого «Грешница».

И в своей мученической, насильственной и «позорной» смерти Иоанн — Предтеча страстей Христовых, Его поношения и крестной казни. Кстати, как ученики Иоанна сумели забрать тело Учителя и тайно захоронить его (по преданию, Иродиада приказала выбросить его в ров на растерзание псам), так и позднее скрытые ученики Иисуса Иосиф Аримафейский и Никодим упростили отдать им тело распятого Спасителя, чтобы захоронить его в пещере. По церковному и святоотеческому представлению, Иоанн был отправлен во ад приуготовить и там сошествие в него Христа перед воскресением. И то, что могло показаться свидетелям этого дикого преступления последним, бесславным поприемом Иоанна, трагедией народного пророка, стало в провиденциальном священном сюжете — великим его прославлением. Честное усекновение мечом главы Предтечи, открывающее его загробную миссию, особенно почитается Церковью, глубоко символически осмысливается в иконографии. Именно литургика и иконопись разработали основные догматические черты и метафизическую суть образа Предтечи. В иконе он представлен с ангельскими крыльями — намек на какую-то особенную его природу, не богочеловеческую, как у Иисуса, а, возможно, ангелочеловеческую на земле, а затем и ангельскую¹ на небе, что в какой-то мере подтверждается такой необычной деталью: очень часто на иконах Иоанн сам держит в левой руке блюдо с собственной головой, благословляя ее другой своей рукой. *Голова*, вместилище духовной сущности, от которой было отъято тело, т. е. то, что составляет характерную бытийственную принадлежность именно человека, — вот в какой-то мере *идея* его природы.

Деисус являет Иоанна Предтечу вместе с Богородицей в молитвенном предстоянии Спасителю, а в иконах Страшного Суда он, избегший судной участи всех рожденных и смертных, с Ней же молит Христа о помиловании грешников. Сколь сурово-обличителен был Креститель на земле, столь же мягок и понимающ на небесах, разделяя там просительную, умиловляющую роль Богородицы.

¹ В своей книге «Друг жениха. О православном почитании Предтечи» С. Н. Булгаков отмечал, что именно человек, как обладающий бытийственно срединной, более полной, чем ангел, природой, мог «соделаться» в ангела, а не наоборот.

НАСЫЩЕНИЕ 5000 ЧЕЛОВЕК И ХОЖДЕНИЕ ПО МОРЮ Галилейское озеро. Северо-восточный берег 29 г.

Мф. 14:13-36. Мк. 6:30-56.

Лк. 9:10-17. Ин. 6:1-21

Если собрать воедино свидетельства всех четырех Евангелий, то картина получится такая. Умерщвлен Иоанн Креститель, ученики погребли его тело и тут же возвестили о происшедшем Иисусу (Мф. 14:12) — свидетельство того, что их сомнения в отношении Него уже рассеялись и они после смерти Иоанна в большинстве своем перешли в стан учеников Иисуса. В это время возвращаются с проповеди апостолы и рассказывают о своих делах (Мк. 6:30; Лк. 9:10). Ирод, прослышав о галилейском проповеднике и чудотворце, боится, что это воскресший Иоанн (Мф. 14:2; Мк. 6:16) и ищет возможности встретиться с Ним (Лк. 9:9). Дело происходит накануне Пасхи (Ин. 6:4), третьей Пасхи после крещения Иисуса и выхода на служение. Ни слова проклятия убийцам, все внутри, потребность удалиться в пустынное место — такова фиксируемая евангелистами внешняя реакция Иисуса на известие о казни Предтечи (грозного предвестия Его собственного скорого мученичества) и о желании Ирода призвать Его к себе. Иисус с учениками берут лодку и удаляются в «пустое место, близ города, называемого Вифсаидою» (Лк. 9:10), точнее Вифсаидой-Юлией, т. е. на северо-восточный берег Галилейского озера, в область Северного Заиорданья, где правил тетрарх Филипп, тоже брат Ирода Антипы, но от другой матери. (Кстати, Филипп был единственным из проклятого семейства Иродов, кто сумел своим кротким характером и долгим мирным царством снискать себе добрую память подданных. Он же перестроил и Вифсаиду, назвав ее в честь знаменитой дочери императора Августа Юлией.) То есть по версии св. Луки (он единственный из синоптиков указывает название города) Иисус удалился за пределы владений Ирода Антипы, в чем был очевидный смысл¹. Этим

¹ Однако св. Иоанн указывает другое место — окрестности Тивериады», т. е., напротив, непосредственное соседство со столицей Ирода Антипы, где он сам мог в это время находиться.

«пустынным местом» была небольшая окаймленная холмами зеленая долина к югу от Вифсаиды-Юлии.

Но желанного уединения у Иисуса с учениками не получилось, народ, увидев их отправление, «пошел за Ним из города пешком» (Мф. 14:13): из какого точно — не известно, во всяком случае из того приозерного поселка, где застала Спасителя весть о казни Предтечи. Народу было очень много, пришло время собирать караваны для похода в Иерусалим на празднование Пасхи, и вся эта толпа последовала посуху, по берегу в то пустынное место, где хотел укрыться Иисус (как сильно выражается св. Марк, «бежали туда пешие из всех городов» — Мк. 6:33). Когда Иисус, сидя с учениками на горе (как отмечает св. Иоанн), т. е. на одном из холмов этой пустынной долины, увидел всю эту огромную толпу, неудержимо устремившуюся к Нему, как всегда, за облегчением недугов и словом Истины, Он «сжалился над ними и исцелил больных их» (Мф. 14:14). «Иисус, вышед, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря; и начал учить их много» (Мк. 6:34). А св. Лука дает полноту реакции Спасителя: «Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божиим и требовавших исцеления исцелял» (Лк. 9:11).

Судя по всем Евангелиям, людей буквально сорвал с места мгновенный порыв (вот Он отплывает, покидает их!), они бросились за Иисусом, не приготовившись к дороге, не взяв с собой провизии. Между тем день клонился к вечеру, и ученики стали просить Иисуса отпустить народ «в окрестные деревни и селения» купить «себе хлеба» (Мк. 6:36). (Св. Лука добавляет еще: «ночевать» там.) На это Учитель ответил им твердо: «Вы дайте им есть» (Лк. 9:13). Ученики начинают соображать, что есть у них двести динариев, и не пойти ли им самим купить хлеба; впрочем, вряд ли хватит этих небольших денег, чтобы насытить собравшихся пять тысяч человек, не считая женщин и детей. Узнав, что в наличии у учеников было всего пять хлебов и две рыбы¹, Иисус приказал

¹ Св. Иоанн несколько иначе передает этот момент. Иисус, испытывая одного из учеников, конкретно Филиппа, спрашивает у него: «Где нам купить хлебов, чтобы их накормить?» (Ин. 6:5). И когда Филипп высказывает сомнение в недостаточности двухсот динариев на покупку необходимого количества хлеба на такую огромную толпу, Андрей, брат Петра, говорит, что у некоего присутствующего здесь мальчика есть пять ячменных хлебов и две рыбки.

«рассадить всех отделениями на зеленой траве. И сели рядами по сто и по пятидесяти» (Мк. 6:39-40). (Вот откуда могла сосчитаться эта удивительно точная цифра присутствующих, приводимая всеми евангелистами.) И далее развернулась такая поразительная картина: Иисус взял в руки эти пять хлебов и две рыбы, сначала воззрел на небо (такой молитвенный контакт с Отцом перед самим чудотворением здесь фиксируется впервые в Евангелии), «благословил и преломил хлебы» (Мк. 6:41), разделил рыбы и стал передавать и хлеб, и рыбы сначала ученикам, а те — по чудесной, неиссякающей цепочке — четко разделенным рядам народа¹. «И ели все и насытились» (Мк. 6:42).

Чем же особенным отмечено это чудо Иисуса? Это уже не просто обычное для Него исцеление, а сверхъестественный акт «размножения» хлеба и рыбы, даров земли и воды, плодов человеческого труда. Спаситель является здесь как властелин стихий, порождающих эту пищу, воистину как всемогущий творец вещества природного и обработанного людьми. В этой грандиозной сцене, разворачивающейся под открытым, вечеряющим небом, на зеленой траве, в тишине сокрытого от городской сутолоки места, Иисус дает вкусить великому множеству народа одну для всех пищу — в потекших по рядам хлебцах и рыбках на глазах всех мгновенно вещественно спрессовалась свежесть и мощь Божественного творения и вошла в каждого из вкушавших. Потому и создается впечатление некоего коллективного «причастия», какого-то предварительного, *явного* прообраза будущей Тайной Вечери. Однако *размноженные* на всех хлебы и рыбы (да так, что осталось еще двенадцать коробов, по числу апостолов — на каждого по одному), хоть и божественного происхождения, но все же пища земная, в подкрепление земных сил, это еще не «Тело и Кровь» Христовы, причастие к которым являет наше приобщение к новому бессмертному естеству.

¹ В книге «Иисус Неизвестный» Д. С. Мережковский, выразив сомнение в реальности именно этого чуда (предположив, что пищи не могло не быть с каждым, и Иисус лишь поровну разделил ее на всех), подсчитал, сколько нужно было небольших ячменных хлебов, обычно изготавливавшихся в сельских пекарнях, чтобы накормить пять тысяч человек, предполагая по 3-4 хлебца на каждого. Вышло двадцать тысяч на одних мужчин, а соленых и копченых рыбок в два-три раза больше.

Более того, именно это чудо массового насыщения стало поводом к народному соблазну. Преврати камни в хлебы, накорми народ — и побегут за Тобой и преклонятся — так толковали искушение Иисуса хлебами в пустыне. И что мы видим тут? — именно после этого чуда народ приходит в чрезвычайное возбуждение, настоящую экзальтацию и хочет немедленно — даже против воли Иисуса — провозгласить Его царем-мессиею¹ (чего не случилось при других, не менее впечатляющих чудесах): «Тогда люди, видевшие чудо, сотворенное Иисусом, сказали: это истинно Тот Пророк, Которому должно придти в мир. Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один» (Ин. 6:14-15). Все евангелисты недаром отмечают, что Иисус понудил учеников тотчас же покинуть на лодке это место и отправиться на другой берег (у Марка уточнено — к Вифсаиде, у Иоанна — к Капернауму, впрочем, оба селения были расположены совсем рядом), а Сам, отпустив народ, «пошел на гору помолиться» (Мк. 6:46).

К этому времени уже опустился вечер и настала ночь, а лодку с учениками, шедшую вдоль берега, настиг сильный встречный ветер, погнавший ее вглубь озера к юго-западу. Около четвертой стражи ночи (т. е. от трех до шести часов утра) ученики, «бедствующие в плавании», боролись с высокими, захлестывающими лодку волнами и вдруг увидели Своего Учителя, шедшего по морю, по волнам, как посуху, к ним навстречу. Они сильно испугались, решив, что это призрак, и вскричали. Но приблизившаяся к ним фигура оказалась их дорогим и живым Наставником, и Он спокойно сказал им: «Ободритесь; это Я, не бойтесь» (Мф. 14:27). Именно в этот момент действия св. Матфей, единственный из евангелистов, вставляет такой небольшой эпизод. «Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде» (Мф. 14:28). Господь говорит ему: иди! И Петр, сын человеческий

¹ Может быть, именно в свете этого народного соблазна можно как-то понять и «оправдать» странную, никак не вяжущуюся с ослепительно-могущественным событием умножения хлебов и рыб, реакцию учеников, которую в такой разрез со всеобщим очарованием и восторгом приводит прямой, иногда чуть ли не шокирующий св. Марк: «Ибо не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено» (Мк. 6:52).

Петр, который неизбежно пошел бы ко дну, как только вступил бы на воду, тут... легко зашагал по ней навстречу Иисусу. Вдруг мощный порыв ветра погнал на него водяной вал, и Петр испугался, потерял окрыленность веры, несшую его по волнам, и сразу же стал в панике тонуть и кричать: «Господи! спаси меня» (Мф. 14:30). На это «Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? И когда вошли они в лодку, ветер утих» (Мф. 14:31-32). Тут особенно ярко обнажается особый закон чуда, т. е. закон преодоления существующей закономерности вещей и явлений: та духовная сила, что может повелевать болезни, смерти, буре, силе тяжести, благодатно действует только в особом состоянии веры, и веры сильной и крепкой — любая в ней трещина уже рушит для человека действие духовной, чудотворящей причинности.

Это явление шедшего по водам Иисуса произвело сильное впечатление на учеников; по Марку, «они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились» (Мк. 6:51), по Матфею, еще раз удостоверились в Его настоящей природе: «Истинно Ты Сын Божий» (Мф. 14:33). Тут же лодка пристала к Генисаретскому берегу, и опять повторилось уже *обычное* при появлении Иисуса в той или иной местности: мгновенно пробежал слух о Его прибытии, и тут же понесли к Нему больных, их клали «на открытых местах», т. е. несколько в стороне от теснившейся к Иисусу толпы, и просили Его подойти к ним и дать хотя бы прикоснуться «к краю одежды Его; и которые прикасались к Нему, исцелялись» (Мк. 6:56). Мы видим, как растет исцелительная сила Иисуса, все шире распространяясь на массы недужных; Он ходит среди них как Великий Божественный Врач, все существо которого заряжено благодатной энергией чудесной помощи, — дотронься с верой, и искра этой энергии мгновенно попадет туда, где нарушена норма, равновесие здоровья, физического и психического, в страждущий, искалеченный орган, выправляя и обновляя его.

ХЛЕБ ЖИЗНИ

Капернаум, апрель 29 г.

Ин. 6:22-71

Далее рассказывает один св. Иоанн. Вздурораженный народ, еще остававшийся в долине, где произошло чудо с хлебами, наблюдал отплытие единственной бывшей тут лодки с учениками Иисуса, но без Него Самого. Прошла ночь, и, по всей вероятности, люди надеялись здесь же на холме найти поутру великого Пророка; Его они намеревались чуть ли не насильно взять с собой в Иерусалим на Пасху и там провозгласить Мессией, который и освободит их от римского ига и устроит обетованное иудейское царство. Однако утром Его нигде не оказалось. Между тем к берегу бурей прибило несколько лодок, и не найдя там ни Иисуса, ни учеников Его, люди заполнили их и поплыли к Капернауму. Там они узнали, что Учитель, оказывается, уже тут и находится в синагоге. Туда все и двинулись и приступили к Нему с вопросом: «Равви! когда ты сюда пришел?» (Ин. 6:25). Конкретно это их любопытство Иисус оставил без внимания: не в Его это было правилах рассказывать о совершенных чудесах (Он и другим запрещал о них трезвонить!). Но зато сразу же выявил происшедший с ними соблазн: «Вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились» (Ин. 6:26). Эту опасность плотски-материалистического восприятия народом чуда насыщения и шире — смысла Его явления в мир Иисус и развеивает в последовавшей проповеди, одной из ключевых в Евангелии.

«Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий; ибо на Нем положил печать Свою Отец Бог» (Ин. 6:27), — Иисус прежде всего разделил два качественно разных рода «пищи»: материальной, что поддерживает смертный организм, исторгаясь из него и заменяясь все новыми порциями, той, что «служит для временного состава тела, которое вскоре само разрушится» (свт. Григорий Палама); и какой-то особой, даруемой Самим Иисусом Христом, что вообще уничтожит смерть и выведет в «жизнь вечную». Итак, первое и главное наведение: Он пришел не для того, чтобы плотски

ублаготворить Свой народ, сладко насытить его чрево, со славой и превосходством разместив его в земном существовании среди прочих богооставленных племен, а с обещанием качественно иной, бессмертной жизни, радикально порывающей со всеми законами и привычками смертного строя бытия.

Казалось, слова Иисуса наконец пробили брешь в коре очарованно-пассивной и грубо-материалистической реакции народа на Христовы знамения и высекли из него драгоценную искру: «Итак сказали Ему: что нам сделать, чтобы творить дела Божии?» (Ин. 6:28). «Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин. 6:29). Естественно, начало начал, первое дело — уверовать в Самого Иисуса Христа как Сына Божия, с тем чтобы затем вникнуть в те «глаголы жизни», новой вечной жизни, с которыми Он пришел на Землю. Но тут же искра чуть забрезжившего прозрения угасла, вновь возобладал дух колебания и сомнения, и вновь прозвучала просьба еще одного знамения, которое могло бы потягаться с тем убедительно-неколебимым, что когда-то дано было в пустыне чрез манну небесную — в знак богоосененности Моисеева водительства своим народом. «Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес; ибо хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» (Ин. 6:32-33). Иисус, как всегда, исходит из фактов и образов, знакомых слушателям (в данном случае они знали и о манне небесной, и сами были свидетелями чудесного насыщения ячменным хлебом и рыбами), сдвигая их значение с чувственного уровня на духовный. Моисей в свое время был только пророком, посредником между Богом и людьми, и поданная древним израильтянам манна небесная являлась прообразом будущего сошествия с Небес Спасителя с даром бессмертной жизни.

Но слушатели Его еще не способны в своем понимании на такое духовное уравнение и просто-наивно, как в свое время самарянка, просят: «Господи! подавай нам всегда такой хлеб» (Ин. 6:34). Да это Я и «есть хлеб жизни», — вразумляет их Христос; и этот хлеб, как и «вода живая», — обозначение таких новых способов бытия, что сумеют прервать дурную бесконечность земной чревной ненасытимости и убрать ее в прошлое: «Приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда»

(Ин. 6:35). Как это окажется возможным, *где* и *когда* — Иисус раскрывает далее. Он — посланник Отца, творящий Его волю в отношении человеческих созданий: «Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день; воля пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6:39-40). Вот она сияющая надежда и обещание, принесенные Иисусом Христом на Землю, в мир падших сознательных тварей, созданных когда-то по образу и подобию Бога: *воскрешение и жизнь вечная*, уже в другом строе и порядке, где и воцарятся новые способы и законы бытия.

И уже после ропота иудеев, т. е. не простого народа, а властей духовных, фарисеев и книжников: как это «сын Иосифов» может облекать Себя таким небесным достоинством, — Иисус повторяет вновь и вновь первоистину Своей сущности и смысл Своего воплощенного явления в мир: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную. Я ЕСМЬ ХЛЕБ ЖИЗНИ. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я — хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб этот будет жить вовек; хлеб, же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6:47-51)¹.

Таким, еще никак не проникающим в иудеев, словом пророчествовал Иисус и о тайнах бессмертного Царствия Небесного, и о той Божественной евхаристии, которую Он установит позднее, о мистериальном пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, каждое приобщение к которым станет нашим таинственным причащением к Его Божественной бессмертной природе, *утверждением и упражнением* нашей надежды на будущее всецелое преображенное восстание и жизнь вечную («Яду-

¹ «Как для лютых ран требуется употребление не одного лекарства, а разнообразное лечение, и притом не один, может быть, раз применяемое, но непрерывным употреблением изгоняющее болезнь, так, думаю, и для необузданной души и ожесточенного ума», — считает св. отец, — необходимо то, к чему прибегает Иисус в особо ответственные моменты: «частое употребление и повторение одних и тех же слов» (Свт. Кирилл Александрийский. Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 4, 5 и 6. Сергиев посад. 1906. С. 38.)

щий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» — Ин. 6:54). «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем; как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6:56-57) — евхаристия станет самой глубокой интимной связью между Христом и верующими в Него на все времена, пока не свершится второе Его пришествие и не осуществятся последние обетования. И что важно — связь эта не только духовная, через учение, оставленное слово, но и мистериально-вещественная, как бы указуя этим на совокупление «тайны домостроительства с плотью в мире» (свт. Кирилл Александрийский).

То, что так настойчиво прозвучало на сей раз из уст Иисуса, было столь таинственно бездонным, взрывающим нормальный, земной «эвклидов ум», что оно *не вместилось* даже во многих Его учеников, породив в них растерянное недоумение: «Странные слова!» (в старославянском переводе: «Жестоко есть слово сие») и даже протест: «Кто может это слушать?» (Ин. 6:60). Тут все было странно и непонятно: и образ «хлеба жизни», сходящего с неба, каковым объявил Себя их Учитель, и приглашение «есть» Его Плоть и «пить» Его Кровь, чем созиждется их теснейшее единство, — и все это в залог воскресения и вечной жизни. Слыша ропот этих учеников, как всегда, не физическим ухом, а пронцающе-духовным ведением («зная Сам в Себе»), Иисус ответил им: «Это ли соблазняет вас? что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде?» (Ин. 6:61-62). Иисус чувствует: основное их сомнение — в том, что Он и есть «сшедший с небес», а потому и пророчествует о Своем будущем вознесении — что тогда, мол, скажете? «Дух животворит, плоть не пользует нимало; слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6:63) — на какие сомнения учеников отвечает этим Иисус? Скорее всего, на их сомнения в том, как это плоть может стать, по обещанию Учителя, бессмертной («ядущий хлеб сей жить будет вовек» — Ин. 6:58). Да, говорит Иисус, само в себе естество плоти временно-преходяще и бессильно, животворить, создать из себя бессмертную природу сама она не способна («не пользует нимало»), только через оплодотворение Духом, силу Христова научающего слова, через подвиг восхождения к Царствию Небесному плоть

получит невиданные сейчас возможности. Как указывал свт. Кирилл Александрийский: «Если мед делает сладким то, к чему примешан, то можно ли и о животворной природе Бога-Слова думать, что она не возводит до собственного качества тело, в коем она вселилась?»¹.

И сразу же это стало камнем преткновения для многих, «безумием для эллинов, соблазном для иудеев» — определит позднее ап. Павел². Да что говорить о других, внешних, «с этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (Ин. 6:66). Воистину, не хватило у них благословенной Богом решимости на подвиг веры: «Но есть из вас некоторые неверующие. Ибо Иисус от начала знал, кто суть неверующие, и кто предаст Его. И сказал: для того-то и говорил Я вам, что никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего» (Ин. 6:64-65). Но не так для ближайших, все более проникающихся светом радостной Вести: «Тогда Иисус сказал двенадцати: не хотите ли и вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: ГОСПОДИ! К КОМУ НАМ ИДТИ? ТЫ ИМЕЕШЬ ГЛАГОЛЫ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ, и мы уверовали и познали, что Ты — Христос, Сын Бога живого» (Ин. 6:67-69). Так устами Петра от имени всех апостолов звучит первое и решительное исповедание сути новозаветной веры: в Божественно-Сыновье достоинство Иисуса Христа, в воскресение и бессмертие нового обоженного бытия.

Именно в этот пронзительный момент размежевания: какие-то ученики уходят, апостолы торжественно подтверждают свою

¹ Свт. Кирилл Александрийский. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 74.

² Иудейские представления о посмертной жизни долго не отличались оригинальностью: вера в шеол, царство теней всех умерших, и добрых и злых, ведущих безрадостное, полу-летаргическое существование, возникла под влиянием вавилонской и древне-греческой мифологии. Но уже в кн. Иова и в Псалмах начинает мелькать надежда на возможность спасения от смерти Божьей милостью и всемогуществом, а в так называемом «Апокалипсисе Исаии» (Ис. 24-27) впервые была открыта тайна воскресения из мертвых, правда только праведников («Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов» — Ис.26:19). Этот же воскресительный мотив встречается затем у пророков Иезекииля, Даниила, Осии. Но в народную веру эти представления фактически не проникли, в отличие от другого важного эсхатологического момента, а именно ожидания Судного дня, связанного с явлением Мессии и торжеством Израиля.

веру, — Иисус впервые открывает последним Свое предведение: «Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас дьявол» (Ин. 6:70). Каким резким ожогом должны были коснуться сознания двенадцати избранников эти слова Иисуса, как каждый с ужасом стал испытывать глубины своего сердца — можно только предполагать. А Иоанн, тогда содрогнувшийся и потрясенный вместе со всеми, теперь в своем Евангелии уже не Зеведеев, а Богослов, может объективно заметить постфактум: «Это говорил Он об Иуде Си-монове Искарите, ибо этот хотел предать Его, будучи один из двенадцати» (Ин. 6:71).

**«СВЕТОМ ТВОИМ ВСЮ
ВСЕЛЕННУЮ ОСВЕТИВ...»**

Школа Феодана Грека. Преображение. Икона. Около 1403 г.

ХРИСТОС ИДЕТ К ЯЗЫЧНИКАМ

Мф. 15:1-39; 16:1-12.

Мк. 7:1-37; 8:1-26

Прежде чем рассказать о явлении Иисуса в пределы Тирские и Сидонские, т. е. в земли языческие, евангелисты Матфей и Марк передают еще одно Его столкновение с фарисеями и книжниками, что пришли в Капернаум из самой твердыни веры иудейской — из Иерусалима. Зацепкой к выяснению идейных отношений стал факт, вроде бы, бытовой: некоторые ученики Иисуса ели хлеб, не умывши предварительно рук. На деле, с точки зрения ревнителей иудейского благочестия, происходило грубое попрание святого «предания старцев»: тщательно расписанных в Талмуде правил омовения тела, рук, предметов обихода с сопутствующими молитвами. Причем над нарушителями этих внешних предписаний висели самые сокрушительные, хуже чем над убийцами, угрозы. В ответ на обличения фарисеев Иисус, как всегда, пошел в корень вопроса, выдвинув важнейшее различие в иерархии религиозных ценностей: между заповедями Божьими и преданиями веры, так или иначе больше «человеческими», даже если они идут от самых уважаемых и святых мужей. Так, отраженная в Моисеевом законе заповедь о почитании отца и матери нарушалась иудеями, исходя из предания: если сын отдавал (или — часто лицемерно — выражал готовность отдать) то, в чем нуждались его родители, Богу, то это ему прощалось. «Таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (Мф. 15:6) — пункт капитальный, за ним библейское, пророческое еще различие-

ние, о котором вспоминает тут Иисус: чтить Бога можно *сердцем*, всей незаемной искренностью его глубин, или *устами*, больше внешне, заученно-навязчиво, суеверно-боязливо следуя неисчислимым «буквам» нажитого за столетия человеческого предания и культовых предписаний раввинской касты. Конечно, случается совпадение *сердца* и *уст*, а уж их разведение может быть разной степени, доходя до той вопиющей, с которой столкнулся Иисус в случае с книжниками и фарисеями. Надо отметить, что иудеи особо чтили как раз предание, закон, якобы устно переданный Богом Моисею; он и составлял суть Талмуда, в который входила Мишна, повторенный свод законов, и многочисленные обрядовые, толковательные к нему прибавления, пришедшие из предания (Гемара). Посему Талмуд в глазах иудеев стоял выше Пятикнижия Моисеева. И вот как раз эту, самую почтенную и святую, часть иудейской религии Иисус особенно настойчиво отвергал, напротив, постоянно обращаясь к авторитету самого Священного Писания.

«И призвав народ, сказал им: слушайте и разумеете: не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Мф. 15:10-11). Желая внедрить в народ важную истину, Иисус всегда подает ее ярко, афористически — на запоминание коллективному уму и легкую передачу дальше, припечатав Свою мысль еще особым словесным сигналом, призывающим к сугубому вниманию, вдумчивому вниканию в сказанное: «Если кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мк. 7:16). Оставив народ, Иисус вошел в дом с учениками, и тут они — о, вечно обучающиеся, боящиеся как-то не так усвоить мудрость Учителя — «спросили Его о притче» (Мк. 7:17), как точно ее понимать. Укорив их в непонятливости, Иисус говорит, по Своему обыкновению, словами золотыми — без ущербинки, куда могло бы вгнестись сомнение или возражение. Истинная скверна — не внешняя грязь, что, войдя в уста и пройдя сквозь чрево, «извергается вон» (Мф. 15:17), а внутренняя, та, что исходит наружу из нечистого, коварного сердца: все пороки, все злодеяния против ближнего.

И тут же, сказав это, удалился, как отмечают евангелисты, «в пределы Тирские и Сидонские» (Мк. 7:24), т. е. в старофиникийские поселения, прилегавшие к Средиземному морю, подальше от тех, кто хвалился внешней ритуальной чистотой, а в сердце

таил козни и убийства, против Него прежде всего, в мир для иудеев чужой и отталкивающий, в мир язычников. Эти места означены в Евангелии всего одним исцелением, но весьма значаще-эмблематическим. Св. Марк отмечает, что Учитель искал здесь покоя, *неузнанности*, «не хотел, чтобы кто узнал; но не мог утаиться» (Мк. 7:24). Следующую сцену тот же евангелист помещает в доме, где остановился на время Иисус с учениками; св. Матфей этого не уточняет, зато разворачивает весь эпизод детально, в характерной последовательности. Женщина хананейка, из проклятого для иудеев племени, приблизилась к Иисусу, отчаянно крича: «Помилуй меня, Господи, сын Давидов! дочь моя жестоко беснуется» (Мф. 15:22). Обычно в ответ на такое исповедание и такую просьбу Иисус действовал немедленно. Тут же Он поначалу никак на нее не реагирует, но та никак не унимается, и уже от ее воплей заволновались и забеспокоились ученики, прося Учителя отпустить ее. Тогда Он объясняет свое поведение в том духе, как наставлял в свое время апостолов, отправляя их на первую самостоятельную проповедь: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15:24). Но несчастная мать не отстает и проявляет еще большую настойчивость, подходит ближе к Иисусу, кланяется Ему и все повторяет: «Господи! помоги мне» (Мф. 15:25). Однако, чем горячее просьбы хананейки, тем, казалось бы, жестче и холоднее становится Иисус. Его слова звучат резко и отторгающе-оскорбительно: «Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф. 15:26), очевидно имея в виду под детьми — иудеев, а под псами — язычников. Ответ женщины был на это столь кроток и воистину смиренномудр, с таким пониманием и приятием этой предустановленной первоначальной градации: «Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15:27), — что Иисус тут же завершил свое испытание: «О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему», а евангелист дополнил: «И исцелилась дочь ее в тот же час» (Мф. 15:28). Так вера в Иисуса Христа прорывает замкнутый круг обетованного, избранного спасения, перевешивая все: и происхождение, и ветхое благочестие.

Надо сказать, что это была первая прямо заявленная Божественная помощь язычнице. Правда, таковой могло считаться исцеление слуги сотника, но там оно предварялось особыми просьба-

ми иудейских старейшин («Он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу» — Лк.7:4-5), что заставляет думать, что сотник и сам склонялся в веру иудейскую или даже недавно ее принял. Хананейка же воистину первой встала в ряд тех, о которых Господь скажет: «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мк. 10:31). Своей кроткой и мудрой неотступностью женщина наглядно обнаружила действенность Христова призыва: стучите и стучите, не уставайте, не падайте духом от первой равнодушной, а то и отвергающей реакции Неба на ваши домогания — и дано будет, откроется!

«Вышед из пределов Тирских и Сидонских, Иисус опять пошел к морю Галилейскому чрез пределы Десятиградия» (Мк. 7:31), т. е. двинулся с учениками на восток, к истокам Иордана, откуда на юг — через конфедерацию десяти вольных городов, составлявших одну из римских провинций. По дороге Его встречали как великого Исцелителя и Пророка, не преследовали Его здесь ни шипение фарисейское, ни их заговоры и угрозы. Его пребывание тут отмечено также лишь одним исцелением, но описанным только св. Марком, и притом несколько необычно. «Привели к Нему глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку» (Мк. 7:32), т. е. того действия, каким Иисус чаще всего и исцелял недужных (к чему, как правило, прибавлялось еще и слово-приказ). Здесь же, как еще ни разу, зафиксировано наиболее глубокое *материальное* внедрение Исцелителя в дефектные места страждущего: отведя его в сторону от народа (тоже впервые!), Иисус влагает Свои, напоенные благодатной восстанавливающей энергией персты в уши глухого, а слюной Своего пречистого рта помазывает его тяжелый, неповоротливый язык. Далее Он уже действует как всегда: из глубины души обращается в молитве к Отцу Небесному («воззрев на небо, вздохнул») и, наконец, произносит словесное повеление («“эффафа́”, то есть “отверзись”» — Мк. 7:34), коронующее действие духовной, исцеляющей причинности. «И тотчас отверзся у него слух, и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто» (Мк. 7:35). И вновь, несмотря на повеление «не сказывать никому», эффект был обратным — «они еще более разглашали» — Мк. 7:36 (возможно, Иисус потому и запрещал, что, зная людскую психологию, предвидел такую реакцию, Ему и необходимую для укрепления веры, успеха проповеди). Удивление народа было *чрез-*

вычайным: Галилея уже больше привыкла к Его чудесам, а здесь они были в воздымающую дух новинку.

И вновь — как в Галилее, после первых индивидуальных исцелений — всколыхнулись уже толпы народа, двинулись вослед и окружили Его, воссевшего на горе у Галилейского озера, «имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их» (Мф. 15:30). Наблюдая этот новый поток исцелений, «дивился» народ и громко и дружно «прославлял Бога Израилева» (Мф. 15:31). Этот новый случай массового стечения народа произошел в местности пустынной, и уже три дня народ находился здесь. Не желая отпускать людей голодными, опасаясь, что ослабеют они, пока доберутся отсюда домой, в города и веси Десятиградия, Иисус повторяет чудо размножения пищи. На этот раз из исходных семи хлебов и небольшого количества рыб — точно тем же способом, как и прежде — насыщает Иисус четыре тысячи человек, не считая женщин и детей (и вновь остается еще и семь полных корзин остатков). И только после этого «отпустив народ», Иисус с учениками переправляется на лодке с восточного берега озера на западный, в уже хорошо знакомые «пределы Магдалинские» (Мф. 15:39). Св. Марк говорит о «пределах Далмануфских». Это название предполагаемого селения на западном берегу Генисаретского озера было потеряно историей. Толкователи отождествляют его обычно с Магдалой или близлежащим городком.

«И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба» (Мф. 16:1). Св. Марк отметил, что предварительно они «начали с Ним спорить» (Мк. 8:11), не веря Его словам о Себе и требуя в подтверждение Его мессианского, Божественного достоинства какого-нибудь сокрушающего доказательства сверху: огня с небес, затмения светила, землетрясения... (Кстати, у св. Матфея участвуют в споре и саддукеи, представители правящего тогда священнического слоя, они здесь впервые снисходят к выяснению отношений с новым, уже прогремевшим на всю Палестину Исцелителем и Учителем.) Почему же столь решительно отказывается Иисус дать такое знамение? Ведь и так явил Он уже Себя властелином смертоносных сил и стихий: и больных исцелял, и даже мертвых воскрешал, и останавливал бурю, когда она реально грозила суденышку в разбушевавшихся волнах. Но

просто так, не для действительной помощи людям, а для демонстрации Своего подавляющего могущества колебать небо и землю, вызывать огонь и дым, затмевать солнце и луну, — все это было из другой, черно-магической, рабски подчиняющей себе «оперы», какой от Него требовал в свое время в пустыне сатана. Он пришел на землю с другим — с вдохновенным обращением к сердцам, с даром свободного избрания для сынов человеческих... И с тем главным, на что намекает Он, говоря о единственном знамении, что будет дано всем, о знамении Ионы пророка. Три дня и три ночи провел ветхозаветный пророк во чреве китовом и был изведен оттуда силою Божией — излюбленный Иисусом прообраз Его временной смерти и воскресения. «Лицемеры! различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете?» (Мф. 16:3) — да, научились вы прекрасно читать природные цвета и знаки небес — к какой они погоде, но не сумели заметить уникального, оглушительного знамения всех истекших и грядущих времен: Самого вочеловечившегося Сына Божия, пришедшего прямо пред лице ваше. Не только к современным Иисусу фарисеям и книжникам обращен этот укор; он учит внимательно различать масштабы и значение земных и небесных, физических и духовных вещей и на все предстоящее роду людскому будущее.

«И оставив их, отошел» (Мф. 16:4), покинул родные места, которые Он исходил вдоль и поперек, где столько совершил и сказал, что не вместить векам и тысячелетиям, те галилейские пределы, где уже до критической точки сгустилась атмосфера вражды и угрозы со стороны водителей народа — фарисеев, книжников, иродиан... Снова отплыл с учениками в уже известную нам область тетрарха Филиппа, в Вифсаиду Юлию. И когда уже переправились на северную оконечность озера, Иисус сказал им: «Смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» (Мф. 16:6). Те не сразу и поняли, что Учитель имел в виду, — вдруг то, что они забыли с собой хлеба в дорогу? И только вняв Его укору (при чем тут хлеб материальный, разве не видели они уже дважды, что Он может его *сотворить* в любом нужном количестве), они уяснили, что имеется в виду «учение фарисейское и саддукейское» (Мф. 16:12). Отметим трогательную детскость разумения Христовых учеников, часто принимавших переносно-символические речения Учителя в самом прямом смысле. А тут еще и

чувствовали себя виноватыми и сразу же решили, что Он об их упущении: может быть, не советует покупать хлеба у фарисеев и саддукеев. Именно такие точные детали создают здесь впечатление психологической документальности рассказа евангелистов. Итак, «Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской!» — звучит в веках это знаменитое предостережение Христа, предоставляя людям верно распознавать, кто сейчас, в их эпоху, играет эту роль.

Здесь же в Вифсаиде Юлии привели к Иисусу слепого с просьбой исцеляюще его коснуться. И тут повторяется тот же более усложненный способ снятия недуга, который уже фигурировал в связи с глухим косноязычным. А именно: Иисус опять отводит слепого от людей подальше, вообще «вон из селения», следовательно, остается с ним наедине, и вновь действует Своей слюной: «Плюнув ему на глаза, возложил на него руки, и спросил его: видит ли что?» (Мк. 8:23). Более того, исцеление впервые производится в два приема: сначала бывший слепой видит как в тумане («вижу проходящих людей, как деревья»), затем, когда Иисус вновь возлагает руки на глаза, тот прозревает полностью. Здесь Христос как будто дозирует Свою благодатно-исцеляющую силу, примеривается первый раз, достаточно ли Он ее влил в больной орган, а когда оказывается, что еще нет — завершает дело. Этот эпизод приведен только у св. Марка — у кого еще из евангелистов такая чуть грубоватая конкретность, не ретушированность деталей, жестов, акцентов!.. Этот эпизод именно в силу своей необычности — двойной приступ к исцелению не столь уж тяжкого для Иисуса недуга (в других местах достаточно было одного слова и движения, чтобы и мертвого поднять на ноги) — дышит особой достоверностью. Такое нарочно не придумаешь, это и не обобщенная передача массовых исцелений: налагал руки и облегчал от разнообразнейших недугов и калечеств целые толпы. Здесь особенно очевидно, что сам акт исцеления воистину направляет какая-то энергетическая сила, которая имеет и количественные измерения: ее может быть меньше, чем надо, а следовательно, и больше, и с избытком или в самый раз.

ИСПОВЕДАНИЕ ПЕТРА

*Мф. 16:13-28. Мк. 8:27-38.**Лк. 9:18-27*

Из Вифсаиды Юлии Иисус с учениками двинулся далее на север к истокам Иордана, в «страны (у св. Марка «селения». — С.С.) Кесарии Филипповой». Ирод Филипп отстроил Кесарию Филиппову со всей эллинской пышностью и блеском как свою столицу, сочетав в самом ее названии имя кесаря (Августа) и свое. Город стоял у подножия самой высокой горы в Палестине — Ермона, на месте древнего города Панаис, посвященного Пану (здесь же в северной части столицы сохранялось знаменитое пещерное святилище этого языческого бога, а на соседней скале высился новый беломраморный храм в честь дня рождения Августа). Но в сам этот великолепный город Иисус не зашел, как всегда избегая столиц, — так ни разу не побывал Он и в Тивериаде, хотя ее правитель Ирод Антипа настойчиво искал случая встретиться с Ним.

Следующий, один из ключевых эпизодов Нового Завета передают все синоптики. Дорогою (как отмечает св. Марк), «пришед же в страны Кесарии Филипповой» (Мф. 16:13), в момент, когда Иисус «молился в уединенном месте» (Лк. 9:18), Он задал ученикам Своим вопрос: «За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?» (Мф. 16:13). Ответ был: кто за Иоанна Крестителя, кто за Илию или Иеремию или другого какого пророка. Иисус немедленно углубляет вопрос: ладно, это непосвященный народ, масса так считает (о фарисеях и саддукеях Он и не спрашивает, с ними все ясно, знаки непримиримой их вражды уже обнаружили достаточно угрожающе), а вот «вы за кого почитаете Меня?» (Мф. 16:15). Наступил один из самых ответственных моментов в истории Земли: неужели и самые близкие, избранные Им Самим, кого Он пестует уже более года, кому воочию являлись такие чудеса и звучали прямо в уши Божественные слова учения, еще просят сомнение — тогда где же хоть единственная *человеческая* точка опоры в деле свободного спасения рода людского? Воисти-

ну, можно сказать, повис в воздухе миг священного выбора: примет ли Его мир в истинном Его качестве через тех, кому предстояло нести людям Христову Весть, учить «языки», создавать Церковь? Но миг этот и длился не больше мига. Тут же, не медля и не колеблясь, за всех ответил Симон-Петр, «уста апостолов, всегда пламенный, глава в лике апостольском» (свт. Иоанн Златоуст): «Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Мф. 16:16). Именно этот полный ответ, приведенный у св. Матфея, соответствовал настоящей природе и достоинству Иисуса, ибо исповедовал и мессианское Его значение (как у св. Марка: «Ты — Христос» или у св. Луки: «Христос Божий»), и вместе главное, что труднее всего вмещалось даже в самое избранное иудейское сознание: Его Богосыновство. Петр произносит такое «да» Иисусу, которое свидетельствует: христианство отныне состоится на земле. Так что можно говорить об этом моменте как о моменте Рождества самого христианства как мировой веры.

Недаром Иисус за это невиданно возносит Симона, *сына Ионина* (подчеркивая поминанием отца его земное сыновство, параллельное только что им исповеданному Богосыновству Учителя): называет его «блаженным», «потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах» (Мф. 16:17), указывая тем самым, что столь точное определение природы Иисуса он мог получить только в откровении свыше. «И Я говорю тебе: ты — Петр¹, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16:18-19). И если это возведение Петра в первоверховного апостола (как назовут его позже), камень Церкви Христовой, с «властью прощать и вязать» (блаж. Феофилакт Болгарский) грехи, дано только у св. Матфея, то последовавшее за тем строгое запрещение разглашать, «что Он есть Иисус Христос» (Мф. 16:20), передается всеми тремя евангелистами. Свт. Иоанн Златоуст объяснял этот запрет возможностью лишь «по свершении крестного подвига и по окончании всех Его страда-

¹ Кстати, только со слов Христа *Петр* (по-гречески — «петрос», по-арамейски — «кефа», т. е. *камень*) превратилось в человеческое имя, и весьма распространенное, чего не было до того.

ний», когда соблазн распятого Бога разрешится победным воскресением, «чисто и твердо» напечатлеть в сердце и уме «верное о Нем понятие»¹.

Итак, ученики уже твердо установились во взгляде — пока единственные на земле — на то, *Кто* их Учитель. И тогда Иисус приступает к самому сложному, превышающему природный ум — к откровению сути Его искупительного подвига: «С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мф. 16:21). И вот Петр отзывает Иисуса в сторону и начинает «прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф. 16:22). Собственно, что случилось с апостолом? Он нормально устыдился «позора» страданий и смерти для Сына Божия. Это был такой невозможный парадокс, буквально взрывавший всякое разумение о Боге, преткновение и соблазн. И своим сочувственно-сердечным, порывистым движением Петр это и выразил. Он как будто не услышал Христова «...в третий день воскреснуть». А это значит, что собственно глубинный смысл готовящейся искупительной жертвы не был явлен еще и «первоверховному». Реакция Иисуса на слова Петра была резкой и противоположной недавнему превознесению его лица и роли в христианской истории. Он ответил ему теми же словами, что и дьяволу в пустыне на все его искушения: «Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16:23). Слова Петра, горящие такой любовью к Учителю, проистекали тем не менее от «плоти и крови», а не от Бога, не от Духа Святого, судили «по земному сердцу и плотскому разуму» (свт. Иоанн Златоуст), не приложимым к событию мистериальному, имеющему вселенски-искупительное значение. Это была воистину этакая сердобольная «медвежья услуга», готовая, в силу человеческой слабости, задушить самый метафизический замысел Спасения. И не столь уж жестко и обращение «сатана»; от кого еще могла бы исходить — только уже в отличии от простодушного Петра, в полном понимании всех мировых путей — сострадатель-

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 555.

ная подсказка Христу «не пострадать», не умереть но и... не воскреснуть? И не свершилось бы тогда Христово дело, испарилось высшее обетование, и само основание христианства как религии богочеловеческой было бы в таком случае одним ударом выбито.

Но почему просьба Петра и Самому Иисусу соблазн? Да, соблазн Его человеческой, страждущей, способной на моменты слабости природе, — тот, что найдет свой выход в Гефсиманском молении о чаше... Потому так беспощадно, как противника Божьей воли и Божьего плана, отгоняет от Себя Христос Петра.

Этот пеший бросок в пределы Кесарии Филипповой, не отмеченный более никакими делами и событиями, обличает свою единственную, но важнейшую роль: в уединенном сосредоточении завершить духовное формирование апостолов, посвятить их в суть Своего крестного подвига, т. е. иначе говоря, приоткрыть им уже не только пророческое (как до того — в учении и чудесах), но и новое, первосвященническое служение.

Возникает и нагнетается в речах Иисуса центральная и пока еще очень *неудобная* и плохо вмещающаяся тема о кресте: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16:24). Как воспитать, как внедрить в смертную «плоть и кровь» подражающее Христу склонение ко кресту, к жертвенному подвигу во имя ближних? Само понятие креста, распятия на нем было самым презренным и постыдным, воистину срамным. В Ветхом Завете «всякий повешенный на дереве» считался *проклятым*, оскверняющим землю (Втор. 21:23). Учитывая это, Иисус действует постепенно, соразмеряя открытие будущего со способностью человеческой души вынести шокирующие откровения: да, Он будет страдать и будет убит, но точно как — пока еще не говорит, хотя и вводит уже сам мотив креста.

Новый вектор заботы о своем спасении устанавливает Христос людям: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф. 16:25). По евангелистам Марку и Луке, это свое слово о кресте и душе Иисус говорит не только ученикам, но и следовавшему, как всегда, за Ним в отдалении народу, подзвав его поближе. Новый религиозный выбор предполагает отторжение от самого себя, от своей души как самодостаточной для земной лишь, природной жизни, — с чего и начинается движение к небесной, вечной природе, отме-

ченное преданностью Христу и Его Благой вести. «Ибо, кто постыдится Меня и Моих слов в роде этом прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами» (Мк. 8:38). «Постыдится Меня» — какое удивительное и точное слово! Не так легко окажется этого не почувствовать. Ведь через какие внешние и внутренние предубеждения придется пройти, чтобы преодолеть «соблазн креста» (ап. Павел), «скандал креста» (папа Лев Великий), чтобы так круто переориентировать свой образ Мессии и связанных с ним надежд: вместо царственного торжества вынести зрелище Самого Божества, висящего на позорном древе... Какой необходим полнейший, парадоксальный, *юродивый* внутренний переворот, чтобы принять орудие позорной казни за предмет благоговейного поклонения и знак победы! И Иисус уже сейчас дает избранным своим апостолам сильнейшее подкрепление в их нынешних и будущих душевных и духовных борениях: «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» — Мф. 16:28 (у св. Марка — «Царствие Божие, пришедшее в силе», у св. Луки просто — «Царствие Божие»).

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Мф. 17:1-13. Мк. 9:2-13.

Лк. 9:28-36

Все толкователи сходятся на том, что Иисус этими словами предрекал Свое имеющее вскоре свершиться Преображение, когда Он явит им «царство Свое прежде Своих страданий, силу Свою прежде смерти Своей, и славу Свою прежде поругания Своего и честь Свою прежде бесчестия Своего, чтоб, когда будет взят и распят иудеями, знали они, что распят не по немощи, но по благоизволению Своему добровольно во спасение миру»¹. Итак, «по прошествии дней шести» у св. Матфея и св. Марка, и

¹ Св. Ефрем Сирийский. Творения. Т. 2. М. 1993. С. 51-52.

восьми — у св. Луки (это разногласие обычно разъясняется просто: первые имели в виду только дни «промежуточные», а св. Лука — и день, в который было произнесено это пророчество, и самый день Преображения) берет с Собой Иисус трех ближайших апостолов: Петра и братьев Зеведеевых — Иакова и Иоанна и возводит их на «гору высокую».

О том, что это была гора Фавор, свидетельствует и церковное предание, и многие отцы Церкви, начиная со свт. Кирилла Иерусалимского. Но высказывались и сомнения, ссылавшиеся, в частности, на Евсевия, автора «Церковной истории», который много писал о Фаворе, но почему-то ни разу не упомянул в связи с ним о событии Преображения. Смущало и то, что Фавор не такая уж и высокая гора (около 600 м над уровнем моря), издавна населенная и укрепленная военной крепостью (что исключало возможность спокойного уединения), да и требовалось почти двадцать часов пешего пути сюда из Кесарии Филипповой, и то по прямой. В то время как довольно близко от столицы тетрарха Филиппа, в 4-6 часах пути на северо-восток, шла горная Ермонская цепь с действительно высокими горами, не говоря уже о самом величественном «первенце гроз», снежном Ермоне, чье название прямо переводится как «гора». Так что среди ученых толкователей и историков немало тех, кто предпочитает представлять себе этот мистериальный момент земной жизни Христа на одной из тихих луговин Ермона, овеваемой снеговым дыханием ее вершины. Тем не менее Фавор твердо утвердился и в христианском предании, и в литургике («Величай, душе моя, на Фаворе преобразившегося Господа»), и в богословии («фаворский умный свет») — и это самый мощный аргумент «за». Но все же главное здесь не название горы (недаром оно и отсутствует в Евангелии), а само физическое *возведение* апостолов на высоту, на «гору Господню», как зримый образ готовящегося восхождения к новому зрению, созерцанию высших Божественных тайн. Иисус в Своем Богочеловеческом естестве *опустился* на землю, а сейчас Своих избранных учеников *поднимает* к лицезрению и приятию Божественного, благодатного, обожающего света.

Рассмотрим сначала саму последовательность явившихся сверхъестественных событий. Подробнее других евангелистов их передает св. Лука. Взойдя на гору, Иисус начал там молиться, и

в это время «вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею» (Лк. 9:29). Св. Матфей пишет, что «просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет» (Мф. 17:2), а св. Марк, ничего не говоря о Его лике, основное внимание обращает на трансформацию Его одежд: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9:3). «И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия. Явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лк. 9:30-31). Только у св. Луки сказано прямо, о чем беседовал Иисус с двумя ветхозаветными мужами, явившимися тоже «в славе», т. е. в преображенно-сияющем виде, сюда в физическое земное пространство из неведомого потустороннего мира свидетельствовать провиденциальную преемственность двух заветов, двух эпох Божественного домостроительства, и открытое им знание искупительного плана развития будущих событий. Только св. Лука отмечает и то, что поначалу апостолы «отягчены были сном», но внезапно проснувшись, «увидели славу Его и двух мужей, стоявших с Ним» (Лк. 9:32). Как ученики Иисусовы узнали Моисея и Илию, когда всякое изображение лиц было запрещено в иудействе? Услышали ли их имена или вразумились благодатно, вышним наитием? Да, скорее всего второе, ибо преображение Христа коснулось не только Его Самого, но и окружающей материи — Его одежд, воздуха — и присутствующих апостолов. Видеть свет преображения плотскими очами невозможно, они должны были благодатно пресуществиться в духовное зрение, восприняв хотя бы часть этого сияния. Как звучит на службе праздника Преображения: «Светом примем свет...».

В преображении Иисус явился в том же внешнем человеческом виде, в каком Его знали ученики и народ, но в Нем произошла чудная, ослепляющая метаморфоза и основными ее признаками стали — свет, сияние, блистание, белизна... Природа Божественного фаворского света была, как известно, в XIV в. предметом долгих споров и решений пяти соборов. Православную, признанную ортодоксальной, точку зрения в идейной борьбе с Варлаамом Калабрийским и Акиндином отстаивал свт. Григорий Палама. Именно этот великий святитель, опираясь на

наследие отцов Церкви, ее предание, на монашеский опыт, четко поставил и разрешил антиномию абсолютной несообщаемости и неприступности Бога в Его существе и вместе возможности единения с Богом, с Его светом, которую давал мистический подвижнический опыт (и прежде всего современных ему афонских исихастов). Свт. Григорий Палама ясно различил *сущность, природу* Бога, недоступную, непостижимую, трансцендентную реальность (здесь более всего на месте апофатическое богословие с его отрицательным Богоопределением — Бог не то, не то, не то... — отбрасывающим все, что познаваемо и, следовательно, ниже и вне самого Бога), и Его *явление* и действие в мире, что осуществляется через Его *энергии*, «лучи Божества», как выражались св. отцы (предмет уже положительного, катафатического богословия, открывающего нам Божественные имена, Божественные качества в их проявлениях в мире тварном). Фаворский свет и был этой нетварной, невещественной, бесконечной энергией Божества в Его нисхождении в мироздание. В самом Иисусе этот Божественный свет пребывал всегда, ведь и человеческая Его природа была благодатно обожена нераздельным и неслиянным ее соединением с Божественной. Момент преображения — это момент, когда этот свет стал духовно зрим для самих апостолов, обретших на время дар созерцать Своего Учителя в блеске славы Его вечного Божества.

Учение о нисходящих энергиях, действиях Бога в мире для спасения твари стало обоснованием христианского представления об обожении сынов человеческих, призванных стать «причастниками Божеского естества» (2 Петр. 1:4), но, разумеется, не сущностно, не ипостасно (т. е. не самих неприступных, непознаваемых недр Троического бытия), а по благодати, через обожающую энергию Божества. Оттого свт. Григорий Палама и писал, что «великое видение Света Господнего Преображения принадлежит таинству восьмого (дня. — С.С.), т. е. — будущего века, являемому после завершения сего мира...»¹. Об этом же свете, свете «славы Божией», который вместо природных светил и любых искусственных светильников будет *освещать* новый, горний Иерусалим, писал в

¹ Свт. Григорий Палама. Беседы в трех томах. Т. 2. С. 86.

своем «Откровении» и св. Иоанн, «наибогословнейший из евангелистов» (свт. Григорий Палама), один из трех апостольских свидетелей Фаворского преображения.

Мистический опыт восточных подвижников свидетельствует: соединение с Богом, стяжание благодати Св. Духа достигают своего апогея всегда в видении Света, и сами они преисполняются при этом особым световым озарением. В русском подвижничестве наиболее яркий пример стяжания светоносного духовного состояния явил преп. Серафим Саровский. Удивительны и бесценны записи помещика Н. А. Мотовилова и своих впечатлений от лицезрения *преображенного* старца, и бесед с ним при этом! Сначала Мотовилов боится поднять глаза на преподобного и так объясняет это: «Не могу, батюшка, смотреть; потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли». На что старец отвечает ему: «Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть». И когда Мотовилов все же решается взглянуть в лицо старца, явившаяся картина повергает его в еще более «благоговейный ужас»: «Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости полуденных лучей его, лице человека, с вами разговаривающего». Мотовилов видит и движение его губ, и смену «выражения его глаз», слышит голос, чувствует на своих плечах его руки — и одновременно всего этого как будто и нет, все растворено в ослепительном свете, озаряющем вокруг на несколько метров и снежную лесную поляну, и летящую порошу, и самого Мотовилова. Особенно важен для нас сейчас тот момент, когда Мотовилов описывает особое блаженство такого состояния («необыкновенно хорошо»), невыразимую душевную «тишину и мир», «необыкновенную радость во всем... сердце»¹.

Возможно, именно это последнее откровение нашего соотечественника относительно недавнего прошлого поможет нам точнее понять реакцию евангельского апостола. «При этом Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сде-

¹ О цели христианской жизни. Беседа преп. Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. Сергиев Посад. 1914. С. 17, 20.

лаем здесь три кущи¹: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии» (Мф. 17:4), а св. Лука еще добавляет: «...не зная, что говорил» (Лк. 9:33). Петру хочется удержать этот невыразимо-сладостный миг («нам здесь хорошо»), когда, воистину, разверзлась завеса между землей и небом и блаженство преображенной, светоносной природы пролилось на него и на все вокруг. Он снова как будто повторяет попытку остановить ход мистериальных событий, засыпать в покое «вечной субботы», знаменовавшей для иудеев будущий век.

Какими-то глубинами своего существа Петр противится голгофскому мученическому повороту фаворской идеи. И тут не только его метафизическая слепота, как это обычно понимается, но и упорное внутреннее нежелание принять «отрицательный» итог земного Христова служения, отрицательный в смысле свершившегося отторжения народом Сына Божия, вплоть до сознательного Его убийства. Конечно, реально доставшееся Христу состояние греховного человечества не подменить идеально-желаемым, и прав Е. Н. Трубецкой: «Земля, не пережившая страстей Христовых, не в состоянии удержать в себе сияние светлых риз Спасителя. Чтобы стать жилищем Абсолютного, она должна принять свою крестную муку»². Но крестная мука пока готовилась все же не самой грешной земле, а Чистейшему и Невиннейшему, и если бы содрогание и ужас Петра перед будущим воем толпы: «Распни Его, распни!», перед невиданным злодеянием этой земли могли каким-то нравственным чудом проникнуть в народ и бросить его в раскаянии к стопам Спасителя, то можно ли исключать другой, сразу и окончательно

¹ Преображение совершилось незадолго до праздника кущей, когда иудеи строили себе из зеленых ветвей особые шалаши и жили в них все семь праздничных дней — в воспоминание о том времени, когда они обитали в таких же шатрах в пустыне и Господь был при них, неотступно *соблюдал* Свой народ. Одновременно, это был праздник «собираения плодов в конце года» (Исх. 34:22), благодарения за них, и отмечался он осенью сразу после сбора всего урожая. Праздник кущей, воистину, стал прообразом праздника Преображения: и в христианском варианте празднуется, по существу, приуготовительное свидание человечества (в лице избранных апостолов) с Господом в Его славе, обещающим ему благодатное обожение, и вместе с тем — благословение земных плодов (на юге в этот день освящается виноград, на Руси — яблоки (яблочный Спас)).

² Е. Н. Трубецкой. Владимир Соловьев и его дело // О Владимире Соловьеве. М. 1911. С. 86.

фаворский, а не *голгофский* вариант Христова дела преобразования человека и мира?

«Когда он еще говорил (Петр о трех куцах. — С.С.), се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Этот есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И услышавши ученики пали на лица свои и очень испугались... Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса» (Мф. 17:5-6,8). И в Ветхом Завете все Богоявления происходят в облаке и из облака, только там часто, как это было на Синайской горе, облако это густое и мрачное, извергающее «громы и молнии... и трубный звук весьма сильный» (Исх. 19:16), и сходит Господь в огне и дыме, «вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий» (Исх. 24:17). Там является грозная, негодующая на недостойный народ, обучающая страхом и трепетом энергия Господня, действующая в мире до Христовом. Здесь же облако светлое, напоенное лучезарным светом, и тем не менее оно бросает тень на апостолов, «осеняет» их. Свт. Григорий Палама объясняет эту тень «чрезмерностью света», ставшего «неприступным для их зрения»: «Он, вследствие превосходящего сияния, стал недоступен для очей Апостолов, как бы вшед в светлый облак»¹. И пали они ниц, по мнению св. отца, не только от голоса, но прежде всего от осияния их «невыносимым светом».

Богоявление в Евангелии — мистериальный акт, знаменующий переломный момент истории Боговоплощения. При крещении Небо благословляет Иисуса на все Его земное служение, и прежде всего на то, что развернулось вначале, — служение пророческое. При преобразении же Иисус как бы помазается на самый ответственный, последний отрезок служения — на голгофскую искупительную жертву и Воскресение, т. е. возводится в ранг Первосвященника «по чину Мелхиседека»² (Евр. 7:11), на священство вечное, «непреходящее» (Евр. 7:24), и для земли, и для неба. И каждый раз

¹ Свт. Григорий Палама. Беседы в трех томах. Т. 2. С. 98.

² Мелхиседек — праведный древнееврейский царь Салима (будущего Иерусалима) и одновременно первосвященник «не по закону», ибо не принадлежал он к священнической касте потомков Аарона и, более того, отличался темным происхождением, отсутствием родословия (см.: Быт. 14:18-20; Пс. 109:4). В Новом Завете отвергается династическое, сословное священство и утверждается вечное священство Христа по чину Мелхиседека (см. Евр. 7:1-28).

можно говорить о явлении полноты Троичного Бога: Отца, Сына и Духа Святого (при крещении — очевидном, здесь же Третье Лицо представлено более опосредованно, в обожающей Божественной энергии, в благодати, сообщаемой всегда, по учению Церкви, через Дух Святой).

Преображение — мистическая точка особого сгущения и скрепления. В этом сверхфизическом пространстве впервые встали лицом к лицу «началовожди» Завета Ветхого и Нового, и «радовались Пророки, увидев Его человечество, которого не знали; радовались Апостолы, увидев славу Его Божества, которого не разумели»¹. Здесь же и помазание на первосвященническое служение Христа, на будущие Страсти, Воскресение и Вознесение, и прообраз будущего пришествия в Славе (эсхатологический аспект события), и вместе — опытное основание главной надежды и задачи христианского подвига: благодатного стяжания обожения и преобразования.

«Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит воскреснуть из мертвых» (Мк. 9:9-10). Так и будут апостолы *держатъ в себе*, в глубине своих пораженных, очарованных сердец это видение Божественной славы Учителя до самого Его Воскресения и Вознесения, так же как до тех пор будет ускользать от их понимания сама идея воскресения из мертвых — а ведь станет она, можно сказать, формообразующей завязью христианства как религии личностного воскресения и преобразования.

И еще один вопрос после только что увиденного волновал учеников: «Как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде?» (Мк. 9:11). Характерно, что ученики, люди самые простые, необразованные, ссылаются на расхожие толкования книжников, а не на первоисточник: предсказание последнего из пророков, Малахии, на слова, которыми завершаются пророческие книги и вообще канонический текст еврейской Библии. «Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к

¹ Св. Ефрем Сирийский. Творения. Т. 2. С. 53.

отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием» (Мал. 4:5). Кстати — заметьте — какой здесь обещается благой исход финального судного дня: Илия придет заранее для *морализации* земли, и она сумеет уже достойно, уйдя от угрозы рокового проклятия, встретить Господа... На этот вопрос Иисус отвечает тонко, разделяя два события, два временных плана и двух персонажей мистериального сюжета: «Правда, Илия должен придти прежде и устроить все» (Мф. 17:11), — тут явное подтверждение пророчества Малахии, относящегося к «последним временам и срокам» Второго Пришествия (еще только «должен придти»), и выраженной в нем надежды на конечное покаяние и прощение («должен... устроить все»). И второе: «Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них» (Мф. 17:12). Тут уж и сами апостолы догадываются, что Учитель имеет в виду Иоанна Крестителя и что его мученическую смерть надо понимать прообразом страстей Господних. Но на этот раз Илия употребляется как бы в нарицательном смысле: Иоанн пришел в «духе и силе Илии», не был им самим, а «совершал служение Его» (свт. Иоанн Златоуст).

ПОСЛЕДНИЕ ДЕЛА ГАЛИЛЕЙСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Мф. 17:14-27; 18:1-35.

Мк. 9:14-50. Лк. 9:37-50

Гпустившись с горы, Иисус с тремя апостолами вернулись к оставленным ученикам и нашли их в окружении довольно большой толпы народа и книжников. В толпе царило возбуждение, слышались возгласы и крики, шел какой-то спор. Едва успел Иисус спросить у книжников, в чем тут разногласия, как из толпы вышел человек и объяснил, что привел сюда своего единственного сына, с раннего детства страдавшего тяжкими припадками, причину коих он видел в одержавшем его демоне. И подробно описал признаки падучей болезни: как отрок вдруг валится на землю, извивается в конвульсиях, испуская пену и скрежеща зубами, а потом «цепенеет». И вот привел он его сюда, а ученики

не сумели изгнать беса из несчастного мальчика. «Иисус же отвечая сказал: о, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? приведите его ко Мне сюда» (Мф. 17:17) — Своим пронцающим всеведением Иисус тут же обнажает причину неудачи учеников: она *в неверии*, прежде всего, конечно, самого отца, приступившего к ним без должной веры в их свыше-благодатные силы, да и какое-то ослабление веры самих учеников (что подтвердится чуть позже). Но никогда еще не выражал Иисус этого *диагноза* с таким удрученным сердцем, с таким усталым, жаждущим избавления «доколе». И только предстал отрок пред очи Его, как случился с ним безобразнейший припадок. Каким контрастным перепадом *монтирует* евангельская история эпизоды земного пути Богочеловека и Его духовных питомцев: от недавнего возвышенного уединения, света преображения, духовного блаженства, потрясения от Богоявления к такому беспокойному, мятущемуся, шумно-спорящему *долу*, в центре которого встала искореженная фигура отрока, жертва бесовского поношения человеческой природы в самом ее обещающем и отрадном детском истоке. Узнав от отца, что покушается уже несчастное дитя и на свою жизнь («и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его» — Мк. 9:22), и выслушав моление о помощи, Иисус потребовал, как всегда, только одного: «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему» (Мк. 9:23). И тогда отец со слезами на глазах исторг из себя великое слово, которое звучало и будет еще не раз звучать в устах людей, от всей своей сокрушенной души припадающих к Богу: «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24).

И тут на виду у сбежавшегося народа произнес Иисус властные слова — кто на небе и на земле, какие существа и силы могли прекословить им?! «Дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него» (Мк. 9:25). Немедленно, как при первом исцелении бесноватого в капернаумской синагоге, с громким криком и сотрясением всего тела отрока дух болезни и разрушения покинул мальчика. И лежал он какое-то время, «как мертвый», «но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал» (Мк. 9:27), исцеленный и обновленный. Оставшись в доме наедине с Иисусом, смущенные своим бессилием, ученики спросили Его, почему им этого не удалось, ведь даровал же Он им — подразумевали они —

власть изгонять бесов и даже воскрешать умерших. «Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20). Надо думать, что в отсутствие Иисуса и главное — в беспокойном ожидании смущавших их скорых событий Его страданий и смерти, упорно Им предрекаемых, вера учеников, возможно, незаметно для них самих, несколько ослабла, а такой трудный случай требовал особого, без всякой тревожной складки и оглядки, накала веры... и не только: «Этот же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17:21) — необходимы еще были и благодатное осенение, стяжаемое молитвой, и немалая аскетическая самодисциплина, очищающая и одухотворяющая телесный состав самого исцелителя.

Это пребывание в Галилее перед последним путем в Иерусалим было совсем недолгим, Иисус сосредоточился в основном на Своих учениках, настойчиво утверждая их в мысли о скором Его предании в руки мучителей, о смерти и воскресении. И вновь и вновь евангелисты отмечают ошарашенно-недоуменную реакцию апостолов, св. Марк и св. Лука свидетельствуют: «Они не разумели сих слов, а спросить Его боялись» (Мк. 9:32), к чему св. Матфей добавляет еще и сгущающееся состояние печали и тоски. На короткое время Иисус — по возможности тихо и незаметно, так сказать, с частным визитом — посещает напоследок и *Свой* город — Капернаум. Только св. Матфей передает при этом один чудесный эпизод. К Петру обратились «собиратели дидрахм» для особой подати, так называемого «выкупа за душу свою», установленного Господом еще в древний период Моисеева законоуложения (Исх. 30:11-16). Равная для всех, и богатых и бедных, эта священная пошлина касалась каждого сына Израилева, достигшего 20 лет и выше, и шла «на потребности для дома Бога нашего: на хлебы предложения... на субботы, на новомесячия, на праздники, на священные вещи и на жертвы за грех для очищения Израиля» (Неем. 10:32-33). «Учитель ваш не даст ли дидрахмы?» (Мф. 17:24) — спросили сборщики у апостола. Забыв призадуматься хоть на минуту, а совместима ли эта плата с положением Учителя, с Его, так сказать, бытийственным рангом, стремительный Петр ответил: «Да». И только он вошел в дом к Иисусу,

Тот, как всегда, зная все без рассказа, «предупредив его, сказал: как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак сыны свободны» (Мф. 17:25-26). Действительно, какие деньги «для искупления души» должен был давать Тот, Кто Сам готовился стать Искупителем душ всего грешного человечества (и был Им всегда в предвечном совете), Кто был Сыном Бога, Господина Храма, и Чье тело отныне уподоблялось храму новой живой религии? Но не желая «соблазнять их» и подводить Своего апостола, Он смиренно принимает на себя то, что надлежало простому смертному («не как обязанный к тому, но из снисхождения к их слабости» — свт. Иоанн Златоуст). Но делает Он это не буднично и просто, взяв деньги из кассы общины, а способом чудесным, я бы сказала, изящно-сказочным, *играя* Своей властью над всеми стихиями и существами творения: «Пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя» — Мф. 17:27 (а статир как раз и составлял четыре драхмы, ровно, сколько требовалось на двоих).

«В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном?» (Мф. 18:1). Св. Марк вводит эту сцену несколько иначе, развернув завязку ее более психологически достоверно: Иисус Сам спрашивает учеников, о чем это они беседовали по дороге в город. Те смущенно молчат, стыдясь признаться, что «рассуждали между собою, кто больше» (Мк. 9:34), надо полагать, в глазах Учителя и в будущем Царствии Небесном. Иисус не ждет их ответа, «видя помышление сердца их» (Лк. 9:47), а зовет ребенка, ласково обнимает его, ставит в центр посреди апостолов и говорит: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18:3-6). Так Иисус указывает на детское чувство и отношение к окружающему как на *пример* и *путь* в Царство Небесное бессмертного, преображенного бытия. Уподобиться ди-

тяти значит следовать не природе как таковой, а природе смиренномудрой, возвращающейся к началу, к источнику, к чистоте. Дитя не мудрит и не превозносится, но любит и жалеет, простирая руки миру как родному (все — дяди и тети), в котором исчезновение дорогого лица невозможно и должно быть чудо, отменяющее страшную невозможность. В нем высказывается важнейшая опора и надежда спасения: *сердце*, которое у взрослых, у «мудрых и разумных» уже твердеет грубой, защитной коростой. Сердце, которое — если бы можно было его уже у взрослых, сильных, разумных, умеющих, довести до детского трепетного градуса любви и жалости, — заставило бы решительно отторгнуть послегрехопадный мир всеобщего вытеснения и смерти, покаяться в своих грехах и не только поверить в великое *безумие*, но и всеми силами начать его осуществлять, по великой формуле Христа: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12) и по совсем недавнему Его слову: «И ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20).

Готовясь навсегда покинуть Галилею, Иисус с особенной силой и настойчивостью обнаруживает высшее милосердное задание Своего явления на землю: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих... Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф. 18:10-11). Долготерпение Бога, желающего, чтобы все отвратились от зла, пришли к покаянию и спаслись, выражается Им с таким эмоциональным проникновением, что оно вселяет во истину новую, неслыханную ветхим миром надежду. «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти не заблудившихся» (Мф. 18:12-13). Какая трепетная забота о заблудшей, грешной душе, Божественная к ней любовь вибрирует в каждом слове этой притчи с финальным раскрытием ее высшего, эсхатологического смысла: «Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф. 18:14). В другом месте у св. Луки раскрытие смысла этой же притчи еще более очевидно: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7).

Полнота собственно новозаветной нравственности, раскрывающаяся и в этой последней галилейской беседе Спасителя, требует, по слову свт. Иоанна Златоуста, «чтобы мы чувствовали свои грехи и чтобы прощали другим». Насколько важно второе, и не только в межчеловеческих отношениях, но и в эсхатологической перспективе выхода в новый эон бытия, Царствие Небесное, толкует притча о немилосердном заимодавце, идущая здесь сразу же после Христова повеления прощать согрешающему против нас брату «до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18:22), т. е. практически бесконечно, и начинающаяся прямым наведением этой истории на все тот же экран вечности: «Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими» (Мф. 18:23). И вот привели к царю человека, который был должен ему огромную сумму в десять тысяч талантов. Платить ему было нечем, и царь, вначале грозя «продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел» (Мф. 18:25), для уплаты долга, затем смиростивился на его мольбу «потерпеть» и отсрочить расчет и вообще простил ему весь долг и отпустил на свободу. Между тем этот раб тут же нашел уже своего должника, который занял у него всего-то сто динариев и тут же, «схватив его, душил, говоря: “отдай мне, что должен”» (Мф. 18:28). На отчаянную просьбу несчастного, который повторял то же, что он сам недавно перед всемогущим господином, прощенный раб оставался непреклонным и посадил своего должника в темницу. Узнав об этом, его огорченные товарищи рассказали государю о случившемся. «Тогда государь его призывает и говорит: “злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?” И разгневавшись, государь отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга» (Мф. 18:32-34). Весьма важно здесь это новое словечко «пока», размыкающее, хотя бы в возможности, фатальную печать, что обрекает подобных «козлиц» на «огонь вечный» и «муку вечную». «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18:35). Значит, каковым будет спасение, всеобъемлющим или с жесткой сортировкой, упирается в нас самих: простим мы грешного человечка, найдя в нем зерна хорошего, что прорастут в его преображенной личности, и нас другие простят — и тогда за

милосердием Божиим дело не станет и всех нас примут в лоно Отчее. *Степень* и *качество* спасения и преобразования поставляются в зависимость от самих сынов человеческих: сколько *вместят* и *умеют*. Недаром непосредственно перед этой притчей о должнике-заимодавце сказано Иисусом: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18:18).

ПО ПУТИ НА ГОЛГОФУ
(Служение в Иудее
и Заиорданьи)

Воскрешение Лазаря. Фреска. 1105–1106 гг.

ХРИСТОС НА ПРАЗДНИКЕ КУЩЕЙ В ИЕРУСАЛИМЕ

октябрь 29 г.

Мф. 19:1. Мк. 10:1.

Лк. 9:51-62; 10:1-42.

Ин. 7:2-53; 8:1-59

Тем временем шел конец сентября 29 г. И в Капернауме, где находился тогда Иисус с учениками, и по всей Галилее шли приготовления к традиционному пешему путешествию в Иерусалим на праздник Кущей. В караванный поход собирались вместе родственники и соседи, и те, кто принадлежал к семейству Иисуса — по Его матери и приемному отцу Иосифу. И вот, перед самым отходом, пришли к Иисусу Его братья¹ и стали уговаривать пойти с ними в Иудею и Иерусалим, явить Себя миру, «чтоб и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь» (Ин. 7:3). Какие тут ученики ими разумелись? Конечно, не галилейские, те, что всюду с Ним ходили и все дела Его уже видели, и *с избытком*, а ученики из

¹ Имена Его «братьев» перечисляются у евангелистов Матфея и Марка: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?» (Мк. 6:3). См. также: Мф. 13:55. Одни считают, что это были дети Иосифа от первого брака, другие (более основательно), что речь шла о двоюродных братьях Иисуса, сыновьях сестры Богоматери — Марии, жены Клеопы (Алфея). Двоих из них: Иакова, отождествляемого с Иаковом Алфеевым, и Иуду (называемого Фаддеем) полагают среди двенадцати апостолов. Оба были авторами соборных посланий, вошедших в канон Нового Завета, и приняли мученическую кончину. Возможно, что в этом случае к Иисусу обратились не все Его братья, а только Иосия и Симон.

Иудеи. (Свт. Иоанн Златоуст полагает, что под учениками здесь имеются в виду не собственно Его ученики и апостолы, а «народ, следовавший за Ним».) Обычно братьев Иисуса за увещевания, вроде, вполне разумные, но самонадеянные (как будто Сам Иисус не знал, когда Ему что делать!) законно хулят. Да и сам евангелист добавляет: «Ибо и братья Его не веровали в Него» (Ин. 7:5). Что значит не веровали? Очевидно, что близкие Иисуса по Его семейству, хотя и пытались в какой-то момент «взять Его» от общественного служения, не могли не гордиться Его необыкновенными делами: исцелениями больных, мудрыми поучениями, собиравшими толпы в Галилее, недаром ведь и зовут они Его расширить Свое поприще, показать Себя в праздничном Иерусалиме всему иудейскому миру. Но совершенно ясно, что они действительно пока *не веровали* в Него как Сына Божия, ибо в противном случае вообще не осмелились бы давать Ему какие-либо советы. Впрочем, впоследствии, уже после воскресения и вознесения Христа, эта вера была дана и братьям Господним. Иаков стал первым епископом иерусалимским, и о нем нередко упоминается в Деяниях апостольских и в Посланиях ап. Павла, а Иуда — самоотверженным проповедником Благой Вести Христовой по всей Палестине, затем в Сирии, Аравии, Персии и Армении. (Но ведь о двух других — Иосии и Симоне, которые, скорее всего, здесь и действовали, не известно ничего подобного.)

Иисус отказывается идти с ними, разделяя *Свое*, провиденциальное время, которое «еще не настало», и *их* время, что идет себе заведенным, последовательным земным чередом. «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому, что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Ин. 7:7). Да, Иисус бесконечно кроток, милосерд и добр к конкретному несчастному, заблудшему человечку, но Он совсем не таков к самому злу послегрехопадного порядка бытия — тут Он непримирим и резок, зовет отторгнуться самих себя, привычных реакций, земных привязанностей и сладостей... Как не возненавидеть Того, Кто отвергает самые основы привычного бытия, самую природу человека, его самость? Того, Кто не дает пожелавшим следовать за Ним, т. е. встать на путь просвещения мира Вестью о Царствии Божием, о новой небесной природе, ни проститься с домашними, ни даже похоронить отца своего («предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовестуй Царствие Божие» — Лк. 9:60).

Тем не менее, отказав братьям Своим идти с ними и оставшись еще на два-три дня в Галилее, выждав, когда все уже были в Иерусалиме, Он пошел туда без шума по опустевшим дорогам. Причем вновь, как когда-то идя на первое служение из Иудеи в Галилею, Он решил двинуться кратчайшим путем через Самарию, а не более надежным и спокойным восточным берегом Иордана через Перею, как это делали все. Но прежде чем вступить в первое самарянское селение, приграничное с Галилеей, Иисус «послал вестников пред лицом Своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское, чтобы приготовить для Него; но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим» (Лк. 9:52-53). Поскольку Он идет туда «как бы тайно», не объявляясь и не совершая никаких знамений, то Его принимают за человека, который отправляется, пусть с запозданием, на праздник в Иерусалим, а мы уже знаем о давней расправе между иудеями и самарянами, признававшими святыней не Храм иерусалимский, а свой, на горе Гаризим. Разгневанные таким непочтением к их Великому Учителю, двое из апостолов, Иаков и Иоанн, которые только что на Фаворе созерцали Его божественное могущество, предлагают — причем своими, дарованными Им сверхфизическими силами — вызвать огонь с неба и истребить это селение, как это совершил в свое время ветхозаветный Илия, который попалил небесным пламенем два «пятидесятка», посланных за ним царем самарийским. «Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. И пошли в другое селение» (Лк. 9:55-56). Вот она великая еще разница между учениками и Спасителем! Первые, находясь среди недружелюбного к ним, упорного в заблуждении мира сего, не могут удержать свое вскипающее гневом сердце, воображая в его глубине мстительные картины: вот сражаются и разносятся в прах их недруги — по примеру и духу ветхозаветному. А Он пока еще единственный носитель новозаветного духа (даже ближайšie «не знают» его), духа прощения и всеобщего спасения. Это было такой поражающей чертой проповеди и поведения Иисуса, никак не вяжущейся с традиционной фигурой грозного, карающего врагов и неверных Мессии, что она какой-то удивительной, невмещающейся странностью врезалась в память учеников и они не могли не передать ее в Евангелиях.

Этот путь в Иерусалим обозначил четкую грань двух эпох жизни и служения Спасителя: двухлетней галилейской, в целом отмеченной светлыми, радостными тонами, обретением главных учеников, обилием чудесных исцелений, духоподъемной проповедью Царствия Небесного, народным энтузиазмом, восторженно-поклоняющимся приемом Его почти всюду (да и в Капернауме у Него было Свое гостеприимное пристанище в доме тещи Симона-Петра), и последней, полугодовой иудейской, где аудитория Его намного более сдержанна и осторожна, в постоянной оглядке на мнение духовных начальников, где нагнетается угроза расправы над Ним, все настойчивее в Его собственных словах нарастает густая тень грядущей Голгофы, и Он превращается в преследуемого скитальца, воистину, по образному слову, сказанному Им на этом пути некоему человеку, пожелавшему всегда и всюду идти за Ним: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Лк. 9:58). А между этими периодами лежат еще переходные полгода от марта-апреля 29 г. (когда после чуда с хлебами, бурной экзальтации народа, намерения чуть ли не силой взять Его в Иерусалим на Пасху и провозгласить Царем-Мессией, и произошел резкий слом и охлаждение к Нему разочарованной в своих ожиданиях толпы) до октября того же года, до праздника Кущей. В эти полгода шла главным образом подготовка сознания самих учеников к заключительной жертвенно-крестной фазе служения Иисуса.

В Иерусалим Иисус вступил уже на четвертый день праздника. Город являл собой зрелище необыкновенное: на улицах и площадях и даже на крышах домов стояли кущи, шалаши из пальмовых, оливковых, сосновых ветвей, куда на неделю переселялись жители религиозной столицы и многочисленные паломники. Как в легендарные времена сорокалетнего скитания по пустыне, народ вновь как бы превращался в кочевника к земле обетованной, а город — во временный лагерь. Но главное празднество шло в Храме, куда устремлялось все свободное от забот, только что убравшее урожай население Святой Земли. Каждый день здесь происходили торжественные жертвоприношения, возлияния вина вокруг алтаря в воспоминание о спасительной влаге, ударившей ключом из скалы Хорива от жезла Моисеева, на паперти горели два светильника, символически представлявшие огненный столп, в кото-

ром Господь по ночам указывал Своему народу путь по пустыне. Царило особое оживление и радостное настроение, все семь дней праздника Самим Господом было предписано веселиться пред Его лицом (Лев. 23:40). Торжественно трубили храмовые трубы, народ кругами двигался вокруг алтаря, помавая ветвями лимонного, персикового, вербного дерева, с вплетенной листвой пальмы, распевая хвалебные псалмы. Многие толпились в пристройках Храма, на его дворах, слушая поучения книжников, речи проповедников, обмениваясь новостями и впечатлениями. Толки шли и о галилейском Учителе, прославившемся чудесами и новым учением: одни обвиняли Его в том, что Он «обольщает народ» (Ин. 7:12), другие защищали и «говорили, что Он добр», но говорили об этом тихо, собираясь кучками по углам, «боясь Иудеев» (Ин. 7:13), искавших Его повсюду явно с провокационными и враждебными намерениями, созревшими, как мы знаем, уже давно.

И вдруг, когда Его уже никто не ждал, Он появился в Храме и привлек к Себе особенно много слушателей (как заметил свт. Иоанн Златоуст: «Через промедление он сделал их внимательнее»). Евангелист свидетельствует, что Он учил, но *как и чему*, поначалу не раскрывает. Ясно лишь, что учил, широко прибегая к Ветхому Завету, скорее всего к пророчествам о грядущем Мессии, поскольку первым делом вызвал всеобщее удивление: «Как Он знает Писание, не учившись?» (Ин. 7:15). Здесь, в Храме на празднике Кущей, глубинный смысл которого заключался в воспоминании о факте неотлучного Божьего *присутствия* среди народа и в идее несказанной радости такого чаемого общения, Иисус вновь явился в Своем пророческом служении, пророком Самого Себя как Сына Божия, как Посланника Небес, вочеловечившегося предвечного Господа. Первое и главное, что утверждает Иисус в ответ на дивящиеся вопросы иудеев: «Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня; КТО ХОЧЕТ ТВОРИТЬ ВОЛЮ ЕГО, ТОТ УЗНАЕТ ОБ ЭТОМ УЧЕНИИ, ОТ БОГА ЛИ ОНО, ИЛИ Я САМ ОТ СЕБЯ ГОВОРЮ» (Ин. 7:16-17). Неожиданное и тонкое доказательство от Дела проводит Иисус: только тот, кто *захочет* (изберет, склонит свою волю к такому выбору) творить волю Божью, тот и получит достоверное знание об учении, о его истоках и смысле. Вера выступает тут в самом глубоком своем значении — как акт волевого избрания, как решимость стать исполнителем Божьего дела...

Какие «преступления» видели за Иисусом иудеи? Их было два: одно, что исцелял в субботу, отвергая тем самым покой священного неделания, второе, что говорил о Себе как о Сыне Божьем. И сейчас, перед лицом праздничной толпы, но таившей для Него личную угрозу, Иисус не только не пытается как-то уйти от обвинений в подобном «святотатстве», а напротив, вновь решительно подтверждает и Свое *добродетельное* отношение к субботе, и Свое Божественное достоинство. Да, Я субботу понимаю не как вы и ваши скрупулезные в формальных мелочах водители, — вновь отчетливо дает понять всем Иисус. Она не может быть днем покоя от добрых и спасительных дел — и тут Иисус выбрасывает толпе понятный ей, разительный аргумент: «Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев, — на Меня ли негодуете за то, что Я всего человека исцелил в субботу?» (Ин. 7:23). О чем тут речь? Дело в том, что обрезание, производившееся на восьмой день от рождения младенца, могло приходиться на субботу, — и его все же делали в этот день. Обрезание, знамение завета с Богом, оказывалось важнее соблюдения дня субботнего. «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Ин. 7:24), — отвергает Иисус суд фарисейский, внешний, «по букве», учит судить по сути, по правде, по духу... В ответ на внутренние сомнения, пробивавшиеся в ропоте и толках толпы, тоже забуксовавшей на букве: мы вот Этого знаем, откуда Он, «Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он» (Ин. 7:27), — пророческий глас Иисуса взлетает в возвышенное, патетическое исповедание о Себе: «Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете; Я знаю Его, потому что Я от Него, и Он послал Меня» (Ин. 7:28-29). И хотят задержать Его за такие «богохульства», но не могут наложить «на Него руки, потому что еще не пришел час Его» (Ин. 7:30), — еще *рано*, и странно вдруг *обезволиваются* люди, готовые Его схватить, и опускаются руки их!

А мысли и настроения высекаются из народа разные: кое-кто решил, что раз дают Ему прямо высказываться, то не «удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос?» (Ин. 7:26), многие же и уверовали в Него, зная Его чудесные знамения. Между тем заседавшие рядом с Храмом в зале синедриона фарисеи и первосвященники, прослышав о том, что происходило во дворе Храма, послали туда служителей — «схватить Его» (Ин. 7:32). Иисус сра-

зу же почувствовал этих посланцев злобы и угрозы в окружавшей Его толпе и сказал им слова странные, запечатленные неясной, высшей тайной: «Еще не долго быть Мне с вами, и пойду к Пославшему Меня; будете искать Меня и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете придти» (Ин. 7:33-34). Но кто среди иудеев мог внять этому предсказанию грядущих переломных в истории мира событий, кто способен был почувствовать в словах Иисуса дыхание великого Божественного замысла, хотя бы вибрацию священной тайны и вздрогнуть, опаматоваться? Уровень Божественных предначертаний лежит в плоскости, не пересекающейся с их обыденным, упорным в неверии рассудком, что начинает соображать по-своему: «Куда Он хочет идти, так что мы не найдем Его? не хочет ли Он идти в Еллинское рассеяние и учить Еллинов?» (Ин. 7:35). На этом характерном недоразумении и недоумении, обнаруживающем еще раз роковое непонимание и расхождение Спасителя и народа, к которому Он прежде всего пришел, и завершается первая проповедь Иисуса на празднике Кущей. Иудеи праздновали *нахождение* с ними Господа в давний ответственный период их народного бытия, а тут Сам вочеловечившийся Сын Божий был среди них, Лицом к лицу, а они *не захотели* Его ни узнать, ни признать.

Последний — восьмой — день праздника назывался, как и первый, *великим днем* и отличался особо торжественным религиозным символизмом и кульминацией общего ликования. С раннего утра процессия оставивших свои временные кущи иудеев шла в Храм, откуда после богослужения все вновь вступали в свои дома, изображая этим вход своих предков в землю обетованную. Центральный обряд вновь напоминал об изведении Моисеем воды из скалы для утоления умиравших от жажды в пустыне сынов Израилевых. Из силоамского источника, расположенного на юго-востоке Иерусалима у подножия гор Сион и Мориа, в специальном золотом сосуде приносилась вода и под аккомпанемент труб, кимвалов, народных возгласов проливалась на жертвенник. Звучало пение стиха из Исаии: «И в радости будете почерпать воду из источников спасения» (Ис. 12:3). В этот момент стоявший среди богомольцев Иисус возгласил властно и царственно: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей; кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (Ин. 7:37-38). Иисус ссылается на мессианский образ потока живых вод, берущего начало из-под иеру-

салимского Храма и текущего по святой земле, обновляя, оздоравливая и приумножая всю тварь (см.: Иез. 47:1-12; Зах. 13:1, 14:8). Но чтобы они потекли из чрева каждого — это было нечто новое. Сам евангелист объясняет: «Это сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него» (Ин. 7:39), т. е. о реках благодати, что наполняют сердца верующих и будут непрерывно истекать на ближних и мир. Но как и в разговоре с самарянкой, сокровенное ядро этого образа связано с новой природой, обретаемой в Царствии Небесном, с Вестью о котором и пришел на Землю Христос: каждый изнутри себя станет источником «воды живой», внутри его забьют благодатные ключи постоянного самообновления, поддерживающие непрекращающееся, бессмертное, обоженное бытие.

Возвышенное, божественно-пророческое дыхание этого глагола Христа пронзило народ, многие говорили: «Он точно пророк», другие: «Это Христос» (Ин. 7: 40,41), но оставались и сомневающиеся все тем же расхожим сомнением о Галилее, не рождающей пророков. «Итак произошла о Нем распря в народе (Ин. 7:43). И вновь кто-то хотел схватить Его и не мог этого сделать, и посланные служители, наблюдавшие за Иисусом в Храме все эти дни, вернулись к пославшим их фарисеям и первосвященникам — и они не посмели тронуть Иисуса: «Никогда человек не говорил так, как этот Человек» (Ин. 7:46), — объяснили они свое бездействие. «Неужели и вы прельстились?» — вознегодовали духовные начальники и как доказательство правоты своего отношения привели единственно с их точки зрения весомый критерий — иерархического авторитета: «Уверовали в Него кто из начальников или из фарисеев?» (Ин. 7:47-48). Но оказалось, что даже по этой фарисейской логике они были неправы, ибо находился — и буквально среди них — именитый фарисей, кто был Его тайным учеником — Никодим. Но не хватило ему решимости признаться в этом, и он лишь предложил смягчающее: «Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» (Ин. 7:51). Но на это ему немедленно заткнули рот: «И ты не из Галилеи ли?» (Ин. 7:52). На чем пока «и разошлись все по домам» (Ин. 7:53). Значит действительно шло до того заседание синедриона, и уже возник на нем вопрос о галилейском пророке.

Даже находясь в Иерусалиме, Иисус ищет Себе ночного пристанища вне города, стараясь, как всегда, найти возвышенное место, где Он легче отрясает с Себя усталость от общения с миром

людского несчастья, греха, злобы и устремляется в укрепляющую дух молитву к Небесному Отцу. Тут Он пошел на гору Елеонскую, что находилась к востоку от Иерусалима, за потоком Кедрон (на ее юго-восточном склоне располагалось селение Вифания, к ее подножию с запада простирался масличный Гефсиманский сад), провел там ночь, а утром опять возвратился в Храм, «и весь народ шел к Нему; Он сел и учил их» (Ин. 8:2).

Развернувшаяся сцена — одна из самых знаменитых в Новом Завете, хотя вокруг нее шли долгие споры о ее каноничности, ибо в ряде древнейших рукописей Евангелия она отсутствует. Еще бы, речь шла о случае особом, в некотором роде, соблазнительном, — недаром им и хотели поставить в тупик галилейского Учителя. «Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его» (Ин. 8:3-6). По закону Моисееву, прелюбодеяние, действительно, считалось грехом смертным: «Если найден будет кто лежащий с женой замужною, то должно предать смерти обоих: и мужчину, лежавшего с женщиною, и женщину; и так истреби зло от Израиля» (Втор. 22:22). Но к этому времени нравы иудеев уж никак не стояли на высоте древних заповедей, да и сам обычай побивания камнями прелюбодеев вышел из употребления, не говоря о том, что существовали гражданские установления о разводе, применимые как раз к подобным случаям. Кстати, не случайно именно сейчас представилось такое нарушение семейной добродетели. Сама праздничная свобода общения, жизнь в кущах, почти языческая атмосфера дней, отмечающих уборку урожая и особенно винограда, могли дать дополнительные, благоприятные поводы для этого греха.

Ловушка, подстроенная Иисусу, казалось, должна была сработать в любом случае: оправдай Он прелюбодейку, что было достаточно вероятно (Его милосердие к презренным и падшим было широко известно и притягивало к нему народные сердца, но и вызывало у фарисеев высокомерно-«чистенький» ропот), — и вот оно неуважение к древнему Закону, данному Самим Господом, да еще со стороны называющего Себя Сыном Божиим; напротив, осуди ее — и разобьет в толпе Свой образ великого Милостивца, и возмутит ци-

вильные римские законы таким варварским атавизмом. Куда ни кинь, выходила выгода хитроумным и циничным испытателям! Пока книжники и фарисеи объясняли Иисусу суть дела и выставляли напоказ Ему и толпе смятенную, с сорванным покрывалом, сгорающую от стыда и страха женщину, Иисус, не поднимая головы, как бы уважая стыдливость несчастной, «наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания» (Ин. 8:6). Они продолжали настаивать на ответе, и Он, не взглянув прямо ни на женщину, ни на ее обвинителей — и так насквозь все видел внутренним взором в их сердцах, — сказал нечто совершенно неожиданное, сбивающее, как всегда у Него, все просчитанные комбинации: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8:7). «И опять, наклонившись низко, писал на земле» (Ин. 8:8) — какая это единственная во всем Евангелии деталь! Удивительная, изящная, в колорите древних мудрецов-любомудров, вычерчивающих на земле, на песке нечто свое, только им понятное: открытую формулу, доказательство задачи, магический знак, символическую криптограмму... Иисус — в Своем возвышенном, недоступном для массы и ее напыщенных и плоских начальников размышлении, и решает поставленную перед ним задачу-ловушку так между прочим, не отрываясь от Своего загадочного занятия.

Божественно простые, неотразимые в своей нравственной правде слова Иисуса — учтите — шли не просто от земного мудреца, а из уст Богочеловека и были намагничены особой духовной энергией, что внезапным очищающим вихрем ворвалась в души законников, сорвав с них коросту высокомерия, заготовленного циничного хитроумия, обнажила их совесть. И тут развернулась удивительная, какая-то театрально-впечатляющая картина: «Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить одни за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди» (Ин. 8:9). Господь и грешница, друг против друга. Оставаясь в той же восклоненной позе, Иисус наконец прямо взглянул на женщину («не видя никого, кроме женщины») и спросил ее: «Женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?» (Ин. 8:10). Она ответила Ему одно, тихо: «Никто, Господи!» И Он, Безгрешный и Чистейший, о! совсем с другой высоты, чем те, оказавшиеся, по их собственной самооценке, *не без греха*, высказал Свое Божественно-милосердное: «И Я не осуждаю тебя: **ИДИ И ВПРЕДЬ НЕ ГРЕШИ**» (Ин. 8:11).

Место следующего эпизода проповеди Иисуса евангелист обозначил точно: Спаситель сидел у сокровищницы, особом месте на дворе жен, где в отверстия тринадцати ящиков опускали свои дары иудеи, главным образом фарисеи. Тут же недалеко высились два огромных светильника на позолоченных подсвечниках, весь срок только что прошедшего праздника в них сгорали старые священные одежды, а вокруг народ предавался ритуальным танцам, и левиты исполняли так называемые «псалмы восхождения» (Пс. 119-134). Яркий свет лампад, еще вчера озарявший по ночам не только храмовый двор, но распространявшийся далеко за его пределы, стал отправной точкой для проповеди Христа. «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8:12). Обычным Своим способом, отталкиваясь от какого-то окружного физического предмета, Иисус возводит слушателей к истине духовной. Свет этих лампад, как бы ярост и праздничен ни был он, уже погас, как не вечен любой природный огонь или свет. Образ «света жизни», заключающегося в Самом Христе и даруемого тем, кто последует за Ним, — один из трех образов особого символического сгущения, возникающих в слове Спасителя: *огонь*, *живая вода* и *свет*. Огнем истребляется «солома» грехов, очищается природный мир для нового преображенного бытия; *живая вода* выражает принцип оздоровления, обновления и бесконечного самовозобновления, поддержания бессмертного типа существования. Образ *света* — наиболее возвышенно-божественный: Сам Иисус Христос — «свет миру», и принесенная Им Благая Весть — свет, и обоженное, духоносное бытие запечатлено как торжество света.

И вновь утверждает Иисус фарисеям на их упреки, что, по Моисееву закону, свидетельство Его не действительно («Ты Сам о Себе свидетельствуешь» — Ин. 8:13), Свое особое право свидетельствовать именно так: «Потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду» (Ин. 8:14), «Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня» (Ин. 8:18). Нелепо было требовать как минимум двух единогласных свидетелей, что предписывал ветхозаветный закон для осуждения «в какой-нибудь вине и в каком-нибудь преступлении и в каком-нибудь грехе» (Втор. 19:15), когда свидетельствовал о Себе Сам законодатель, Сам Бог. Чтобы принять такое небесное свидетельство, как раз и требовался акт веры, на который и не пошли иудеи, не вняв ни пророчествам, ни учению,

ни знамениям... На прямой вопрос иудеев: «Кто же Ты?» — Иисус определяет Себя тем именем Бога, что было открыто еще Моисею («Я есмь Сущий» — Исх. 3:14): «От начала Сущий» (Ин. 8:25), — и произносит позднее сбывшееся пророчество: «Когда вознесете (намек на будущее распятие. — С.С.) Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю» (Ин. 8:28).

Каждое из выступлений Иисуса в иерусалимском Храме, подробно переданных св. Иоанном, касается важнейших тайн Его Божественной природы. Он вновь и вновь подтверждает Свое неразделимое единство с Отцом, Свое посланничество от Него, суть Своей миссии, связанной с преображением смертного, падшего естества в бессмертное и прославленное, разделение двух порядков бытия, двух царств — земного и небесного. «Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин. 8:23). Но есть ли лестница между двумя этими мирами? Иисус и объявляет Себя таковой. Призывая вникнуть в принесенные Им «глаголы жизни», Спаситель обещает: «И ПОЗНАЕТЕ ИСТИНУ, И ИСТИНА СДЕЛАЕТ ВАС СВОБОДНЫМИ» (Ин. 8:32). Но иудеи, понимающие лишь политические, социальные, экономические формы рабства, недоумевают: «Мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда; как же Ты говоришь: “сделаетесь свободными”?» (Ин. 8:33). Иисус же раскрывает глубочайшее онтологическое рабство людей у самого природного, послегрехопадного порядка бытия, «рабство тлению», рабство у слепых, смертоносных сил, рождающее грех («всякий, делающий грех, есть раб греха» — Ин. 8:34). Освобождение от этого натурального рабства и обещает Христова истина, *усыновиться* которой Он и призывает. Без этого раб греха, раб стихий подвержен смерти: «Но раб не пребывает в доме вечно: сын пребывает вечно; итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8:35-36).

Но тщетно бьется Иисус со Своим высоким словом освобождения, не вмещается оно в иудеев. «Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего» (Ин. 8:38). Люди длят природную цепь от земного отца к отцу, наследуют их личные, родовые и первородные грехи, существуя по законам вытеснения, похоти, смерти. Христос приходит от Божественного Отца с Вестью о радикально ином, преображенно-бессмертном строе

бытия. Движение к нему сынов человеческих может начаться через душевное принятие этого небесного порядка как чаемого, через усыновление Богу, Господину Царствия Небесного, в том духовном рождении, о котором Христос говорил в свое время с Никодимом. И как ни пытаются иудеи облагородить свое неприяние Иисуса (уже созревает в глубине их сердец согласие на Его убийство) гордыми ссылками на то, что они сыны Авраама и Бога Израилева, Спаситель беспощаден в диагнозе послегрехопадного человечества, упорствующего в своем греховно-смертном, против-Божеском выборе, зачавшемся с известного дьявольского искушения: «Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел... Почему вы не понимаете речи Моей? потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:42-44).

Чем божественно-суровее слова Иисуса, тем более растет злоба иудеев, вновь, как некогда фарисеи, упрекающих Его в том, что бес в Нем и вообще Он... самарянин. «Иисус отвечал: во Мне беса нет, но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня... Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек» (Ин. 8:49,51). И вновь был брошен иудеям краеугольный камень Христовой веры, но для них он тут же лег главным камнем преткновения: именно эта «безумная» надежда на победу над смертью только еще больше убеждает их в Его «одержании» и богохульстве. Как это можно «не вкусить смерти вовек», когда и Авраам умер, и пророки, и все умрут... как смеет этот дерзкий галилеянин, которому по виду нет и пятидесяти, утверждать, что сам Авраам, почивший в давние, легендарные времена, видел день Его и «возрадовался»? И тогда Иисус еще раз открывает истину Своей Божественной предвечности, ту, что из всех евангелистов так прямо и настойчиво передает именно св. Иоанн: «Истинно, истинно говорю вам: ПРЕЖДЕ НЕЖЕЛИ БЫЛ АВРААМ, Я ЕСМЬ» (Ин. 8:58). Тут уж вовсе не выдержали иудеи и, словно перед лицом преступника, схватили камень, «чтобы бросить на Него», но Иисус, как в свое время с назаретянами, готовившимися сбросить Его со скалы, непостижимым образом проходит «посреди них» (Ин. 8:59) и удаляется из Храма и из Иерусалима.

УДАЛЕНИЕ ИЗ ИЕРУСАЛИМА

октябрь–декабрь 29 г.

Лк. 10:17-42

Два месяца до декабрьского праздника Обновления Храма, когда Иисус вновь объявляется в Иерусалиме, Он вместе с учениками находится в Иудее. Мало что известно об этом периоде Его финального служения, лишь некоторые события и поучения, переданные св. Лукой, относят к этому времени. Еще по дороге в Иерусалим на праздник Кущей Иисус, по Евангелию от Луки, отправляет семьдесят учеников на проповедь, «по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти» (Лк. 10:1). Его напутствия ученикам повторяют в более краткой форме уже известные нам наставления двенадцати апостолам перед их первым самостоятельным служением. Эти семьдесят явно поставлялись в ветхозаветную параллель. Так, по указу Господа, Моисей должен был избрать «семьдесят мужей из старейшин Израилевых» (Числ. 11:16) для служения в скинии. Эти семьдесят, осененные Господом особой духовной благодатью — причем через Моисея, — становятся первыми его помощниками в водительство народа: «Я сойду и буду говорить там с тобою и возьму от Духа, Который на тебе, и возложу на них, чтобы они несли с тобою бремя народа...» (Числ. 11:17). Вообще, число *семьдесят* (как и *сорок*, и *семь*) было нагружено для иудеев особым священно-символическим значением. (Кстати, и синедрион насчитывал именно семьдесят членов.) По библейским представлениям, родоначальниками израильского народа были двенадцать патриархов — в новозаветной традиции двенадцать апостолов основывают Церковь, разноплеменный народ Христов, народ Божий. Число же языческих народов считалось равным семидесяти (так, на празднике Кущей в честь этих народов совершалось за семь дней в целом семьдесят жертвоприношений). Отправление семидесяти, пока на временное, локальное служение, — очевидный прообраз будущего раздвижения границ христианской проповеди на все языки, запечатленного в последней заповеди Христа, заповеди научения и собирания, которую Он дал Своим ученикам после воскресения: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (Мф. 28:19).

Миссионерское путешествие семидесяти не было особенно долгим, здесь, в селениях Иудеи, они возвращаются к Учителю, возвращаются в настроении приподнятом, удивляясь и радуясь той благодатной исцеляющей силе, что даровал им Спаситель: «Господи, и бесы повинуются нам о имени Твоем» (Лк. 10:17). На что Иисус так расширяет горизонт их видения: дело не только в том, что они лично получили дар изгонять бесов (впрочем, Иисус тут же усиливает их мощь и неуязвимость, давая «власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью»¹ — Лк. 10:19), — с пришествием Богочеловека зачинается новая мировая космическая эпоха, когда будет одержана окончательная победа света над силой тьмы и воцарится всецело обоженный порядок бытия, в котором нет места сатане: «Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк. 10:18). Недаром тот же образ низвержения «великого дракона, древнего змия, называемого дьяволом и сатаною», развивается далее в видениях последних судеб мира (См.: Откр. 12:7-9).

Иисус учит Своих избранных радоваться не частному факту обретенной ими сверхфизической способности (тому, что «духи вам повинуются»), а тому, что ждет их благая участь в новом Царствии («что имена ваши написаны на небесах» — Лк. 10:20). Он раскрывает их душам тот уникальный шанс, то высшее провиденциальное избрание, что выпали именно им в истории и вечности: быть рядом с Самим Божественным Спасителем мира, видеть Его Лицом к лицу, видеть Его дела, слушать Его речи... И кому же Он открывается в Своей истинной сути? — чистым и кротким сердцем, людям детской души, что предваряют в Царствии Небесном тех, кто нагружен умом и знанием, но и гордостью и косностью своих затверженных понятий о земном и небесном. И этот удивительный факт, это перевертывание ценностей наполняют Иисуса особым ликованием: «В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил это от мудрых и разумных и открыл младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение» (Лк. 10:21). Превзысканнее всех великих и славных мужей ветхозаветного мира эти простые рыбаки, пасту-

¹ Таким образом, Христос снимает со Своих учеников одно из проклятий, наложенных Господом после грехопадения: «И вражду положу между тобою (змием. — С.С.) и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятую» (Быт. 3:15).

хи, бывшие мытари, составившие Его учеников! Их Он возвел в такой ранг, о котором те могли лишь мечтать: «Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лк. 10:24).

И главное тут слово, выражающее принципиально новое качество явления Бога сынам человеческим, — «*вы видите*», ибо никто в Ветхом Завете, вступавший в какой-либо контакт с Господом, никогда не видел Его, разве что мог слышать Его глас. Эта *невидимость* Бога и определила в иудаизме строгое воспрещение Его изображения (дабы не впасть в идолопоклонство!), тогда как факт *Боговоплощения* дал метафизическое обоснование самой возможности творить иконы¹, создавать зримый образ Божества.

«И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (Лк. 10:25) — так начинается св. Лука следующий эпизод из чреды поучений Иисуса этого времени. Как мы видим, евангелист относится к вопросу законника (т. е. книжника) весьма настороженно, полагая, что он продиктован желанием «искусить», как-то на чем-то *уловить* Учителя, поставить Его в тупик, уронить в глазах окружающих. Иисус тут же обратил спрашивающего к тому, чего он был специалист и профессионал, к закону: а что там на этот счет рекомендовано? Книжник вполне благочестиво и даже мудро соединил в одну заповедь два закона о любви, данные в разных местах Ветхого Завета, — о любви к Богу «*всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими*» (Втор. 6:5) и к ближнему как к самому себе (см. Лев. 19:18). Иисус полностью одобрил его ответ («так поступай и будешь жить» — Лк. 10:28), ведь и сам Он точно так же позднее ответит другому книжнику на его вопрос: «Какая наибольшая заповедь в законе?» (см. Мф. 22:35-40 и Мк. 12:28-31). На это законник, «желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?» (Лк. 10:29). Надо учесть, что вопрос о том, кого считать ближним своим и, следовательно, возлюбить его как самого себя,

¹ Именно вочеловечение Христа было центральным богословским доводом преп. Иоанна Дамаскина, главного идеолога иконопочитания. Знаменательно, что Церковь, празднуя 16 августа (по старому стилю) Перенесение Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа из Едессы в Царьград (т. е. событие, произошедшее с первой *иконой*, которую, по преданию, сотворил Сам Христос, отпечатав Свой лик на плате), читает на утрени вышеприведенные стихи (Лк. 10:22-24).

был среди раввинов предметом постоянных дебатов, так что именно здесь, скорее всего, и прятался искусительный пункт для Иисуса. И вновь, вместо риторического разъяснения: такого-то и такого следует признавать за ближнего своего, — Иисус предложил вниманию законника одну из своих чудесных притч.

«Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым» (Лк. 10:30). Остановимся на этой экспозиции рассказа. Мельчайшая деталь притчи в целом, как и ее зачин, — достоверны, почерпнуты из реальности. Путь из Иерусалима в город Иерихон, находившийся в Иорданской котловине на расстоянии чуть более двадцати километров к северо-востоку от столицы Иудеи, шел по скалистому и мрачному, пустынному ущелью, полному диких зверей и разбойников, часто нападавших на пешеходов. Дурная слава этого пути, не раз обогрившегося кровью жертв, дала ему название красного или кровавого. Вот и герой притчи Иисуса попал в неприятную передрагу, что грозила ему потерей жизни. Он лежал уже полумертвым и нуждался в срочной помощи. «По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо» (Лк. 10:31-32). Ни одно слово не случайно здесь, в том числе и это «по случаю». Дело в том, что в Иерусалиме служили тысячи священников и левитов, их помощников (по данным талмуда до 24 тысяч), из них примерно половина проживала в Иерихоне. В Храме существовала особая очередь для служения, и когда она подходила, священники и левиты, жившие в Иерихоне, шли в Иерусалим, чтобы затем, по исполнению своих религиозных обязанностей, вернуться домой. Правда, для этого обыкновенно пользовались более спокойной дорогой, с крюком через Вифлеем. Так что только какой-то особый случай мог заставить и священника, и левита пойти опасным, *красным* путем. Этот же случай стал проверкой истинного состояния их душ, обнаружив полное бессердечие, сосредоточенность только на собственном благополучии. «Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился» (Лк. 10:33). Да, люта я вражда лежала между иудеями и самарянами, но тут один человек *сжалился* над другим человеком — и ушло то, что их разделяло: исторические, национальные, религиозные обиды и предубеждения. Доброе дело начинается с непосредственной реакции чувств, неконтролируемо-

го движения сердца, теплого прилива сострадания. И вот самарянин возлил на раны несчастного очищающую и смягчающую смесь из елея и вина (ее обычно брали с собой в дальнюю дорогу), перевязал их, скорее всего, оторвав кусок полотна от своей одежды, посадил его на своего осла и сопровождал в ближайшую гостиницу, где оставил два динария настоятелю, чтобы тот позаботился о раненом, обещая вернуться сюда и добавить позже еще денег по надобности.

Убедительно внятно и ярко рассказав эту поучительную историю, Иисус, как обычно, финальным вопросом *наводит* самого слушающего на правильный ответ, вынуждает его сделать необходимые выводы: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» (Лк. 10:36-37). Да, от умственной *вменяемости*, интеллектуальной честности труднее всего отказаться в подобной ситуации (кто захочет прослыть тупицей!), даже если они и нарушают первоначальные волю и замысел *запутать* и *искусить*! Ведая человеческую психологию до последней извилилки, Иисус блистательно добивается своего, приведя книжника — и нас с вами — к христианскому понятию ближнего. Итак, ближним пострадавшему от разбойников иудею оказываются не духовные авторитеты его народа (священник, левит), холодно бросившие его в беде, а тот, кто пожалел его, помог в роковую минуту, спас от смерти, хотя и принадлежал племени враждебному и презираемому; и обратно — для самарянина ближним стал тот, кому он облегчил страдания, помог в несчастье. Устанавливается простой, безусловный и возвышенно-божественный принцип: кто тебе ближний? Да всякий нуждающийся в твоём отклике и заботе, милосердном деянии, кто бы и откуда бы он ни был, знаешь ли ты его давно или впервые видишь. По этому принципу создается такое поле общечеловеческой солидарности и родства, из которого не может быть изъят никто.

Эта притча подвергалась и более символическому толкованию, относящемуся к Самому Христу. Ведь и Его презирали, гнали и называли «Самарянином», но Он пришел исцелить каждого нуждающегося Словом Своего учения (возлил елей и вино), ввести его в новую Церковь, открытую для всех (гостиница), в отличие от ветхозаветной, закрытой для других народов. Два динария изъяснялись как два завета — ветхий и новый, данный Господом содержателю гостини-

цы (т. е. апостолам и будущим учителям и служителям Церкви); причем, удалившись, Спаситель обещает дополнительную награду при втором Своем пришествии. Нападение разбойников на путника читалось как наскок на человеческую природу бесов, которые сняли с нее «одежды добродетели» и нанесли «греховные раны», оставив ее «едва живой», «потому что душа бессмертна, а тело смертно»¹. И если священник и левит символизируют закон и пророки, что не смогли упразднить греха и смерти, то самарянин — Сына Божия, Который пришел радикально исцелить от смерти естество человеческое, ввести его в новую Церковь и через нее в Царствие Божие.

Уже перед самым праздником Обновления Иисус приходит в дом, который не раз принимал Его, любил и почитал как Христа-Мессию и где позднее будет совершено Его величайшее чудо: воскрешение Лазаря, брата Марфы и Марии. Эпизод, приведенный св. Лукой, смотрится не рассказанной, а *свершившейся* в священной истории притчей, что легла как одна из драгоценных умных крупич в сокровищницу христианского вероучения. В селении на пути в Иерусалим (через св. Иоанна мы узнаем, что это была Вифания) «женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой» (Лк. 10:38), т. е. Марфа здесь явно выступает старшей сестрой, хозяйкой дома. Радостно взволнованная приходом Иисуса Марфа вся ушла в домашние хлопоты, заботы «о большом угощении», чтобы как можно лучше принять дорогого Гостя. Мария же, сестра ее, «села у ног Иисуса и слушала слово Его» (Лк. 10:39), полностью устранившись от дел, хотя каждый принимавший гостей, тем более неожиданных, тем более высоко почитаемых, поймет, в каком нервном и физическом напряжении оказалась Марфа (все успеть, бегом-бегом, быстрей-быстрей, убрать, приготовить, накрыть стол, угодить Учителю и спутникам Его!). Только такое крайнее напряжение и могло подвигнуть ее подойти к Иисусу с обидой, что стала точить ее посреди спешки и беспокойства: «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне» (Лк. 10:40). Ответ Иисуса тут же оценочно-смыслово высветил ситуацию: «Марфа, Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10:41-42). Иисус явно упрекнул Марфу за то, что она на

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Луки. С. 94.

первый, более важный план вынесла материальную сторону жизни, призванную дать удовлетворение *физической* стороне гостей: накормить их, дать отдохнуть, и ублажил Марию за то, что та сразу же, презрев всё — хозяйские обязанности, долг гостеприимства, — отдалась всем существом главному — созерцанию Господа, благоговейному вниманию к каждому слову, сходявшему с Его уст.

Так эта, вроде непритязательная, история в чреде новозаветных событий (впрочем, каждое из них — глубоко значительно, напоено вечным смыслом) явила типологию двух различных отношений к Божественному: одного — внешне-устроющего, оно требует большой активности, кипучей деятельности; другого — созерцательно-отрешенно вникающего в глубины духовного учения, божественной задачи. Но ведь и Марфе, небось, больше всего хотелось не иметь беспокойных дел и тут же сесть у ног Спасителя, всецело предавшись благодатному излучению Его близкого присутствия, Его животворящим речам. И не была ли огромным ее самоотречением та «черная» работа, которую она по необходимости взвалила на себя (а кто еще?). В самих этих хлопотах было столько любви, столько желания послужить Господу на самом низовом, неблагодарном, но обязательном для физического существования уровне (ведь и Он, в Своей земной жизни Богочеловек, нуждался и в пище, и в отдыхе)! Правда, чистота самоотречения Марфы омрачилась моментом ревности к Марии: почему я одна должна выбиваться из сил, отдавая для себя желанный момент такого же, как и сестра, духовного общения с Иисусом, а та может так легко отбросить свое женско-домашнее тягло, приземленное, но насущное, и воспарить в горне-божественное?! Да, дело Марфы в христианской истории, связанное с устроением разнообразных дел и отношений Церкви и в лоне ее самой, и в кругу мира сего, составляя, быть может, и низшую, но необходимую ступень ее земно-воплощенного бытия, вполне законно и почтенно. Конечно, и Марфа, и Мария — это и *характеры*, и *типы служения*, взаимно обусловленные. Есть люди с талантом Марфы и есть — с даром Марии, и те, и другие взаимно дополняют друг друга — при исключении любой ревности первых ко вторым, требования превратить всех в Марф. Но не забудем, что «благая часть» отдана Самим Спасителем все же Марии, т. е. абсолютной устремленности к Богу, к духовному углублению в Идеал, за чем не может не последовать и дело Божие, осуществление этого Идеала.

ИИСУС НА ПРАЗДНИКЕ ОБНОВЛЕНИЯ ХРАМА декабрь 29 г.

Ии. 9:1-41; 10:1-42

Вифания располагалась всего в трех километрах от Иерусалима, на восточном склоне горы Елеонской, и с ее лежавшими на террасах садами смоковниц (кстати, само ее название означало *дом незрелых смокв*, такого же восточного лакомства, как и незрелый орех), масличных, миндалевых деревьев являла собой отрядный уголок, где в дружественном Емуде семействе находил Себе пристанище Иисус, когда приходил в религиозную столицу Палестины. На этот раз шел Он на праздник Обновления Храма (Ханукка), установленный народным героем Иудой Маккавейским в память очищения Храма (164 г. до н. э.) от той языческой скверны, что внесло в него разорение его сирийским властителем Антиохом Епифаном, когда святилище было «опустошено, жертвенник осквернен, ворота сожжены, и в притворах, как в лесу или на какой-либо горе, поросли растения, и хранилища разрушены» (1 Мак. 4:38). В 25 день девятого месяца хаслева (по римскому календарю — декабря), уже после устройства священной утвари, внутренних частей Храма, освящения притворов, была наконец принесена «жертва по закону на новоустроенном жертвеннике всесожжений» со всеми подобающими «песнями, с цитрами, гуслими и кимвалами» (1 Мак. 4:53,54); восемь дней «с весельем» происходило это обновление жертвенника — столько же было установлено и на будущие времена праздновать это восстановление главной религиозной святыни Израиля. Этот праздник часто называли еще «праздником светов», светильники горели не только в храме, но в дверях и окнах частных домов; такая иллюминация напоминала чудесное событие обретения Иудой Маккавейским среди тотально оскверненных предметов сосуда с маслом, на котором сохранилась печать первосвященника, и это масло все восемь дней обновления жертвенника не только не иссякало, но постоянно прибавлялось. Воистину, в эти радостные и торжественные восемь дней повсюду господствовал свет.

И Христос отметил этот праздник чудом одарения *светом* очей, от утробы матери пребывавших во тьме, чудом, символическое

значение которого далеко выходило за пределы отдельного благодеяния. Недаром именно при этом Спаситель произнес: «Доколе Я в мире, Я свет миру» (Ин. 9:5). История с исцелением слепорожденного — одно из наиболее пространно и драматически представленных евангельских чудес: разворачивается чуть ли не целая новелла со своим сюжетом, движением действия, многими персонажами, отдельными сценками и диалогами... «И проходя увидел человека, слепого от рождения» (Ин. 9:1). Проходя из Храма или в Храм — не уточняется, чуть позже выяснится лишь, что была суббота. У врат Храма, как всегда, сидели увечные, калечные, убогие, надеявшиеся на милостыню богомольцев. Почему Иисус из них *увидел*, т. е. отметил Своим вниманием, именно этого несчастного, хорошо известного в округе нищего? Как мы знаем и по предыдущим случаям, между Иисусом и страждущим, кому Он нес исцеление, предварительно устанавливалась какая-то невидимая, но сильная внутренняя связь: Божественный отзыв открывался лишь на порыв веры, молитвенное, часто беззвучное, прошение, воззвание из самых недр существа человека. Надо думать, что изнутри именно этого слепца, из глубин его вечной ночи могла рваться особенно пронзительная молитва-мольба о помощи.

Во всяком случае, ученики тут же заметили внимание Иисуса именно к этому человеку и спросили Учителя, сообразуясь с иудейскими представлениями о грехе и наказании¹: «Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» (Ин. 9:2). За этим вопросом стояло осознание некоторой нравственной каверзости этого случая: родившись слепым, сам он не мог успеть нагрешить, а такая страшная кара за прегрешения родителей тоже коробила сердце своей жестокостью. Иисус отмечает оба эти варианта: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии. Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я свет миру» (Ин. 9:3-5). И вот Он готов явить это воочию через осязательно живой образ. Плюнув на землю, Иисус смешал Свою

¹ В пятой заповеди Декалога, нравственной хартии Ветхого Завета, в связи с предыдущим запрещением творить себе кумира предписывалось: «Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня...» (Исх. 20:5). Однако надо учесть, что это родовое наказание за грехи отцов касается «ненавидящих» Бога, т. е. тех, кто прямо встает к Нему в оппозицию.

слюну с глинистой землей и комком этой грязи помазал зеницы слепорожденного. Надо отметить, что такой удивительный приступ к исцелению вовсе не был произвольно-фантастическим жестом Иисуса. Античные историки донесли до нас древнее представление о том, что слюна долго постившегося человека лечила глазные болезни, а приготовленный из нее грязевый состав служил для исцеления опухших век. Так что Иисус тут действовал способом известным, правда, за такой тяжелый случай, конечно, не взялся бы ни один земной целитель. Интересно, что такие особые манипуляции (со слюной, правда без грязи) присутствовали, как мы помним, еще два раза при исцелении глухонемого и слепого. А так, обычно Иисус довольствовался лишь взглядом, прикосновением и словом. Но слепой не видит, глухой не слышит, а для исцеления необходим контакт веры, и тогда такое наложение на глаза особой смеси (или слюны — в уши) становилось таким физическим взаимодействием калеки и Исцелителя, вливавшим веру в слепого или глухого. Сама эта опора на материю, вещество («брение из плюновения», вода...), на ряд материальных действий (прикосновение, наложение рук) подчеркивает *Богочеловеческую* природу чудотворения, нераздельность при этом Божественного и человеческого естеств Иисуса.

Далее Иисус приказал слепорожденному отправиться к Силоамскому источнику и умыть лицо в его воде. Зачем так растягивается сам акт исцеления? Одно из объяснений остроумно найдено свт. Иоанном Златоустом: «необычайность» картины шествия к источнику слепого с залепленными глазницами не могла «не привлечь на себя взоры всех, знакомых и незнакомых»¹, и тем создать большое количество свидетелей события. Кстати, посылая нищего к источнику, Иисус расшифровывает его название: «Силоам, что значит: “посланный”» (Ин. 9:7). И поскольку теперь на веки веков этот источник будет прежде всего связан с исцелением этого слепорожденного, то и когда-то нареченное имя «Силоам» в провиденциальном плане содержало это высшее свое значение: «посланный» — тут пророчествовался именно этот, отправленный сюда Самим Господом, человек, на котором и явилась Его слава. Когда же слепец вернулся от источника зрячим, поднялись волнение и пересуды среди соседей и знавших его прежде. Вид его разительно изменился. Это

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. С. 372.

был тот и уже не тот человек. Одно дело сомкнутые глаза в проваленных темных нишах, выражение страдальческой и несколько тупой покорности на лице, неуверенность в движениях невидящего человека. А тут вдруг оказался перед ними, правда все в той же нищенской одежде, мужчина с широко раскрытыми глазами, жадно вбравшими новый для него мир, с лицом, сиявшим радостным изумлением... Метаморфоза ошеломляющая! «Иные говорили: это он. А иные: похож на него. Он же говорил: это я» (Ин. 9:9).

Выслушав же его рассказ о случившемся, повели к духовным начальникам народа, к фарисеям. Те же, расспросив прозревшего, как и в случае исцеления расслабленного при Вифезде, сосредоточились лишь на одном — оскорблении их святого субботнего неделания: «Тогда некоторые из фарисеев говорили: не от Бога этот Человек, потому что не хранит субботы. Другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса? И была между ними распря» (Ин. 9:16). Не зная уже, на чем и остановиться, спросили бывшего слепого, что сам он полагает о своем Исцелителе. «Это пророк» (Ин. 9:17), — твердо ответил он. Тогда, поняв, что не получат они от него, чего страстно желали: чего-нибудь сомнительного и обвинительного на Иисуса, — фарисеи пошли к его родителям проверить, точно ли это их сын, рожденный ими слепым, вдруг невероятно, чудесно прозрел. По реакции родителей ясно, что они уже в курсе произошедшего и даже знают, Кто Тот Чудотворец, что совершил невозможное в порядке естественного закона, то, о чем они и мечтать не смели в своем семейном несчастье. Дошли до них слухи, что фарисеи готовы отлучить от синагоги¹ всякого, кто признает Иисуса за Христа Мессию, потому и ведут себя весьма осмотрительно и умно. Да, они признают своего сына и самый факт его прозрения, но по поводу всех деталей происшедшего вновь отсылают фарисеев к самому счастливому «потерпевшему»: «Сам в совер-

¹ Отлучение от синагоги, может быть, самое большое наказание для иудея, было трех последовательно ужесточающихся степеней. Первая (незифар) закрывала перед провинившимся на месяц двери одной определенной синагоги. Вторая (ниддуи) — уже на три месяца все синагоги страны, правда с разрешением присутствовать в иерусалимском Храме на особом дворе для отлученных. Третья (шаммата, или херем) заключалась в окончательном отлучении и от всех молитвенных домов, и от всякого общества единоверцев — уже на всю оставшуюся жизнь. Сам Иисус, по всей видимости, время от времени, особенно во второй половине Своего служения, подвергался по меньшей мере первой степени отлучения.

шенных летах, самого спросите» (Ин. 9:21) — *кто, как и при каких обстоятельствах* избавил его от страшного недостатка.

И вновь призвали недавнего слепца в залу заседания, увещевая его «воздать славу Богу», что в библейской лексике означало покаяние в кощунстве или грехе по отношению к Богу: «Мы знаем, что Человек Тот грешник» (Ин. 9:24). Но исцеленный, нисколько не мудрствуя, а в полной ясной простоте, сам того не зная, стоял на том критерии, который всегда выдвигал Христос: критерии *плодов действия*: «Грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу» (Ин. 9:25). И отказавшись повторять, как все произошло, тем, кто явно не желал слушать и вникать в его слова, стремясь лишь выбить из него им необходимое, этот человек, недавно ничтожный калека и нищий, тут поднимается на такую духовную и нравственную высоту, что дерзает и слегка поиронизировать над настойчивыми, страстно заинтересованными в своих расспросах начальниками («или и вы хотите сделаться Его учениками?» — Ин. 9:27), и даже противостоять надменным фарисеям своим неколебимым суждением об Иисусе: «От века не слышано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего» (Ин. 9:32-33). Опять же, исцеленный следует Христовой логике в уже известной нам Его самозащите от обвинений, что совершает Он чудеса силою бесовскою. Прекрасно раскрывает эту логику св. Иоанн Кронштадский: «Бес еще никогда ни одного человека не мог исцелить от слепоты, да и не может, — ибо его держава есть держава смерти и зла, а не держава живота и милости»¹. Тут уж не выдержали вожди синедриона, привыкшие к слепому следованию «темного» народа, «невежды в законе», за их руководящими мнениями, и выгнали исцеленного вон.

Слух о таком необычайно смелом его противостоянии фарисеям распространился быстро, и узнав об этом, Иисус Сам нашел того, кого на этом собрании уже называли «учеником Его», и поставил Ему главный вопрос, вопрос исповедания: «Ты веруешь ли в Сына Божия?» (Ин. 9:35). Сколь удивительны для простого иерусалимского иудея, для недавнего презираемого попрошайки самостоятельность и трезвость мышления (не зря же выбор Христов на него пал)! Он не

¹ Св. Иоанн Кронштадский. Поучения, слова и беседы. Вып. IV. Кронштадт. 1888. С. 85.

отвечает механически «да» даже перед лицом Своего чудесного Благодетеля, а уточняюще спрашивает: «А кто Он, Господи, чтобы мне верить в Него?» (Ин. 9:36). «Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! И поклонился Ему» (Ин. 9:37-38). Но этот исповедник веры Христовой — только одно из немногих исключений в среде иудейской. «И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир этот, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (Ин. 9:39). Так оно и происходит. Прозрение слепого стало тотальным — не только физическим, но и духовным: сокровенным глубинам его существа открылась истина Бога. Встреча с сокрытым для него дотоле светом мира стала встречей с Божественным его центром. На этом человеке явилось символически-наглядное *рождение свыше, крещение* в истинную веру Христову (через Дух Божий и воды священного источника), произведенное Самим Иисусом. А прекрасно видящие чувственными очами фарисеи и книжники оказались абсолютно, вопиюще слепы к явлению Самого Господа с Его Благой Вестью о Царствии, преображенно-бессмертном порядке бытия, о новом понимании смысла деятельности человека.

Держателей духовного авторитета, иудеев, оскорбляло поношение Иисусом священной субботней буквы. И не дали они труда своей, столь изощренной в религиозно-догматической думе, голове вникнуть в глубинный, новый смысл субботы, что вставал из Христова упорства исцелять, восстанавливать здоровую норму именно по субботам, из Его собственных объяснений этого упорства: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5:17), «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12). Неотступным субботним действием Иисус упорно наводит на мысль и иудеев (безуспешно), и нас (дай Бог, успешно!). Да, Господь шесть дней созидал мир, а на седьмой «почил... от всех дел Своих, которые делал» (Быт. 2:2), вручил попечение о мире и его тварях своему «венцу творения». Как замечательно глубоко размышляет митр. Антоний Сурожский о субботних чудесах Иисуса: «И когда Он творит Свои чудеса в день субботний, это нам призыв относиться к Истории, к нашему дню, тому дню, в котором мы живем, как к дню, который Бог поручил нашей заботе, и сделать из него День Господень»¹.

¹ Антоний, митр. Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Проповеди. С. 127-128.

И еще один существенный акцент, что заострит позднее ап. Павел, звучит в слове Иисуса: «Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (Ин. 9:41). Если бы вы не знали, не ведали, не слышали, не видели («были слепы»), т. е. пребывали в наивном невежестве истин веры и духа, то греха особого на вас не было бы, но поскольку вы претендуете держать в своих руках преемственные от праотцев и пророков духовные бразды Закона и Завета и прекрасно видели и слышали самое воплощенную Божественную Истину, не признав ее таковой и отвернув от нее простые народные души, то от греха, и великого, вам уже никуда не деться.

Фарисеи и книжники полагали себя наставниками и водителями народа. Свергая их с этого трона как слепых поводырей слепых, Иисус привел притчу об истинном пастыре. Это знаменитое Его поучение делится на две части: собственно саму притчу и развернутое ее образное раскрытие. «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам: ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их; и когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его; за чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса» (Ин. 10:1-5). Каким удивительно точным знанием пастушеского быта, особых отношений пастуха со своим стадом дышит этот текст! В теплое и сухое время года, в хорошую погоду стада овец днем и ночью оставались на своих пастбищах. Но в случае непогоды или при какой-либо опасности для овец их загоняли на ночлег в специально отгороженное место, которое могло быть и открытым, и закрытым. Это и был овчий двор, вход в него стерегли помощники пастуха («придверники»). Часто в один двор загоняли несколько стад, и пастух каждого их них звал, по восточному обычаю, своих овец по имени, те откликались и шли за ним. В своей притче Иисус разделил истинного, доброго пастыря, что входит к овцам путем законным, знает всех лично, по имени и ведет за собой, и чужаков, самозванцев, «воров и разбойников», с дурными целями пролезающих в стадо через забор, под покровом ночи.

Его слушатели поначалу «не поняли, что такое Он говорил им» (Ин. 10:6), что разумел притчей сей. А ведь фарисеям полагалось

хорошо знать обличение неверных пастырей Израиля, что «пасли себя самих» (Иез. 34:2), забыв попечение о своем стаде, а также пророчество об истинном Пастыре, каковым станет Сам Господь: придет время, и Он скличет Своих овец, будет пасти их на «тучной пажити» и покоить «в хорошем загоне», собрав всех *потерявшихся, угнанных*, исцелив пораненных и больных (см. Иез. 34:14-16). (Притом Сам Иисус здесь, конечно, опирался на образы этого знаменитого пророчества.) И тогда Спаситель раскрыл присутствующим смысловые глубины Своего, столь по видимости простого, рассказа: «Истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам; все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10:7-9). Таким образом, эта притча впервые прямо вещает о Нем Самом, естественно располагаясь именно у св. Иоанна, в той проповеди о Его Богосыновнем достоинстве, которую Он ведет словом и делом на страницах четвертого Евангелия. Входить в двор овчий (он единодушно раскрывается всеми толкователями как община верных, Церковь Христова, устанавливаемая вместо ветхозаветной церкви) можно только Самим Иисусом Христом, через веру в Него, через тех, кого Он поставил Своими придверниками. Другим путем может войти только «вор» с целью «украсть, убить и погубить» (Ин. 10:10), т. е. враги пути Христова, приспешники Его бытийственного антагониста (часто тут под ворами и разбойниками понимались всякие мятежники и еретики). И вновь утверждает Иисус главный дар, который Он принес людям: «Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10:10), обетование жизни бессмертной и обоженной. «Я есмь пастырь добрый», Тот, Кто поведет овец в этот новый, преображенный строй существования, в Царствие Небесное. Наемник, кому овцы чужие, при первой опасности («видит приходящего волка» — Ин. 10:12) тут же убегает, оставляя свое стадо на растерзание хищника. Не то «пастырь добрый», что «полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10:11), Сам Христос, Который уже стоит на пороге искупительной жертвы за пасомые Им стада. Жертвы исключительно добровольной («никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее: имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее; эту заповедь получил Я от Отца Моего» — Ин. 10:18), в которой будет и отдавание Своей жизни, и возвращение ее обратно (Воскресение).

Сколь бы ни опирался Иисус в образах притчи о добром пастыре на пророчество Иезекииля, эта притча и ее толкование наполнены уже принципиально новым духом. У ветхозаветного пророка Пастырь-Господь обещает тучные нивы и особое попечение чадам дома Израилева, здесь же: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10:16). Великая картина единения всего рода людского, всех сыновей и дочерей Адама (а не только Авраама) в одно стадо, единую общность, водительствоваемую единым Пастырем, Самим Господом на пути к «жизни с избытком» в Царствии Божием!

Праздник Обновления Храма происходил зимой; и хотя это была зима палестинская, южная, с достаточно теплой и сухой погодой, но очевидно именно в 29 году она была холодней обычного, и Иисус, по свидетельству св. Иоанна, проповедовал не на открытых дворах Храма, а в восточном крытом его портике, в притворе Соломоновом, названном так потому, что он был построен из камней древнего Соломонова храма. Исцеление слепорожденного и исповедальная притча о добром пастыре произвели на иудеев сильное впечатление, вновь расколов их на две стороны: одни продолжали настаивать, что Иисус «одержим бесом и безумствует» (Ин. 10:20), «другие говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым?» (Ин. 10:21). Наступил какой-то особо критический, неустойчивый момент распри между ними по поводу Иисуса, момент колебания и волнения. Да и праздничные воспоминания о славных победных днях своей относительно недавней истории оживили в их душах национальную гордость и мессианские надежды. А вдруг этот галилейский пророк, этот удивительный чудотворец со своими дерзновенными речами, действительно, Мессия, который пришел избавить их от римского ига и установить желанное Царствие?..

И «обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо» (Ин. 10:24). Раздраженное нетерпение слышится в этом отчаянном шаге иудеев: решились-таки, после всех споров, кипения злобы и попыток схватить Иисуса, склонить выю перед очевидным фактом сверхчеловеческой силы и мудрости. Но внутри их явно продолжало сидеть сомнение и недоверие, точнее — *неверие*, и его тут же выявил Христос. Что еще за доказательств хотят от Него иудеи, разве мало

свидетельствуют о Нем Его дела, творимые «во имя Отца»? «Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, как Я сказал вам. ОВЦЫ МОИ СЛУШАЮТСЯ ГОЛОСА МОЕГО, И Я ЗНАЮ ИХ, И ОНИ ИДУТ ЗА МНОЮ, И Я ДАЮ ИМ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ, И НЕ ПОГИБНУТ ВОВЕК, И НИКТО НЕ ПОХИТИТ ИХ ИЗ РУКИ МОЕЙ» (Ин. 10:26-28). Какой предел блага обещает принадлежность к Его стаду, какая тут полнейшая сохранность и безопасность на веки вечные! Жестко ли отторжение от такой участи тех же иудеев? Но ведь они сами *так* выбрали. Да и говорит Он эти речи, по мнению свт. Иоанна Златоуста, чтобы побудить их «следовать за Собою», «чтобы они поревновали сделаться овцами».

Да, недолго противоречивые чувства и чаяния, с которыми иудеи приступили к Иисусу, удерживались в своем неустойчивом равновесии; стоило Ему извлечь образ истинного пастыря и верного ему стада и в связи с этим исповедать Свое единосущие Господу («Я и Отец — одно» — Ин. 10:30), как произошел моментальный обвал в ненависть и жажду убийства. «Тут опять Иудеи схватили камень, чтобы побить Его» (Ин. 10:31). Где они взяли эти камни, тут ли валялись какие-то остатки старой постройки, или кто-то сходил за ними наружу, — неважно. Сам резкий перепад настроений и намерений иудеев явно свидетельствовал об амбивалентном, если не сказать, *истерическом* состоянии их душ в отношении к галилейскому Учителю. С одной стороны, Явление, никак не укладывающееся в рамки возможного земному человеку, с другой — резкий диссонанс с устоявшимися представлениями о Царе-Мессии. И последним кощунством звучало для них неуклонное утверждение Иисусом Себя как Сына Божия, единосущного Отцу. Вместо могущественного Царя, устраивающего их земное теократическое царство, им предлагался для веры Сам Бог Сын, явившийся во плоти для спасения всего мира от закона греха и смерти. Вместо меньшего, но страстно желанного, предлагалось неизмеримо большее, можно сказать, слишком большое и великое, что *не вмещалось* в иудейское сознание и душу.

Итак, иудеи уже подняли камни и замахнулись ими на Иисуса, но Тот неожиданным, обезоруживающим вопросом остановил их, переведя их импульсивную ярость в словесное довыяснение позиций и отношений: «Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями»

ми? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человеком, делаешь Себя Богом» (Ин. 10:32-33). На это Иисус напомнил им слова Господа, обращенные к судьям и вообще ко всем, кто управляет и вершит правосудие от имени Бога: «Я сказал: вы — боги» — Пс. 81:6 (далее в этом псалме: «и сыны Всевышнего — все вы» — этот стих должны были хорошо знать иудеи). Так Господь «назвал богами тех, к которым было слово Божие» (Ин. 10:35), т. е. тех, кому было обещано благодатное обожение (обетование которого расширяется у Христа на весь род людской). Как же можно обвинять в богохульстве Того, Кто не по благодати, а по Своей природе, по «существу и естеству» (блаж. Фефилакт Болгарский), есть Бог и Сын Божий? Вновь и вновь обращается Иисус к главному доказательству Своего Божественного достоинства, Своей правоты в отстаивании его: «Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем» (Ин. 10:37-38). Но не вняли иудеи этому глубочайшему критерию дела, дела Божьего как показателя Богосыновства Самого Иисуса, а по благодати — и будущего Богосыновства сынов человеческих, если они станут орудиями осуществления Божьего замысла о мире. Они услышали только «Отец во Мне и Я в Нем» — на деле великое откровение жизни сокровенных недр Троичного бытия, которое позднее будет развито в ожесточенных догматических спорах христианской Церковью, — но услышали предубежденно, как подтверждение богохульства Иисуса, и злоба их вспыхнула с новой силой. «Тогда опять искали схватить Его; но Он уклонился от рук их» (Ин. 10:39).

Оставаться далее в Иерусалиме уже не было никакой возможности, и Иисус с учениками на период зимних дождей ушел в Перею, за Иордан, на этот раз в Вифавару, «то место, где прежде крестил Иоанн» (Ин. 10:40), где Сам Он был помазан крещенским Богоявлением на земное служение. И вот оно подходило к финалу, круг замыкался, в конце этого служения Иисус вернулся в его пространственное начало. Здесь, по свидетельству Евангелия от Иоанна, произошел новый всплеск успеха Христовой проповеди, «многие пришли к Нему и говорили, что Иоанн не сотворил никакого чуда; но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно. И многие там уверовали в Него» (Ин. 10:41-42).

НОВЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ И НОВЫЕ ПРИТЧИ

30 г.

Лк. 13:6-35; 14:1-35; 15:1-32;

16:1-31; 17:1-37; 18:1-14

В Заиорданьи Иисус пробыл три месяца до начала апреля 30 г., до пасхальной недели, ставшей временем Его страстей и великого торжества. Этот период отмечен несколькими исцелениями и обильным поучением, чаще всего принимавшим форму глубокомысленных притч, большинство из которых приведены у св. Луки.

Два исцеления — согбенной женщины, восемнадцать лет не разгибавшей спины, которое Иисус произвел в одной из перейских синагог, и больного водянкой — в гостях у начальника фарисейского, — относятся к Его знаменитым субботним делам. Кстати, оба раза Иисус исцеляет этих людей по собственному побуждению, без особой, явной просьбы с их стороны. Если избавленная от недуга словом Спасителя и наложением рук женщина начала тут же громко «славить Бога» (Лк. 13:13), то начальник синагоги пришел в гнев, но почему-то не стал выражать его Виновнику события, очевидно, невольно уважая и боясь прославленного Учителя и Чудотворца, а обратился к народу с речью достаточно нелепой, обличавшей всю его растерянность: «Есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний» (Лк. 13:14). В доме же начальника фарисейского, куда Иисус был приглашен, скорее всего, для испытания и искушения, все внимательно «наблюдали за Ним» (Лк. 14:1), и приведенный сюда больной водянкой должен был послужить своеобразной «наживкой» для неуместного, вернее несвоевременного, Его милосердия. В обоих случаях Иисус неотразимо парировал и начальника синагоги, и возлежавших за столом законников и фарисеев одним и тем же доводом: разве не отвязывает хозяин своего вола или осла и не ведет их и в день субботний на водопой или не вытаскивает их же, коли попадут ненароком в колодезь? Действительно, таковые исключения из субботнего покоя, касавшиеся жизненно необходимых действий, предполагались по Закону Моисееву. Как же не вытащить чувствующее и сознающее

существо из его страдания и болезни в такой день? — подразумева-лось словами Иисусовыми. «И не могли отвечать Ему на это» (Лк. 14:6) в доме фарисейском. А на патетическое вопрошание Христа в синагоге: «Эту же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?» (Лк. 13:16) — дела и мысли Иисуса на этот раз праздновали полную победу («все противившиеся Ему стыдились; и весь народ радовался о всех славных делах Его» — Лк. 13:17).

Так при каждом субботнем исцелении оттачиваются различные грани Христова субботоборчества. Здесь, в отличие от аналогичных объяснений с иерусалимскими книжниками, доводы, казалось бы, самые приземленные и бытовые, но и в них светится новая метафизика субботы. Если ранее, в свете непрерывного делания Отца и Сына, день субботний проецировался и на мир в целом, устройство которого еще не закончено, и на восьмой день творения, как время человеческой истории и человеческого действия, то здесь суббота, канун воскресения, т. е. символически — человеческая история, переходящая к Царствию Божию, предполагает отказ от дел земной суеты и тщеславия (вот оно рациональное зерно субботнего неделания!) и обращение к делам существенно жизненным, делам спасения, исцеления, преобразования.

По существу ту же мысль, но с другой стороны, Иисус развивает в притче о званых на вечерю. Подступает Он к ней постепенно. Наблюдая, как в доме начальника фарисейского гости стремились попасть на лучшие места за столом, Он сказал такое поучение: не ищи садиться на первые места, а то придет позже некто знатнее и «почетнее тебя» (Лк. 14:8), и придется, по слову хозяина, уступить ему свое место, а самому удалиться на самое последнее, еще незанятое. И напротив, сев поначалу скромно, в удалении, получишь шанс, что хозяин сам пересадит тебя на лучшее и видное место, — «тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою» (Лк. 14:10).

Иисус начинает с урока нравственного, врачующего человеческое тщеславие, вполне в стиле древних мудрецов, хакамов: «Ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14:11). Затем, обратившись к хозяину дома, советует ему звать на обед или ужин не родственников или друзей, а «нищих, увечных, хромых, слепых», что обещает уже награду высшего порядка, небесную: «И блажен будешь, что они не мо-

гут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (Лк. 14:13,14). Завершает же развернутой притчей, относящейся ко всем и касающейся конечного спасения. «Один человек сделал большой ужин и звал многих. И когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже все готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться» (Лк. 14:16-18) и отказывались прийти. Один только что приобрел себе кусок земли и хотел «посмотреть ее», другой — пять пар волов и готовился «испытать их», третий только что женился и не хотел отрываться от брачных утех... Тогда разгневанный господин отправил раба своего на улицы и переулки звать всех самых забвенных и несчастных — «нищих, увечных, хромым и слепых» (Лк. 14:21). И еще остались места за столом, и вновь отправил господин раба своего: «Пойди по дорогам и изгородям и убеди придти, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина: ибо много званых, но мало избранных» (Лк. 14:23-24).

Самим Иисусом притча эта не растолковывается, но смысл ее достаточно ясен. Недаром предварялась она словами одного из возлежавших за столом у фарисея: «Блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!» (Лк. 14:15). Речь об этом Царствии, о том призыве к участию в его домостроительстве, который исходит от Самого Господа и с которым Он послал на землю Своего Сына¹: принять Царствие Небесное, новый преображенно-бессмертный строй бытия как желанную цель, высший удел рода людского. Но слишком привязаны многие к своей нынешней природе, к своим каждодневным заботам о здешних благах, к земным страстям и сладостям, в них полагая сердце и цель существования. Не спешат они, эти «разумные и богатые, и угождающие плоти» (блаж. Феофилакт Болгарский), по-настоящему идти к Богу, не устремляются к «хлебу живому», хлебу бессмертия и преображения. Под этими «многими» часто понимались иудеи, «овцы дома Израилева», к которым прежде всего пришел Господь и которые обманули Его ожидания. Его зов скорее находит отклик в душах людей простых и обездоленных, страдающих

¹ Под рабом притчи толкователи усматривали «Сына Божия, Который принял образ раба, соделавшись Человеком... Который один только Сам безгрешно покорился всем определениям и заповедям Отца и исполнил всякую правду» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Луки. С. 146).

и болезных, остро испытывающих на себе изнанку природно-смертного бытия. Те исцеляющие и преображающие несовершенное естество дела, которые творит Спаситель и обещает и Своим земным сынам, вставшим на путь к Царствию, для этих несчастных существенно важнее и нужнее, чем богатство или плотское наслаждение — что оно даст и как оно дастся «увечным, хромым и слепым»?

Зовет Господь многих, по существу — всех, обращаясь сначала к избранным (иудеям), затем, говоря словами ап. Павла, к «неумудрому мира... и немощному... и незнатному... и уничиженному, и ничего не значущему» (1 Кор. 1:27,28). И наконец, к тем, кто ходит «по дорогам и изгородям» (под ними понимали обычно язычников). Но откликаются пока далеко не все, и не то что Господь Сам избирает-сортирует людей — нет, они сами отзываются и тем самым избираются...

Это чрезвычайно наглядно обнаружилось в одном из эпизодов служения Иисуса этого времени. Однажды при входе в некое селение Его встретила группа из десяти прокаженных: те явно специально поджидали Иисуса, надеясь на избавление от своего отвратительного недуга. Ближе подходить они не стали (им был запрещен контакт с людьми), но издали стали дружно кричать, моля о помощи: «Иисус Наставник, помилуй нас!» (Лк. 17:13). Иисус уже очищал прокаженных, Его сердце не могло отказать в Божественной милости этим последним страдальцам и изгоям. А тут сразу целых десять изъеденных проказой человек — какая концентрация болезни, уродства, нечистоты, отверженности! «Увидев их, Он сказал им: пойдите, покажитесь священникам. И когда они шли, очистились» (Лк. 17:14). Именно священники должны были по Закону, чрезвычайно подробно разработанному (см. Лев. 13-14), и устанавливать начало проказы, объявлять больного нечистым, удалять от общества, и удостоверить его исцеление, принимать и приносить очистительную жертву, и возвращать человека к нормальной жизни, к дому и семье. Так что Иисус тут действует в согласии с религиозной иудейской нормой.

По одному слову Великого Чудотворца исцелились все десять, но только один из них, причем единственный не иудей, а самарянин, в порыве благодарности и веры, вернулся назад, громко прославляя Бога, бросился к ногам Иисуса с выражением бесконечного благодарения. «Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились?»

где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника?» (Лк. 17:17-18). Господь пролил Свою милость и очищающую благодать на всех — в чем нетрудно увидеть символ Его земной миссии: искупление всего рода людского от греховной нечистоты и проклятия послегрехопадной природы. Но только самарянин (синоним язычника для иудеев) принял в глубины своего существа этот факт, обратился к Богу с горячей верой и тем исцелился, в отличие от своих собратий по несчастью, не только физически, но и душевно и духовно (как ранее слепорожденный), предъизобразив тем самым, по мнению отцов и учителей Церкви, «спасение язычников через веру» (свт. Григорий Палама). Недаром Иисус сказал ему: «Встань, иди; вера твоя спасла тебя» (Лк. 17:19). Сам Господь предварительно никого не избирал, Его благодеяние было одно для всех, но по-настоящему отозвался только этот, получив залог полноты спасения.

Мотив званых и призванных, первых, становящихся последними, и наоборот, пронизывает поучение Иисуса последних предгогофских месяцев. Вот фарисеи, будучи «сребролюбивы», смеются над Его словами, что не получится одним любящим самоотверженным сердцем служить двум господам, что нельзя одновременно «служить Богу и маммоне» (Лк. 16:13). На их издевательские насмешки Иисус, предупредив о разнице человеческих и Божеских оценок («что высоко у людей, то мерзость пред Богом» — Лк. 16:15), рассказал им впечатляющую притчу, что стала затем широко известной. «Некоторый человек», не удостоившийся у Иисуса даже имени, «был богат, одевался в порфиру и виссон» (Лк. 16:19) и превратил свою жизнь в нескончаемое празднество и наслаждение, а другой, «нищий, именем Лазарь», «лежал у ворот его в струпьях» (Лк. 16:20), мечтая о крошках со стола богача. Но после смерти роли их полярно сменились: нищий оказался среди избранных на лоне Авраамовом, а богач — в аду, откуда он и возопил к праотцу с отчаянной мольбой послать к нему Лазаря, чтобы тот омоченными в воде перстами хоть на мгновение прохладил его пылающий в вечном огне язык. На что Авраам так подвел баланс земной и небесной участи человека, одновременно приоткрыв онтологическую, неизбывную невозможность что-то изменить в окончательной раскладке вещей: «Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь;

и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят» (Лк. 16:25-26). Поражает здесь не эта простенькая схема воздаяния и наказания, ни даже таинственная «великая пропасть», а то неожиданное движение сердца, на которое оказался способен бывший богач среди «плача и скрежета зубовного», сам навеки ввергнутый в несказанные страдания: он просит послать Лазаря к своим пяти братьям предупредить их, отвратить от греха, «чтоб и они не пришли в это место мучения» (Лк. 16:28). Авраам и тут непреклонен, признав бесполезным такое предостережение: «Если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (Лк. 13:31).

Воспитательное устрашение адской участью, пронизывающее эту притчу, обличает стремление сильными средствами пробудить в людях дух милосердия, отвратить от делания неправды. Но дышит эта притча недаром исключительно ветхозаветными реалиями и духом: это и «лоно Авраамово», и сам суровый праотец, и «Моисей и пророки» как высший закон, как будто еще не прозвучало: «А Я говорю вам...». Нельзя забывать, что новая христианская вера выкристаллизовалась в насыщенном ветхозаветном растворе, где столь силен был элемент устрашения и кары, уверенности в исключительном спасении одного лишь народа, пассивного ожидания Мессии и Страшного суда. Учение Христа ошеломило даже самих Его учеников резким смещением ударения на искупление, всеобщее воскресение и спасение и тем более оттолкнуло от Него ветхозаветных законников. Иисус настойчиво повторяет, что Он послан спасти всех, и особенно погрязших во зле и грехах. В притче о смоковнице, которая три года не давала плодов, так что господин уже приказал срубить ее («на что она и землю занимает?» — Лк. 13:7), виноградарь (читай — Христос) просит Хозяина (Отца Небесного) оставить ее еще на год, обещая особенно тщательно поухаживать за ней (окопать, обложить навозом), сделать все, чтобы оживить и восстановить ее. Год здесь, конечно, не означает буквальный календарный срок, — это некий растяжимый период, в который признается необходимым приложить все усилия, активно потрудиться над самой, казалось бы, безнадежной, бесплодной душой человеческой, чтобы пробудить ее к новой, плодоносной для Царствия Небесного, жизни. Преобладающая забота Иисуса

в дни Его земного служения и направляется на тех, кто болен физически и нравственно: с ними Он проводит время, учит их, исцеляет, открывает духовное зрение. Вместе с тем, читая Евангелие, ощущаешь, как на его страницах местами еще сталкиваются новозаветные и ветхозаветные идейные струи. И рядом с притчей о богатом и Лазаре звучат «такие безусловно очевидные притчи» (выражение Н. Ф. Федорова), чистые бриллианты новозаветной чеканки, пронизанные светом прощения и всеобщего спасения, как притчи о заблудшей овце, о потерянной драхме, о блудном сыне...

Притча о заблудшей овце уже рассматривалась выше по Евангелию от Матфея. У св. Луки вслед за этой притчей, как бы в закрепление в чувстве и мысли слушающих спасительного обетования, в ней выраженного, Иисус продолжает: «Или какая женщина, имеющая десять драхм, если потеряет одну драхму, не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдет? А найдя созывает подруг и соседок и скажет: порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму. Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15:8-10).

И тут же Иисус разворачивает целый рассказ о двух сыновьях, из которых младший, потребовав себе часть имения, ушел из дома, от отца «в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно» (Лк. 15:13). Все знают о тех бедствиях, что претерпел сей блудный сын — дошел он до участи свинопаса, крайней нужды, голода, зависти к свиной похлебке. И вот наступает момент его опаматования («пришед же в себя» — Лк. 15:17), раскаяния, решения изменить свою жизнь и вернуться в отчий дом, пусть на самое смиренное место: «Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих» (Лк. 15:18-19). Когда он еще только приближался к некогда родному дому, отец, увидев его издалека, сам побежал к нему навстречу, «пал ему на шею и целовал его» (Лк. 15:20), а на его покаянные речи приказал одеть его в лучшую одежду, заколоть откормленного теленка и устроить большой пир. Но тут вступает в действие старший, послушный, добродетельный сын. Узнав о происшедшем, он вместо радости впадает в обиду и ревнивое осуждение отца: какое вопиющее нарушение пропорций справедливости в награде таким разным братьям — ему, преданному сыну, отец и козленка специально ни

разу не заколол для веселия с друзьями, а для этого, мота и блудника, не пожалел и «откормленного теленка»! На эти страстные, горькие сетования отец ответил ласково, спокойно и внятно, открыв своему правильному сыну какую-то высшую логику — не справедливости и арифметического воздаяния, а благодати и любви: «Сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое; а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой этот был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15:31-32). Церковная служба, посвященная этой притче, глубже всего вскрывает ее смысл: каждый человек, удаляющийся от Бога и расточающий «богатство дарований» Своего Творца, уподобляется блудному сыну, кому в случае раскаяния и сердечного сокрушения милосердный Господь дарует прощение, любовь и место в обители Своего Царствия.

Кстати, в церковном годовом круге неделя о блудном сыне вместе с предшествующей ей неделей о мытаре и фарисее (обе основаны на соответствующих Христовых притчах) открывают за четыре и три воскресения до Великого Поста покаянную к нему подготовку. Притча о мытаре и фарисее представлена в Евангелии от Луки в виде рассказа об их молитве в храме: фарисей «сам в себе» благодарил Бога за то, что он «не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь» (Лк. 18:11), и превозносил свою праведность («Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю» — Лк. 18:12), а мытарь, стоя в сторонке и не смея даже взглянуть на небо, придавленный тяжестью сознания своих грехов, бил себя в грудь и «говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18:13). Две разные нравственности встают здесь друг против друга: *фарисейская* (не лишен ее и старший брат в притче о блудном сыне) и *мытарская*; одна — гордится своей добродетелью и отталкивается от «недостойных» ближних, а другая — смиренная, сокрушенная, самоосуждающая. Какая из них вернее ведет по узкому пути спасения? — «Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14). Пример фарисея — большое предостережение тем, кто успокоен законническим подвигом, нацеленным на спасение своей души строгим исполнением церковно-обрядового предписания, кто так по-хозяйски расположился в доме Божиим и уверен в стяжании еще более бли-

стательных небесных чертогов. Нельзя отрицать аскетического труда и упорства, ими полагаемого, но сколько в их чистоту подмешивается холода безлюбности, а в твердость в добродетели — душевной черствости? И как всякий гордый «сын Авраамов», фарисей забывает о главном: о том первородном грехе пожирания и вытеснения, из которого не изъят ни один смертный. Только Христос пришел вывести род людской из рабствования своему «телу греха», своей вытесняющей, тленной природе. И этого как раз не поняли и не приняли, казалось бы, ревнующие о праведности, об угождении Богу иудейские фарисеи и книжники.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

30 г.

Ин. 11:1-46

Когда Иисус пребывал в одном из селений Переи, к Нему явился посланец из Вифании, от Марфы и Марии с известием, что тот, кого Он любил, болен. Именно в таком открытом обращении к чувствам Иисуса была ими передана весть о болезни брата Лазаря. От себя евангелист подтверждает особое отношение Спасителя к этому семейству: «Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря» (Ин. 11:5), а Сам Иисус чуть позднее назовет Лазаря «другом». О ком еще во всем Евангелии сказано так Богочеловеком? У Него были ученики, и самые избранные из них, апостолы, были следовавшие за Ним благоговейно преданные женщины, были, наконец, родные по Деве Марии и Иосифу. И только Лазарь удостоился отношения дружбы, особого индивидуального избрания, предполагающего проникновенную душевную связь, духовное природнение.

Получив это исполненное тревоги известие (сестры явно надеялись на то, что Он немедленно придет к ним и исцелит брата!), Иисус, однако, не проявил никакого беспокойства и спешки, заявив, что «эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится чрез нее Сын Божий» (Ин. 11:4), и остался на месте еще два дня, и только потом предложил ученикам идти с Ним в Иудею. Поначалу ученики воспротивились этому, боясь новых преследо-

ваний и покушений на жизнь Учителя («давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями?» — Ин. 11:8), но Иисус успокоил их: день Его служения еще идет, ночь пока не настала и беспокоиться нечего («кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего» — Ин. 11:9). «Лазарь, друг наш, уснул, но Я иду разбудить Его» (Ин. 11:11), — так объяснил Он им цель настоящего похода в Иудею. Правда, простодушные апостолы не сразу поняли, о чем идет речь, они забыли, что об умершей дочери Иаира Он также говорил, что она *спит*, и решили, что это «сон обыкновенный» и нечего волноваться: «Если уснул, то выздоровеет» (Ин. 11:12). «Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали» (Ин. 11:14-15). Похоже, что ученики так и не уразумели пока истинный смысл этой странной радости Наставника, который явится, как всегда, уже после факта. Отсюда и пылкая, трогательная, но мимоидущая реакция апостола Фомы: «Пойдем и мы умрем с Ним» (Ин. 11:16).

Когда Иисус с учениками добрались до Вифании, оказалось, что Лазарь «уже четыре дня в гробе» (Ин. 11:17), т. е. уже четыре дня, как был похоронен (в такой жаркой стране, как Палестина, где тление начиналось очень скоро, часто хоронили в самый день смерти). Дом покойного был наполнен народом, Лазарь принадлежал к семейству почтенному и известному, и многие из иерусалимских иудеев «пришли к Марфе и Марии — утешать их в печали о брате их» (Ин. 11:19). Но Иисус не пошел в дом, а остановился у входа в селение, не желая вносить преждевременную сумятицу в общество иудеев. Узнав о Его прибытии, Марфа вышла к Нему навстречу со словами, в которых сквозила и вера в Его особые силы, и некоторый упрек, что Он так, как ей казалось, фатально промедлил со Своей помощью: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой; но и теперь знаю, что, чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог» (Ин. 11:21-22). Но все же ее надежды на высшие небесные дары Учителя не простирались до тех сверхфизических пределов Его власти над явлениями жизни и смерти, которые вскоре обнаружатся, ибо на обещание Иисуса: «Воскреснет брат твой» — она лишь благочестиво подтвердила общее религиозное верование: «Знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день» (Ин. 11:24). Но одно — отодвинутое в эсхатологическую даль упование, другое — немедленное возвращение, *здесь и сейчас*, в ра-

дость жизни и общения близкого и любимого усопшего. На *такое* ни она, ни, как видно, никто не мог покуситься в самой смелой мечте. Тут лежала *невозможность*, абсолютная и непереходимая.

И тогда Иисус огласил величайшее определение Себя и Своего дела, в которое стягивается самая сердцевина христианства, идущей от Него новой религии: «Я ЕСМЬ ВОСКРЕСЕНИЕ И ЖИЗНЬ; верующий в Меня, если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек» (Ин. 11:25-26). И на вопрос: «Веришь ли этому?» (Ин. 11:26) — Марфа еще при земной жизни Иисуса встала в ряд немногих исповедников Спасителя в полноте Его истины: «Так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир» (Ин. 11:27). Вряд ли мог состояться главный подвиг Иисуса в чреде Его дел, воскрешение Лазаря, без этого предварительного исповедания веры его сестрой. Причем на этот раз уже Марфа, как бы вняв известному нам укору ей Иисуса, опередила Марию в самом существенном, взяв на себя «благую часть» внутреннего, исповедного контакта с Исцелителем и Воскресителем.

Оставив Иисуса, Марфа вернулась к сестре, тайно сообщила ей: «Учитель здесь и зовет тебя» (Ин. 11:28), — и та тут же покинула дом. Ее гости, решив, что она отправилась ко гробу брата, пошли за ней. Увидев Иисуса, Мария вся в слезах бросилась к Его ногам буквально с теми же словами, что ее старшая сестра: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (Ин. 11:32). «Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмутился, и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри. Иисус прослезился. Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его!» (Ин. 11:33-36). Ни разу еще в Евангелиях, при подступе Иисуса к исцелению самых несчастных и вызывавших сострадание больных или при двух предыдущих случаях воскрешения недавно умерших, не были отмечены и переданы, как здесь, чувства Самого Спасителя. Такой необычный всплеск переживаний Богочеловека не мог не поразить читателей и толкователей Евангелия. Было высказано мнение, что тем самым с пронзительной очевидностью явилось, что «Он истинно облечен был нашим естеством», что «Его воплощение истинно» (свт. Иоанн Златоуст), что Его реакцией были освящены человеческое горе, проявления тоски и скорби пред лицом смерти и расставания с близкими. Но «совершенно невозможно, — писал С. Н. Булгаков, — допустить “несто-

рианское” разделение естеств и их чередование: как человек плакал, как Бог — воскрешал»¹, как тоже не раз объясняли человеческую *слабость* чувств, проявленную Им у гроба умершего друга. Почему же Христос «восскорбел духом и возмутился»? Возможно и такое толкование: *восскорбел* и *возмутился* духом при виде их неверия в возможность возвращения к жизни Лазаря, несмотря на все то, что Он уже творил и сейчас обещал. Но главное — перед самым ужасным явлением смерти, «последнего врага» (по выражению ап. Павла), что еще царит в мире сем. И это подтверждается далее усилением душевной скорби Иисуса при приближении к месту погребения: «Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу» (Ин. 11:38).

В Палестине, стране преимущественно каменистых почв и небольших гор, погребали или в скалах, где высекались специальные отверстия, или в естественных пещерах окружающих селение холмов. Вход в такую погребальную пещеру, называемую собственно гробом, заворялся камнем, который обливали известью или замазывали глиной. И здесь — «то была пещера, и камень лежал на ней» (Ин. 11:38). Иисус приказал убрать камень и открыть вход в пещеру, где лежал умерший и откуда уже шел смрад разложения. Потрясенная и растерянная Марфа попыталась было указать на это и остановить Учителя, но Тот властно напомнил ей: «Не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?» (Ин. 11:40). Всякое прекословие и сопротивление было сломлено. Отодвинули камень, и настала напряженная тишина, все заворуженно глядели на Иисуса: вот Он поднял глаза вверх, вступив в какой-то явно интенсивный, но невидимый и неслышимый контакт с Небом, который вдруг прервался Его словом: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня; Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал это для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня» (Ин. 11:41-42). И тут же раздался громкий глас, что потряс присутствующих и навеки пронзил слух человечества: «Лазарь! иди вон» (Ин. 11:43). Какой-то молниеносно животворящей силой связались концы распавшейся личности Лазаря, восстановившись в былое целостное единство. Страшная и великая, непостижимая минута! «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвявано было

¹ С. Н. Булгаков. О чудесах евангельских. Париж. 1932. С. 54.

платком» (Ин. 11:44). Особой сверхреальной достоверностью впечатляет эта сцена: вырванный из царства смерти, которая уже распорядилась по-своему: тронула тлением тело, удалила из него душу и дух, — и вот он вновь живой, но пока еще как призрак, в одежде мертвого, с подвязанной челюстью, бессильно было отвалившейся четыре дня тому. И последнее, что осталось, прежде чем вернуть его близким: «Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет» (Ин. 11:44).

Воскрешение четырехдневного Лазаря — вершина и предел земных дел Иисуса до Его Собственного Воскресения. Недаром Церковь внутренне сближает эти два факта, вспоминая воскресшего Лазаря в субботу, накануне Страстных дней, как прообраз Воскресения Христова, его предпразднество. «Общее воскресение прежде Твоя Страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря», — поет тропарь. Из всех чудес Христа одно воскрешение Лазаря удостоилось и ранга иконописного сюжета, обращенного только к мистериальным моментам Богочеловеческой истории, и оказалось рядом с Благовещением, Рождеством, Крещением, Преображением, Распятием, Вознесением...

Воскрешение Лазаря стало и прямым поводом к заседанию синедриона, собравшегося во главе с первосвященником Каиафой сразу же после этого, взбудоражившего всех, события. Именно здесь Иисусу был вынесен тайный смертный приговор («С этого дня положили убить Его» — Ин. 11:53). Более того, «первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради его многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса» (Ин. 12:10-11). Такое особо подрывное и убеждающее значение приобрел этот земной «первенец из мертвых», который, по преданию, прожил еще три десятка лет после своего воскрешения и окончил свои дни епископом на Кипре.

То, что чудеса Христа являют показательное предварение будущего, свидетельствует тот факт, что они не отменяют радикально законов природы и воскресенные Им в конце концов умирают, как все смертные. «Больше сих сотворить» обещается верующим во Христа, вставшим на путь обретения высшей, небесной природы. Не один Лазарь воскреснет, а все — и в «жизнь вечную», не один слепец прозреет, а весь мир выйдет в свет преображения уже в Богочеловеческом деле стяжания Царствия Небесного, что только «силою берется», по слову Самого Водителя в этот новый бессмертный строй бытия.

ОКОНЧАНИЕ СЛУЖЕНИЯ В ЗАИОРДАНИИ

30 г.

Ин. 11:54-57.

Мф. 19:2-30; 20:1-34. Мк. 10:2-52.

Лк. 16:18; 18:15-43; 19:1-28

Хотя приговор Иисусу, вынесенный, скорее всего, неполным собранием синедриона в доме Каиафы, был тайным, весть о нем просочилась довольно быстро и стала известной многим, в том числе и Иисусу. Ходить «явно между Иудеями» Он уже не мог и вновь отошел за Иордан в город Ефраим, «близ пустыни» (Ин. 11:54). (Имя это занесли пески времени, и в настоящее время точное расположение города определить не удастся.) На какое-то время Иисус нашел здесь убежище Себе, ограничив круг общения учениками. Можно предположить, что Он продолжал готовить их души и дух к вот-вот грядущим скорбным и великим событиям, что в перспективе перевернут человеческую историю и, в частности, откроют время их самостоятельного служения. С приближением пасхи 30 года, в конце марта, когда толпы паломников со всех сторон Палестины двинулись к Иерусалиму, Иисус с учениками покинул Ефраим и пошел туда же. Время свершения Богочеловеческой жертвенной, искупительной мистерии наступало. Спаситель уже не таился и выступал открыто. И вновь за Ним следовал народ, и вновь исцелял Он и учил.

К этому завершительному периоду Его земного служения относят несколько евангельских эпизодов, складывающихся в некий внутренне связанный цикл. Сначала приступили к нему фарисеи, как всегда с вопросом, и вопросом искусительным: «Позволительно ли разводиться мужу с женой?» (Мк. 10:2). Казалось бы, в чем тут был вопрос, ведь существовал на этот счет закон Моисеев, который разрешал мужу дать жене разводное письмо в том случае, если она «не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное» (Втор. 24:1). Но само это «противное» («нечистое», «пятно» — в оригинале) породило различные толкования, от самых *либеральных*, как это было в школе Гилелля (мужчина мог просто уйти к более понравившейся ему женщине), до более строгих у Шаммая, где только случай прелю-

бодения считался законной причиной развода. Наконец, вспомним, что Предтеча Христов буквально поплатился головой за обличение развода Ирода Антипы, а Иисус находился на этот момент в Заиордании, в Перее, в одной из областей владений этого тетрарха. Как же Иисус разрешил сей вопрос, как видим, совсем не простой и даже каверзный и опасный?

Объявив, что Моисеево разрешение на развод было дано иудеям по их «жестокосердию», Иисус направил внимание фарисеев к первоначальной заповеди, исходившей в начале начал человека от Самого Господа: «В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1:27). Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотию (Быт. 2:24), так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мк. 10:6-9). Мы знаем, что образ брака и брачного союза — один из самых мистериальных в Евангелиях: ему уподоблялся союз Христа и Его верных учеников, союз Христа и Церкви, т. е. Божественного начала и соборного тела человечества. И в этих словах Христа есть и мирская, так сказать, экзотерическая сторона их значения («Кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует» — Мк. 10:11-12), но есть и сокровенная, эзотерическая, относящаяся к будущей природе человека в Царствии Небесном, где, как выяснится позже, «ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Мф. 22:30). Эта последняя сторона была прямо развита в неканонических Евангелиях. «Иисус сказал им: “Когда вы сделаете двоих одним и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю как внутреннюю, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина женщиной... тогда вы войдете в Царствие”» (Евангелие от Фомы); «Если бы женщина не отделилась от мужчины, она бы не умерла вместе с мужчиной... Итак, женщина соединяется со своим мужем в чертоге брачном» («Евангелие от Филиппа»). Здесь речь идет о небесной «плоти единой»¹, соеди-

¹ Вот как чувствует и разъясняет глубинный смысл слов Иисуса свт. Иоанн Златоуст: «Так как они (мужской и женский пол. — С.С.) произошли от одного корня, то и должны соединиться в одно тело» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Матфея. Кн. 1. С. 35).

нившей в себе преобразенное мужское и женское естество в высшем *андрогинальном* единстве; в нем превосходится половое разделение, жгучий, дуальный эрос претворяется в небесную любовь, а подверженная упадку и тлению земная плоть — во всемогущую и бессмертную. Обратите еще внимание на это Христово «*вы сделаете*», приведенное в «Евангелии от Фомы, — в нем обращение к активности самих людей в деле достижения сверхполовой бессмертной природы.

Такое эзотерическое смысловое ядро Божественной заповеди «плоти единой» еще не может проникнуть в сознание учеников. Им трудно принять даже земно-утилитарную, но чрезмерно строгую, на их взгляд, сущность Христовых повелений: «Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф. 19:10). И тогда Иисус, как будто не к месту для поверхностно-буквального уровня смысла Его брачного поучения, стал говорить о трех типах скопцов: о тех, «которые из чрева матерного родились так» (это всего лишь природный недостаток), о тех, «которые оскотлены от людей» (жертвы человеческого насилия) и, наконец, о скопцах, «которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19:12.). Вот эта последняя, добровольная, требующая духовных и физических усилий трансформация идет в направлении предвосхищения будущей небесной *ангельской* природы. Недаром Христос и добавляет здесь — как знак особой, непростой для постижения тайны: «Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:12).

Сразу же после этого идет знаменитый эпизод, когда приведенных для благословения детей ученики сначала не хотели допустить к Иисусу, ограждая Учителя среди Его возвышенных поучений, как им казалось, от лишнего беспокойства. «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И возложивши на них руки, пошел оттуда» (Мф. 19:14-15). Вот оно, новое подтверждение Христова критерия «будьте как дети», как дети по своей сердечной чистоте, родственно-любовному отношению к окружающим, по их сказочно-всемогущему отношению к миру (в смысле хочу — пусть так будет!), по их особой логике, в которой *желательная* причина оказывается сильнее *объективно-материальной*... В контексте же этого евангельского места дети оказываются и своего рода прообразом не-

кого единого, четко полово неразделенного существа, не знающего низменной похоти, зацикливающей в эросно-природно-смертном кругу.

Здесь же, в этом селении, где фарисеи искушали Иисуса по вопросу о разводе и где Он благословил детей, «обняв их» и возложив руки на их пушистые головки, произошла еще одна знаменательная встреча, остро врезавшаяся в память учеников, — недаром ее подробно передают все синоптики. «Когда выходил Он в путь, подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил Его: Учитель благой! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» (Мк. 10:17). Св. Матфей по ходу рассказа уточняет, что это был человек еще молодой, «юноша», а св. Лука называет его одним «из начальствующих». Сам безоглядный, искренний порыв этого знатного и богатого юноши, бросивший его к ногам Иисуса, готового вот-вот покинуть селение, с вопрошанием о самом существенном для человека: об условии его спасения, — сразу же вызывает симпатию к нему. Однако Иисусу вначале не понравилось излишне льстиво-почтительное к Себе обращение как к «Учителю благому», ведь юноша очевидно подошел к Нему как к одному из выдающихся раввинов, не видя в Нем Бога, а в таком случае это определение было здесь неуместно, ибо по-настоящему, в абсолютном смысле никто из земнородных «не благ, как только один Бог» (Мк. 10:18). И отослал Он юношу к исполнению пяти Моисеевых заповедей, касающихся межчеловеческих отношений: от «не прелюбодействуй», «не кради» до «почитай отца твоего и мать» (Исх. 20:12-16) с добавлением (по св. Матфею) заповеди любви к ближнему: «Люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18). На это благочестивый молодой человек ответил: «Все это сохранил я от юности моей» (Мк. 10:20)¹. И тогда Иисус, как отметил св. Марк, «взглянув на него, полюбил его» и тут же предложил сделать усилие и подняться на высочайшую ступень Его, Христова ученика, пойти на настоящий

¹ Правда, эти слова юноши о его следовании этическим предписаниям Закона не раз подвергались сомнению, по крайней мере в отношении заповеди о любви к ближнему. Впрочем, суть этих сомнений была красноречиво высказана Самим Иисусом в одном из евангельских апокрифов: «Как можешь говорить ты, что исполнил Закон и Пророков? Ведь в Законе сказано: “Люби ближнего, как самого себя”, — а вот множество твоих братьев, детей Авраамовых, одеваются в жалкие лохмотья и умирают с голода, а твой дом ломится от богатства, откуда ничего не исходит для них» («Евангелие от назореев»).

духовный подвиг: «Пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровища на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (Мк. 10:21). Наступил миг выбора: с одной стороны — земное осязаемое богатство, дающее почет и всевозможные блага, его собственность, с другой — зов веры, надежда на «жизнь вечную». Перетягивает первое, юноша отходит в смущении, «с печалью»: не сумел он перешагнуть через затягивающую «бездну богатства» (свт. Иоанн Златоуст), земля с ее ценностями и сластями оказалась сильнее сулимых небесных сокровищ. «И посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Мк. 10:23).

Сильный глагол выбирает св. Марк для выражения чувств учеников: те «ужаснулись от слов Его». Но Иисус вновь повторяет Свою строгую, *ужаснувшую* их констатацию: «Дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Мк. 10:24-25), — но заметьте и это ласковое «дети!», и эту характерную коррекцию: «надеющимся на богатство»! Это уточнение глубже обнажает мысль Христа: дело не столько в самом богатстве, сколько в *надежде* на него, в полагании своего сердца, высшего смысла существования в вещи тленные... Да и богатство, конечно, надо понимать расширительно: это то горделивое понятие прочного владения чем-то на этой земле — домами, деньгами, талантами, умом, удачей, друзьями, жизнью, — которое оспаривает смиренномудрое восчувствие нашего временного, смертного, *заимствованного* бытия теми, кто ублажается Христом как «нищие духом». Богатство материальное, богатство душевных, духовных дарований может и стать путем к Богу (при отнесении источника этого богатства к Творцу), и вырасти в глухую стену между человеком и Богом. Тот же богатый юноша мог бы, как женщины, следовавшие за Иисусом, «служить Ему именем своим»¹, как по-

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский в своем поучении христианину на основании этого евангельского эпизода так раскрывает образ имения, от которого надо отказаться (чего не сумел сделать богатый юноша): «А имения у гневливого его гнев, у любодеея — его прелюбодейные вожделения, у злопамятного — памятозлобие и прочие страсти. И так продай и отдай бедным, то есть неимеющим ничего доброго демонам, брось свои страсти виновникам страстей, демонам, — и тогда будешь иметь сокровище, то есть Христа на небе, на небе, то есть ума твоего» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Матфея. С. 179).

зднее апостол Павел сумел-таки поставить свой великий ум (свое богатство) на раскрытие глубин Христова благовестия.

Смушение, изумление и даже ужас учеников понять можно, если даже такой благочинный юноша, соблюдавший все заповеди Моисеевы, вызвавший у Самого Иисуса прилив сердечного расположения («полюбил его»), оказывается безнадежным для Царствия Небесного, — отсюда и их тревожный вопрос: «Кто же может спастись?» (Мк. 10:26). Заметьте: кто припадал к стопам Иисуса, кто уверовал и шел безоглядно за Ним? Да тот, кто особенно остро знал страдание, физическое и душевное, чувствовал своим нутром изнанку несовершенной, падшей природы, кто получил от Него блага, на деле самые существенные, — освобождение от болезни, врожденного или приобретенного недуга, бесовской одержимости: к примеру, гадаринский бесноватый, Мария Магдалина или иерусалимский слепорожденный... И ближайшие ученики Христа происходили, как правило, из слоев низших, бедных: им не пришлось жертвовать ни «большим именем», ни знатным положением. А вот того, кто здоров, счастлив, богат, окружен почетом, кому пока хорошо в земной жизни (что это неизбежно только *пока*, осознается плохо!), такого, ох, как трудно оторвать от обольщения природно-земным, подвигнуть к другому порядку бытия, — вроде бы он и хорош: там бессмертие, жизнь вечная, жизнь с Богом, но сколько, оказывается, для этого необходимо уже в этом существовании самоотречения (возненавидеть свою страстноклоненную душу, отринуть нажитое богатство, взять «крест» скорбей и поношения от мира сего), — и на это духа и подъема уже не находится. Евангельский богатый юноша — это, если хотите, и предупреждающий образ для человечества, причем не худшего, благополучного, в меру духовного, в меру благочестивого, что так же, увы, смущенно, «скорбя», «с печалью» и отойдет от Христа, от пути к Царствию Небесному, к бессмертной, преображенной природе... Христос видит грандиозную здесь трудность и проблему — отсюда Его резкий и выразительный образ верблюда и игольных ушек.

«Но отчего смущаются ученики, будучи бедны, и даже слишком бедны? Что их беспокоит?» — задает вопрос свт. Иоанн Златоуст и отвечает так: «Оттого, что имели слишком сильную любовь ко всему человечеству, и уже принимая на себя должность его учителей,

страшились за других, за спасение всех людей»¹. Но ведь любовь Бога к Своему творению еще сильнее, и Иисус тут же ободряет учеников, подавая надежду на помощь Божию, чтобы сдвинуть людей с мертвой точки их страстно-природной, земной заклиненности: «Человекам это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу» (Мк. 10:27).

И тут ученики устами Петра спросили у Иисуса о том, что волновало уже их лично: вот они оставили все, пошли за Ним, «что же будет нам?» (Мф. 19:27). Ждет их великая участь, «когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28). Вместе с ними особо ублажается и малое избранное стадо тех, кто сумеет, в отличие от этого богатого юноши, оставить все, накрепко прилепляющее их к земному, «ради имени Моего», — уже в этой жизни они «получат во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель», т. е. преизобилие благ материальных и душевных, духовных привязанностей и связей, «а в веке грядущем жизни вечной» (Мк. 10:30).

Но не оставлены милосердием Божиим и остальные: для утверждения этой высшей надежды и рассказывает Иисус далее, по св. Матфею, притчу о работниках в винограднике, нанятых господином его на протяжении дня от первого до одиннадцатого часа. Вечером хозяин позвал управителя и приказал ему заплатить всем, начиная с последних и до первых. И тут выяснилось, что работники «последнего часа» получили то же, что было обещано первым: по динарию. Это уравнение в награде тех, кто работал всего один вечерний час, с теми, кто трудился с утра, переноса «тягость дня и зной», вызвало ропот последних, похожий на укоры старшего сына своему отцу из притчи о блудном сыне: где же, мол, справедливость? Любопытная психологическая черта выводится Иисусом: именно вроде бы лучшие, благоразумные, благочинные, старательные бывают обуреваемы ревностью к своей чистоте и тщанию, заслуживающим, на их взгляд, особой награды, избранного красования в славе Божией. Вот где искушение и грех хороших и чистеньких — сигнализирует Христос. Воистину, ни один человек не бывает по настоящему благ, «как только один Бог» (Мк. 10:18). Ответ хозяи-

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 646.

на на недовольство наиболее потрудившихся работников получает свой полный смысл, если не забыть, что вся эта притча уже во первых ее строках была объявлена иносказанием для будущего обоженного строя бытия («Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома...» — Мф. 20:1): «Друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр?» (Мф. 20:13-15).

Парадоксальность этой притчи в контексте истории с богатым юношей отметил еще свт. Иоанн Златоуст. Она следует как подтверждение слов Иисуса: «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19:30), а завершается равным воздаянием. «Что значит эта притча? Сказанное в начале не согласно с тем, что говорится в конце ее, но открывает совершенно противное»¹. Действительно, здесь к обычным нравственным категориям добродетели и награды, греха и наказания добавляется Божественная, превышающая все человеческие раскладки величина: *благодарить* и *благодать*, свободно и избыточно изливающиеся по милости Божией на всю тварь, в том числе и на самых слабых и «недостойных». И относится эта благодать и к целым народам (иудеи считали себя великими тружениками на ниве Господней, воистину, работниками первого часа, но и язычники, вступившие на нее в последние часы, удостоиваются той же награды), и к каждой отдельной человеческой личности, ставшей в ценностный центр христианского взгляда. Недаром проповедь свт. Иоанна Златоуста, основанная на образах притчи о работниках в винограднике и выражающая надежду на спасение всех, вне зависимости от суммы заслуг (часа вступления на праведный путь), была включена Церковью в Пасхальную службу: ею завершается Пасхальная заутреня, несущая радостный благовест воскресительного преобразования мира, — «Смерть, где твое жало, ад, где твоя победа?»

И вот Иисус с учениками двинулся в Свой последний земной путь — к Иерусалиму. «Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе» (Мк. 10:32). Св. Марк, как всегда, отличается выпуклой конкретностью детали, точным штрихом, восстанавливает картину в ее первоизданности, пронзительной

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 654.

достоверности. Поразительное, величественное зрелище! Богочеловек шествует на смерть, на добровольную жертву, погруженный в Свои думы, уже как бы отделенный от всех тенью невероятных событий, которую бросало на Него скорое будущее. Ученики — на расстоянии, сзади, объятые ужасом и страхом — отчего? — и от сознания смертельной опасности, грозившей Ему в Иерусалиме, и от Его нового облика, на который легла особенно великая мысль, и решимость, и скорбь... Свершилось — осталось пройти последний отрезок палестинской дороги до той пасхальной недели, когда каждый день и час будут отсчитывать удар за ударом действие неуклонно развертывающейся мистерии.

И вот Иисус в последний, третий раз решает правильно установить разумение, утвердить волю, утишить скорбь и боль Своих учеников — в предвидении грядущего свершиться. Он зовет к Себе двенадцать апостолов и разворачивает — так, как ни разу раньше — весь ряд Своих страстей: как предан Он будет на судилище «первосвященникам и книжникам», как «осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам; и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его» — Мк. 10:33-34 (по св. Матфею, Он уточняет самый способ казни: «предадут на... распятие»). Но главное, чем завершает Иисус, — обещание, что Он «в третий день воскреснет». Из евангелистов только св. Лука подтверждает прежнюю реакцию учеников на это откровение, — никак-то оно в них не вмещается: ни страшные картины людского надругательства над Самим Сыном Божьим, ни Его убийство (распятие), ни воскресение, — «Но они ничего из этого не поняли; слова эти были для них сокровенны, и они не разумели сказанного» (Лк. 18:34). Очевидно, само воскресение Иисуса казалось из особенно невероятных и непонятных событий: «Что иные других воскрешают, это они видели; а чтобы кто-нибудь сам себя воскресил, и так бы воскрес, чтобы никогда после того не умирать, — такого чуда никогда не видали»¹. Но возможно и другое: не хотели ученики, трепетно любившие Богочеловека и благоговевшие перед Ним, такого исхода Его пришествия на Землю, — и так ли уж это плохо? — если бы весь народ так же любил Его и благоговел, и приходил в ужас от одной мысли о возможности поругания и предания смерти Бога, и

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 662.

сумел бы покаяться в своей послегрехопадной природе, то разве не мыслим другой метафизический сценарий: усыновление человечества Богу и обращение на путь к Царствию Божию — помимо этого страшного поворота, помимо крестной муки и распятия Спасителя? Но, увы, состояние мира не давало такой надежды. И вместо трезвого и мужественного вникания в то, что готовилось с Иисусом, в смысл Его пророчеств о собственной смерти и воскресении, души учеников втайне продолжали лелеять мечты о мессиянском чуде в традиционно иудейском духе: вдруг как-то минуют эти угрозы и предсказания, рассеются как дым, и их Великий Учитель, Целитель и Воскреситель, преобразавшийся перед избранными из них в Божественной славе на горе Фавор, реализует залого Нового Царствия, о котором столько предрекали пророки и растолковывали учителя народа.

Когда Богочеловек говорил с народом о Своем главном подвиге — воскресении из мертвых как залого победы над смертью в этом мире, Он всегда использовал образное прикрытие, будь то трехдневное пребывание Ионы пророка во чреве китовом с последующим избавлением или храм, который Он разрушит и созиждет в три дня... Это делалось в ясном понимании, что придет день, когда для изумленного народа Его загадочные, символические предвидения раскроют свой полный смысл на экране свершившегося события. Только ученикам Иисус открывался прямо, но, как видим, пока без желаемого результата. Недаром, как будто и не услышав Учителя, тут же «приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него» — Мф. 20:20 (у св. Марка подходят одни Иаков и Иоанн без матери). И чего же они просят? Предполагая, что вот уже близок Иерусалим и воцарение обетованного мессиянского Царствия, они как бы хотят обеспечить себе в нем избранные места: воссесть в финальной апофеозе сияния славы Божией в непосредственном соседстве ко Христу, по Его правую и левую сторону. Сколько тут восторженной ревности служения и сколько высокого тщеславия, искания себе первенства — надо ли считать? Да они и сами не могли не чувствовать и неловкость, и стыд, — подошли ведь к Иисусу одни, втайне от других апостолов. «Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите; можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?» (Мф. 20:22)

Вряд ли до конца понимая, о какой слезной чаше и кровавом искупительном крещении идет речь, быстрые «сыны громовы» в пылу желания быть с дорогим Учителем всегда и везде тут же ответствовали: «Можем» (Мф. 20:22). Да, подтвердил Иисус, и «чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься» (Мф. 20:23), — до того как разделить радость и славу Бога, надо разделить Его муки, крест, смерть... А вот где воссесть в Божественном синклите, в пакибытии Царствия Небесного, «не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим» (Мф. 20:23), — тем самым Он желает, по слову свт. Иоанна Златоуста, «всячески побудить Своих учеников к тому, чтобы они надежду спасения и прославления, после благодати Божией, полагали в собственных добрых делах»¹.

Между тем остальные десять апостолов, узнав о том, как Иаков и Иоанн попытались втихую пробиться на первые места в Царствии Божием, «вознегодовали на двух братьев» (Мф. 20:24). Но Иисус тут же пресек возмущение и волнение, разделение и осуждение одних другими, поднявшиеся среди учеников. Он учит их непрерывно, в каждой возникающей ситуации и коллизии: да, в мире сем *сильные*, князья и вельможи, по признанному праву господствуют над *слабыми*, над народом, но не то должно быть среди вас, Моих последователей, в этой первой ячейке будущего Царствия. Здесь — совсем другие принципы и законы взаимоотношений, связи друг с другом: не господства и подчинения, не внешнего авторитета, а служения, отдачи себя ближнему, любви, что и составляет достоинство и силу каждого члена нового братства. «Кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. 20:26-27). И Он Сам первый являет пример, можно даже сказать, архетип, такого отношения, переворачивающего все привычки мышления и действия в мире сем: «Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20:28). И Он не просто пример, а как бы божественная *матрица* нового типа связи между людьми, искупительного им служения, с которой уже будут снимать оттиски своего поведения Его ученики, все Ему верные, уподобляясь Христу. Не забудем и то, что особенно подчеркивает свт. Иоанн Златоуст в своем толковании:

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 666.

самоумаление Господа сначала до человека, затем до человека страдающего и подверженного смерти, само «это уничтожение Его сделалось возвышением для всех и открыло славу Его»¹.

Древний Иерихон («благоухающий»), расположенный в цветущем оазисе, знаменитый своими розами и пальмами (недаром в Ветхом Завете его называли «городом пальм») был последним крупным населенным пунктом перед Иерусалимом. Иисус с учениками в окружении толпы паломников оказался здесь в четверг или пятницу 7-8 числа месяца нисана (самый конец марта). У входа в город, как отмечает св. Матфей, сидели два слепца (св. Марк и св. Лука говорят об одном, и св. Марк даже приводит его имя — Вартимей, сын Тимеев)². Услышав шум толпы и узнав о том, что это идет уже известный в народе Иисус Назорей³, они стали громко взывать к Нему: «Помилуй нас, Господи, Сын Давидов!» (Мф. 20:30). Называя Его так, они обнаружили свою веру в Него как в Божественного Мессию, Кому единственно принадлежит право «миловать», т. е. в данном случае — снимать грехи, являю-

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 668.

² В этом эпизоде мы сталкиваемся не с одним разночтением у синоптиков. Так, св. Матфей и св. Марк помещают эту встречу при выходе из города, а св. Лука — при входе. Поскольку далее идет сцена с мытарем Закхеем уже в самом городе, то предпочтение отдается варианту св. Луки. Впрочем, существует несколько десятков толковательных версий, согласующих это разногласие евангелистов, в частности та, что действие происходило как бы между двумя Иерихонами, старым и новым городом, так что «из» или «в» зависело от точки отсчета. Что касается числа слепцов, то, скорее всего, их и было двое, но только один из них, возможно, фигура более яркая и активная, был отмечен вниманием двух священнописателей.

³ Назореем или назарянином (что точнее) называли Иисуса в народе, имея в виду Его происхождение из Назарета. Определение «назорей» по отношению к Христу нельзя путать с ветхозаветным назореем, человеком, принесшим специальный обет Богу для всецелого Ему служения (он мог быть различной длительности: от недели и месяца до целой жизни, начиная с младенчества, — таковым было, к примеру, посвящение пророка Самуила, Самсона, а из новозаветных персонажей — Иоанна Крестителя). В обет назорейства входило несколько запретов, в том числе на потребление любого алкоголя, а также на отрезание волос... При этом один капитальный пункт полярно разводит Иисуса и назорея, и вместе — два типа служения и святости, ветхозаветный и новозаветный: назореям был строжайше запрещен любой контакт с умершими (они не могли даже присутствовать на похоронах, самый их обет нуждался в возобновлении, если кто-нибудь просто умирал на их глазах), а Иисус и прикасался к мертвым, и взывал к ним Своим властным словом, возвращая к жизни.

щиеся, по иудейским представлениям, первопричиной болезни и уродства. Окружавший слепцов народ пытался заставить их замолчать, но те еще настойчивее и громче продолжали повторять свою просьбу. Они не могли ни подойти к Иисусу, ни броситься к Его ногам, ни коснуться края Его одежды — перед глазами неразличимый мрак, — оставался только один способ выразить ярко вспыхнувшую внутри последнюю надежду: *голос*, и в него они вложили все свое отчаяние и веру в избавление... И Спаситель услышал все, самые недра их души, остановился и «велел... позвать» несчастных к Себе. Тогда они, сбросив с себя пыльную верхнюю одежду («аббу»), оба подошли к Иисусу и на вопрос, чего они от Него хотят, ответили: «Чтобы открылись глаза наши» (Мф. 20:33). Все уже известные нам условия, необходимые для действия духовной исцеляющей силы, были здесь налицо: и страстное желание Божьей помощи со стороны страждущего, вера в нее, упорная неотступность в просьбе (вспомним женщину хананеянку!), и порыв сострадания со стороны Богочеловека. «Иисус же умилившись прикоснулся к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним» (Мф. 20:34). Слепцы не только прозревают, но и следуют за Иисусом; надо думать, что именно такие — из вернейших Его последователей, ведь получили они бесценный, не сравнимый ни с какими богатствами дар: видеть свет и мир Божий, на себе испытали Его действенное Божественное милосердие.

Когда же Иисус вошел в Иерихон и шел по улицам города, Его окружила плотная и все растущая людская толпа: тут были и паломники, и набежавшие жители города. Среди них находился «некто именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый» (Лк. 19:2), — и его поднял общий порыв интереса к необыкновенному Учителю, Кого многие чтили за явившегося Мессию. Более того, его желание хотя бы увидеть Иисуса было столь велико, что он, человек маленького роста, влез на одну из смоковниц, росших у дороги. Не многие даже среди припадавших к стопам Спасителя, исцеленных, прозревших физически и духовно, удостоиваются в евангельской истории упоминания их имен. Запечатление на этих священных страницах индивидуального имени — факт особо значащий. Закхей — уменьшительное от Захария, означавшего «чистый», «справедливый», — до того звучало разве что издевательской насмешкой для тех, кого по своей профессии он нещадно

обманывал и притеснял. А тут, едва он услышал об Иисусе, в нем проснулось то скрытое, засыпанное сребролюбивой, неправедной жизнью ядро его личности, которое не в горькую издевку, а на деле соответствовало значению имени. Искренний сердечный порыв Закхея мгновенно опрокинул всякую чинность и приличия, преодолел неудобство и стыд. Он не побоялся даже смеха окружающих: как это человек уже немолодой, богатый, с положением лезет, как уличный мальчишка, на дерево... И Спаситель из всех увидел именно его, вырвал из густой толпы лиц, обращенных к Нему с благоговением, любовью, любопытством, сомнением, подошел к дереву и обратился к начальнику мытарей так, как если бы Он его уже знал ранее: «Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме» (Лк. 19:5).

И тот мгновенно (как в свое время призываемые в ученики рыбаки) сошел со смоковницы и с великой радостью принял Иисуса в своем доме. Итак, не успел взгромоздившийся на ветви мытарь еще и рассмотреть Спасителя в толпе, как Тот Сам первый и увидел его, и обратил слова избрания. Сильное душевное движение Закхея и тут же особое ласковое внимание к нему Иисуса сомкнулись в ту магнетическую дугу взаимной приязни, которая мгновенно вытаскивает человека из болезни, греха, рутины...

Наверное, многие в городе хотели бы, чтобы знаменитый Учитель, вокруг которого витала надежда, что Он и есть долгожданный Мессия, отправляющийся как раз в Иерусалим явить там Свое Царство, почтил Своим присутствием их дом. Иерихон был городом священнослужителей при Храме иерусалимском, и кого-то из них, казалось бы, должен был отметить Своим посещением «сын Давидов», как только что кричали слепцы. И когда из всех Он избрал одного из самых ненавистных и презираемых, поднялся единодушный ропот, в котором было смешано и недоумение, и возмущение, и оскорбленность. Но то неожиданное, что произошло в богатом доме мытаря, обнаружило, насколько эффективнее высекает из человека самое хорошее в нем благое к нему расположение, оказанное доверие и уважение, чем укоризны, поношение и презрение. Наконец-то всплыло то, что было исконно заложено в его имени: «Закхей же став сказал Господу: Господи! половину имущества моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19:8). Заметьте, какая тут разница с бога-

тым юношей, только что не выдержавшим Христова испытания: Закхей и не спрашивает, что ему делать для спасения, он сам без понукания со стороны Иисуса понял, каким путем искупить ему свою несправедную жизнь, как обрести чистоту и свободу души, необходимые для следования за Христом. Но где тут радикализм отречения от богатства, которого требовал Иисус от добродетельного юноши: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим» (Лк. 18:22), когда мытарь собирается такое совершить только с половиной своего имени? Но надо полагать, что вторую его половину он, как человек трезвый и расчетливый, оставил именно для того, чтобы иметь, из чего отдать вчетверо тем многим людям, кого он обманул и ограбил в своем нечестивом и позорном ремесле. Дай еще Бог, чтобы хватило на всех обиженных! Так что в полноте активного покаяния Закхея сомневаться не приходится. И первым радостное «отпускаеши» ему произносит Сам Иисус: «Ныне пришло спасение дому этому, потому что и он сын Авраама» (Лк. 19:9), — стал бывший утеснитель народа в ряд обращенных праведников, сумел подвигом веры и благоустремленной воли, воистину, обратиться и превратиться в свою противоположность, дал Господу своим примером удовлетворенное право сказать: «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19:10).

Желая показать всем, кто полагал, что мессиянские ожидания вот-вот сбудутся (Иисус уже «близ Иерусалима... и скоро должно открыться Царствие Божие» — Лк. 19:11, естественно лишь для иудеев, избранного народа), насколько их представления были далеки от планов домостроительства Господня в отношении Земли, Иисус тут же, в Иерихоне, скорее всего, выйдя из дома Закхея, рассказал притчу о десяти минах. «Итак сказал: некоторый человек высокого рода отправился в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться» (Лк. 19:12). Под этим человеком Иисус явно имеет в виду Себя, а под возвращением с Царствием — Свое второе славное Пришествие. Перед отъездом человек дал десяти своим рабам (т. е. тем, кто должен был осуществлять волю хозяина в его отсутствие) по одной мине, равной фунту серебра или ста динариям (для ориентировки — дневной заработок неквалифицированного рабочего составлял один динарий) с наказом употребить их «в оборот». Ненавидевшие же этого высокородного человека граждане (иудеи, враждебно встретившие Иисуса) «отправили вслед за ним посольст-

во, сказавши: не хотим, чтоб он царствовал над нами» (Лк. 19:14)¹. Когда же он триумфально вернулся уже поставленным царем, то потребовал первым делом отчета от своих рабов в том, как они распорядились его деньгами. Двое из них, умножившие дар в десять и пять раз, получили похвалу от господина и соответственно десять и пять городов в управление. Третий же так и вернул назад мину, продержав ее в завернутом платке и мотивировав свое бездействие страхом перед жестоким хозяином («берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял» — Лк. 19:21), — за что и получил выговор царя, и остался без мины, которая была отдана первому, наиболее отличившемуся слуге. «Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избеите предомною» (Лк. 19:26-27), — так преподносит финальную раскладку притчи Иисус.

В ней, как и в аналогичной притче о талантах, что прозвучит чуть позже, в страстной вторник, главное — призыв к человеческой ответственности за дары Божии, дары самого широкого спектра: от материальных (высокое положение, богатство, физическое здоровье) до душевно-духовных (черты характера, способности и таланты разного рода, наконец, особые благодатные качества — горнего созерцания, пророчества, чудотворения), призыв к деятельности самого человека ради стяжания Царствия (умножение мин, талантов). Но вместе с тем здесь, как во многих последних притчах Иисуса, особенно обнаруживается педагогический мотив эсхатологических предупреждений тем, кто нерадив на Божьей ниве, отказываясь быть действенным орудием Божьей воли, кто сознательно противится ей (в притче о минах эта угроза конкретно касается отвергнувших Христа иудеев).

¹ Мы знаем, что в своих притчах Иисус часто отталкивался от окружающих бытовых реалий и конкретных фактов. И здесь, в Иерихоне, перед глазами Иисуса высился прекрасный дворец, выстроенный сыном Ирода Великого тетрархом Архелаем, с которым была связана известная история. За четыре года до рождества Христова он как раз ездил к императору Августу, желая получить от него себе право на царский титул и владение, и тогда же вслед за ним в Рим отправилась целая иудейская депутация, стремившаяся воспрепятствовать этому. В конечном счете Архелай своего добился.

**ОТ ВИФАНСКОЙ
ОТКРЫТОЙ ВЕЧЕРИ
ДО ИЕРУСАЛИМСКОЙ
ТАЙНОЙ**

Причащение апостолов (Раздаяние вина). Фреска. 1310–1320 гг.

ВЕЧЕРЯ В ВИФАНИИ

суббота 1 апреля 30 г.

Мф. 26:6-13. Мк. 14:3-9.

Ин. 12:2-11

Пунктом остановки перед Иерусалимом, который избрал Иисус, была любимая им Вифания, куда Он добрался в сопровождении учеников и большой толпы народа за шесть дней до Пасхи, к вечеру пятницы 31 марта 30 г. по новому христианскому летоисчислению (или 8 числа месяца нисана 780 г. — по римскому, от построения Вечного города). На следующий день Иисус с учениками был приглашен на специально для Него приготовленную вечерю. В такой временной последовательности передает событие св. Иоанн, тогда как св. Матвей и св. Марк помещают его за два дня до Пасхи. Синоптики же свидетельствуют, что состоялся этот ужин в доме Симона прокаженного (единственный раз здесь упоминаемого), в то время как св. Иоанн утверждает, что на этой вечере служила Марфа, а «Лазарь был одним из возлежавших с Ним» (Ин. 12:2). Пытаясь согласовать показания евангелистов, толкователи полагают, что этот Симон, бывший когда-то прокаженным (в момент события он не мог уже страдать от своего страшного недуга, ибо в таком случае был бы удален от общества и дома) и, скорее всего, исцеленный Иисусом еще в начале Его служения, мог приходиться отцом Лазарю, Марфе, Марии или их родственником.

То, что произошло на этой вечере, первые два евангелиста связывают с некоей женщиной, по имени она не называется, а св. Иоанн говорит, что это была Мария, сестра Марфы и Лазаря.

«Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира¹, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира» (Ин. 12:3). Два других священнописателя упоминают еще об алавастровом сосуде, который женщина разбила и возлила его содержимое на голову Иисуса. Св. Иоанн рисует действие более впечатляющее, совпадающее с тем, которое совершила раскаявшаяся блудница в более раннем эпизоде, приведенном св. Лукой. Обычно в ритуал приема уважаемого гостя входило омовение ног водой и возлияние небольшого количества мира на волосы. Здесь же был использован целый сосуд, а по четвертому Евангелию, были помазаны ноги и благоговейно утерты волосами. По св. Матфею, глядя на такую огромную трату дорогого мира (св. Марк и св. Иоанн говорят о цене его в триста динариев), ученики «вознегодовали», по св. Марку — «некоторые же вознегодовали», а св. Иоанн относит ропот только к одному из учеников, к Иуде Симонову Искароту. Впрочем, суть этого возмущения и доводы у всех одни: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» (Ин. 12:5). Сколь, однако, мотивы сострадания к бедным, помощи им как важнейшей обязанности пронизывают эмоциональность и нравственное сознание учеников! Довод «раздать нищим» представляется им безусловным и неотразимым. Но св. Иоанн, вложив его в уста Иуды, обличает этот довод лишь как «благородную» ширму его низменных поползновений: «Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор: он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали» (Ин. 12:6). Так выясняется, что Иуда был казначеем небольшой Христовой общины и втайне горел страстью корыстолюбия — и ее, как главную причину предательства Учителя, так красноречиво разоблачал в своем толковании на Евангелия свт. Иоанн Златоуст и за ним многие другие комментаторы. Разночтения евангелистов пытался

¹ Мирро, высоко ценившийся на Востоке благовонный состав, куда входило особое ароматическое вещество — мирра (смирна), использовалось для окуливания помещений, для помазания, в том числе покойников (удалить неприятный запах), и для бальзамирования. Вспомним, как один из волхвов поднес младенцу Иисусу смирну как указание на Его будущую добровольную смертную жертву. Драгоценное миро, принесенное Марией, было составлено из нарда, точнее нардовой мази, готовившейся из благовонного растения семейства валериановых. Нардовая мазь обычно хранилась в небольших алебастровых сосудах, завозимых в Палестину из Малой Азии.

с определенной психологической достоверностью согласовать блаж. Феофилакт: «Можно думать, что и прочие апостолы упрекали жену, так как они постоянно слышали от Христа учение о милостыне. Но Иуда негодовал на жену не с тою мыслию, как прочие, а по сребролюбию, ради гнусной корысти. По этой причине Иоанн упоминает о нем одном, как поносившем жену с лукавым намерением»¹.

В ответ на ропот недовольных Иисус сказал: «Оставьте ее; что ее смущаете? она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла: предварила помазать Тело Мое к погребению» (Мк. 14:6-8). Как всегда, у Иисуса несколько пластов смысла: во-первых, он определил жест женщины как «доброе дело», которое у иудеев разделялось на «милостыню» (на чем настаивали недовольные) и на «дела любви», куда входило и погребение умерших, причем вторые ставились выше первой. Во-вторых, Иисус как бы уточнил иерархию системы ценностей: *метафизических* и *социальных*, так сказать, вопроса *о жизни и смерти* и вопроса *о богатстве и бедности* (как выражался Н. Ф. Федоров), явно выдвинув вперед первый. И наконец, главное: раскрыл глубокий мистериальный смысл действия Марии как предварительного, символически-предвосхищающего помазания Его Тела к скорому погребению. Недаром в память об этом событии Церковь учредила таинство елеосвящения, иначе говоря — соборования, которое является духовным врачеванием недугов, а также производится над умирающими — во оставление нераскаянных грехов.

Вкладывала ли сама Мария это содержание в свой порыв? То, что это была не некая женщина, а именно Мария, как утверждает св. Иоанн (а он все же точнее всех передает вифанские события, только у него и о воскрешении Лазаря, и о всем вифанском, дружеском Иисусу, семействе), углубляет всю сцену. Мария, сидевшая у ног Спасителя и внимательно Его *слушавшая* (недаром это слушание специально подчеркнуто св. Лукой), тонко чувствовала Учителя и на уровне словесном, и на интуитивно-созерцательном. Вряд ли отчетливо, но ее женское, бесконечно любящее Спасителя сердце предчувствовало скорые Его страсти, представляло их себе. Ученики Иисуса — несмотря на все неустанные Его предупрежде-

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Марка. С. 362.

ния, — и слушают и как будто не слышат, и верить никак не хотят и не могут в то страшное, *не вмещающееся*, что должно с Ним произойти, все надеются на вдруг, на желанное: вот-вот явит все же Себя могущественным Мессией сейчас в Иерусалиме.

А сердце Марии уже точно, до последней черточки, знало, что будет иначе: будет и предательство, и поношение Самого Чистого и Великого, будет и Его истерзанное мертвое тело... Это явилось в горько пронзительном чувстве, в каком-то вышнем внушении, что и бросило ее к Иисусу, что двигало ее рукой, разбившей алавастровый сосуд и пролившей драгоценную влагу на голову и ноги. А затем осталось, как в посмертном умащении Самого Дорогого, утереть волосами ноги Его и зарыться в них, спрятать лицо, пронзенное мукой предведения и предвидения.

«Мироносицы взявше чин», как звучит в церковных стихирах, Мария осуществила высочайшее мистериальное действие — и заключительные слова Иисуса, произнесенные как торжественное пророчество, засвидетельствовали это: «Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие это в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (Мф. 26:13).

Вифанская вечеря, в отличие от произошедшей через четыре дня знаменитой Тайной вечери, была явной и открытой, на ней присутствовало много гостей, и из следовавших за Иисусом, и из иудеев, — все жаждали видеть галилейского Пророка и Исцелителя, Великого Воскресителя и, кстати, удостовериться, что воскресенный Им Лазарь действительно жив и здоров. С этого последнего широкого дружеского Собрании, отмеченного и горькой мистериальной струей, тогда вряд ли опознанной большинством, вошло в сердце Иуды окончательное решение отречься от Учителя и предать Его.

ДЕНЬ ЦАРСКОГО ТОРЖЕСТВА воскресенье 2 апреля 30 г.

Мф. 21:1-16. Мк. 11:1-11,15-17.

Лк. 19:29-46. Ин. 12:12-50

Воскресенье рано утром прошел слух, что Иисус с учениками идет в Иерусалим. В народе уже шли толки о том, прибудет ли Он на эту Пасху в столицу и когда, — мессианские надежды разгорелись с новой силой. И как только Иисус с учени-

ками появился на дороге, ведущей к столице, их облепил народ, число которого увеличивалось по ходу шествия. Из уст в уста передавались поучения галилейского Учителя, рассказы о Его чудесах и особенно о воскрешении Лазаря, росло радостное возбуждение, ожидание необыкновенных событий охватило всех. Это был новый сильнейший всплеск веры в Иисуса как предреченного Царя-Освободителя. Сам Иисус был в другом настроении: какая-то особенно спокойно-углубленная, возвышенная и решительная дума лежала на Его челе.

Процессия двигалась по обсаженной пальмами довольно широкой дороге, вившейся вдоль восточного склона Елеонской горы. По пути их оказалось совсем небольшое селение или, скорее, слобода из нескольких хижин, носившая имя Вифагия, т. е. «Дом пальм». О следующем событии рассказывают все четыре евангелиста, что не так уж часто бывает в Евангелии. Какая же в целом рождается картина из всех этих свидетельств, каждое из которых — со своими особенными деталями? У синоптиков Сам Иисус организует Свой вход в Иерусалим, устраивая все необходимое, давая лишь приказы ученикам для послушного исполнения. У св. Матфея (Мф. 21:5) приводится и соединенный текст двух пророчеств, Исаии и Захарии: «Скажите дочери Сионовой: се Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной» (Ис. 62:11; Зах. 9:9). И если ученики Иисуса не поняли, по св. Иоанну, последующих жестов Спасителя, расшифровав их лишь после Его прославления, по древней пророческой скрижали, то Иисусу была открыта прореченная картина, и она должна была ожить в этот миг и момент финальной Мистерии именно *так* и в *такой* последовательности. Иисус как бы ставит в реальности пророчества Захарии, осуществляет их в сознательном, волевом действии. Он отправляет двух учеников в Вифагию, уверив их, что они тотчас найдут привязанную ослицу и с ней ослика: «Отвязавши приведите ко Мне; и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их» (Мф. 21:2-3). Так в точности и происходит. Правда, св. Марк и св. Лука говорят лишь о молодом осле, «привязанном у ворот на улице» (Мк. 11:4), на которого «никто из людей никогда не садился» (Лк. 19:30), и разворачивают целую сценку: «Некоторые из стоявших там» (Мк. 11:5), «хозяева его» так спрашивают: «Зачем

отвязываете осленка?» (Лк. 19:33), но тут же, услышав ответ: «Он надобен Господу» (Лк. 19:34), отпускают осленка с учениками. (Заметьте: не только ученики, но и Иисус называет здесь Себя Господом, а не Сыном Человеческим, как обычно.) Св. Иоанн вообще опускает эти детали, коротко передает лишь самый факт в его проекции на ветхозаветное предсказание: «Иисус же, нашед молодого осла, сел на него, как написано: “Не бойся, дочь Сионова, се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле”» (Ин. 12:14-15).

Ученики постелили свои одежды на осла, Иисус сел сверху и поехал на нем (на ослице и ослике у св. Матфея, буквально повторившего эту деталь из пророчества Захарии¹). «Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге» (Мф. 21:8). Это были приметы царского приема, но разве то был мирской, торжествующий повелитель на пышной колеснице, среди подавляющего и устрашающего воинского великолепия? — Нет, Земля впервые встречала «праведного и спасающего, кроткого» (Зах. 9:9) Владыку иного, «не от мира сего», Царствия, Царя Небесного, благодатного, шедшего положить жизнь «за други своя», за искупление Своих греховных, смертных братьев по человечеству. Осла, важнейшего символического евангельского персонажа из мира меньшей твари, мы встречаем еще у рождественских яслей, и сейчас присутствие его, а не, скажем, грозного коня, бьющего боевым копытом под воинственные клики и бряцание оружием, создает трогательную, мирную, детски-безоружную тональность сцены.

«Народ же, предшествовавший и сопровождавший восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!» (Мф. 21:9). К этим messiанским приветствиям св. Иоанн добавляет: «Грядущий во имя Господне, Царь Израилев!», а св. Марк еще и славословие самого Царствия, устанавливаемого, по пророчеству, Царем-Мессией: «Благословенно грядущее во имя Господа Царство отца нашего Давида! осанна в вышних!» (Мк. 11:10). Св. Лука так передает этот момент торжественного, громогласного,

¹ Это указание на двух животных вносит, скорее, образный, *усиливающий* колорит, свойственный пророчеству Захарии: одновременное привлечение и ослицы, и недавно рожденного ее сына (на него еще никто не садился) концентрированно выражает кроткий, мирный характер пришествия messiанского Царя.

публичного опознания и провозглашения Иисуса долгожданным мессианским Царем: «А когда Он приблизился к спуску с горы Елеонской, все множество учеников начало в радости громогласно славить Бога за все чудеса, какие видели они, говоря: благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних!» (Лк. 19:37-38). Здесь к тем славословиям из пророчески-мессианских псалмов, которые иудеи обычно пели на празднике Кущей (псалмы 111-118), добавляется парафраз рождественской песни Ангелов, явившихся пастухам (Лк. 2:14). Только тут эта песнь ликования и умиротворения несется не с небес на благословляемую землю, а с земли на небеса, выславшие Спасителя. Уничтожить этот великий миг Его торжественного опознания уже нельзя для Земли, этот момент был, есть и будет, и оттого, когда фарисеи, услышав царственно-мессианские клики, обращенные к галилейскому проповеднику, в ужасе от происходящего, на их взгляд, кощунства и опасаясь реакции римлян — подвластный народ провозглашает своего владыку! — воззвали к Иисусу: «Учитель! запрети ученикам Твоим», то Тот отвечал так: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19:39-40). Иисус здесь вновь обращается к образу ветхозаветному, в данном случае прозвучавшему у пророка Аввакума, когда он рисовал несчастье и Божью кару для Земли, извратившей свои пути («народы трудятся для огня и племена мучат себя напрасно...»): «Камни из стен возопиют, и перекладыны из дерева будут отвечать им: “горе строящему город на крови и созидающему крепости неправдою!”» (Авв. 2:11-12).

В образе Аввакума, пришедшем Иисусу на ум, можно увидеть и пророчество о том страшном разрушении Иерусалима и рассеянии чад его, что через сорок лет ждет город, не признавший Самого Бога, Который явился к нему во плоти. И когда Иисус уже прошел вершину Елеона, начал нисхождение в Кедронскую долину и перед Ним разверзлась панорама великого города, грандиозного Храма, блестящего золотом крыш на утреннем солнце, из груди Спасителя вырвался неудержимый плач. В пророческом видении Он перенесся в 70 год и сейчас уже отчетливо увидел душераздирающие картины осады Иерусалима, всеобщего одичания от голода и страха, уничтожения города и Храма, зверского избиения жителей (что мы находим в свидетельствах очевидца этих страшных событий, Иосифа Флавия в его «Иудейской войне»). Иисус как будто забыва-

ет и текущее сейчас чествование, и грядущее Свое страдание, и воскресительное торжество и весь проникается скорой судьбой народа, среди которого Он вочеловечился, и великого, но оказавшегося нечестивым и самонадеянным, города: «Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя и побьют детей твоих в тебе и не оставят в тебе камня на камне, за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19:43-44). Вход Иисуса в Иерусалим стал кратковременным моментом Его торжества, даже всегдашние Его враги, начальники духовные, серьезно поколеблены, им кажется — всё, свершилось, Галилеянин победил, все следуют за Ним, более того — их пронзает досада, не остались ли они одни позади, не просчитались ли: «Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним» (Ин. 12:19).

В этой сцене Иисус Христос является в Своем *царском*, а не пророческом, как прежде, служении, идя навстречу добровольной жертве, т. е. своему третьему, первосвященническому, служению. Этот въезд Царя предваряет собой будущее окончательное воцарение обоженного порядка бытия во главе со Христом. Надо учитывать, что основные священные моменты в последнюю седмицу жизни Богочеловека сконцентрированы до предела. День становится единицей измерения огромных метафизически событийных величин, являя собой сгущенный иероглиф мистериального действия.

Конечно, вход Господень в Иерусалим¹ — это вход на страсти, на муку и смерть, но особые, парадоксально-невиданные, действительно впервые случающиеся на Земле и в мироздании, ибо и мука, и смерть сии — к конечному воскресению, к прославлению, к Царствию, причем к такому, которое не может быть только потусторонне-трансцендентным, но и имманентно-историческим, заданным человечеству как цель активной, творческой эсхатологии. Ведь недаром в Откровении св. Иоанна Богослова встает образ земного тысячелетнего Царства праведников как одного из этапов входа в новый преобразенный эон бытия.

¹ Этот важнейший момент запечатлен как двенадесятый церковный праздник: он знаменует одно из наиболее значащих событий жизни и служения Богочеловека. Вход Господень в Иерусалим носит еще название Недели (Воскресенья) Вайи, т. е. Пальм. Сопровождавшая Иисуса толпа приветствовала Его, размахивая пальмовыми ветвями и бросая их листья Ему под ноги. На севереместо пальм заняли вербы — Вербное воскресенье.

Властным жестом царски-мессианского служения Иисуса, проблеснувшим перед самой страстной неделей, стало очищение Храма: «И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано: “дом Мой домом молитвы наречется”; а вы сделали его вертепом разбойников (Ис. 56:7. Иер. 7:11)» (Мф. 21:12-13). Сам Бог посетил Дом, посвященный Себе, и оценил состояние его, которое окружающим казалось привычно-нормальным, как вопиющее. Если Храм — «вертеп разбойников», то какова же вся человеческая мирская жизнь? В Храме, куда вошел Иисус, горел кровавый жертвенник, на него вскоре должны были пролить свою кровь все эти стада овец, быков, телков, толкавшихся, мычавших, грязнивших пол, как на бойне. И главное в изгнании торжников из Храма — отмена кровавых жертвоприношений. Новая Церковь созиждется на Самом Христе как высшей искупительной Жертве. В свое время с такого же очищения Храма Иисус начал Свои дела после Крещения, этим же Он и завершает цикл. Здесь Иисус предстает не в Своем кротко-смиренном, любяще-прощающем облике, а в новом, божественно-гневно-мощном качестве, в ореоле великолепного царского дерзновения. И естественным завершением очищения Храма, за чем вставал образ очищения и искупления Земли, явилась новая, и последняя в земном воплощении Господа, манифестация Его дел: «И приступили к Нему в храме слепые и хромые, и Он исцелил их» (Мф. 21:14).

Ценную деталь приводит при этом св. Матфей. Оказывается, последними, кто включился в хор приветствий в этот достопамятный момент торжественной встречи Христа как теократического Царя, были... дети. Уже после изгнания торжников и исцелений дети, те самые чистые сердцем, искренние и простодушные существа, которых так любил Иисус и ставил образцом для взрослых, сотворили последний, самый драгоценный всплеск ликующего прития Спасителя, громко и дружно восклицая в Храме: «Осанна Сыну Давидову!» Именно эти клики, исходившие из детских уст, вызвали особое раздражение и гнев «первосвященников и книжников»: вот, мол, даже дети тронуты общим наваждением, богохульной порчей! «И сказали Ему: слышишь ли, что они говорят? Иисус же говорит им: да! разве вы никогда не читали: “из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу” (Пс.8:3)?» (Мф. 21:16).

Так проходил этот день царского торжества Иисуса. И одним из внешних его увенчаний стало желание «пришедших на поклонение в праздник» «некоторых Еллинов» (Ин. 12:20) видеть и говорить с поразившим их Божественным Учителем. Ясно, что речь шла об эллинах-прозелитах, т. е. новообращенных в иудейскую веру. Во всяком случае, то было событие символическое, содержащее в себе практическое пророчество о будущем успехе Христа благовестия за пределами иудейского племени. Депутация эллинов обращается сначала к Филиппу из Вифсаиды Галилейской, одному из первых по призванию Христовых учеников, но тот, однако, не сразу сообщает об этом Учителю, а сначала советуется со своим другом и земляком Андреем, и только после оба рассказывают о желании эллинов Иисусу. Любопытна эта осмотрительная, почтительная совещательная цепочка донесения вести до Учителя — видно, как старались Его особенно оберегать в этот последний, таивший смертельные угрозы отрезок служения.

Евангелист не отмечает, увиделся Иисус с эллинами или нет¹. Он приводит, на его взгляд, нечто более важное: поучения Иисуса ученикам в связи с этим случаем. «Пришел час прославиться Сыну Человеческому» (Ин. 12:23), — заявил Он, но тут же уточнил, что это не будет традиционно-ожидаемое прославление мессианского Царя и его воцарение на Земле: «Истинно, истинно, говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24). Так, опираясь на всем известный факт *воскрешения* погребенного в землю, *умершего* зерна в новом умноженном колосе, Иисус вводит ту фундаментальную параболу зерна, относящуюся к Его смерти и воскресению, которую так глубоко, в эсхатологической перспективе, повернутой ко всем людям, разовьет позднее ап. Павел (1 Кор. 15:35-55).

¹ На этот счет существуют лишь разного рода апокрифические легенды, одну из которых приводит св. Евсевий в своей «Церковной истории»: будто бы греки были посланцами царя Едесского, Авгаря V со специальным письмом к Иисусу, в котором царь просил Учителя избавить его от терзавшей его болезни и предлагал безопасное и удобное убежище от иудейских преследований. В своем ответе Иисус обещал послать к царю одного из Своих учеников для исцеления.

Если встреча Иисуса с эллинами все же имела место, то они, наверняка, стали одними из первых христиан в их среде. Кстати, Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» отмечал, что галилейский проповедник учил людей, любивших истину, в том числе и греков.

И далее повторяет уже звучавшую в Его устах мысль, разрывающую обычное разумение, земную логику: «Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире этом сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12:25), призывая тем самым решительно (до ненависти) отторгнуться своей языческой, страстно ввязанной в мир сей и привязанной к нему души — во имя другой, не-природной, вечной, небесной красоты. «Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почтит Отец Мой» (Ин. 12:26), — в контексте этого откровения-поучения Иисуса понятно, что речь конкретно идет о готовности верных, служащих Ему, идти за Ним вплоть до смерти, но за которой светит высшая награда: быть вместе с Христом, получив благую часть от Самого Отца Небесного.

Казалось бы, несмотря на угрозу смерти, все так благостно, залогов небесных благодеяний заверены... Но томление смерти, страх перед ней предвосхищающе касаются и Иисуса, ведь был Он истинный Богочеловек, и человеческая Его природа была действительной, не призрачной. Поразительные свидетельства человеческого страдания, «трепета и смущения» (свт. Иоанн Златоуст) Иисуса перед лицом смерти, выплеснувшиеся позднее в Гефсиманском саду и на кресте, начинаются именно сейчас. «Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от этого часа!» — вырывается из Иисуса это первое предвестие будущего моления о чаше. Но тут же этот момент человеческой слабости подавляется твердым сознанием Своей миссии, решимостью исполнить волю Отца, планы Божественного домостроительства спасения: «Но на этот час Я и пришел; Отче! прославь имя Твое» (Ин. 12:27-28).

И тут произошло нечто необычайное, явное небесное явление-знамение, воспринятое присутствующими трояко — в зависимости от тонкости духовного слуха: «Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю. Народ, стоявший и слышавший то, говорил: это гром. А другие говорили: Ангел говорил Ему. Иисус на это сказал: не для Меня был глас этот, но для народа» (Ин. 12:28-30). Это было третье, после Крещения и Преображения, явление Отцовского Божьего гласа Своему Сыну, умаленному, уничиженному, совлеченному Своей Божественной славы, кенотически втисненному в человеческое естество. Четко его слышали ученики (один из них и

донес его до нас в своем Евангелии), самые «грубые, плотские, беспечные» (свт. Иоанн Златоуст) услышали лишь гром, а более чуткие поняли, что голос был небесной, «ангельской», как они решили, природы, хотя и не уловили смысла возглашенного. А ведь этот глас был как раз прежде всего для них, Сам Иисус и так знал «все Отчее». Таков еще непереходимый разрыв между Божественными *подсказками* людям и уровнем их разумения, их противо-божеской волей. Недаром чуть дальше будет сказано уже от самого св. Иоанна: «Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него» (Ин. 12:37); а пытаюсь осмыслить такой горький факт, евангелист вспоминает пророчества Исаии, запечатлевшие предвидение того уровня и состояния человечества, которые достанутся Мессии: «“Господи! кто поверил слышанному от нас и кому открылась мышца Господня?” (Ис. 53:1)¹. Потому не могли они верить, что, как еще сказал Исаия, “народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их” (Ис.6:9-10)» (Ин. 12:38-40).

Иисус продолжает последнюю публичную проповедь, высказывая самую суть вот-вот грядущих событий, смысл Своей искупительной жертвы: «Ныне суд миру этому; ныне князь мира этого изгнан будет вон; и когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12:31-32). В чем же суд миру и как изгнан будет из него сатана? Иисус уже не раз пророчествовал о Своей скорой смерти и Своем воскресении. Грядет великий миг победы над главным следствием грехопадения — смертью, а значит и над «имущим державу смерти» в мире сем — дьяволом. Даже если смерть и не уйдет пока из мира — *в корне, в принципе, в идее, в надежде и обещании* она будет побеждена для нас Христовым воскресением. Чтобы она была уничтожена окончательно, необходима новая

¹ Эти слова как раз относятся к тому месту из пророчества Исаии, где был дан поразительно точный и идущий вразрез с традиционными представлениями о Царственном Мессии облик «отрока Господня», Спасителя мира: «Нет в Нем ни вида, ни величия... Он был презрен и умален пред людьми... Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни... Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились... Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был Он на заклание и как агнец пред стригущим его был безгласен... предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (см. Ис. 53:2-12).

ступень общечеловеческого сознания, которому в ослепительной ясности откроется смысл Христова приглашения к совместному онтологическому действованию, к тому, чтобы «больше сих сотворить».

«Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесу быть Сыну Человеческому? кто Этот Сын Человеческий?» (Ин. 12:34). Как обычно, Иисус не счел необходимым прямо отвечать на вопрос, ведь и так было известно, что Себя Он всегда называл только Сыном Человеческим, а объяснять, как Он умрет, воскреснет и будет вознесен к Отцу, было бесполезно — Он это делал не раз, по св. Иоанну, в Своих проповедях о Себе как Посланце Небесного Отца, составляющем с Ним Одно. Веры в Него не было в народе иудейском, оставалось лишь сказать такие слова, что будут восприняты во всей их глубине лишь после факта Его воскресения и тогда еще больше привлекут к Нему новые племена и народы. И вновь прозвучало концентрированно образное, связанное с Его явлением в мир: «Еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет; доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин. 12:35-36). Опять ярко вспыхивает образ света как синонима Бога и нового бессмертного порядка бытия, к которому приглашаются люди («да будете сынами света»).

После этих слов Иисус на какое-то время удалился от народа. А евангелист сообщает нам, что несмотря на *ослепление* глаз и *окаменение* сердец народа, не позволившие им совершить подвиг веры во Христа еще до Его крестной муки и воскресения, «и из начальников многие уверовали в Него, но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги» (Ин. 12:42). Итак, были не только неверующие, но и верующие (причем из элиты общества), однако боявшиеся громко перед всеми исповедать Иисуса как Бога и Мессию, «ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию» (Ин. 12:43), т. е. на деле были не начальники, «не князья, а рабы, и рабы самые низкие»¹, рабы мирского тщеславия, рабы «страха иудейского» перед синагогой, перед фарисеями.

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. С. 459.

Последняя проповедь Иисуса еще не была окончена, Он вернулся к народу, чтобы на прощанье возвестить и *впечатать* в них несколько самых великих Своих истин: Свое единство, единственность с Отцом («Верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня; и видящий Меня видит Пославшего Меня» — Ин. 12:44-45); Он явился сейчас в мир не как Судия, а как Спаситель («Я пришел не судить мир, но спасти мир» — Ин. 12:47), и наконец, Христос вновь подчеркивает ту Весть о новом бессмертном строе бытия, с которой послал Его на Землю Отец: «Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная» (Ин. 12:50).

ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

3 апреля 30 г.

Мф. 21:18-46; 22:1-14.

Мк. 11:12-33; 12:1-12.

Лк. 19:47-48; 20:1-19

Проведя ночь в дружеской Вифании, Иисус наутро вновь отправился в Храм. По дороге, как отмечают св. Матфей и св. Марк, Он «взалкал». «И увидев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, пришед к ней, ничего не нашел, кроме листьев, ибо еще не время было собирания смокв» (Мк. 11:13). Тут же Иисус произносит ей такое проклятие: «Да не будет же впредь от тебя плода вовек» (Мф. 21:19), «отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек» (Мк. 11:14). По св. Матфею, «смоковница тотчас засохла»; св. Марк растягивает во времени Христово чудо: там эффект проклятия обнаруживается на следующий день утром, когда проходя мимо этой смоковницы, ученики заметили, что она «засохла до корня» (Мк. 11:20).

Подавляющее большинство Христовых чудес связано с восстановлением нормы здоровья, с победой над болезнетворными и смертоносными началами, вошедшими в бытие после грехопадения, а также с укрощением природных стихий. Смоковница оказалась, пожалуй, единственным объектом, на который сокрушающе направилось проклинаящее и истребляющее могущество всегдашнего Милостивца и Целителя. Казалось бы, как можно осуждать дере-

во — ведь это не свободно-нравственная личность, а природное существо, не имеющее своей воли и сознания, подвластное природным законам и циклам («еще не время было собирания смокв»).

Однако при вникании в это притчевое чудо, обнаруживается, что — при кажущейся несуразности и нелогичности — это одна из самых изощренно-точных Христовых *притч*. Но для начала надо правильно определить, так сказать, самый *жанр* этого чуда. Оно принадлежит к тем немногим чудесам Христа (таким как чудесный лов рыбы, происшествие с дидрахмой), которые являются символическими демонстрациями Божественной мощи, воистину ее знаменами, и имеют более педагогически-показательное значение¹. Кстати, ответ Иисуса на удивление учеников: «Как это тотчас засохла смоковница?» (Мф. 21:20), единый у обоих евангелистов, весьма показателен: «Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: “поднимись и ввергнись в море”, и не усумнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет» (Мк. 11:23). Этот пример чудесного всемогущества, которое способны обрести сыны человеческие — при наличии твердой, несомневающейся веры, — также носит несколько символически-театральный характер: это не жизненно необходимое, жизнеспасающее и жизнепреображающее действие, а просто игровая демонстрация новой мощи (зачем гору ввергать в море? — какое-то детски-игровое задание!). Но важно, что и это чудо Иисус обращает к человеческим возможностям, укорененным в неколебимой вере. Не только исцеления и воскрешения, но и такого рода знамения определяются Им в пределах человеческой воли и действия.

Понять чудо с засохшей смоковницей можно лишь как показательное-символическое действие — это дерево являет собой образ Израиля: Господь посетил его лично, пришел за плодами и не нашел их, хотя листва уже пышно распустилась на нем. Эта деталь чрезвычайно здесь важна. Дело в том, что смоковница — как раз такое уникальное дерево, на котором плоды обычно появляются раньше

¹ Такого рода символические чудесные действия Господа мы встречаем и в Ветхом Завете. Как пример можно привести эпизод из Книги пророка Иеремии. Здесь Бог отождествляет народ Израилев с глиной в руке горшечника: вот он соорудил из глины сосуд, а тот сразу развалился в руке мастера, — так и Господь может поступить с домом Израилевым (см. Иер. 18:1-6).

листвы. Это обманчивое, опередившее *собратьев* обильное листовое, за которым не было никаких плодов, оказалось точным образным уподоблением для иудейского народа и синагоги, гордившихся своей исключительной близостью к истинному Богу, «лиственным» фари-сейской праведности, за которой таилось бесплодие и вопиющая религиозная глухота — Самого воплощенного Бога не услышали!

Когда-то жезл Ааронов с начертанием на нем имени Левиино-ва колена, от которого и пошло преемство священнического слу-жения в народе израилевом, в знак Божьего избрания за ночь «расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали» (Числ. 17:8), а сейчас смоковница, аллегория Израиля, при обманчивой види-мости, оказавшись бесплодной, осуждена Господом на превраще-ние в сухую древесину. Суровый Христов приговор: «Отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек» — разрушает прежний завет с сынами израилевыми, отнимает их богоизбранность, знаменует отмену священничества левитов.

Это символически-пророческое чудо Иисуса сопровождается, как мы помним, обещанием невиданной мощи самим сынам че-ловеческим в их новом завете с Богом, завете Богочеловеческом. «И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21:22). Здесь утверждается богочеловеческая основа благодатного чудот-ворения человека в мире, т. е. овладения материей, природными законами, силами жизни и смерти, — основа, исключающая само-опорный человекобожеский прометеизм. Устанавливается точная корреляция нашего отношения к ближнему, к злу и греху, нашей способности понимать и прощать с отношением к нам Высшей силы: мы простим и родится от этого прощение и искупление и нам, и тем самым заблудшим в мире, кого мы сумели простить: «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши» (Мк. 11:25).

По приходе в Храм Иисуса с учениками, их окружила большая депутация иудеев; здесь были духовные начальники народа: «пер-восвященники и книжники со старейшинами» (Лк. 20:1). Они при-ступили с последним решительным требованием ответа на глав-ный мучавший их вопрос: «Какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть?» (Мф. 21:23). Речь шла о наличии или нет высших санкций, которыми мог быть наделен удивительный про-поведник и чудотворец из Галилеи. Это было основное звено, ко-

торое проваливалось в их сознании. Иисус повел Себя, как всегда, неординарно. Он, казалось бы, мог вновь повторить одну из Своих речей об Отце, Своей неразрываемой связи с Ним, о Своем посланничестве с небес и о критерии *дела и плодов*. Но Ему было ясно, что все это значило для них лишь звуковое колебание воздуха, — воля иудеев была решительно склонена *против*. Сколько уже было чудесных знамений и неотразимых Божественных речей — и так мало эффекта, если не говорить о все большем на Него озлоблении! Иисус действует остроумно, обнажая их собственную неискренность и предвзятость, не победив которой изнутри, они и не смогут внимать голосу Истины. Он обещает ответить на вопрос начальников иудейских, но при одном условии — пусть и они Ему сначала ответят на один вопрос: «Крещение Иоанново откуда было: с небес или от человеков?» (Мф. 21:25). И тут же озадачил всю эту толпу учености и ухищренности. Сказать «с небес» — признать главное утверждение Предтечи об Иисусе-Мессии, Сыне Божиим, явившемся с Вестью о Царствии Небесном; сказать «от людей» — бросить вызов народу, что свято верил в пророческое достоинство сурового пустычника. И гордые, кичащиеся держанием всей связки ключей разумения начальники были приведены к тому, чтобы уйти от ответа: «Не знаем». И тогда Иисусу осталось достойно завершить испытание, обернувшееся против самих же испытующих: «И Я вам не скажу, какою властью это делаю» (Мф. 21:27).

И далее для раскрытия Своей позиции Иисус рассказал им подряд три притчи. Одну — о двух сыновьях виноградаря, из которых первый сначала отказался работать в винограднике («не хочу»), а затем, «раскаявшись», взялся за дело, а второй, напротив, на словах был послушен и благочестив («иду, государь»), но на деле «не пошел». Как всегда, вопросами, подводщими к морали притчи, Иисус привлекает для Своих целей разумение самих слушателей, превращая притчевые истории в дидактическое средство научения. «Который из двух исполнил волю отца?» — вопрошает Иисус. «Первый», — следует ответ. И тогда Учитель делает вывод, касающийся уже самих слушателей, самих начальников иудейских: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие; ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видевши это, не раскаялись после, чтобы поверить ему» (Мф. 21:31-32).

В следующей притче — о нечестивых виноградарях — Иисус рассказывает о хозяине дома, который насадил виноградник, всячески его благоустроил и отдал виноградарям, а сам «отлучился на долгое время» (Лк. 20:9). И вот по прошествии некоторого срока хозяин начинает посылать своих рабов за плодами, но каждый раз виноградари избивают и выгоняют посланцев. Наконец, отправляет к ним господин виноградника своего возлюбленного сына, но того и вовсе убивают, решив завладеть всем наследством. «Что же сделает хозяин виноградника? Придет и предаст смерти виноградарей и отдаст виноградник другим» (Мк. 12:9). Смысл иносказания здесь совершенно прозрачен: виноградник и виноградаря — обетованная земля и иудеи, слуги — побиваемые ими пророки, сын возлюбленный — Сам Иисус Христос, а уж конечная участь недостойных сынов израилевых недвусмысленно формулируется Иисусом. Напомнив начальникам иудейским пророчество Псалмов о камне, отвергнутом строителями и ставшим главою угла, Он так раскрыл его: «Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» (Мф. 21:43).

Третья притча — о брачном пире для сына царя — явилась сюжетной вариацией ранее рассказанной Им притчи о званых на вечерю (Лк. 14:16-24). На этот раз приглашенные на пир также сначала просто не захотели явиться, по второму зову — кто отговорился своими делами («пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою» — Мф. 22:5), а прочие и вовсе, «схвативши рабов» царя, «оскорбили и убили их» (Мф. 22:6). «Услышав об этом, царь разгневался и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их» (Мф. 22:7). И тогда на брачный пир были собраны уже не званые, оказавшиеся недостойными, а все, «кого только нашли, и злые и добрые» (Мф. 22:10). Но и среди них оказался человек, не одевшийся по такому случаю в обязательную брачную одежду, за что его, по приказу царя, отлучают от пира, бросая во «тьму внешнюю», где «будет плач и скрежет зубов» (Мф. 22:13). Этот отверженный оказался внутренне не готовым к приятию даров Царствия Небесного, ибо именно о нем идет речь в этой притче, прямо открывающейся словами: «Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего» (Мф. 22:2). Эта неготовность и выражена притчевым образом отсутствия на нем праздничной одежды. И в заключение звучит тот же афоризм, что

и у св. Луки в аналогичной притче: «Ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 22:14).

Все три притчи, касающиеся прежде всего избранного народа, не принявшего Спасителя, а затем и всех неверных Христу, принадлежат к серии угрожающе-педагогических, разделительных притч. Мы видим, как в атмосфере сгущающейся трагедии, готовящегося злодейства, окончательного разрыва с иудеями, синагогой, ее духовными вождями тон притч становится жестче и на первый план выходят мотивы размежевания и наказания.

ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК

4 апреля 30 г.

Мф. 22:15-46; 23:1-39;

24:1-51; 25:1-46.

Мк. 12:13-44; 13:1-37.

Лк. 20:20-47; 21:1-38

Когда на следующий день Иисус вновь пришел в Храм, против Него уже сформировалась целая интрига, сплетенная фарисеями на особом совещании. Была предпринята еще одна попытка «уловить Его в словах» (Мф. 22:15), «чтобы предать Его начальству и власти правителя» (Лк. 20:20). На этот раз к Нему были отправлены не сами уже знакомые Ему почтенные фарисеи, а их молодые ученики и группа иродиан. Фарисеи, ревнители национальной веры, враждовали с иродианами, приверженцами теократических прав династии Ирода, которые раболепствовали перед римской властью, всячески копируя эллинский стиль жизни. Тут же их сумела объединить общая ненависть к галилейскому Пророку. Но ненависть свою и желание погубить Его они укутали в одеяние нарочитого почтения и духовной лести, надеясь так легче обезоружить Иисуса. Провокаторы подступили к Нему с подчеркнутым подобострастием: «Учитель! мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо, но истинно пути Божию учишь; позволительно ли давать подать кесарю, или нет? давать ли нам, или не давать?» (Мк. 12:14). Вопрос был повернут так, как если бы Учитель должен

был разрешить спор между собой иродиан и учеников фарисеев, и касался самого горячего и небезопасного пункта: отношения к римской власти. Оба возможных варианта ответа таили в себе коварную ловушку: скажи Иисус «нет, не надо» — вот и готово обвинение в подстрекательстве к нелояльности к римской власти, а то и к бунту против нее (что, как увидим, все равно будет использовано в обвинении Иисуса перед Пилатом); скажи «да» — и вот Он хуже самих иродиан, предатель Своего народа, желающий увековечить господство язычников над богоизбранным племенем. Иисус, конечно, видит насквозь «их лицемерие», их просчитанные искусительные попытки поставить Его в нравственный тупик. Но Он, как всегда, находит неожиданный, *незвклидов* вариант реакции: просит принести Ему динарий и, взглянув на вычеканенное на нем лицо императора Тиверия с надписью вокруг Pontifex Maximus (Великий Жрец), спрашивает своих искусителей, чье изображение и надпись на нем, и получив ответ «кесаревы», произносит знаменитое: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12:17). Такая жалкая вещь, как языческие деньги, пусть себе и возвращаются к тому, кто приказал их начеканить, — нечего нравственно преувеличивать факт простой необходимости, диктовавшейся жесткими историческими обстоятельствами. А Богу принадлежит весь человек, себя и надо предать Господу. От самого человека зависит свободно выбрать себя сыном Божиим — эту сокровенную свободу у него не может отнять никакой внешний политический гнет. Такая мудрость, разорвавшая вмиг их, казалось бы, железные софистические сети и выскользнувшая в неотразимую высшую логику, поразила всех: «И дивились Ему» (Мк. 12:17).

Но на этом испытания не прекратились. Еще одна религиозно-политическая фракция иудейского общества решила попытать свои силы против такого невероятно хитроумного Проповедника. То были господствовавшие тогда в синедрионе надменные и циничные саддукеи, как известно, в противовес фарисеям отвергавшие идею воскресения из мертвых. Они пришли к Иисусу со своей казуистической проблемой. Сославшись на Моисеев закон об ужичестве (Втор. 25:5-6), обычая выходить бездетной жене умершего за его брата, с тем чтобы первенец ее в новом браке носил и сохранил имя покойного, и смоделировав чисто теоретическую ситуацию: женщина поочередно становится женой семи последовательно умирав-

ших братьев, оставаясь неплодной, — саддукеи формулируют такой вопрос Иисусу: «Итак, в воскресении, когда воскреснут, которого из них будет она женою? ибо семеро имели ее женою» (Мк. 12:23). Саддукеи уже внутренне ликовали, придумав так искусно поставить в тупик галилейского Учителя. «Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией» (Мф. 22:29), — спокойно ответил Тот, упрекнув их, что не понимают ни логики, ни закона Царствия Небесного, неосмысленно распространяя и туда земно-природные установления: «Чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения» (Лк. 20:34-36). Так в этом диалоге с плоско-земными саддукеями Иисус приоткрывает некоторые тайны Царствия Небесного: в воскресенно-обоженном строе бытия прекращаются и природная похоть, половое сочетание, и природное рождение, накрепко сцепленные с неизбежной смертью, и «сыны воскресения» обретают новую бессмертную, сверхполовую, преображенную природу («пребывают, как Ангелы Божии на небесах»¹ — Мф. 22:30).

До того, в разговоре с самарянкой о «воде живой» и в беседе на вторую Пасху о «хлебе живом», Иисус говорил и о новых, неприродных способах питания, поддерживающих будущий бессмертный организм «сынов Божиих». Ап. Павел полагал, что воскресение для бессмертной жизни означает преобразование прежнего телесно-природного типа человека: «Но то скажу вам, братья, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» (1 Кор. 15:50-51). Тело не уничтожается, но радикально изменяется. «Сеется тело душевное, восстает тело духовное... Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба» (1 Кор. 15:44,47). Так, по умозрению апостола, должны упраздниться органы природной жизни, и среди них — чрево: «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела» (1 Кор. 6:13).

¹ С уклоном в активность самого человека раскрывало задачи трансформации природы человека, в том числе и его андрогинизации, апокрифическое «Евангелие от Фомы», найденное лишь в 1945 г. близ Наг-Хаммади (Египет) в составе целой раннехристианской коллекции.

Завершая разговор с саддукеями, Иисус счел необходимым подорвать авторитетом Священного Писания их неверие в воскресение мертвых. Он привел библейское самоопределение Господа: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исх. 3:6), так раскрыв его: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20:38). Здесь устами Самого Богочеловека, на небесах — Второго Лица Троицы, Бог предстает прежде всего как *Бог отцов*, отцов, даже если они и умерли пока, не могущих быть неизменно мертвыми. Русский мыслитель Н. Ф. Федоров подчеркивал, что верность Богу отцов обретает для сынов человеческих особую трепещущую святость, поскольку за Ним стоит весь ряд отцов и матерей человеческих, вплоть до первоотца и первоматери, которые для Бога, а значит и для нас, Ему уподобляющихся, должны быть «не мертвые, а живые».

Возвышенный смысл этого понимания Бога как Бога отцов углубляется и в следующем эпизоде Христова поучения. Несмотря на всю свою неприязнь к галилейскому Учителю, фарисеи остались довольны, как Тот «привел саддукеев в молчание» (Мф. 22:34), и один из них, книжник, «законник», «видя, что Иисус хорошо им отвечал» (Мк. 12:28), приблизился к Нему и спросил, какая же первая из заповедей в законе. «Иисус сказал ему: “возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим” (Втор. 6:5). Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: “возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Лев. 19:18). На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37-40). В контексте только что утвержденного определения Бога как Бога отцов, верность такому Богу, любовь к Нему есть одновременно и заповедь любви к земным нашим отцам, чей Он Бог. Первое и главное — возлюбить Бога, носителя и выразителя для людей наибольшего для них доступного понятия благобытия, истины, добра и красоты. Второе — любовь к ближнему — становится главным условием возможности войти в бессмертный порядок бытия, Царствие Небесное. На этом постоянно настаивают и Христос, и, позднее, Его апостолы: «Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти» (1 Ин. 3:14). Без пестования любви к умершим отцам, по которым все мы братья, без любви друг к другу спасение от смерти невозможно. Все погрозим в погибели, вос-

производя только вражду и вытеснение, потеряв последний шанс на Божье прощение и искупление: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1 Ин. 3:15). И недаром, когда книжник оказался полностью солидарен с Иисусом (Мк. 12:32-33), Тот сказал этому законнику слова высшего одобрения и похвалы, возможные в устах Спасителя: «Недалеко Ты от Царствия Божия» (Мк. 12:34).

И наконец, в завершение Своей беседы в Храме с фарисеями, Иисус Сам озадачил их: «Что вы думаете о Христе? чей Он сын?» (Мф. 22:42). Естественно Ему ответили: *Давидов* — так представлялся долгожданный Мессия. «Говорит им: как же Давид по вдохновению называет Его Господом, когда говорит: “Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих” (Пс. 109:1)? Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему?» (Мф. 22:43-44). Так Иисус в последний раз — на основе библейского текста — привлек их внимание, что настоящий Мессия, которого они никак не хотят в Нем признать, является Богом, сидящим одесную Отца, будучи в Своей истинной природе Сыном Божиим.

Вторник стал днем прощания Иисуса с народом, после этого Он уже не проповедовал ему. Последние Его речи были словами предостережения против фарисеев и книжников. Целая глава у св. Матфея и по несколько стихов у св. Марка и св. Луки отражают впечатления и мысли Иисуса по поводу того, что «на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи» (Мф. 23:2). Первая и главная претензия Иисуса высказывается Им сразу же: вопиющий разрыв между их словами и делами (а потому «все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают» — Мф. 23:3), предпочтение *внешнего* (ритуальный формализм) *внутреннему* (состоянию души и ума). И каким сильным, вскрывающим суть образом выражает это Иисус! «Вожди слепые, оцепяющие комара, а верблюда поглощающие! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды» (Мф. 23:24-25). Иисус ярко живописует самый тип напыщенных, честолюбивых, тонко лицемерных профессионалов святости с их заботой о сакральной пышности своих

одежд («расширяют повязки свои и увеличивают воскрилия одежд своих»¹ — Мф. 23:5), с их особой любовью к «предвозлежаниям на пиршествах и заседаниям в синагогах и приветствиям в народных собраниях» (Мф. 23:6-7), с долгими молитвами напоказ... И звучит страстно обличающее: «Горе вам», «книжники и фарисеи и лицемеры», погрязли вы в букве Закона и выветрили его дух, с показной скрупулезностью исполняете мельчайшие предписания, но «оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру» (Мф. 23:23).

Обличительный накал речи Иисуса все растет, достигая степени проклятия «роду этому» («да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина², которого вы убили между храмом и жертвенником» — Мф. 23:35), вздымаясь до финальной лично-горькой ноты («Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» — Мф. 23:37) и страшного окончательного приговора: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23:38). Резкие, отвергающие глаголы Богочеловека, казалось бы, не оставляют никакой надежды духовным вождям целого народа, и не простого, а особо взысканного

¹ Речь идет об особых *повязках (хранилищах, по-евр.: тефиллинах)* с важнейшими текстами Закона, что было предписано самим этим Законом: «Итак, положите сии слова Мои в сердце ваше и в душу вашу, и навяжите их в знак на руку свою, и да будут они повязкою над глазами вашими» (Втор. 10:6). См. также: Исх. 13:9 и Втор. 6:8. Иисус и упрекает книжников и фарисеев в том, что они забыли главное: «положить» эти заповеди прежде всего в сердце и душу. *Воскрилиями* назывались кисти и бахромы на одежде — тоже знак особого благочестия.

² Иисус имеет в виду тех праведников, что стоят в начале и конце ветхозаветной их чреды (см. Быт. 4:1-11 и 2 Пар. 24:20-22). Правда, священник Захария, о котором рассказывает Вторая книга Паралипоменон, завершающая еврейский канон, был сыном Иодая, а не Варахии (предполагается, что этот «сын Варахиин», существующий лишь в одной кембриджской рукописи Евангелия, — вкрапшаяся ошибка). Но именно этот Захария был побит камнями, по наущению царя Иоаса, «на дворе дома Господня» и успел при убийстве его иудеями сказать пророчество, которое вновь звучит в устах Иисуса: «И как вы оставили Господа, то и Он оставит вас... да видит Господь и да взыщет!» (2 Пар. 24:20,22).

Насчет мученика Захарии существовали и другие мнения: так, Ориген полагал, что Иисус имел в виду отца Иоанна Крестителя; некоторые толкователи считают, что речь могла идти о пророке Захарии, авторе пророческой книги, который был-таки сыном Варахии, — правда, нет никаких свидетельств того, что он был убит своими соплеменниками.

вниманием Божиим. Но в конечном итоге это все же не так. Последняя фраза Великого Милостивца открывает дверь покаяния и обращения всем, и этим, ныне столь страстно обличенным и отвергнутым: «Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: “благословен Грядущий во имя Господне!”» (Мф. 23: 39). Итак, не опознали Самого Бога, явившегося в иудейской среде, такое избрание свое просмотрели и отвергли — всё! более Его не увидит Земля, но... не навсегда и не навеки — «доколе не воскликнете», не раскроете души, не призовете и не выйдете навстречу!..

Три дня последней недели земной жизни Иисуса — воскресенье, понедельник, вторник — Храм служил главным поприщем Его прощальных дел, наставлений, пророчеств. После прозвучавших во всеуслышание проклятий начальникам Храма, больше оставаться здесь Он не мог. Готовясь покинуть его навсегда, Иисус стал свидетелем сценки, которая, может быть, единственная в эти дни по-настоящему порадовала Его. Находясь на дворе жен, у сокровищницы, Иисус наблюдал, как народ складывал туда ежегодное пасхальное приношение на Храм. «Многие богатые клали много» (Мк. 12:41), явно демонстрируя напоказ свою щедрую добродетель. А ведь и еврейский закон (а не только позднее христианское благочестие) рекомендовал *незаметную* милостыню, только ее полагая спасительной для души дающего. Между тем к сокровищнице приблизилась бедно одетая женщина (в ней Иисус сразу узнал вдову) и положила туда две лепты, мельчайшие медные монеты, составлявшие всего один кодрант. Наверняка, она проделала это скромно и робко, вся согнувшись, словно желая провалиться сквозь землю от стыда своей бедности, боясь презрения тех, кто так торжественно громко сыпал свои золотые и серебряные дары.

В развернувшейся картине Иисус тут же увидел наглядную притчу глубокого поучительного смысла. Он подозвал учеников и сказал им: «Истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, какое имела» (Лк. 21:3-4). Иисус вносит качественно-индивидуальный, а не количественный критерий добродетели: количественно дары богатей и бедной вдовицы были несоизмеримы, но качественно ее две лепты перевесили груды золота — для Бога совсем не важны земные дары, Ему приносимые, а только стоящие за ними движе-

ния человеческих сердец, чистота и внутренняя интенсивность веры. Да и в помощи ближнему сколь часто из долга, приличия, тщеславия даваемые щедрые милостыни богачей могут оказаться губительными для бедняков, поощряя в них лень, паразитизм, пороки, в то время как идущее от души, теплое, самоотверженное участие, пусть и не способное подкрепить себя материальным эквивалентом, спасает и восстанавливает человека.

Уходя из Храма, ученики Иисуса не могли не почувствовать: совершился полный и окончательный разрыв Учителя, а значит и их самих, с иудейской синагогой, с духовной властью Иерусалима и Храма, и здесь они, возможно, в последний раз. Смутные и сложные переживания должны были владеть ими. И вот они, памятуя пророчества Иисуса в отношении Храма, высшей святыни для любого сына израилева, словно желая отогнать такое злое и казавшееся невероятным предсказание, остановили Учителя, приглашая обернуться на Храм и восхититься этим чудом сакральной архитектуры: «Посмотри, какие камни и какие здания!» (Мк. 13:1). Но и это сугубое сосредоточение внимания и восхищенного созерцания на величии и красоте иерусалимского Храма Иисус прервал повторением Своего сурового пророчества: «Видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф. 24:2).

Впечатление от этих слов Иисуса было столь сильным и подавляющим, что когда они пришли на один из откосов Елеонской горы, где обычно отдыхали после дня в Иерусалиме, а то и проводили ночь сна прямо на траве, под оливами, то первым делом «приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?» (Мф. 24:3). Не случайно и соединили они в один два вроде бы разных вопроса — о разрушении Иерусалима и Храма и о Его Втором Пришествии, настолько первое, ужасавшее их событие, казалось, могло быть связано только уже с концом света.

Впрочем, на скрижалях метафизической истории мира разрушение Иерусалима, как окончательно-зримый знак конца эры Ветхого Завета Господа с одним избранным народом во имя утверждения Нового Завета Бога с сынами человеческими всех земных племен, стало своего рода грозным прообразом завершения земно-природной, послегрехопадной истории вообще, если и она, так же как некогда иудеи, отвергнет Божие исповедание и Дело. Мож-

но сказать, что в Своем воплощении и вочеловечении Иисус Христос перед Своей искупительной смертью и победоносным воскресением судил оказавшийся недостойным народ израильский, предрек ему его малый *конец света*, что и свершилось через сорок лет. Его же Второе Пришествие в конце исторических времен пройдет под знаком испытания и Суда уже над всеми сынами Земли.

Тем не менее в длинной елеонской речи Иисуса, получившей позднее название «малого апокалипсиса», надо суметь расчленить и вычленить то, что касается Иерусалима и что — последних времен; а это и в сознании учеников несколько путалось (ведь Иисус сразу отвечал на два вопроса), так они и передали это в Евангелиях, и это привело к стойкому представлению: Второе Пришествие и Суд произойдут чуть ли не при жизни еще поколения современников Иисуса. (К тому же редко какое пророчество осуществилось в реальности с такой ужасающей точностью, как Христово в отношении Иерусалима.) Интересно, что сначала Иисус отвечает сразу как бы на оба вопроса, рисуя такие предвестия, которые можно отнести и ко времени разрушения Иерусалима, и ко Второму, Судному Пришествию: множество лжепророков, являющихся «под именем Моим», против которых Он предупреждает верных Себе, всеобщие нестроения, борьба народов и царств между собой, «глады, моры и землетрясения по местам» (Мф. 24:7). А когда Он предрекает, что учеников Его «будут предавать... на мучение и убивать... И тогда соблазняются многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга¹, и многие лжепророки восстанут и прельстят многих» (Мф. 24:9-11), — к какому это времени относится? — Скорее все же непосредственно ко времени жизни и мученического служения Его первых последователей. Недаром Он дает им совет не заботиться наперед, что отвечать своим мучителям, — само придет в необходимый момент: «Ибо не вы будете говорить, но Дух Святой» (Мк. 13:11). Хотя вполне подходит это и для всех последующих времен. Зато следующий признак: «И проповедано будет это Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24:14) — явно знаменует близость уже эсхатологической развязки. А когда Иисус представляет конкретно «мерзость запустения... на святом мес-

¹ У св. Марка еще сильнее: «Предаст же брат брата на смерть, и отец детей; и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (Мк. 13:12).

те», вспоминая пророка Даниила (Дан. 9:27), советует иудеям в этот страшный час бежать в горы¹ с любого места — с кровли дома, с поля, не заходя домой, когда Он пророчествует о скорых днях «великой скорби», предрекая «горе... беременным и питающим сосцами в эти дни» (Мф. 24:19), то имеет в виду время осады Иерусалима², и у св. Луки так прямо на это и указано: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его» (Лк. 21:20). «Не пройдет род сей, как все это будет» (Мф. 24:34), — уточняет еще раз Иисус.

А вот что касается Его Второго Пришествия и Суда над миром, то «о дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Мф. 24:36). Получается, что и Сам Иисус Христос в нынешнем Своем Богочеловеческом кенозисе не знает об этом. Как это понять? Свт. Иоанн Златоуст твердо считал, что Христос, второе Лицо Троицы, Кто сотворил времена и дни, «беспреданно пребывает в недрах Отца», не мог не знать часа Своего Славного Пришествия. Нет — отмечает он обратную мысль, даже с некоторым негодованием. Так же полагал и блаж. Феофилакт Болгарский, объясняя эти слова Иисуса нежеланием обидеть учеников, не дав им того знания, какого не полагается знать смертным (как и срока личной кончины), чтобы не обессилить человеческой свободы и воли к действию. «Отцы часто, имея какую-нибудь вещь в своих руках, но не желая дать детям, когда они хотят получить ее от них, скрывают эту вещь и говорят — у нас нет того, чего вы требуете, — и дети перестают плакать»³. Но и свт. Иоанн Златоуст, и блаж. Феофилакт, и другие толкователи, стоящие на этой точке зрения, не учитывают, что в данный момент Иисус был в самоуничиженном качестве Своего Божества и в нем, действительно, мог не знать точного дня и часа.

¹ Именно этому призыву вняли в 66 году христиане, оставив Иерусалим, что уже был обречен на гибель. Так им, в отличие от сотен тысяч иудеев, удалось спасти свою жизнь.

² В шестой книге (гл. 3) «Иудейской войны» Иосиф Флавий рассказывает жуткую историю о том, как во время осады города некая иудейская мать, не в силах больше выносить муки голода, зажарила своего малолетнего сына и съела его, что дало повод вождю римлян Титу сказать следующее: «Но я прикрою теперь позор пожирания своих детей развалинами их столицы. Да не светит впредь солнце над городом, в котором матери питаются таким образом» (Иосиф Флавий. Иудейская война. СПб. 1900. С. 403).

³ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Матфея. С. 219.

Но, пожалуй, глубже других заглянул в эту Божественную тайну С. Н. Булгаков: «Эта невозможность (точного пророчества о конце. — С.С.) может иметь для себя разное истолкование: она означает или неместимость в человеческое эмпирическое сознание того, что ему трансцендентно, или ненужность для него этого знания, или же, наконец — что является наиболее важным, — само наступление конца зависит и от человеческого участия и дела, совершаемого на основе человеческой свободы, которая не должна быть парализована или даже только аффицирована этим непосильным и ненужным для нее ведением (подобно тому, как в неведении заключена для человека и его личная смерть)»¹. Так русский религиозный мыслитель открывает перспективу для Богочеловеческого действия в истории, т. е. сотрудничества человеческих сил и энергий с Божественными в операции конца, которая в этом случае послушания всечеловеческой воли воле Божией, опознания себя Ее орудием, превращается из *катастрофической* в *преображающую*, спасительную для всех.

Возвратимся, однако, к евангельскому тексту предупредительного «малого апокалипсиса». Говоря о Своем будущем явлении в силе и славе, Христос подчеркивает, что его нельзя будет спутать ни с чем: «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24:27). При этом насколько в передаче евангелистов смешаны два плана пророчества: так сказать, *дальний*, эсхатологический, и *ближний*, относящийся к Иерусалиму, — видно из того, что сразу же за только что приведенным дальним пророчеством идет очевидно ближнее: «Ибо, где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24:28); здесь под *трупом* имеется в виду окостеневший, отживший, начавший разлагаться Храм, иудейский культ фарисеев и саддукеев, который достался на растерзание римским орлам, изображенным на знаменах победоносных легионов.

В древнейшей традиции все Богоявления представляют обычно на фоне грандиозных природно-космических катастроф. То же мы встречаем в предсказании Иисуса, только доведенное до истинно апокалиптического градуса: «Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблют-

¹ Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. С. 454–455.

ся» (Мф. 24:29). Свой вариант космических предвестий конца мы встречаем у св. Луки: «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится. Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются» (Лк. 21:25-26). Здесь нет буквальной вселенской катастрофы, а лишь *знамения*, необычные явления на небесных телах, какие-то пертурбации на них, приводящие жителей Земли в смертное смятение. Да и «солнце померкнет... звезды спадут» — устойчивые образы, встречающиеся и в Ветхом Завете, и в апокалиптической литературе, не только библейской, но и других народов и религий. Вряд ли их надо понимать буквально — скорее, это образно-символическое описание встряски основ мироздания во времена явления Господа в Его славе. Когда же с полной очевидностью «явится знамение Сына Человеческого на небе¹... и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою», то сокрушатся, «восплачутся все племена земные», и Пришедший в Славе Сын Человеческий «пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (Мф. 24:30-31) — такая поражающая воображение, величественная и пронзительная картина Второго Пришествия встает на страницах Евангелия со слов св. Матфея.

Итак, Иисус открывает Своим ученикам, а через них — и всем будущим сынам человеческим, серию предвестий Конца, где и усиление вражды и борьбы между народами и отдельными людьми, причем самыми близкими, и кишение лжехристов, лжепророков со своими «великими знамениями и чудесами, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24:24), и проповедание Евангелия по всей Земле, и уже совсем близко — разного рода космические знаки и катастрофы... И вводит это знание, как всегда, пластично, наиболее надежным для запечатления способом — через образ, через всем понятное уподобление: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают

¹ «То есть крест, который светлее солнца, — так как солнце помрачается и скрывается, а крест является; он не явился бы, если бы не был гораздо светлее солнечных лучей» (Свт. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста. Кн. 2. С. 767). Такого толкования победного знамени Христа как креста на небе придерживались и другие отцы Церкви, и оно стало традиционным.

листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите все это, знайте, что близко, при дверях» (Мф. 24:32-33).

И еще очень важное предупреждение: произойдет это совершенно внезапно, «как было во дни Ноя», когда уже непосредственно перед потопом люди жили и предавались каждый своим делам и утехам («ели, пили, женились и выходили замуж» — Мф. 24:38), пока не застала их неотвратимая водная стихия и все не уничтожила. Отсюда и призыв к постоянному бодрствованию, сугубому вниманию и готовности в любой момент жизни предстать пред Судиею и Господом, «ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф. 22:44).

И для утверждения их — и нас с вами — в этом настроении и понимании Иисус рассказывает три притчи. Первую — о двух рабах, верном и лукавом: одного «господин его поставил над слугами своими, чтобы давал им пищу во время» (Мф. 24:45), и тот все исполнил и удостоился похвалы и обещания блаженства от возвратившегося господина; другой, беспечный и «злой», полагаясь на то, что «не скоро придет господин», начал «бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами» (Мф. 24:48-49) и был обречен неожиданно вернувшимся господином своим на самую незавидную конечную участь («и рассечет его, и подвергнет одной участи с лицемерами: там будет плач и скрежет зубов» — Мф. 24:51).

Мораль сей притчи более чем прозрачна. Что вам дается Господом (тут это имение, а может быть любой дар, талант, общественные обязанности и т. д.), то, по Христову повелению, полагается употребить на пользу ближнего, на умножение добра. И еще: ждите, готовьтесь и не обманывайте самих себя, исхитряясь долготерпение Божие обратить себе на услаждение, на зло — другим! Св. Лука говорит об этом прямо, без притч и образов, ясным дидактическим поучением: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно» (Лк. 21:34). Зато сильным и свежим образом передает евангелист всеохватную — до последнего человека — финальную Божественную акцию: «Ибо он (день тот. — С.С.), как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному» (Лк. 21:35).

Выше уже отмечалось, что на страницах Евангелия временами сталкиваются новозаветные и ветхозаветные идейные струи. Это отчетливо прослеживается и в двух других притчах, рассказанных

Иисусом ученикам на склоне горы Елеонской: о десяти девах и о талантах (последняя близка к ранее уже рассмотренной притче о десяти минах — Лк. 19:12-27). С одной стороны, самое существенное в них — новозаветное понукание к бодрствованию, обращение к активности самого человека (умножение талантов), к претворению в действие, в жизнь тех даров и того научения, которые человек получает от Бога. Но с другой, звучит здесь угроза страшного наказания, и уже не только нечестивцам, злодеям и грешникам, а и людям, которые просто «не делают добра» (свт. Иоанн Златоуст), не стараются увеличить его в мире. Перед пятью девами «неразумными», что и украсили себя добродетелью целомудренной чистоты (девы ведь!), и зажгли светильники, и вышли навстречу жениху, но не припасли достаточно ел, отчего светильники стали гаснуть в неожиданный полуночный час явления жениха, наглухо закрываются двери брачного пира и слышится жестко отвергающее: «Истинно говорю вам: не знаю вас» (Мф. 25:12). А негодного раба, что закопал в землю выданный ему талант, убоившись господина как «человека жестокого», который жнет, «где не сеял», и собирает, где «не рассыпал», приказано выбросить «во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 25:30).

Этим же карательно-разделительным духом дышит видение Страшного Суда, приведенное св. Матфеем: сидя «на престоле славы Своей», Сын Человеческий в окружении ангелов судит все народы, индивидуально сортирует людей, отделяя «одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Мф. 25:32), и поставив одних по правую, других по левую сторону, первым, «благословенным Отца Моего», отдает в наследство «Царство, уготованное... от создания мира» (Мф. 25:34), «жизнь вечную», а вторых, «проклятых», отправляет «в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф. 25:41), в «муку вечную» (Мф. 25:46). Но за этой грозной картиной встает явный наставнически-воспитательный замысел Иисуса. Принцип и причины выбраковки людей раскрывает Он педагогически-поучительным и весьма дотошным образом. Первых Он ублажает за то, что когда Он алкал и жаждал, они Его накормили-напоили, когда был наг — одели, посетили и в больнице, и в темнице, когда пришел черный час. Праведники очень удивлены: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим и накормили? или жаждущим и напоили? Когда мы видели Тебя странником и приняли? или нагим и одели?»

Когда мы видели Тебя больным или в темнице и пришли к Тебе?» (Мф. 25:37-39). И вот тогда Царь и Судия, говорит Иисус сейчас, скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из этих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40). Такая же серия, только с отрицательными результатами, проигрывается и на тех, кто по левую сторону. Вот они-то как раз не напоили, не накормили, не одели, не посетили своих страждущих братьев, «этих меньших», а значит не сделали этого по отношению к Самому Господу. Вот где вечная, ценнейшая сердцевина этого поучения Иисуса: в каждом из нас незримо присутствует Христос, и оскорбление ближнего есть Его оскорбление, и наоборот — любовь и ласка касаются также и Спасителя. Тогда как педагогические эсхатологические устрашения нужны для *несовершеннолетнего* состояния рода людского, для тех, кто не пришел еще в «меру возраста Христова», в «разум истины». И недаром, чем более избранный народ перед лицом Иисуса обнаруживал это свое *несовершеннолетие* — вплоть до готовящегося убийства Самого Бога, тем жестче и грознее звучали в Его устах предупредительные глаголы.

ЗАГОВОР ИУДЕЕВ. ИУДА среда 5 апреля 30 г.

Мф. 26: 1-5, 14-16.

Мк. 14: 1-2, 10-11.

Лк. 22: 1-6

Величественных предведениях будущего, вплоть до последних времен, до конечных разрешений судеб Земли, Иисус явился ученикам на горе Елеонской во всем Своем божественно-пророческом блеске. И, быть может, чтобы отрезвить пораженных этими властно-божественными речами учеников, которые не переставали втайне мечтать, что вдруг не сбудутся устрашавшие их пророчества о Его скорой муке и казни и сразу настанет Его царство, Иисус к концу беседы вновь вернул их в нынешний, текущий скорбный час: «Вы знаете, что чрез два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие» (Мф. 26:2). Между тем уже пошла среда величайшей в истории Земли и Боже-

ственного домостроительства недели. К этому дню св. Матфей и св. Марк относят уже рассмотренный нами эпизод (по хронологии св. Иоанна) с помазанием Иисуса миром на вечере в Вифании. Кстати, Церковь в своей литургической практике именно в Великую Среду вспоминает это событие, правда по версии св. Луки, когда это совершает раскаявшаяся блудница (Лк. 7:37-50). Как мы помним, именно во время помазания Иисуса дорогостоящим миром вошла в Иуду решимость предать Учителя первосвященникам, что и совершил он в тот же день, по Евангелию от Матфея и Марка. Стихиры вечерней службы на Великую Среду как раз и сложены на контрасте сокрушенной реакции бывшей блудницы и «Иудина окаянства»: «Зряще блудницу, целующую стопы, и умышляше лестию предания целование. Оная власы разреши, а сей яростию вязашеся, нося вместо мира злосмрадную злобу: зависть бо не весть предпочитати полезное... Простре блудница власы Тебе, Владыце, простре Иуда руце беззаконным: ова убо прияти оставление, ов же взяти сребреники».

Тем временем предельно раздраженные разоблачительными речами Иисуса, посрамленные Его мудростью и знанием того, на чем они так хозяйски-самодовольно сидели как посвященные и жрецы, — Священного писания, и одновременно испугавшиеся, что их власть может реально пошатнуться в глазах народа, перед которым Иисус обнажил все лицемерие и тщеславную дутость их духовного авторитета, начальники иудейские, вся священническая партия, саддукеи, иродиане, фарисеи, книжники, священники, старейшины кипели желанием расправиться с возмутителем спокойствия. Они собрали совет у первосвященника Каиафы и на нем решили взять Иисуса «хитростью и убить» (Мк. 14:1), правда поначалу предпочитали не делать этого на пасхальной неделе, «чтобы не произошло возмущение в народе» (Мк. 14:2). Но их планы внезапно изменились. Очевидно, это было связано с тем, что к ним неожиданно явился один из учеников (подумать только!) галилейского проповедника с предложением предать Учителя. Явился он, скорее всего, поздним вечером, а то и под покровом ночи, из окрестностей Вифании. Дом Каиафы должен был находиться на храмовой территории или где-то рядом. В обычное время ворота Иерусалима и Храма закрывались сразу после вечернего жертвоприношения, но в течение пасхальной недели, ввиду огромного стечения народа (до нескольких сотен тысяч,

а то и двух-трех миллионов паломников), эти ворота, по свидетельству Иосифа Флавия, держали отворенными до полуночи. Так Иуда беспрепятственно вошел во двор Храма, через специальных его стражников объявил о себе и был допущен к первосвященникам.

Св. Марк говорит, что первосвященники «услышавши, обрадовались и обещали дать ему сребреники» (Мк. 14:11). Св. Лука говорит неопределенно общо о деньгах. И только св. Матфей называет точную, ставшую нарицательной, сумму: «Что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников»¹ (Мф. 26:15). Плата была не просто грошовой, а тонко-издевательской, символической — такая идея явно пришла в голову какому-то язвительному первосвященнику. По закону, «если вол забодает раба или рабу, то господину их заплатить тридцать сиклей серебра, а вола побить камнями» (Исх. 21:32). Итак, такова была плата за раба, и назначая ее, знатоки закона явно хотели хотя бы так унижить Галилеянина, подчеркнуть свое пренебрежение — большего не стоит!²

И с этого времени, подчеркивают синоптики, Иуда «искал удобного времени, чтобы предать Его им не при народе» (Лк. 22:6). Услуга Иуды была немалая: не так-то легко было отыскать местопребывание Иисуса при переполненности столицы тысячными толпами богомольцев. К тому же мог возникнуть и дополнительный довод за немедленное взятие Его под стражу: пока был праздник, Иисус оставался в Иерусалиме или его окрестностях, а потом Он мог уйти — и ищи Его по дорогам и весям Палестины!

Итак, свершилось нечто ужасное, буквально невмещающееся в сердце и сознание: один из самых приближенных учеников Иисуса, специально Им отобранных, один из двенадцати апостолов, предполагаемых столпов Нового Завета Бога с людьми, нового Царствия, самым низким и позорным способом предал Своего Учителя, давшего ему, наряду с другими апостолами, больше всего залогов,

¹ Сребреник (сикль, статир) — иудейская монета, имевшая наибольшее хождение еще со времен Маккавеев, составляла четыре греческих драхмы.

² Но получилось, по существу, наоборот, ибо тем самым сбылось пророчество Захарии о рабской цене, которую дали сыны Израилевы за отвергнутого ими Небесного Царя-Мессию, «доброего Пастыря»: «И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, — не давайте. И они отвесят в уплату Мне тридцать сребреников» (Зах. 11:12). Кстати, в этом же месте у пророка речь идет о том, что совершил вот сейчас Иисус, окончательно отвергнув иудеев: о преломлении «жезла благоволения» и уничтожении завета с этим народом (Зах. 11:10).

знамений, очевидных доказательств Своей сверхчеловеческой мудрости, милости и чудотворной мощи. Как могло это произойти? Случай Иуды — это, действительно, по признанию христианских учителей, настоящий «крест богословия». Неужели избранный Самим Христом апостол оказался лишь скрытым «вором», как о том говорит св. Иоанн (кстати, именно он, любимец Иисуса, полный антипод Иуды, относится к нему особенно остро-неприятно), низменным сребролюбцем, польстившимся на жалкие тридцать сребреников, как то полагали многие почтенные толкователи? Но самым загадочным диссонансом такому мнению звучит сам его конец, когда он раскаялся, ужаснулся себе и удавился. Вряд ли бы так повел себя только вор и сребролюбец. Загадка Иуды притягивала и притягивает к себе многих: и исследователей Евангелия, и экзегетов, и писателей, и художников, — своей темной глубиной и даже какой-то парадоксальной жертвенностью: ведь должен был кто-то поднять страшный груз такой роли в провиденциальной, священной мистерии? И как ужасен роковой перст, остановившийся — и, конечно, не даром — именно на этом, единственном, как полагают, иудее среди учеников Иисуса, Иуде по прозванию Искарriot¹.

Человеческая логика запинаясь перед фактом этого предательства, неразрешимо озадачиваясь содержащимися в нем каверзными вопросами и противоречиями и часто уходит в облегченные, плоско-моралистические варианты, не зачерпывающие сути трагедии Иуды: жадность к деньгам, сатанинская злоба... Противники христианства не могли с радостью не ухватиться за историю с Иудой; сколь часто они язвили, указывая на поражение в ней об-

¹ Существуют разные толкования его прозвища, исходя из еврейского корня этого имени. Это и «окончательно погибший» (Ориген), и «человек вражды, противления» (во всех этих толкованиях чувствуется явная «идейная» натяжка — разве могли апостолы изначально дать своему товарищу, призванному с ними и разделявшему все достоинства апостольского знания, такое несообразное прозвище?), и «человек города» (тут вспоминали Каина, как родоначальника городов), и наконец, наиболее достоверное — просто «человек из Кариота», города в колене Иудином (в новое время — Куриут). Впрочем, и последняя версия, из которой делается вывод, что Искарriot был иудеем, все же остается более-менее достоверным предположением. Из самих Евангелий известно лишь несколько капитальных фактов: Иуда Искарriot был одним из двенадцати, носил при себе ящик для денежных приношений, предложил свои предательские услуги первосвященникам, за что ему обещали деньги, поцелуем выдал Иисуса в Гефсиманском саду, а затем, после суда над бывшим Учителем, раскаялся и удавился.

раза Самого Иисуса: куда вдруг делись Его Божественная проникательность, глубинное сердцеведение, милосердное сочувствие и умение при желании преображать самые искаженные и падшие натуры?! Но при этом упускалось, что Иуда не сразу, не изначально был предателем, что Иисус на деле все видел в его душе, но предоставлял ученика, как и всех людей, дарованной им свободе, ведь и восстанавливал Он от болезни и греха к новой жизни только тех, кто неудержимо к этому стремился сам. В любом случае, этот зловеще-позорный эпизод и его главный протагонист сильно смущали и самих священнописателей, и ранних христиан, и людей последующих веков. Возникало немало версий, пытавшихся дать какое-то связное объяснение поведению одного из ближайших учеников Христа. Об одной, наиболее распространенной у церковных толкователей, в литургическом творчестве, уже говорилось выше — «болезнь сребролюбия» (свт. Иоанн Златоуст). Другая, основывающаяся на словах св. Луки и св. Иоанна о том, что «сатана вошел» в Иуду, делает предателя орудием в руках дьявола, действующим в состоянии гипнотического одержания. Иуда тем самым как бы изначально предопределяется служить пассивным агентом осуществления провиденциальных планов спасения — при том, что по своим качествам характера он сам был внутренне предрасположен к такой роли и в этом смысле нес за нее ответственность.

Существовала, главным образом, среди ряда западных исследователей (Лайтфут, Нимейер, Тисс, Павлюсс и др.), и версия чисто психологического характера с претензией убрать главное противоречие поступка Иуды и его скорого раскаяния, отчаяния и самоубийства. По этому предположению, Иуду отличало особо жгучее честолюбие, желание выделиться среди других учеников, не находившее себе удовлетворения (впрочем, тем же грешили и другие апостолы; вспомним хотя бы сыновей Зеведеевых, просивших себе места получше в мессианском Царстве). Среди других избранников Иисуса, связанных землячеством, родством, дружбой с детства, он, единственный чужак, не галилеянин, должен был стоять несколько особняком, его могли недолюбливать (тот же Иоанн, как мы уже отмечали, называет его «вором»). Оттесняемый на вторые и задние роли, уязвленный в своем тщеславии, Иуда стремился доказать и показать себя, ослепительно продемонстрировать свою исключительность и тем заработать избранное место

среди апостолов. Его «предательство» было лишь продуманной игрой и провокацией синедриона. Притворившись сребролюбцем, торгуясь о выдаче Учителя, он стремился подвигнуть синедрион ускорить планы захвата и казни Иисуса и тем самым осуществить их при стечении народа во время праздника. И тогда — как надеялся Иуда — народ взбунтуется, Иисус продемонстрирует Свою чудотворную мощь, и на волне возмущения начальниками и ярко вспыхнувшей веры в Иисуса народ признает Его Мессией и сделает теократическим Царем. И тогда Иисусово «что делаешь, делай скорее», обращенное к нему на Тайной Вечере, Иуда мог понять как одобрение его хитроумных планов. Когда же ничего такого не получилось, народ не встал за Иисуса, а более того, подстрекаемый синедрионом, стал требовать казни над Иисусом, и Тот был осужден на нее, то Иуда пришел в такое черное отчаяние, так стал винить себя, что не выдержал душевной муки и наложил на себя руки¹.

Эта версия, из тех фантазийных допущений и психологических предположений, какие любила разрабатывать и художественная литература, увы, не находит себе никаких оснований ни в Евангелиях, ни в христианском предании. Другой, более убедительный взгляд на Иуду предложил богослов М. Д. Муретов в своем исследовании «Иуда-Предатель», где он представил и субъективные (душевный склад, характер), и объективные (впечатления, события) факторы, приведшие его к коварному отступничеству. Главную причину резкого перелома, совершившегося в одном из апостолов, Муретов прежде всего видит «в разочаровании в мессианском назначении Иисуса и Его божественном посланничестве»². В глубине своей души Иуда оказался ближе всего к мечтам и чаяниям своего народа. Его земно-чувственные упования на скорое мессианское царство, которые он первоначально связывал с га-

¹ Впрочем, в какой-то мере эта версия идет от блаж. Феофилакта, который упоминает о некоторых, что «говорят, будто Иуда, как человек сребролюбивый, думал, что и денег он приобретет, продав Христа, и Христос не будет умерщвлен, но избегнет иудеев, как не раз избегал прежде; но теперь, увидев, что Его осудили и приговорили к смерти, раскаялся, потому что на деле вышло не так, что он предполагал» (Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Матфея. С. 246).

² М. Д. Муретов. Иуда-Предатель // Православное обозрение. 1883. № 9. С. 72.

лилейским пророком и чудотворцем, потерпели к концу служения Иисуса сокрушительный крах. Похоже на то, что речи Иисуса о Его скором мученичестве, казни и затем воскресении из мертвых — сердцевина новой христианской веры — меньше всего были вняты Иуде. Возможно, что сама торжественная атмосфера главного национального праздника, пробуждавшая у народа экзальтированное чувство своей избранности, подняла в душе Иуды ранние, пережитые им еще до встречи с Иисусом чувства и впечатления, преклонение перед верой отцов. Вообще, контраст для него выстраивался поразительный: с одной стороны, сотни тысяч паломников, пришедших поклониться Храму, огромные восторженные толпы, с другой — горстка учеников и последователей Галилеянина; могучий, древнейший религиозный культ с заверенными свыше обетованиями славного мессианского царства на земле — и какие-то непонятные для него химерические обещания восстания из мертвых и некоего небесного Царствия; величественный город и Храм, чудо света, — и святотатственные пророчества об их разрушении; сильная, горделивая корпорация держателей Моисеева седалища — и дерзко-безумные Иисусовы обличения и проклятия. Иуда пережил острый кризис веры в Учителя, который, скорее всего, готовился исподволь и начал созревать с прошлой Пасхи, когда Иисус после чуда с хлебами решительно уклонился от желания толпы идти с Ним в Иерусалим и провозгласить Его Царем, а вместо этого проповедовал нечто совсем несообразное, на взгляд колеблющегося ученика, — о Себе как «хлебе живом», дарующем бессмертие.

Иуда так и не стал настоящим апостолом новой веры, оставшись в глубине души приверженцем иудейского идеала национального, политического Мессии. Его разочарование в Иисусе, резко порвавшем последнюю связь с иудейской церковью и ее духом («се, остается дом ваш пуст»), достигло на этот раз какой-то крайней, ожесточенной степени, Учитель стал ему казаться тем, кого видели в Нем начальники народа: самозванцем, лжемессией. Ну а такой, воистину, «повинен смерти» ради спасения целого народа. Одним словом, Иуда стал концентрированным выражением отношения к Иисусу отвергших Его иудеев, знаком их злобной слепоты, отступничества и злодейства. Но только ли иудеев? Насколько этот образ отбрасывает тень и на человека вообще в его ослеплен-

но-самостном противостоянии Божественной воле и предназначению быть орудием этой воли? И куда может привести «ошибка религиозного суждения»¹, как выражался С. Н. Булгаков, высоко ценивший работу Муретова, при темной страстности, ослепленном упорстве, титаническом фанатизме христорборческой позиции? Судьба Иуды тут служит всем страшным предупреждением.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ четверг 6 апреля 30 г.

Мф. 26:17-29. Мк. 14:12-25.

Лк. 22:7-34. Ин. 13:1-38

Св. Иоанн относит суд Пилата и распятие Иисуса к «пятнице пред Пасхою» (Ин. 19:14), говоря, что «суббота была день великий» (Ин. 19:31), т. е. день Пасхи. Оттого иудеи, приведя Иисуса в преторию, туда «не вошли... чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху» (Ин. 18:28). По другим евангелистам выходит, что Иисус с учениками справляли Пасху — или, как она называлась, день опресночный² — еще в четверг. Три первых священнописателя так и отмечают: «В первый же день опресночный...» (Мф. 26:17, Мк. 14:12). «Настал же день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального агнца»³. (Лк. 22:7). Сам Иисус, как мы помним, предсказывал, что предан будет на распятие на Пасху. Как же выйти из этого противоречия?

В настоящее время восторжествовал взгляд, что Иисус совершил Пасху с учениками все же досрочно, за день, в ночь с четверга

¹ Прот. Сергей Булгаков. Иуда Искариот. Апостол-Предатель // Путь. 1931. № 2. С. 35.

² Это название объяснялось тем, что все восемь дней, пока длился праздник (с 14 по 21 месяца нисана), категорически исключался квасной хлеб. Накануне Пасхи хозяин дома собирал все квасное и сжигал его снаружи в специальном вместилище. Так что фактически день опресноков начинался накануне собственно пасхальной трапезы, когда ели пасхального агнца.

³ После того как трубы трубили начало праздника, все отправлялись покупать ягненка, обязательно годовалого и непорочного, и относили его в Храм, где священник приносил его на заклание, проливая кровь на жертвенник. Этого агнца и ели вечером на трапезе.

на пятницу, вложив в символизм ее ритуальных действий принципиально новый смысл.

Проведя среду в Вифании в уединении и молитве, Иисус на следующий день послал Петра и Иоанна в Иерусалим подготовить все необходимое для вечера: Он «очень желал»¹ есть пасху с учениками прежде Своего страдания (Лк. 22:15). Вечеря должна была состояться именно в священной столице сынов израилевых.

Иисус отправляет Петра и Иоанна в определенное место («при входе вашем в город» — Лк. 22:10), где им должен встретиться человек с кувшином воды (знак предварительной договоренности или чудесного предведения Иисуса). Войдя за ним в дом, они должны были спросить хозяина дома: «Учитель говорит, где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими?» (Мк. 14:14). У св. Матфея это повеление передано совсем реалистически, без всякого элемента чудесного: «Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: “Учитель говорит: время Мое близко, у тебя совершу пасху с учениками Моими”» (Мф. 26:18). Кстати, тут есть некоторое указание-ответ на возможное удивление, почему Христос делает это за день до срока («время мое близко»). Св. Марк и св. Лука уточняют и самое место проведения вечера: «И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую; там приготовьте нам» (Мк. 14:15). Горницей у иудеев называлась большая парадная комната, которая занимала второй этаж дома, — своего рода надстройка, вроде большого терема (или чердака — в более бедных домах); к ней вела внешняя лестница, составлявшая отдельный ход. Горница, устланная коврами или циновками, с низким столом и местами для возлежания, служила обычно столовой для приема гостей или спальней.

В такую вот горницу тайного иерусалимского ученика Иисуса (полагают, что это мог быть дом или Иосифа Аримафейского, или матери будущего евангелиста Марка, тогда юноши лет пятнадцати, у которой уже после воскресения Христа часто собирались его ученики, члены первоначальной христианской общины), «когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью» (Мк. 14:17) и устраивается за пасхальной трапезой, приготовленной Петром и Иоанном. Иисус занимает самое почетное место в середине стола (второе по

¹ В оригинале «желанием возжелал», оборот-калька с семитических языков, выражающий особо интенсивное качество желания.

важности находилось слева от Него, третье — справа и т. д. в том же порядке). Мы помним, насколько процедура устройства за столом была делом деликатным, вызывавшим эмоции неудовольствия, споры о лучшем месте, и как Христос уже высказал одно из мудрых Своих поучений по этому поводу на трапезе у начальника фарисейского (Лк. 14:7-11).

Такой же спор о первенстве, «кто из них должен почитаться большим» (Лк. 22:24), произошел и сейчас между учениками, спор, казалось бы, совсем неуместный и даже постыдный, имея в виду все обстоятельства события. Пытаясь урезонить учеников, Иисус сказал им дорогую мысль, с которой Он уже и раньше с ними делился: да, в мире сем сильные и могучие, «цари господствуют над народами», но не так в том порядке бытия, куда приглашает Христова проповедь: «А вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий как служащий» (Лк. 22:26-27). И тут же решил преподать ученикам такой ошеломительный наглядный урок, которого ни они, ни последующие поколения уже не смогут забыть никогда. Св. Лука приводит лишь Его поучение: «Ибо кто больше: возлежащий или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий» (Лк. 22:27). И дальше развернулась такая сцена, которую приводит лишь св. Иоанн, — синоптики о ней умалчивают, даже сам факт спора передан только св. Лукой; похоже, что необычный, «юродивый» ее характер, прущий против обычных земных представлений о Божественном достоинстве, остановил руку евангелистов: зачем давать лишний повод для насмешек?

Что же рассказывает св. Иоанн? Учитель поднялся из-за стола, «снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался; потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан» (Ин. 13:4-5). Так Спаситель совершил необходимое перед трапезой после пыльной дороги омовение ног. С этим обычно управлялись рабы, а тут, поскольку они были одни, никто не догадался сделать это друг другу или хотя бы Учителю. Бог моет и вытирает ноги простым рыбалям, Своим таким еще несовершеннолетним ученикам, и заметьте, в том числе тому, кто уже искал предать Его (и Иисус знал об этом). Св. Иоанн передает реакцию Петра на такое невероятное *нисхождение* Иисуса — ему стыдно и невозможно принять такой жест Божественного Учителя: «Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему

в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек» (Ин. 13:6-8). Свт. Иоанн Златоуст предполагает, что первым, кому Иисус умыл ноги, был Иуда, а следующим — Петр, и его слова отражают, как обычно, первую реакцию всех учеников. Самый недостойный промолчал и принял, и не перевернулось в нем озлобленное уже сердце. А Петр любяще упорствует в своем мнении (так же как советовал в свое время Господу не идти на муку и казнь), как будто лучше Иисуса понимает, что Тому надо или не надо, что Того достойно или нет. Вот эту «благочестиво»-почтительную самонадеянность и осуждает Спаситель: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною» (Ин. 13:8). И только тогда Петр опаматовался и целиком предался Учителю: «Господи! не только ноги мои, но и руки и голову» (Ин. 13:9). А за ним уже, вразумленные *примером* Петра, как считает свт. Иоанн Златоуст, и все остальные. Тогда же Иисус и сказал, что не все они чисты, имея в виду предателя среди них.

И когда окончил Иисус омовение ног и возлег вновь за трапезу, Он прямо объяснил смысл Своего действия как образца для подражания: «Чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13:15); Я, Кого Вы правильно называете «Учителем и Господом», умыл вам ноги, и уж тем более вы должны это делать друг другу. Вновь Богочеловек отождествляет Себя с родом людским, дополняя уже высказанный ранее принцип: что вы друг другу сделали хорошего (или дурного), то вы Мне сделали, — следующим: *что и как* Я вам сделал, *то и так* и вы друг другу должны делать. Вспомним, как в видении Страшного Суда Иисус учил, что в каждом несчастном, болезненном, оскорбленном, обманутом и брошенном стонет и страдает Он Сам, так же как в каждом спасенном и облегченном от мук и утешенном — радуется Он же. Плевков или удар по ближнему или, напротив, милующий, облегчающий жест как бы запечатлевается на Нем как на Идеальном Божественном медиаторе человечества. В эпизоде с омовением ног Иисус практическим показом доводит до полноты идею соединения через Него нашей человечности с Богом и небом. Он Сам поставляет Себя Центрообразом человечества, Которому должен уподобляться каждый христианин.

В обычай пасхальной трапезы входило вкушение агнца — в напоминание древней жертвы, кровью которой были нарисованы ог-

радительные знаки на жилищах иудеев в ночь исхода из Египта. Агнец жаривался с приправой из горьких трав и подавался на стол вместе с опресноками и вином (опресноки и горькие травы символизировали горечь египетского рабства иудеев). Горькие травы ели, предварительно обмакивая их в блюдо с соусом (солило), приготовленным из фигов и других сладких фруктов, а также миндаля и орехов (шароцет). Если вначале агнца вкушали стоя, как бы готовясь немедленно в путь, мужчины в дорожных одеждах с препоясанными чреслами и с посохом в руках, то впоследствии ритуал видоизменился и пасху совершали, как всякую праздничную трапезу, возлежа на покатых ложах, чуть возвышавшихся над столом (стояли только слуги и рабы). Сотрапезники, числом не менее десяти человек (хотя доходило и до пятидесяти), брали пищу со стола и общую чашу с вином правой рукой, опираясь на левый бок и руку. Талмуд так оправдывал это новшество: да, в этот день иудеи вкушают хлеб рабства и горечи, но делать это надо как людям, обретшим наконец свободу и достоинство. И вот во время этой трапезы («когда они ели») Иисус «возмутился духом», внутренне содрогнулся от готовящегося предательства и «сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» (Ин. 13:21). Слова эти поразили присутствующих (а они не могли не верить Господу!) даже не громом, а чем-то и вовсе запредельно ужасным, хуже чем весть о необъяснимом убийстве отца любящим и любимым сыном. Невыразимая тяжелая печаль легла на сердца учеников, и чего в ней только не было намешано: и мучительное душевное потрясение от такого невозможного злодеяния, и отчаяние, и стыд, и тоска, и смятение, заставившие каждого обратиться к себе самому и дрожащим голосом произнести вслух: «Не я ли, Господи?» (Мф. 26:22). Ученики оказались на высоте: никто из них не стал с подозрением и сомнением указывать на другого, а с трепетом и страхом взглянул в собственные недра, обратившись тут же к Ясновидцу за приговором себе. Ответ Иисуса о конкретном человеке оставался все таким же общим и неопределенным: «Один из двенадцати, обмакивающий со Мною в блюдо» (Мк. 14:20), — правда, Он намекнул на диалектику Божественного предопределения и личной вины, личного выбора: «Впрочем, Сын человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26:24,

Мк. 14:21). «Впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению; но горе тому человеку, которым Он предается» (Лк. 22:22). Да, Христос предвечно был заклан на искупление падшего в перво-родном грехе человечества¹, и такая роль, какую исполнил Иуда, должна была с неизбежностью в финале истории Боговоплощения выпасть на кого-то из приближенных к Спасителю сынов человеческих. Точнее, должна была найтись такая страстно-тщеславная, запутанная, роковая и темная душа, способная предать избравшего ее Божественного Учителя — и тут уже на ней весь груз неподъемного греха, высшая в человечестве мера личной ответственности, разрыв трагической вины и отчаяния.

Один св. Матфей рассказывает о том, что и Иуда вслед за всеми спросил: «Не я ли, Равви?» (Мф. 26:25). (Кстати, одиннадцать обратились к Иисусу при этом как к Господу, и только Иуда — как к Учителю.) И Тот ответил ему косвенным, подтверждающим иудейским оборотом: «Ты сказал» (Мф. 26:25), который Иисус будет широко применять во время будущих Его допросов в синедрионе и претории. Один св. Иоанн свидетельствует о конкретном опознании предателя, поскольку оно было поведено лишь ему. На вечери Иоанн, младший брат Зеведеев, любимый ученик, «возлежал у груди Иисуса» (Ин. 13:23); и Петр, что находился чуть подалее, знаком попросил узнать у Учителя, кого именно Он имеет в виду,

¹ В книге «Агнец Божий» С. Н. Булгаков дал глубокое богословское объяснение, как и почему премирна сама жертва Христа-Агнца за мир. Мысль его заключается в следующем: даже до отпадения прародителей рода людского от Бога в акте грехопадения нельзя назвать тварный мир совершенным, так как сотворенный из ничего он обладает качеством удобопревертности, т. е. обращения тварной свободы и на благо, и на зло. Таким образом, в самом предвечном плане творения мира и его водительства, в Божественном Домостроительстве должна была возникнуть и дальнейшая задача созидания окончательного благобытия: искупить имеющий возникнуть смертно-греховный мир через Божественную жертву (греховный человек сам не способен сделать это), дать сынам человеческим цель вечной жизни в новом, не природном, преображенном строе бытия, «преодолеть и самую его (мира. — С.С.) тварность, сделать творение уже не творением, или сверхтворением, его обожить» (Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. С. 375). Как выражается религиозный философ и богослов: «Крест Христов вписан в творение уже при самом его возникновении» (Там же. С. 375).

Другой русский философ Н. Ф. Федоров называл задачу обожения — благодатным обретением тварью «причины самого себя».

говоря о предателе. Склонившись на грудь Спасителя, Иоанн шепотом спросил Его об этом. Иисус ответил ему: это тот, кому я подам сейчас кусок, обмакнув его в общий сосуд. Иуда, конечно, понял, что речь шла о нем и что этот жест, считавшийся за восточной трапезой знаком особого внимания и уважения, тут заклеил его, дал ему *имя* предателя и с ним самое его сущность. Это был тот опаляющий для Иуды момент, поднявший в нем настоящую черную бурю чувств стыда, позора (его открыли и показали!), ярости и вызова — пути назад уже не было, — что стал моментом окончательной кристаллизации души Иуды как души предателя Божественного Учителя. «И после сего куска вошел в него сатана» (Ин. 13:27) — этот миг самоопределения Иуды как орудия «имущего державу смерти» тут же уловил Спаситель: «Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее» (Ин. 13:27). Получается, что Сам Иисус уже приказывает Иуде действовать скорее, дать свершиться последнему акту жертвенной мистерии. Да, Иуда стал орудием сатаны; но сатана, эта взбунтовавшаяся против Бога Его небесная тварь, — никак не равноправный Творцу антагонист, тем более в эпоху вочеловечения Христа, Его земного служения, искупительного и воскресительного Дела. Вспомним слова Иисуса семидесяти ученикам о низвержении с неба сатаны или в страстной вторник провозглашение народу: «Ныне князь мира этого изгнан будет вон» (Ин. 12:31). Но тогда за пособником искусителя в Иуде провидится — вопреки расчетам дьявола — и служащее замыслу Домостроительства Божия *отрицательное* его орудие, как такими же были и будут карающие бичи Божии в виде разного рода злодеев и бедствий, обрушивающихся на заблудший народ или род людской в целом (как это видно хотя бы из пророчеств Христова «малого апокалипсиса»).

Св. Иоанн отмечает, что никто из учеников, кроме него самого, не понял, что приказал Учитель Иуде делать скорее, предположив, что речь идет о каких-то закупках к празднику или о милостыне нищим из того денежного ящика, который, как казначей, носил при себе Искарот. Сам же апостол-предатель тут же вышел из горницы в город, на который к тому времени уже спустилась ночь.

С уходом Иуды рассеялось *возмущение* духа Иисуса, вызванное мыслями о скрытом присутствии предателя в этот священ-

ный час, и вместе спало тягостное напряжение среди учеников. Воздух в горнице как будто очистился и просветлел. Начиналось самое сокровенное, то, ради чего Божественный Учитель и собрал в эту ночь апостолов. Иисус торжественно провозгласил: «Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем» (Ин. 13:31) — вот славный итог, который ждет Его и Отца Небесного после всего этого непонимания, отвержения, предательства, уничтожения, крестной муки Бога Сына, добровольно отданного Отцом в жертву за Свое заблудшее творение. Обращаясь к ученикам особо ласково, единственный раз так: «Дети!», Он повторил то, что уже говорил иудеям: недолго уже Ему быть с ними, уходит Он туда, куда они не могут прийти. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга: как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. ПО ТОМУ УЗНАЮТ ВСЕ, ЧТО ВЫ МОИ УЧЕНИКИ, ЕСЛИ БУДЕТЕ ИМЕТЬ ЛЮБОВЬ МЕЖДУ СОБОЮ» (Ин. 13:34-35). Интересно, что эту заповедь любви Он называет новой, видя в ней нечто дополнительно-важное к ветхозаветным заповедям любить Бога и ближнего. Прежде всего Он основывает ее на Самом Себе («как я возлюбил вас»), на призыве к отождествлению в чувстве с Собой, т. е. с Богом. «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8): любовь — это и принцип внутренней жизни Троицы, нераздельной и неслиянной, и принцип отношения Бога к миру. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий... Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13:1,8). Так любовь у Христа и затем у апостолов получает грандиозное, вселенское значение. Возведя ее к Богу, они утверждали любовь и для людей, живущих в природном порядке борьбы и вытеснения, как новый, должный тип связи всего со всем — в полной мере он восторжествует лишь в Царствии Небесном, преображенном строе бытия, к которому и ведет только путь все расширяющейся любви.

И вот настал момент собственно Тайной Вечери, новой мистерии общения людей с Богом, точнее, приобщения их к Самому Божественному естеству, что Иисус и оставил ученикам в основание будущей Церкви. «И когда они ели, Иисус взял хлеб и благословив преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите; это есть

Тело Мое. И взяв чашу¹ и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо это есть Кровь Моя нового завета, за многих² изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:26-28). Все синоптики и ап. Павел (1 Кор. 11:23-25) в сходных выражениях описывают этот новый мистериальный ритуал, к которому св. Лука добавляет важнейшее: «Это творите в Мое воспоминание» (Лк. 22:19).

Отметим сначала два момента Тайной Вечери, ставшие позднее поводом для некоторых спорных пунктов, разделивших католическую и православную Церкви. Так, православные толкователи настаивают на том, что Христос преломил и дал вкушать ученикам не пасхальные опресноки, а обычный квасной хлеб, специально припасенный по желанию Учителя. Действительно, в греческом оригинале Евангелий здесь употребляется слово «артос», означающее кислый, дрожжевой хлеб, а не «азимон» (пресный). Как явствует из словоупотребления других книг Нового Завета, и св. апостолы, и первохристиане употребляли в таинстве Евхаристии хлеб квасной. Так происходило до X-XI вв., когда в западной Церкви укоренилось правило использовать при причащении опресноки. Была замечена и такая разница в предложении Иисуса есть Его тело и пить Его кровь: только во втором случае о чаше было сказано — «пейте из нее все». Блаж. Феофилакт, основываясь на мнении других святых толкователей, так изъясняет это место: «Поелику твердую пищу можно принимать не всем, а только тем, кои имеют совершенный возраст, пить же можно всем». На этом основании в Православной Церкви младенцев причащают только кровью Христовой. Римско-католическая Церковь и тут действует иначе: в ней вообще не причащают младенцев, а мирян причащают только Телом — опресноками (основываясь на том, что «это творите в Мое воспоминание» у св. Луки сказано после преломления хлеба), отбрасывая важнейшее: Кровь Христову, что, по Его собственным словам, есть

¹ Св. Лука и ап. Павел уточняют, что чаша с вином была предложена после праздничной трапезы, когда глава стола передавал общую чашу, «чашу благодарения», последовательно всем гостям со словами благодарения Богу.

² Словоупотребление «многие» в значении «все» не раз встречается в Библии. «Преступлением одного (первого Адама. — С.С.) подверглись смерти многие» (Рим. 5:15) — ясно, что все.

«Кровь Моя нового завета», нового договора с родом людским, отменяющего ветхий.

На Тайной Вечери Христос открывает Свое первосвященническое служение, причем уникальным образом: одновременно как Жреца, добровольно осуществляющего жертвенный подвиг, и как Жертвы, как Агнца, закланного за мир. Учение об искупительной жертве Христа дано Им Самим и развито ап. Павлом: Христос уподобился земным братьям, «чтоб быть милостивым и верным Первосвященником пред Богом, для умилоствления за грехи народа» (Евр. 2:17). Он воспринял плоть и кровь, вошел в нашу природу, дабы помочь ей сдвинуться с *проклятого места* ее послегрехопадного, смертно-греховного статуса, Своей «смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть дьявола, и избавить тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2:14-15). Называя Иисуса «Первосвященником великим, прошедшим небеса» (Евр. 4:14), апостол подчеркивает при этом, что это не такой первосвященник, «который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15). Опираясь на Псалом (Пс. 109:4), автор «Послания к евреям» говорит о наречении Иисуса Христа от Бога «Первосвященником по чину Мелхиседека» (Евр. 5:10), т. е. держателем одновременно и царской, и — по избранию — первосвященнической власти, называет «совершителем спасения вечного» «для всех послушных Ему» (Евр. 5:9), принесшим единократно «в жертву Себя Самого» (Евр. 7:27) для «уничтожения греха жертвою Своею» (Евр. 9:26).

Тайная Вечера, по замечательному выражению С. Н. Булгакова, произошла «над временем», причащение телом и кровью Христа совершилось до Его распятия, до того, как Он пролил жертвенно Свою кровь за людские грехи («Сам сый Себе предпожре», — как поется на утрени Великого Четверга). Это — мистериальное предсовершение искупительной жертвы, что еще раньше, предвечно была решена в Божественном Совете. Само принятие Богом телесного состава, начиная с Рождества, было уже приуготовлением к крестному жертвоприношению и, следовательно, предначалом первосвященнического служения. Собственно вся Его воплощенная кенотическая жизнь на Земле еще и до Креста была, как подчеркивает С. Н. Булгаков, уже жертвенным страданием: «Он

дышал зачумленным воздухом нашего падшего мира. Он жил с нами, т. е. среди человеческого греха и злобы, непрестанно ранимый и оскорбляемый ими»¹.

Вместе с тем, премирное заклание Бога Сына в умиловительную жертву за мир оказалось в самом Его Богочеловеческом воплощении вписанным в историю, во временное развертывание со своим поступанием и созревaniem. Ведь как различаются по общему колориту и тону начало и конец Христова служения: в начале больше света и надежд на отклик и понимание, с большим духовным подъемом проигрывается *невозможный* по сути (по уровню человечества) вариант чуть ли не всеобщего приятия Иисуса и Его Благой Вести; глаголы разрыва с иудейской синагогой звучат не сразу и лишь постепенно крепнут в резкости пророческого проклятия; да и склонение решимости Иисуса к крестной жертве растет постепенно, выходя окончательно наружу, настойчиво — в уши учеников сначала — только перед Преображением, в последние год-полгода.

На первый план на Тайной Вечере и в последующем церковном осмыслении ее выступает искупительная сторона Христова первосвященнического служения («за вас предается... за вас проливается»). Курящиеся кровью гекатомбы животных жертв Ветхого Завета отменяет Одна *единократная* Жертва Бога Сына, посланного Богом Отцом и вдохновляемого Святым Духом пострадать и принять добровольную смерть за этот послегрехопадный мир, искупив тем самым святотатственное непослушание Богу, открывшее скорбный путь падшего, смертного существования. (Заметьте, что в определенном смысле вся Троица участвует в искупительной жертве.)

Интересно, что у самого богословского из евангелистов — св. Иоанна — нет эпизода с установлением причащения плотью и кровью Христовой, зато еще за год до Тайной Вечери в проповеди на Пасху о «хлебе живом» Иисус уже говорит у него об Евхаристии: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную... ядущий Меня жить будет Мною... ядущий хлеб сей жить будет вовек» (Ин. 6:54,57,58). И здесь проступает вторая важней-

¹ Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. С. 366.

шая сторона первосвященнического служения Христа, связанная не только с искуплением от первородного греха, но и с вытекающим отсюда обетованием на окончательную отмену последствий этого греха, т. е. смертного падшего естества, на его преобразование и обожение. Пройдут десятки, сотни и уже почти две тысячи лет после Тайной Вечери, и Сионская горница (по преданию, она находилась, как и Храм, в древнейшей части города на холме Сион) расширится на тысячи и тысячи христианских храмов, где в центральном мистериальном действе пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы будет почти ежедневно не только духовно, но и вещественно-материально осуществляться приобщение верующих к Божественной природе, поддерживаться наша главная надежда на воскресение и жизнь вечную в новом обоженном строе бытия, Царствии Небесном.

Как мы помним, у роковой развилки, ведущей и вправо — к оправданию и блаженству, и влево — к гибели и скрежету зубовому, и лежит главный камень эсхатологического преткновения христианской веры: разделение на «чистых» и «нечистых», достойных и недостойных конечного спасения. Но вот Иисус сразу после первого учредительного причащения учеников говорит удивительные слова, переданные только св. Лукой: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять (дословно в оригинале: «просеять». — С.С.) вас, как пшеницу» (Лк. 22:31). Это слово приоткрывает, во-первых, факт общения Бога с сатаной, просьбы последнего, обращенные к Господу, — что удостоверялось еще в Книге Иова; во-вторых, то, чего просит сатана. Оказывается, он хочет «сеять» учеников Иисуса, людей вообще, «как пшеницу», т. е. отделять пшеницу от плевел, сортировать и разделять. Запомним, что пожелание к такому отношению и действию идет от сатаны, от его желаний и замыслов. Иисус же противится поспешному разделению и заклеиванию — здесь это конкретно проявляется в случае с Петром: «Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя, и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк. 22:32). Пылкий Симон-Петр вновь берет на себя слишком много: напрасны, мол, сомнения в моей вере и лишни молитвы за ее укрепление: «Господи! с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти» (Лк. 22:33). На что Иисус и произносит Свое знаменитое горькое пророчество: «Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды

отречешься, что не знаешь Меня» (Лк. 22:34). Даже первый ученик Христа, на ком решает Он созидать, как на камне, Свою Церковь, кому (вместе с другими апостолами) дана высшая часть («да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых» — Лк. 22:30), о, сколь он окажется малодушен, и недостойн, и грешен, — так что же говорить о других сынах человеческих! Кто без греха, кто может быть чист и непорочен, как пасхальный агнец, чтобы уверенно двинуться по правую руку от грядущего Судии? И если уж сатана возьмет-ся за столь желанное для него: *просеивать* род людской, то будьте уверены, никто не проскочит через его сито, все останутся в месте, уготованном ему самому и «ангелам его».

**ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСЕДА С УЧЕНИКАМИ.
ПЕРВОСВЯЩЕННИЧЕСКАЯ МОЛИТВА**
четверг 6 апреля 30 г.

Лк. 22:35-38. Ин. 14-17.

До ночи продолжалась в Сионской горнице беседа Иисуса с апостолами, последняя, напутственная, прощальная. Он напомнил им прежние счастливые времена, когда посылал их в мир на служение с открытым сердцем и устами, налегке, «без мешка и без сумы и без обуви» (Лк. 22:35), и находили они все им необходимое от людей; теперь же — продолжил Он — «кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22:36). Наступают иные, суровые года, «и к злодеям причтен» (Ис. 53:12, Мк. 15:28) их Учитель, самих их ждут испытания и гонения, и покушения на их жизнь — вот и нужна подготовка к этому, моральная и материальная, нужны бдительность, разумная самозащита... Ученики же поняли, как чаще всего, простодушно-буквально: Иисус говорит о непосредственно текущем *здесь и сейчас* моменте. «Они сказали: “Господи! вот, здесь два меча”» (Лк. 22:38). «Довольно», — не столько коротко ответил им Учитель, сколько остановил их воинственный пыл, а что это именно так, вскоре вполне разъяснится в Гефсиманском саду при Его взятии, когда один из учеников попытается пустить в дело меч.

Св. Лука приводит только это поучение из прощальной беседы Иисуса, другие синоптики вообще умалчивают о ней, один св. Иоанн подробно передает ее в трех главах своего Евангелия. Беседа эта — вершинное выражение любви Спасителя к Своим ученикам, духовного о них попечения. Никогда раньше Божественный Наставник не проливал столько проникновенной заботы на избранное Свое малое стадо. Уже через несколько часов Он будет схвачен и предстанет перед судом. Что же считает Он необходимым сказать самого главного и важного в этот час прощания? Прежде всего желает Иисус утешить их высшим утешением — перед лицом их подвижнического и мученического будущего. Не бойтесь, «не оставляю вас сиротами» (Ин. 14:18) ни в этом мире, ни в том — вот лейтмотив этого утешения. Он обещает еще прийти к ним (что и исполнилось после Его воскресения) и послать Утешителя, «Духа истины», «Духа Святого», Который «научит... всему», раскроет наконец в полной очевидности и глубине все, что они слышали от Иисуса (это произошло после схождения на учеников Св. Духа в день пятидесятницы). Христос так прямо и говорит ученикам, что многое из того, что Он им возвестил и имеет еще возвестить, они пока не могут еще *вместить* в себя. Может быть, чувствуют сердцем, но далеко еще не разумеют полным разумом. «Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 16:13), «возьмет и возвестит» им от Сына, нераздельного со Отцом, — не от Себя будет говорить и действовать, а от всей Троицы. Возвестит же им то будущее благодатное Царствие, что открывается Христовым благовестием, Его победой над смертью и осуществляется богочеловеческим творческим усилием. В этих словах Христа Дух Святой впервые предстает как Существо Личное, не совпадающее с Отцом и Сыном («неслиянное», как определяют позже боговдохновенные отцы Церкви), но в то же время соединенное с Ними в Единстве безграничной, животворной любви («нераздельное») и как бы по преимуществу являющее Собой любовь, что связует Отца и Сына в недрах Троического бытия. И наконец, Иисус обещает ученикам «в доме Отца», где «обителей много», приготовить и им место и взять к Себе.

В этой беседе, как нигде, особенно слышны голоса конкретных учеников. Чувствуется особое беспокойное волнение, каким они объаты в этот ночной, таинственный и торжественный час, на

пороге каких-то страшных потрясений, и достигает оно моментами такой чрезвычайной точки, что решаются апостолы прервать Божественного Учителя и высказать свои последние недоумения и сомнения. Вот Фома на уверение Иисуса, что знают они, куда Он идет и каким путем, почти отчаянно восклицает: «Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?» (Ин. 14:5). И тогда Иисус высказывает главное Свое самоопределение: «Я ЕСМЬ ПУТЬ И ИСТИНА И ЖИЗНЬ; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин. 14:6). На что другой ученик Филипп нетерпеливо и настойчиво попросил: «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас» (Ин. 14:8). Довольно для чего? Надо думать, для той полной веры в Бога и в Иисуса Христа, с требования которой начал беседу Учитель: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте» (Ин. 14:1).

Опять несовершенный, плотский человек требует новых сокрушительно очевидных знамений, явления Самого Господа, надо думать, под традиционно представляемый аккомпанемент устрашающих природных, космических манифестаций... Филипп как будто забыл об онтологической *несоизмеримости* твари и Творца, человека и Бога, не позволяющей первому физическими чувствами воспринимать Второго. Отсюда Его незримость и неизображаемость в Ветхом Завете. Но что не дано природному зрению, то доступно очищенным и углубленным «очам ума» (св. Ефрем Сирин). Другое дело воплотившийся, кенотически умалившийся до человеческого естества Бог Сын, Которого в избранный момент истории могли и непосредственно чувствовать, и осязать, и видеть люди, те же Его ученики... Он, воистину, по слову ап. Павла, стал «образом Бога невидимого» (Кол. 1:15). «Сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: “покажи нам Отца”?» (Ин. 14:9) — укорил его Иисус и далее развил тот пункт Иоаннова богословствования (единосущность, нераздельность Отца и Сына Небесных), который проходит через все четвертое Евангелие: «Верьте Мне, что Я в Отце, и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам» (Ин. 14:11).

И тут же сказал великие слова, что приоткрывают Дела будущего благодатствованного богочеловечества: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12). Сила Иисуса —

в теснейшем единстве с Отцом, в исполнении Его воли; отсюда и та способность чудотворения, которая дана нераздельной Божественной и человеческой природе воплощенного Богочеловека. То же и сыны человеческие: только чувствуя свою связь с Иисусом Христом и Его Отцом Небесным, осеняясь благодатью Святого Духа, став проводниками Божественной воли, обретут они невиданные возможности восстанавливать падший мир и преображать его. Как Иисус всеотдайно исполняет волю Отца (и постоянно выделяет это как главное), так и мы должны стать, по образцу Христа, исполнителями Его воли и воли Отца (которые совпадают). Человеческая природа в Богочеловеке, облагодатствованная Его Божеством, являет собой то совершенство, к которому должны стремиться и сыны человеческие. Это ключевое высказывание Иисуса добавляет к *вере* и *молитве* важнейшее — *Дело*, дело осуществления воли Божией в главном: в онтологическом совершенствовании самого человека и мира.

Итак, сотворить дела оздоровления, исцеления, воскрешения, претворения смертного мира в бессмертный и обоженный возможно только в сознании того, что это есть Божье дело, орудиями которого мы соделываемся, в сознании Богочеловеческого единства («Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» — Ин. 14:20) и истинной иерархии этого единства. Для более наглядного понимания последнего Иисус преподавал Свою мысль в образной форме: Отец Небесный — виноградарь, Иисус Христос — «истинная виноградная лоза», а мы — ветви на этой лозе: «Кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). Все же, кто будет вне Христа, кто решится совершать мироустроительные дела вне опоры на Бога, обречены стать для Вышнего Домостроительства никчемной, засохшей ветвью, пригодной лишь для огня. «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода, и будете Моими учениками» (Ин. 15:7-8). Таким образом, плодотворность усилий верных Христу, всего рода людского в онтологическом богочеловеческом Деле становится успехом Божьего замысла о мире и человеке, коронованным Славой Его.

Встать же на путь такого принесения плодов для Царствия Небесного можно лишь при исполнении главной Христовой запо-

веди, которую Он здесь дает: заповеди *любви*, укорененной бытийственно в Боге («Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей... Эта есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» — Ин. 15:9,12), любви, напоющей собой жертвенный подвиг Христа, умирающего за людей, как пример им самим («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» — Ин. 15:13). Заповедь любви, оставляемая Христом, воистину новая, не надо ее полностью отождествлять со знаменитой заповедью Декалога о любви к Богу (Втор. 6:5) с дополнением о любви к ближнему как к самому себе (Лев. 19:18), ограниченной своим народом, своей религией. У Спасителя речь идет о любви особой, невиданной дотоле, которая видит в каждом, независимо от того, к какой расе, народу, социальному слою, полу принадлежит человек, прежде всего свободно-ответственную личность, и призывается эта личность отрясти прах ветхой природы, преодолеть роковые ее ограничения и внять обетованию восхождения в высшую обоженную природу, в которой принципом связи всего со всем будет не борьба и вытеснение, а любовь. Любовь, о которой говорит Христос, несет в себе согласие, умиротворение бесчисленных антагонизмов, вражды, вытеснения, раздирающих мир сей, людей и сообщества на всех уровнях («Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» — Ин. 14:27), а также братотворение, единение всех (о чем будет прямо сказано чуть позже в первосвященнической молитве Иисуса).

«Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15:15). Его ученики (а за ними Он видит весь род людской) уже не рабы Божии, пассивно претерпевающие закрытую для них волю Господа, — нет, они друзья, им раскрыты замыслы Господа о мире и человеке (Иисус постоянно повторяет их и особенно центральный — «жизнь вечная»), более того, они призваны осуществлять их, делать Дело Божие.

Конечно, Божественный замысел такого Дела, преодолевающего самые законы и принципы природно-смертной жизни, мир сей в его основах, с которым пришел Иисус на Землю, пока не принимается ею, гонится и ненавидится — то же будет и с проповедниками Благой Вести о не-природном, божественно-бессмертном строе бытия, Царствии Небесном. И об этом среди Своих неодно-

кратных призывов к любви («Это заповедую вам, да любите друг друга» — Ин. 15:17) предупреждает Иисус: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15:18-19). Будьте готовы, повторяет Иисус, что вас не только начнут изгонять из синагог, но и убивать, думая, что тем служат Богу, ибо не познал еще мир истинного Господа, «ни Отца, ни Меня» (Ин. 16:3).

В ходе Его речи ученики время от времени особенно озадачивались какими-то Его, как им казалось, противоречивыми, взаимоисключающими высказываниями. Так было и когда Он сказал: «Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу» (Ин. 16:16). Как это понимать — шептались между собой апостолы — то не увидите, то увидите?.. Иисус сразу же уловил их недоумение и рассеял его, как всегда, впечатляюще, через выразительное, внятное сравнение: вот женщина-роженица мучается и «терпит скорбь», а как рождается у нее младенец, «уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Ин. 16:21). Мы видим, насколько Он знал и чувствовал человеческую жизнь и переживания на этой послегрехопадной земле — даже то, что внутренне творится с роженицей, — так тонко и точно, будто Он отождествлялся и с женщиной в высший момент ее бытия. «Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16:22).

Христос завершает Свою земную проповедь, и оказывается, что до сих пор суть Его Благой Вести преподносилась даже ученикам лишь в иносказательно-образной форме и еще должна быть раскрыта и понята в своей прямой сущности: «Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возведу вам об Отце» (Ин. 16:25). Нравственное учение Христа дано в ясном поучении, в конкретных заповедях, а Весть о Царствии Небесном облекалась до сих пор преимущественно в символический и аллегорический образ. В чем тут дело? Вспомним объяснение Самого Христа: «Не вмещается!» — трезво оценивающее доставшийся Ему уровень разума земных сынов. Идея преобразования природного порядка существования в радикально иной, воскрешенно-бессмертный, божественный тип бы-

тия настолько разрушала все привычки мышления, религиозные стереотипы, что, как мы знаем, с трудом входила даже в избранных и приближенных. Иисус открывал тайны Царствия Небесного постепенно и осторожно, под покровом пластичного образа, мудро-обиходного иносказания, испытывая и закаляя новую логику и новое видение, «безумные» и «соблазнительные» для мира сего. И вот сейчас Он обещает, наконец, с помощью Святого Духа дать полное и прямое новозаветное откровение (свершится в день сошествия Святого Духа на апостолов). И тогда уже ученики смогут вступить в молитвенный, духовно-благодатный контакт с Отцом, без обязательного прямого посредничества Сына: «В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: ибо Сам Отец любит вас, потому что возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога» (Ин. 16:26-27). Иисус вновь повторяет им как формулу, как кредо, что Он «исшел от Отца и пришел в мир; и опять *оставляет* мир и *идет* к Отцу» (Ин. 16:28).

Какой-то еще один сдвиг происходит в сознании учеников: «Вот теперь Ты прямо говоришь и притчи не говоришь никакой. Теперь видим, что Ты знаешь все... поэтому веруем, что Ты от Бога исшел» (Ин. 16:29-30). Удивительно, что только сейчас происходит этот момент закрепления их в вере — а значит до того, в непроясненных для них самих душевно-волевых глубинах плавали и смущение, и сомнение. «Теперь веруете?» (Ин. 16:31), — все еще вынужден спрашивать Иисус. Вера самих апостолов нуждается в постоянном подкреплении, все время как бы пульсируя: то под мощным духовным облучением Учителя вздымается к своей вершине, обретая на время твердое успокоение, уверенность в чае-мом, то вдруг — особенно под воздействием скептического, насмешливого, враждебного, преследующего мира — ниспадает, повергая их в сомнение, а скоро будет — и в страх, и в отречение от Господа, и в бегство... Это все, как по открытой книге, видит и провидит Иисус: «Вот наступает час и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною. Это сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:32-33). Какие божественно-лапидарные, великие слова! Иисус победил мир (вот-вот окончательно явит Свою победу!), победил то, на чем мир стоит и держится в своем послегрехопад-

ном статусе: смертный закон — Воскресением, принцип вражды, вытеснения и борьбы — бесконечной любовью, грех — Божественной жертвой.

И завершил Он прощальную беседу с апостолами молитвой к Отцу, которую назвали «первосвященнической» (перед принятием Им Самого Себя в крестную жертву). До того евангелисты не раз отмечали, как Иисус то уходил в пустынное место, где в уединении молился, то, подняв очи к небу, произносил внутреннюю безмолвную молитву (обычно перед очередным чудотворением). Сейчас же единственный раз мы буквально слышим Его пространное моление к Отцу. «Отче! пришел час: прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя. Так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную» (Ин. 17:1-2). Так торжественно, воистину как Небесный Первосвященник, осуществляющий к вящей Божественной славе важнейший жертвенный момент Домостроительства спасения, начинает Иисус. Он говорит о Себе уже о по-воскресном, вышедшем из кенотического самоумаления вновь в полноту Божественного бытия, в полноту владычества «над всякой плотью», которой Он открыл новый эон, «жизнь вечную». Молится Он сейчас как бы с некоторым опережением, словно уже свершив Свою жертву и Воскресение: «Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин. 17:4-5).

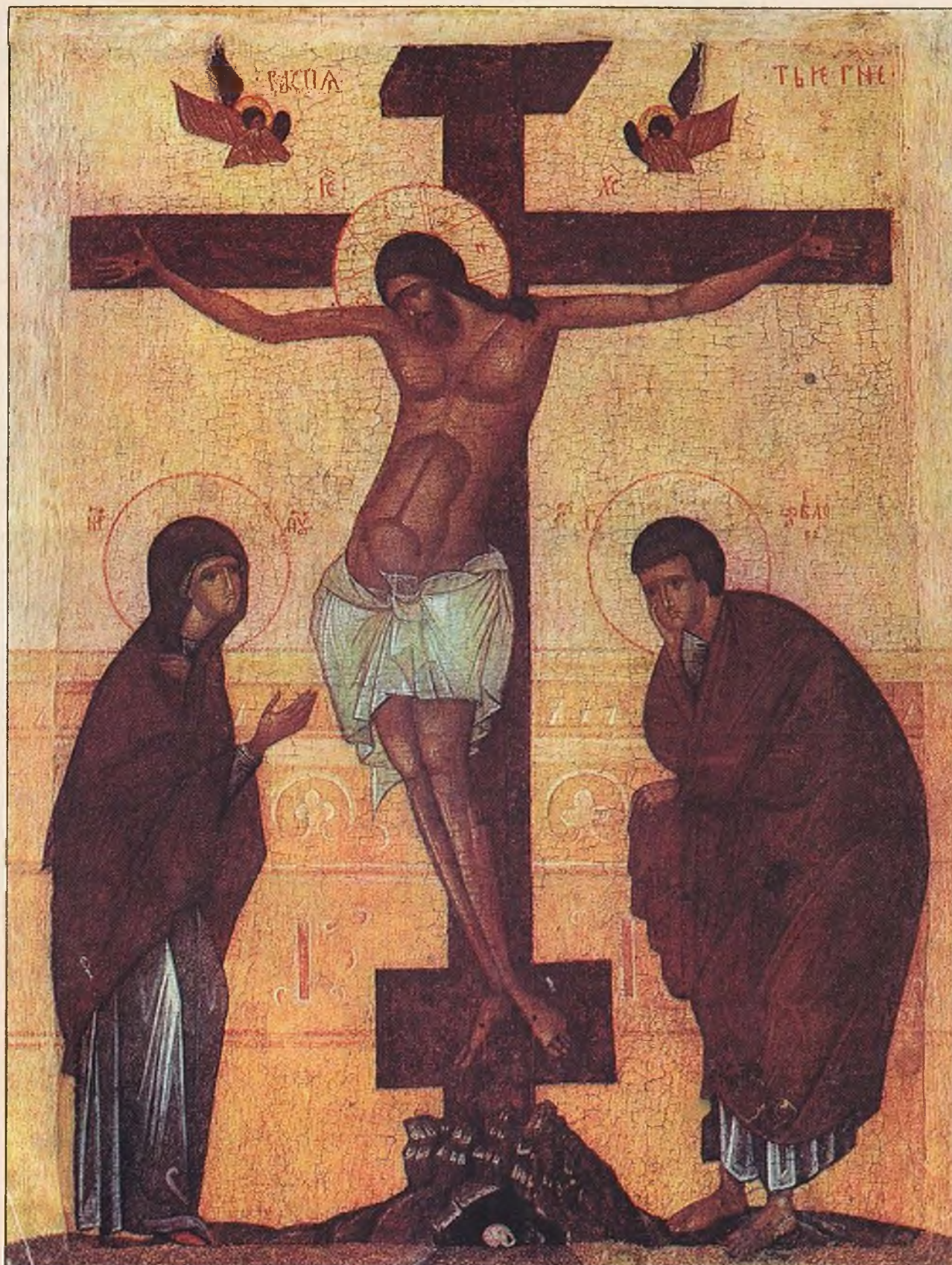
Да и молит Он Отца Своего прежде всего о малом стаде учеников, о тех, кто уверовал, что Он — посланник Бога Отца, кто остается в мире, враждебном им по самому своему принципу бытия: «Соблуди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17:11). Так зачинаются два главных мотива этой молитвы: просьба соблюсти Его учеников, тех, кого Христос послал в мир, как и Отец до того послал туда же Сына Своего возлюбленного, «сохранить их от зла», первых, за Иисусом, «не от мира сего», и освятить их Истиною, Словом Божиим. И второе, самое важное, касающееся и апостолов, и не только их, а всех «верующих в Меня»: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне,

Я дал им; да будут едино, как Мы едино; Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин. 17:21-23). Вот он призыв к совершенному единению, такому, как являет нам внутренняя жизнь Троицы, нераздельной и неслиянной. Здесь Христос Сам поставляет единство Божественной любви не столько как догмат, сколько как заповедь, как образец для устройства жизни Церкви и всего мира вообще. Это самое драгоценное ядро всей Первосвященнической молитвы, обращенное к миру, указующее путь к Царствию Небесному обоженного бытия. Мир сей знает относительно сбалансированное *единство*, на котором стоят все его крупные и мелкие коллективные единицы — от государства и любого общества до общины; это разделительно-функциональный принцип, тип организма, где есть и своя *голова*, и свой *желудок*, и свои *ноги*... «Облечься в нового человека», человека бессмертного, преображенного, возможно лишь в единстве, создаемом любовью, единстве в общем соборном теле — не по типу организма, а по типу Троицы.

Именно в Первосвященнической молитве на первый план выходит вторая, уже упоминавшаяся выше, сторона первосвященнического служения Иисуса: не только искупительная от первородного греха, но и *освящающая* род людской, направляющая его к стяжанию новой высшей природы.

И самое последнее, о чем просит Отца Небесного перед смертными испытаниями Иисус, — вновь и вновь о любви, о расширении любви Бога Отца к Сыну и на Его учеников, кому Он открыл «имя» Господа (а имя в семитических языках означает самую сущность именуемого): «Да любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин. 17:26).

**ГЕФСИМАНИЯ И ГОЛГОФА:
КРЕСТ ВНУТРЕННИЙ
И КРЕСТ ВНЕШНИЙ**

Распятие. Икона. Конец XIV в.

ГЕФСИМАНИЯ

в ночь с четверга 6-го на пятницу 7-го апреля 30 г.

Мф. 26:30-56. Мк. 14:26-52.

Лк. 22:39-53. Ин. 18:1-12

Воспев в завершении вечери благодарственные Господу псалмы (Пс. 113–117), Иисус и апостолы вышли уже глухой ночью из Сионской горницы и, пройдя южными городскими воротами, отправились за поток Кедрон в Гефсиманию, расположенную на склоне горы Елеонской. Св. Матфей называет ее нейтрально: местом, св. Марк — селением, а св. Иоанн, очевидно, точнее других — садом¹. По-арамейски Гефсимания означает «масличное точило», здесь явно производилось оливковое масло из плодов масличных деревьев сада. «Иисус часто собирался там с учениками Своими» (Ин. 18:2) — хозяин этого сада, скорее всего и дома при нем, явно относился к Христовой общине по-дружески. Оставив учеников в одном месте, Иисус взял с Собою самых близких — Петра, Иакова и Иоанна, тех, кто видел Его в славе на Фаворе и менее других мог соблазниться теперешним моментом, и отошел с ними в другую сторону сада. Действительно, апостолы не могли не заметить разительной перемены, произошедшей с Учителем: только что столь спокойно-величественный, ободрявший их скорой Своей

¹ Предание утверждает, что в Гефсиманском саду, принадлежавшем священникам и левитам, выращивали стада жертвенных животных. И тогда то, что именно отсюда повели на искупительную жертву Божественного Агнца, приобретает особое, символическое значение.

славой и их избранной небесной участью, Он стал вдруг «ужасаться и тосковать» (Мк. 14:33). Тень какой-то нечеловеческой муки легла на Его лицо. Иисус, собственно, и не пытался скрывать Своего состояния и даже как будто обратился к ним, Его слабым, растерянным ученикам, за помощью и поддержкой: «Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте» (Мк. 14:34). Сам же отошел от них на небольшое расстояние, «на вержение камня» (т. е. на расстояние брошенного камня), как уточняет св. Лука, «пал на лицо Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша эта; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39). По св. Матфею и св. Марку, три раза Иисус повторил эту просьбу к Отцу — пронести эту чашу страдания мимо Него («не пить ее» — Мф. 26:42), тут же смиряясь и вверяя Себя воле Отчей. Трижды Он подходил и к Своим ученикам и каждый раз находил их спящими, как тонко замечает св. Лука, «от печали» — бежала слабая душа учеников, истерзанная невыносимой реальностью: нависшая смертельная угроза, тоскующий и страдающий Сын Бога (как это возможно!), — хотя бы во временное забытие и бесчувствие. Видя их спящими, покинувшими Его в такой нестерпимо мучительный час, Иисус пытается воззвать к ним, обращаясь главным образом к Петру: «Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мк. 14:37-38). Св. Лука опускает этот тройной приступ к молитве и к увещанию учеников, сконцентрировав все в одном эпизоде горячей молитвы Иисуса: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу эту мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22:42), каких-то запредельных внутренних борений, так что «был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22:44), и явления Ему Ангела, что «укреплял Его» (Лк. 22:43).

Отчего же мог так «скорбеть и тосковать» (Мф. 26:37) Иисус в эту гефсиманскую ночь? Ведь шел Он на вольное страдание и жертву, имея абсолютное обетование победного воскресения и славы? Сократ перед казнью вел возвышенные беседы с учениками, стоики, презиравшие смерть, сами вскрывали себе вены, невозмутимо ожидая конца... О, сколь радостно ухватились за Гефсиманскую сцену противники Христа и христианства! Неоплатоник Порфирий, биограф Плотина, в книге «Против христиан» высказывал свое презрение к такому человеку: претендовал, мол, быть Богом и обнаружил малодушие там, где были на высоте земные герои и философы!

Иисус страдал и мучился в Своей человеческой природе¹, предвосхищая близкую смерть, — так полагают многие толкователи. Но вряд ли этого достаточно для объяснения Его переживаний, зная, насколько мужественными в такой ситуации могут быть простые сыны и дочери человеческие. А уж что говорить о последователях Христа, христианских мучениках: шли они в пасть к диким зверям, и на крест, и на костер с полным присутствием духа, а то и с радостью, благословляя свой жребий, навеки соединявший их с Богом. Дело скорее в том, что Гефсиманское борение Иисуса касалось Его целостной Богочеловеческой природы — Он готовился принять в Себя и на Себя нечто абсолютно противное и Божественному бессмертному естеству, и Его облагодатствованной, высшей человечности: поспегрехопадное онтологическое качество — *смертность*. Стоя на пороге крестной жертвы за мир, Христос берет на Себя все грехи человечества, прошлого, настоящего и будущего, — представьте, какая это безобразная громада, отталкивающе чуждая Самой Его природе, и какой невыносимой тяжестью налегла она на Его душу. «Чаша, которую подает Ему Отец Его, есть чаша всех беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных»², — как же горька была она для Богочеловека, для Пречистых уст и неба Его!

«Единородный Сын Возлюбленный, приняв на Себя грех, с ним и в нем принял на Себя гнев Божий на грех, вражду Божью, и в ней как бы разлучался с Отцом»³. Вот низшая точка Его кенозиса, граничащая с богооставленностью, самого глубокого ниспадения в темные и бездонные недра человеческой греховности, но и тем самым — наибольшего любовно-жертвенного отождествления Христа с человеческой природой и ее поспегрехопадной участью. Да, протискивание Его Богочеловеческого естества в натуру ветхого Адама, так сказать, в его смрадную шкуру, оказалось столь нестерпимым, адски-мучительным для Его высшей природы, для Его милосердного сердца, что неудержимо исторгло из Него этот вопль: если можно,

¹ «Ведь и смущение предстоящей смертью напало на Него для того, чтобы явною сделалась Его природа, именно, что Он был сын того Адама, над которым, как говорит Апостол, царствовала смерть» (Св. Ефрем Сирийский. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 291).

² Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. Ч. 1. М. 1844. С. 75.

³ Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. С. 386.

то не надо, пронеси, не дай испытать! Правда, тут же Он пресек его, пресек невероятным напряжением воли, целиком подклонившей себя воле Божественного Отца. Он, воистину, в отличие от Адама, противлением воле Господней ниспавшего в смертный порядок бытия, «смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2:8), и тем искупил непослушание первого человека.

Еще один тонкий момент Гефсиманского искушения подчеркнул арх. Иннокентий, отметив, что Иисус в этот час «тайным предрасположением Правосудия небесного выведен был из своего естественного возвышенного состояния, низведен в состояние низшее, приведен в равенство с положением самого последнего из людей искушаемых», иначе говоря, это «таинственное распоряжение» Божественной премудрости заключалось, по мнению русского богослова и иерарха, «в сокрытии Божества от человечества, в предоставлении последнему действовать одними своими силами»¹. И этими силами Иисусом была одержана победа. В чем можно увидеть указание на необходимость действовать человеческой природе, сынам человеческим навстречу Богу — и в искуплении греха, и в уничтожении его последствий: вытеснения, борьбы, смерти. И крепиться великим, тем, что помогло и Иисусу в Его гефсиманском подвиге: «Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22:42).

Гефсимания и Голгофа — две стороны одного крестного, искупительного Распятия: одна — более духовно-душевная, другая — непосредственно телесная. «Внутренним крестом» назвал Гефсиманское моление о чаше арх. Иннокентий. «На Голгофе страждущее тело приведет в страдание дух; здесь же страждущий дух заставит капать кровавым потом пречистое тело»².

Когда Иисус в третий раз приблизился к ученикам, то уже не стал увещевать их к бодрствованию с Собой, а прямо сообщил о том, что уже было совсем рядом, ибо не мог Он не слышать и не видеть еще издали приближения к Гефсимании большого числа народа, храмовой стражи «с мечами и кольями» (Мф. 26:47), «с фонарями и светильниками» (Ин. 18:3) и отряда воинов «с оружием» (Ин. 18:3). Не успел еще Иисус закончить Свое предупреждение: «Вот, приблизился

¹ Иннокентий, арх. Херсонский и Таврический. Последние дни земной жизни Господа Нашего Иисуса Христа. СПб.-М. 1887. С. 286, 285.

² Там же. С. 281.

час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня» (Мф. 26:45-46), как уже от надвигавшейся толпы отделилась темная фигура, — то был Иуда, который успел объяснить стражникам: «Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» (Мф. 26:48). (Кстати, по св. Марку, он еще добавил: «И ведите осторожно» — Мк. 14:44.) Скорее всего, храмовым стражникам вряд ли объявлялось заранее, против кого они идут, кого им предстоит арестовать, — может быть, во избежание лишних волнений и страхов: те могли слышать и знать Иисуса. Вот и был придуман опознавательный знак — поцелуй предателя.

В иудейской среде среди раввинов и их молодых подопечных существовал обычай учителей целовать своих учеников при встрече, но сами ученики не имели права делать то же. В общине же Христа, с ее духом любви и равноправия, такого запрета не было. Итак, Иуда приблизился к Иисусу и, прежде чем поцеловать Его, произнес традиционную формулу приветствия, какой встречали духовного Учителя: «Радуйся, Равви» (Мф. 26:49). На русское ухо это буквальное «радуйся» в подобных обстоятельствах кажется циническим кощунством. И вместе — с примесью патетической иронии — нечто такое: Ты же все предсказывал Свою смерть, а за ней некое великое торжество, — вот оно и свершается, радуйся! а я что, я орудием этого замысла и выступаю! «Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел?» (Мф. 26:50). Загадочная странность, на первый взгляд, этот «друг», с которым Иисус обращается к заведомому предателю, «сыну погибели», кому, по Его же слову, «лучше было бы... не родиться» (Мф. 26:24). Дословно греческое «этайре» означает «друг» скорее с оттенком «товарищ»; ну что ж, в определенном смысле — *товарищ* по Домостроительству Божию, если, конечно, соблюсти всю бесконечную дистанцию между Самим Божественным его Хозяином и одним из отрицательных, отталкивающих его агентов. Этот друг-товарищ укрепляет в мысли об удивительном отношении к Иуде — собственно по нравственному принципу Спасителя: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44); а тут был друг, ставший предателем, врагом, и не простым, а нарицательно-предельным в человечестве.

Между тем Иисус Сам вышел навстречу пришедшим с вопросом: «Кого ищете?» (Ин. 18:4). Похоже, что Его так и не узнавали, как

тогда, когда Он застилал глаза враждебной толпе, желая уйти незамеченным. Но на этот раз было иначе: Иисус был готов добровольно предать Себя в руки преследующих. И когда Ему ответили, что ищут Иисуса Назорея, Он сказал: «Это Я», «Я есмь» (ср. как Господь открыл свое имя Моисею: «Я есмь Сущий (Ягве)» — Исх. 3:14, буквально: «Я есмь Тот, Кто есть»). И «отступили назад и пали на землю» (Ин. 18:6) пришедшие братья Его — так в последний раз перед Своим бесконечным унижением позволил Себе Христос воспользоваться таинственной могущественной силой, бывшей в Нем и действовавшей моментально, как молния, чтобы окончательно стало ясно: Он может и так, может привести всех к покорности и послушанию и благоговению перед Собой, но вот только показал это и больше не хочет — Сам отдает Себя им. И второй раз спросил Он, кого же они ищут, и вновь получив ответ, что Иисуса Назорея, подтвердил, что это Он, но учеников Своих попросил не трогать: «Оставьте их, пусть идут, — да сбудется слово, сказанное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого» (Ин. 18:8-9).

И тут один из учеников (св. Иоанн уточняет, что это был Петр) вынул меч и неловким, нервным движением добился результата незначительного и даже несколько курьезного: отсек правое ухо первосвященническому рабу (тот же св. Иоанн, обнаруживающий особое знание домашних обстоятельств тогдашней правящей партии, называет его имя: Малх). Жест порывистого Петра оказался более чем неуместен, он был противен воле Иисуса и самому духу нового отношения к людям и миру, какому Он их всегда учил. «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52), — предупредил Христос Своего первоверховного апостола, а с ним и весь род людской, так страстно и с таким напрасным упованием вцепленный в меч как средство утверждения воли и власти. И еще раз напомнил о сугубо свободном Своем жертвенном выборе, входящем в планы Божьего Домостроительства: «Или ты думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Мф. 26:53-54). Или так еще запомнил другой евангелист, свидетель события: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (Ин. 18:11).

И тут же, как рассказывает св. Лука, Иисус одним Своим касанием аннулировал последствия Петрова членовредительства: исце-

лил ухо раба. Разве мог Он напоследок оставить за Своим учеником — и значит, в какой-то мере, за Собой — хоть такое, пусть и не столь большое, умаление жизни другого, когда по самой Своей сути был Он Божественным Врачом, Подателем новой, исцеленной, очищенной, нравственно обогащенной жизни. И в этот момент, когда мир против Него столь злобно ополчился, Иисус подает практический пример прощающей, действенной любви к врагам и гонителям.

Но при всеобщей суматохе и ночной тьме, прорезаемой там-сям лишь светом факелов, мало кто заметил это последнее чудо Иисуса; более того, толпа, непонятной для нее силой на миг повергнутая ниц, теперь, не видя никаких сверхъестественных сил, приходящих на помощь Тому, Кто выдавал Себя за Сына Божия, как бы стыдясь за недавнее свое унижение, преисполнилась особой дерзостью: да кого они испугались — этого ли усталого, покорного человека, нескольких растерянных Его учеников?! Стражники уже крепко держали Иисуса, и тогда из темной глубины толпы вышли некоторые начальники иудейские — до того они издали наблюдали за событиями. Вот этим «первосвященникам и начальникам храма и старейшинам, собравшимся против Него, сказал Иисус: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня! Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук; но теперь — ваше время и власть тьмы» (Лк. 22:52-53). Каким сильным словом заклеил Он этот страшный момент, который устроили иудеи: вот оно, *ваше* время, время слепцов, лукавцев, предателей, злодеев, трусов, служителей самого упорно против-Божеского, против-Христового выбора в мире сем. Из одной точки земли распростерлась и налегла в этот час над миром «власть тьмы».

В этот отчаянный момент: глухая ночь, враждебная толпа, вооруженные люди, арест Учителя («Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его» — Ин. 18:12) и никакой подмоги, ни земной, ни небесной, ни извне, ни свыше! — учеников объяли отчаяние и страх, и они, «оставивши Его, все бежали» (Мк. 14:50). Только какой-то юноша, завернутый в покрывало, шел за связанным Иисусом. Когда воины, желая схватить его, взялись за это покрывало, он выскользнул из-под него и, оказавшись совершенно нагим, быстро скрылся. Эта странно-удивительная сцена, приведенная лишь св. Марком, заставила предположить

еще первых комментаторов евангельских событий, что этим юношей мог быть сам Иоанн-Марк и Гефсиманский сад и дом в нем принадлежали его семье¹, — тогда, кстати, объяснялся и его необычный вид: услышав шум снаружи, он только-только вскочил с постели и поспешил в сад, едва успев накинуть на себя покрывало.

ПРИГОВОР СИНЕДРИОНА

пятница 7 апреля 30 г.

Мф. 26:57-75; 27:1.

Мк. 14:53-72. Лк. 22:54-71.

Ин. 18:13-27

Ео связанными руками, в окружении строя римских солдат и храмовой стражи Иисуса повели к резиденции тогдашнего первосвященника Иосифа Каиафы. Но доставили Его сначала к отставному первоиерарху Анне, дом которого находился, скорее всего, на одном дворе с дворцом Каиафы², его зятя. Анна, Аннан, как называет его Иосиф Флавий в своих «Иудейских древностях» (а еще точнее — Ганан), родом из Александрии и привезенный оттуда Иродом Великим, был первосвященником в 7-14 гг. и уже шестнадцать лет как был лишен этой должности прокуратором Валерием Гратом. Однако сначала его сын, а теперь и зять занимали этот верховный религиозный пост³, и Анна, по сути, держал в своих руках

¹ В Деяниях апостолов есть свидетельство того, что дом матери Марка был частым прибежищем иерусалимских первохристиан. Так, ап. Петр после своего чудесного избавления из темницы, поспешил отправиться именно туда: «И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились» (Деян. 12:12). Кстати, Марк был чрезвычайно близок ап. Петру, сопровождал его в миссионерских поездках, записывал за ним его рассказы о Божественном Учителе, так что св. Иустин именовал его Евангелие «Воспоминаниями Петра». Недаром Петр ласково называл Марка «сын мой» (1 Петр. 5:13).

² Существует и другое предание, а именно, что дом Анны находился по дороге ко дворцу Каиафы. Но первая версия лучше согласовывает повествования евангелистов, и прежде всего — рассказ о троекратном отречении Петра.

³ По закону Моисееву, первосвященнический пост был пожизненным, однако со времен римского завоевания Иудеи верховного иудейского жреца назначал и сменял прокуратор. При этом бывали случаи буквальной покупки этой должности.

все нити дел и интриг иудейской власти (впрочем, так будет и далее, еще четверо его сыновей станут великими первосвященниками). Можно себе представить, какой упорной, хитрой, изворотливой, властной натурой обладал этот старый саддукей, сумевший продлить свое господство над иудейской синагогой чуть ли не на полвека. И в случае с Иисусом он явно стоял во главе заговора — и сейчас в ночи с нетерпением ждал исхода операции.

Об этом заходе к Анне и первом у него допросе Иисуса свидетельствует только св. Иоанн. Он же рассказывает, что за арестованным Иисусом все же последовало — на некотором отдалении — двое учеников: Петр и «другой ученик», который «был знаком первосвященнику и вошел с Иисусом во двор первосвященнический» (Ин. 18:15). Кто же был этот «другой ученик»? Все говорит за то, что это, скорее всего, был сам Иоанн, ведь и раньше встречались признаки того, что именно он знал детали домашней жизни первосвященника¹: так, он приводит даже имя его раба, которому Петр отсек ухо. Он же «сказал придвернице и ввел Петра» (Ин. 18:16) во двор дома. По Иоанну, уже в этот момент на вопрос служительницы: «И ты не из учеников ли этого Человека?» (Ин. 18:17), — Петр в первый раз отрекся от своего Учителя: «Нет», — а сам прошел во двор, где служители развели костер и грелись, и стал рядом с ними.

Между тем Иисус предстал пред лицом главного, самого коварного и могущественного, двигателя заговора правящей саддукейской партии против, на ее взгляд, дерзкого галилейского выскочки, осмелившегося своими делами (тем же изгнанием торжников из Храма, — а известно, что саддукеи считали себя его властителями и, кстати, весьма наживались на торговле жертвенными животными) и обличительными речами бросить вызов интересам и авторитету начальников иудейской синагоги. Как мы помним, основными идейными оппонентами и гонителями Иисуса первоначально были фарисеи; это они видели в нем кощунственного субботоборца, самозванного лжемиссию, мага-воскресителя...

¹ Титул первосвященника носили не только действующий в данный момент первоиерарх, но и все до того бывшие, и даже представители семей, из которых вышел первосвященник или мог им стать. Отсюда это множественное число и в Евангелиях: «первосвященники и книжники».

Главной страстью саддукеев, материалистов и циничных скептиков, была страсть к деньгам и власти, ради чего шли они на услужение к римской власти; догматические тонкости их интересовали мало, так же как и пункты расхождения учения Иисусова и фарисейского. Да они в них раньше особенно и не вникали. Анна и начинает с того, что спрашивает Иисуса о Его учении и учениках, надеясь тут же набрать обвинительного материала и побыстрее «законно» осуществить уже выработанный план физического уничтожения ненавистного им галилейского возмутителя спокойствия. Иисус отказывается подыгрывать старому интригану: «Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего» (Ин. 18:20). Казалось бы, Иисус не говорит всей правды: ведь приходилось Ему многое являть и раскрывать только узкому кругу учеников (вспомним хотя бы Его преображение на Фаворе или прощальную беседу...). Но в данном случае Он отвечает именно на то, в чем ищет уличить Его отставной первосвященник: тайном заговоре с видом на царскую власть, а такого действительно не было. К тому же Иисус достаточно ясно указывает на вопиющее нарушение бывшим председателем синедриона установлений иудейского судебного разбирательства — возбудить его могли только свидетели, и с их показаний должно было оно начинаться: «Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им» (Ин. 18:21). Можно себе представить раздражение и негодование главного иудейского авторитета на такую тонко уличающую его, спокойную и достойную реакцию Галилеянина. Выразил же гнев его в действии не он сам, а один из раболепных служителей, привыкших точно понимать состояние господина, угадывать и предупреждать его желания. Он «ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику?» (Ин. 18:22).

Это был первый оскорбляющий удар, нанесенный Богочеловеку на земле — и кем? — рабом, слепым и злобным тварным прахом, — и кому? — Самой Божественной Первопричине всякого бытия и всякого блага. И что же воплощенный Сын Божий? Он лишь спокойно указывает на недостойную вздорность такого жеста: «Если я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Ин. 18:23). Когда-то в Нагорной проповеди Иисус учил превозмогать страстно вспыхивающие движения и ответы на зло, оскорбление, поношение, учил новой, незлобивой, любовно-вразумляющей реактивности. И сейчас, в последнюю, страстную неделю, когда гнус-

ное уничтожение, изощренное Его мучительство будет все расти, достигнув кульминации на кресте, Иисус на все времена явит образец такого нового поведения, высшей реакции на злодейство и слепоту, который, пусть не сразу, не мгновенно, но переломит человеческие сердца, сокрушит их стыдом и скорбью и привлечет к Нему столько людей и народов, сколько никто больше не сумел на Земле.

Анна оказался бессилён перед удивительным сочетанием твердости и кротости этого Человека и «послал Его связанного к первосвященнику Каиафе» (Ин. 18:24). Там, во дворце его, несмотря на ночное время, уже собрались книжники, «первосвященники и старейшины и весь синедрион» (Мф. 26:59). Вряд ли это был большой синедрион из 70 членов, скорее всего малый, из 23 человек, правомочный вести судебные дела¹. Этот высший иудейский орган власти находился в это время целиком в руках саддукеев, и если в большой синедрион входили и фарисеи, то в малый, по всей вероятности, нет, так что судилище над Иисусом велось исключительно правящей партией. Оттого и не прозвучали здесь обвинения против галилейского проповедника, которые обычно выдвигали фарисеи: оскорбление священной субботы, прощение грехов, неисполнение законов о чистоте, использование магических знаний для демонстрации целительной и воскресительной мощи.

На это ночное заседание саддукеи набрали немало «лжесвидетелей», как квалифицируют их Евангелия, имея в виду этим словом, что были то люди подкупленные и корыстные; но их показания оказались столь мелочны, сбивчивы и невразумительны, что судьи никак не могли найти в них достаточных оснований, чтобы предать Иисуса смерти. «Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: “могу разрушить храм Божий и в три дня создать его”» (Мф. 26:60-61). У другого евангелиста дана такая версия слов Иисуса, переданных лжесвидетелями: «Я разрушу храм сей рукотворенный, и чрез три дня воздвигну другой, нерукотворенный» (Мк. 14:58). Не трудно вспомнить, какой момент искаженно передавали эти два

¹ О ходе и деталях иудейского судопроизводства, отличавшегося гуманностью, защитой прав обвиняемого, можно судить на основании данных, приводимых в древнейшей части Талмуда — Мишне, составленной около 200 г. раввином Иудой. Правда, Талмуд вышел главным образом из фарисейской школы и отражает ее принципы. О саддукейском суде известно лишь, что он отличался большей жесткостью.

человека. Три года назад на первой пасхе в Иерусалиме, когда Иисус очистил Храм от торговцев и скотины, то на вопрос иудеев о знамениях Его властного дерзновения Он ответил: «Разружьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2:19), имея в виду храм тела Своего и тем самым пророчествуя, что высшим знамением Его Божественной власти и достоинства станет Его воскресение из мертвых. Конечно, нечего требовать от этих двоих истинного проникновения в смысл тогдашних слов Спасителя, но какова зловредная замена Ему же угрожаемого: «разружьте» на угрожающее «разрушу»! Впрочем, «и такое свидетельство их не было достаточно» (Мк. 14:59).

Что мог делать Иисус перед такими жалкими и бесстыдными попытками изобличить Его? Он молчал, молчал тем Своим бездонным молчанием, что окутывало Его высшей, таинственно-отстраняющей завесой от судивших, добивавшихся чего-то, мучивших Его людей. И ничто так не раздражало и не взрывало, как это Божественное молчание. Вот и Каиафа не выдержал, сошел со своего места¹, встал посреди судилища и в бессильной ярости крикнул Иисусу: «Что Ты ничего не отвечаешь? что́ они против Тебя свидетельствуют?» (Мк. 14:60). Молчание продолжалось. И тогда первосвященник прибегнул к последнему средству — заклятию высшей Божественной инстанции, когда требовалось говорить правду и только правду: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» (Мф. 26:63). Да, ничего не скажешь, после всех лжесвидетельских блужданий вокруг да около каких-то слов и слухов, такой прямой, по самой сути, вопрос, но все с тем же раздраженно-истерическим оттенком, как в свое время в вопрошании иудеев на празднике Обновления храма: «Если Ты Христос, скажи нам прямо» (Ин. 10:24). И тогда сказал Иисус прямо: да, Он — Сын Божий, единый со Отцом, и сейчас Он молчать не мог и вновь повторил здесь на суде главное о Себе исповедание: «Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных» (Мк. 14:62). Это было единственное, что произнес Иисус перед синедрионом за все время судилища над Ним, но какой сокрушительной бомбой взорвалось это слово под ночными сводами дворца Каиафы! В тот же миг первосвященник,

¹ Члены синедриона располагались на коврах, поджав ноги, или на невысоких сидениях полукругом, чтобы видеть друг друга в ходе судебного разбирательства.

изобразив священный ужас, разодрал на себе одежды¹: «Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его!» (Мф. 26:65). И как тогда в Храме на подобное же признание Иисуса «Иудеи схватили камень, чтобы побить Его» (Ин. 10:31), так и сейчас, но уже в высшей судебной, «законной» инстанции «все признали Его повинным смерти» (Мк. 14:64)².

Между тем, пока шел суд, Петр оставался во дворе у огня, ожидая, что будет дальше с Учителем. Подошедшая к костру служанка, взглядевшись в Петра внимательно, сказала: «И ты был с Иисусом Назарянином» (Мк. 14:67). На что апостол стал уверять, что он не понимает, о чем речь, и отошел на передний двор к воротам — тут и запел полуночный петух. Там его вновь увидела служанка, та же или другая, до конца не ясно, и тоже стала говорить стоявшим там людям: «И этот был с Иисусом Назореем» (Мф. 26:71). На этот раз Петр уже «отрекся с клятвой, что не знает Сего Человека» (Мф. 26:72). Но он уже привлек к себе особое внимание. Еще спустя какое-то время поднялся разговор о нем, кто он такой, не из «них» ли, т. е. галилейских учеников: вот и «речь твоя обличает тебя» (Мф. 26:73). А один из слуг первосвященника (св. Иоанн даже уточняет, что родственник Малху, которому апостол отсек ухо) и вовсе признал его: «Не я ли видел тебя с Ним в саду?» (Ин. 18:26). И тогда-то совсем потерявшийся Петр «начал клясться и божиться: не знаю Человека этого, о Котором говорите» (Мк. 14:71). И не успел он окончить свои клятвы, как пропел петух во второй раз. И как раз в этот момент уже осужденного Иисуса вели по наружной лестнице из дворца Каиафы и затем через двор в особое помещение для задержанных. Спаситель слышал эти испуганно-горячечные уверения человека, на ком Он хотел основать Свою Церковь на земле, в том, что он знать не знает Учителя и Бога. Хотя в точности предсказанное Иисусом, это предательство не могло не быть

¹ Разодрание передней части одежды выражало у иудеев крайнюю степень скорби, горестного сетования при известии о большом несчастье или негодовании перед лицом богохульного кощунства. Рвалась одежда не по шву, а прямо по ткани и потом не чинилась. Ряд толкователей усматривали в этом жесте Каиафы невольный «знак раздранья ветхозаветного священства» (блаж. Феофилакт Болгарский).

² Кстати, по еврейскому праву, ни требовать клятвы с подсудимого, ни осуждать его на основании собственных признаний было нельзя. Суд Каиафы нарушил оба эти правила.

для Него, может быть, горше самого судилища. Иисуса уже уводили, но Он, обернувшись, посмотрел на Петра, и мгновенно пронзенный этим взглядом, тот сразу же «вспомнил слово Господа, как он сказал ему: прежде нежели пропоет петух, отречешься от Меня трижды» (Лк. 22:61)¹. Постыдное наваждение страха, подлого малодушия рассеялось вмиг, но какие острые иглы стыда и раскаяния тут же впились в совесть апостола. «И вышед вон плакал горько» (Мф. 26:75), плакал о своем страшном падении, каялся из глубин потрясенной души, молил Господа о прощении.

Сокрушение его было самым глубоким и искренним, об этом знал Иисус и недаром после воскресения в какой-то мере утишил раны его совести Своим прощением. Но только утишил, а не закрыл совсем — сам Петр не мог себе простить своего предательства. Один из учеников Петра, св. Климент рассказывает, что всю оставшуюся до мученической кончины жизнь каждую ночь при первом крике петуха апостол становился на колени, горько рыдал и каялся в своем грехе против Иисуса Христа. По преданию, Петр так непрерывно слезно убивался, что глаза у него были постоянно красными. «Князь учеников подпал поражению и искушению, дабы стать врачом раненых»², — постоянное осознание своего недостойнства особенно помогало ему входить в обстоятельства слабых и грешных человеческих сердец и увлекать их за собой на христианский путь покаяния и устремления к новой высшей природе.

Вернемся, однако, к месту евангельских событий ночи со страстного четверга на пятницу. Сразу же после вынесения смертного приговора, уже по дороге в караульню и там до рассвета начались измышательства над Иисусом. Чего только не измышляли слуги и охранники в своей грубой злобе, извращенной сласти издевательства над Тем, Кого толпа всего несколько дней назад встречала как мессианского Царя, Кого они еще вчера сами боялись и трепетали, ожидая каких-нибудь сокрушительных чудес (ведь шла же молва о Его сверхъестественной силе)! И вот осужденный как богохульник, лжемессия, беззащитный и кроткий, Он в полной их власти. И смрад-

¹ Этот эпизод приводится только в Евангелии от Луки. Матфей, Лука и Иоанн говорят о том, что петух пропел однажды, а Марк, что дважды. Поскольку же Марк писал свое Евангелие со слов Петра, то, по крайней мере в этом случае, его свидетельство предпочтительнее.

² Св. Ефрем Сирийский. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 298.

ная слюна уже летит в лицо Иисуса, сыпятся на голову удары кулаков, свистят пощечины, как будто расправляются с последним негодяем. Но и этого мало: сейчас мы покажем этому «ясновидцу»! — и начинается зло-буффонная игра: лицо Его закрывают покрывалом, сильно бьют и, давась от смеха, требуют: «Прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?» (Мф. 26:68). В таких диких забавах прошло два-три часа до утра, когда, хотя бы формально исполняя диктуемый законом судебный порядок¹, вновь собрался синедрион, на этот раз, скорее всего, в привычном месте — зале заседаний при Храме, чтобы подтвердить ночной приговор Иисусу. И после того «поднялось все множество их, и повели Его к Пилату» (Лк. 23:1), римскому прокуратору, — только он мог окончательно утвердить приговор к смертной казни и дать ход финальной развязке.

Но еще до суда Пилата св. Матфей открывает нам последний акт мрачной трагедии апостола-предателя. «Тогда Иуда, предавший Его, увидел, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Мф. 27:3-5). Впечатляюще лаконичный рассказ евангелиста дополняется еще одной версией конца Иуды: «Когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его» (Деян. 1:18); так, впрочем, могло произойти, если сук, на котором он повесился, сломался, и Иуда с силой ударился о землю. Раскаяние Иуды идет сразу же вслед за горькими рыданиями Петра, и оба эти самоосуждения явно ставятся в определенную параллель, которая обнаруживается с полной очевидностью, если продлить ее до конца жизни двух апостолов. Мы уже писали о слезном сокрушении Петра, непрерывном его покаянии, замаливании своего великого греха вплоть до самой смерти. Вот что полагал св. отец о его конце: «Поелику языком своим отступился и отвергся, то сам себя подверг игу и мышцы свои отдал кресту, так что униженно просил, чтобы распяли его головой, обращенной вниз»², что, по преданию, и было исполне-

¹ По судебному уложению, оправдательный приговор синедриона начинал действовать немедленно, утверждение же обвинительного решения откладывалось на сутки, чтобы судьи могли еще раз взвесить все «за» и «против». В случае с судом над Иисусом интервал между двумя заседаниями составлял всего несколько часов.

² Св. Ефрем Сирин. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 298.

но его мучителями около 57 г. в римской темнице. Пример Петра явил христианский путь очищения и искупления. Иуда же вместо того, чтобы обратиться к Богу и вступить на такой же тяжкий, как Петр, путь, идет к иудейским архиереям, а они грубо, как использованную живую вещь, отталкивают его. Кстати, сами они при этом ни на миг не «очувствовались», не подумали о своей ответственности за «Кровь невинную». Хотя с брошенными им под ноги сребрениками Иуды они поступают весьма брезгливо-осмотрительно: неприлично класть в церковную сокровищницу «цену крови», предательские деньги! — и покупают на них «землю горшечника для погребения странников» (Мф. 27:7), т. е. землю глинистую, непригодную для земледелия, чтобы хоронить в ней тех бедных паломников из других мест и стран, кого настигала в Иерусалиме смерть. Что касается самого Иуды, то он замыкается в себе, погружаясь в ночь истерзанной, безблагодатной души, ночь без просвета и надежды. Где слезы, где рыдания, где молитвы? Черное, сухое отчаяние одевает на горло петлю, выбирает греховный самоубийственный конец, любезный лишь врагу Жизни и Бога.

СУД ПИЛАТА

пятница 7 апреля 30 г.

Мф. 27:11-26. Мк. 15:1-15.

Лк. 23:2-25. Ин. 18:28-40; 19:1-16

Понтий Пилат¹, пятый по счету римский наместник Иудеи, правил в подчиненной ему имперской провинции десять лет, начиная с 26 г. Он оставил по себе репутацию несправедливого, крайне жестокого, надменного человека, презиравшего подвластный ему народ, его религиозные установления и обычаи, его национальный характер. Рассказ о серьезных конфликтах наместника с галилеянами, самарянами, иудеями, его кровавых с ними расправах оставили историки, и прежде всего Иосиф Флавий в «Иудейских древностях». Да и в Евангелии есть свидетельство такого же рода, относящееся примерно к 28 г.: «В это время

¹ Его прозвище Пилат (от лат. pilatus — вооруженный дротиком) указывало на воинственный, боевой «ген» мужчин этой римской семьи всадников.

пришли некоторые и рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их» (Лк. 13:1). За аналогичное злодеяние, когда в 36 г. прокуратор распорядился избить самарян в их храме на священной горе Гаризим, он, по жалобе потерпевших вышестоящему римскому начальству, а именно — легату Сирии, был смещен, сослан в Галлию, где, согласно церковному историку Евсевию, покончил с собой, не выдержав угрызений совести и своего жалкого положения. Так бесславно завершил земные дни тот, кто последним приложил свои холеные руки (как бы демонстративно он их ни умывал) к поруганию и распятию Спасителя.

Постоянная резиденция игемона находилась в Кесарии Филипповой, в Иерусалим же он наведывался для сборов податей, решая тогда и накопившиеся судебные дела, а также во время больших религиозных праздников, когда вследствие колоссального стечения народа и особого его патриотического возбуждения можно было ожидать каких-либо волнений или беспорядков. Останавливался он вместе со своими воинами в специальной резиденции — претории, что находилась, скорее всего, в крепости Антония¹, расположенной выше Храма и соприкасавшейся одной стороной с его стенами. С храмовой площади в эту огромную четырехугольную крепость с башнями, защитными сооружениями, роскошными палатами вела двойная широкая лестница.

Большая депутация синедриона в сопровождении набранной для пущего впечатления толпы народа подошла вместе со связанным Иисусом к претории, но внутрь никто из них не зашел — «чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху» (Ин. 18:28). По иудейским законам, побывавший в доме язычника «заражался» нечистотой на целую неделю, а тут еще был особый день накануне пасхальной ночи. Пилат сам вышел к ним. Он уже был предуведомлен об Иисусе, недаром в Его задержании участвовал римский отряд. Тут же прокуратор впервые увидел Его. Пилату не мог сразу же не броситься в глаза разительный контраст между злобно наэлектризованной толпой иудеев, жаждущих убийства, но при этом суеверно оберегающих себя от нарушения мельчайших законнических предписаний, и Этим Человеком, сохранявшим какое-то высшее досто-

¹ Некоторые историки полагают, что Пилат мог останавливаться и в другом месте — в поражавшем своей архитектурной пышностью и роскошным убранством дворце Ирода, расположенном к юго-западу от храмовой горы.

инство и удивительную кротость, несмотря на следы грубого над Ним измывательства. К тому же учтите, что Богочеловек производил необыкновенное впечатление на всех самым Своим обликом¹ и, похоже, чем-то пронзил загрубелое сердце римского прокуратора.

«В чем вы обвиняете Человека Этого?» (Ин. 18:29) — вопрос Пилата прозвучал с явным неудовольствием и неприятием того, чего — как он знал — хотели от него иудеи: быстрого и формального одобрения готового приговора. «Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе» (Ин. 18:30), — иудеи пытаются отделаться дерзко-самоуверенным нажимом. Но не так просто сломить гордого римлянина: ну что ж, раз вы так уверены в себе, то «возьмите Его вы и по закону вашему судите Его» (Ин. 18:31). Деваться некуда — приходится сознаться, что без его санкции не исполнить желаемого, да еще руками римской власти, да еще и самым позорным способом: «Нам не позволено предавать смерти никого» (Ин. 18:31). Как приходится тут же придумывать несколько обвинений, причем совсем не тех, что послужили решающими доводами для решения синедриона: «Мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем» (Лк. 23:2). Хитрые иудеи выдвигают новые моменты, специально для языческого правителя: «развращает народ» (букв. в оригинале — *возмущает*, ясное дело, к беспорядкам) и подстрекает

¹ Существует одно уникальное свидетельство этого. И самое удивительное, что принадлежит оно римлянину. Речь идет о письме администратора Иудеи Публия Лентула императору, обнаруженном в одном из древних хранилищ Рима, в библиотеке лазаристов (подлинность его не подвергается сомнению). Судя по содержанию, оно относится ко времени жизни и служения Иисуса. «Об этом муже ежедневно слышны чудеснейшие дела. Он воскрешает мертвых, исцеляет больных. Он среднего роста; добродушного, но в то же время царственного вида. Волоса на голове цвета зрелых греческих орехов, ниже плеч — они блестяще светлого цвета. Пробор он носит посредине по обычаю жителей Назарета. Борода одинакового с волосами цвета, курчавая, не особенно длинная и посредине разделяющаяся. Взор Его строг и такой силы, как луч солнца: никто не в состоянии твердо смотреть Ему в глаза. Говорят, что никто не видел Его смеющимся, но зато часто плачущим. Он появляется и выступает чрезвычайно скромно; при этом осанка Его величественна. Он ходит босым, с непокрытой головой. Говорят, что такого Мужа никогда не видали в той стране. Злые евреи стараются причинить Ему всякие неприятности.

Его мать — красивейшая женщина, когда-либо виденная в этой стране. Многие говорят, что Он — Бог, другие, что Он, о цезарь! — твой враг» (цит. по: Вега. Апокрифические сказания о Христе. Книга Никодима. СПб. 1912. С. 33).

ет к отказу от уплаты налогов — все по ведомству Понтия Пилата. Явно лепилось дело о политическом смутьяне, опасном для империи.

Тут уж пришлось прокуратору вернуться в преторию, взяв с собой арестованного на допрос. И спросил он Его вовсе не по поводу первых двух пунктов, явно притянутых за уши исключительно для него (это Пилат чуял), а по поводу подзатесавшегося «Христа Царя»: «Ты Царь Иудейский?» Иисус поинтересовался, от кого это он спрашивает, от себя или со слов других. «Разве я Иудей? — ответил игемон со смесью презрения и отвращения к расе, с коей имел дело по долгу службы. — Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал?» (Ин. 18:35). Только св. Иоанн¹ передает подробности этого не столько допроса, сколько разговора двоих: *одного*, представителя величайшей и могущественнейшей империи — и его, и ее ждала обычная судьба всех преходящих земных существ и вещей, и *Другого*, в облике измученного, молчаливо-кроткого узника, неузнанного и непризнанного Держателя самой Вселенной и вечности. И вот звучат загадочные слова: «ЦАРСТВО МОЕ НЕ ОТ МИРА СЕГО» — напроочь отметают они образ социального бунтаря и самозванца, что так примитивно внушался обвинениями иудеев. «Если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18:36). Да, разрыв еще настолько велик между Христовым Царством неприродного бессмертного порядка бытия и тем, что существует на земле в своем послегрехопадном качестве, что Самого Божественного Благовестника этого Царствия ныне готовят предать позорной казни. Воистину, Царство Его *не отсюда*. Но слово *Царство* все же звучит — Понтий Пилат понимает, что перед ним разве что высокий религиозный мечтатель, но все же повторяет: «Итак, Ты Царь?». «Ты говоришь, что Я Царь», — ответил Иисус обычным оборотом на Востоке, означающим «да», и тут же уточнил смысл Своего свышнего царского посланничества в мир: «Я НА ТО РОДИЛСЯ И НА ТО ПРИШЕЛ В МИР, ЧТОБЫ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ ОБ ИСТИНЕ; ВСЯКИЙ, КТО ОТ ИСТИНЫ,

¹ Из всех апостолов Иоанн был в эти часы ближе всего к месту события. Детали разговора могли быть переданы свидетелями: кем-то из слуг или солдат.

СЛУШАЕТ ГЛАСА МОЕГО» (Ин. 18:37). Но перед Ним сидел усталый, с отягощенной совестью и жестким сердцем языческий правитель; где было ему вздрогнуть от этих слов, загореться душой и глазами и, как самарянка, немедленно попросить себе этой истины?! Он лишь недоуменно развел руками, как то сделал бы любой римский скептик: «Что есть истина?» (Ин. 18:38).

Выйдя к иудеям, ожидавшим снаружи, Пилат объявил нечто совершенно для них ошеломительное: «Я никакой вины не нахожу в Нем» (Ин. 18:38). Реакция на это неожиданное препятствие для всех их усилий и планов была бурной: они стали шуметь, убеждать, настаивать на самом, как им казалось, беспроегрышном для дела пункте: «Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места» (Лк. 23:5). Но Пилат, не обратив внимания на главное, что инсинуировали иудеи, уцепился за информацию второстепенную: «Разве Он Галилеянин?» (Лк. 23:6). И мгновенно сообразил, каким хитрым манером можно избавиться от неприятного, навязываемого ему решения: отправить задержанного к тетрарху Галилеи Ироду Антипе, который по поводу праздника тоже находился в столице. Пусть он и разбирается, и берет на себя ответственность! А заодно можно будет тем польстить Ироду и поправить с ним отношения.

И вскоре Иисус уже стоял перед убийцей Иоанна Крестителя. «Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо» (Лк. 23:8). Сколько раз галилейский тетрарх за последние три года приказывал найти и привести к нему этого проповедника и чудотворца, а тот только дальше от него скрывался! И вот наконец его желание осуществилось, и как почетно — с подачи всесильного игемона! Но Иисус не только не развлек Ирода Антипу каким-либо чудом, но не удостоил ни единым словом ответа его многочисленные вопросы. Вокруг же стояли и все пришедшие с Ним первосвященники и книжники «и усиленно обвиняли Его» (Лк. 23:10). Долго продолжаться такая странная сцена не могла: галдеж обвинителей, домогания правителя и абсолютное молчание Обвиняемого. Досада и уязвленное самолюбие галилейского царька прикрылись насмешками и издевательством над бессильным «лжемессией», он приказал одеть его «в светлую одежду» (Лк. 23:11), как шутовского престолонаследника, и отослал Его назад к Пилату. «И сделались в тот день Пилат и Ирод

друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом» (Лк. 23:12)¹.

И вновь собрав иудейских начальников и народ, Пилат во второй раз взошел на лифостротон (по-арамейски, гаввафа), возвышенную площадку перед домом, выложенную мрамором и разноцветной мозаикой, где находилось судейское место и откуда прокуратор обращался к народу, и объявил оттуда: «Вы привели ко мне Человека Этого, как развращающего народ; и вот, я при вас исследовал и не нашел Человека Этого виновным ни в чем том, в чем вы обвиняете Его; и Ирод также: ибо я послал Его к нему, и ничего не найдено в Нем достойного смерти; итак, наказав Его, отпущу» (Лк. 23:14-16). И вновь поднялся шквал обвинений со стороны первосвященников и старейшин. Тогда Пилат обратился к Самому Иисусу: «Не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя?» (Мф. 27:13). Но Тот продолжал безмолвствовать — ни слова самозащиты, ни движения возмущения и гнева, «так что правитель весьма дивился» (Мф. 27:14).

Казалось, Пилат твердо установился во мнении, что предадут священники иудейские своего пророка на смерть «из зависти» (Мф. 27:18), и начал действовать решительно. Вынесенный им приговор: наказать, т. е. предать бичеванию, публичному позору и такого, обесславленного перед всеми, отпустить, утолив тем самым и месть начальников синагоги, вроде бы звучал как окончательный и единственно возможный. Но так ли было на самом деле? Конечно, все его симпатии были на стороне молчаливого, загадочного узника, гонители же Его, так давившие на волю прокуратора, явно стремившиеся соделать его орудием исполнения их фанатичной, кровавой цели, были ему ненавистны и отвратительны. Но как бы тут не зарваться, не пойти на поводу у невольных чувств? Ведь уже не раз на него жаловались кесарю обиженные иудеи, до сих пор удавалось эти кляузы заминать, но кто знает, как обернется на этот раз — уж очень распалены старейшины и священники и такую грубую демагогию разводят! В глубине души Пилат продолжал колебаться и все искал некоего варианта, который мог бы решить дело

¹ Этот евангельский эпизод приведен только у св. Луки. Скорее всего, как уроженец Антиохии, он мог узнать о нем от Манаила, «совоспитанника Ирода четвертовластника», сына его кормилицы, который принял христианство и был среди «пророков и учителей» Антиохийской Церкви (Деян. 13:1). Кстати, «Деяния Апостолов» объявлялись ее автором, св. Лукой, следующей книгой после его Евангелия (Деян. 1:1).

без скандала. Ну конечно же, вот прекрасный выход — мелькнуло в голове прокуратора и тут же вылилось в слова, обращенные к толпе: «Есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху: хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?» (Ин. 18:39).

В это время в темнице уже ожидали креста трое осужденных, в том числе и «известный узник, называемый Варавва» (Мф. 27:16). Св. Иоанн аттестует его просто «разбойником», а св. Марк уточняет: он и его сообщники «во время мятежа сделали убийство» (Мк. 15:7). То же и у св. Луки: «Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство» (Лк. 23:19). Так что, скорее всего, он был из зилотов, тех фанатичных ревнителев иудейской веры, которые призывали к отказу от уплаты налогов римлянам, действительно, возбуждали народ к восстанию против поработителей и жестоко расправлялись со своими противниками даже из иудейской среды. Как видим, Иисусу злостно приписывались многие их грехи.

По Матфею, Пилат прямо поставил иудеев перед выбором: «Кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву¹ или Иисуса, называемого Христом?» (Мф. 27:17). По Марку, прокуратор откровенно подталкивал их к предпочтению Христа: «Хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?» (Мк. 15:9). В ответ народ под воздействием первосвященников и старейшин, как утверждают св. Матфей и св. Марк, дружно закричал: «Не Его, но Варавву» (Ин. 18:40). Но Пилат еще уступать не хотел. Тем более, что пока «сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне² много пострадала за Него» (Мф. 27:19). Такое предупреждение сильно воздействовало на Пилата: как все римляне, он верил в сны. Весы его внутренних сомнений еще сильнее качнулись в сторону Иисуса, и он продолжал упорствовать, еще раз спросив иудеев: «Кого из двух хотите,

¹ Кстати, в древних рукописях этого Евангелия Варавва также носил имя Иисус, и это совпадение отметил еще Ориген.

² Жена Пилата, по преданию, тайная ученица Христа, известна как Прокла или Клавдия Прокула. Греческая Церковь считает ее святой (память ее празднуется 27 октября по старому стилю). Апокрифические «Деяния Пилата» рассказывают об исцелении Клавдии Иисусом от серьезной болезни, грозившей ей смертью. В другом апокрифе «Письма жены Пилата к подруге» рассказывается о деталях ее сна: ей явился Иисус Христос в блеске Божественной славы в день суда, и она видела среди осужденных и отправленных в огонь вечный и тьму кромешную тех иудеев, кто домогался от ее супруга согласия на казнь Иисуса.

чтоб я отпустил вам?» (Мф. 27:21). И вновь громогласно прозвучало имя Вараввы. «Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят! Правитель сказал: какое же зло сделал он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят!» (Мф. 27:22-23). Намерения иудеев, наконец, были высказаны с полной откровенностью: им не только нужна была его санкция на смертный приговор, они страстно желали для Иисуса позорнейшей казни, какой не было у них самих (по закону, приговоренного можно было либо побить камнями, либо удушить).

Уступив толпе, прокуратор отпускает Варавву¹, но пытается еще спасти и Иисуса, сделав по-своему: «Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его» (Ин. 19:1). Бичевание обычно применялось или как отдельное наказание, или как предварение к казни — поначалу Пилат надеялся ограничиться первым. Перед бичеванием несчастного раздевали донага и в согнутом положении привязывали к низкому столбу. Истязание было самым варварским, производилось оно особым свитым из кожи или веревок с узлами бичом (*flagellum*), в который вплетались шарики и кусочки свинца, железа, костей. При ударе такой бич рассекал кожу до костей, рвал мясо, нервы и жилы и часто приводил к обморокам и смерти наказуемого.

Но такой страшной экзекуцией не закончилось измывательство над Спасителем. Солдаты Пилата, набранные в основном из самарян, греков, сирийцев, питавших особую ненависть к иудеям, выместили на Иисусе всю свою злобу, придумав себе издевательски-карнавальную потеху. Его обрядили в старый красный солдатский плащ («багряницу поругания») — шутовской царский пурпур, на голову вместо короны или лаврового венка водрузили венец из терна, колючки которого тут же впились в кожу головы, в руку вместо скипетра вручили трость, и начался чин скоморошьего величания-развенчания: плевали в лицо, били по щекам и тростью по голове, кланялись, становились на колени, «насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Мф. 27:29). Как поет

¹ Предпочтение Вараввы Иисусу оказалось для сынов Израиля зловеще-символическим: ведь именно зилоты и поднятые ими мятежи станут причиной разрушения римлянами Храма и Иерусалима, огромных человеческих жертв и рассеяния еврейского племени. Рассматривая выбор иудеями разбойника вместо Спасителя, некоторые толкователи, в частности Амвросий Медиоланский, доходили до мысли, что это служит своего рода предзнаменованием того, что и в апокалиптические времена иудеи предпочтут антихриста.

Церковь, бесконечно сострадая Спасителю и участь Его безмерной кротости перед лицом изощренной людской злобы: «Его же проповеда агнца Исаиа, грядет на заклание вольное, и плечи дает на раны, ланиты на заушение, лица же не отврати от срамоты заплеваний, смертью же безобразною осуждается: вся Безгрешный волюю приемлет, да всем дарует из мертвых воскресение».

Пилату доложили, что наказание кончилось, и он вновь вышел на судейский помост и сказал ожидавшим иудеям: «Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины» (Ин. 19:4). И в этот момент сюда «вышел Иисус в терновом венце и в багрянице» (Ин. 19:5). Вышел истерзанный до предела Человек, неся на Себе безобразные знаки поругания, но откуда из всего Его облика исходило это поистине царское и мученическое благородство, нечеловеческое смирение и таинственная воля? «Се, человек!» — исторглось вдруг из груди Пилата то высшее, на что оказался способен этот желчный, недобрый скептик, дрожащий за свое благополучие правитель. Пятый прокуратор Иудеи запечатлен в веках прежде всего двумя вещами: *словом* и *жестом*, прекрасным словом свидетельства о Человеке в высшем его смысле и позорным жестом, вставшим в противоречие с этим словом, речь о котором еще впереди.

Но толпа, распаленная до крайности своими начальниками, не слышала и не понимала слов прокуратора, уже в азарте кровавой охоты — не упустить жертву! — буквально взревела: «Распни, распни Его!» (Ин. 19:6). И тогда в крайнем раздражении Пилат воскликнул: «Возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в Нем вины» (Ин. 19:6). Но иудеи не отступали, они чувствовали внутреннюю слабость римского правителя, знали, что он боится их козней и жалоб и не поступится своим спокойствием даже ради Этого, пронзившего его Человека. И наконец вышло на свет истинное их обвинение Иисуса: «Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим» (Ин. 19:7). «Сын Божий!» — суеверная дрожь прошла сквозь душу Пилата: что это еще такое? Промелькнуло и сонное предзнаменование жены, и эта столь ему несвойственная размягченность и даже трепет перед этим таинственным Галилеянином. Одним евангельским словом, вдруг «больше убоялся» (Ин. 19:8) Пилат, убоялся на миг не этих настырных иудеев, готовых на бесконечные кляузы, не кесаря и его немилости, а чего-то высшего, в чьей власти все: земля и небо, люди и животные, жизнь и смерть.

И вновь оставив иудеев снаружи, вошел в преторию, приказав ввести туда Иисуса, и на этот раз спросил Его так, как будто не знал о Нем ничего и был готов услышать самое невероятное: «Откуда Ты?» (Ин. 19:9). Но Иисус продолжал молчать, и это молчание (нечего сказать, вот и молчит!) вернуло земному владыке обычную его трезвость и самоуверенность: чего это вдруг он испугался этого пленника, что за наваждение? — и стыдясь самого себя, заговорил особенно грозно: «Мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?» (Ин. 19:10). То, как ответил ему Христос: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе» (Ин. 19:11), — должно было покорить совесть Пилата: он никогда бы в этом не признался, но в глубине души чувствовал несравненное превосходство этого Человека над всеми и над ним самим и полную правоту Его последних слов. Внутренние сомнения и борьба как будто прекратились — «с этого времени Пилат искал отпустить Его» (Ин. 19:12).

Наступал последний решительный момент противостояния прокуратора и иудеев. На его «отпускаю» возник такой аргумент, против которого Пилат устоять уже не мог в данной своей природе и данных обстоятельствах — иначе было бы лишь при истинном его перерождении! Убеждающие речи начальников иудейских перешли в крик, таивший примитивную, но убойную угрозу: «Если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Ин. 19:12). Прокуратор был сломлен, но еще как бы по инерции прежнего своего решения он вывел Иисуса, поставил рядом с собой на судейском помосте и сказал иудеям: «Се, Царь ваш!» (Ин. 19:14). «Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря» (Ин. 19:15). Всё! — хитроумная расчетливость иудеев, упорная демагогия, знание простых, но могущественных пружин, двигавших, в конечном счете, прокуратором, *средним* человеком своей эпохи, решили дело.

Последнее, что позволил себе, так сказать, для спасения лица Пилат, был тот самый позорный жест: «Взял воды и умыл руки пред народом и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» (Мф. 27:24). И тогда в губительном ослеплении, коллективном разгоряченном азарте прозвучал безумный, страшный вызов: «И отвечая весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27:25).

ГОЛГОФА
пятница 7 апреля
12-3 часа дня

*Мф. 27: 31-56. Мк. 15: 20-41.
Лк. 23: 26-49. Ин. 19: 16-30*

Ев. Иоанн отмечает точный час, когда прокуратор предал, наконец, Иисуса на распятие: «Тогда была пятница пред Пасхою и час шестой» (Ин. 19:14), т. е. полдень. Это указание кажется более верным, чем свидетельство св. Марка о том, что был час третий, т. е. девять утра. Такая быстрота действия, включившего и утреннее заседание синедриона, и суд Пилата, и визит к Ироду Антипе, и бичевание Иисуса, и окончательный приговор прокуратора, представляется менее вероятной. Вся мучительная круговерть в душе Пилата, смены коллизий, борьба за спасение Иисуса и внутреннее поражение прокуратора продолжались не менее трех часов. Наконец, Иисус был им предан на «высшее мучение», по мнению самих римлян, — на распятие, казнь, перенятую Римом у Карфагена после пунических войн. Она считалась столь чудовищно жестокой, что в республиканскую эпоху ее применяли лишь против рабов, — правда, во времена империи распространили и на собственных граждан, но только из низов общества. На распятие осуждали за самые тяжкие преступления: убийство, разбой, в том числе и за мятеж против власти, а также подготовку или подстрекательство к нему. Выходит, что Иисус был приговорен по римскому закону к распятию как политический бунтарь, возмутитель общественного спокойствия.

Перед тем как вести Иисуса к месту казни, Ему вернули его одежды, сняв шутовскую, «ложную багряницу», как звучит на службе Великого Пятка. Единственное, что Ему оставили из Его издевательски-потешного наряда, был, по древнему преданию, передаваемому Оригеном и Тертуллианом, терновый венец, в котором Он и был распят. Так или иначе, но терновый венец, как символ искупительных страданий Христа, «раз на него возложенный», по слову Оригена, действительно никогда не был с Него снят.

Команда римских солдат во главе с сотником сопровождала трех осужденных — Иисуса и двух разбойников — от претории до Гол-

гофы¹, возвышенного места за городскими воротами к северо-западу от Иерусалима. Каждый, как и полагалось, нес свой наскоро сбитый крест и особую дощечку (*titulum*), на которой обозначалась вина. Скорее всего, она висела на груди. Для Иисуса, по приказанию Пилата, на ней написали на трех языках: арамейском, греческом и латинском: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». Позже, когда Иисус уже будет распят, эту надпись на доске, прибитой на кресте над Его головой, прочтут «многие из иудеев» (Ин. 19:20). Из-за нее и произошло последнее столкновение первосвященников с прокуратором: иудеи требовали, чтобы он приказал написать иначе, не в форме положительного утверждения (они верно это поняли как финальную им каверзу), а так: «Он говорил: “Я Царь Иудейский”» (Ин. 19:21), что значило совсем иное — самозванец! Но уж хотя бы тут, в этой, вроде бы, детали, но весьма принципиальной, Пилат отыгрался на сломивших его волю начальниках иудейских, оставшись непреклонен: «Что я написал, то написал» (Ин. 19:22).

На пути к Голгофе Иисусу явно уже не хватало сил донести крест до места — сказалось физическое и душевное изнеможение последних суток. «И заставили проходящего некоего Киринеянина Симона, отца Александра и Руфова, идущего с поля, нести крест Его» (Мк. 15:21). Такую, самую полную среди других синоптиков, аттестацию дает ему св. Марк: речь идет о переселенце из северо-африканского, ливийского города Кирены, расположенного к западу от Египта, где была большая еврейская колония. Упоминаемые здесь дети его, скорее всего, были известны св. Марку как одни из первохристиан. Одного из них нередко отождествляют с тем Руфом, «избранным в Господе», учеником апостола Павла, которого он упоминает в своем Послании к Римлянам (Рим. 16:13). Несомненно, рассказы Симона Киринеянина, сопровождавшего Господа до Голгофы и, скорее всего, остававшегося там во время распятия, стали одним из документальных источников сведений о

¹ Название Голгофа (по-арамейски: череп или лобное место) объясняли несколькими обстоятельствами: и конфигурация пространства несколько напоминала череп, да и как место казни содержало оно немало черепов, и наконец, по преданию, именно здесь Мелхиседек захоронил череп Адама (отсюда и изображение на иконах у подножия креста черепа с двумя скрещенными костями, как бы ожидающих искупительного и воскресительного орошения кровью Нового Адама).

поведении и словах Иисуса на кресте, что вошли позднее в устное предание и сохранились в Евангелиях.

Только св. Лука нарисовал картину последнего скорбного шествия Иисуса. «И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем» (Лк. 23:27). Особенно выделены в своей искренней скорби женщины — вообще, чем ближе к Распятию, тем поразительнее ведут себя именно они, хоть как-то спасая лицо народа, которому Иисус явил столько сверхчеловеческой мудрости и чудесных дел: «Немощнейший пол явился тогда наиболее мужественным» (Свт. Иоанн Златоуст). Именно им напоследок раскрыл Спаситель Свои, столь упорно до того молчавшие, уста: «Дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших; ибо приходят дни, в которые скажут: “блаженны неплодные и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!” Тогда начнут говорить горам: “падите на нас!” и холмам: “покройте нас!” Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» (Лк. 23:28-31). Так в Своей последней земной речи, обращенной к толпе, Иисус вновь изрек пророчество о скорой гибели Иерусалима, о тех временах, когда духовные потомки и собратья пощаженного иудеями Вараввы обрекут столицу на невиданные бедствия, когда обезумевшая от голода и отчаяния иудейская мать окажется способной убить и съесть своего ребенка, когда реки крови затопят высшую святыню — Храм, а жители города десятками тысяч повиснут вдоль дорог на крестных столбах позора.

Но пока такой столб ждал на Голгофе «зеленеющее дерево», Самого Богочеловека, отвергнутого и преданного иудеями, тем самым обрекшими себя стать сухим хворостом метафизической истории мира. Евангелисты более чем сдержанны в обрисовке момента казни: «Там распяли Его и с Ним двух других по ту и по другую сторону, а посередине Иисуса» (Ин. 19:18). Но что значит «распяли», если представить себе это во всей страшной конкретности? Осужденного или гвоздили к кресту на земле, а затем поднимали и устанавливали крест, или сначала укрепляли крест, а затем поднимали на него казнимого при помощи веревок и лестницы. Кроме перекладины для рук, крест имел еще обязательный в форме рога брусочек на уровне таза распинаемого, на который его сажали. Без него руки не выдержали бы тяжести тела и неминуемо прорвались бы насквозь. Этот брусочек исчез с креста на иконах, картинах, скульптуре, надо думать, по

соображениям эстетическим. Взамен было придумано — историей не зафиксированное — подножное укрепление (*suppedaneum*), на котором Распинаемый как бы стоит¹. На самом деле осужденного сначала сажали на этот узкий брусок (*sedile*), привязывали руки и ноги веревками, а затем уже вбивали большими гвоздями в перекладины. По древнейшему преданию, Иисус был прибит четырьмя гвоздями, хотя существует мнение, что соединенные Его ноги были забиты одним гвоздем (свт. Григорий Богослов говорит о кресте как о «древе трехгвоздном», так же, начиная с XIII в., изображают Христа на католическом распятии).

Крестная мука плохо поддается описанию: жесткое рогообразное сидище нестерпимо впивалось в плоть, нависшую на нем всей тяжестью, раны от гвоздей воспалялись и гноились, конечности деревенели без всякой возможности хоть на миг переменить неестественно закрепленное положение тела, поднималась мучительная лихорадка, кровь прилиwała к сердцу и голове, застаиваясь там и вызывая безумную тревогу, нестерпимую тоску... Агония продолжалась часами, иногда сутками, так что птицы выклевывали глаза еще живым. Иудеи испытывали дикий, суеверный ужас перед крестной казнью и старались хоть немного смягчить страдания распинаемых: израильские женщины готовили и давали несчастным особый одуряющий, «усыпительный» напиток. Этот момент есть и в Евангелиях: «И давали Ему пить вино со смирною²; но Он не принял» (Мк. 15:23). Отказался от помрачающего голову и притупляющего нервы средства — встретить и пережить самое трагичное, что намеревался Иисус изъять из ткани послегрехопадного бытия, *смерть*, Он должен был в полном сознании, *Лицом к лицу*.

Распинали осужденных в обнаженном виде³. Воинам, сторожившим распятых, доставались их одежды. На Голгофе солдат было четверо, и разодрали они, скорее всего по швам, на четыре части верхнюю одежду Иисуса (таллиф), типа плаща, а вот длинное

¹ См.: С. Соболевский. Суднад Христом и распятие Его с точки зрения истории и археологии // Странник. 1906. № 3. С. 399-414.

² Смирна — благовонная смола типа ладана, считалась одурманивающей.

³ Изображения Иисуса на кресте, известные лишь с VI в. (до того слишком сильно было опасение изображать Господа на столь унижающем орудии казни), из благочестивого уважения сохраняли на Нем длинное с рукавами одеяние, туннику или пурпуровую мантию, которая с VIII века опустилась ниже пояса, обнажив торс, а с эпохи Возрождения уступив место лишь набедренной повязке.

нижнее одеяние, хитон, который был «не сшитый, а весь тканый сверху» — Ин. 19:23 (кстати, именно такие цельные хитоны носили первосвященники), решили разыграть по жребию. Так и свершилось пророчество 21-го мессианского псалма, изображающего, по мнению евангелистов, физические и душевные муки будущего Спасителя: «Делят ризы мои между собою, и об одежде моей бросают жребий» (Пс. 21:19).

Страдания Распятого усугублялись ехидными издевками тех, кто шел в сей час по дороге, расположенной рядом с голгофским холмом: «Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста» (Мф. 27:39-40). То же говорили, насмехаясь, и те «первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями» (Мф. 27:41), которые наблюдали за мучениями обличенного и наказанного ими «лже-мессии»: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти! если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога: пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын» (Мф. 27:42-43). И разбойники — поначалу оба — с двух сторон присоединялись к издевательскому общему хору. И что же Иисус? Св. Лука привел драгоценное Его слово, оброненное с креста в ответ на все, что творили с Ним здесь люди: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Раздираемый пыточным, медленно убивающим орудием, Иисус молился о прощении Своих гонителей и мучителей. Вот она вершина не только Его искупительного долготерпения, но и милосердия ко всем слепым злодеям, «неведующим строения тайны» (свт. Иоанн Златоуст), принимающим за слабость и жалкое поражение то, что явится вскоре началом невиданной победы.

Впрочем, один из персонажей крестной драмы, от кого менее всего можно было ожидать подобной реакции, а именно один из распятых с Иисусом разбойников, начал вдруг унимать своего собрата, злословившего со всеми, повторявшего издевательское понукание Ему сойти с креста: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал» (Лк. 23:40-41). Что же внезапно пронзило этого, столь серьезно заблудшего, человека? Какие впечатления и воспоминания

поднялись в нем? Может быть, и раньше случалось Ему видеть и слышать Иисуса, Проповедника Благой Вести, внимать рассказам о Его чудесах исцелительной помощи людям? Может, и сейчас на этом страшном столбе слух его был поражен невероятной, сверхчеловеческой мольбой Иисуса о прощении мучителям, и кроткое величие Божественного Мученика коснулось его сердца, дало озарение веры в Него? «И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:42-43).

Эпизод поразительный и многозначительный! Выходит, что первый человек, кому Иисус, простив его грехи, дал обетование райского спасения, был... разбойник. Но какой? Да такой, что сам, первым среди людей, в Христе поруганном, страдающем, распятом признал Господа. «Соблазн креста», древа позора и поношения, не был преодолен еще учениками. Как символ возможности искупления радикального зла в человечестве (даже и в последний момент!), как залог милосердия Божия, стремящегося объять и не упустить никого из детей человеческих, запечатлелся этот момент прощения убийцы и злодея. Оттого такое особое место занял в христианских сердцах, на службе Великой Пятницы образ разбойника благоразумного, открывшего эту великую надежду всем: «Господи, Иже разбойника спутника приемый, в крови руце осквернившего, и нас с ним причти, яко Благ и Человеколюбец», «Разбойника благоразумного, во едином часе раеви сподобил еси, Господи, и мене дровом крестным просвети, и спаси мя», «Древом Адам рая бысть изселен, дровом же крестным разбойник в рай вселися».

В некотором отдалении от креста стояли три Марии: Его Пречистая Мать, сестра Ее — Мария Клеопова, Мария Магдалина и с ними единственный присутствовавший при распятии апостол, автор Евангелия, в котором и приводится этот эпизод. «Иисус, увидев Мать и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Женщина! вот сын Твой. Потом говорит ученику: се, Мать твоя! И с этого времени ученик этот взял Ее к себе» (Ин. 19:26-27). Последнее перед агонией обращение Иисуса было к любимому ученику и к Матери, терпевшей неописуемые муки при виде Сына, распростертого на древе крестном — «оружие», о котором пророчествовал еще праведный Симеон при посвящении младенца Иисуса Господу, воистину, прошло Ее душу.

Иисус был на кресте уже более трех часов, от шестого до девятого часа (т. е. с полудня до трех часов), и все синоптики отмечают особое природное явление, приключившееся в это время: «Тьма была по всей земле» (Мф. 27:45), «настала тьма» (Мк. 15:33), «сделалась тьма» (Лк. 23:44). Одно естественное объяснение этому — солнечное затмение — исключается, ибо Пасха приходилась на весеннее полнолуние, а затмение возможно лишь в новолуние; есть и другое: густые черные тучи плотно закрыли солнце, заполонили небо, что происходит при внезапном нашествии ветра *хамсин*. Но сами евангелисты и церковные толкователи видят в этой тьме, внезапно налегшей на эту местность, вышнее знамение, знак неба земле, распинавшей Своего Бога. Та «власть тьмы», о наступлении которой говорил Иисус при взятии Его в Гефсимании, здесь явилась в природно материализованном и одновременно символическом виде.

«В девятом часу возопил Иисус громким голосом: “Элой, Элой! ламма́ савахванí?”, что значит: “Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?”» (Мк. 15:34). Это были начальные строки уже упоминавшегося 21 псалма — так Иисус выразил ужасный момент, который Он сейчас проходил. Гефсиманская духовная мука соединилась здесь с невыносимым физическим раздирающим, предсмертной тоской, чувством богооставленности. Казалось бы, Иисус — на добровольном орудии казни, чему был Он предвечно-промыслительно обречен, впереди — неизбежная победа, славное воскресение! Но все же проход через смерть, через бытийственную катастрофу, разделяющую душу и тело, встает перед Иисусом во всей своей реальности. Более того, этот проход усугубляется особой *невыносимостью* смерти для высшей, безгреховной человечности Христа.

Земной человек в самой своей природе несет смертные начала: его жизнь по сути — более-менее долгий путь к неотвратимому концу, и на этом пути смерть постоянно показывает свои когти: в болезнях, физическом ущербе, неуклонном ослаблении и одряхлении организма, заставляя привыкать к себе. В облагодатствованном человеческом естестве Иисуса не было места этой «внутренней постоянной смерти», как выражался С. Н. Булгаков. И потому «можно сказать, — делает вывод богослов, — что смерть Христова была самой ужасной из всех смертей, ибо она была насильственной и противоестественной: безгреховному человеку вовсе не должно было умирать». Оттого ужас умирания и явился для Иисуса, в Ком «сила

жизни и онтологическая любовь к жизни были больше, чем у всех людей»¹, в такой предельной остроте и мучительной интенсивности. Был миг, когда смертная бездна, куда Он соскальзывал, глянула на Него своими темными, пустыми глазницами, обложила бездонным хаотическим мраком. Стоявшие рядом, плохо разобрав слова Иисуса, услышали в «Элои» — «Илия» и заговорили между собой: «Вот, Илию зовут» (Мк. 15:35). В эту минуту с запекшихся уст Иисуса раздалось уже отчетливо: «ЖАЖДУ» (Ин. 19:28). Один из стражников, пожалев Страдальца, обмакнул губку в кувшин с кислым напитком из уксуса, воды и яиц, который носили с собой солдаты для утоления жажды, и надел ее на стебель иссопа, небольшого кустарника, тут же росшего, протянул к губам Иисуса. Другие же, все еще во власти издевательских чувств, останавливали его: «Постой; посмотрим, придет ли Илия спасти Его» (Мф. 27:49). Как только губка с уксусом освежила на миг жжение нутра Распятого, Он «сказал: СОВЕРШИЛОСЬ!» (Ин. 19:30) — и громко произнес последнее, слова 30 псалма: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46 — Пс. 30:6). И тут же, «преклонив главу, предал дух» (Ин. 19:30).

Внезапной конвульсией ответила природа на момент смерти Спасителя: «И земля потряслась; и камни расселись»; какая-то воскресительная волна прошла по земной поверхности, выкинув из гробов «многие тела усопших святых», которые чуть позднее, как свидетельствует св. Матфей, «по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим» (Мф. 27:51-53). И все синоптики в один голос говорят, что в тот же миг «завеса в храме разодралась надвое, сверху донизу» (Мк. 15:38) — очевидный символ завершения в очах Божьих ветхозаветного служения.

Римский сотник, находившийся при Кресте, пораженный поведением Распятого, Его словами, концом и немедленными природными знаменами, оказался первым, кто сразу же, едва раздался последний вздох Страдальца, исповедал Его как Господа: «Истинно Человек Этот был Сын Божий!» (Мк. 15:39). У св. Матфея за сотником среди обращенных оказались все стражники: «Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину, Он был Сын Божий» (Мф. 27:54). Св. Лука чуть иначе передает слова потрясенно-

¹ Прот. Сергей Булгаков. О чудесах евангельских. С. 95.

го центуриона: «Сотник же, видев происходившее, прославил Бога и сказал: истинно Человек Этот был праведник» (Лк. 23:47). Обобщая смысл обращения сотника при Кресте, Н. Ф. Федоров писал: «Такое преклонение римлянина перед тем, что казалось евреям соблазном, а язычникам безумием, было первым преклонением римского мира перед благодатию креста, задолго до Константина»¹.

Тот же св. Лука говорит о резком переломе в настроении не только сотника, но и других голгофских свидетелей: то, как умер Иисус и как мгновенно на это грозно откликнулась природа, сильно подействовало на них: «И весь народ, шедшийся на это зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь» (Лк. 23:48), в скорби по Тому, Кого они совсем недавно поносили, чувствуя, что произошло для них, взявших на себя и свое потомство кровь Этого Человека, нечто неместимо ужасное.

Голгофа с тремя крестами, двумя поменьше по бокам с разбойниками и одним выше их посредине с Иисусом, опустела, остались пока лишь стража и чуть вдали — кучка женщин, следовавших за Иисусом и служивших Ему еще с Галилеи², как и «других многих, вместе с Ним пришедших в Иерусалим» (Мк. 15:41). Что чувствовали они перед Распятием с уже склонившим голову и испутившим дух Божественным Учителем — Евангелия не передают; об этом лишь догадывается соборное церковное сердце, возглашающее на службе Святого и Великого Пятка и скорбно-недоуменные риторические вопросы: *за что и как такое может быть*, чтобы в багрянице поругания был Сам, одевавший облаками землю, а в терновом венце — ангелов Царь, чтобы висел на древе Тот, кто повесил на водах самое землю; и плач Богородицы, стенание Ее материнской утробы: «Увы Мне, Божественное Чадо, увy Мне, Свете мира; что зашел еси от очию Моею, Агнче Божий?», и вещее понукание Ее Сыну, как перед чудом в Кане Галилейской: «Не терплю зрети Тя неправедно распинаема: потщися убо, востани, яко да вижу и аз Твое из мертвых тридневное воскресение».

¹ Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М. 1995. С. 63.

² Матфей и Марк добавляют к женщинам, перечисленным у Иоанна, еще и Саломию, мать сыновей Зеведеевых. «Мария, мать Иакова меньшого и Иосии» (Мк. 15:40), также упомянутая тут, очевидно, может быть отождествлена с сестрой Матери Иисуса Марией Клеоповой.

**«СМЕРТИЮ СМЕРТЬ
ПОПРАВ...»**

Школа Рублева. Вознесение. Икона. Начало XV в.

ПОГРЕБЕНИЕ

пятница 7 апреля 30 г.

Мф. 27:57-66. Мк. 15:42-47.

Лк. 23:50-56. Ин. 19:31-42

Пятница шла к концу, с заходом солнца начинался субботний покой, совпадавший на этот раз с пасхой. Оставить в такое время тела на кресте — значило бросить тень осквернения на великий день, и иудеи отправились с просьбой к Пилату ускорить смерть осужденных. Для этого существовала специальная операция, носившая название «*crucifragium*», «крестное ломание костей»: молотом перебивали голени распятым, и они, потеряв дополнительную опору, повиснув на руках, быстро задышались. Как в одной этой детали обнаружился характер иудеев, весь формализм их благочестия! «В самом деле, они оказываются совершенно никакого значения не придающими грязным и ужасным беззакониям, а весьма ничтожные мелочи соблюдают с превеликой точностью... Вот убив Христа, они оказывают великое почтение к субботе и, оскорбив Законодателя превышающими слово злодействами, принимают благоговейный вид к закону»¹. Пусть и не так, как будущему св. отцу, но и Пилату была отвратительна благочестиво-законническая мелочность иудеев при хорошо ему знакомых их коварстве и жестокости. Нигде этот букет качеств так зловеще не проявил себя, как в случае с галилейским проповедником! Но противиться их просьбам

¹ Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Ч. 15. Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 11 и 12. Сергиев Посад. 1912. С. 225-226.

такого рода он не мог: не раздражать без нужды подвластное население — таков был принцип римского имперского правления. «Итак, пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним; но, пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, но один из воинов¹ копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин. 19:32-34).

Густым символизмом насыщены эти действия воинов и явившиеся из них эффекты; невольно было исполнено Божье повеление, касающееся пасхального Агнца, прообраза Христа: «Костей ее (пасхи. — С.С.) не сокрушайте» (Исх. 12:46), и мессианское пророчество: «И они воззрят на Него, Которого пронзили» (Зах. 12:10), а истекшие кровь и вода (скорее всего, жидкость из околосердечной сумки, образующаяся при разрыве сердца) стали «как бы образом и неким начатком таинственного благословения (евхаристии) и святого крещения»². Действительно, это истечение крови и воды не было естественным процессом: известно, что сколько ни ранить уже мертвое тело, из него кровь не течет, — так что в данном случае можно говорить об особом божественном знамении. Недаром св. Иоанн, единственный из евангелистов передавший этот эпизод, с таким сугубым нажимом настаивает на достоверности произошедшего: «И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» (Ин. 19:35). Как ярко выразил суть пронзения Иисусова ребра св. Ефрем Сирий: «Из бока Адама исшла смерть³, из бока Господа жизнь... Истекла кровь, искупившая нас из рабства смерти, истекла и вода, дабы все приступающие к спасительной крови Его могли омыть рабство порока, коему были подвержены»⁴. По «Евангелию Никодима», обобщившему легендарные предания первых столетий христианской эры, Иосиф Аримафейский собрал излившуюся из ребра Спасителя кровь, смешанную с водой, — так было поло-

¹ По апокрифическому Евангелию Никодима (не ранее III в.), имя этого воина было Лонгин; иконописная традиция отождествляет его с уверовавшим сотником и изображает в иконах Распятия по одну из сторон креста, рядом со св. Иоанном.

² Свт. Кирилл Александрийский. Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. 11 и 12. С. 227.

³ Имеется в виду Ева, созданная из ребра Адама, через которую вошел соблазн преслушания Господу, падение первой четы человеческой и смерть.

⁴ Св. Ефрем Сирий. Творения. Ч. 8. Толкование на Четвероевангелие. С. 324.

жено основание знаменитому средневековому сказанию о святом Граале, чудодейственной чаше¹ с драгоценной кровью Христа, которую хранили святые рыцари в загадочном храмовом замке в Англии (по другим вариантам — в Испании).

По глубокомысленному толкованию С. Н. Булгакова, произошло «таинственное разделение телесности Христа»: плоть Его, снятая с креста и погребенная, воскресла в новом духовном качестве и была вознесена от земли, а излившаяся кровь и вода, одушевленная часть этой плоти (кровь всегда рассматривалась как «живая душа» тела, а вода — как первичная мировая стихия), «остались в этом мире», пребывают в нем «как таинственная святыня, как сила жизни, огонь преобразования». Так образовалось «динамическое двуединство присутствия человечности Христа на небе (вознесение) и на земле (святой Грааль)»², залог грядущего освящения и преобразования земли.

Согласно иудейским установлениям, тела казненных (в том числе распятых) хоронились в общей могиле, «общей яме», а орудия казни закапывались в землю. Но один из почтенных иудеев, «богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса» (Мф. 27:57), «знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия» (Мк. 15:43), «человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их» (Лк. 23:50-51), «ученик Иисуса, но тайный — из страха от Иудеев» (Ин. 19:38), преодолев страх, о котором пишет четвертый евангелист, преисполнившись решимости и дерзновения, пошел к Пилату и просил у него разрешения «снять Тело Иисуса» и захоронить Его. Пилат очень удивился, что Иисус так быстро умер, и даже призвал сотника, чтобы удостовериться в истине этой вести. Кстати, столь быстрая кончина на мучительном орудии казни могла показаться римлянину еще одним знаком праведности Страдальца и расположения к Нему небес.

Пилат не стал противиться желанию уважаемого члена синедриона, и тот осуществил то, что стало настоящим вызовом его со-

¹ По средневековой легенде, эта чаша была сделана из драгоценного камня, упавшего с неба: его выбил архангел Михаил из короны сатаны в одну из битв с ним. Из этой же чаши Иисус якобы давал пить вино ученикам на Тайной вечере в момент установления Евхаристии.

² Прот. Сергей Булгаков. Святой Грааль // Путь. 1932. № 32. С. 13, 14.

племенникам, убийцам Иисуса¹: он снял Иисуса с креста и отнес Его в прилежавший к Голгофе сад, где была новая, недавно иссеченная в скале гробница (ее Иосиф Аримафейский предназначал для себя). Помогали ему, очевидно, женщины, бывшие при кресте², и другой тайный ученик Христа — Никодим (свидетельство св. Иоанна). Иосиф же купил широкий погребальный плат (плащаницу), а Никодим «принес состав из смирны и алая, литр около ста» (Ин. 19:39), смесь благовонных веществ, задерживающих разложение, да еще в таком количестве, что хватило бы на царское умощение. Над Пречистым Телом Христа был исполнен традиционный иудейский погребальный обряд: Тело обмыли водой, укутали в обильно пропитанную благовониями плащаницу, лицо и голову повязали специальным полотенцем, укрепив его особыми шнурками, произнесли над Ним заупокойные молитвы и, наконец, поместили Тело в гробнице, привалив тяжелый камень ко входу, дабы хищные звери и птицы не смогли растерзать покойного. Св. Лука отмечает, что присутствовали при этом «женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи» (Лк. 23:55), свв. Матфей и Марк говорят конкретно о двух Мариях: Марии Магдалине и Марии Иосиевой (матери Иосии и Иакова меньшого, иначе — Марии Клеоповой, сестре Богоматери), что «сидели против гроба» (Мф. 27:61) и «смотрели, где Его полагали» (Мк. 15:47). Всё делалось споро, без промедления — приближался час захода солнца и с ним время субботнего покоя. Все разошлись по домам, женщины поспешили загодя приготовить благовонный состав, чтобы, как только кончится суббо-

¹ В Евангелии Никодима рассказывается, как иудеи, узнав о поступке Иосифа Аримафейского, немедленно заключили его в «темницу без окон», поставили стражу, пригрозив самой страшной карой: «сейчас мы ничего не можем сделать с тобой, ибо ныне день субботний; мы знаем, что ты не достоин гробницы, но мы предадим твой труп птицам небесным и зверям земным». (Вега. Апокрифические сказания о Христе. Книга Никодима. С. 58). Но оттуда он был чудесным образом освобожден Иисусом, который вознес его над землей и показал Свою гробницу пустой с брошенными плащаницею и головным платом.

² В иконописи женщины, и прежде всего Богоматерь, непосредственно принимают участие и в снятии с креста (икона «Не рыдай Мене, Мати», западная «Пьета»), и в положении во гроб. В последнем случае Иисус изображается лежащим во гробе, перевитый пеленами, как младенец, со свитой же головой, к Его щеке прислоняется щекой Богоматерь, рядом, положив одну руку на Пречистое Тело, а другую к своей щеке находится Мария Магдалина, над ними стоят еще три женщины, одна с поднятыми горё руками, крайним справа стоит Иосиф Аримафейский.

та, уже самим помазать тело дорогого Учителя — хоть так выразить переполнявшие их чувства страдания, скорби и любви.

Но гонители и убийцы Иисуса, «первосвященники и фарисеи», не находили себе покоя и в наступившую великую субботу; вспыхнувшее беспокойство их было так велико, что, преступив заповедь покоя, двинулись они к Пилату с очередной просьбой: «Господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: “после трех дней воскресну”; итак прикажи охранять гроб до третьего дня; чтоб ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: “воскрес из мертвых”; и будет последний обман хуже первого» (Мф. 28:63-64). Выходит, что начальники иудейские чуть ли не лучше учеников раскрыли все Его воскресительные уподобления: и о единственном знамении, которое дастся им, знамении Ионы пророка, три дня бывшего во чреве китовом, как в пасти смерти, и избавленном оттуда силою Божией, и о храме Тела Его, который Он воздвигнет в три дня по Его разрушению... Пилат был раздражен и недоволен. Опять эти иудейские начальники, опять об этом деле, которое и так оставило в душе какой-то странный, тревожный осадок (поскорее бы о нем забыть!), и он тут же высокомерно-холодно отослал от себя иудеев, не желая самому вдаваться в детали и что-то организовывать: «Имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете» (Мф. 27:65). Иудейскому Храму во время больших праздников — во избежание беспорядков — приставляли небольшой отряд солдат из претории («кустодия»). Им и воспользовались первосвященники: «Поставили у гроба стражу и приложили к камню печать» (Ин. 27:66), печать Каиафы. Но эти предостережения, как станет вскоре ясно, лишь послужили еще одним подтверждением истины воскресения.

ЯВЛЕНИЯ ВОСКРЕСШЕГО ГОСПОДА

воскресенье 9 апреля,
воскресенье 16 апреля 30 г.

Мф. 28:1-15. Мк. 16:1-14.

Лк. 24:1-49. Ин. 20:1-29

И вот зашло солнце субботнего дня, может быть, самого мучительного и безнадежного для учеников Иисуса, которые старались держаться вместе, скрываясь в одном из иерусалимских домов. В сохранившемся отрывке «Евангелия от Петра»

(найден в 1886 г.), современного каноническим Евангелиям, первоверховный апостол так описывает состояние учеников в это время: «Я же с товарищами моими печалился, и, сокрушенные духом, мы спрятались, ибо нас разыскивали как злодеев и тех, кто хотел сжечь храм. Из-за этого всего мы постились и сидели, горюя и плача ночь и день до субботы»¹. Воистину, это был момент *бogoоставленности*: все рухнуло, Учитель, в Ком на взлетах веры они видели Мессию и Сына Божьего, оказался беззащитно-кротким в руках иудейских авторитетов, народ от Него отвернулся, Сам Он претерпел гнусные измывательства и позорнейшую казнь, а тех, кого Он готовил в «ловцов человеков» по всей вселенной, сковал страх за собственную жизнь, что рассеял их еще в Гефсиманском саду, не дал приблизиться к Голгофе (один Иоанн да несколько женщин были там), а сейчас держал взаперти в ожидании ареста... Никто из них, в отличие от первосвященников, не вспомнил о таинственном обещании воскресения, которое так пытался внедрить в них Учитель. Во всяком случае очевидно, что никто из них не пребывал в ожидании исполнения этого чудесного обетования. Тогда — при всей тревоге и скорби — совсем другая царила бы среди них атмосфера.

Канонические Евангелия переходят далее к описанию уже раннего воскресного утра, когда ошеломляюще обнаружилось невероятное: исчезновение мертвого Иисуса из гробницы и первые Его явления в новом, воскрешенном облике. Однако христианское предание, литургика, иконопись настаивают еще на одном важном событии, произошедшем в Великую Субботу, когда Тело Господа, обвитое плащаницею, еще покоилось во гробе. Тогда Он, «во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог», «сошел в преисподняя земли» и освободил оттуда Адама и Еву и ветхозаветных праведников, поправ «смертную державу». Как звучит на службе Великой Субботы и в пасхальную седмицу: «Егда снизшел еси к смерти, Животе Бессмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества... спит Живот, и ад трепещет, и Адам от уз разрешается... Днесь ад стена вопиет: разрушился моя власть... жертва моя бысть держава... Аще и во гроб снизшел еси, Бессмертне, но адову разрушил еси силу...».

Первым источником, подробно описавшим это событие, было уже упоминавшееся Евангелие Никодима. В нем приведен рассказ двух воскрешенных сыновей Симеона Богоприимца Карина и Лев-

¹ Апокрифы древних христиан. М. 1989. С. 95.

кия, бывших свидетелями явления Иисуса в «глубины мрака» преисподней. Когда они еще пребывали там, «во тьме и сени смертной», настал момент, когда вдруг озарился ад «золотистым сиянием, подобным солнечному», и разлился царственный свет. Видя это, и Адам, и патриархи, и пророки, и самый их отец Симеон начали восклицать, выражая надежду, что это должен быть Сам «источник света вечного», Сын Божий, грядущий рассеять адскую тьму. И тут появился человек, «походивший на пустытника», — да, это был он, вечный предтеча Христов, предуведомляющий глас Его, с вестью о скором Его явлении к ним. Разворачивается целое диалогизированное драматическое действие: звучат речи Адама и Сифа, идет *тяжелый* разговор сатаны, начальника смерти, с князем преисподних: сатана тщетно умоляет владыку адских мест захватить грядущего сюда Христа, запереть Его в аду, на что князь преисподних исповедует свое бессилие перед Тем, Кто воскресил Лазаря, Кого все здешние силы не смогли удержать, когда раздался с земли божественно-властный глагол: «Лазарь, иди вон!» Тем не менее князь сих мест делает еще жалкие попытки оградиться от Христа: он приказывает «закрыть страшные врата медные, вложить засовы железные», надеясь все же не попасть Ему в плен и сохранить владычество над пребывающими тут. При этом звучит хор праведников, требующих открыть адские врата: «Да войдет в них Царь славы!» И действительно, ослепительно яркий свет озаряет царство смерти, и является через все врата и запоры Сам Христос. Ужас и смятение объемлют князя преисподних, смерть, сатану и всех их «нечестивых приспешников», соединяясь с «боязливой покорностью» и признанием своего поражения: «Ты нас победил!». «Тогда Царь славы, в Своем величии раздавив пятою Своею смерть и овладев сатаною, лишил ада всей его власти и привлек Адама к сиянию Своего Света»¹. Приказав князю преисподних заключить под свою власть, взамен Адама и всех праведников, самого сатану и сотворив над недавними узниками ада крестное знамение, Иисус взял Адама за правую руку и вывел его отсюда вместе со всеми святыми — под хор их славословия Христу как Богу во веки веков, Великому Милостивцу, разрешившему их грехи. Таким образом, вышло, что ветхозаветные праведники исповедали Иисуса как Сына Божия, в то время как на земле живущие тогда иудеи, да и те, кому еще предстояло жить в

¹ Вега. Апокрифические сказания о Христе. Книга Никодима. С. 84.

грядущие столетия, при всем их почитании своих библейских праотцев и пророков, так в большинстве своем и отвергли Его. И вот наконец Иисус передал руку Адама Михаилу Архангелу и ввел всех «в благостную славу рая», где встретили их трое: Енох и пророк Илия, вознесенные в свое время сюда Господом, а также разбойник благоразумный, у кого на плечах виднелись знамения креста. «Ты, оказавший такую милость грешникам и приведший их в райское блаженство, на тучные пастбища Твои, где царит истинная жизнь духовная. Аминь»¹, — такой всеобщей хвалой Освободителю и Спасителю и завершается рассказ сыновей Симеона, которые сами по истечении трех дней Пасхи отошли за Иордан и оттуда были вознесены на небо.

Знаменательно, что в древнерусском храмовом искусстве с XI до конца XVI века, начиная с фресок Софийского собора в Киеве, сама тема Воскресения изображалась как Сошествие во ад. По утверждению Н. С. Лескова, это была любимейшая икона русского народа, византийский канон которой сложился как раз на основании Евангелия Никодима. При том, что существовало несколько изводов этого иконописного сюжета, он дышал единым победоносным и искупительным духом: Иисус, стоящий на поверженных адских вратах, изображался всегда в состоянии порыва с развевающимися складками плаща (спешит совершить главное дело!). Он поднимает из гробов Адама и Еву, выводит их из преисподней в окружении толпы ветхозаветных праотцев, царей, пророков. В псковской иконографии фигура Иисуса обрамлялась овальной мандорлой с изображениями серафимов, символизирующей Славу Спасителя. В более поздних иконах, с конца XV в. возникают изображения адской пещеры, связывания сатаны ангелами, пронзания пиками разнообразных грехов, отмеченных надписями: *гнев*, *смерть* и т. д., шествия воскрешенных праведников с правого бока от темной преисподней... Так зримо разрабатывалось важнейшее богословское умозрение, литургически, на службе Великой Субботы, выраженное стихами: «Во гробе субботствует, новое нам подая субботство». Великий субботоборец (в ветхом смысле дня не-делания и покоя), Иисус и в эту Великую Субботу, канун пасхального Воскресения, открывая новую метафизически-историчес-

¹ Вега. Апокрифические сказания о Христе. Книга Никодима. С. 96.

кую эпоху для самого человечества, подает пример Дела, Дела великого, онтологически-искупительного.

Едва окончился субботний покой, женщины, две Марии, Магдалина и Клеопова, и Саломия, мать Иакова старшего и Иоанна евангелиста, приготовив ароматическую смесь для бальзамирования, отправились в ночи, когда только-только пробивался рассвет воскресного дня, «первого дня недели», по иудейским представлениям, в сад Иосифа Аримафейского, ко гробу Учителя. О том, что там приставлена стража и гроб опечатан, они не знали. По дороге их волновало одно: «Кто отвалит нам камень от двери гроба?» (Мк. 16:3). Как рассказывает св. Матфей, между тем при гробе развернулись поразительные события: «Сделалось великое землетрясение: ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был как молния, и одежда его бела как снег» (Мф. 28:2-3)¹. Страх и трепет пронзили стражников, они пришли в состояние настоящего шока («стали как мертвые» — Мф. 28:4) и только чуть оправились от него, как тут же бежали в город.

Когда же Мария Магдалина, Мария Иаковлева и Саломия подошли к месту погребения Иисуса, они увидели, что камень отвален и никого нет вокруг. Решив, что тело Учителя кто-то похитил или взял, Мария Магдалина немедленно побежала к Петру и Иоанну и сообщила им невероятную, странную весть: «Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его» (Ин. 20:2). В это время другие женщины решились войти в погребальную пещеру и увидели там сидящего по правую сторону пустого гроба «юношу, облеченного в

¹ В канонических Евангелиях сам момент воскресения опущен; это не то что воскрешение Лазаря, здесь только чуть позднее об этом Ангел извещает, да женщины и ученики видят пустой гроб. Зато в «Евангелии от Петра» дана впечатляюще-сверхъестественная картина самого восстания Христа из мертвых, прямыми свидетелями которой стали два стражника, а затем центурион и старейшины, находившиеся также при гробе, но вначале спавшие: раскрываются небеса, оттуда сходят два сияющих мужа, камень перед ними отодвигается сам собой, и они входят в гробницу. И вот «снова увидели выходящих из гробницы трех человек, двоих, поддерживающих одного, и крест, следующий за ними. И головы двоих достигали неба, а у Того, кого вели за руку, голова была выше неба. И они услышали голос с небес: “Возвестил ли ты усопшим?” И был ответ с креста: “Да”» (Апокрифы древних христиан. С. 96). В этом отрывке мы встречаем указание на утверждавшееся представление о схождении Иисуса в ад, которое будет развито в Евангелии Никодима.

белую одежду», вид которого привел их в священный ужас. «Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам» (Мк. 16:5,6-7). Св. Марк, так описывающий этот эпизод, добавляет, что женщины, пришедшие в «трепет и ужас» от таких известий, тут же удалились от гробницы, «и никому ничего не сказали, потому что боялись» (Мк. 16:8).

Между тем уведомленные Марией Магдалиной Петр и Иоанн побежали в сад Иосифа Аримафейского. Иоанн обогнал Петра и первым заглянул в пещеру, «увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб» (Ин. 20:5). Так сильны были страх и внезапное оцепенение перед тем, что он мог увидеть. Но подоспевший порывистый Петр, не раздумывая, вошел внутрь склепа и увидел, что лежит одна плащаница и в стороне от нее — свитый головной платок. Тогда за ним вошел и Иоанн, увидел ту же странную картину «и уверовал» (Ин. 20:8). Во что же уверовал любимый ученик Иисуса? Похоже, пока только в то, что сообщила им Мария Магдалина: тело мертвого Иисуса, действительно, пропало... Впрочем, более чем удивительны были эти аккуратно сложенные пелены и платок! Если кто-то украл тело и унес, то не стал бы он (в спешке, в страхе, что вот-вот проснутся стражники) разворачивать мертвое тело, тем более что пелены пришлось бы отдирать чуть ли не с мясом — так обильно они были умащены, а смирна, входившая в благовонный состав, по выражению блаж. Феофилакта, «не хуже смолы приклеивает пелены к телу»¹. Сам этот факт стал одним из аргументов против распространявшейся иудеями, а позднее — некоторыми критиками христианства, версии о том, что тело Иисуса было украдено, и скорее всего, Его же учениками.

Евангелист Иоанн, рассказывая о тогдашних чувствах своих и Петра, не скрывает: «Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых» (Ин. 20:9). Выходит, что даже самые приближенные к Иисусу апостолы не вместили в себя то, что так настойчиво утверждал Он о Себе в последние полгода перед Голгофой! И сейчас им и в голову не приходит, что пророчество точно сбывается. Во власти горестной растерянности, ощущения

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 546.

своего бессилия: куда подевалось тело Учителя, кто осквернитель, могут ли они, когда им самим грозит опасность, поднимать шум, организовывать поиски?! — ученики возвратились в свое убежище.

Мария Магдалина осталась одна и, наклонившись в пустой гроб, плакала и вдруг увидела перед собой двух ангелов в белом; сидели они один на месте, где прежде покоилась голова Иисуса, другой — где ноги. «И они говорят ей: Женщина! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (Ин. 20:13). И тут же какая-то сила заставила ее обернуться, и она увидела снаружи некоего человека, которого она поначалу приняла за садовника. Тот, как только что ангелы, спросил о причине ее слез и кого она ищет. В Марии вспыхнула слабая надежда — вдруг этот садовник и есть разрешение загадки: «Господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин. 20:15). И тогда человек сказал ей одно только слово: «Мария!» — и это был единственный в мире, самый дорогой, казалось бы, навеки умолкший голос... С криком «Раввун!» («Учитель!») она бросилась к Его ногам. Но Иисус (да, это был Он, но в новом, неузнаваемом виде!) остановил ее: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20:17). Какая удивительно достоверная и таинственная деталь, непосредственно от Марии Магдалины попавшая в христианское предание и писание! «Не прикасайся!» — значит Тело Иисуса в этот момент сразу после воскресения находилось еще в таком состоянии, что его нельзя было трогать — оно было не только какой-то более тонкой, преображенной субстанции (вспомним позднейшее Павлово откровение: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное» — 1 Кор. 15:44), но и находилось еще как бы в процессе *становления* к этому новому качеству («еще не восшел к Отцу Моему»).

Итак, Иисус после воскресения является Марии Магдалине, из которой, как отмечает другой евангелист, Он «изгнал семь бесов» (Мк. 16:9). Из всех окружавших Его людей только о ней рассказывается *такое*, только ее Он так радикально очистил, и от такой нечисти, и вознес к высшей участи — быть рядом с Самим Богом и служить Ему. И ее претворенное естество должно было более других гореть любовью к Учителю, растворяться в благоговении к Нему и пронзиться, может быть, более других Его кон-

цом. Она и получает за свою великую любовь и великую упорную боль избраннейшую награду: удостоивает ее Господь исключительной чести первой видеть и слышать воскресшего Учителя.

Хотя именно с фигурой Марии Магдалины, рисовавшейся в рационалистической критике натурой нервно-возбудимой, чуть ли не страдавшей эпилепсией, и крайне восторженной — вспоминали и семь бесов, и проявления ее чувств при гробе Иисуса, — связывалась довольно распространенная визионерская гипотеза воскресения Христа, в которой этот фундаментальный факт христианства подавался как результат искреннего самообмана: страстно желаемое было принято за действительное. Еще известный языческий критик христианства II в. Цельс писал о «полусумасшедшей женщине», которой восставший из мертвых то ли примерещился, то ли приснился. А Э. Ренан решительно заявлял, что в установлении веры в воскресение «видную роль» сыграла «сильная фантазия Марии Магдалины», так что «страстное чувство галлюцинирующей женщины дало миру воскресшего Бога»¹. Не говоря уже о «блестящей» легкомысленности подобных утверждений (сколько было бы у человечества вселенских богов и мессий, если бы они так легко порождались и укреплялись в массовом сознании!), об их метафизической пошлости и неглубокости, простые факты говорят об обратном: в этот момент совершенно отсутствовала почва для субъективных видений, грез наяву — никто, ни ученики, ни женщины, и не помышляли о возможности воскресения Распятого Учителя, не было ни надежд, ни ожиданий, никакой экзальтированной настройки воображения (та же Мария Магдалина плакала лишь о том, что не знает, куда и кто унес тело Иисуса).

Душевный подъем, потрясение, восторг объемлют Марию Магдалину только после явления ей Христа, и в таком состоянии она и пошла немедленно к ученикам, сидевшим взаперти, «плачущим и рыдающим», «но они, услышавши, что Он жив и она видела Его, — не поверили» (Мк. 16:10,11). Вскоре туда же пришли и другие женщины и начали рассказывать такие же необыкновенные вещи: о явлении им ангела при гробе и словах его. Св. Лука несколько иначе, чем св. Марк, передает то, что случилось с женщинами: «Вдруг предстали пред ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, — сказали им: что вы ищите

¹ Э. Ренан. Жизнь Иисуса. С. 281.

живого между мертвыми?» (Лк. 24:4-5). И далее ангелы возвестили воскресение Иисуса, и более того — прямо обратились к Его свидетельству о Себе. «Вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть» (Лк. 24:6-7). Евангелист, между прочим, отмечает, что женщины сразу вспомнили это пророчество Иисуса, зато когда сейчас они, захлебываясь от волнения и говоря одновременно, стали все это возвещать «одиннадцати и всем прочим» (значит, кроме апостолов, тут были и другие ученики), те не поверили им. Тогда женщины открылись, что и они сами, несмотря на все повеления небесных вестников, сначала боялись и говорить кому-либо о виденном и слышанном (справедливо предвосхищая такое вот недоверие к себе), но по дороге им явился Сам Иисус, приветствовал их словом: «Радуйтесь!» и повторил повеление: «Не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф. 28:10). Но первая реакция учеников на все рассказы женщин была одна: восторженные и чувствительные создания ярко воображают то, чего бы им так хотелось, а то и просто бредят от горя: «И показались им слова их пустыми, и не поверили им» (Лк. 24:11), — ну чем не оценка каких-нибудь будущих цельсов и ренанов!

В это время свои события происходили в священном центре иудейской столицы. Потрясенные стражники тут же от гроба Иисуса явились к тем, кто их туда приставил, и рассказали обо всем случившемся. Первосвященники со старейшинами немедленно собрали закрытое совещание, где приняли решение пойти на подкуп и обман. Логику их действий раскрывает «Евангелие от Петра»: «Ибо лучше, говорили они, нам быть виноватыми в величайшем грехе перед Богом, но не попасть в руки народу иудейскому и не быть побитыми камнями»¹.

Воинов одарили немалыми деньгами и наказали: «Скажите: “Ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали”» (Мф. 28:13). Возможно, что стражники не были собственно римскими солдатами — таковым за сон на посту полагалась смертная казнь. Впрочем, те же первосвященники уверили их: если эта история дойдет до правителя, т. е. Пилата, они сумеют убедить его не преследовать их. И воины, «взявши деньги, поступили, как научены были. И пронес-

¹ Апокрифы древних христиан. С. 96.

лось слово это между Иудеями до сего дня» (Мф. 28:15). Итак, версия о том, что тело Иисуса было украдено учениками во время сна стражи (правда, непонятно, если стражники крепко спали, как они могли знать, кто и как выкрал тело), а потом сами «воры» и распустили слух о Его воскресении, распространилась сразу же после события и была в ходу уже в середине первого века, когда создавалось Евангелие от Матфея. О ее состоятельности поговорим чуть позднее.

О следующем явлении воскресшего Учителя рассказывает св. Лука. В этот же первый воскресный день двое из Христовых приверженцев «шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Еммаус¹, и разговаривали между собою о всех этих событиях» (Лк. 24:13-14). Кто были эти двое? Во всяком случае, не из одиннадцати ближайших, а из других учеников, возможно, из семидесяти апостолов. Далее называется имя одного из них — Клеопа, скорее всего, это был муж двоюродной сестры Богоматери, в определенном смысле — родственник Иисусу по плоти. Предание полагает, что второй был сам будущий евангелист Лука, чем можно объяснить такую *детальность* в передаче этого эпизода.

Рассуждавших между собой эммаусских путников догнал по дороге и присоединился к ним как попутчик некий человек — это был Иисус, сразу объявляет в своем рассказе св. Лука, но тогда «глаза их были удержаны, так что они не узнали Его» (Лк. 24:16). Св. Марк, кратко пересказывая этот же эпизод, прямо говорит, что Иисус был не в знакомом им виде, а «в ином» (Мк. 16:12) — новое подтверждение трансформации повоскресного облика Христа. Многие толкователи полагают, что Он мог по желанию менять Свою внешность и здесь специально не открылся им, чтобы не поразить их сразу настолько, что они потеряли бы способность воспринять то поучение, которое Он хотел им для начала преподать. Иисус подходит к делу, как и в прежние времена, постепенно и осторожно, спрашивая, о чем же они беседуют и почему *так печальны*. Конечно, Ему и так прозрачны их сердца, но Он желает, чтобы они сами, как выражается блаж. Феофилакт, «открыли все свои недоумения, обнаружили свою

¹ Стадия — мера длины, составлявшая 125 римских шагов. 60 стадий можно было пройти за два часа пешего хода. Название Эммаус не дошло до нового времени — предполагают, что находилось это селение к западу от Иерусалима, по направлению к Иоппии (современная Яффа).

рану и потом уже приняли лекарство»¹. Так же Он вел Себя при первом Своем явлении и с Марией Магдалиной, сначала расспросив ее, о чем она плачет и кого ищет. Иисусу было ясно, что Клеопу и Луку терзали глухие сомнения: они так и не поверили рассказам женомироносиц (о которых они, кстати, могли знать из вторых или третьих уст) и пребывали в томительном недоумении. На расспросы незнакомца Клеопа выразил удивление, как это он, хотя, по-видимому, только паломник в Иерусалим, не слышал о главном событии этих дней, что всколыхнуло всех иудеев. Но Иисус продолжил педагогическое испытание и сделал вид, что ничего не знает. Тогда эммаусские путешественники, рассказав неожиданному странному попутчику о пророке Иисусе Назаряине, «сильном в деле и слове пред Богом и всем народом», которого первосвященники и начальники осудили на смерть и распяли, «а мы надеялись-было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло» (Лк. 24:19-21). Вот она точная степень их веры и неверия одновременно, их разочарования и остающейся надежды — ведь недаром упоминается этот третий день, о котором не раз говорил Иисус как о дне Своего восстания из мертвых. И далее пересказывают они с чувством изумления и вместе недоверия о женщинах, свидетельствовавших об «явлении Ангелов», о «некоторых из наших» (как мы помним, это были Петр и Иоанн), что также нашли пустой гроб, «но Его не видели» (Лк. 24:23,24).

И тогда Иисус приступил к раскрытию духовных очей Своих учеников: сначала, как умный и проницательный книжник, Он обращает их, «несмысленных и медлительных сердцем», к пророческим глаголам, к мессианским предсказаниям, в луче которых освещается все произошедшее с их Учителем: «Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании» (Лк. 24:26-27). Толкователи насчитали более трех десятков мест Ветхого завета, которые мог приводить и толковать Иисус Луке и Клеопе, от эпизода испытательного жертвоприношения Авраамом своего сына Исаака (прообраз голгофской вольной жертвы), от пасхальной символики агнца до Божьего обещания Нового Завета и Нового Пастыря людям и пророчеств Исаии о смиренном и униженном Отроке Гос-

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Луки. С. 254.

поднем, претерпевшем гонение и смерть, понесшем на Себе грехи и беззакония мира (где были предсказаны даже детали: «Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого» — Ис. 53:9), и о Его явлении в мир «с силою» и «властью», до многочисленных мессиянских псалмов с таким, к примеру, предвосхищением воскресения: «Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Пс. 15:10)... И глаза учеников стали прозревать глубокий, провиденциальный смысл событий: нельзя было соблазняться уничтожением и страданием Христа-Мессии, вплоть до Его добровольной смерти, ибо они входили в намерение Божественного домостроительства перед Его воскресением и прославлением.

Наконец подошли они к Эммаусу. Иисус «показывал им вид, что хочет идти далее» (Лк. 24:28), т. е. стал, очевидно, прощаться с ними, как бы давая им свободу и проверяя, насколько Он их *зацепил*. Но те стали горячо просить Его остаться с ними: мол, день уже клонится к вечеру и пора отдохнуть, и у них есть такое место, где можно устроить вечерю. «И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его; но Он стал невидим для них» (Лк. 24:30-31). Так же как глаза их были вначале особым произволением Божиим «удержаны», сейчас они наконец разверзлись. И толчком к этому была единственная в мире манера Иисуса благословлять хлеб и преломлять его. Обжигающий момент узнавания — и тут же Иисус исчезает, обнаруживая новые особенности Своей преображенной, воскрешенной телесности: принимать различный вид, становится невидимой, проходить сквозь закрытые двери, как то будет вскоре. И сразу заговорили в радостном возбуждении оба ученика, вспоминая, как горело их сердце, когда они слушали Его изъяснения пророков, уже втайне, полуосознанно предчувствуя, Кто идет с ними. Оставив трапезу, несмотря на вечерний час, они поспешили обратно в Иерусалим к одиннадцати апостолам и *бывшим с ними*.

Ученики Христовы, как мы помним, находились в одном месте, может быть, в той самой сионской горнице, которая приютила их для совершения пасхи. Да, они боялись задержания, суда, казни, прятались от властей, но какие все же чувства преобладали в них? Если только страх, то им, скорее, надо было бы по одному уходить из города или по одному скрываться, а не собираться вместе, так чтобы легче было их взять... Пусть в это скорбное и тревожное вре-

мя вера их и потускнела, а то и вовсе на время надломилась, но не любовь к Иисусу. Их скрепляла общность этой любви, тем более сейчас сильной, что соединялась она с состраданием к поруганному Учителю, с чувством неизмеримого горя и тоски. Но к тому моменту, когда пришли двое из Эммауса, в них уже назревал радостный перелом, они «говорили, что Господь истинно воскрес и явился Симону» (Лк. 24:34), а тут еще Лука и Клеопа со своими поразительными рассказами... Правда, св. Марк в своем кратком перечислении явлений воскресшего Господа указывает, что «и им не поверили» (Мк. 16:13).

Как бы то ни было, ученики возлежали за поздней трапезой и внимали свидетельствам эммаусских путников с чувствами смешанными: надежда и ожидание необыкновенных событий и окончательных уверений росли, но сохранялись и недоверие, и сомнение... И в этот момент перед ними вдруг возник Иисус, «стал посреди и говорит им: мир вам!» (Ин. 20:19). Это традиционное иудейское приветствие, наполненное у Него и прежде расширенным значением, на этот раз несло особенно глубокий, новый смысл. Он впервые явился Своим ученикам в почти полном их составе после совершения Своего искупительного подвига, примирившего человека с Богом, землю с небесами, принесшего мир и внутрь самого человека, — освобождены были наконец, в *онтологическом принципе*, сыны Адама от фатальной власти первородного греха, дьявола и смерти (хотя эмпирическая власть смерти и греха оставалась в мире). Но в первый миг Его явления ученики не столько возликовали, сколько *смутились и испугались*, решив, что «видят духа» (Лк. 24:37), может даже и такого, который, приняв знакомый облик и голос, пришел соблазнить их, как о чем-то подобном — мелькнуло в их головах — и предупреждал не раз дорогой Учитель. Ведь они хорошо помнили, что тщательно заперли все двери, кто же это мог быть, кроме духа? Способность тонкого повоскресного тела Иисуса преодолевать материальные препятствия, ограничения пространства и времени еще не была ими осознана и только-только (как сейчас) познавалась. «Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги» (Лк. 24:38-40) — так удостоверяет Иисус главную истину, истину Своего воскресения: Он не просто является как некий призрак умер-

шего, в нем действительно воссоединилась целостность духа, души и тела. При этом для воскрешения особенно важен именно третий компонент этой целостности: восстановление телесности. Другое дело, что это уже телесность претворенная и прославленная. «Ибо тело Господа, — писал блаж. Феофилакт, опираясь прежде всего на боговдохновенные прозрения ап. Павла, — хотя не было духом, но было “духовно”, то есть чуждо всякой вещественной грубости и управлялось духом. Тело, какое мы ныне имеем, “душевно”, то есть управляется душою и оживотворяется естественными и душевными свойствами и силами. А тело, каким оно будет по воскресении, Павел называет духовным (1 Кор. 15:44), то есть оно оживотворяется и управляется Духом Божиим, а не душою, быв неизреченным и духовным образом пересоздано для нетления и сохраняясь в оном»¹. Тело Иисуса в Своем новом, высшем качестве уже было *над* природными потребностями, в частности — оно не нуждалось в пище, хотя именно в этом эпизоде для уверения учеников, что Он не дух (те «от радости еще не верили и дивились» — Лк. 24:41), Иисус попросил Себе еды: «Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И взяв ел перед ними» (Лк. 24:42-43). Во вкушении воскресшим Господом рыбы и меда можно видеть такое же *нисходящее, кенотическое* чудо, как и в той трапезе из теленка, масла, молока и пресных хлебов, которую ели три Ангела (ветхозаветная Троица) при явлении Их Аврааму у дуба Мамрийского.

И повторил Иисус: «Мир вам!» — тем самым подчеркнув новое, особое наполнение этих слов. «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас» (Ин. 20:21), вновь утвердив Свое было разбежавшееся и растерявшееся стадо в апостольской миссии. «Сказав это, дунул и говорит им: ПРИМИТЕ ДУХА СВЯТОГО. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20:22-23). Дары Духа Святого были обещаны апостолам на другое время: после того, как Христос возвратится к Отцу и пошлет ученикам Утешителя (что и произошло на Пятидесятницу). Пока же это как бы приурочительный акт к будущему всецелому и совершенному приятию Святого Духа, своего рода залог будущей Пятидесятницы. Еще создавая человека из праха земного, Господь «вдунул в лице его дыхание

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Луки. С. 258.

жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7) — так запечатлел Бог Собственные образ и подобие на Своем вершинном творении. Сейчас же, искупив вину падшего ветхого Адама, Христос Своим дуновением как бы запечатлевает на апостолах образ новой твари, которой обещается слава нетления и обожения, дает избранным ученикам то право, которое до того принадлежало лишь Господу: право отпускать грехи. Такое расширение на самих людей Божественной прерогативы — и есть уже начаток их обожения. И православная, и католическая Церкви усматривают в этих словах Спасителя установление таинства покаяния; его совершение здесь возлагается на апостолов, а затем перейдет и к священнослужителям¹.

И хотя это специально не отмечено в Евангелии, Иисус, скорее всего, удалился так же внезапно и чудесно, как и явился среди учеников. Но перелом уже совершился: ликование, вера, подъем поселились в их сердцах. Началась та невероятная метаморфоза, которая превратила горстку простых, малообразованных галилеян, испуганных и отчаявшихся, в страстных исповедников, самоотверженных миссионеров, духовных героев и бесстрашных мучеников, что встали против целого мира, враждебного, сильного, искушенного в своей учености, в своей воле к власти физической и духовной, — и этот мир они вместе со Своим Божественным Учителем сумели религиозно убедить и победить. Без их сугубой уверенности в воскресении Христа такого чуда никак произойти не могло бы. Так же как не могли стать таковыми заведомые обманщики, выкравшие тело Иисуса и распустившие слухи об Его воскресении. Еще Ориген говорил о том, что сознательная ложь никак не могла бы влить такую поразительную твердость, воодушевление и самоотречение в учеников².

Один из учеников, седьмой в списке апостольском, Фома, «называемый Близнец» (что, собственно, и есть перевод имени Фома),

¹ Протестанты отказываются видеть здесь установление таинства покаяния, толкуя это евангельское место расширительно: раз во время явления Христа в комнате находились не только апостолы но и «бывшие с ними» (Лк. 24:33), и Он обращался ко всем, то и возможность прощения грехов дается любому истинному христианину.

² Да и всякого рода вариации версии похищения мертвого Иисуса (украли лишь некоторые ученики, а другие — не подозревали об этом, или это совершил Иосиф Аримафейский, или чуть ли не сами иудейские власти, боявшиеся паломничества ко гробу Иисуса и беспорядков при этом) не выдерживают ни фактической, ни психологической критики.

не присутствовал при вечернем явлении Иисуса. «Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20:25). Прошло восемь дней, закончилось пасхальное празднество, и перед возвращением домой в Галилею ученики вновь были все вместе в доме, скорее всего, в доме матери будущего евангелиста Марка. И вновь так же неожиданно, неизвестно откуда и как — при все тех же закрытых дверях, — возник перед ними Иисус с теми же приветственными словами: «Мир вам!» И тут же обратился к Фоме — явно, он был главным поводом Его последнего иерусалимского посещения учеников. Иисус повторил то, что требовал Фома для уверения в действительности воскресения, но лишь в форме повеления: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои¹; и не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20:27). Вложил ли дотошный ученик перста свои в раны и ребра победившего смерть Учителя — Евангелие умалчивает², возможно, ему оказалось достаточно созерцать Иисуса и слышать Его; известно лишь, что «Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20:28). Обратим внимание, что эти слова Фомы были первым и совершенным исповеданием Христа, произнесенным от апостольской общности после Его воскресения. Оно ставится в определенную параллель с известным исповеданием Петра, за полгода до Голгофы: «Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Мф. 16:16). У Фомы появляется новый, экзистенциально-сердечный момент: *мой*, столь существенный для будущего христианского восчувствия Божественного Ты, укорененного в интимные глубины «я» каждого человека. И бесы «веруют и трепещут», но разве могут они произнести «мой»?!

¹ Здесь возникает, казалось бы, явное противоречие между прославленной, преображенной телесностью Иисуса и возможностью при этом нести на себе раны гвоздиные. А. Дидон так писал об этом: «Между тем это одухотворенное тело сохраняло свои язвы. Они будут достославным и неизгладимым знаком Его борьбы на земле и даже в Царствии Небесном засвидетельствуют о Его победе над грехом и о Его бесконечной любви к человечеству» (А. Дидон. Иисус Христос. СПб. 1891. Т. 1-2. С. 218.).

² Многие церковные толкователи, в том числе такие выдающиеся, как Иоанн Златоуст, Тертуллиан, Кирилл Александрийский, Феофилакт Болгарский, Григорий Великий, полагают, что Фома должен был прикоснуться к ранам Иисуса, другие же, скажем, Августин, считают, что нет.

Да, Иисус сказал Фоме: «Ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29) — и тем самым поставил выше тех, кто пойдет на акт веры, *не видя и не влагая перстов*, как Фома, что, кстати, и станет невозможным после вознесения Христа. Блаж. Феофилакт не совсем согласен с теми, кто «в защиту Фомы предполагал, что он не скоро поверил по своей основательности». Вместе с тем толкователь признает, что апостол «от прикосновения к бедру сделался отличным богословом», исповедав «два естества и одно лице во едином Христе»¹. Действительно, «неверие» Фомы, требующее себе ясных, осязаемых доказательств, имеет и свои сильные стороны. Такой апостольский *скептицизм* — необходимый противовес слепой религиозной экзальтации, могущей не распознать *духов* и соблазниться какой-нибудь ловкой иллюзионистической подменой; из него, как это ясно в случае с Фомой, рождается уже самая неколебимая и экзистенциально-неизымаемая вера («Господь мой и Бог мой!»). Недаром настоящий гимн Фоме воспел свт. Иоанн Златоуст, высоко поставил он «доброе неверие» апостола, важность опытного познания (слышал, видел, осязал!) той истины, которую скоро понесут в мир ученики, истины Воскресшего Богочеловека: «Я приветствую твою недоверчивость, как рассеивающую всякую недоверчивость... Не верь, не верь еще и еще, чтобы я мог поверить тем тверже. Взыскуй Господа и требуй Его присутствия, чтобы, воспользовавшись твоими усилиями и настойчивостью, я мог обнять своего Искупителя». Так «неверие» Фомы, по словам святителя, делается «матерью нашей веры»².

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 553. Кстати, вполне понимающую характеристику Фоме и его «неверию» дал М. Д. Муретов: «Странно предположить, что Фома мог заподозрить в обмане всех своих братьев... внутренне он уже верил радостной вести. Но радость и восторг от этой вести так велики, что невольно выражаются вовне в форме сомнения или желания самолично видеть Господа и тем окончательно удостовериться в действительности радостного события» (М. Д. Муретов. Вопрос Крестителя // Православное обозрение. 1883. Т. 3. С. 428-429). А для Н. Ф. Федорова сомнение Фомы «в этом случае равнозначуще любви, жаждущей видеть и слышать возлюбленного Учителя (или же удостовериться самыми осязательными доказательствами), а любовь “выше веры, выше надежды”, “с верою без любви мы ничто” (1 Кор. 13:2,13)» — Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений в 4 тт. Т. I. М. 1995. С. 228.

² Свт. Иоанн Златоуст. О святом апостоле Фоме // Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 2. С. 870, 871.

ПЕРВЕНЕЦ ИЗ УМЕРШИХ

Прежде чем перейти к завершающим евангельским событиям, остановимся на самой сути новой веры, которая по настоящему явилась в мир с победного воскресения Иисуса. Да, этот капитальный факт победы над смертью и прямо связанное с ним обетование всеобщего воскресения и есть сердцевина христианства, его, если хотите, формообразующий *ген*. Уберите его — и от христианства собственно своего не останется, разве что высокое нравственное учение (но тут конкуренция немалая: от Сократа и Конфуция до Ганди). Оттого так старались противники и критики христианства выбить именно этот *ген* и тем фактически рассыпать на разрозненные куски и обломки единый его организм. Еще эпикурейцы и стоики, приведшие ап. Павла в афинский ареопаг, и находившиеся там просвещенные граждане, поначалу внимавшие было речам апостола о Творце мира, об искании истинного Бога, о покаянии (как же, ничто они так не любили, как «говорить или слушать что-нибудь новое» — Деян. 17:21), едва услышали о воскресении Христа и о воскресении мертвых, тут же презрительно заткнули уши и попросту выгнали проповедника подобной нелепости («одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» — Деян. 17:32). А римский правитель Иудеи Порций Фест, кому тот же апостол Павел пытался говорить о Христе, восставшем из мертвых, дабы «возвестить свет народу Иудейскому и язычникам», негодуяще громким голосом прервал его: «Безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия» (Деян. 26:23,24). Одним разящим словом Павловым: «А МЫ ПРОПОВЕДУЕМ ХРИСТА РАСПЯТОГО, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23). История борьбы с этим «соблазном» и «безумием» идет рядом с историей христианства.

Каких только предположений и теорий не изобрела хотя бы рационалистическая критика Нового времени, чтобы «естественно»-разумно объяснить, а точнее — отместить, раздражавший ее «абсурдный» факт Воскресения Христа!¹ Тут и версия сознательного обмана в многочис-

¹ См. подробнее: прот. Т. Буткевич. Рационалистические гипотезы о воскресении Господа нашего Иисуса Христа. Харьков. 1910.

ленных ее вариациях: то ли Иисуса подменили на кресте другим человеком; то ли подкупили стражников (жена Пилата или влиятельные тайные ученики Распятого), и те сначала дали Ему напиток, ввергший Его в глубокий обморок, а затем не стали раздроблять Его голени, а сотник лишь слегка коснулся копьем ребра; то ли Иисус сделал вид, что умер; то ли действительно умер, но тело Его было похищено из гробницы... Тут и ссылки на женскую экзальтированность, дошедшую до галлюцинаций (визионерская гипотеза), и гипотеза спиритическая, рассматривавшая явления Иисуса ученикам наподобие материализованного явления духов в спиритическом сеансе, и родственная ей — магически-магнетическая, по которой Иисус телесно не воскресал, а вознесенной после смерти душой воздействовал на учеников той магической силой, которой Он еще на земле магнетизировал субъектов Своих «чудес» и их зрителей. Существовала и версия, подробно разработанная немецким протестантским богословом первой половины прошлого века Готтлибом Паулюсом: по ней, Иисус на кресте не умер окончательной смертью (с ним случилось нечто вроде, выражаясь современными понятиями, клинической смерти), в гробнице же Он пришел в себя, чему способствовали мощные внутренние резервы Его жизненных сил, а также обильное освежающее умащение и благоприятно теплая температура грота. Он же Сам, прежде чем выйти наружу, снял с Себя и погребальные пелены. В духе этой же гипотезы делались предположения, что вывести Его из коматозного состояния и залечить раны могли помочь врачи, тайно призванные сюда то ли женой Пилата, то ли Иосифом Аримафейским и Никодимом, а может быть, и членами секты ессеев, среди которых Иисус якобы потом и скрывался какое-то время. Другой немецкий философ и протестантский теолог, современник Паулюса, Фридрих Шлейермахер додумал ряд новых деталей этой версии: принимая мнение Паулюса, что Иисус являлся ученикам в Своем обычном теле, а не в каком-то особом, духовно-прославленном, Шлейермахер подчеркивал, что галилейский Учитель сознательно поддерживал заблуждения учеников на свой счет, создавая вокруг Себя атмосферу таинственности, неожиданно являясь и так же внезапно исчезая, не открывая им Своего убежища...

И наконец, знаменитая теория Давида Штрауса рисовала воскресение Христа (и многие другие евангельские события) как миф, в данном случае синтезировавший воскресительные мифы других древних религий, представляя явления Воскресшего лишь «внут-

ренними событиями или галлюцинациями» неуравновешенно-восторженных женщин и полуграмотных, суеверных, эмоционально-потрясенных галилейских рыбаков. И конечно, широкое признание получило мнение, что не столь важен сам факт воскресения (которого буквально не могло быть), сколько вера в него, стяжавшая уникальное культурное значение в человеческой истории...

Евангельские и исторические свидетельства¹, христианская апологетика, богословская мысль убедительно разбивают языческий скепсис и насмешку, плоско-рационалистическое фантазирование, касающееся воскресения Христа. Истины веры лежат совсем в другой, высшей, сверхлогической плоскости, питаюсь восчувствием эволюционно-восходящего движения мира. В письме от 28 июля — 2 августа 1894 г. к Л. Н. Толстому, как известно, отрицавшему все чудесное и сверхъестественное в евангельской истории и самое воскресение Христа, В. С. Соловьев повторил уже давно найденную, но не теряющую своей силы мысль: «Дело в том, что без факта воскресения необычайный энтузиазм апостольской общины не имел бы достаточного основания, и вообще вся первоначальная история христианства представляла бы ряд невозможностей»². Но главное в его аргументации другое: отметив закономерность возрастания «духовной силы по отношению к материальному существованию», которая действует в развитии мира (то, что американский биолог Д. Дана, а за ним В. И. Вернадский называли цефализацией, «головизацией», неуклонным ростом головного мозга, совершенствованием нервной системы в процессе эволюции живых форм), В. С. Соловьев видит в факте воскресения Христа качественный скачок в эволюции, когда совершенство и высота духовного и нравственного начала в Богочеловеке, в его облагодатствованной человечности достигли такой степени, что сумели целиком овладеть низшей материальностью, в том числе силами распада и смерти. И тогда воскресение «первенца из мертвых» предстает в определенном смысле чудом такого же порядка, «как появление первой органической клеточки среди неорганического мира, или появление животного среди первобытной

¹ Академик А. И. Белецкий насчитывает более двухсот тридцати надежных исторических свидетельств о воскресении Иисуса Христа. См. подробнее: А. И. Белецкий. Воскресение Христово. Некоторые замечания по поводу атеистической литературы последних лет // Прот. Стефан (Ляшевский). Библия и наука. М. 1996. С. 266–288).

² Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. III. СПб. 1911. С. 41.

растительности, или первого человека среди орангутангов»¹. Как писал позднее тот же В. С. Соловьев в небольшой статье «Христос воскрес!», развивая соображения этого, так и неотправленного, письма к Л. Н. Толстому: «Но то, что представляется как чудо, понимается нами как совершенно естественное, необходимое и разумное событие. Истина Христова Воскресения есть истина всецелая, полная — не только истина веры, но также и истина разума»². Таким образом, на взгляд русского философа, воскресение Иисуса осуществляется Его собственной внутренней духовной силой и являет «первую клеточку» будущего преображенного человечества, обожженной человеческой природы, достигающей власти над материей, бессмертия, воскрешения, творческого претворения мира.

Обращаясь же к текстам Нового Завета, мы неоднократно встретимся с кратким, но четким утверждением, идущим от апостолов: «Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его» (Деян. 2:24), «Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесивши на древе» (Деян. 5:30), «Ибо, если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом, и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься» (Рим. 10:9)... В апостольском представлении воскресение Иисуса есть акт Божественной воли, в котором Сын участвует Своим послушанием Отцу, а Дух Святой оказывает животворящее действие, способствующее воссоединению разлученных в смерти Его души и тела. В то время как в пророчествах о Своей участи Самого Иисуса, представленных в десятке мест у евангелистов, типа: «И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мк. 8:31), в одном нерасторжимом ряду стоят Его *отвержение*, *убиение* (часто уточняется, что вначале будет «поругание и биение», а потом и «распятие» — Мф. 20:19) и *воскресение*, притом что Спаситель ни разу не уточняет, Кто Его воскресит — Отец или Он Сам Себя. Безусловно лишь, что воскресение Он рассматривает как вершину и завершение Своего земного служения, то, в чем заключен самый смысл Его явления людям.

Принимая во внимание апостольскую веру в то, что воскрешает Иисуса Бог Отец при участии животворящего Духа Святого, необ-

¹ Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. III. СПб. 1911. С. 38, 40.

² В. С. Соловьев. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 10. СПб. 1914. С. 337.

ходимо уяснить, имел ли Сам Богочеловек, в единстве двух Своих природ, Божественной и человеческой, отношение к Собственному восстанию из мертвых. В патристическом богословии этот вопрос фактически не ставился, в нем утвердился взгляд, что Иисус Христос умер как человек и значит Его душа отделилась от тела, но Божество Его «осталось неотделенным от той и другого», сохранив в обоих «единую Ипостась Слова»¹, и Своею Божественною силой Он и воскрес (что, кстати, приходило в неразрешенное противоречие с апостольским мнением о воскрешении Его Отцом).

Остановимся сначала на моментах, единодушно признаваемых в христианском богословии: хотя и смерть, и смертные муки, и страдание от измывательств не касались Божественной природы Христа, находящейся *над* и *вне* времени и временных событий, смерть Богочеловека была действительной, а не призрачной: душа Его рассталась с телом, а это и есть главный признак смерти. При этом душа Его, сохраняющая связь с духом, «обожествленная душа», как выражается св. Иоанн Дамаскин, продолжила Свою искупительную миссию, сойдя во ад, дабы соблюсти полноту искупления, включить в круг спасения и ушедших в смерть до Его явления миру. Фигурирующие в «Евангелии Никодима» и на иконах ветхозаветные праведники, выводимые из ада, должны являть собой представителей всего до-Христового человечества. Недаром тот же св. Иоанн Дамаскин говорит о воссиявшем свете для всех «находившихся под землей, пребывавших во тьме и сени смертной»², не выделяя конкретно библейских праотцев и пророков, — так что вряд ли возможно суживать охват искупленных Иисусом только ими, как то буквально мыслят католические теологи.

Тело же Иисуса, покоившееся во гробе, было мертво, но оно не превратилось в то, во что превращается всякий умерший человек: тронутый тлением, а затем и разлагающийся труп. Почему это было так? Еще в земном воплощении дух Богочеловека властвовал над Его телесностью, и это соотношение духа и тела в какой-то мере сохранилось и после смерти. Его умершее тело не утратило связи с покинувшим его духом, который был столь силен и совершенен, что сумел остановить силы распада, и телесность Иисуса явила в тридне-

¹ Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. С. 267.

² Там же. С. 269.

вие, предшествующее Его воскресению, образец того, что позднее обнаружится — пусть и не в такой форме — в святых мощах.

Надо учесть и то, что Иисус восприял целиком человеческое естество, кроме одного: греха, и плоть Его была безгреховна, не несла в самой себе начал ущерба, смерти и тления, а смерть, добровольно Им испытанная, могла осуществиться только как внешне насильственная, «а потому и не могла пройти так глубоко в смысле разрушения связей духа с телом, как у всякого человека»¹, — отмечал С. Н. Булгаков.

Именно этот русский богослов и философ синтезировал в своем взгляде на Христово воскресение и мнение апостолов, и патристическое представление, добавив к ним подход В. С. Соловьева, встав на точку зрения синергизма, взаимодействия и Бога Отца, и Бога Духа Святого, и Богочеловека в нераздельном и неслиянном единстве двух Его природ. Воскресение Христово, это «абсолютное чудо», «новый творческий акт Божий», ибо здесь, в отличие от известных случаев ветхозаветных и новозаветных воскрешений, смерть побеждается окончательно, возникает новое бессмертное качество духовной телесности, — есть таким образом результат совокупного действия всей Святой Троицы. «Бог воскрешает Христа и Христос воскресает властью Своей души над телом — воскрешение есть и воскресение»². Да, всемогущая воля Отца, свершаемая чрез Духа Святого, лежит в основе этого акта, ибо в кенотическом самоумалении Сын лишается Божественной силы в полной мере и только по воле Отца, послушно преклонив Себя ей, обретает эту силу. Но восстание Богочеловека из мертвых нельзя рассматривать только как действие над Ним двух других ипостасей Троицы, как если бы Он лишь *претерпевал* воскресительное над Собой действие. Можно ли тогда сказать, что Он по-настоящему победил смерть? Дело в том, что Воскресение стало одновременно свершением обеих Его природ, и не только Божественной, но и человеческой. Как мы помним, человеческое естество Иисуса развивалось и возрастало, обретая все большую благодатную власть духовной силы над материальными процессами падшего мира (что ярко выразилось в чудотворении), — на этом пути зафиксированы важнейшие точки, как бы скачки в высшее качество: это и Крещение, и Преображение, и наконец, как завершение этого восходящего ряда все большего обожения челове-

¹ Прот. Сергей Булгаков. О чудесах евангельских. С. 101.

² Там же. С. 109.

ческой природы Иисуса, как торжествующий финал истории Боговоплощения, Его нерасторжимого, «нераздельного и неслиянного» брака с человеческим естеством, — Воскресение из мертвых, когда «Его душа, одухотворенная Логосом, получила власть возвратить Свое тело»¹, тело, обретающее более тонкую, духовную материальность, стоящую выше физических законов.

Воскресение Богочеловека потому и получает такое центральное значение в христианской вере, что в нем воскресительную силу обрела и человеческая природа Иисуса, более того — факт сей проецируется на весь род людской, которому дается обетование восстания из мертвых и жизни вечной. Первый, кто, вслед за Самим Христом, так нераздельно связал воскресение Спасителя и будущее воскресение всех, был ап. Павел. «Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?» (1 Кор. 15:12). Так апостол утверждает событие воскресения Богочеловека как некое прообразование грядущего воскресения умерших. Но далее ап. Павел предлагает удивительный логический парадокс: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес» (1 Кор. 15:13). Этот поразительный ход от следствия к причине обнаруживает внутренне-необходимую связь двух воскресений — Христа и всех умерших — не как двух событий, а как двух идей. Как событие религиозной веры Христос мог воскреснуть просто для демонстрации Своей Божественной мощи, и это вовсе не означало бы, что и мертвые должны восстать. Но Христос воскресает именно как обещание, как предварение, если хотите, как проект всеобщего воскресения. Если же этот проект не реализуется (по формуле Павла, «если нет воскресения мертвых»), то и сам проект как бы недействителен («то и Христос не воскрес»). Из самых глубин апостольского сердца исторгается тогда: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15:14), т. е. если и самого *проекта* нет, не было явлено, то нет и веры христианской, а сами апостолы, ученики, первые и последующие проповедники и миссионеры, да и все христиане в таком случае «оказались бы и лжесвидетелями о Боге» (1 Кор. 15:15). И вновь повторяет апостол: «Ибо, если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15:16-19).

¹ Прот. Сергей Булгаков. О чудесах евангельских. С. 111.

Только в этой жизни надеяться на Христа — значит принимать Его только как духовного Учителя, нравственного мудреца, пришедшего на правильных началах устроить эту земную жизнь. А ведь так надеялись и надеются на Него многие (вспомним хотя бы Льва Толстого), теряя главное: прорыв в новую, бессмертную, обоженную природу. «Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых?» (1 Кор.15:29). Вот оно выражение истинно христианской души, для которой все тщетно, все бессмысленно, если поглощается последним врагом — смертью.

«ИДИТЕ, НАУЧИТЕ ВСЕ НАРОДЫ...»

конец апреля — начало мая 30 г.

Мф. 28:16-20. Мк. 16:15-18.

Ин. 21:1-23

Пасхальная неделя подошла к концу, ободренные, уверовавшие апостолы уже не знали страха; они покинули иерусалимское убежище и направились в родную Галилею — там им была обещана, еще через Марию Магдалину, встреча с восставшим Учителем. Семеро из них (пятеро называются по имени: Петр, Фома, Нафанаил, сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн) находились вместе, по преданию, в Капернауме — там, как мы помним, был дом тещи Петра. И вот однажды вечером Петр собрался идти на лов рыбы: надо было кормить себя, семью, спутников своих. С ним тут же решили отправиться и другие. В окрестностях городка все семеро сели в лодку и отплыли вглубь Галилейского озера. Но сколько они ни бросали сеть, каждый раз она оказывалась пустой. На рассвете измученные и разочарованные рыбаки возвращались к берегу. Не доплыв метров ста до суши, они заметили на берегу фигуру мужчины и услышали обращенный к ним вопрос: «Дети! есть ли у вас какая пища?» (Ин. 21:5). Это их несколько не удивило, путники нередко покупали рыбу прямо с лодок. Но на этот раз предложить незнакомцу было нечего. Евангелист сообщает нам, Кто это «стоял на берегу», замечая однако: «Но ученики не узнали, что это Иисус» (Ин. 21:4), — еще одно свидетельство изменения внешнего образа воскресенного Спасителя. «Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки и поймаете. Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы» (Ин. 21:6).

В ту же минуту встала в памяти братьев Зеведеевых и Петра та давняя уже сцена такого же чудесного, по приказанию Иисуса, улова рыбы, после которого они бросили свои сети, чтобы, по Его слову, идти «ловить человеков» (Лк. 5:10). Похоже, что в столь же наглядной *притче* этот зов прозвучал вновь. Первым все понял Иоанн: «Это Господь», — сказал он Петру. Реакция Петра была, как всегда, немедленной и порывистой: одним движением он перепоясал себя одеждой (рыбаки занимались своим промыслом в обнаженном виде, тем более ночью, когда их никто не видел) и бросился в воды озера, чтобы поскорее доплыть до берега. «Здесь мы опять, — отмечает блаж. Феофилакт, — находим указание особенностей в учениках: Иоанн был пронизательнее, а Петр пламеннее. Поэтому Иоанн первый узнал Господа, а Петр первый поспешил к Нему»¹. Тут же подплыла и лодка с другими учениками, и они увидели рядом с Иисусом «разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб» (Ин. 21:9). Эта чудесная картина (откуда так быстро появился костер и на нем печеная рыба, когда Он только что просил у них самих пищи?) не могла не напомнить им, как год назад из благословенных рук Учителя тек поток рыбы и хлеба для насыщения тысяч людей... Правда, на этот раз чудо было еще радикальнее: тогда было что-то вроде «размножения» уже «готового вещества» (свт. Иоанн Златоуст), а теперь, как полагает тот же святой толкователь, Христос создал эту пищу буквально *из ничего*. Прежде чем пригласить всех к трапезе, Иисус попросил принести пойманную рыбу, что и сделал Петр, вытащив «на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть» (Ин. 21:11). Это множество рыб можно толковать и как изобилие даруемых ученикам даров Божиих («ибо не мерою дает Бог Духа» — Ин. 3:34); впрочем, число тут было измерено и даже дало повод в этой аллегории будущего «улова» увидеть такую разметку: «сто» означает язычников, «пятьдесят» — сынов Израилевых, а «три» — веру в Пресвятую Троицу, главное условие успеха проповеди. «Ибо и сто и пятьдесят, то есть язычники и иудеи, пойманы не без трех, так как без веры в Троицу никто не называется уловленным»². Так же как под

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Иоанна. С. 555.

² Там же. С. 557.

последовавшим приглашением Иисуса ученикам: «Придите, пообедайте» — блаж. Феофилакт видит материальный прообраз будущей награды за труды апостольские. Да и хлеб и рыбу здесь, на берегу Галилейского озера (пока еще не в Царствии Небесном), семеро получают для вкушения прямо из рук Иисуса. За этой явно символической трапезой, хотя и в реальном, столь привычном и отрадном декоре: восходящее ласковое солнце, пение птиц, тихий шелест волн, ароматы костра, испеченной рыбы, свежего хлеба, — воцарилась удивительная, безмолвная, потрясенная и благоговейная атмосфера; ученики не смели и глаз поднять на неузнаваемо преображенного Учителя и спросить Его: «Кто Ты?», в полной внутренней уверенности, «что это Господь» (Ин. 21:12).

Трапеза еще продолжалась, когда Иисус прервал молчание и, повернувшись к Петру, вдруг спросил его: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?» (Ин. 21:15). В своем ответе: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Ин. 21:15) — апостол обращается к всевидению и всеведению Самого Иисуса — после бывшего позорного отречения, при том что Петру казалось, что такого не может быть никогда, он уже словно боится слишком полагаться на собственное чувство. «Паси агнцев Моих», — ответил ему Иисус. И во второй раз спрашивает, любит ли Его Симон, сын Ионин, и получив такой же, как в первый раз, ответ, вновь повторяет: «Паси овец Моих» (Ин. 21:16). Когда же в третий раз Иисус задал тот же вопрос, «Петр опечалился», увидев в этом недоверие к себе и почти с отчаянием воскликнул: «Господи! Ты всё знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Ин. 21:17). И тогда завершающе прозвучало все то же повеление: «Паси овец Моих»! Так троекратным испытательным вопросом Иисус стирает троекратное отречение апостола. Трижды отрекся — трижды исповедует свою любовь и получает прощение, восстановление своей миссии верховного пастыря, «главы в лице апостольском» (свт. Иоанн Златоуст).

Но быть «избранным из апостолов», «основанием веры» (свт. Иоанн Златоуст) влечет за собой и избранную судьбу мученика за эту веру. И пророчество об этом избранном венце Своего первоверховного апостола Иисус выражает таким притчевым образом: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состареешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь» (Ин. 21:18), который тут же и разъ-

ясняется евангелистом: «Сказал же это, давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога» (Ин. 21:19) — смертью на кресте, где прострет он руки на две перекладины и поведут его в мученическую кончину. Правда, Петр такой смерти вроде бы страстно желал, но все равно Иисус в словах Своих *правее* его желания — не может живой человек глубинами своего естества не противиться смертному развоплощению своей единой личности. «И сказав это, говорит ему: иди за Мною» (Ин. 21:19), иди Моим посланником в мир. «Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечерах, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что?» (Ин. 21:20-21). Евангелист, рассказывая здесь о Петре и самом себе, создает довольно тонкий психологический момент. Не зря же он аттестует себя именно *так*, в связи с вопросом, который он предложил Иисусу как раз по наущению Петра; тот не осмеливался тогда спрашивать — буквально степень их приближения к Учителю в то время была разной: Иоанн «возлежал у груди Иисуса». А теперь, когда Петр получил такие залогов, дары и венцы, он как бы меняется ролью с Иоанном и дерзает поставить вопрос, который должен был волновать и его, конечно (он любил Иоанна и надеялся идти с ним в будущем служении рядом), но прежде всего самого Иоанна — а он на этот раз молчал. «Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ТЫ ИДИ ЗА МНОЮ» (Ин. 21:22). «Христос этими словами, — полагает свт. Иоанн Златоуст, — снова обуздывает его горячность и научает не быть сверх меры любопытным»¹; судьба ваша будет разной, у каждого — свое задание, а тебе надо идти вперед на свое великое Дело, не оглядываясь, — только и хочет сказать Иисус. Правда, подтверждает сам Иоанн, загадочное слово Иисуса «пронеслось... между братьями», и те поняли его так, что любимый ученик не умрет до Второго Пришествия Христа. Евангелист не разъясняет, что бы могло значить это речение Учителя, он лишь повторяет его — думайте, разгадывайте! Немало толковников этим и занималось, пытаюсь согласовать обнаружившуюся реальность жизни четвертого евангелиста и это пророчество Спасителя. Может быть, то имел в виду Он, что явится к любимому ученику в его глубокой старости, чтобы вдохновить на написание Евангелия, как о том гласит предание? А может — оставит его жить долго на земле, единственного

¹ Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 2. С. 601.

из апостолов избавит от мученической смерти, даст пережить разрушение Иерусалима и гибель Храма, что многими и рассматривалось как прообраз, *речетница* грозного явления Судии в мир, воистину пред-апокалипсис, по крайней мере для иудеев.

Последнее явление Воскресшего Иисуса всем одиннадцати апостолам — то, что, по всей вероятности, и было возведено Марии Магдалине еще ранним утром дня Восстания, — состоялось на горе в Галилее. Возможно, это была та самая гора близ Капернаума, где раздались великие глаголы Нагорной проповеди. «И увидевши Его, поклонились Ему, а иные усумнились» (Мф. 28:17). Вот это «усумнились» — знак особой достоверности евангельского рассказа, как и свидетельство того, что на горе были не только одни апостолы. Ведь вернувшись в Галилею, ученики своими рассказами о распятии Учителя и Его повоскресных явлениях возбудили во многих и веру, и сомнение, и жгучее любопытство. Оттого и кажется правомерным отождествление этого эпизода с тем явлением, о котором есть упоминание у ап. Павла: «Потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили» (1 Кор. 15:6). Здесь в последний раз торжественно прозвучали слова Христа, удостоверившие обретение Им полного объема Божественной мощи: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18), здесь была дана последняя заповедь ученикам, заповедь научения всех народов содержанию Благой Вести Христовой, приобщения их к новой вере: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:18-20), и, наконец, обещание остаться с ними «во все дни до скончания века» (Мф. 28:20).

ВОЗНЕСЕНИЕ

четверг 18 мая 30 г.

Мк. 16:19-20. Лк. 24:50-53. Деян. 1:1-14

Так уже в Галилее образовалось ядро первой христианской общины, и когда верные Воскресшему двинулись дней за десять-двенадцать до Пятидесятницы в Иерусалим, где им было обещано Учителем особое осеменение Св. Духом, их было уже немало. (Сразу по Вознесении Иисуса собрание, выбиравшее двенадцатого

апостола на место Иуды-предателя, насчитывало около ста двадцати учеников Христа — Деян. 1:16.) На сороковой день после Воскресения, в четверг 18 мая апостолы вновь находились вместе, скорее всего, в том же доме, где прятались после казни Учителя, и вновь Он явился среди них. И вновь открыл Он, наставил и утвердил их ум в «уразумении Писаний», в том очевидном уже факте, что всё бывшее с Ним явилось исполнением предсказаний, данных «в законе Моисеевом и в пророках и псалмах» (Лк. 24:44): «Так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима; вы же свидетели сему; и Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше» (Лк. 24:46-49). И после этих слов «вывел их вон из города до Вифании» (Лк. 24:50), к горе Елеонской, с которой у учеников было связано столько святых и величественных впечатлений: на этой возвышенности, откуда открывался захватывающий вид на Иерусалим, Иордан, Мертвое море, в тени оливковых деревьев они не раз молились и отдыхали с Учителем, слушая Его притчи и поучения, здесь же прозвучали впечатляющие пророчества Его «малого апокалипсиса»... Более чем километровое шествие на Елеон («расстояние субботнего пути», т. е. не более двух тысяч шагов, которые разрешалось сделать в субботу), торжественное собрание учеников, Иисусово возвещение о скором крещении их Духом Святым (Деян. 1:5) — все это особенно воздействовало на присутствующих, пробудив на миг те надежды, что столетиями горели в сердце их народа: «Не в это ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?» (Деян. 1:6). Но ответ Иисуса тут же отбросил эти ветхие упования и подтвердил новый христианский сценарий разворачивания будущего, который Иисус так настойчиво внушал напоследок Своим ученикам: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:7-8). После этих, воистину уже самых последних, Своих слов на земле Иисус благословил апостолов, Своих свидетелей и заместников в мире сем, и «стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Лк. 24:51). Тот же св. Лука в «Деяниях апостолов», приводя этот эпизод, добавляет еще несколько дополнительных деталей: об облаке, что «взяло Его из вида их», об явившихся ангелах в виде «двух мужей в

белой одежде» (Деян. 1:9,10), что сказали ученикам: «Что вы стоите и смотрите на небо? Этот Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деян. 1:11)¹. И тогда, поклонившись исчезающему в небе Иисусу как Богу, уже «с великой радостью» возвратились все в Иерусалим и «пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога» (Лк. 24:52,53). Так завершает свое Евангелие св. Лука, уточнив уже в Деяниях, что апостолы «единодушно пребывали в молитве и молении с некоторыми женами и Мариєю, Матерью Иисуса, и с братьями Его» (Деян. 1:14).

Вознесение Христа венчает таинственную сороковину дней, когда Он являл «Себя живым по страдании Своем со многими верными доказательствами» (Деян. 1:3), являл, как правило, внезапно и ненадолго. Откуда Он так беспрепятственно возникает и куда удаляется, где пребывает, в каком месте и каком общении? Это так и осталось тайной, к которой никто и не пытался прикоснуться. Создается впечатление, что находится Он уже в каком-то особом, если не в *неземном*, то уже в *надземном* измерении, и очевидно, в ином качестве — тонкой, духовной телесности, отличной от ее состояния до креста. Иисус существует в это время как бы между двух миров, еще на земле и уже не на земле, когда, по Его собственным словам, Он «еще не восшел к Отцу», но восходит. Во всяком случае, учеников, а за ними мир людей, и Воскресшего Богочеловека разделяет новая грань, рождающая — при всей пасхальной радости — несколько щемяще-грустное чувство, какое бывает при расставании: куда ушло то уникальное, бесценное время, когда Учитель был постоянно рядом с сынами человеческими, спал, ел и путешествовал вместе с ними, учил их и исцелял?.. И вот наконец Он и вовсе покидает землю, возвращается в лоно Божественной Троической жизни, а Его последователи и люди вообще остаются *здесь*, долу, в этой несовершенной природе, в этих земных обстоятельствах... Правда, уже блещит нам луч спасения и надежды, оставленный Им, правда, сохраняется и мистериально-материальное соединение с Божественной природой в Евхаристии, и внутренняя сердечная связь со Христом Его учеников и далее — всех христиан, и незримо-духовное Его присутст-

¹ В иконописном каноне Вознесения, очень стойком, не допускающем особых вариаций, Иисус, поддерживаемый ангелами, возносится то ли в круге, то ли в колесе (тут и образ Славы, и частичная реминисценция вознесения пророка Илии в колеснице), а в центре группы апостолов находится Богородица с двумя явившимися ангелами по сторонам.

вие в мире («Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28:20) — этими словами Спасителя завершает свое Евангелие св. Матфей), раскрытое Им в удивительном завете видеть в ближнем, которого мы оттолкнули или кому помогли, как бы Самого Христа (Его оттолкнули, Ему помогли...). Замечательно передает это смешанное чувство и грусти от расставания с Богочеловеком, от завершения избранного периода Его непосредственно-физического пребывания с людьми, и вместе — неизреченной радостной надежды соборное церковное сердце: «Господи, апостоли яко видеша Тя на облацех возносима, рыданием слез, Жизнодавче Христе, скорби исполняеми, рыдающе глаголаху: Владыко, не остави нас сирых, ихже за милосердие возлюбил еси рабы Твоя, яко Благоутробен, но посли, якоже обещал еси нам, Пресвятаго Твоего Духа, просвещающа души наша» (из стихир на службе Вознесения).

Церковная служба на праздник Вознесения (автором ее был св. Иоанн Дамаскин) выразила и основную богословскую идею этого мистериального События: «Недр Отческих не разлучся, Сладчайший Иисусе, и с земными яко человек пожив, днесь от горы Елеонския вознеслся еси во славе, и падшее естество наше милостивно вознес, Отцу спосади еси». Стихиры на этот праздник передают великое удивление сонма бесплотных сил, всех небесных иерархий («Ангелы дивятся, Человека зряще превыше себе... Господи, Твоему вознесению удивишася херувими...»): что за «восхождение странное», «что видение сие»? — «Человек убо зраком видимый, якоже Бог превыше небес с плотию восходит», образ воплощенного Человека поднимается горé, восседает одесную Отца.

Вознесение Христа на небо (причем небо, конечно, не в астрономическо-физическом, а в метафизическом смысле восхождения в Божественное бытие) совершается, как и Его воскресение, и волею Отца («вознесен был»), и силою Самого Богочеловека, являясь событием их согласования, сотрудничества, взаимодействия (синергизма). Более того, через Христа человеческая природа в ее духовно-душевно-телесном триединстве оказалась приобщенной к Божественному бытию, высшее человеческое естество, одухотворенно-обоженное во Христе-Богочеловеке, возводится в Самое Троицу¹.

¹ Как уточняет тонкий богослов С. Н. Булгаков: В Вознесении «не плоть Христова как принадлежащая этому миру вводится в недра Святой Троицы, но вся энергия воплощения, Его духовный образ, тело поистине духовное» (Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. С. 425).

«Спаситель возшел на самое небо предтечею всех, дабы с святою плотию Своею явиться лицу Божию и посадить ее со Отцем (Евр. 9:24): и ныне естество наше во Христе принимает поклонение от всякой ангельской силы»¹, — выражает общее святоотеческое мнение блаж. Феофилакт. А вот что пишет современный пастырь Церкви: «Мы забываем, что вознесшийся Христос вознесся с изъязвленной, раненной нашим грехом плотью Своей, и что каким-то непостижимым образом, не только воскресший, но и вознесшийся Христос, вступивший в славу Божию, сидящий одесную Бога и Отца, несет на Своей человеческой плоти раны, которые Ему нанесены человеческим грехом; Он все еще несет на Своих плечах человеческую немощь, и Воскресение Христово и страшная Страстная седмица сейчас как бы включены в тайну Троицы Святой, Непостижимой, Великой»². И тогда может быть поставлен вопрос: не изменяется ли Сама Троица после вочеловечения Бога Сына, Его Воскресения и Вознесения «на небо» в нераздельном и неслиянном единстве двух Своих природ, Божественной и человеческой? И да, и нет, отвечает прот. Сергей Булгаков: «Что во времени является новым, то существует извечно в неизменности своей. Поэтому и Вознесение и одесную Отца Сидение не вносят никакого изменения в Бога, Вечность, и вместе с тем являются свершениями, достигаемыми в богочеловеческом процессе отношения Бога к миру»³.

Таким образом, в Вознесении преодолевается пропасть между Божественным и тварным бытием, жертвенная Божественная любовь нисходит к человеческому естеству, приобщает его к себе, в Себе обоживает, доводит до такого градуса духовной активности, которая преодолевает природно-материальные ограничения, и вводит это естество в Самое Троицу. И как Воскресение Христово распахнуто на род людской, прообразуя всеобщее восстание из мертвых, так и Вознесение — предсовершение преображенного вознесения человечества. Победа Богочеловека над смертью требует еще своего усвоения сынами и дочерьми человеческими, ус-

¹ Блаж. Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Луки. С. 261.

² Антоний, митр. Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Проповеди. С. 131.

³ Прот. Сергей Булгаков. Агнец Божий. О богочеловечестве. С. 429.

воения уже в богочеловеческом Деле преодоления законов падшего природного мира и обретения бессмертного, обоженного строя бытия — Царствия Небесного.

Как Ветхий Завет прообразует Новый Завет, так и Новый Завет проецируется в историческое и сверхисторическое свершение человечества в синергическом единстве с Богом. Определение ап. Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1) — говорит о вере как об *осуществлении* высших чаяний Благой Вести и *уверенности* в плодах этого осуществления, еще невидимых. Вера и должна стать обетом, клятвенным обещанием способствовать осуществлению «ожидаемого» и «невидимого». Когда апостол Иаков утверждает: «Вера без дел мертва» (Иак. 2:20) и «Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя» (Иак. 1:22), то и *дело*, и *исполнение* должны быть поняты как реализация основных онтологических обетований христианской веры: воскрешения умерших, преображения их природы, входа в бессмертный, творческий эон бытия.

Апостол Павел, цитируя библейский псалом о величии человека, которому Бог «все покорил под ноги его» (Пс. 8:7), продолжает: «Когда же покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему. Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено» (Евр. 2:8). Важнейшее направление христианской деятельности в мире по реальному покорению материальных стихий, «вещественных начал» мира, освобождению от «рабства тлению» по-настоящему еще не начиналось. Наследники Царствия Небесного во многом не вышли из *несовершеннолетия* в вере, не дерзают пойти навстречу Христову искуплению рода людского от первородного греха с его следствиями пожирания, вытеснения и смерти, завершив это искупление собственным усилием, по формуле Спасителя: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Задача сынов и дочерей человеческих — прийти к совершеннолетию, «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова», «в единство веры и познания Сына Божия» (Еф. 4:13), всем во всей глубине *понять* и *признать* Высший идеал обожения мира, Христов путь к нему.

Список иллюстраций

- Суперобложка Иисус разъясняет ученикам смысл «омовения ног». Фреска. 1312 г. Афон. Ватопедский монастырь.
- Форзацы *Мануил Панселин*. Крещение Господне. Фреска. Около 1290 г. Афон.
Воскресение Христово (Сошествие во ад). Фреска. 1315—1320 гг. Стамбул. Кахрие-Джами.
- Фронтиспис Четыре евангелиста. Миниатюра Евангелия XIV в. Государственный Исторический музей.
- С. 10 *Андрей Рублев*. Спас в силах. Икона. 1410—1415 гг. Государственная Третьяковская галерея.
- С. 28 *Школа Рублева*. Рождество Христово. Икона. Начало XV в. Государственная Третьяковская галерея.
- С. 54 *Мануил Панселин*. Крещение Господне. Фреска (фрагмент). Около 1290 г. Афон.
- С. 96 Христос и самарянка. Фреска. Конец XII в. о. Патмос. Монастырь св. Иоанна Богослова.
- С. 148 *Мануил Панселин*. Спас на престоле. Фреска. Около 1290 г. Афон.
- С. 188 Утишение бури. Фреска. 1531—1532 гг. Метеора (Фессалия).
- С. 250 *Школа Феофана Грека*. Преображение. Икона. Около 1403 г. Государственная Третьяковская галерея.
- С. 278 Воскрешение Лазаря. Фреска. 1105—1106 гг. о. Кипр.
- С. 340 Причащение апостолов (Раздаяние вина). Фреска. 1310—1320 гг. Фессалоники. Церковь свт. Николая Чудотворца.
- С. 402 Распятие. Икона. Конец XIV в. Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева.
- С. 438 *Школа Рублева*. Вознесение. Икона. Начало XV в. Государственная Третьяковская галерея.

Содержание

Предисловие	5
ПРОЛОГ	9

«ИБО НЫНЕ РОДИЛСЯ СПАСИТЕЛЬ...»

Вверх по лестнице рождений. Благовестие Захарии	29
«Радуйся, Благодатная!»	32
Иосиф и Мария	38
Рождество	41
До выхода на служение	46

ХРИСТОС ЯВЛЯЕТСЯ НАРОДУ

Глас в пустыне Иудейской	55
Крещение Иисуса	63
Искушения Христа	70
Призвание первых учеников	76
Брак в Кане Галилейской	80
Первая Пасха в Иерусалиме	85
Беседа с Никодимом	90

НАЧАЛО ГАЛИЛЕЙСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Последнее свидетельство Иоанна Крестителя об Иисусе Христе	97
Разговор с самарянкой	101
Первые исцеления	110
Отвержение в Назарете	123
Призвание Матфея и трапеза у него	127
Вторая Пасха в Иерусалиме	133
Христос и суббота	138
Призвание апостолов	143

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Блаженства	149
«А Я говорю вам...»	161
Молитва Господня	172
Небесные сокровища	178
Дом на каменном основании	182

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГАЛИЛЕЙСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Иисус и римский сотник	189
Воскрешение в Наине	191
Посольство к Иисусу от Иоанна Крестителя	193
Кающаяся грешница	197
Глаголы разрыва и проклятия	201

Притчи о Царствии Небесном	206
Шесть чудес Иисуса	218
Отправление апостолов на проповедь	227
Честная кончина Иоанна Предтечи	232
Насыщение 5000 человек и хождение по морю	238
Хлеб жизни	243

«СВЕТОМ ТВОИМ ВСЮ ВСЕЛЕННУЮ ОСВЕТИВ...»

Христос идет к язычникам	251
Исповедание Петра	258
Преображение	262
Последние дела галилейского служения	270

ПО ПУТИ НА ГОЛГОФУ (Служение в Иудее и Заиорданьи)

Христос на празднике Кущей в Иерусалиме	279
Удаление из Иерусалима	292
Иисус на празднике Обновления Храма	299
Новые исцеления и новые притчи	310
Воскрешение Лазаря	318
Окончание служения в Заиорданьи	323

ОТ ВИФАНСКОЙ ОТКРЫТОЙ ВЕЧЕРИ ДО ИЕРУСАЛИМСКОЙ ТАЙНОЙ

Вечеря в Вифании	341
День Царского торжества	344
Великий Понедельник	354
Великий Вторник	359
Заговор иудеев. Иуда	373
Тайная Вечеря	380
Прощальная беседа с учениками. Первосвященническая молитва	392

ГЕФСИМАНИЯ И ГОЛГОФА: КРЕСТ ВНУТРЕННИЙ И КРЕСТ ВНЕШНИЙ

Гефсимания	403
Приговор синедриона	410
Суд Пилата	418
Голгофа	428

«СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ...»

Погребение	439
Явления Воскресшего Господа	443
Первенец из умерших	460
«Идите, научите все народы...»	467
Вознесение	471
Список иллюстраций	477

Научное издание

Семенова Светлана Григорьевна

**ГЛАГОЛЫ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ:
ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ И МЕТАФИЗИКА
В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЯ**

Редактор *А.Г. Гачева*

Художники *Е.В. Бондарчук, А.В. Севрюгин*

Корректор *А.Н. Гагулина*

Компьютерная верстка *Ю.К. Куц-Жарко*

Литературно-издательское агентство

«Академический Проект»

Изд. лиц. № 065723 от 10.03.98.

111399, Москва, ул. Мартеновская, 3, стр. 4

По вопросам приобретения книги просим обращаться

в ЗАО «Академия—Центр»:

111399, Москва, ул. Мартеновская, 3, стр. 4

Тел.: (095) 176 9338; 176 9523; факс: 305 6092

E-mail: aproject@mtu-net.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.06.2000
Формат 70x100/16. Гарнитура «MyslC». Бумага мелованная
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Зак. 529.

Отпечатано в России

Ἡ ΑΝΑΤΑΞΙΣ

ΙϞ

ϞϚ

ΑΝΑΤΑΞΙΣ

ΑΝΑΤΑΞΙΣ

Светлана Григорьевна Семенова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы Российской академии наук, член Союза писателей России, автор семи книг и более трехсот статей по русской и зарубежной философии, религиоведению, литературе, культуре.

ISBN 5-8291-0005-3

9 785829 100056 >